

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

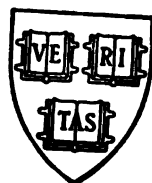
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

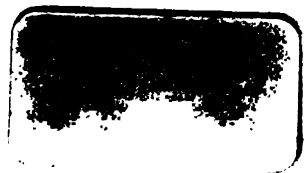
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3985.157

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

18

LSoc 3985.151

8095

86-20

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМПЛЕКТА

10 ИЮЛЬ 89

71 ШКАФЪ 76

ТОМЪ Сорокъ шестой 1888

изданный под редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

86-20

ОДЕССА

Типографія «Одесскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Бубы

1888

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

1986 mo

Въ ред. «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются слѣдующіе томы этого изданія:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интесрированія диеоер. уравненій движенія свободной точки. *Ланцисъ В. И.* О вулканическихъ явленіяхъ близъ остр. Санторинна. *Брунсъ Ф. К.* Путешествіе Ив. Шильдбергерга по Европѣ, Азіи . . . . *Леонтовичъ Ф. И.* Древнее хорватско-долматское законодательство. *Юреничъ В. Н.* De Jovis Lycæi natura . . . . *Бернштейнъ.* Отчетъ о командировкѣ. *Абашевъ Д. Н.* О тепловыхъ явленіяхъ при соедин. жидкостей.

Т. II. *Смирновъ М. П.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. *Беркевичъ Л. Ф.* Исслѣдованіе движ. пл. Юноны. *Патлаевскій И. I.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762.

Т. III. *Орбикскій Р. В.* Англійскіе деятели XVII—XVIII ст. *Соталовъ Н. Н.* О молочной кислотѣ изъ θ -іодопроеіоновой кислоты. *Вольскій М. М.* Рабская обработка земли. *Струевъ Ф. А.* Путевыя замѣтки. — Правдованіе въ н. нов. ун.—тѣ тысящелѣтія со дня кончины св. Кирилла (14 севр. 1869).

Т. IV. *Некрасовъ И. С.* Зарожденіе національной лит.—ры въ сѣв. Руси. *Богдановскій А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н.* О механическомъ анализѣ почвы. *Шведовъ Ф. Н.* О законахъ превращенія электричества въ теплоту.

Т. X. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М. И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процессѣ. *Ярошевско С. П.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н. А.* Теорія простыхъ средъ. *Елюксъ.* Замѣтка о соч. г. Лигина «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣн. системы».

Т. XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая—18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 1872/73, акад. г. *Кочубинскій А. А.* Вратя — подобомъ и чешскіе католики въ началѣ XVII в. *Линия В. Н.* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

Т. XII. Проток. зас. сов.: 6 сент.—5 дек. 1873. Програма курса церковнаго законовѣдѣнія. *Кондаковъ Н. П.* Памятникъ гарпій изъ Ксаена въ Ликии. *Линия В. Н.* Объ ускорен. вышш. порядковъ.

Т. XIII. Проток. зас. сов.: 6 янв.—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А.* Записка о путешествіи въ славян. земли. *Лебедевъ Д. П.* Федонъ, переводъ съ примѣчаніями. *Павловъ А. С.* Канонич. рукописи моск. синод. библиот.

Т. XIV. Каталогъ дублетовъ библиот. н. нов. ун. *Будрацевъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. П.* Анализъ Федона. *Шиллесскій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Т. XV. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 1872/73, ак. г. *Линия В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзн. дорогъ. *Спиро П. А.* Къ вопросу объ инверсаціи дылат. движеній. *Линия В. Н.* Кинематика. I.

Т. XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ф. И.* Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣк. исторіи. *Цитовичъ П. П.* Отвѣтъ о соч. г. Дювернуа «Осп. форма корреляльнаго обязательства». *Силыновъ И. Ф.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шиллесскій М. М.* Польскій право какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *Павловъ А. С.* Замѣчанія на програму изданія церк. правилъ.

Т. XVII. Проток. зас. сов.: 25 янв.—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 1874/75, акад. г. *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ ассимиляціи. *Шельшима А.* Изъ исторіи развитія предостережъ напоротнижковъ. *Кн. Кашакулинъ гр. Сперанскій М.* Опытъ понятія военной контрабанды.

Т. XVIII. Проток. зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Валъевъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкот. процессы раст. жизни. *Спиро П. А.* О кожномышечныхъ редексахъ. *Коломовичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *Головинскій Н. А.* Мысли о прош. и будущемъ нашей планеты. *Шельшима А.* Вліяніе тепла на растенія. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро П. А.* Прибавленіе къ ст. «О кожныс. редексахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 севр. 1875.

Т. XIX. Протоц. зас. сов.: 19 янв. — 29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи бібліотеки. *Колонович А.* Способы . . . (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи мол. и пировиногр. кислотъ. *Кл. Кантакунисъ гр. Сп. М.* О кодификаціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмъхъ. *Карастелевъ К. И.* Приложение теоріи оуникціи.

Т. XX. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 18^{75/76} акад. г. *Вальцъ Я. Я.* Отзвъвъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассим.» *Малининъ М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григоросичъ В. И.*: 1. Отчетъ о пѣздѣхъ въ Петербургъ 1875.; 2. Объ участіи сербовъ въ нашихъ обществ. отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2 и 3., 1 февр. 1875—1 февр. 1876. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 сент. 1875—1 марта 1876. *Палаузовъ В. Н.* Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. *Вальцъ Я. Я.* О размноженіи раст. частями сѣмянъ. *Будрлецовъ А. Н.* Мохаметанская религія.

Т. XXI. Протоц. зас. сов.: 18 авг. — 7 окт. 1876. *Кондаковъ Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и иконографіи по миниатюрамъ греч. рукоп. 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index seminum ав. 1876.

Т. XXII. Протоц. зас. сов.: 21 окт. — 16 дек. 1876. Докладъ комисіи о спец. средствахъ. *Войтковскій В. М.* Разборъ соч. «Константинъ Бел.» *Малининъ М. И.* Судебное призваніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 июня 1876. *Лининъ В. Н.* О способѣ Кемпе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѡ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Т. XXIII. Протоц. зас. сов.: 20 янв. — 20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 18^{76/77} акад. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній. *Л. Брунъ Ф. К.* О разн. назван. Керчи ... *Клименко Е. Ф.* Отвѣтъ проф. Алексѣеву.

Т. XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологич. и мезологич. замѣтки. Чаши пѣзъ человѣка, череповъ. *Поспиковъ А. С.* Общинное землевладѣніе. *Перетатковичъ Е. И.* Вступ. лекція. *Петрицевъ В. М.* О моно- и диоксиалонов. кислот.

Т. XXV. Протоц. зас. сов.: 7 апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣчій. . . II. 1. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панкевичъ А.* Объѣктъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русск. гражд. права. I Общая часть. — Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ имп. нов. унив.» (18^{77/78}—18^{77/78}).

Т. XXVI. Протоц. зас. сов.: 6 окт.—8 дек. 1877. *Умова Н. А.* Курсъ математ. физики. I. Введеніе. Стъ 2-мя табл. *Цитовичъ П. П.* Новые приемы записки общиннаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общинное землевладѣніе». А. Посникова. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв. — *Ело-же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Сабининъ Е. Ѡ.* Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощью рядовъ. *Кочубинскій А. А.* Памяти товарищей. Двѣ рѣчи. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I. Общая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Т. XXVII. Краткій отчетъ о дѣятельности и. нов. ун. за 187⁷, акад. г. Протоц. зас. сов. 19 янв.—23 авг. 1878. Прил. къ нимъ: *Кочубинскій А. А.* Ролавані. Разборъ соч. на оакад. премію: «Очеркъ языка славянъ Балт. Пеморья, Вранд.» *Непрасовъ И. С.* Отзвъвъ о комед. «Свищи», увѣщ. преміей И. Ю. Вуцны. *Поломаревъ И.* Къ исторіи проивождныхъ группъ моч. кислотъ. *Трачевскій А. С.* Соврем. задача истор. науки. *Успенскій Ѡ. И.* Образованіе втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Проектъ геометріи.

Т. XXVIII. Протоц. зас. сов.: 7 сент. — 9 дек. 1878. *Преображенскій В. В.* О логарифм. потенціалѣ. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. изсл. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. I. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Древн. монг.-татм. или ойрат. уст. вывсѣ. (Цаджинъ-Вичкѣ). *Ярошенко С. П.* Проектъ геометріи (продолж.).

Т. XXIX. Протоц. зас. сов.: 18 янв. — 31 мая 1879. *Цомакионъ Ѡ. М.* Электропров. газ. *Колоновичъ А.* Законъ отр. свѣта разл. длины волны отъ повгиса. *Меликъ-Оланджановъ П.* Разгр. подс. мож. суд. отъ подс. суд. учр. общ. и мнр. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Къ истор. права рус. внор. Балм. право.

Т. XXX. Протоц. зас. сов.: 27 авг.—3 дек. 1879. *Брун Ф. К.* Черно-морья. Сборн. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. II. *Воеводскій Л. Ф.* О занят. по крвт. и мнел. гомер. эпоса. *Ярошенко С. П.* Проект. геом. (прод.).

Т. XXXI. Протоц. зас. сов.: 24 янв.—31 мая 1880. Отчетъ за 18⁷⁹/₈₀ г. *Трачевскій А. С.* Нам. вопр. во Франціи при Люд. XVI. *Колонович А.* Выч. орб. двойн. звѣз. у *Vind. Сабинилъ Е. Θ.* Доп. къ моей стат. въ 9 т. Мат. Сборн. *Бумилскій П.* Обь общ. черт. въ строеніи нерв. смст. *Мечниковъ И. И.* Отчетъ. *Кондаковъ Н. П.* Мозаики мечети Мову тѣс Хѳра; въ Констант. *Малининъ М. И.* По поводу ивѣн. пр. Дювернуа о ив. г. Палаузова. День памяти Пушкина Здѣсь: *Кочубинскій А. А.* Правда живни и правда творц. *Яголевъ В. А.* Огун. знач. повз. Пушкина. Отчеты о драм. на прем. И. Ю. Вучины. *Ярошенко С. П.* Проект. геом. (прод.). *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц.

Т. XXXII. Протоц. зас. сов.: 20 авг.—15 дек. 1880. *Delectus sem. in bot. Un. Saes. N. Ros. Eroшевскій Н. О.* Къ вопросу о позем. вред. *Успенскій Θ. И.* Соч. Мих. Акинина. *Палаузовъ В. Н.* Вступит. лекціи по уголов. судопр. *Сабинилъ Е. Θ.* О началѣ навн. дѣйств. *Успенскій Θ. И.* Фил. Карл. Бруаъ 1804—1880 гг. *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц. (прод.).

Т. XXXIII. Годов. отч., съ рѣчью *Е. Θ. Сабинина*: «М. В. Остроградскій». Протоц. зас. сов.: 22 янв.—30 мая 1881 Index sem. *Воеводскій Л. Ф.* Введеніе въ мнел. Одиссеи. *Кочубинскій А. А.* Итоги слав. и рус. филологіи. *Кондаковъ Н. П.* Путешествіе на Синай въ 1881 (съ картой).

Т. XXXIV. Годов. отч. за 18⁸⁰/₈₁ кв. г. *Малининъ М. И.* Къ вопросу обь основн. принц. гражд. права и гражд. улож. (рѣчь). Протоц. зас. сов. 14 мая—3 дек. 1881. *Перетятковичъ Е. И.* Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. Очерки изъ ист. колон. Нивозья (съ картой). *Чижовъ Н. Е.* Энцикл. и филос. права въ германск. и австр. унив. *Палаузовъ В. Н.* По поводу отзыв. прое. Шилевскаго и Дювернуа. *Леонтовичъ Θ. И.* Адагы кавк. горц.

Т. XXXV. Протоц. зас. сов.: 21 ян.—16 сент. 1882. *Клоссовскій А. В.* Новѣйшіе успѣхи метеорол. Ч. I. *Сабинилъ Е. Θ.* Дополн. къ ст. «О нач. нам. дѣйст.». *Азаревичъ Д. И.* Знач. римск. права. *Ковалевскій А. О.* Отчетъ о загранич. коммндир. *Клоссовскій А. В.* Еклиматич. особен. Одессы.

Т. XXXVI. Протоц. зас. сов.: 7 окт.—2 дек. 1882. *Вгилъ Р.* Constantinople, ses sanct. et ses reliques au commence. du XV siècle. *Сабинилъ Е. Θ.* Обь интегралъ, обрац. въ minimum. *Тылчелко И. Ю.* Исследов. ошибокъ дѣлений мерид. круга. *Маркевичъ А. И.* О лѣтописяхъ. Премія имени С. М. Соловьева. *Леонтовичъ Θ. И.* Адагы кавк. горц.

Т. XXXVII. Отчетъ о сост. и нов. у—та за 18⁸¹/₈₂ акад. г. Протоц. 20 ян.—5 мая 1883. *Брунъ М.* Византійцы въ Южной Итали въ IX—X в. *Колоновичъ А. К.* Фотометр. изсл. планетъ Марса, Юпитера и Сат. *Малининъ М. И.* Память засл. прое. А. В. Куняцина. *Леонтовичъ Θ. И.* Адагы кавк. горц.

Т. XXXVIII. *Успенскій Θ. И.* Матеріалы для исторіи землевлад. въ XIV в. *Азаревичъ Д. И.* Физич. лица, какъ прав. субъекты. *Ело-же.* Дареніе. *Ело-же.* Сервят. право. *Клоссовскій А. В.* Отчетъ о наблюденіяхъ. *Леонтовичъ Θ. И.* Адагы кавк. горцевъ. Вып. II.

Т. XXXIX. Протоц. зас. сов.: 5 мая—17 дек. 1883 г. *Овсяннико-Куклевскій Д. Н.* Опытъ изуч. вакхич. культ. индоевроп. древн. *Блюмфельдъ Г. Ф.* Къ вопросу о землевлад. въ древн. Россіи. *Азаревичъ Д. И.* Учебникъ исторіи Римскаго права (перев.).

Т. XL. Торж. актъ въ и. нов. ун. 30 ав. 1884 г. *Залевскій В. В.* О біогенет. зак. Авт. рѣчь. Протоц. зас. сов.: 19 янв.—22 мар. 1884 г. *Клоссовскій А. В.* Къ ученію обь элект. енерг. въ атмосф. *Грота Н. Я.* О научномъ знач. пессим. и оптим., какъ мировоззрѣній. *Блюмфельдъ Г. Ф.* Къ вопросу о землевлад. въ древн. Россіи (оконч.).

Т. XLI. Протоц. зас. сов. 19 апр.—20 авг. 1884 г. *Кочубинскій А. А.* Отзывъ о соч. «Сивайск. Треби.». *Перетятковичъ Е. И.* Отзывъ о ком. «Назвался груздемъ, полезай въ кузовъ». *Delectus sem. in bot. Un. Saes. N. Ros.*

Ивановскій И. А. Определ., основн. нач., зад. и знач. междунар. права. *Шанелловъ А. А.* Франц. сат. *Auguste Barbier.* *Азаревичъ Д. И.* Вещь, какъ предметъ права. *Палаузовъ В. Н.* Замяч. на проектъ особ. части рус. угол. улож. *Полонаревъ И. М.* Островія ціан. кисл. *Гротъ Н. Я.* Дж. Вруно и пантеизмъ.

Т. XIII. *Патлаевскій И. I.* Курсы финан. права (съ біогр. очеркомъ авт., пр. *В. Н. Палаузова*). *Кочубинскій А. А.* 6-е апрѣля 885—1885. Добрыи святель и добрая нива. (Рѣчь).

Т. XIII. *Палаузовъ В. Н.* Постан. вопр. прис. зас. по русск. праву. *Петричевъ В. М.* Матеріалы къ вопр. объ изм. силы химич. срод. *Успенскій Ѡ. И.* Наказъ царя *Ив. Вас. Грознаго* ив. Елецкому съ товар. *Де-Метусъ Г.* Очеркъ аномал. дисперст. свѣта въ ея факт. и теор., *Осслиннико-Куликовскій Д. Н.* Къ вопросу о «бытѣ» въ религ. представ. древн. Востока. *Шеддовъ Ѡ. Н.* и *Умовъ Н. А.* Отзывъ о сочин. на факульт. тему.

Т. XIV. Архіеп. *Никаноръ.* О полож. и долгѣ учит. вѣры. Отчетъ о сост. и нов. у—та за 188¹/₂ уч. г. *Кудрлацевъ А.* Нищенство, какъ предм. попеч. церкви, общ. и госуд. *Чижовъ Н. Е.* Матеріалы къ ист. сист. права. *Прейдельъ Р. А.* Обь электр. явл. въ кристал. *Маркевичъ А. И.* О русск. хѣтоп. *Тимченко И. Ю.* Опред. азия. Погр. церк. *Клоссовскій А. В.* Образ. грозъ на югѣ Россіи. *Гротъ Н. Я.* О душѣ въ связи съ совр. учен. о силѣ. Объявл. *Изданія Н. И. Зуева* «Карта Балкан. полуост.» и пр.

Т. XIV. *Лебединцевъ А. А.* Настоящее сост. и экспер. крит. вопр. о хим. суна. сахар. вещ. и углен. вообще. *Гозманъ Х. I.* Теор. зацѣпл., съ предисл. и истор. обз. разв. теор. зубчат. колесъ (2 таб. черт.). *Успенскій Ѡ. И.* Перегов. о мирѣ между Моск. и Польш. въ 1581—1582 гг. *Осслиннико-Куликовскій Д. Н.* Къ ист. культы Огня у инд. въ вл. Вадъ. *Колоновичъ А. Е.* Огъ, р. сочин. на факульт. дрем. *Некрасовъ И. С.* О знач. Пушкина въ истор. русс. дятѣр. *Киричниковъ А. И.* Пушкинъ, какъ европ. поэтъ. *Яковлевъ В. А.* Значен. наш. кр. въ жизни и дѣят. *А. С. Пушкина.* Объявленія.

5 1939

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

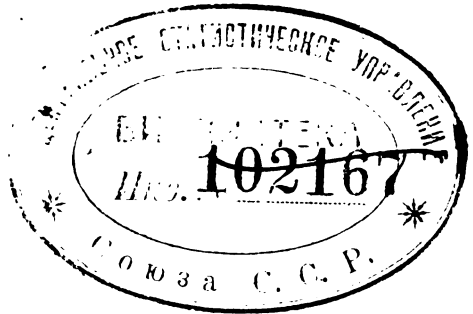
НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

26107

БИБЛИОТЕКА	ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТИСТИЧ.	КОМИТЕТА
МИНИСТР.	10 ЮЛЬ 89
ШКАФЪ.....	96. ЛОЖА 4.
Или. №	16952. №

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

ОДЕССА

Типографія «Одесскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Бубы

1888

△
LSUC 3985.151 (46)

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ С. П. Ярошенко.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Иловайскій С. И., пр.-доц. м. н. ун. — Опредѣленіе, содержаніе и значеніе науки финансоваго права, въ связи съ краткимъ очеркомъ финансоваго положенія главнѣйшихъ государствъ	1—16.
Шейнинъ П. Н., пр.-доц. м. н. ун. — Задача, содержаніе и исторія науки полицейскаго права.	17—34.
Некрасовъ И. С., о. пр. м. нов. ун. — О значеніи Лермонтова и Гоголя въ исторіи русской литературы	35—72.
Аванасьевъ Г. Е., пр.-доц. м. н. ун. — Судьбы Ирландіи	73—160.
Кочубинскій А. А., о. пр. м. нов. ун. — Начальные годы русскаго Славяновѣдѣнія: Шишковъ — Румянцовъ — Славянская кафедра	161—484.
Приложенія.	I—CXLV.
Указатель	CXLV—CLI.
Содержаніе	I—X.

Определеніе, содержаніе и значеніе науки финансоваго права, въ связи съ краткимъ очеркомъ финансоваго положенія главнѣйшихъ государствъ.

Приват-доцентъ С. И. Иловайскаго*)

Милостивые Государя!

Я высоко ставлю выпавшую на мою долю честь читать въ здѣшнемъ университетѣ финансовое право.

Прежде всего я считаю долгомъ высказать вкратцѣ мои основныя возрѣнія на мой предметъ и на то особое значеніе, какое онъ пріобрѣтаетъ въ послѣднее время.

Вся наша жизнь основана на матеріальной подкладкѣ. Безъ внѣшнихъ средствъ человекъ не можетъ удовлетворять своихъ потребностей. При этомъ объ удовлетвореніи иныхъ изъ нихъ человекъ въ состояніи заботиться самъ путемъ свободной дѣятельности въ разнообразныхъ соединеніяхъ съ другими людьми. Но остается обширный кругъ жизненныхъ задачъ, выполнение которыхъ не подъ силу частнымъ лицамъ, или же послѣдвія не въ состояніи сдѣлать это вполне удовлетворительно.

Тутъ открывается поле дѣйствія для государства и подчиненныхъ ему органовъ мѣстнаго самоуправленія, каковы земства, города и общины. Всѣ эти союзы для выполненія своихъ функцій должны добывать матеріальныя средства и давать имъ соответствующее примѣненіе, однимъ словомъ, вести хозяйство, и за этимъ хозяйствомъ упрочилось названіе финансоваго. И такъ, подъ финансовымъ хозяйствомъ разумѣется хозяйство государства и другихъ общественныхъ союзовъ. Основныя пра-

---

*) Вступительная лекція, читанная въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 27 января 1887 года.

вила его излагаются въ особой наукѣ — финансовой, которая является вполне самостоятельной отраслью общественныхъ знаній, рядомъ съ политической экономіей, которая изслѣдуетъ главные начала частнаго хозяйства.

Иные считаютъ объ названныя науки частями науки о народномъ хозяйствѣ. Наприм. Рошеръ, который издалъ свой курсъ финансовъ въ видѣ 4-го тома сочиненій о народномъ хозяйствѣ. Но въ цѣлѣ предметовъ нашего университетскаго преподаванія такой особой науки не полагается; подчинять-же финансовую науку политической экономіи, какъ это дѣлаетъ проф. Капустинъ, нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свою область для изслѣдованій.

Часто приходится слышать сомнѣнія въ необходимости и пользѣ финансовой науки, — говорятъ, что практика не нуждается въ таковой; на это можно возразить словами Руайе-Колларда, что отрицать теорію равносильно утверженію, что, когда говоришь — можно не думать о томъ, о чемъ говоришь, а когда что-либо дѣлаешь — можно не отдавать себѣ отчета въ дѣйствіяхъ.

Теорія и практика должны всегда идти рука объ руку: первая черпаетъ свои выводы изъ исторіи и провѣряетъ ихъ текущею жизнью, вторая должна прислушиваться къ указаніямъ первой, во избѣжаніе возможныхъ ошибокъ и чрезмѣрной рутинности.

И такъ, рядомъ съ изложеніемъ научныхъ началъ финансоваго хозяйства, слѣдуетъ приводить и финансовую исторію главнѣйшихъ государствъ и дѣйствующія въ нихъ законодательныя нормы.

Совокупность юридическихъ нормъ, по которымъ извѣстное государство ведетъ свое хозяйство, и составляетъ финансовое право его. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о финансовомъ правѣ Россіи, Франціи, Англіи и т. д.

Что-же касается общей системы финансоваго права, о какой мечтаетъ Умцебахъ, то таковая является идеаломъ, который врядъ-ли когда-либо будетъ достигнутъ.

Въ моемъ изложеніи я нацѣренъ знакомить слушателей, съ основными принципами финансовой науки, обращая преимущественное вниманіе на сравнительное изученіе финансоваго права

главнѣйшихъ государствъ, при чемъ, конечно, первое мѣсто будетъ отвѣдено русскому финансовому праву и его исторіи.

Но относительно содержанія финансовой науки, до сихъ поръ нѣтъ полнаго согласія — главнымъ образомъ, расходятся въ томъ, слѣдуетъ-ли въ ней разсматривать доходы и расходы и финансовую организацію, однимъ словомъ, все финансовое хозяйство, или-же достаточно ограничиться однимъ изслѣдованіемъ доходовъ.

Послѣдняго мнѣнія, начиная съ Зонненфельса, придерживаются очень многіе, а въ новѣйшее время его раздѣляютъ Леруа-Больѣ и Марцано, издавшій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ краткій курсъ финансовой науки, каковую онъ опредѣляетъ, какъ науку о государственныхъ средствахъ. Въ защиту такого ограниченія финансовой науки обыкновенно приводятъ, что о публичныхъ расходахъ много трактуется въ другихъ государственныхъ наукахъ. Однако, этотъ доводъ не имѣетъ существеннаго значенія. Оттого, что о финансовыхъ расходахъ упоминается въ другихъ наукахъ, нѣтъ причины лишать полноты ученіе о финансовомъ хозяйствѣ, для успѣшнаго хода котораго не только требуется правильное собираніе доходовъ, но и хорошая организація финансовыхъ учреждений и рациональное расходованіе собранныхъ средствъ.

Доходы государства могутъ быть обильны, а хозяйство его все-таки будетъ въ жалкомъ положеніи, если будутъ производиться излишнія траты или если будутъ неудовлетворительно устроены его финансовыя и контрольныя учрежденія. Въ виду этого, большинство финансовыхъ писателей вполне рационально отводятъ ученію объ общественныхъ расходахъ особый отдѣлъ.

Финансовая наука должна заниматься разсмотрѣніемъ государственныхъ потребностей и вытекающихъ изъ нихъ расходовъ и способовъ полученія нужныхъ для ихъ покрытія средствъ.

Хотя безъ хозяйства мы не можемъ представить себѣ никакого общенія людей, и финансы, въ смыслѣ публичныхъ доходовъ, также стары, какъ и государство, но финансовая наука, въ своемъ теперешнемъ видѣ, явилась сравнительно недавно. Она развилась изъ процвѣтавшихъ въ Германіи въ 18-мъ вѣкѣ такъ-называемыхъ камеральныхъ наукъ, являвшихся собраніями прикладныхъ знаній для извлеченія доходовъ изъ госу-

дарственныхъ имуществъ, которыхъ было очень много въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Единовременно съ этимъ, во Франціи стали появляться изслѣдованія о налогахъ. Такъ, въ 1707 г. вышло сочиненіе Вобана «Проектъ королевской десятины», а въ половинѣ прошлаго вѣка писатели школы физиократовъ стали проповѣдовать единый поземельный налогъ. Они подготовили почву для разработки въ будущемъ теоріи налоговъ, хотя ихъ ученіе и не повело къ практическимъ результатамъ, такъ какъ проникнутымъ таковымъ законодателямъ французской революціи не удалось обойтись однимъ обложеніемъ земли.

Адамъ Смита, связь котораго съ физиократами несомнѣнна, въ своемъ трудѣ о богатствѣ народовъ посвящаетъ ученію о финансахъ всю пятую книгу. Но затѣмъ финансовыя вопросы отходятъ въ англійской и во французской экономическихъ литературѣ на задній планъ, и финансовая наука окончательно осѣдаетъ въ Германіи, гдѣ и появился цѣлый рядъ прекрасныхъ систематическихъ финансовыхъ трудовъ. Лучшими изъ нихъ являются уже нѣсколько устарѣвшіе курсы Мальхуса и Рау, а изъ болѣе новыхъ учебники Штейна и Вагнера.

Книга Штейна вышла уже пятымъ изданіемъ и отличается замѣчательною систематичностью.

Вагнеръ еще не довелъ до конца своего курса финансовой науки. По каждому вопросу онъ приводитъ богатую библиографію и массу свѣдѣній изъ финансовыхъ исторіи и практики; но только его изложеніе не отличается объективностью, такъ какъ онъ исходитъ изъ соціально-политической точки зрѣнія и требуетъ, чтобы государство своею податною политикою не только добывало нужныя ему средства, но и вліяло-бы на распредѣленіе доходовъ между общественными классами.

Въ 1877 г. и Франція подарила намъ хорошій трактатъ по финансовой наукѣ. Я разумно сочиненіе Леруа-Больѣ. Последний отличается очень яснымъ и живымъ изложеніемъ и приводитъ массу интересныхъ статистическихъ данныхъ, главнымъ образомъ, о финансахъ Франціи и Англіи. Онъ большой любитель цифровыхъ выкладокъ, которыя у него часто бываютъ лишены серьезнаго значенія, напр. въ предисловіи къ 3-му изданію своего труда, Леруа-Больѣ, желая показать сравнительное обложеніе во Франціи разныхъ общественныхъ классовъ,

пытается опредѣлить, какой % изъ своего дохода уплачиваютъ разные лица всѣми прямыми и косвенными налогами, причемъ онъ прибѣгаетъ къ вычисленіямъ, сколько кто выпиваетъ вина и выкуриваетъ сигаръ и какого качества и т. подобное. И такихъ примѣровъ можно привести много. А потому къ выводамъ Леруа-Больё надо относиться очень осторожно.

Къ названнымъ сочиненіямъ прошлою осенью присоединился еще одинъ весьма цѣнный вкладъ въ финансовую науку.

Рошеръ, который уже болѣе сорока лѣтъ преподаетъ въ университетѣ финансовую науку, издалъ наконецъ курсъ такой. Хотя въ предисловіи маститый авторъ какъ-бы оправдывается въ томъ, что онъ рѣшился выступить съ своимъ курсомъ въ то время, когда уже существуетъ столько хорошихъ финансовыхъ учебниковъ, но книга Рошера такъ разработана и обладаетъ такими превосходными качествами, какъ ясностью, отсутствіемъ излишняго многословія, мѣткими историческими примѣрами и безпристрастнымъ отношеніемъ къ разсматриваемому предмету, что ей на мой взглядъ суждено занять пока первое мѣсто среди курсовъ финансовой науки.

Наша русская ученая литература также можетъ похвалиться отличными финансовыми курсами, — именно «финансовымъ правомъ» моего глубоко-уважаемаго учителя проф. С.-П. университета Василія Александровича Лебедева. Это очень полный и подробный учебникъ съ богатымъ матеріаломъ по части русскихъ финансовъ. Лоренцъ Штейнъ отзывался въ очень лестныхъ выраженіяхъ о книгѣ профессора Лебедева.

Курсъ финансового права покойнаго профессора здѣшняго университета Инокентія Густиневича Патлаевского также обладаетъ немалыми достоинствами.

Сверхъ того, существуетъ на разныхъ языкахъ масса финансовыхъ монографій.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, съ какимъ общество относится къ финансовымъ вопросамъ. Съ одной стороны, это можно объяснить огромными размѣрами финансовыхъ потребностей современныхъ государствъ, съ другой стороны, признаніемъ принципа гласности въ финансахъ.

Еще въ 1775 г. Фридрихъ Великій, не смотря на то, что государственное хозяйство Пруссіи было при немъ въ замѣча-

тельномъ порядкѣ, совѣтовалъ лучше подвергаться напрасному осужденію, нежели посвящать народъ въ тайны финансовъ.

А въ 1815 г. въ ГанOVERѣ генеральный кассиръ не могъ безъ разрѣшенія короля сообщить даже наслѣднику престола о количествѣ государственныхъ доходовъ.

Теперь-же и государства съ большими хроническими дефицитами не боятся обнародовать своихъ росписей. Такимъ образомъ, общество узнаетъ, куда идутъ требуемые отъ него налоги, связь между нимъ и правительствомъ становится тѣснѣе. Открывается также возможность для сравнительной финансовой статистики. Если всмотрѣться въ нынѣшнее финансовое положеніе цивилизованныхъ государствъ, то мы найдемъ въ нихъ много общихъ явленій. Первымъ дѣломъ, бросающагося въ глаза страшный ростъ за послѣднее время государственныхъ расходовъ. Конечно это произошло отчасти вслѣдствіе поднятія цѣнъ и обезцѣненія денегъ, такъ что, на самомъ дѣлѣ, публичные расходы возрасли не въ такой мѣрѣ, какъ это показываетъ сравненіе *цифръ* теперешнихъ и прежнихъ бюджетовъ. Но помимо этого, миссія государства все расширяется. Изъ чисто правового государства Канта оно становится культурно-правовымъ, и мы уже не можемъ представить себѣ цивилизованнаго государства, которое не заботится объ образованіи и здоровьѣ народа, однимъ словомъ, не содѣйствуетъ такъ или иначе его благосостоянію.

Кромѣ того, характеръ теперешнихъ международныхъ отношеній вызываетъ большіе военные расходы.

Не меньшія суммы поглощаются также грандіозными общественными сооружениями, главнымъ образомъ, желѣзными дорогами. Все это сильно увеличило бюджеты.

Рядомъ съ государственными расходами, возрасли и мѣстные расходы земствъ, городовъ и общинъ.

Базалось-бы, что въ государствахъ, гдѣ бюджетъ вотируется народными представителями, послѣдніе должны были-бы стремиться къ сокращенію публичныхъ расходовъ, а на практикѣ иногда оказывается совсѣмъ противоположное, и правительствамъ сплошь и рядомъ приходится бороться съ депутатами, требующими увеличенія кредитовъ для мѣстностей, выбравшихъ ихъ.

Когда-же дѣло доходитъ до голосованія налоговъ, нужныхъ для покрытія вотиrowанныхъ расходовъ, то при этомъ палаты

часто даютъ сильный отпоръ; за то онѣ легко соглашаются на заключеніе государственныхъ займовъ.

И почти повсемѣстное увеличеніе государственныхъ долговъ составляетъ второе явленіе современной финансовой жизни. Въ иныхъ государствахъ расходы по уплатѣ %-въ и погашенію долговъ уже поглощаютъ около трети бюджета.

Это крайне угрожающій фактъ: такимъ путемъ, плательщицы податей, т. е. всѣ граждане попадаютъ какъ-бы въ кабалу къ владѣльцамъ государственныхъ облигацій; если-же таковыми являются иностранцы, то положеніе задолженной страны ухудшается, такъ какъ она становится данникомъ иностранныхъ кредиторовъ и теряетъ въ значительной степени свою независимость.

Вслѣдствіе обоихъ названныхъ обстоятельствъ финансы большинства государствъ теперь крайне напряжены.

А такъ какъ финансы являются мѣриломъ политическаго могущества государствъ и всегда находятся въ тѣсной зависимости отъ степени ихъ экономическаго благосостоянія, — то я и считаю умѣстнымъ сдѣлать бѣглый обзоръ современнаго положенія финансовъ въ главнѣйшихъ государствахъ, причемъ, за недостаткомъ времени, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе только на финансахъ Франціи и Россіи.

Въ общемъ можно сказать, что нынѣ почти повсюду переживается финансовый кризисъ.

Счастливымъ исключеніемъ представляются Соединенные Штаты, которые, понеся невѣроятныя жертвы во время междоусобицы Сѣвера съ Югомъ, съ 1866 г. стали быстро оправляться. Достигнуто это было путемъ сокращенія немедленно послѣ войны арміи и издержекъ на нее и одновременнаго увеличенія налоговъ: получавшіеся избытки въ государственныхъ доходахъ употреблялись на погашеніе долговъ.

Въ результатъ оказалось, что въ началѣ 80-хъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ государственные доходы стали превышать расходы болѣе, чѣмъ на 100 милліоновъ долларовъ; многіе налоги были понижены, и правительство не знало, что дѣлать съ (бюджетными избытками); употреблять ихъ на уплату оставшихся еще государственныхъ долговъ было нельзя по причинѣ умовій выпусковъ этихъ займовъ; понизить-же таможенныя пошлины и акцизы, главный источникъ доходовъ Сое-

диненныхъ Штатовъ было признано неудобнымъ, чтобы съ одной стороны не лишитъ покровительства промышленность, съ другой,—чтобы удешевленіемъ крѣпкихъ напитковъ не способствовать распространенію ихъ въ народѣ.

Совѣмъ другая картина представится намъ, если перелезема въ Европу.

Начнемъ съ Пруссіи, которая повидимому обладаетъ всѣми условіями для процвѣтанія. Давно-ли она получила съ Франціи огромную контрибуцію, она владѣетъ большимъ количествомъ доходныхъ государственныхъ имуществъ, административный персоналъ ея славится традиціонною добросовѣстностью. Государственный долгъ ея составляетъ только около 1½ миллиардовъ марокъ. Между тѣмъ, прусскіе министры финансовъ никакъ не могутъ достигнуть равновѣсія въ бюджетѣ.

Другія германскія государства находятся въ несравненно худшемъ положеніи, и это понятно, такъ какъ Пруссія, пользуясь своею гегемоніею, не разъ поживилась на счетъ свей меньшей братіи.

Имперскій бюджетъ Германіи также страдаетъ дефицитамъ. Многіе указываютъ, что Германія имѣетъ возможность открыть себѣ обильный источникъ доходовъ повышеніемъ налоговъ, которые въ ней много ниже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Однако, не надо забывать, что простое процентное отношеніе суммы налоговъ къ числу населенія еще ничего не говоритъ, такъ какъ платежная способность народа можетъ быть весьма различна.

Относительно-же особой налогоспособности нѣмецкихъ народностей позволительно сомнѣваться.

Всѣ послѣднія попытки Бисмарка преобразовать нѣкоторые налоги, съ цѣлью увеличенія Имперскихъ доходовъ, были отвергаемы рейхстагомъ, кромѣ повышенія пошлинъ на ввозимый въ Германію хлѣбъ.

И много симптомовъ указываетъ, что экономическое состояніе Германіи не въ цвѣтущемъ положеніи. Разныя отрасли нѣмецкой промышленности переживаютъ кризисъ, жалуются на перепроизводство и требуютъ новыхъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній.

Выселеніе нѣмцевъ въ далекіе края идетъ въ большихъ размѣрахъ. Такъ, за послѣдніе 15 лѣтъ изъ Германіи высели-

лось около полутора миллионъ населенія, т. е. по 100 тысячъ человѣкъ въ годъ.

Обыкновенно, въ видѣ контраста приводятъ въ примѣръ Францію, про финансы которой распространено мнѣніе, что они особенно хороши. И дѣйствительно, Франція замѣчательно скоро отдохнула послѣ удара, нанесеннаго ей Пруссіею. Война съ послѣднею, уплата ей военного вознагражденія и усмиреніе коммуны обошлись Франціи свыше 13 миллиардовъ франковъ.

Однако, несмотря на эти громадныя матеріальныя потери, кредитъ страны не поколебался, налоги были возвышены безъ особаго труда, а въ 1876 г. государственные доходы Франціи уже превысили ея расходы на 95 миллионъ франковъ.

Бюджеты 1877 и 1878 годовъ также дали избытокъ въ 63 миллиона каждый.

Но съ 1879 г. положеніе вещей мѣняется. Гамбетта, подготавливая собственную диктатуру, сдѣлалъ первымъ министромъ Фрейсина, министромъ финансовъ былъ сдѣланъ Леонъ Сей. Правительство это прониклось идеей приобрести популярность большими публичными работами, которыя должны были подѣйствовать на воображеніе общества. Было предположено совершить въ 10 лѣтъ общественныхъ работъ на 4 миллиарда франковъ. Сей и Фрейсинъ совершили поѣздку по Франціи, всюду произнося блестящія рѣчи въ защиту предпринимаемой политики. И палаты пошли по указанному имъ скользкому пути, не останавливаясь ни передъ какииъ расходомъ, ни передъ какииъ предпріятіемъ, — въ особенности, когда заботились о побѣдѣ на общихъ выборахъ въ 1881 году.

Начали съ выкупа въ казну нѣсколькихъ малоходныхъ желѣзнодорожныхъ линій центра и юга, а потомъ приступили къ постепенному осуществленію задуманныхъ сооружений. Субсидіи и гарантіи раздавались безъ разбора.

Въ министерство Жюль Ферри эта политика продолжалась. Расходы увеличивались по всемъ вѣдомствамъ. Одна замѣна конгрегационныхъ преподавателей свѣтскими обошлась крайне дорого. Министръ народнаго просвѣщенія Поль Бёръ требовалъ только для усиленія содержанія начальныхъ преподавателей на 23 миллионъ франковъ въ годъ болѣе прежняго.

Министры во Франціи смѣнялись въ среднемъ черезъ каждые 9 мѣсяцевъ, и каждый сопровождался массою кліентовъ,

которымъ приходилось давать мѣста. Это было возможно, благодаря тому, что во Франціи ни одно управленіе не имѣетъ твердо установленныхъ закономъ штатовъ, и все зависитъ отъ произвола министра, который создаетъ и уничтожаетъ должности простыми приказами. Желая очистить вакансіи для лицъ близкихъ, министры облегчали назначеніе пенсій чиновникамъ, увольняемымъ въ отставку, и съ 1876 года по 1885-й одна гражданскія пенсіи возрасли на 15 милліоновъ франковъ въ годъ.

Незначительная экономія, полученная обращеніемъ въ 1884 году 5%-ной ренты въ 4 $\frac{1}{2}$ %-ную, немедленно была поглощена расточительностью палатъ и дальними экспедиціями. Въ 1884 году министръ финансовъ Тираръ съ горечью говорилъ въ палатѣ: «что прикажете мнѣ дѣлать? — Если Вы вотируете расходъ, то вотируйте въ тоже время источники для его покрытія, а Вы этого не дѣлаете!» Уже и безъ того приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ ресурсамъ, а между тѣмъ, правительство, стремясь къ популярности внесло въ палаты и провело пониженіе нѣкоторыхъ налоговъ.

Необходимыя-же средства почерпались преимущественно изъ почтовыхъ сберегательныхъ кассъ. — Такимъ путемъ получался большой неотвержденный долгъ, увеличиваемый еще тѣмъ обстоятельствомъ, что французская казна, по причинѣ опеки министерства внутреннихъ дѣлъ, должна принимать въ свои кассы для храненія суммы департаментовъ, общинъ и благотворительныхъ учреждений. Въ послѣдніе годы неотвержденный долгъ Франціи неоднократно доходилъ до 3 милліардовъ франковъ, заключались займы для консолидированія части его, но онъ снова быстро накоплялся.

Это очень опасная форма долга, такъ какъ каждая книжка почтовой сберегательной кассы является какъ-бы векселемъ по востребованію на публичную кассу, которая всегда должна имѣть на готовѣ значительныя суммы.

Впрочемъ, правительства не имѣли мужества признаваться въ дефицитахъ и прибѣгали къ составленію обыкновенныхъ бюджетовъ съ равновѣсіемъ въ доходахъ и расходахъ и, рядомъ съ ними, экстра-ординарныхъ бюджетовъ, внося въ послѣдніе статьи расходовъ, настоящее мѣсто которыхъ было въ обыкновенныхъ бюджетахъ, такъ какъ по французскому закону въ экстраординарный бюджетъ должны быть помѣщаемы только

тѣ расходы, которыхъ нельзя было предвидѣть при составленіи росписи.

Съ такимъ мнимымъ равновѣсіемъ былъ составленъ и бюджетъ на 1885 г., но вѣдь тогда предстояли общіе выборы, и надо было такъ или иначе скрыть истинное финансовое положеніе государства.

Бюджетъ пересталъ быть зеркаломъ состоянія финансовъ страны. Французскіе дефициты за послѣдніе 8 лѣтъ составили въ сложности цифру около 5 миллиардовъ франковъ, и на такую же сумму возросъ государственный долгъ Франціи.

Таковой по расчету Леруа-Больё равнялся въ 1883 году 28-ми миллиардамъ франковъ, а съ займами, присоединившимися къ нему впоследствии, онъ уже превысилъ 30 миллиардовъ франковъ, и по задолженности Франціи принадлежитъ теперь первенство, и это послѣ того, какъ менѣе 100 лѣтъ тому назадъ она банкротствомъ революціи освободилась сразу отъ $\frac{2}{3}$ -ей своего долга.

Бюджетъ Франціи также не имѣетъ себѣ равнаго по величинѣ: на 1887 годъ онъ утвержденъ въ 3 миллиарда 140 милліоновъ франковъ расходовъ, кромѣ мѣстныхъ, при чемъ болѣе трети предназначено на проценты и погашеніе долговъ.

До сихъ поръ страна справляется съ этимъ тяжелымъ бременемъ, но всему есть предѣлъ, и Франція, кажется, къ нему приблизилась.

Кюшеваль-де-Клариньи, обсуждая въ «Revue des deux Mondes» финансовое положеніе Франціи, говоритъ по его поводу: «кто можетъ удивляться, что страна, въ которой средства истощены раньше, чѣмъ они накаплиются, не можетъ удѣлять капиталовъ на поддержку земледѣлія, торговли и промышленности и что общественный организмъ переживаетъ болѣзненное состояніе». И такіе знатоки французскихъ финансовъ, какъ Рихардъ Кауеманъ и Леруа-Больё, также опасаются за ихъ будущность.

Что касается Англіи, то финансовая исторія послѣдней полна интереса. Войны ея съ Франціею и возставшими колоніями требовали большихъ средствъ, и казалось, что Англія обладаетъ непостижимыми источниками для ихъ полученія. Англіи помогло вынести это напряженіе то обстоятельство, что она въ теченіи послѣднихъ столѣтій не подвергалась инозем-

нымъ нашествіямъ, что государственный организмъ ея съ 1688 года не испытывалъ коренныхъ ломокъ, и что она первая воспользовалась плодами новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній. Паровая машина Ватта и придильная Аркрайта не меньше помогли ей вести борьбу съ Наполеономъ первымъ, чѣмъ ее полководцы Нельсонъ и Веллингтонъ. Въ тому-же во главѣ ея финансоваго управленія стояло нѣсколько замѣчательныхъ государственныхъ мужей, какъ напр. Робертъ Вальполь, Вильямъ Питтъ, Робертъ Пильтъ и Глэдстонъ.

Въ настоящее время государственные расходы Англіи равняются приблизительно 90 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ, считая расходы на оккупацию Египта, которая въ связи съ ирландскимъ вопросомъ вызвала временно легкое замѣшательство въ англійскихъ финансахъ.

Отличительною чертою англійскаго бюджета является замѣчательная несложность его. Благодаря тому, что были отменены почти всѣ мелкіе налоги, доходы сводятся къ немногимъ статьямъ. Главную часть ихъ составляютъ таможенные пошлины, причѣмъ обложено только 15 предметовъ, и 3 акциза, именно на спиртъ, пиво и цыкорій. Крѣпкіе напитки обложены въ Англіи тяжело, чѣмъ гдѣ-бы то ни было; налогъ на нихъ равенъ 14 металлическимъ рублямъ съ нашего ведра безводнаго спирта.

Изъ прямыхъ налоговъ существеннымъ является только подоходный. Но къ общегосударственному бюджету въ Англіи присоединяется еще большой мѣстный, уже превысившій 60 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и лежащій почти цѣликомъ на недвижимой собственности.

Англійскія колоніи имѣютъ свои особыя росписи, и расходы одной Индіи колеблются около 70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Государственный долгъ соединеннаго королевства держится уже довольно давно въ суммѣ свыше 700 милл. фунтовъ. Индія, Канада и Австраліискія колоніи также имѣютъ значительные долги. И хотя государственное хозяйство Англіи находится въ образцовомъ порядкѣ, но финансы ея не отличаются особою эластичностью и вводить въ ней новые налоги и повышать старые не легко. Такъ въ третьемъ году пало министерство Глэдстона вслѣдствіе отказа парламента повысить акцизъ на пиво.

Принявъ все это во вниманіе, приходишь къ убѣжденію, что теперешніе британскіе финансы вовсе не такъ блестящи, какъ объ этомъ привыкли думать.

О финансахъ Австро-Венгрии и говорить нечего, что они очень плохи. Правда, въ послѣднее время дефициты въ ней сокращаются, и министръ финансовъ Дунаевскій высказалъ надежду достигнуть скоро полного равновѣсія въ бюджетѣ. Но налоги въ Австріи страшно высоки. Поземельный налогъ такъ тяжелъ, что многіе землевладѣльцы положительно не въ состояніи нести его.

Налогъ на дома доходитъ до 26%—въ съ ихъ доходности и т. п. Тяжесть налоговъ усиливается неравномѣрностью ихъ раскладки. Однимъ словомъ, въ Австріи ощущается настоятельная необходимость въ радикальныхъ податныхъ реформахъ. Насколько-же энергическая и устойчивая финансовая политика можетъ упрочить государственное хозяйство страны, показываетъ примѣръ Италіи. Послѣдняя начала свое обновленное существованіе съ Цюрихскаго мира 1859 года, по которому къ королевству Сардиніи была присоединена Ломбардія, и стали возможными присоединенія въ теченіи 1860 г. Модены, Пармы, Тосканы и королевства обѣихъ Сицилій. Но это былъ только сырой матеріалъ для образованія государства.

Объединеніе обошлось странѣ не дешево, а финансы Италіи являли изъ себя полнѣйшій хаосъ. Вездѣ предстояло много переработки, надо было ввести единство въ монеты, отмѣнить внутреннія таможенныя пошлины, преобразовать все управленіе. Каждая изъ составныхъ частей новаго королевства имѣла свое финансовое хозяйство, вниманіе податей вездѣ происходило иначе, въ одномъ случаѣ черезъ казенныхъ чиновниковъ на жалованьи, въ другомъ съ извѣстнаго %—та, въ третьемъ черезъ отдачу на откупъ; на югѣ налоги были вдвое легче, чѣмъ на сѣверѣ.

Только въ 1862 г. удалось составить первую общую государственную роспись. Монеты въ странѣ было мало, ее замѣняли билеты 6-ти банковъ, за которыми было признано право выпуска таковыхъ. Эти билеты обращались съ потерей около 20½%—въ на курсѣ. Но Италія съ честью вышла изъ столь запутаннаго положенія.

Прежде всего итальянскіе министры финансовъ успѣли установить рядъ очень тяжелыхъ налоговъ, при чемъ многое

было позаимствовано изъ податныхъ системъ Австріи, Франціи и Пруссіи. Затѣмъ, было обращено особое вниманіе на объединеніе и упроченіе денежнаго обращенія.

Единовременно очень удачно была совершена продажа конфискованныхъ церковныхъ имуществъ. Равновѣсіе въ бюджетѣ было достигнуто, а въ 1883 году оказалась возможность при помощи займа въ 640 милліоновъ франковъ возстановить металлическое обращеніе, а немного поздѣе и отиѣнить налогъ на помолъ, равносильный обложенію хлѣба. Постигшая Италію холерная эпидемія и экспедиція въ Массову временно поколебали итальянскіе финансы, но въ росписи на ⁸⁶/₈₇ годъ снова предвидѣлся небольшой избытокъ въ доходахъ. Для довершенія дѣла Италіи остается заняться исправленіемъ и облегченіемъ своей, все еще очень тяжелой, системы налоговъ.

Русскими финансами иностранная ученая литература занимается мало, ограничиваясь обыкновенно простымъ упоминаніемъ, что они въ плачевномъ состояніи. Одинъ Лоренцъ Штейнъ отводитъ имъ сравнительно больше мѣста и не раздѣляетъ вполне общаго пессимистическаго на нихъ взгляда. Къ такому убѣжденію приводятъ всѣхъ наши хроническіе дефициты и низкій курсъ нашего бумажнаго рубля.

Однако, если вникнуть глубже въ дѣло, то все говорить въ пользу того, что, хотя наше финансовое положеніе и затруднительно, но ни въ какомъ случаѣ не безнадежно.

Нынѣшній-же дѣящійся кризисъ есть слѣдствіе финансоваго неустойства Россіи, и въ этомъ отношеніи вполне сохраняютъ силу слова Кочубея въ письмѣ къ Императору Александрѣ Павловичу: «Можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ помышляемо было». Плохіе финансы въ исторіи Россіи не есть явленіе новое; наоборотъ, трудно указать эпоху, когда таковыя процвѣтали. Начинаясь улучшения въ нихъ всегда были скоропроходящи. Мѣры, которыя принимались къ ихъ исправленію были не послѣдовательны и рѣдко доводились до конца.

Между тѣмъ, наша государственная жизнь быстро развивалась, и параллельно увеличивались государственные расходы.

Въ 1710 году государственные расходы Россіи были ниже 4 мил. руб., въ 1725 г. они уже приблизились къ 10 милліо-

намъ, въ началу текущаго вѣка достигли 80-ти милліоновъ и стали возрастать еще быстрѣе, составивъ въ 1839 году 583 милліона ассигнаціями, а по переложеніи на серебро 175 милліоновъ рублей. Въ прошломъ году они превысили 800 милліоновъ, кромѣ 30-ти милліоновъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. Роспись на 1887 г. составлена почти въ тѣхъ-же цифрахъ.

Доходы также увеличивались, но всегда нѣсколько отставали отъ расходовъ. Приходилось обращаться къ чрезвычайнымъ ресурсамъ, и былъ заключенъ цѣлый рядъ виѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Екатерина Великая впервые прибѣгла въ Россіи къ выпуску бумажныхъ денегъ, и впоследствии этимъ средствомъ стали пользоваться въ обширныхъ размѣрахъ, и курсъ бумажныхъ денегъ постоянно падалъ. Крымская компанія, выдача выкупныхъ ссудъ за отошедшія къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ земли, желѣзно-дорожное строительство и послѣдняя война съ турками, довели сумму нашихъ государственныхъ долговъ къ 5¹/₂ милліардовъ рублей, въ томъ числѣ болѣе милліарда ста милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Значительная доля нашихъ публичныхъ фондовъ находится въ рукахъ иностранцевъ, котируясь преимущественно на Берлинской биржѣ. Къ сожалѣнію, я не могу дать точной цифры, такъ какъ расходы по сибѣтѣ государственнаго кредита изъяты у насъ отъ дѣйствія общаго счетнаго и ревизіоннаго порядка, и въ отчетахъ государственнаго контроля нѣтъ свѣдѣній относительно того, какая часть $\%$ -въ и погашенія по государственнымъ долгамъ уплачивается за границую.

Только что приведенныя цифры русскихъ государственныхъ расходовъ и долговъ велики. Но вѣдь и отвѣчаетъ за нихъ страна, имѣющая свыше 100 милліоновъ населенія, обладающая огромными государственными имуществами и сравнительно недавно занявшаяся развитіемъ своего народнаго хозяйства.

Одно быстрое возрастаніе нашихъ государственныхъ доходовъ, при отсутствіи правильной системы налоговъ и невозможности пока рационально эксплуатировать всю массу государственныхъ имуществъ, указываетъ на ихъ подвижность. Правда, уже нѣсколько лѣтъ мы не выходимъ изъ дефицитовъ, но другаго и ожидать было трудно.

Вѣдь расходы возрастали, а между тѣмъ былъ отиѣненъ соляной налогъ, дававшій къ концу своего существованія 13

милліоновъ рублей, понижены выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 12 милліоновъ рублей въ годъ, и отменена подушная подать въ 38 милліоновъ рублей. Само собою разумеется, что всякое пониженіе налоговъ, особенно направленное къ облегченію низшихъ классовъ, явленіе отрадное, при условіи выполнимости безъ потрясенія финансоваго строя страны.

Но, не входя въ разсмотрѣніе этихъ финансовыхъ мѣръ, ограничусь замѣчаніемъ, что онѣ составили уменьшеніе въ годъ доходовъ на 83 милліона рублей, а, если принять во вниманіе естественный ростъ налоговъ при увеличеніи населенія, то и всѣ 90 милліоновъ.

Разные установленные вновь налоги, каковы сборъ съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и грузовъ большой скорости, налогъ на имущества, переходящія безмезднымъ порядкомъ, на $\%$ -ныя бумаги, дополнительные налоги на торговлю и промыслы и повышеніе таможенныхъ пошлинъ и акцизовъ, въ общемъ не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій.

Съ одной стороны, казна много теряетъ вслѣдствіе сильныхъ контрабанды и корчемства, съ другой стороны, налоги поступаютъ туго по причинѣ кризиса, переживаемаго нашимъ сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. Но послѣдній не можетъ быть вѣчнымъ. Легкость, съ которою Россія добывала за-границею и у себя дома нужная ей средства путемъ займовъ, свидѣтельствуетъ о довѣрїи, какое питается къ ея будущности и къ широкому развитію со временемъ ея экономической жизни, для котораго у нея имѣются всѣ данныя, благодаря громаднѣмъ естественнымъ богатствамъ. Одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ нашей финансовой жизни является низкій курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ и постоянныя колебанія его, очень вредно отражающіяся на товарномъ и фондовомъ рынкахъ.

Много предлагается различныхъ проєктовъ къ поднятію ихъ курса. Преимущественно ратуютъ за сокращеніе ихъ количества въ обращеніи при помощи займовъ, но такое превращеніе безпроцентнаго займа въ процентный ни къ чему не поведетъ, такъ какъ дефициты неминуемо опять вызовутъ новые выпуски бумажныхъ денегъ. И я вполне согласенъ съ профессоромъ Лебедевымъ, что металлическое обращеніе у насъ можетъ быть восстановлено только путемъ бюджетныхъ избытковъ и поднятія экономическаго благосостоянія страны, причемъ и то и другое вполне возможно.

Твердо вѣрю, что наступленіе болѣе счастливой эры для нашихъ финансовъ не заставитъ себя долго ждать.

Задача, содержаніе и исторія науки полицейскаго права¹⁾.

Прис.-доц. П. Н. Шеймина.

М. г.,

Приступая къ изложенію началъ нашей науки, мы обратимся прежде всего къ выясненію задачъ, содержанія и исторіи науки полицейскаго права.

Наука, изучающая различныя отношенія людей, живущихъ въ обществѣ и государствѣ и изслѣдующая нормы, опредѣляющія эти отношенія, носитъ названіе науки права. Последняя распадается на двѣ обширныя области, находящіяся однако въ тѣсной связи: первая, занимаясь по преимуществу изученіемъ частно-правовыхъ отношеній людей, есть область науки гражданскаго права; вторая, изслѣдуя право публичное, составляетъ область наукъ политическихъ, государственныхъ. Частно-правовая сфера обнимаетъ отношенія единицы А къ единицѣ Б, которыя для государства и его законовъ равноправныя личности. Въ осуществленіи частнаго права государство имѣетъ въ большинствѣ случаевъ формальный интересъ, именно: поддержаніе внутренняго порядка и спокойствія посредствомъ установленія опредѣленныхъ юридическихъ нормъ. При дѣйствіи права частнаго государство наблюдаетъ, чтобы не былъ нарушенъ принципъ «*hac justitia*»! Иное дѣло сфера публичная. Здѣсь дѣло идетъ не объ отношеніи А къ Б; здѣсь мы входимъ въ область государственныхъ, политическихъ отношеній и интересовъ, касаемыхъ самыхъ основъ существованія государства. При разрѣшеніи споровъ о правѣ въ этой области государство выступаетъ главнымъ образомъ непосред-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 23-января 1887 года.

ственно какъ сторона ; въ этомъ случаѣ преимущественно оно имѣетъ матеріальный интересъ. Но тамъ, гдѣ интересъ государства становится въ разрѣзъ съ интересомъ единицы или политико-соціальной группы людей, дѣйствуетъ другой принципъ «*salus reipublicae lex suprema esto*!»

Науки политическія, имѣя своимъ предметомъ государство, какъ «форму общежитія, являющуюся по своей идеѣ условіемъ единства какъ недѣлимыхъ, такъ и общественныхъ групп»,¹⁾ изучаютъ его съ различныхъ сторонъ, которымъ и соответствуютъ различныя государственныя науки.

Во-первыхъ наука, изучающая государство со стороны его организаціи т. е. со стороны устройства и соотношенія его частей есть наука государственнаго права. Эта вѣтъ политическихъ наукъ даетъ намъ опредѣленное представленіе о дѣйствующемъ субъектѣ не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ. Въ наукѣ государственнаго права анализируются формы проявленія государственной власти, структура и взаимное отношеніе органовъ, посредствомъ которыхъ эта власть выполняетъ свои задачи. Другая вѣтъ государственныхъ наукъ имѣетъ своимъ предметомъ изученіе дѣятельности и функцій государства, направленныхъ къ выполненію цѣлей и задачъ, лежащихъ на его попеченіи.

Такая дѣятельность государства на столько-же важный предметъ изученія, на сколько важно изученіе организаціи государства. Наука, изучающая дѣятельность государства, исходитъ изъ того понятія о государствѣ, которое выработала наука о государствѣ и государственномъ правѣ. «Государство» говоритъ нашъ ученый А. Д. Градовскій²⁾ «есть осѣдлая и организованная масса лицъ и общественныхъ союзовъ, живущихъ на опредѣленной территоріи и подчиненныхъ одной верховной власти, облеченной правами законодательства, суда и управленія для обезпеченія юридическаго порядка и общихъ условий благостоянія». Всякая дѣятельность государства опредѣляется не только строеніемъ органовъ государственной власти, но и тѣми цѣлями и задачами, которыя имъ приходится выполнять.

¹⁾ А. Градовскій, Курсъ общаго государственнаго права. (Лекціи). С.-Петербургъ 1879—80. Стр. 1.

²⁾ *Иб.* Стр. 19.

Взгляды на цѣли государства были различны. Оставивъ въ сторонѣ античную эпоху, мы находимъ, что онѣ соотвѣтствовали въ историческомъ развитіи тремъ періодамъ. Первый періодъ совпалъ съ временемъ образованія новыхъ государствъ въ 3. Европѣ. На первомъ планѣ была поставлена цѣль государственнаго единства и могущества. Усилившаяся монархическая власть, поддерживаемая ученіемъ юристовъ о единствѣ государственной власти, уничтожила самостоятельность обществъ и корпорацій. Вначалѣ вмѣшательство государственной власти въ дѣятельность послѣднихъ заключалось въ ограниченіи ея. Церковь какъ общество и городскія общины, имѣвшія издавна свои средства и органы управленія, издававшія постановленія относительно безопасности и благосостоянія, словомъ, пользовавшіяся самостоятельностью во внутреннемъ и внѣшнемъ управленіи, должны были уступить и поникнуть предъ государственною властью. Вмѣшательство послѣдней въ дѣятельность общества и частныхъ лицъ въ XVIII ст. достигло крайнихъ предѣловъ, чему способствовала теорія о полицейскомъ государствѣ (Polizeistaat), не признававшая самостоятельности и свободы обществъ, корпорацій и частныхъ лицъ. Второй періодъ возникаетъ, когда индивидуалистическая школа начала разсматривать цѣли и задачи государства, какъ совокупность мѣръ, направленныхъ для охраны правъ частныхъ лицъ. Это новое направленіе требуютъ, чтобы государство предоставило часть свободы единичному лицу и обществу. Въ XVIII ст. мы находимъ въ политической литературѣ два направленія: одни настаивали, что государство не должно предоставлять большой свободы обществу; другіе утверждали, что всякое вмѣшательство государственной власти, уничтожая личную свободу гражданъ, вредно отзовется какъ на интересахъ общества, такъ и на интересахъ политическаго союза. Третій періодъ соотвѣтствуетъ условіямъ нашего времени, когда выяснилось понятіе о такъ называемыхъ культурныхъ цѣляхъ и задачахъ, пріслѣдуемыхъ правовомѣрнымъ государствомъ. Политическая литература нашего столѣтія преслѣдуетъ цѣль примѣренія обоимъ направленіямъ, возникнувшихъ въ XVIII ст. Она выяснила, что есть дѣла, касающіяся интересовъ всего государства, но и есть такія, которыя затрагиваютъ интересы одного или нѣсколькихъ обществъ. Поэтому наукѣ предстоитъ

указать грань, отдѣляющую сферу дѣятельности государства отъ сферы дѣятельности общества и частныхъ лицъ.

Дѣятельность государства состоитъ не только въ изданіи общихъ или абстрактныхъ нормъ для регулированія отношеній между гражданами и между послѣдними и государствомъ, но и въ регулированіи конкретныхъ или индивидуальныхъ отношеній. Въ первомъ случаѣ будетъ дѣятельность законодательная въ собственномъ смыслѣ, во второмъ дѣятельность административная въ обширномъ смыслѣ или то, что мы называемъ управленіемъ. Государство не можетъ ограничиться изданіемъ общихъ нормъ, опредѣляющихъ юридическій порядокъ, въ предѣлахъ котораго должны держаться какъ всѣ дѣйствія частныхъ лицъ, такъ и всѣ акты и дѣйствія органовъ государственной власти. Политическій союзъ принимаетъ кромѣ того мѣры къ осуществленію цѣлей рядомъ дѣйствій исполнительной власти, имѣющей дѣло съ дѣйствительными явленіями общественной жизни. Эта послѣдняя дѣятельность носить въ настоящее время названіе управленія въ обширномъ смыслѣ. «Государственное управленіе», по словамъ Лабанда,¹⁾ «есть свободная дѣятельность правительства, направленная къ осуществленію государственныхъ задачъ, указанныхъ юридическимъ порядкомъ государства». «Послѣднее», продолжаетъ онъ, «столь же мало можетъ осуществить свои жизненные задачи чрезъ установленіе юридическихъ нормъ, какъ нельзя пустить въ ходъ машину чрезъ простое формулированіе механики».

Современный корифей науки объ управленіи, Л. Штейнъ,²⁾ даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію объ управленіи: «законъ есть выраженіе общей воли государства, которая реализуется чрезъ рядъ дѣйствій исполнительной власти, направленной къ осуществленію цѣлей правительства». «Эта область органической государственной жизни и есть управленіе. Какъ законодательство есть желающее, такъ управленіе есть дѣйствующее государство».³⁾

Наука, занимающаяся изученіемъ такой дѣятельности

¹⁾ *Laband*, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, II, стр. 199 и 201.

²⁾ *Л. Штейнъ*, Die Verwaltungslehre, I, 70. 1869.

³⁾ *Ею-же*, Ученіе объ управленіи и право управленія. Стр. 6 С.-Петербургъ. 1874.

государства, называется въ Германіи наукою объ управленіи (Die Verwaltungslehre, Verwaltungswissenschaft) и есть составная часть науки о государствѣ (Die Staatslehre, Staatswissenschaft).

Вся область управленія въ обширномъ смыслѣ подраздѣляется въ свою очередь на нѣсколько отраслей, которыя преслѣдуютъ самостоятельныя задачи. Каждая область управленія составляетъ предметъ особой научной дисциплины.

I. Устройство отношеній даннаго государства съ другими есть задача управленія иностранными дѣлами.

II. Организациа вооруженной силы входитъ въ задачу военнаго управленія.

III. Дѣятельность государства, направленная на приобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ какъ для существованія государства, такъ и для его дѣйствія, называется финансовымъ управленіемъ.

IV. Поддержаніе порядка въ отношеніяхъ между людьми и охраненіе правъ личности есть задача судебнаго управленія.

V. Дѣятельность государства, заключающаяся въ созданіи условій, при наличности которыхъ обезпечивается внутренняя безопасность и благосостояніе и направленная для защиты и содѣйствія матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ народа, составляетъ задачу полицейскаго управленія, названнаго за послѣднія десятилѣтія внутреннимъ управленіемъ.

Наука, издающая правовыя нормы области внутренняго управленія, называется наукою полицейскаго или административнаго права, или права внутренняго управленія.

Наука полицейскаго права, какъ составная часть права управленія, разсматриваетъ внутреннее управленіе вообще, его возникновеніе и существо, его развитіе и законы послѣдняго. Изученіе полицейскаго управленія, а также изслѣдованіе права внутренняго управленія только тогда становится строго научнымъ и полезнымъ, когда оно покоится на историческомъ базисѣ, когда, отбросивъ предвзятое мнѣніе объ управленіи, оно стремится познать естественныя законы его развитія, пользуясь индуктивнымъ методомъ. Хотя нѣкоторые писатели не признаютъ науки объ управленіи, но соглашаются, что болѣе или менѣе научное изложеніе ученія о внутреннемъ управленіи, какъ части ученія объ управленіи, и его правѣ возможно. «Оно»,

читаемъ мы у Гумпловича, ¹⁾ «не ограничивается изложеніемъ положительныхъ законовъ и предписаній даннаго государства», «но», продолжаетъ онъ, «должно познавать не только существующія учрежденія и законы даннаго государства, но и раскрыть ихъ значеніе, появленіе, развитіе и прекращеніе, принимая во вниманіе также тотъ духъ и цѣль, которыя онѣ преслѣдуютъ». Только такое научное изложеніе о внутреннемъ управленіи удовлетворяетъ, какъ съ одной стороны требованіямъ высшей юридической школы, такъ съ другой требованіямъ всѣхъ, желающихъ посвятить свою дѣятельность политическому служенію на пользу государства.

Внутреннее управленіе, какъ и управленіе во всемъ его объемѣ, должно покоиться на законѣ. Онъ, составляя границу управленія, не опредѣляетъ однако его содержанія. Внутреннее управленіе имѣетъ своею задачею не только приведеніе въ исполненіе полицейскаго законоположенія, но и проведеніе въ жизнь тѣхъ практическихъ мѣръ, при помощи которыхъ государство, въ лицѣ правительства, стремится осуществить культурныя задачи, преслѣдуемая образованнымъ человѣчествомъ. Изслѣдованіе этихъ мѣръ въ наукѣ полицейскаго права, какъ права жизни, въ настоящее время при развитіи техники становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Обнять въ одномъ предметѣ всѣ эти мѣры нѣтъ возможности. Наука полицейскаго права, ограничивая свои задачи въ этомъ отношеніи, анализируетъ главнымъ образомъ только формальную сторону участія правительства въ разныхъ отрасляхъ общественной жизни.

Какъ всякое законоположеніе, полицейскій законъ или юридическая норма въ области внутренняго управленія, порождаетъ права и обязанности, возникновеніе и обширность, принадлежность и прекращеніе которыхъ могутъ быть при извѣстныхъ условіяхъ предметомъ спора и слѣдовательно судебного или административнаго разбирательства.

Наука полицейскаго права не обходитъ вопросовъ, рѣшаемыхъ судебнымъ или административнымъ порядкомъ, такъ какъ они имѣютъ громадное практическое значеніе. Административные законы и постановленія, будучи непосредственнымъ

¹⁾ Гумпловичъ, Verwaltungslehre. Стр. 5. 1882.

источникомъ изученія административнаго права, есть своего рода кодификація какъ для цѣлей научныхъ, такъ и практическихъ. Въ послѣднемъ случаѣ кодификація ихъ служитъ руководствомъ въ дѣятельности органовъ управленія и кодексомъ для рѣшеній спеціальныхъ административныхъ судовъ тамъ, гдѣ они существуютъ.

Полицейскій законъ и регулируемая имъ дѣятельность есть социальное явленіе. Какъ общественный фактъ, полицейское законоположеніе вліяетъ до извѣстной степени на окружающую его сферу и имѣетъ причину своего происхожденія, существованія и прекращенія. Приведемъ примѣръ. Постановленія, касающіяся порядка пользованія водами, лѣсомъ, путями сообщенія, словомъ, опредѣляющія пользованіе недвижимымъ имуществомъ, служатъ причиною возникновенія извѣстныхъ правъ, которыми пользуются данныя лица и налагаютъ обязанности, падающія на извѣстныхъ лицъ, но въ то-же время они, какъ социальныя явленія, оказываютъ вліяніе на общественную жизнь и происходятъ по извѣстнымъ причинамъ. Всѣ такія нормы и постановленія въ сферѣ внутренняго управленія могутъ быть разсматриваемы съ юридической и социальной точки зрѣнія.

Разсматривая полицейскую дѣятельность правительства или дѣятельность его въ сферѣ внутренняго управленія, по выраженію Л. Штейна, мы убѣждаемся, что она состоитъ въ созданіи условій внѣшней жизни человѣка въ обществѣ. Этими условіями могутъ быть или факты состоянія, положенія, созданные правительствомъ (напр. правительство создаетъ школы, санитарныя станціи), или силы, приведенныя имъ въ опредѣленные предѣлы (напр. вода, огонь и проч.), или самъ человѣкъ, какъ существо живое, какъ сила. Подобно тому какъ силы природы составляютъ непрекращающуюся опасность для жизни общественной, политической, такъ и человѣкъ, какъ существо живое, имѣетъ возможность производить извѣстные дѣйствія, опасныя для общества и государства. Заключая въ себѣ возможную опасность, онъ всегда можетъ нарушить порядокъ общественной жизни и угрожать существующимъ въ обществѣ и государствахъ условіямъ жизни. Какъ всякая сила природы, онъ стремится иногда безгранично къ распространенію своихъ дѣйствій и останавливается тамъ, гдѣ встрѣчаетъ не-

преодолимыя препятствія. При борьбѣ силъ природы исходъ зависитъ отъ преобладанія одной изъ борющихся силъ. Въ борьбѣ чловѣка съ обществомъ, государствомъ и себѣ подобнымъ, исходъ зависитъ отъ преобладанія силъ другихъ людей, общества или государства.

Очевидно, что дѣятельность правительства, направленная на созданіе положительныхъ условій внѣшней жизни чловѣка должна быть иная, чѣмъ та, которая направлена на созданіе отрицательныхъ условій, на положеніе предѣловъ вліянію силъ природы или чловѣка. Въ одномъ случаѣ правительство дѣйствуетъ положительно (создавая школы), въ другомъ—отрицательно. Вотъ почему дѣйствія правительства противъ силъ природы должны быть иныя, нежели дѣйствія его направленные на чловѣка, какъ опасную въ обществѣ силу. Противодѣйствуя силамъ природы, правительство устраиваетъ, сооружаетъ или создаетъ учрежденія; напр. противопоставляетъ водѣ плотину, огню пожарную команду и т. п.; противодѣйствуя чловѣку, оно издаетъ законы, запрещаетъ дѣйствія, признаваемые опасными, подѣ угрозой наказанія, а совершившимся вопреки закону противопоставляетъ физическую силу своихъ органовъ, напр. уничтожаетъ строенія воздвигнутыя противъ правилъ. Въ обоихъ случаяхъ характеръ дѣятельности остается отрицательнымъ. И такъ въ полицейской дѣятельности государства нужно отличать дѣятельность положительную и отрицательную. На этомъ отличіи основано раздѣленіе полиціи благосостоянія и полиціи безопасности. Первая создаетъ положительные, вторая отрицательныя условія внѣшней жизни чловѣка въ обществѣ и государствѣ. Нѣкоторые писатели по полицейскому праву называютъ совокупность всѣхъ дѣйствій, направленныхъ противъ силъ природы или чловѣка и состоящихъ въ положеніи предѣловъ ихъ вліянія, полицейскою дѣятельностію правительства, а совокупность положительныхъ нормъ, опредѣляющихъ эти дѣйствія, называютъ полицейскимъ правомъ. Это послѣднее, говорятъ они, отличается отъ административнаго права въ обширномъ смыслѣ отрицательнымъ характеромъ въ противоположность положительному характеру, квалицирующему административное право. Раздѣленіе полицейской дѣятельности на положительную и отрицательную отразилось при составленіи и русскаго свода полицейскаго за-

ководательства. Причемъ имѣлось тогда въ виду и преподаваніе, въ которомъ законы благосостоянія излагались подъ именемъ благоустройства отдѣльно отъ законовъ безопасности, названныхъ редакторами благочиніемъ. Но въ массѣ полицейскихъ дѣйствій мы встрѣчаемъ немало такихъ, которыя можно съ одинаковымъ правомъ отнести какъ къ полиціи благосостоянія, такъ и къ полиціи безопасности. Невсегда представляется возможнымъ выдѣлить изъ полицейской дѣятельности нѣкоторыя дѣйствія, имѣющія исключительно отрицательный характеръ. Они не исчерпываютъ всей полицейской дѣятельности. Существуютъ и такія дѣйствія, которыя носятъ отпечатокъ положительный и отрицательный.

Мы выше сказали, что полицейская дѣятельность правительства имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, какъ силу, могущею нарушить порядокъ общественной жизни. Только эта возможность, а не самое нарушеніе, не самое дѣйствіе человѣка, составляющее нарушеніе, становится предметомъ полицейскаго права. Какъ скоро дѣйствіе совершается, оно становится предметомъ судебного права, гражданскаго или уголовнаго. Даже совершеніе полицейскаго проступка не составляетъ предмета полицейскаго права. Различіе между дѣйствіемъ и возможностью, между полицейскимъ и судебнымъ правомъ еще не устанавливается тѣмъ, что полицейскіе проступки въ нѣкоторыхъ государствахъ подлежатъ ради практическихъ удобствъ сужденію полицейскихъ властей. Послѣднія, совершая судебное дѣйствіе, перестаютъ быть полицейскими, а становятся судебными. Соединеніе въ одномъ лицѣ или въ одномъ учрежденіи двухъ различныхъ дѣйствій еще недостаточное основаніе, чтобы считать эти дѣйствія одинаковыми, утратившими свои характерныя признаки. Дѣятельность правительства, заключающаяся въ указаніи опасныхъ поступковъ или, по крайней мѣрѣ, считающихся таковыми, есть дѣятельность полицейская. Судебная же дѣятельность есть дѣйствія правительства, слѣдующія за преступленіемъ личною предѣловъ дозволенной закономъ дѣятельности.

Дѣятельность государства, выражающаяся въ законодательной, судебной и административной функціяхъ, уже издавна составляла предметъ изученія. Порядокъ общественной и государственной жизни, безъ котораго не мыслимо сожитіе людей,

всегда затрагивалъ жизненные интересы человѣка. Культура и цивилизація, эти высшія блага человѣчества, какъ свидѣтельствуемъ исторія, становятся возможными только въ государствѣ и чрезъ государство. Попытки критическаго отношенія къ государственному порядку мы встрѣчаемъ еще въ глубокой древности. Вся совокупность свѣдѣній о государствѣ у греческихъ писателей, Платона и Аристотеля, выражалась словомъ «politica»: Съ появленіемъ въ З. Европѣ науки о государствѣ, слово «politica» стало употребляться въ древне-классическомъ смыслѣ. До XVIII ст. мы не замѣчаемъ стремленія выдѣлить изъ общаго ученія о государствѣ ученіе объ административной его функціи.

Съ этого времени управленіе, имѣющее своимъ предметомъ сношеніе одного государства съ другими, сдѣлалось достояніемъ науки, получившей названіе политики; управленіе же внутренними дѣлами государства отошло въ область науки полиціи (Polizeiwissenschaft, la police).

Труды Деламара (1722) и Юсти (1756 и 1760) придали ученію о полицейской дѣятельности государства въ смыслѣ внутренняго управленія характеръ самостоятельной науки. Правда, въ XVII ст. еще находимъ мы монографіи по полицейскому праву, лишенныя однако духа свободнаго изслѣдованія и построенныя на библейскихъ началахъ.¹⁾ Вопросы, подвергнутые подробному изслѣдованію основателями нашей науки, разсматривались и другими, занимавшимися въ XVIII ст. изученіемъ общественной жизни, напр. Вольфомъ.²⁾

Государства З. Европы, возникнувъ изъ борьбы сословій и кулачнаго права, прежде всего поставили себѣ цѣлюю установить внутреннюю безопасность, обезпечить личность, ограничивъ произволъ сильныхъ. Полицейсты школы Юсти и Зонненфельса подъ наукою полиціи разумѣли систематическое изложеніе совокупности нормъ, направленныхъ на установленіе границъ произволу отдѣльной личности — это полиція безопасности (Sicherheitspolizei). Съ укрѣпленіемъ правительства и развитіемъ общественной жизни государство взяло на себя и положительныя задачи, которыя, разрастаясь все болѣе и

¹⁾ Schramm, Politica historica. 1606.

²⁾ Wolffs, Jus naturale. 1750.

болѣе, достигли сложной системы, теперь существующей. Наука приняла въ свою сѣру также изслѣдованіе этихъ положительныхъ задачъ.

Слова «полицейское право» (*Polizeirecht*), «наука полиціи» (*Polizeiwissenschaft*) изъ уваженія къ ихъ историческому происхожденію и самой наукѣ употребляются до сихъ поръ очень многими изслѣдователями ея, обозначая ими не только науку объ отрицательныхъ (какою она была вначалѣ), но и науку о положительныхъ и смѣшанныхъ дѣйствіяхъ правительства. Другіе считаютъ эти слова анахронизмомъ. Въ публикѣ подъ словомъ «полиція» до сего времени разумѣютъ то, что оно означало въ первое время своего появленія въ литературѣ — полиційскую безопасность, внѣшнюю полицію. Въ литературѣ слово «полиція», какъ я уже упомянулъ, означаетъ все внутреннее управленіе государства, кромѣ финансоваго, военнаго, судебнаго и внѣшняго.

Остановливаясь на исторической судьбѣ нашей науки, мы замѣчаемъ, что она слѣдовала двумъ различнымъ направленіямъ. Во первыхъ наука полицейскаго права изслѣдуетъ извѣстный кругъ правовыхъ нормъ. Построеніе цѣлой науки, разсматривающей полиційскія нормы съ юридической точки зрѣнія есть достояніе французской литературы. Это направленіе во Франціи сдѣлалось господствующимъ. Изслѣдователи французскаго административнаго права (*droit administratif*) еще съ прошлаго столѣтія собирали разныя постановленія, касавшіяся дѣятельности государства въ области его внутренняго управленія. Анализировать смыслъ и содержаніе этихъ постановленій, установить схему тѣхъ правилъ, которыми должны руководиться административные органы въ моментъ примѣненія и выполненія полиційской нормы—вотъ сѣра содержанія науки полицейскаго права, названнаго французскими учеными административнымъ. Новѣйшіе представители послѣдняго (*Laferrière, Bathie, Ducrocq* и др.) преслѣдуютъ ту-же цѣль. Они ¹⁾ излагаютъ въ извѣстной системѣ всю совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ дѣятельность, иногда и организацію государственныхъ учреждений и органовъ (*autorités, conseils* и *tribunaux administratifs*), ихъ взаимное соотно-

¹⁾ *Ducrocq*, Cours de droit administratif Paris 1881. b. ed.

шеніе, а также отношеніе ихъ къ правовой сферѣ частныхъ лицъ. Въ наукѣ административнаго права преобладаетъ фрагментарный характеръ. Слѣдующимъ образомъ излагаетъ содержаніе науки административнаго права одинъ изъ лучшихъ ея представителей, именно Лаферрьеръ,¹⁾ въ своемъ курсѣ публичнаго и административнаго права: «не слѣдуетъ», говорить онъ, «смѣшивать науку объ управленіи съ административнымъ правомъ: первая вмѣщаетъ въ себя регламентарную и техническую часть управленія, а также и само административное право, словомъ, обнимая великіе принципы управленія съ придаточными знаніями, она создаетъ настоящаго администратора, подготавливая его на путь улучшеній въ дѣлѣ управленія; тогда какъ административное право болѣе ограничено въ своемъ предметѣ и заключается въ изложеніи взаимныхъ правъ и обязанностей какъ управленія, такъ и управляемыхъ». Такое направленіе науки административнаго права во Франціи отразилось за послѣднее время и въ германской ученой литературѣ. «Долгое время» читаемъ мы у Георга Мейера,²⁾ «въ области управленія оставался преобладающимъ политическій элементъ, но только за послѣдніа десятилѣтія право управленія развилось въ собственно-юридическую дисциплину».

Французское направленіе науки полицейскаго права, какъ направленіе чисто юридическое, не нашло себѣ подражанія въ Германіи, гдѣ наука о полиціи приняла въ высшей степени запутанную форму. Германскій умъ склонный къ систематизаціи, къ философскимъ обобщеніямъ, не ограничиваясь изложеніемъ полицейскихъ пормъ, опредѣляющихъ всю область дѣятельности государства, затронулъ ихъ со стороны пѣлесообразности, полезности. Нѣмецкіе писатели, начиная съ Юсти, Зонненфельса, Берга и др., не ограничились изученіемъ дѣятельности государства, какъ факта соціальнаго, который, будучи принятъ за опредѣленное данное, долженъ бы быть подвергнутъ анализу. Они не были объективными наблюдателями полицейской дѣятельности правительства и общества, стараясь, подобно натуралисту, подмѣтить порядокъ и законы ея. Нѣмецкіе

¹⁾ *Laferrière*, Cours de droit public et administratif. I. c. I. 379. 5. ed. Paris 1860.

²⁾ *G. Meÿers*, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechtes. Vorwort. Leipzig 1883.

полицейсты, поставивъ себѣ задачею найти такое опредѣленіе полиціи, которое, будучи осуществлено въ дѣйствительности, привело бы къ общему благосостоянію, впади въ субъективизмъ. Такое направленіе науки создало массу противорѣчивыхъ опредѣленій полицейскаго права. Естественная философія XVIII ст. доказывала, что политическій союзъ существуетъ ради того, чтобы облагодѣтельствовать гражданъ.

Въ представленіи первыхъ полицейстовъ прошлаго вѣка граждане были массою, непонимающею собственныхъ интересовъ. Наука, по мнѣнію этихъ писателей, должна указать тотъ путь и направленіе правительственныхъ регламентацій и мѣропріятій, которыя приведутъ гражданъ къ благосостоянію даже вопреки ихъ желаніямъ. Выставивъ такую объективную цѣль полиціи, они доказывали, что задача науки полиціи состоитъ въ построеніи системы полицейскихъ мѣропріятій, соответствующихъ цѣли облагодѣльствованія гражданъ.

Нѣмецкіе писатели по полицейскому праву забыли изстаринное положеніе, что наука вообще есть сама по себѣ цѣль, она не имѣетъ никакой другой цѣли кромѣ познанія истины. Такое пониманіе полицейстами задачи науки полиціи создало разногласіе въ ея опредѣленіи. Каждый изъ нихъ могъ создавать систему мѣропріятій ради облагодѣльствованія гражданъ сообразно своимъ субъективнымъ убѣжденіямъ. Со времени Юсти до Р. Моля мы не находимъ существеннаго измѣненія принциповъ науки. Политическая экономія, изложенная въ трудѣ Ад. Смита научнымъ образомъ, повліяла на обсужденіе вопросовъ полицейскаго права, имѣющихъ ближайшее къ ней отношеніе, что ясно замѣчается у Берга въ его сочиненіи «*Handbuch des Deutschen Polizeirechts*», появившемся въ 1799 г. Эпоху развитія нашей науки со времени Юсти до Р. Моля можно назвать метафизическою.

Появившееся въ 1832 году сочиненіе Р. Моля «*Die Polizei—Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates*» произвело переворотъ въ ея направленіи. Я не могу здѣсь остановиться на подробномъ разборѣ труда «столбоставца» нашей науки, оставившаго послѣ себя плеяду полицейстовъ не только въ Германіи, но и повсюду. Принципъ полицейской дѣятельности измѣненъ Р. Модемъ сообразно новому представленію о государствѣ и отношенію послѣдняго къ гражданамъ. По ученію

философіи Канта, политическій союзъ существуетъ ради обезпеченія правъ людей, живущихъ въ государствѣ. Задача науки полиціи Р. Моля остается тою-же, что была у полицеистовъ метафизическаго періода: построеніе системы полицейскихъ мѣропріятій на основаніи новаго принципа невмѣшательства со стороны государства въ дѣятельность частныхъ лицъ и общества въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами въ силахъ достигнуть желаемой ими цѣли. Р. Моль, измѣнивъ отвлеченный принципъ цѣлесообразности мѣропріятій государства, не устранилъ однако изъ задачи науки цѣлесообразности имъ построенія, чрезъ что ему не удалось вполне отрѣшиться отъ метафизическаго направленія первой эпохи.

Работы Моля были образцомъ для германскихъ полицеистовъ (Бера, Ферстенана и др.) до изданія въ 1865—68 году сочиненія Л. Штейна ученія о внутреннемъ управленіи, какъ части общаго ученія объ управленіи (*Die Verwaltungslehre*). Этотъ корифей науки полицейскаго права стоитъ на рубежѣ метафизическаго и позитивнаго ея направленія. Тамъ, гдѣ названный ученый, анализируетъ историческое происхожденіе полицейской нормы или извѣстнаго мѣропріятія, онъ остается на позитивной почвѣ; тамъ-же, гдѣ онъ рассуждаетъ о принятіи правительствомъ и органами самоуправления мѣръ, соответствующихъ его понятію о государствѣ, онъ метафизикъ въ смыслѣ школы Юсти и его приверженцевъ. Позитивной стороною своихъ работъ онъ проложилъ новый путь, которому слѣдуютъ современные германскіе писатели по полицейскому праву. Какъ метафизикъ, онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ школы Юсти и Моля громадною начитанностію, остроуміемъ, ясностію и опредѣленностію выводовъ. Задача науки управленія, по мнѣнію Штейна, заключается въ выведеніи всѣхъ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣръ изъ высшаго, абстрактнаго понятія о государствѣ. «Государство», говоритъ онъ, ¹⁾ «есть организмъ, защищающій интересы одного человѣка противъ другаго и содѣйствующій всѣмъ одинаково». Такъ какъ государство есть совокупность лицъ, понятіе общенія людей, возведенное до личнаго самопознанія, то оно должно имѣть всѣ признаки и свойства личности, но только въ болѣе развитомъ

¹⁾ Л. Штейнъ, System Staatswissenschaft. II.

состояніи; государство есть высшая ступень развитія личности. Здѣсь Л. Штейнъ приверженецъ школы Гегеля, школы діалектическаго развитія идеи. Исходя изъ такого опредѣленія государства, Штейнъ видитъ въ послѣднемъ волю, осуществляющуюся въ законодательствѣ. Дѣятельность же государственной воли т. е. дѣятельность правительственная должна быть направлена на всестороннее развитіе всѣхъ личностей, составляющихъ государство. Воля государства есть воля всѣхъ, составляющихъ его личностей, а потому воля правительства, какъ органа государства, не должна, очевидно, имѣть направленія, не совпадающаго съ волею всѣхъ. Здѣсь ошибка очевидна. Государство, какъ совокупность личностей, выражаетъ свою волю чрезъ правительство, которое бываетъ выраженіемъ воли большинства, иногда извѣстной партіи и никогда почти выраженіемъ всѣхъ лицъ, составляющихъ государство. Исторія изобилуетъ такого рода примѣрами. Вслѣдствіе ошибки въ основномъ понятіи о правительствѣ, понятіи, изъ котораго а priori выводитъ Штейнъ всѣ мѣры правительства на созданіе условій внѣшней жизни человѣка въ обществѣ въ обширномъ его смыслѣ, эти мѣры оказываются субъективными, неэффективными и скорѣе произведеніями метафизическаго, по выраженію Канта, процесса мышленія.

Въ германской литературѣ есть еще особое направленіе науки полицейскаго права, которое можно назвать экономическимъ. Еще со времени Юсти и Зонненфельса наука полиціи изучала человѣка, какъ хозяйствующаго субъекта. Когда политическая экономія въ сочиненіи Ад. Смита явилась самостоятельною наукою, то отдѣлъ науки полиціи, анализирующей экономическую дѣятельность личности, сталъ разрабатываться также и экономистами, какъ прикладная часть политической экономіи. Эта часть науки полицейскаго права получила въ нѣмецкой литературѣ названіе «Volkswirthschafspflege» (Пау, Виртъ, Рошеръ и др.). Предметъ политической экономіи, какъ извѣстно, составляетъ хозяйственная дѣятельность, выливающаяся въ производствѣ, распредѣленіи и потребленіи. Преобладающій мотивъ въ экономическихъ дѣйствіяхъ человѣка есть стремленіе къ приобрѣтенію богатствъ. Мы знаемъ однако, что человѣческія дѣйствія могутъ быть разсматриваемы не только подъ вліяніемъ этого фактора, но и подъ вліяніемъ пра-

вительственныхъ мѣръ, регулирующихъ экономическую дѣятельность человѣка. Не можетъ быть спора, что полицейскія постановленія, касающіяся экономической жизни человѣка, вліяютъ на нее. Человѣкъ, живя въ обществѣ и государствѣ, подчиняется власти. Политическая экономія изучаетъ дѣятельность человѣка, какъ существа эгоистичнаго, любостыжательнаго, стоящаго внѣ правительственныхъ регламентацій; она разсматриваетъ хозяйственную дѣятельность человѣка при условіяхъ, несуществующихъ въ дѣятельности, но «*in abstracto*». Наука же полицейскаго права анализируетъ экономическую дѣятельность человѣка подъ вліяніемъ всѣхъ факторовъ, при условіяхъ не только этическихъ, внутреннихъ, но и при условіяхъ, создаваемыхъ правительственною и общественною властью, словомъ, при конкретныхъ условіяхъ «*in concreto*». Отсюда для насъ становится понятнымъ отношеніе одной части полицейскаго права къ политической экономіи, изученіе которой должно предшествовать изученію экономической части полицейскаго права, потому что безъ знанія экономической дѣятельности, поставленной подъ вліяніе одного фактора, нельзя опредѣлить вліяніе на нее правительственныхъ мѣропріятій. Задача экономической части полицейскаго права или, по словамъ Рау, Вирта, Рошера, Моля и др., прикладнаго ученія къ политической экономіи, заключается въ опредѣленіи вліянія правительственныхъ мѣропріятій на производство, распредѣленіе и потребленіе народнаго богатства. Экономическую часть науки полицейскаго права называютъ иногда ученіемъ о хозяйственной политикѣ народа.

Въ Россіи въ первой четверти настоящаго столѣтія широко развернулась программа преподаванія нравственныхъ и политическихъ наукъ, что способствовало появленію у насъ монографій по наукѣ политическаго права и даже самостоятельныхъ трудовъ. Возникновенію у насъ какъ самой науки полицейскаго права, такъ и самостоятельныхъ и переводныхъ изслѣдованій по нѣкоторымъ ея отдѣламъ, наука обязана ряду талантливыхъ преподавателей въ стѣнахъ русскихъ университетовъ. Профессоръ Якобъ, составившій себя имя въ

наукъ и Балугьянскій, составитель законовъ благоустройства и благочинія, обладавшій отъѣннымъ политическимъ образованіемъ, вели преподаваніе науки на широкихъ началахъ: одинъ въ Харьковскомъ, другой въ Петербургскомъ университетѣ. Эти основы не могли подвергнуться уменьшенію съ 30-хъ годовъ еще и потому, что появившійся въ 1832 году трудъ Р. Моля произвелъ переворотъ въ преподаваніи политическихъ наукъ въ З. Европѣ. Эта работа Р. Моля была переведена въ 1840 г. на русскій языкъ профессоромъ полицейскаго права въ Петербургскомъ университетѣ, Рождественскимъ. По университетскому уставу 1835 года кафедре для полицейскаго права именовалась кафедрой законовъ благоустройства и благочинія. Отдѣленіе при Юридическомъ факультетѣ въ нѣкоторыхъ университетахъ для преподаванія политическихъ и административныхъ наукъ, хотя и было, быть можетъ, въ ущербъ преподаванію наукъ юридическихъ, однако дало возможность еще болѣе расширить преподаваніе наукъ политическихъ вообще и въ частности науки полицейскаго права. Такая широкая постановка нашей науки въ русскихъ университетахъ съ 30-хъ годовъ вызвала обширную монографическую литературу по всѣмъ вопросамъ управленія. Самостоятельными учебниками по полицейскому праву считаются изслѣдованія профессоровъ Лешкова, Бунге и (моего глубокоуважаемаго учителя) И. Е. Андреевскаго.

Первый, называя полицейское право общественнымъ, стремится найти соединяющее звѣно между элементомъ свободы и принужденія въ понятіи объ обществѣ. Второй, излагая полицейское право, рассматриваетъ его какъ прикладную часть политической экономіи, чрезъ что и становится приверженцемъ системы изложенія полицейскаго права, соответствующей взглядамъ Рау, Вирта и другихъ. Такого же направленія придерживается и профес. Антоновичъ, называя полицейское право юридической экономіей. Третій при изложеніи ученія уанъко полиціи во многомъ придерживается Р. Моля, но онъ, какъ и Л. Штейнъ, рассматриваетъ не только дѣятельность государства въ лицѣ прави-

тельства, но и дѣятельность органовъ самоуправления. Эта послѣдняя, по мнѣнію современныхъ русскихъ полицеевѣдъ, должна составить немаловажный предметъ изученія для всякаго образованнаго юриста, но особенности для занимающагося наукою полицейскаго права.

О значеніи Лермонтова и Гоголя въ исторіи русской литературы.

Для публичных лекцій орд. проф. И. С. Некрасова.

I.

Значеніе Лермонтова въ исторіи русской литературы.

Байронизмъ былъ однимъ изъ тѣхъ цѣльныхъ, систематическихъ европейскихъ вліяній, которое оставило замѣтный слѣдъ въ нашей жизни и литературѣ. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ нашемъ высшемъ обществѣ замѣтно начала развиваться англоманія. «Горе отъ ума» рассказываетъ намъ о московскомъ князѣ Григоріи: «вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка, и также онъ сквозь зубы говоритъ, и также коротко обстриженъ для порядка», что нѣкоторые москвичи собирались въ англійскомъ клубѣ и толковали о Байронѣ — о матеріяхъ важныхъ. Нѣкоторые московскія барышни, по словамъ Лермонтова, принялись за чтеніе Байрона. Извѣстно, что семейство Раевского, его дочери увлекались Байрономъ. Князь Воронцовъ говорилъ о Пушкинѣ, что онъ слабый (Пушкинъ) подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало», а такъ смотрѣли на Байрона англійскіе лорды. Пушкинъ говоритъ, что лира Байрона дѣйствовала на молодое поколѣніе его современниковъ:

Звукъ новой, чудной лиры,

Звукъ лиры Байрона едва развелъ ихъ мочъ.

Нашъ романтикъ Жуковскій переводилъ изъ Байрона, а потерявшій зрѣніе Козловъ подражалъ ему. Кто не зналъ въ былое время его чернеца, написаннаго подъ вліяніемъ Байрона:

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
 Въ крутыхъ брегахъ кипить, шумить,
 У роши на горѣ высокой
 Обитель иноковъ стоитъ.

Одно время Пушкинъ совершенно отдался вліянію Байрона, которому подражалъ въ Пльнникѣ, Фонтанѣ, Цыганахъ и даже въ первыхъ главахъ Онѣгина, такъ что начало нашего литературнаго самосознанія въ Онѣгинѣ было подогрѣто огнемъ музыки Байрона.

Я припомню вамъ послѣднія двѣ строфы ранняго стихотворенія Лермонтова «По небу полуночи ангелъ летѣлъ»:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
 Для міра печали и слезъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой.
 И долго на свѣтѣ *томилась* она,
 Желаніемъ чуднымъ полна,
 И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей *случныя* пѣсни земли.

Мысль стихотворенія та, что духъ человѣческой не удовлетворяется на землѣ, а только *томится*, что его чудныя желанія не исполняются и жизнь не даетъ ему того, чего онъ требуетъ въ сознаніи своего достоинства. Когда же и почему явилось въ человѣческомъ обществѣ такое высокое понятіе о себѣ, такое *сурдовое* сознаніе своего достоинства? Оно явилось въ XVIII вѣкѣ, когда духъ человѣческой въ лицѣ нѣкоторыхъ философовъ отрекся отъ всякихъ суевѣрій и предрассудковъ, не объяснимыхъ умомъ. Въ этомъ гордомъ сознаніи необычайной силы ума человѣческаго, ничему не подчиняющагося, все могущаго собою обнять, лучшіе силы вообразили, что они могутъ создать общее благо людямъ, могутъ уничтожить и ложь, и лицемеріе, и узкій эгоизмъ, но понятно что у нихъ не могло хватить на это силъ. Сила пара и электричества не могли прийти къ намъ на помощь сами собой, безъ ихъ труда. Не терпѣливые, они тотчасъ же разочаровались въ своихъ силахъ, въ возможности поправить жизнь, измѣнить общество, въ которомъ подобно диатериту накопилась масса нравственныхъ

миазмовъ и бактерій, разочаровались и искали себя успокоенія и лѣкарства только у одной природы. Недовѣріе къ себѣ и другимъ развило въ широкихъ размѣрахъ скептицизмъ. Безнадежные и отчаявшіеся, одни остались при сожалѣніи о людяхъ, родинѣ, челоѳчествѣ, другіе съ презрѣніемъ къ цивилизованному обществу, къ людямъ, индеферентно къ родинѣ и только при поклоненіи своему личному эгоизму. Представителемъ перваго направленія былъ современникъ Байрона (1820—1825) итальянецъ Леопарди, худошавый блѣдный, съ большимъ горбомъ—съ отчаяніемъ и пессимизмомъ смотрѣвшій на порабощеніе своей родины Италіи. Въ немъ отчаяніе за будущее своей родины и всего челоѳчества. Онъ поэтъ безнадежной скорби. «Когда я вижу звѣзды, говорить у него итальянецъ «пастухъ, горящія на небѣ, я говорю, зачѣмъ столько огней. «Зачѣмъ этотъ безконечный воздухъ и эта безконечная глупина небеснаго свода? Что означаетъ эта безграничная пустыня? Да и что я такое? Такъ разсуждаю я самъ съ собою «и этому громадному, блестящему убѣжищу этой безчисленной «семьи, населяющей его, этой дѣятельности, этому движенію «всѣхъ небесныхъ свѣтилъ, вращающихся безконечно и вращающихся къ первоначальной точкѣ своего отправленія, «я не могу отыскать никакой цѣли, никакого результата. Но «что я знаю и чувствую это то, что изъ этихъ движеній все- «ленной и изъ моего хрупкаго существа другой извлечь, «можетъ быть, какое нибудь удовлетвореніе, для меня же жизнь «есть зло». Этотъ лирикъ Леопарди, хотя въ своихъ канцонахъ и не создаетъ намъ типовъ изъ итальянскаго общества, хотя онъ представитель самаго крайняго пессимизма, но онъ жалѣетъ свою родину, жалѣетъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ своихъ соотечественникахъ, жалѣетъ о челоѳчествѣ, хотя и чувствуетъ себя одинокимъ. На оборотъ лордъ Байронъ индеферентенъ къ своему отечеству, презираетъ англійское, особенно высшее общество, которое по замѣчанію Маколей выбрало его своею жертвою, чтобъ показать тысячамъ къ которымъ оно относится равнодушно, что англійскій народъ цѣнить важность семейныхъ узъ. Байронъ озлобленъ ложью, несправедливостью и лицемеріемъ англійскаго общества. «Нѣтъ «ничего смѣшнѣе, говорить Маколей, какъ видѣть британскую «публику въ періодическомъ припадкѣ нравственности». Несом-

нѣнно Байронъ понималъ фальшивую обрядность, которую такъ много наполнена англійская жизнь. Не могъ не понимать Байронъ значенія той страшной массы жертвъ, которыя приносились и теперь приносятся богатому англійскому молоху, о чемъ осмѣлился въ прошедшемъ году напечатать одинъ англійскій редакторъ. Могъ Байронъ и на воскресный день въ Англии взглянуть такъ, что богачи и лорды проводятъ его безо всякихъ увеселеній, чтобы рабочіе лучше трудились для нихъ остальные дни недѣли, когда сами они пользуются всеми возможными увеселеніями. Нашъ Пушкинъ назвалъ Байрона *поэтомъ тордости*—«или я для Англии непригоденъ или Англія для меня», такъ говорилъ Байронъ. Въ его произведеніяхъ нѣтъ Англии, нѣтъ типовъ изъ англійскаго общества. Онъ чувствуетъ, что не можетъ исправить, измѣнить это цивилизованное англійское общество и потому замыкается въ одномъ себѣ, признаетъ только свое я.

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

Такъ характеризовалъ лиру Байрона нашъ Пушкинъ. Только одна природа и примитивныя природы, прямыя, не фальшивыя, но за то совсѣмъ не культурныя, привлекаютъ его вниманіе, и на оборотъ онъ клеймитъ ложъ и лицемѣріе цивилизованнаго англійскаго общества съ такою силой, что Пушкинъ находилъ возможнымъ сравнить его съ стихіей:

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ,
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,
Какъ ты великъ, мочучъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ не укротимъ.

Такъ Байронъ поражаетъ эгоизмъ, безстыдство прикрывающіеся логикой благонаравія. У него для этого — особенный поэтическій приѣмъ или стиль. Всѣ поэты, изображавшіе общественные пороки, смѣялись надъ ними, таковы всѣ сатирики и позднѣе юмористы. Байронъ изображаетъ безъ этого прикрятія и смягченія, предлагаетъ *полюбоваться дѣйствительностью*, которую впрочемъ всѣ принимаютъ *за обычную* въ жизни. Та-

ково изображеніе у него Донъ-Жуана съ его приличнымъ и повидимому строгимъ воспитаніемъ и всѣми дальнѣйшими его похождениями, которыя въ тоже время такъ обыденны, такъ похожи на самую принятую жизнь, гдѣ неодобреніе только тому, кто попался въ шалости, гдѣ эгоизмъ не только признается, но чуть, чуть не добродѣтель. Такой оригинальный стиль поэзіи возможенъ только для такого великаго генія, какимъ былъ Байронъ. Богатство мысли, сжатость, острота лиризма... Естественно поэтому, что у Байрона не было продолжателей стиля и направленія его поэзіи, для которой кромѣ необыкновенныхъ дарованій нужны были еще извѣстные условія личности—гордости англійскаго лордства и личной организаціи. Небыло своего Байрона ни у нѣмцевъ, ни у итальянцевъ, ни у французовъ. Развѣ только отчасти можно указать на нѣкоторыя пьесы Альфреда-де-Мюссе, въ которыхъ слышится подражаніе Байрону, но и тѣ перемѣшиваются съ романтизмомъ. Знаменитый поэтъ нѣмецкій Гейне, совсѣмъ не подходитъ къ музѣ Байрона, онъ скорѣе поэтъ міровой скорби. Вообще тѣ поэты, которые скорбятъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ, несчастныхъ, задавленныхъ жизнью, сожальютъ о страдающихъ—эти поэты скорѣе сродни Леопарди, чѣмъ Байрону. По моему мнѣнію *на континентѣ, на всемъ континентѣ Европы* только и есть одинъ поэтъ, который въ продолженіе всей своей поэтической дѣятельности, безъ фальши и уклоненія въ сторону, въ своей музѣ провелъ тѣ-же вопросы, бралъ тѣ-же темы, звучалъ тѣми-же аккордами, какъ и Байронъ — это нашъ Лермонтовъ.

Кромѣ громаднаго таланта есть еще много другихъ условій, объясняющихъ намъ сходство поэзіи Лермонтова съ поэтомъ британскимъ. Русское племя, запоздавшее на поприщѣ цивилизаціи и сохранившее у себя еще много примитивнаго, особенно въ громадной массѣ народа, легко могло поддаваться обаянію типовъ сильныхъ характеромъ, хотя и не культурныхъ, какъ Гуры и Жорсары. Герои—скитальцы не могли не приходиться къ образамъ тѣхъ, у кого самая исторія представляетъ постоянныя скитанія, переселенія и колонизацію внутри своей территоріи. Самъ Байронъ бралъ изъ нашей исторіи подобные типы, какъ Мазепа. Если байронизмъ вышелъ изъ англійскаго лордства, то онъ могъ быть нѣсколько не

чуждъ и русскому аристократизму, по родовитости къ которому и причислялъ себя Лермонтовъ. Нельзя не указать на одно, хотя можетъ быть и случайное совпаденіе, но неоставшееся безъ вліянія на складъ развитія Лермонтова — въ немъ могла уцѣлѣть частичка британской крови, такъ какъ предокъ его Лермонтовъ выселился изъ Шотландіи, гдѣ и теперь еще есть память о немъ и который велъ свою родословную отъ шотландскихъ бардовъ. И Байронъ и Лермонтовъ были большие и нервные дѣти. Обоихъ ихъ возили для укрѣпленія въ горы, одного Шотландіи, другого Кавказа, обоихъ воспитывали женщины и оба были хорошо воспитаны, оба рано влюблись. Одному миссъ Чевортъ сказала «неужели вы полагаете, что я интересуюсь этимъ хромымъ мальчишкой». Такъ надъ Лермонтовымъ смѣялась Сушкова, когда онъ во время посѣщенія Троицкой лавры сравнивалъ себя съ нищимъ, которому кто-то положилъ въ руку камень вмѣсто хлѣба:

Такъ я молилъ твоей любви,
Со слезами горькими, съ тоскою.

И Лермонтова и Байрона не терпѣло общество за ихъ остроты и язвительныя насмѣшки; и тотъ и другой удалились изъ цивилизованнаго общества и оба на югъ. Конечно по случайнымъ обстоятельствамъ, но Лермонтовъ съ дѣтства познакомился съ англійскимъ языкомъ, изучалъ Байрона, разбиралъ его подъ руководствомъ учителя. Этимъ и объясняется то, что Лермонтовъ сдѣлался достойнѣйшимъ и талантливѣйшимъ подражателемъ Байрона. Онъ вполне владелъ тѣмъ высокимъ лиризмомъ, тѣмъ богатствомъ мысли при сжатости изложенія, глубиною мысли, скрывающейся за каждой его пьесой, богатствомъ образовъ и блескомъ стиха Байроновскаго. По этому то Лермонтовъ составляетъ естественное дополненіе къ поэзіи Байрона. Я полагаю, что если бы произведенія Лермонтова издали въ дополненіе къ Байрону, то ихъ могли бы читать за произведенія одного поэта. Это одно даетъ высокое значеніе поэзіи Лермонтова.

Иные полагаютъ, что у насъ неотчего было развиваться мрачнымъ сторонамъ человѣческаго духа, развиваться тому байроническому мрачному разочарованію, потому что русское общество, русская жизнь не могли накопить вѣковыхъ, загоре-

нѣлыхъ пороковъ, вѣковой наслѣдственной фальши. Какъ бы то ни было, но это было время въ Россіи мертвыхъ душъ, это было общество изъ котораго Гоголь набиралъ для Ревизора и Мертвыхъ Душъ свои типы чиновничества уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, помѣщичества въ видѣ Поздрыхъ, Собакевичей и Коробочекъ съ ихъ единственными интересами продажи и покупки живыхъ, а пожалуй и мертвыхъ душъ, или это было общество Грибоѣдовскихъ Фамусовыхъ, Репетиловыхъ, такъ что инымъ въ такомъ обществѣ отъ ума было только горе. Понятно, что такое общество могло приводить къ идеѣ отрицанія, къ разочарованію, а въ болѣе нервныхъ натурахъ и къ пессимизму. Мало того, самое молодое поколѣніе возбуждало негодованіе; на него можно было глядѣть *печально*, потому что оно состарится въ бездѣйствіи, потому что оно къ добру и злу постыдно равнодушно, потому что ни поэзія, ни искусство не шевелитъ его ума:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ миромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросавши вѣкамъ ни мысли плодотворной,
Ни геніемъ начатаго труда.

Слѣдовательно и молодое поколѣніе плохо подготовленное, мало серьезному научившееся, не способно было къ какой бы то нибыло серьезной дѣятельности, какъ это потомъ и подтвердили литературные типы Тентетниковыхъ, Обломовыхъ. Понятно, что такая дѣйствительность могла приводить къ негодованію, могла возбуждать отрицаніе, могла производить негодованіе противъ царившаго личнаго эгоизма.

И вотъ Лермонтовъ создаетъ намъ два образа — одинъ глубокаго отрицанія въ Демонѣ, другой олицетвореніе эгоизма въ Печоринѣ. Разочарованный человѣческій духъ не находитъ себѣ ни въ чемъ интереса. Ни прелесть и роскошь природы, ни грандіозность красота ея на Кавказѣ не очаровываетъ его. Маленькое исключеніе онъ дѣлаетъ только недоступной красотой, которая заперлась, укрылась отъ всякихъ соблазновъ общества и скрылась за высокими стѣнами монастыря, за которыя, какъ говорить одна изъ нашихъ древне русскихъ поэмъ, не могло проникать ничто демоническое, а всякое *юре—злосчастіе* останавливалось за воротами монастырскими. Де-

монъ Лермонтова какъ то невольно напоминаетъ Меенстофеля и Маргариту въ «аустъ Гете». Хотя поэма Демонъ и имѣетъ много неяснаго, хотя самъ Лермонтовъ позднѣ говорилъ о ней «то былъ безумный, дѣтскій бредъ», тѣмъ не менѣе она была постоянною спутницей старыхъ поколѣній, вторя ихъ разочарованности въ жизни, жаждѣ неудовлетвореннаго счастья.

Другой болѣе зрѣлый и яснѣе выработавшійся образъ, образъ эгоистической личности, но въ тоже время негодующаго человѣка, недовольнаго своимъ обществомъ, какого Лермонтовъ и далъ намъ въ Печоринѣ. Печоринъ рассказываетъ о себѣ «я чувствовалъ себя выше другихъ, меня ставили ниже.... я «былъ готовъ любить весь міръ, меня никто не понялъ и я «выучился ненавидѣть... лучшіе мои чувства, боясь насмѣшки, «я хоронилъ въ глубинѣ сердца... они тамъ и умерли. Я говорилъ правду, мнѣ не вѣрили.... въ груди моей родилось отчаяніе». Печоринъ рассказываетъ о себѣ, что удовольствія ему скоро *отростиали*, большой свѣтъ скоро *надобля*, любовь свѣтскихъ красавицъ только *раздражала его воображеніе и самолюбіе*, потому что сердце оставалось *пусто*; *наука также* (въ смыслъ серьезнаго чтенія и интереса) *надобля*, потому что самые счастливые люди *невѣжды*». Такъ говоритъ Печоринъ, имѣющій параллельныя черты сходства съ Донъ-Жуаномъ Байрона типомъ опоэтизированнаго эгоизма. Печоринъ ожесточенъ противъ общества. Онъ не вѣритъ и не признаетъ ни любви, ни дружбы продолжительной. Онъ презираетъ людей. Вотъ посмотрите каковъ лучшій представитель современнаго молодаго поколѣнія, какъ бы хочетъ сказать Лермонтовъ. Такимъ типомъ онъ могъ шевелить *сонливое* современное ему молодое поколѣніе. Но такого эгоиста вы все таки не сравните съ Чичиковымъ, тоже эгоистомъ. Печоринъ по случайнымъ обстоятельствамъ, но получилъ блестящее образованіе, какъ нѣкоторые изъ его современниковъ Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Чаадаевъ и нѣсколько другихъ. Конечно онъ не занимался науками въ собственномъ смыслѣ слова, но онъ читалъ серьезные книги, вызывающія на размышленіе и, въ то время какъ другіе, если читали, то только современные имъ французскіе романы, тогда какъ Печоринъ увлекался англійскими, каковъ въ то время былъ Вальтеръ-Скоттъ и особенно Байрономъ. У Печорина есть желаніе и стремленіе къ жизни сознательной.

Встрѣтившись съ сроднымъ. ему по складу развитія врачомъ Вернеромъ, онъ разговариваетъ съ нимъ о предметахъ отвлеченныхъ, о вопросахъ серьезныхъ. Понятно, что общество такихъ, какъ Грушицкій, которыхъ онъ былъ головою выше, не могло не вызывать его ожесточенія. Мало того, Печоринъ съ сильною волей, съ опредѣленнымъ цѣльнымъ характеромъ, чего недоставало у всего молодого, современнаго ему поколѣнія, которое впоследствии даже дало матеріалъ только для Обломовыхъ, лишнихъ людей и Лаврецихъ. Въ Печоринѣ Лермонтовъ далъ намъ не идеаль, какъ и Байронъ въ Донъ-Жуанѣ. «Печоринъ, по словамъ Лермонтова, это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія», Лермонтовъ подарилъ его русской публикѣ, потому что «довольно людей корчили сластями... нужны горькія лѣкарства — ѣдки истины». Это и есть тотъ же стиль, которымъ писалъ и Байронъ. Печоринъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ лицо вовсе не комическое, хотя въ немъ и олицетворяется эгоизмъ молодого поколѣнія, но олицетворяется и выраженіе досады, что оно не находитъ дѣла, не умѣетъ или не можетъ приложить своихъ силъ, а этимъ самымъ Лермонтовъ будитъ къ дѣятельности молодое поколѣніе. Но, создавая такой типъ, Лермонтовъ желалъ набрать для него матеріалы и обстановку изъ русской жизни. Онъ говоритъ :

Нѣтъ я не Байронъ, я другой
Еще не вѣдомый избранникъ,
Но только съ русскою душой.

Говорятъ, что для своего романа Лермонтовъ дѣйствительно взялъ матеріалъ съ лицъ, проживавшихъ въ его время на кавказскихъ водахъ. Но видно, что воспыть эгоизмъ и сдѣлать ему изъ русской жизни обстановку нѣсколько затрудняло Лермонтова, потому что сначала онъ хотѣлъ Печорина представить въ петербургской обстановкѣ, въ начатой, и брошенной имъ недоконченной повѣсти «Княгиня Лиговская», въ которой рассказывается напр., какъ Печоринъ на рысакѣ задавилъ проходившаго бѣднаго чиновника и не обратилъ на это никакого вниманія, а потомъ и неподозрѣвая, что онъ встрѣтилъ *его*, опять оконфузилъ и унизилъ его. Лермонтовъ описалъ эти пассажи безъ того юмора, съ которымъ Гоголь вскорѣ потомъ

описывалъ этого чиновника въ Шинели и Запискахъ сумашедшаго. Но какъ я сказалъ, Лермонтовъ не покончилъ этой повѣсти, нужна для нея была нѣсколько исключительная обстановка: первобытная природа, кавказскія воды, кругомъ первобытные характеры, красавица дикарка, а высшее русское общество на водахъ нервное, болѣзненное, эксцентричное, разочарованное, заурядные лица служака, наконецъ южное солнце, о которомъ Байронъ постоянно говоритъ что оно на югъ поспаливаетъ; а среди всего этого и было гдѣ выказать себя и Печорину. И дѣйствительно при такой обстановкѣ Лермонтовъ и создалъ Героя нашего времени. Лермонтовъ дѣйствительно стоялъ головой выше своихъ сверстниковъ, богато одаренный высокимъ чувствомъ изящнаго, серьезно начитанный. Байронъ, Шиллеръ, Гете, Гейне—вотъ какими поэтами была наполнена голова Лермонтова. Остроумный, страшно язвительный и саркастическій, онъ былъ не любимъ обществомъ, которое его не выносило и, по его словамъ, въ него *бросало бѣшено каменья*. И Лермонтовъ чувствовалъ себя одинокимъ «отворите мнѣ темницу, дайте мнѣ сиянье дня». Изъ Гейне беретъ Лермонтовъ повѣстическій образъ сосны на сѣверѣ, скучающей по недостижимой для нея пальмѣ на югѣ. Ему и скучно и грустно и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды. Одинъ онъ выходитъ на дорогу, «я ищу свободы и покоя, ябъ хотѣлъ забыться и заснуть», поетъ Лермонтовъ. Онъ благодаритъ за страданія и мученія, онъ проситъ не жалѣть о его страданіяхъ въ этихъ тюремныхъ стѣнахъ», которыми онъ называетъ весь міръ. Такое раздумье, такіа тонкіа и глубокія чувства свойственны душѣ богато одаренной. Дѣйствительно человѣку полному такихъ чувствъ могло быть скучно въ пустомъ обществѣ и такой человѣкъ могъ негодовать; у такого человѣка могли вырываться рѣзкіа слова правды и негодованія противъ лицемерія. Внесеніе многихъ подобныхъ возвышенныхъ мотивовъ облагораживало наше общество, со многими знакоилось оно въ первые, но зато въ первые и было внесено въ нашу жизнь чувство глубочайшаго разочарованія. Его поэзію какъ и Байрона можно бы было сравнить съ грозой, которая была нужна для очищенія воздуха, такъ что фигура Печорина представляется какъ бы освѣщенная блескомъ молніа. Лермонтовъ особенно великъ изображеніемъ природы и особенно глубокимъ

сочувствіемъ къ ней. Къ сожалѣнію ему мало приходилось жить собственно въ Россіи, а потому картинъ изъ нея онъ успѣлъ написать не такъ много. Послѣ Жанъ-Жака Руссо недовольнаго недостатками цивилизаціи и требовавшего обратиться къ природѣ, подобно Байрону восторженно сочувствовавшему природѣ и людямъ близкимъ природѣ, Лермонтовъ съ особеннымъ искусствомъ всегда изображаетъ ее. Она только приводитъ его въ тихое раздумье надъ жизнью :

Я думалъ жалкій человекъ
 Чего онъ хочетъ ? Небо ясно,
 Подъ небомъ мѣста много всѣмъ ;
 Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?
 Когда онъ смотритъ на желтѣющую ниву :
 Тогда смиряется души моей тревоги,
 Тогда расходятся морщины на лицѣ
 И счастье я хочу постигнуть на землѣ,
 И въ небесахъ я вижу Бога.

Ни что такъ успокоительно не дѣйствуетъ на него, какъ природа, въ согласномъ аккордѣ съ которой онъ желалъ бы и умереть, когда онъ вмѣстѣ съ Гете говоритъ :

Подожди не много, отдохнешь и ты.

И въ каждой изъ картинъ природы изображенныхъ имъ лежала серьезная и глубокая мысль. Вотъ его гордыя пальмы, которыя гибнутъ при первомъ соприкосновеніи съ цивилизованнымъ человекомъ, вотъ сухая вѣтка палестины, оторванная отъ роднаго дерева и занесенная далеко отъ родины людьми, которые можетъ быть и сами увяли. Лермонтова занимаетъ судьба оторваннаго отъ вѣтки листочка, онъ замѣчаетъ какъ тучка ночуетъ на утесѣ. У Лермонтова горы ведутъ споръ между собою.

Лермонтовъ собственно поэтъ Кавказа, гдѣ въ тучахъ прячутся скалы, гдѣ люди вольны какъ орлы, гдѣ горы, какъ у крѣпости зубцы, гдѣ они тянутся цѣпью жемчужною, гдѣ въ пропастяхъ воетъ и крутится сердитый валъ, гдѣ люди ютятся въ савляхъ, какъ въ птичьихъ гнѣздахъ Кавказа, который онъ намъ содалъ во всей красѣ и полнотѣ. Зброшенный судьбою

на Кавказъ, Лермонтовъ въ подробности присмотрѣлся къ нему и далъ намъ описаніе и природы Кавказа, и жизни его обитателей. Въ живыхъ, яркихъ образахъ нарисовалъ онъ удалъ черкеса, глубокое презрѣніе его къ трусамъ. Поэтическія описанія Кавказа, сдѣланныя Лермонтовымъ, долгое время служили единственнымъ источникомъ свѣдѣній о Кавказѣ. Въ своемъ художественномъ творествѣ Лермонтовъ къ великому удивленію сохраняетъ статистическую точность описаній природы, мѣстностей, каковы описанія Гуть Горы, переѣзда черезъ Крестовую, лѣсовъ Дагестана, долинъ Грузіи. И долгое время сочиненія Лермонтова были для насъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній о Кавказѣ. Только за послѣднее время сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ пополнилъ наши знанія о Кавказѣ. На западѣ обыкновенно называютъ Лермонтова пѣвцомъ Кавказа. И дѣйствительно своею поэзіей Лермонтовъ сдѣлалъ второе завоеваніе Кавказа. За то и Кавказъ съ своей стороны признателенъ къ Лермонтову. Ни гдѣ, какъ мнѣ передавали туземцы, не читаютъ и не изучаютъ такъ Лермонтова, какъ на Кавказѣ, хотя и въ самыхъ центрахъ Россіи его иные любятъ больше Пушкина, тогда какъ англійскій лордъ не въ особенно большомъ почетѣ въ Англии, гдѣ ему предпочитаютъ Шелли.

Поэзія Лермонтова, какъ и Байрона, отвѣчали той нервной раздражительности, которая замѣчается у цивилизованнаго человѣчества особенно въ настоящемъ столѣтіи—это по преимуществу лирика тяжелаго разочарованія, но съ сохраненіемъ высшихъ изящнѣйшихъ формъ, это еще поэзія не демократизированная, выраженіе возвышенныхъ чувствъ, но немногихъ личностей, потому что захватывая глубже жизнь, демократизируясь, поэзія будетъ терять много высшаго изящества, той высокой отдѣлки, за которой и нельзя будетъ гнаться позднѣйшимъ поэтами и къ которой, какъ къ вѣчно юной природѣ всегда будетъ обращаться человѣкъ, когда ему захочется хотя немножко уйти отъ своей дѣйствительности. Этому же отвѣчаетъ и стихъ блестящій, содержательный, сильный, но сжатый стихъ напоминающій байроновскій. Самъ Лермонтовъ называлъ свой стихъ желѣзнымъ. Дѣйствительно стихъ Лермонтова имѣетъ особую, ему принадлежащую индивидуальность. Ни кто до сихъ поръ вполнѣ не повторилъ его стиха. Ключъ къ нему

Лермонтовъ унесъ съ собою, точно также какъ великій художникъ Рембрантъ унесъ съ собою тайну состава красокъ, изъ которыхъ у него составлялся дивный переходъ отъ тѣни къ свѣту. Стихъ Лермонтова имѣетъ въ себѣ много пластики. Его можно сравнивать съ живописью, стоитъ только припомнить наприимѣръ картину Трехъ Пальмъ :

Вотъ у ногъ Ерусалима,
 Богомъ сожжена
 Безлагодна, недвижима,
 Мертвая страна ;
 Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
 Моетъ желтый Нилъ
 Раскаленные ступени
 Царственныхъ мочилъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время былъ молодой поэтъ, который въ нѣкоторой степени подражалъ стиху Лермонтова, повторяя многія изъ его основныхъ темъ, поэтъ сильно развившій мрачныя стороны своего духа, поэтъ душевной муки, наполненный огнемъ негодованья, который о нашемъ поколѣннѣ говоритъ, что оно юности не знаетъ, что юность стала сладкой миновавшихъ лѣтъ, что рано наши годы дума отравляетъ первый силъ розмалъ и первый чувства разсать, что чуть не съ колыбели сердцемъ мы драхлѣемъ ; но за то поэтъ этотъ, недавно умершій Надсонъ, написать успѣлъ только нѣсколько мелкихъ лирическихъ стихотвореній.

Не много такихъ богато одаренныхъ личностей представляетъ намъ русская жизнь, какимъ былъ Лермонтовъ. Нужно удивляться, какъ могъ такой сравнительно молодой человекъ, какъ Лермонтовъ, умершій 26 лѣтъ, выработать въ себѣ во всякомъ случаѣ, хотя и безотрадный, но очень серьезный взглядъ на жизнь и создать свои, полныя глубокими мыслями и чувствами творенія, потому что серьезность мысли принадлежитъ зрѣлымъ годамъ. Даже Байронъ, составляющій блестящее исключеніе въ ряду гениальныхъ людей, воспитавшійся въ центрѣ человѣческой цивилизаціи, прожилъ 10 лѣтъ больше Лермонтова.

Какъ у Байрона не нашлось настоящихъ продолжателей его стили поэзіи, такъ точно и у Лермонтова. Конечно поэзія

Лермонтова не прошла безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе нашей литературы. Отъ нея ведутъ свое начало всѣ тѣ романы, въ которыхъ авторы виняютъ общество въ воспитаніи или судьбѣ своего героя. Можетъ быть отсюда даже идетъ и Тургеневскій Рудинъ, можетъ быть отъ него ведетъ свое начало и поэзія хандры развитая у Фета. Но Лермонтовскихъ темъ и его стили не повторилъ никто. Нѣкоторые критики сравнивали поэзію Лермонтова съ поэзіей Некрасова, но послѣдній болѣе всего принадлежитъ къ поэтамъ скорби, содержаніемъ которой горькая судьбина забитаго простолюдина, судьба убогихъ и нарядныхъ — тѣ скорби и сожалѣнія, которыя не входятъ въ музу Байроновскую. Что же касается до тѣхъ подражаній Лермонтову въ героѣ нашего времени, то они оказывались болѣе всего слабыми и критики совершенно справедливо залеймили разныхъ Тамариныхъ *разжизненіемъ Лермонтовскихъ темъ и образовъ*. Несомнѣнно, что независимо отъ таланта былъ моментъ въ развитіи русскаго общества, когда байроническія идеи могли прививаться въ русскомъ обществѣ и когда этотъ моментъ прошелъ, то продолженіе такого стили поэзіи было невозможно. Дѣйствительно между современниками Лермонтова можно отмѣтить Полежаева, нѣсколько стихотвореній котораго можно бы поставить въ параллель съ Лермонтовскими, по ихъ мрачному колориту, по нѣкоторой одинаковости чувствъ волновавшихъ и того и другаго поэта, но Полежаевскія стихотворенія представляютъ собою какъ бы черновые наброски поэта писавшаго про себя и содержанію которыхъ совсѣмъ не отвѣчаетъ вялый, слабый, плохо выдерживающій свое внутреннее содержаніе стихъ. Можетъ ли напр., настроить насъ сообразно своему содержанію такой дѣтскій стихъ:

И я жилъ, но я жилъ
 На погибель свою...
 Буйной жизнью убилъ
 Я надежду мою.

Тѣмъ не менѣе во время Лермонтова или тотчасъ же послѣ его смерти въ 50-хъ годахъ были у него подражатели, произведеній которыхъ извѣстными у насъ осталось мало. Несомнѣнно, что часть такихъ произведеній погибла для насъ. Я имѣю нѣсколько удѣлѣвшихъ отрывковъ изъ стихотвореній од-

дѣвицы, рано умершей, но по моему мнѣнію очень достой-
на подражательницы Лермонтова. Таково ея стихотвореніе
написанное на Лермонтовскую тему «любишь но кого же; на
время не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно». При-
ложу его :

Вы помните, или нѣтъ, быть можетъ, ужъ забыли,
Какъ годъ тому назадъ у насъ вы въ домѣ были.

О! какъ теперь я вижу васъ

Съ голубосвѣтлыми, небесными очами,

Съ какой то кротостью дышавшими рѣчами.

Вы были хороши въ тотъ разъ!

Я знала всю мою печальную ничтожность

Я ясно поняла любить васъ невозможность,

Но что мнѣ въ счастья земномъ?

Вотъ счастье мое—объ васъ воспоминанье.

Не достижимымъ, чуднымъ божествомъ

Вы представлялись мнѣ тогда одѣтые сѣннемъ,

Но вотъ ужъ годъ прошелъ и я васъ вижу снова,

Но я не радуюсь, заплакать я готова,

Куда исчезъ мой идеалъ,

О чемъ я плакала, молилась и мечтала,

Съ моленіемъ объятья простирала;

Мечтательный кумиръ упалъ.

Не васъ любила я, а свѣтлое мечтанье,

Воображенія прекрасное созданье.

Да обманулась я, но знаетель, признаться

Мнѣ грустно, тяжело съ мечтой разстаться

Душа моя сроднилась съ ней.

При ней грустнѣй, за то скорѣе дни летѣли;

Теперь опять пойдетъ пустая жизнь безъ цѣли,

Безъ думъ, желаній и страстей.

И страшно вздумать мнѣ, что даже не однажды

Алкающей души не утоливши жажды

Я не могу ужъ больше пѣть,

Что мнѣ уже не возсоздать разбитаго кумира,

И что въ пустынь этой міра

Мнѣ никого ужъ не любить.

На такую же тему есть стихотвореніе и у Надсона. Это

жажда счастья, какъ жажда путника въ знойной пустынь, это полное безотрадное недовѣріе въ возможность его, представление его, только какъ обманъ, какъ миражъ въ пустынь— тема чисто Лермонтовская, воспроизведенная легко звучнымъ, Лермонтовскимъ стихомъ. Известно, какую роль въ поэзіи Байрона играетъ желаніе чувства *забвенья*, какъ часто въ поэзіи Лермонтова повторяется желаніе *забыться*. У меня не сохранилось на эту тему полного стихотворенія, а только отрывокъ, въ которомъ поэтесса предлагаетъ все отдать за это забвенье:

И мѣсто на солнцѣ, и радостный день
И нѣгу вечерней прохлады.
Хотите страданья, и ихъ вамъ отдать,
Отдамъ вамъ и слезы и стоны.
Возьмите, и дайте взаменъ мнѣ
Одно лишь забвенье, забвенье, забвенье.

Наконецъ, отъ молодой поэтессы уцѣлѣло еще одно стихотвореніе, полное разочарованія въ наукѣ. Вы припомните, что Печоринъ былъ разочарованъ въ наукахъ. Это разочарованіе началось съ того момента, когда ожидали, что наука сразу, безъ труда, безъ кропотливой работы откроетъ всѣ свои тайны уму человѣческому, какъ будто бы безъ труда и изслѣдованія можно было открыть силу пара, что наука сразу насъ благоустроитъ, а мы будемъ сидѣть и поджидать ея. У Лермонтова впрочемъ прямо на эту тему нѣтъ отдѣльной пьесы, такъ что та, которую я вамъ прочту и которою закончу мою настоящую бесѣду, составляетъ стихотвореніе вполне оригинальное. Вотъ оно:

Что предаешься грусти гнѣвной,
Молодость губишь бесплодной тоской,
Ходя, или сидя молча,
Лобъ освѣжаешь холодной рукой.
Боленъ душою юноша крѣпкій,
Эти болѣзни случались со мной,
Трудъ, вотъ лѣкарство, дѣломъ займися
Некогда будетъ душѣ быть больной.
Радъ бы стараться, радъ бы заняться,
Всякая книга валится изъ рукъ,

Связана воля тягостнымъ чувствомъ,
Впрочемъ и пользы то нѣтъ отъ наукъ.
Сколько счастливыхъ дней невозвратно,
Сидя за книгою я потерялъ.
Что-жь вышло толку, только яснѣе
Понялъ ничтожность того, что узналъ.
Въ этой корыстной жадѣ познанья
Счастія дерзко найти я мечталъ.
Полно гоняться, тѣни пустыя,
Долго я бѣгалъ за ними, усталъ....

II.

Значеніе Гоголя въ исторіи русской литературы.

Я посвящаю настоящую бесѣду гениальному сатирику нашего русскаго общества—Гоголю. И теперь еще не только юношество воспитывается на его великихъ твореніяхъ, но и все русское, мало-мальски образованное въ нашемъ обществѣ. Правда, послѣ Гоголя многіе общественные типы возсозданы разнообразнѣе и шире. Намъ уже успѣли нѣсколько познакомиться съ тѣми живыми душами, которыми владѣли Собакевичи, Чичиковы, Плюшкины, Коробочки и Маниловы. Губернскій городъ поэмы Мертвыхъ Душъ получилъ болѣе подробную, болѣе детальную обрисовку въ Губернскихъ Очеркахъ Щедрина. Нравы купечества въ комедіи Женитьба разрознились въ цѣлое темное царство комедій Островскаго. Нравы бурсы, затронутые Гоголемъ, перешли въ безотрадную картину очерковъ Помяловскаго. Послѣ Гоголевскаго Тентетникова мы получили много новыхъ фигуръ, между которыми особенно выдѣляется Обломовъ Гончарова. Мы получили много такого, чего и не затрагивалъ Гоголь. Кромѣ женскихъ типовъ Тургенева мы получили типы зарождающейся у насъ буржуазіи въ лицѣ *homme nouveau*. Тѣмъ не менѣе Гоголь былъ первый создавшій въ литературѣ типы нашей общественной жизни и притомъ такъ высоко художественно, что до сихъ поръ никто не сравнялся съ нимъ въ этомъ отношеніи. Да и все-ли исчезло изъ общественной русской жизни, что такъ зло осмѣяно было Гоголемъ? И теперь еще на русской землѣ не перестаютъ ѣздить ревизоры. И теперь еще нрѣдка газеты передаютъ намъ случаи съ самозванными ревизорами. Еще далеко не во

всей области русскаго государства исчезли старые суды. Правда, продажа и мертвыхъ и живыхъ душъ уже кончилась. Но и на нашихъ глазахъ таможенное вѣдомство все еще представляетъ предметъ большихъ заботъ, то таможенное вѣдомство, гдѣ началъ свою карьеру Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, всю жизнь свою мечтавшій сдѣлаться новороссійскимъ помѣщикомъ и занять въ странѣ, куда стекалось все бѣглое, въ странѣ которую тогда называли безпаспортной, невѣчной. Можетъ быть еще и Селифанъ съ Петрушкой, теперь свободные граждане, мыкаясь, доживаютъ свой вѣкъ, не интересуя собою литературы, которой и безъ ихъ много дѣла.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, именно Пыпинъ, уже выяснилъ, что Гоголь по своимъ великимъ твореніямъ, въ которыхъ сатирически изобразилъ правдивую русскую жизнь съ ея бѣдностью общественныхъ интересовъ, испорченностью и необразованностью общества — что Гоголь не имѣетъ никакой связи съ литературой предшествующей, не служитъ продолженіемъ ни Пушкина, ни другихъ своихъ предшественниковъ. Высокопоставленные друзья Гоголя, которые ему покровительствовали и вліяли на складъ его убѣжденій, испугались результатовъ его вліянія на общество и литературу, когда вышли Мертвыя души. Испугался и самъ Гоголь. Послѣ такого объясненія Пыпина невольно возникаетъ вопросъ: какъ-же это случилось, что Гоголь безъ предшественниковъ, безъ руководителей, безъ опредѣленной теоріи принялся ни съ того ни съ сего за изображеніе общественной русской жизни, надъ которою горькимъ смѣхомъ насмѣялся, какъ начертано на его могильномъ памятникѣ? Постараюсь дать нѣкоторыя разъясненія на этотъ вопросъ. Понятное дѣло, что проложить новый путь въ какой-бы то ни было отрасли знанія и искусства, равно какъ и открыть новое направленіе въ литературѣ свойственно только натурамъ гениальнымъ; но чѣмъ объясняются такія стремленія въ самой личности Гоголя, не вышло-ли это подъ вліяніемъ литературы европейской на Гоголя? Но, судя по многимъ указаніямъ, Гоголь не принадлежалъ къ числу высокообразованныхъ людей. По многимъ отзывамъ онъ былъ недостаточно образованъ. Онъ не могъ изучить великихъ европейскихкихъ поэтовъ и мыслителей. Ни дома, ни въ школѣ не овладѣлъ онъ европейскими языками. Ни гувернеровъ, ни гувер-

нантокъ у него не было. Попробоваль было онъ въ нѣжинскомъ лицейѣ выучиться по нѣмецки, выписаль всего Шиллера, но у него не достало энергіи одолѣть нѣмецкій языкъ. Впослѣдствіи самолюбивый Гоголь говариваль, что онъ и не вѣрять, чтобы Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ. Даже въ Мертвыя души онъ внесъ такой отзывъ о произношеніи англійскаго языка «по-англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птиць, даже физиономію сдѣлаютъ птичью и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физиономіи». Кажется у Гоголя не было большой способности къ изученію языковъ. А потому Гоголь никогда не могъ основательно знать ни Шиллера, ни Гете, ни Берне, ни Гейне. Сдѣлаль было онъ поѣздку въ Любекъ, но и тамъ пробыль очень не долго. Разъ, во время поѣздки изъ Петербурга въ Москву, Аксаковъ видѣль у Гоголя Шекспира во французскомъ переводѣ. Также вѣроятно онъ ознакомился и съ Вальтеръ-Скотомъ. Байрона онъ не изучаль, съ Диккенсомъ не успѣль познакомиться. Онъ не интересовался Вольтеромъ и самъ говорилъ, что онъ имъ неувлекался и въ юности. Когда у близкой его знакомой Смирновой въ Римѣ начали читать изъ Жоржъ Зандъ, то Гоголь сказалъ: «любите-ли вы, когда на скрипкѣ фальшиво играютъ. Такъ ваша Жоржъ Зандъ видитъ и изображаетъ природу. Я не могу видѣть какъ вы ею восхищаетесь. Я удивляюсь, какъ вамъ вообще нравится все растрепанное». (Кул. 11 т. 3). Ясное дѣло, что идеаламъ Жоржъ Зандъ Гоголь не сочувствовалъ. Нельзя не прибавить ко всему этому того, что изъ школы онъ невынесъ никакого знакомства съ миромъ классической литературы, такъ что въ школѣ ему дано было прозвище *universus mundus*, тѣхъ двухъ словъ, которыми начиналась учебная хрестоматія и дальше которыхъ не пошли его свѣдѣнія въ литературѣ классической, т. е. онъ не зналь дѣлаго отдѣла европейской литературы. Позднѣе онъ чувствовалъ пробыль въ своемъ знакомствѣ съ этимъ отдѣломъ литературы и въ Римѣ въ 1842 г. каждый день послѣ обѣда читаль Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, и когда Смирнова говорила, что эта книга ей надоѣдаетъ, онъ оскорблялся, сердился и писалъ Жуговскому, что Смирнова и на Иліаду топаетъ ногами (ib. 4 стр.). Но нельзя не замѣтить, что не лишено курьезнаго это чтеніе въ русскомъ переводѣ Иліады въ Римѣ. Впрочемъ результатомъ этого чтенія была переработка Тараса Бульбы,

во второе изданіе котораго Гоголь, въ подражаніе Гомеру, внесъ массу эпитетовъ, сравненій, рѣчей героевъ передъ битвой, словомъ подбѣгалъ исправленія во вѣднѣйшей сторонѣ стили, не прибавивъ ничего ко внутреннему содержанию, часть котораго создана была имъ по своей русской Иліадѣ, по историческимъ народнымъ пѣснямъ. Такимъ образомъ Гоголь кромѣ Пушкина воспитался на Фонвизинѣ, который впрочемъ самъ Иванушку создалъ на основѣ Гольберговскаго Ивана изъ Франціи, воспитывался на Мольерѣ, съ Гарпогономъ котораго онъ познакомился еще на школьной скамьѣ, а впослѣдствіи съ итальянскимъ комикомъ Гольдони, одну изъ комедій котораго онъ перевелъ на русскій языкъ для актера Щепкина. Но съ Гольдони онъ познакомился, когда уже писалъ Мертвыя души. Такимъ образомъ Гоголь не могъ расширить своихъ свѣдѣній и горизонта своихъ взглядовъ; Зейдлицъ, издавшій Гоголя рядомъ съ Жуковскимъ, просто называетъ его малообразованнымъ. Мы не можемъ такимъ образомъ допустить, чтобы литературная дѣятельность Гоголя вышла изъ подъ вліянія европейскихъ писателей и мыслителей. Если мы обратимся къ письмамъ Гоголя, то найдемъ запасъ его образованности далеко необширнымъ; съ учеными какъ Шевыревъ и Погодинъ, онъ мало выказываетъ запаса учености въ своей перепискѣ. Мы знаемъ объ его неудачныхъ попыткахъ взяться за преподаваніе, за профессуру. Отъ того литературнаго русскаго кружка, который интересовался общественными вопросами русской жизни, Гоголь держался вдали, такъ что, когда Бѣлинскій захотѣлъ съ нимъ видѣться, то Гоголь устроилъ это секретно, боясь какъ Петербургскихъ своихъ друзей, такъ и Московскихъ. Такъ объясненія литературнаго направленія Гоголя, мы должны искать изъ другихъ сторонъ.

Конечно и безъ большаго образованія можно быть отъ природы умнымъ. И про оруженосца знаменитаго лапанчскаго Донъ-Кихота про Санчо Пансу можно сказать, что иногда и онъ говоритъ и рассуждаетъ какъ мудрецъ, когда говоритъ пословицами—мудростью цѣлаго народа, мудростью, созданною вѣками, какъ-бы своею, но Санчо все таки новыхъ открытій не сдѣлалъ, новыхъ путей не проложилъ.

Въ лицѣ Гоголя южно-русская народность вноситъ свою здоровую струю, свои повѣстическіе элементы въ русскую ли-

тературу. Еще Кулишъ дѣлалъ попытку указать на любовь Гоголя къ народнымъ пѣснямъ. Пропитался Гоголь пѣснями, южно-русскою поэзіей, которая могла обогатить его природу поэтическими образами и звуками. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще не оцѣнено по достоинству вліяніе на Гоголя извѣстнаго археолога южно-русскихъ древностей и собирателя народной поэзіи Максимовича. Онъ былъ собственно первымъ издателемъ и собирателемъ думъ времени казачества. Онъ первый въ Россіи читалъ курсъ по народной поэзіи. Въ то время очень немногіе понимали значеніе этой поэзіи. Максимовичъ же могъ многое разъяснить въ этомъ отдѣлѣ для Гоголя. Стоило Гоголю только встрѣтиться съ нимъ, какъ онъ начинаетъ въ письмахъ забрасывать Максимовича вопросами о пѣсняхъ и ихъ изданіи, которое приготавлиалъ Максимовичъ. При такомъ разъяснителѣ памятники народнаго творчества могли повліять на развитіе Гоголя не менѣе поэмы гомерическихъ. Едва-ли кто другой въ то время и могъ осмыслить значеніе народной поэзіи лучше Максимовича. Максимовичъ понималъ южно-русскія думы, какъ исторію казачества. Подъ вліяніемъ Максимовича множествомъ народныхъ думъ и сказаній Гоголь началъ пользоваться какъ историческими памятниками, по нимъ воссоздалъ многія части своего Тараса Бульбы. Талантливый и остроумный во всѣхъ своихъ изысканіяхъ, Максимовичъ по ранней своей специальности былъ ботаникъ. По предмету и по методу своего изученія, онъ не могъ въ поэзіи народа искать только однихъ образовъ фантазій. Изъ того, какъ Гоголь ухватился за Максимовича и изъ провѣрки Тараса Бульбы, мы не можемъ не видѣть сообщеннаго Максимовичемъ Гоголю взгляда на народную поэзію какъ хранительницу фактовъ жизни реальной. Если-же мы посмотримъ на самыя южно-русскія народныя думы, на эту поэзію XVII вѣка, то мы должны отнести ее подобно эпосу сербскому къ пѣснямъ историческимъ. Въ этихъ думахъ XVII в. нѣтъ ничего миеологическаго. Въ этомъ отношеніи будетъ огромная разница между пѣснями цыгана Владиміра и думами XVII вѣка. Въ послѣднихъ не въ примѣръ больше реальнаго содержанія жизни. Конечно, такія народныя пѣсни могли развивать въ поэтѣ направленіе, наклонность къ реализму. И тѣмъ болѣе это естественно, что факты этой старины были не слишкомъ отдаленные. Извѣстно, что у Гоголя

былъ дѣдъ, который, по словамъ его игривыхъ біографическихкихъ предисловіи къ вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки; самъ когда-то полковой писарь, рассказывалъ Гоголю много такого, что дѣлалось въ старину только безъ чиселъ и годовъ — «чему и году и мѣсяца нѣтъ». Обладая даромъ увлекательно рассказывать дѣла минувшихъ дней стараго казачества «бывало поведетъ рѣчь, дѣлмый день не двинулся-бы съ мѣста и все бы слушалъ» говоритъ Гоголь. Дѣдъ рассказывалъ и «про наѣзды запорожцевъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора Кожуха и Загайдочнаго». Такимъ образомъ съ дѣтства еще Гоголь воспитывался на большомъ запасѣ историческихкихъ рассказовъ. Арина Радіоновна рассказывала Пушкину сказки, въ которыхъ много фантазіи и нѣтъ близкой исторіи. Извѣстно, что въ домѣ отца Гоголя было нѣчто въ родѣ вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Пріѣзжіе и особенно самъ отецъ Гоголя мастерски рассказывалъ анекдоты. Даже лѣтъ 30 тому назадъ, когда никакіе общественные интересы жизни не были затронуты, когда вмѣсто газетъ жужжала только пчелка Булгарина, мелкіе помѣщики удовлетворяли своимъ высшимъ потребностямъ рассказами анекдотовъ. Въ анекдотѣ есть своя доля правды, анекдотъ можетъ характеризовать собою лице, событіе. Конечно, многіе изъ васъ живо помнятъ, напр., анекдоты, которые рассказывались о Меншиковѣ русскомъ послѣ въ Константинополь передъ началомъ крымской войны. Я еще помню этихъ любителей анекдотовъ, мастеровъ расказчиковъ. Особые рассказы анекдотовъ любили старички, особенные молодежь. Изъ нихъ составлялась въ то время довольно обширная литература. Эта анекдотическая литература, на которой въ дѣтствѣ пришлось воспитываться Гоголю, стоитъ довольно близко къ жизни. Этими то анекдотами и пользовались для незамысловатыхъ драматическихкихъ пьесъ и рассказовъ. Это анекдотическое творчество общества стоитъ на степени творчества бандуриста или такихъ пьесъ нашего народнаго театра маріонетокъ, каковы Ванька Рутютю или сѣверный Петрушка, въ которыхъ часто анекдотическимъ пошибомъ говорится о дѣйствительныхъ нуждахъ и врагахъ простаго народа. Такого-же или нѣсколько подобнаго характера пьесы народныхъ театровъ флорентійскаго Stenterello, римскаго Pulcinello, неаполитанскаго Pantalone, на которыхъ наносятся всѣ текущіе интересы жизни

народной съ смѣшными недостатками, какъ напр. съ страстью по больше съѣсть макароновъ. Такъ какъ Гоголь самъ былъ любитель рассказывать анекдоты, то любилъ нерѣдко ему приписывать анекдоты. Я приведу вамъ одинъ анекдотъ слышанный мною послѣ смерти Гоголя, который ему и приписывали. «Въ страшномъ захолюстѣ, въ селѣ около хаты дьячекъ съ писаремъ читаютъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ публикацію о вызовѣ молодыхъ людей воспитываться на казенный счетъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга и разсуждаютъ о томъ, какъ изъ такого окончившаго воспитаніе можетъ человѣкъ выйти. Прислушался къ разговору шедшій изъ шинка простолюдинъ и, вернувшись къ женѣ, началъ уговаривать ее: *«дадимъ воспитаніе Хунзыку, изъ него человекъ выйдетъ, человекъ сдѣлается, нашу старость покоитъ»*. Повезъ мужъ помѣщику пшеницу въ Питеръ и захватилъ съ собою Хунзыка. Стоитъ солдатъ у воротъ большущаго дома, онъ всѣ порядки учебныя знаетъ. Взявъ себѣ за хлопоты какую то монету, онъ принимаетъ Хунзыка и наказываетъ явиться за нимъ черезъ 4 года. Когда черезъ 4 года простолюдинъ явился за Хунзыкомъ, то у воротъ засталъ того же самаго солдата. Вспомнилъ солдатъ и объяснилъ, что Хунзыкъ точно окончилъ воспитаніе, но по волѣ начальства назначенъ городничимъ въ Тамбовскую губернію. И дѣйствительно оказалось, что въ городѣ городничій Хунзыкъ, по фамиліи Хунзыкъ. Въ пріемный день и часъ —является простолюдинъ, взявши съ собою на всякій случай въ пазуху клокъ сѣна, а въ карманъ плетку. Когда же городничій вышелъ, то простолюдинъ подбѣжалъ къ нему съ клоккомъ сѣна и съ словами: «тпрусь, тпрусь, что не узналъ» и даже началъ было вынимать плетку, какъ городничій отдалъ приказъ взять его, какъ сумасшедшаго. Простолюдинъ бросился за дверь, приговаривая «какъ ты скотину не учи все скотиной и останется». Не ручаюсь за то, дѣйствительно ли этотъ анекдотъ принадлежалъ Гоголю и былъ рассказанъ имъ, но онъ можетъ дать понятіе о томъ, какіе ходили въ то время анекдоты. Изъ подобнаго анекдота Гоголь могъ безъ затрудненія создать дѣлмый рассказъ очень юмористическій и не лишенный общественнаго значенія. Конечно, у Гоголя былъ анекдотъ о гусакаѣ, который развился въ повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Извѣстно, что

въ Петербургѣ онъ слышалъ анекдотъ объ одномъ чиновникѣ, на послѣднія деньги купившемъ ружье и потерявшемъ его изъ лодки въ камышахъ. Бѣдный чиновникъ отъ горячки умеръ также, какъ не перенесъ потери своей новой шинели Акакій Акакичъ. Ясно отсюда, что анекдотъ приближалъ поэта къ дѣйствительной жизни.

Разумѣется, всѣ эти вліянія были бы ничтожны, если-бы въ самой природѣ Гоголя по наслѣдству не было расположенія, склонности къ наблюденію надъ дѣйствительной жизнью. Въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголь оставилъ одинъ драгоценный автобиографическій отрывокъ о своей юности и дѣтствѣ, который, конечно, не передали-бы намъ его родные, которые этого и не понимали, и не замѣчали. «Прежде, давно въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго дѣтства мнѣ было весело подѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была-ли то деревушка, бѣдный, уѣздный городишка, село-ли, слободка — *любопытнаго мною открывала въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ.* Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ впечатленіе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный-ли казенный домъ извѣстной архитектуры съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ одиноконекъ торчавшій среди бревенчатой тесовой кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ, круглый-ли правильный куполь, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ новою церковью, рынокъ-ли, фронтъ-ли уѣздный, попавшійся среди города—*ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія* и высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотогѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибирѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, *и умосился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ.* Уѣздный чиновникъ пройди мимо, я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ-ли къ какому-нибудь своему брату или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще не сгустились су-

мерки, състь за раній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ уже послѣ супа салъную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ? Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую, деревяную колокольню, или широкую темную деревяную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома и я ждалъ нетерпеливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью: и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстѣли онъ, и сыновья-ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкимъ, дѣвичьимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшей сестрицей, и черноглазы ли онъ, и весельчакъ-ли онъ самъ или хмурень, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говорить про скучную для юности рожь и пшеницу?». Я нарочно привелъ весь этотъ отрывокъ, который до наглядной очевидности рисуетъ передъ вами талантъ Гоголя, проявившійся не только въ юности но и въ дѣтствѣ, талантъ, данный самой природою и направленный къ реализму. Послѣдующая жизнь развила то, что уже было въ крови. Изъ отрывка мы видимъ обрисовку уѣзднаго города съ казарменной и купольной архитектурой, съ продуктами бакалейной лавки и чиновника, видимъ очеркъ помѣщичьяго села съ хатами и помѣщичьимъ домомъ. И помѣщичье село и уѣздный городъ сдѣлались предметами его творчества. Такимъ образомъ, у Гоголя была необычайная наблюдательность и впечатлительность къ предметамъ жизни. Въ этомъ невольномъ инстинктивномъ стремленіи къ изученію жизни и заключается громадѣйшая сила таланта Гоголя. Изученіе человѣка, умѣнье его понять, охарактеризовать состояло свойство, даръ Гоголя. Это и составляло залогъ движенія въ пользу созданія натуральной школы.

Вмѣстѣ съ идеальными стремленіями въ Гоголѣ всегда замѣтно выступали и практическія стороны его характера. Онъ считалъ себя знатокомъ жизни. Онъ мечталъ поправить дѣла запутавшихся помѣщиковъ. Стоитъ припомнить, какъ онъ даетъ совѣты, когда нужно ему выхлопотать де-

негъ или Максимовичу, когда хочетъ получить мѣсто. Стоитъ припомнить, какъ онъ въ школѣ прикинулся сумасшедшимъ, когда хотѣли его съѣчь. Этимъ я хочу сказать только то, что въ характерѣ его было много практичности, много знанія жизни или лучше сказать стремленія къ практичности.

При такихъ наклонностяхъ, при сильномъ расположеніи къ искусству—живописи, которой онъ учился у художника эстетика въ душѣ а потому имѣвшаго на него большое вліяніе, при расположеніи къ музыкѣ, къ театру Гоголь былъ свидѣтелемъ того, какъ на домашнемъ театрѣ Трощинскаго сыграна была пьеса его отца. Пьесы его отца въ основаніи несложныхъ своихъ сюжетовъ имѣли анекдоты. Сколько мы знаемъ, Гоголь-отецъ для театра Трощинскаго въ одной комедіи вывелъ двухъ лицъ изъ служащихъ въ его домѣ, такъ что во время игры зрители понимали, съ кого скопированы были дѣйствующія лица комедіи. Конечно, зналъ это и сынъ Гоголя. Кулишъ положительно говоритъ, что въ комедіи «Романъ и Параска» представлены мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованьи или на другихъ условіяхъ и принадлежащіе, какъ видно, къ высшему лакейству. Они явились въ комедію подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянскомъ быту, и хотя разыгрывали почти то-же, что случилось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ» (1 т. 13 стр.). Такимъ образомъ, отецъ для Гоголя служилъ первымъ примѣромъ къ тому, что для литературнаго произведенія слѣдуетъ копировать съ живыхъ, дѣйствительныхъ лицъ. Здѣсь-то по моему мнѣнію, и находится ключъ для объясненія того, какъ возникла наша натуральная школа въ литературѣ въ лицѣ Гоголя. Вліяніе театра Трощинскаго на Гоголя было рѣшительное. Подъ вліяніемъ его устраивается Гоголемъ театръ въ вѣжинскомъ лицѣ. Отцовскіе пьесы были первымъ матеріаломъ, которымъ воспользовался Гоголь для первыхъ своихъ рассказовъ.

Этотъ методъ—возсозданіе дѣйствительной общественной жизни пришлось по наклонности Гоголю. Въ этой гнѣзкѣ фигуръ изъ матеріаловъ дѣйствительной жизни прошла вся литературная дѣятельность Гоголя. Изученіе характеровъ и людей сдѣлалось его страстью. Во многихъ изъ его писемъ, наполненныхъ вопросами, сквозитъ задняя мысль получить отвѣтъ, въ которомъ-бы отвѣчающій, не подозревая самъ того, харак-

теризовалъ себя. Извѣстно, что подъ конецъ своей жизни онъ имѣлъ не практичную мысль обратиться даже къ публикѣ, чтобы всякій доставлялъ ему о себѣ свѣдѣнія. Такой приемъ употребляютъ только ученые на Западѣ, собирая свѣдѣнія для рѣшенія ученыхъ вопросовъ и получаютъ. У насъ на такіе запросы лѣнятся отвѣчать, но понятно, что списывать свой характеръ очень рѣдко свободный человѣкъ будетъ и на Западѣ. Извѣстно, что какъ только Гоголь задумалъ серьезно заняться литературною дѣятельностью, то тотчасъ-же началъ бомбардировать свою мать, чтобы она доставила ему разныхъ свѣдѣній: «описание полного наряда сельскаго дьячка отъ верхняго платья до самыхъ сапогъ съ поименованіемъ, какъ все это называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, наименѣе перемѣнившихся малоросіанъ, равнымъ образомъ названіе платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками до послѣдней ленты». И дѣйствительно въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ онъ нарисовалъ не только типы своего времени, но прямо своихъ дѣдушку и бабушку, портреты которыхъ, хотя и грубой работы, и до сихъ поръ висятъ въ гостиной въ Яновщинѣ, гдѣ выросъ Гоголь.

Конечно путь, которымъ пришелъ Гоголь къ открытію новаго направленія въ нашей литературѣ, нельзя назвать вполне сознательнымъ. Извѣстно, что въ различныя эпохи человѣческой культуры встрѣчаются нѣкоторые аналогическія явленія, отличаясь между собою только степенью сознанія. Есть, наприм., на ранней ступени развитія болѣе свободное положеніе женщины и есть оно на высшихъ ступеняхъ развитія, есть общинное устройство на низшихъ ступеняхъ и есть сходныя съ этими институты высшей культуры. Критики знаменитаго романа Сервантеса признаютъ, что онъ создалъ въ образахъ вѣчно существующую борьбу между идеализмомъ и реализмомъ, тогда какъ самъ онъ только желалъ возбудить отвращеніе къ рыцарскимъ романамъ. Конечно при недостаткѣ нашей сознательности, при недостаткѣ широкаго образованія, хорошаго знакомства съ европейскими поэтами Гоголь былъ даже небогатъ сюжетами. Сюжеты для вечеровъ на хуторѣ онъ получилъ въ комедіяхъ своего отца. Лучшую повѣсть изъ вечеровъ, повѣсть съ болѣе серьезнымъ взглядомъ на жизнь—Иванъ Федоровичъ Шпонька, Гоголь вновь перерабатываетъ

въ комедію Женитьба, гдѣ вмѣсто тетуски является другъ Бочкаревъ. Гоголь самъ рассказывалъ, что сюжеты Ревизора и Мертвыхъ Душъ подарены были ему Пушкинымъ. Извѣстно, что гораздо раньше появленія Ревизора, еще въ 1827 году Основьяненко написалъ комедію «Пріважій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ». Въ этой комедіи всѣ важнѣйшіе детали сюжета для Ревизора были готовы. Такой же молодой человѣкъ ревизоръ и также останавливается въ домѣ городничаго. Только вмѣсто жены у городничаго сестра съ племянницей. Такіе же и судья и смотритель или учитель училища. Такую же важную роль играетъ въ комедіи и почтмейстеръ. Разъ Гоголя спрашивалъ Аксаковъ, знаетъ-ли онъ о комедіи Основьяненко. Гоголь отвѣчалъ, что знаетъ, но не читалъ ее. Но пьеса Основьяненко, сама по себѣ имѣющая достоинство по своему выбору сюжета, относится къ Ревизору также какъ Марловъ и Гринъ съ своими драмами къ драмамъ Шекспира. Пьеса Основьяненко послѣ Ревизора пропала безслѣдно. Даже современная критика Пчелы, набросившаяся на Ревизора ни полслова не указывала на комедію Основьяненко. Недостатокъ сознательности конечно много мѣшалъ Гоголю въ его литературной дѣятельности. Онъ заставлялъ его идти почти какъ бы оцупью. Сравните его вечера съ святочными разсказами Диккенса и вы найдете громадную разницу во взглядѣ на общественную жизнь, на социальныя отношенія между людьми у того и другаго автора; Гоголь нарисовалъ намъ картину беззаботной веселой малороссійской молодежи въ канунъ Рождества съ картинами природы. Диккенсъ съ своимъ англитропическимъ взглядомъ на жизнь заставляетъ смягчиться со всѣмъ очерствѣвшаго банкира. Воспоминанія картинъ того, какъ онъ въ дѣтствѣ проводилъ этотъ канунъ, заставляютъ его смягчиться и побѣжать къ своему бѣдному родственнику. Конечно вы помните канунъ этого праздника у Доде, картину этого кануна праздника въ подвалахъ и мансардахъ Парижа. При сравненіи этихъ писателей—замѣчается разница только въ сознаніи, во взглядѣ самихъ авторовъ на то, что они описываютъ. И тотъ и другой стоятъ близко къ жизни, и тотъ и другой воссоздаютъ жизнь. Въ основѣ и у того и у другаго юмористичный взглядъ на жизнь, хотя можно сказать, что большинство англійской литературы, пропитано такимъ взгля-

домъ на жизнь. Если бы вы при «Запискахъ Сумасшедшаго» Гоголя припомнили эскизъ Берне «Сумасшедшій въ гостинницѣ бѣлаго лебедя», то вы могли бы увидѣть, что Гоголь изображаетъ вамъ паталогическое развитіе сумасшествія, а Берне представилъ вамъ такого маньяка, который недоволенъ социальнымъ устройствомъ прусскаго королевства и въ разговорѣ съ которымъ никто и не подозрѣваетъ, что онъ сумасшедшій. Такова разница въ образованіи и взглядахъ обоихъ великихъ писателей. Если у Гоголя неоставало сознательнаго убѣжденія, что вновь открытый имъ путь въ литературѣ вѣрный, что поэтъ долженъ воссоздавать дѣйствительную жизнь и затрогивать вопросы жизни общественной, то къ этой дѣйствительности приковывало его сатирическое направленіе. Этотъ юморъ унаслѣдованъ имъ прежде всего отъ того племени, которому онъ принадлежалъ. Извѣстно, что принято называть «*малоросійскій юморъ*». Болѣе-ли мягкая и веселая природа, хорошая ли почва, которая лучше кормитъ южно-русское племя или его историческія судьбы, подобно тому какъ Шотландія воспитала человѣчеству Байрона, предковъ Лермонтова и другихъ европейскихъ мыслителей съ отрицательнымъ направленіемъ, были виновниками этого юмора; но нельзя не признать въ Гоголѣ наклонности къ этой сатирѣ племенной. Помимо этого наклонности къ сатирѣ у Гоголя была и ближайшая наследственная. Юмористическими разсказами и анекдотами отличался его отецъ. Отецъ Гоголя славился этимъ въ средѣ своихъ сосѣдей. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣтилъ въ фیزیономіи матери Гоголя оттѣнокъ юмора. Подъ такими влияніями складывался умъ Гоголя съ дѣтства, память его обогащалась массою комическихъ образовъ, комическихъ анекдотовъ, комическихъ положеній, разныхъ комическихъ проказъ. Извѣстно, что Гоголь много комическихъ фразъ и остротъ своихъ нѣжинскихъ товарищей внесъ въ Вечера на Хуторѣ. Гоголь въ Римѣ уже болѣлъ, когда его встрѣчалъ Чижовъ у Языкова, но и тогда какіе анекдотцы онъ разсказывалъ! Извѣстно, что Гоголь тоже уже больной, на возвратномъ пути изъ Ерусалима сидѣлъ въ нашемъ одесскомъ карантинѣ и отъ руки не то чертилъ, не то рисовалъ перомъ на бумагѣ. Рисунки эти и теперь берегутся у его товарища по лицу, у г. Базили. Гоголь рисовалъ здѣсь каррикатуры то каравана пилигримовъ, то кое-что

изъ нравовъ подбульварной публики. Если вы перечтете письма Гоголя, то вы невольно остановитесь на тѣхъ, которые отличаются юмористическимъ оттѣнкомъ. Скажу больше... письма Гоголя небогаты интересомъ содержанія за исключеніемъ юмористическихъ. Чтобы дать понятіе о характерѣ подобнаго письма, я осмѣлюсь прочесть одинъ изъ такихъ образчиковъ. Это письмо къ бывшей ученицѣ, въ которомъ онъ описываетъ свое путешествіе изъ Лозаны въ Веве. (*Кулишъ I т. 189 стр.*). Ясно, что Гоголь отъ природы по своему таланту былъ исключительно писатель юмориста. Но онъ и не могъ быть иного направленія писателемъ по своему воспитанію и образованію. Для иного направленія мало было познакомиться съ Пушкинымъ, нужно было воспитаться на идеалахъ европейскихъ поэтовъ, а это было для Гоголя, какъ я говорилъ раньше, недоступно. Въ I ч. Мертвыхъ душъ онъ жалуется на судьбу сатирика писателя, и начиная II т. говоритъ: «Зачѣмъ же выставить на показъ бѣдноту нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что же дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроены таланты ея, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни». Ясно, что сатирическое направленіе составляло сущность таланта Гоголя, а потому не смотря ни на что оно должно было приковывать его талантъ къ изученію и воссозданію жизненной правды. Но отъ Гоголя требовали созданія идеаловъ, чего онъ никакъ не могъ дать. Впрочемъ инстинктивное сознаніе своихъ творческихъ силъ у Гоголя было. Ему постоянно казалось, что онъ совершитъ что-то необыкновенное. Это впрочемъ, создалось самымъ его воспитаніемъ. Можно сказать, что онъ былъ немножко фанатикъ. Онъ воспитывался на рассказѣ о его необыкновенномъ рожденіи, какъ его мать, не имѣя дѣтей передъ его рожденіемъ, отправилась къ святому Николаю Диканьскому и какъ ему дано было имя Николая, хотя въ роду Гоголей такое имя не употреблялось. Этимъ надолго могла поддерживаться въ немъ мысль о необыкновенной его миссіи. Въ своихъ письмахъ къ матери и къ разнымъ лицамъ онъ не разъ говорилъ, что онъ сдѣлаетъ что-то крупное, великое для пользы отечества, а потомъ, онъ уже говорилъ, что Россія устремила на него полныя жи-

данія очи. Конечно, подобное инстинктивное сознание могло поддерживать его въ его литературномъ направленіи. По натурѣ Гоголь былъ существомъ болѣе женственнымъ, нервнымъ, почти постоянно болѣзненнымъ, болѣе способнымъ и расположеннымъ къ занятіямъ искусствами, чѣмъ науками. Извѣстно, что единственное лицо, имѣвшее на него вліяніе въ нѣжинскомъ лицейѣ, былъ учитель рисованія, развивавшій въ немъ, эстетическія наклонности. Слишкомъ большая чуткость нервовъ, раздраженность и напряженность, отчасти болѣзненные, должны были только усиливать его поэтическую дѣятельность *въ извѣстномъ принятомъ направленіи, свойственномъ его таланту*. У Лермонтова въ дѣтствѣ были больные нервы, а какаѣ у него во все время его творческой дѣятельности была послѣдовательно проведена одна подражательная Байрону нота. Такова же послѣдовательная, скептически настроенная муза у Гейне, такъ сказать, превратившагося въ одни только больные нервы. Болѣзненные, возбужденные нервы Гоголя, разъ принявъ онъ извѣстное направленіе въ своемъ творчествѣ, могли только помогать ему двигаться въ такомъ направленіи и недопускать измѣнить эту настроенность. Такимъ образомъ, извѣстное теченіе таланта Гоголя, въ силу всей совокупности указанныхъ мною условій, было рѣшительное, опредѣленное въ своемъ теченіи. Такое теченіе остановить уже нельзя. Измѣнить такое теченіе, значить сломать организмъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ему страшную боль.

Извѣстно, что «Сѣверная Пчела» хотѣла остановить Гоголя въ его направленіи сперва послѣ изданія «Миргорода». 1835 г., № 115: «Но какаѣ цѣль этихъ сценъ, не возбуждающихъ въ душѣ читателя ничего, кромѣ жалости и отвращенія? Въ нихъ нѣтъ ни забавнаго, ни трогательнаго, ни смѣшнаго. Зачѣмъ-же показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохотья, какъ-бы ни были они искусно представлены»... а потомъ послѣ изданія «Ревизора» (1836 г., № 171): «Одинъ изъ величайшихъ недостатковъ этой комедіи тотъ, что она не комедія. Основать комедію на злоупотребленіяхъ административныхъ есть уже мысль, показывающая недостатокъ въ авторѣ драматическихъ дарованій. Комедія должна представлять не изнанку жизни, но самую жизнь, только съ смѣшной и забавной стороны. Не ея дѣло преслѣдовать злоупотребленія, какъ

это видимъ мы у Гоголя: на это есть у насъ губернское правленіе и уголовная палата; а если уже непременно требуете полезнаго отъ изящнаго искусства, то предоставьте комедіи гнать тѣ людскіе пороки и слабости, противъ которыхъ безсильна власть закона. Авторъ «Ревизора» совсѣмъ иначе понимаетъ комедію и оттого у него нѣтъ комедіи». Но это не остановило Гоголя, хотя и тревожило, потому что лирическими мѣстами въ «Мертвыхъ душахъ» онъ старался отвѣтить на эти упреки: «не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озаряющія солнца и передающія движенія незамѣтныхъ насѣкомыхъ». Мы знаемъ, что нервовъ Гоголя хватило только для окончанія первой части «Мертвыхъ душъ». Извѣстно, что скоро Вяземскій, Плетневъ и Жуковскій испугались того общественнаго значенія, которое получили «Мертвыя души». Не трудно было испугаться и больному Гоголю, нервы котораго, дѣйствительно, быстро надорвались. Они не могли двигаться въ противоположную сторону. Если-бы жилъ Пушкинъ, который непременно поддержалъ-бы въ этомъ направленіи Гоголя, мы имѣли-бы 2-ю часть «Мертвыхъ душъ».

Я привелъ, мм. гг., мои соображенія, насколько можно объяснить на основаніи біографическихъ данныхъ изъ жизни Гоголя, какъ въ нашей литературѣ возникло реальное направленіе. Если мы повели-бы наши объясненія этого направленія отъ Пушкина и Жуковского, то не объяснили-бы появленія натуральной школы. Изъ южно-русской жизни и поэзіи оно легко можетъ имѣть свое объясненіе. Творенія Гоголя еще можно сколько-нибудь объяснить изъ Основьяненко, котораго, по моему мнѣнію, далеко не оцѣнили по достоинству. Одно созданіе прототипа для «Ревизора» дѣлаетъ его очень важнымъ литературнымъ дѣятелемъ. Припомнимъ, что и онъ создавалъ на основѣ анекдотовъ общественныхъ и отличался комизмомъ. У Гоголя къ этимъ малороссійскимъ элементамъ, помимо громадной талантливости, присоединилось вліяніе нашей литературы, цѣлыя полтора столѣтія выработывавшей усвоеніе европейской литературной формы. Изъ соединенія двухъ элементовъ — высота гоголевскаго творчества. Но, во всякомъ случаѣ, реализмъ Гоголевскій вышелъ изъ малороссійской жизни и литературы. Какъ-же велико достоинство этихъ твореній Гоголя, составившихъ эпоху въ движеніи нашей литературы? «Ревизоръ» и

«Мертвыя души», несомнѣнно, принадлежать къ колоссальнымъ произведеніямъ нашей литературы. Еще при началѣ литературной дѣятельности Гоголя оказалось его неотразимое вліяніе на простую читающую публику. Извѣстенъ рассказъ какъ, въ типографіи наборщики, которые помирали со смѣху, объясняли свой смѣхъ тѣмъ, что набираютъ повѣсти Рудаго Паньки. Я знаю еще одинъ подобный этому рассказъ, какъ Филиппъ III, увидавъ съ балкона дворца читавшаго книгу и неудержимыми пароксизмами хохотавшаго студента, сказалъ, что онъ или сумасшедшій, или читаетъ Донъ-Кихота. Пущину удалось слышать только начало «Мертвыхъ душъ» и онъ такъ былъ пораженъ, что у него невольно вырвались слова: «ужели такъ дурна Россія». У Аксакова въ Москвѣ молодой помѣщикъ Пановъ такъ былъ пораженъ прочтеннымъ Гоголемъ рассказомъ о Плюшкинѣ, что тутъ-же рѣшился сопровождать Гоголя въ Римъ. Мнѣ рассказывалъ одинъ почтенный человѣкъ, бывший въ то время въ Римѣ, что онъ разъ спросилъ Панова: «что вы здѣсь дѣлаете», а тотъ таинственно сказалъ ему на ухо: «переписываю *«Мертвыя души»*». Въ первый моментъ выхода «Мертвыхъ душъ» всѣ были поражены. На просьбу Гоголя дать на книгу свои замѣчанія Аксаковъ вначалѣ отказался тѣмъ, что не можетъ. У меня былъ въ рукахъ тотъ экземпляръ, по которому въ первый разъ прочелъ «Мертвыя души» Шевыревъ. Экземпляръ весь испещренъ былъ знаками восклицанія и словами одобренія, но не было ни одного критическаго замѣчанія. Дѣйствительно, это была небывалая дотола грозная сатира недостатковъ русскаго общества, сатира послѣдняго времени крѣпостнаго права, сатира, бичующая темное царство, въ которомъ нѣтъ ни одного честнаго человѣка, на которомъ можно-бы было отдохнуть. Такой родъ сатиры можно сравнивать съ самыми сильными лѣкарствами, которыя пробуютъ на неизлѣчимо больныхъ или на отчаяно больныхъ. Мы знаемъ, что на публику съ очень грубыми нервами балаганные актеры дѣйствуютъ сценами съ ружейною пальбой и барабаннымъ боемъ. Извѣстно что для публики въ XVII вѣкѣ актеры на сценѣ производили повѣшеніе со всей обстановкой висѣлицы на перекладныхъ и куклу загибали въ петлю, для нашихъ нравовъ, для нашихъ нервовъ это немисливо уже теперь на сценѣ театра. Если-бы Гоголь вмѣстѣ съ изображенными имъ нрав-

ственными уродами представилъ и честныхъ людей, онъ такъ не напугалъ-бы и не тронулъ-бы нашего общества. Данте тоже далъ цѣлую большую картину ада современной ему Италіи, но на ряду съ этимъ у него идутъ картины чистилища и райа, потому что въ современной Данте Италіи было много искусства, науки, борьбы политическихъ партій, общественной жизни и идеаловъ. Первая часть «Мертвыхъ душъ» — это сатира на рабовладѣльцевъ и общественное устройство жизни русской вообще. Этотъ или почти тотъ-же тонъ сатиры повторенъ былъ по отношенію къ темному царству Островскимъ. Иной приемъ употребила американская литература во имя освобожденія негровъ въ лицѣ Бичерстоу. Жижина дяди Тома разжалобивала драмой. Въ этотъ тонъ заговорили въ нашей литературѣ уже послѣ Гоголя, на примѣръ, Григоровичъ. Такимъ образомъ, Гоголь составилъ свой рецептъ для своей сатиры. Рецептъ этотъ отличается очень большимъ количествомъ соли. Мы можемъ, напр., сказать, что Лермонтовъ былъ сильнымъ и талантливымъ подражателемъ, у насъ лорда Байрона, повторилъ его идеи и типы, варьировалъ ихъ, старался приковывать ихъ къ русской жизни, являясь у насъ и во всей Европѣ единственнымъ истиннымъ подражателемъ гениальнаго англійскаго лорда, такъ что сочиненіе Лермонтова могутъ служить дополненіемъ къ Байроновскимъ. Но я затрудняюсь указать на европейскаго сатирика, которому подражалъ Гоголь. Гениальный Пушкинъ единственный изъ петербургскихъ друзей Гоголя, безусловный поклонникъ его таланта, убѣждая Гоголя предпринять большую работу приводилъ ему въ примѣръ Сервантеса съ его великимъ Донъ-Кихотомъ — этою неумолимою сатирой, имѣвшей страшное вліяніе на общество.

Если-бы попросили меня указать самое великое изъ твореній въ нашей литературѣ, указать то, чѣмъ мы можемъ гордиться, какъ нѣмцы гордятся Фаустомъ Гете, какъ англичане Гамлетомъ Шекспира, какъ испанцы Донъ-Кихотомъ, какъ итальянцы *Divina comedia*, я не задумываясь назвалъ-бы *Мертвыхъ Душъ* и *Ревизора* Гоголя. Это дѣйствительно самыя оригинальныя, самыя колоссальныя произведенія нашей литературы. Какъ сюжетъ Гамлета коренится въ хроникахъ старой Англій, какъ Фаустъ основанъ на старой легендѣ, такъ и основаной сюжетъ Мертвыхъ Душъ живетъ столѣтія полтора.

Въ роскошничьей литературѣ прошлаго столѣтія, мы читаемъ жалобы на Петра 1-го, что онъ «учини описаніе народное исчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ и облия ихъ данми велиими неточію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ жертвыхъ дани востребова, въ книги его законопреступныя писатися не будемъ». Вотъ то давнее недовольство, вотъ тотъ столѣтній ропоть, которымъ воспользовался Павелъ Ив. Чичиковъ. Поэма захватываетъ, такъ сказать, всю основу механизма жизни послѣ петровской. Поэма захватываетъ крѣпостное право, на которомъ болѣе 100 лѣтъ двигалась наша исторія, рисуя намъ картинную галерею лицъ владѣвшихъ душами. И губернский и уѣздный городъ съ ихъ управленіемъ такъ вложенъ въ рамки сюжета, что вы имѣете живую портретную галерею поражающую васъ не численостью, а обдуманной постановкой каждой фигуры. Эти портреты указывающіе вамъ фамильное сходство за время болѣе столѣтія. Поэтому-то объ типахъ гоголевскихъ критики и говорятъ, что они характеризуютъ собою цѣлыя направленія въ нашей жизни. Но я готовъ измѣнить свое сравненіе и назвать эти типы скульптурными фигурами по опредѣленности ихъ очертаній. Всѣ эти типы созданы Гоголемъ, на основаніи такого-же изученія, какимъ отличаются современные намъ поэты. Прежде чѣмъ приняться за романъ *au bonheur des dames*, Зола подробно изучаетъ эти магазины и потомъ уже принимается писать. Никѣмъ не наученный Гоголь дѣлалъ тоже самое. Говорятъ, что нашъ драматургъ Островскій пользуется записною книжечкой, для собиранія матеріаловъ, но она уже была въ рукахъ и у Гоголя.

Въ настоящее время великія творенія Гоголя не имѣютъ уже порицателей. Они уже сдѣлались свободнымъ достояніемъ и школы. Но и я еще запомню время, когда на нихъ косились. Одинъ почтенный человекъ рассказывалъ мнѣ, какъ одинъ начальникъ, заставъ учителя объясняющаго въ классѣ Шинель Гоголя, сказалъ ему, что Шинель оставляютъ въ передней. Въ настоящее время нерѣдко приходится слышать и въ обществѣ, и въ печати порицаніе современной беллетристической литературѣ, которой въ примѣръ ставится Гоголь. Литературу послѣднихъ лѣтъ обыкновенно упрекаютъ въ недостатокѣ художественной отдѣлки. Но въ послѣднее время въ нашей русской

жизни было такъ много событій, послѣдовала такая масса реформъ и прошли они такъ быстро, въ такой сравнительно небольшой промежутокъ времени, что, если-бы кто и обладалъ талантомъ равнымъ Гоголю, не могъ-бы воссоздавать нашего общества въ вполнѣ обработанныхъ, законченныхъ художественныхъ типахъ. Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, когда Гоголь создавалъ свои типы, событія общественной нашей жизни не двигались, не шевелились, лица и положенія отстоялись, вся жизнь въ своемъ теченіи была однообразна. Для поэта стоялъ опредѣленный матеріалъ наблюденія, къ которому можно было скоро присмотрѣться. Только въ послѣднее время фотографы начинаютъ стремиться къ тому, чтобы схватывать движущіеся предметы. Во время Гоголя типъ общественной жизни, общественнаго управленія отлился въ такую рѣзкую опредѣленную форму, что его сравнительно легче было схватить, чѣмъ въ послѣднее время, когда жизнь усложнилась, когда реформы начали видоизмѣнять и разнообразить типъ общественной жизни, типъ общественнаго дѣятеля, когда быстро слѣдовала одна реформа за другою. Въ это время усиленной реформаторской дѣятельности литературѣ нужно было или отказаться отъ того, чтобы воссоздавать типы общественной жизни или давать только абрисы и очерки. Посмотрите, какъ бьются наши поэты и до сихъ поръ надъ воссозданіемъ жизни и типовъ нашего-простолюдина и до сихъ поръ эта жизнь является для насъ въ однихъ только очеркахъ. Я указалъ на все это только для того, чтобы вѣрнѣе охарактеризовать вамъ значеніе Гоголя въ нашей литературѣ и жизни. Это сатирикъ застоявшагося общества. Въ то время когда газеты не говорили о вопросахъ жизни общественной, поэтъ Гоголь заговорилъ о нихъ, а потому ни одинъ писатель не имѣлъ такого вліянія на русское общество, не исключая и Пушкина, какъ Гоголь—этотъ мало образованный и больной человекъ, посмотрѣвши на черновыя тетради котораго «на эти сѣроватыя листки бумаги исписанные не четкимъ и не свободнымъ почеркомъ, безъ всякой системы иъры, безъ всякихъ заглавій и нумерацій и не твердымъ напоминающимъ почеркъ женской руки съ неровными, тѣсно прижатыми одна къ другой строками, эти каракульки написанныя часто блѣдными или рыжеватыми чернилами, часто заплявшія, часто выдвинувшіяся изъ своей плохой построй-

ной шеренги», 1 т. 162 стр. Конечно, не сочинения Гоголя произвели крестьянскую реформу, но за то вскоре послѣ смерти Гоголя при самомъ началѣ освобожденія крестьянъ Маниловы, Тентетниковы, а можнть быть и Ноздревы съ Собакевичами благодаря вліанію сочиненій Гоголя, *сконфузились*.

Заканчивая мою настоящую бесѣду, я не могу не упомянуть о томъ, что критика въ послѣднее время указываетъ на то, что Гоголь своими великими твореніями въ значительной степени способствовалъ нравственному сближенію и примиренію двухъ великихъ русскихъ народностей сѣверной съ южною. Творческій геній Гоголя равно высоко цѣнить и въ сѣверной и въ южной Руси. Въ лицѣ Гоголя должны были увидѣть, какихъ геніальныхъ писателей можетъ выдѣлять изъ своей среды южно-русское племя.

Судьбы Ирландіи *).

Приватъ-доцентъ Г. Е. Леваисьева.

I.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Ирландія съ ея отношеніями въ Англіи приковываетъ къ себѣ вниманіе всего образованнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы признаемъ, что Англія—страна изъ наиболѣе образованныхъ въ Европѣ, страна передовая въ смыслѣ цивилизаціи, то естественно удивляться, что въ зависимости отъ этой страны находится народъ, въ которомъ мы находимъ такую громадную бездну страданій, влекущихъ въ

---

*) Настоящая статья составляетъ содержаніе публичныхъ лекцій, читанныхъ 7-го, 14-го и 21-го марта 1887 года.

Для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ исторіей Ирландіи, я могу указать на слѣдующія сочиненія, которыми я пользовался при составленіи этой статьи.

1. *Hassenkamp*. *Geschichte Irland's von der Reformation bis zu seiner Union mit England*. Leipzig 1886. Въ одномъ томѣ. Сочиненіе обстоятельное, хотя нѣсколько сухое и безъ достаточной группировки фактовъ по ихъ однородности. Авторъ слишкомъ увлекается хронологическою послѣдовательностью.

2. *Hervé*. *La crise Irlandaise depuis la fin du dixhuitième siècle jusqu'à nos jours*. Paris 1885. Въ одномъ томѣ. Эта книга представляетъ собою по изложенію противоположность книгѣ Гассенкампа. Написана живо и довольно кратко; изложеніе дѣла ясное и не многословное. Герве помѣстилъ еще въ 1880 г. въ *Revue des deux Mondes* статью «*Les origines de la crise Irlandaise*», въ которой онъ рассказываетъ исторію Ирландіи во время ерванцузской революціи. Статью эту Гассенкампъ справедливо называетъ «блестящею».

3. *H. de Chavannes de la Giraudière et Huillard-Bréholles*. *L'Irlande, son origine, son histoire et sa situation présente*. Tours 1867 г. Въ одномъ томѣ.

свою очередь бездну вражды и ненависти по отношенію къ его порабитителямъ. Въ чемъ же кроется причина этого? Что за притча? Неужели народъ, счумъвшій такъ хорошо разрѣшить наиболѣе важные вопросы государственнаго права у себя дома, не могъ и не можетъ разрѣшить этихъ вопросовъ въ странѣ, вѣками съ нимъ связанной. Съ перваго взгляда можно было бы подумать, что борьба на жизнь и смерть между этими двумя народами является слѣдствіемъ лишь извѣстныхъ ненормальныхъ экономическихъ отношеній. Но это только съ перваго взгляда. Если же ближе вглядѣться въ характеръ этой вѣковой ненависти и борьбы, то придется признать, что только одними экономическими отношеніями объяснить эту задачу невозможно, потому что если взять въ расчетъ всѣ несомнѣнныя заботы Англій объ улучшеніи экономическаго положенія Ирландіи, заботы, проявившіяся въ какихъ нибудь полтора десятка лѣтъ послѣдняго столѣтія, то слѣдовало бы ожидать, что ненависть ирландцевъ къ англичанамъ должна была бы исчезнуть и не имѣть уже болѣе мѣста. На самомъ же дѣлѣ мы этого не видимъ. Значитъ, нужно въ другомъ мѣстѣ искать причину этой вѣковой вражды. Если мы посмотримъ на дѣло не только съ точки

Сочиненіе написано въ католическомъ духѣ. Оно хорошо для первоначальной исторіи Ирландіи. Читать слѣдуетъ съ осторожностью.

4. *Leschy*. Geschichte England's im 18 Jahrhundert. Нѣмецкій переводъ съ англійскаго Löwe, въ 4 томахъ. Сочиненіе это еще не кончено. Оно, по словамъ Гассенкампа, составляетъ, по безпристрастному и внимательному отношенію къ Ирландіи, исключеніе между англійскими историческими сочиненіями.

5. *Beaumont*. L'Irlande politique, sociale et religieuse. Paris. 2-me édition 1881 г. Въ двухъ томахъ. Первое изданіе этого сочиненія вышло въ 1839 году. Оно очень богато матеріаломъ для картины общественныхъ отношеній Ирландіи и удостоено преміи французской академіи.

6. *Perraud*. Le bill des teneanciers. Paris 1860. Небольшая брошюра; но очень цѣнна по яркости картины, изображающей положеніе ирландскаго земледѣльца, наканунѣ изданія закона Кордуэла. Этому же автору принадлежитъ другое сочиненіе «Etudes sur l'Irlande contemporaine».

7. *В. В. Сокольскій*. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Заграничный Вѣстникъ 1882 года. Эта статья представляетъ собою краткій историческій очеркъ поземельныхъ отношеній въ Ирландіи. Интересны указанія на роль національнаго момента въ этихъ отношеніяхъ.

8. *Н. И. Зиберъ*. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Юридическій Вѣстникъ 1882 года. Эта статья представляетъ собою рефератъ протоколовъ пар-

зрѣнія экономической, но также съ точекъ зрѣнія національной, политической и религіозной, то мы убѣдимся, что Ирландскій вопросъ на самомъ то дѣлѣ задача далеко не такая простая, что, наоборотъ, это явленіе очень сложно и состоитъ изъ сплетенія экономическихъ, національно-политическихъ и религіозныхъ отношеній, сложившихся цѣлымъ рядомъ поколѣній. Разъясненія, поэтому, ирландскаго вопроса необходимо искать въ прошломъ этого народа и въ немъ же искать отвѣта на загадку.

Я считаю лишнимъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ изложеніемъ всей исторіи Ирландіи въ ея деталяхъ, а буду имѣть въ виду лишь тѣ главные факты изъ исторіи отношеній между Англіею и Ирландіею, которые будутъ служить намъ какъ бы сигнальными знаками по пути слѣдованія къ выясненію судебъ Ирландіи до настоящаго времени.

Для разрѣшенія поставленной мною задачи нѣтъ надобности начинать, что говорится, съ Адама. Для насъ будетъ вполне достаточно, если мы ограничимся только тѣмъ, что, сдѣлавши общій очеркъ средневѣковой исторіи Ирландіи, подведемъ итогъ ея къ XVI ст. Этого будетъ, я думаю, достаточно. Подробнѣе намъ нужно будетъ остановиться на XVII и XVIII вѣкахъ,

---

ламентской комиссіи 1881 года, назначенной для изслѣдованія земельныхъ отношеній въ Ирландіи. Она заключаетъ въ себѣ крайне интересныя данныя о теперешнемъ положеніи ирландскихъ арендаторовъ и объ ихъ воззрѣніяхъ на земельныя отношенія. Цѣнны и замѣчанія Н. И. Зиберы объ этихъ отношеніяхъ.

9. *Paul Fournier*. La question agraire en Irlande. Этого сочиненія я не имѣлъ подъ руками; его очень хвалятъ г. Соколовскій и г. Герве за богатство матеріала и его обработку.

10. *Anat. Leroy-Beaulieu*. L'Irlande et le land-bill de M. Gladstone. *Revue des deux Mondes* 1881 г.

11. *Philippe, comte de Paris*. L'Eglise d'état et l'église libre en Irlande. *Revue des deux Mondes* 1888. Эта статья написана графомъ Парижскимъ, теперешнимъ претендентомъ на ерландскую корону, подъ псевдонимомъ Ксавье Реймонъ. Она появилась по поводу билля Гладстона объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи.

Этотъ списокъ далеко не исчерпываетъ всего, что можно найти по исторіи Ирландіи. Желающіе заняться ею еще болѣе обстоятельно могутъ съ удобствомъ воспользоваться библиографическимъ указателемъ источниковъ и пособій по ирландской исторіи, помѣщеннымъ въ концѣ упомянутой выше книги Гассенкампа.

и особенно на томъ, что предпринято было по отношенію къ Ирландіи въ XIX столѣтіи.

Прежде всего слѣдуетъ остановить вниманіе на фактѣ, который весьма важно съ самаго же начала вѣрно оцѣнить. Я говорю о столкновеніи на почвѣ Ирландіи двухъ расъ. Когда Норманны появились въ Ирландіи и затѣмъ, какъ пишется въ учебникахъ, «покорили» ее (на самомъ дѣлѣ покоренія то никакого не было, кромѣ незначительной восточной части острова), то тутъ столкнулись два народа—одинъ, который предполагался варварскимъ, дикимъ, другой—цивилизованный, который долженъ былъ будто бы культивировать дикихъ туземцевъ. На самомъ же дѣлѣ произошло нѣчто обратное; мы встрѣчаемся здѣсь съ такого рода фактомъ, который прямо говоритъ противъ культурнаго превосходства побѣдителей надъ побѣжденными. Обыкновенно когда сталкиваются два народа, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры, то тотъ изъ нихъ, который стоитъ на низшей ступени, — особенно если разница значительна, — усваиваетъ себѣ нравы, обычаи, однимъ словомъ, культуру того болѣе цивилизованнаго народа, съ которымъ онъ столкнулся. И это усвоеніе чужой культуры происходитъ не искусственнымъ, а вполне естественнымъ, безболѣзненнымъ путемъ; въ такомъ случаѣ получается, можно сказать, выгода для всего человѣчества: цивилизація пріобрѣтаетъ новыхъ адептовъ, а вновь культивированный народъ пріобщается этой цивилизаціи, не теряя, впрочемъ, изъ своего старого ничего того, что заслуживаетъ сохраненія. Если бы, слѣдовательно, норманны были болѣе цивилизованы, чѣмъ ирландцы, то послѣдніе должны были бы усваивать себѣ культуру норманновъ, между тѣмъ мы знаемъ факты изъ XIV еще столѣтія, которые говорятъ обратное. Такъ Килькенійскій статутъ Эдуарда III, относящійся къ 1367 г., гласитъ, что всякій англичанинъ, который будетъ одѣваться по ирландски въ свѣтло-желтыя платья, будетъ стричь бороду по ирландски, жѣнится на ирландкѣ, будетъ давать своимъ дѣтямъ при ирещеніи ирландскія имена, вообще будетъ усваивать себѣ ирландскіе обычаи, нравы, языкъ, то какой англичанинъ будетъ наказываемъ какъ за преступленіе государственной измѣны, т. е. колесованіемъ живьемъ. Является вопросъ: почему и зачѣмъ представилась надобность въ подобнаго рода статутахъ въ XIV еще столѣтіи, т. е. два столѣтія послѣ такъ назы-

вамаго «покоренія» острова? . . . Очевидно, значитъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ подчиненіемъ ирландцевъ норманской культурѣ, а скорѣе съ явленіемъ обратнымъ, т. е. съ кельтизиrowаніемъ англичанъ. Этотъ важный и интересный вопросъ получилъ свое разрѣшеніе въ послѣднее время, когда англичане сняли запретъ съ древнихъ актовъ, уясняющихъ исторію Ирландіи.—Такъ законы брегоновъ—такъ назывались древне-ирландскіе вѣщатели права—доказываютъ намъ, что ирландцы вовсе не стояли на такой низкой степени культуры, на какой ихъ ставятъ нѣкоторые историки, что, наоборотъ, образованность ирландцевъ была довольно высокою. Ясное дѣло, слѣдовательно, что коль скоро норманны столкнулись съ *такимъ* народомъ, то не могли да и излишне было имъ проявлять свое цивилизаторское вліяніе. Фактъ кельтизиrowанія германской расы въ Ирландію не удивляетъ меня. Онъ не одинокъ. Германская раса вообще на западѣ потерпѣла большой уронъ. Обратимъ наше вниманіе на то, что сдѣлалось вообще съ германской расою при столкновеніи ея на западѣ съ кельтическою романизированной расою. Намъ невольно бросается въ глаза однообразіе, такъ сказать, участи этой расы. Италію заняли Остѣ-Готы и Лонгобарды. Гдѣ они теперь? Испанію населили Алавы, Свевы, Вандалы, также Вестѣ-Готы. Гдѣ они? Францію овладѣли Франки, Алеманы, Бургунды, отчасти и Вестѣ-Готы. Куда они дѣвались?—Всѣ они потеряли свой обликъ и поглощены кельто-романскою цивилизаціею. Въ Англіи саксы сталкиваются сначала съ кельтическимъ населеніемъ; затѣмъ появляются норманны, и вся эта смѣсь дала въ результатъ англійскую націю, въ языкѣ которой преобладаетъ элементъ романскій, а не германскій. Въслѣдствіе этого, преувеличенное представленіе, которое имѣется объ какой-то особенной способности нѣмцевъ подчинять другіе народы своей культурѣ, нѣмечить ихъ, должно быть подвергнуто весьма значительному ограниченію. Это представленіе вѣрно лишь по столько, по сколько оно касается отношеній нѣмцевъ къ намъ славянамъ, да и то далеко не безусловно.

Я возвращаюсь къ англо-ирландскимъ отношеніямъ. Для Англіи, отвлекаемой вѣншими и внутренними замѣшательствами, наступили времена неблагопріятныя для расширенія своего господства, и Ирландія вплоть до конца XV ст. остается независимою. Одна только восточная часть ея находилась въ рукахъ

англичанъ, вся же остальная часть острова остается въ рукахъ ирландцевъ, которые дѣлились на кланы (округа), управляемые каждый отдѣльнымъ шаномъ (княземъ); земля принадлежала всему клану и обрабатывалась членами этого клана на извѣстныхъ условіяхъ и съ извѣстными обязательствами по отношенію къ шану. Существовали у нихъ извѣстныя формы судопроизводства, при чемъ за все назначался денежный штрафъ, какъ и у славянъ и германцевъ.

Когда междоусобія въ Англіи окончились, она опять принимается за Ирландію и достигаетъ того, что при Генрихѣ VII Ирландія подчиняется англійскимъ королямъ, сохраняя впрочемъ за собою автономію, о характерѣ который мы скажемъ послѣ.

Въ XVI ст. отношенія между ирландцами и англичанами осложняются новымъ элементомъ религіознымъ. Сначала движеніе религіозное не имѣло большого значенія. Генрихъ VIII, какъ извѣстно, ограничился сначала лишь присвоеніемъ себѣ церковной супрематіи и не коснулся существенныхъ догматовъ вѣры. Когда-же при его сынѣ и преемникѣ Эдуардѣ VI реформація развилась и приобрѣла болѣе лютеранскій характеръ, то введеніе ея въ Ирландію встрѣтило упорное сопротивленіе. Сдѣлано было англійскимъ правительствомъ распоряженіе, что ирландское духовенство должно непременно признавать духовную супрематію короля; велѣно было также перевести на ирландскій языкъ Прауер-book и отправлять по немъ богослуженіе; единственная уступка, которую Эдуардъ VI нашелъ возможнымъ сдѣлать католикамъ, состояла въ томъ, что ирландцамъ позволено было при евхаристіи употреблять по прежнему латинскій языкъ. Эти усилія во что-бы-то ни стало распространить реформацію въ Ирландіи приостановились со вступленіемъ на престолъ Маріи Тюдоръ, когда и въ самой Англіи наступаетъ католическая реакція. Интересно то обстоятельство, что въ то время, когда въ самой Англіи горятъ костры массами истребляющіе протестантовъ, въ Ирландіи мы не видимъ религіозныхъ преслѣдованій и вообще не замѣчаемъ проявленій религіознаго фанатизма. Въ Дублинѣ открыто совершается протестантское богослуженіе.

Но вотъ наступаетъ царствованіе Елизаветы, которое англичане такъ любятъ прославлять и которымъ гордятся. Для

Ирландіи царствованіе это было очень тяжелымъ. Уже въ 1560 г. появляется статутъ, которымъ требовалось, что-бы супрематія короля въ дѣлахъ церкви признавалась всѣми *безусловно*, и всякій кто будетъ признавать какую либо иностранную супрематію (папы), наказывается въ первый разъ лишеніемъ имуществъ, а во второй—смертью. Естественное дѣло, что при такихъ условіяхъ вражда ирландцевъ къ англичанамъ становилась все сильнѣе и сильнѣе, а также параллельно съ этимъ сильнѣе и напряженнѣе становилось стремленіе ихъ къ національной независимости. Въ теченіе одного только XVI ст. мы видимъ въ Ирландіи семь возстаній; всѣ они кончаются неудачей, но послѣ каждой неудачи ирландцы какъ-бы вновь воодушевляются ненавистью къ англичанамъ и поднимаются съ новою силою. Возстанія эти особенно были сильны на югъ Ирландіи — въ Мунстеръ и на Сѣверъ—въ Ульстеръ.

Возстанія находили себѣ поддержку и питаніе, кромѣ вѣковой вражды ирландцевъ къ англичанамъ, и въ континентальныхъ отношеніяхъ XVI ст. Вспомнимъ, что вторая половина XVI столѣтія европейской исторіи есть время страшной религіозной борьбы, это время Вареломеевской ночи, время Филиппа II, Гизовъ и Альбы, Вильгельма Оранскаго и Колины, время отчаянной борьбы Нидерландцевъ за свою религію и свободу, и мы поймемъ, что и Ирландія, являвшаяся ареною борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, не могла остаться чуждою этому движенію вѣка. Къ тому же, на Елизавету смотрѣли въ Европѣ, какъ на представительницу протестантизма, вредить которой представлялось очень заманчивымъ и выгоднымъ для представителей католицизма (папы, Филиппа II), а Ирландія являлась очень удобною почвою для такихъ политическихъ интригъ. Въ самой Ирландіи нашлись авантюристы, готовые воспользоваться такимъ положеніемъ вещей. Одинъ изъ нихъ *Стуклей* предложилъ папѣ Григорію XIII сдѣлать сына его *Джіакомо Бонкампаніо* королемъ Ирландіи. Папа одобрилъ планъ Стуклея и далъ ему денегъ, но послѣдній съ набраннымъ войскомъ отправился вмѣсто Ирландіи въ Португалію и забылъ о своемъ первоначальномъ планѣ и о папскомъ сынѣ. Онъ принялъ участіе въ экспедиціи въ Африку, гдѣ и сложилъ свою буйную головушку. Другой авантюристъ *Яковъ Фицморисъ* обратился также къ папѣ и испанскому королю Филиппу II за

помощью; появился за тѣмъ въ Ирландіи и поднялъ возстаніе въ Мунстерѣ. Нельзя сказать, что-бы Фидморисъ пользовался особеннымъ вліяніемъ на ирландцевъ, но когда возстаніе было подавлено, то обнаружались обстоятельства, дававшія поводъ подозрѣвать въ сочувствіи къ возстанію графа *О'Десмонда*. Отъ послѣдняго потребовали заложниковъ, которыхъ онъ отказался дать, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ возстаніе въ своемъ графствѣ. И это возстаніе было подавлено англичанами; Мунстеръ былъ разоренъ и 30000 людей погибло если не отъ оружія англичанъ, то отъ голода. Побѣдители разоряли цѣлыя деревни, что-бы не было пристанища возставшимъ, сжигали скирды хлѣба и сѣна, что-бы лишить ихъ средствъ продолжать борьбу. Словомъ, англичане дѣйствовали безъ разбора средствъ: не мытьемъ, такъ кѣтаньемъ доканали возставшихъ мунстерцевъ.

Когда происходитъ возстаніе на югѣ Ирландіи, въ то-же время на сѣверѣ возстаніе поднимается *О'Нилемъ*, графомъ *Тиронна*, человекомъ, пользовавшимся вліяніемъ на весь Ульстеръ. Противъ него былъ отправленъ любимецъ Елизаветы *Эссексъ*. Успѣхъ остался однако на сторонѣ *О'Нила*, и *Эссексъ* вступилъ въ переговоры. Свиданіе между ними было довольно оригинально. Оба предводителя сѣхались къ рѣкѣ съ противоположныхъ сторонъ. *О'Ниль* верхомъ вѣхалъ въ воду, пока вода не достигла сѣдла и отсюда началъ переговоры съ *Эссексомъ*, не подѣзжая къ нему ближе столько-же изъ почтенія, сколько изъ опасенія измѣны. Переговоры кончились уступками, со стороны *Эссекса*. Договоръ этотъ не былъ утвержденъ Елизаветой и навлекъ на *Эссекса* ея немилость.—Противъ *О'Нила* былъ назначенъ новый полководецъ *Маунтджой*. Маунтджой дѣйствовалъ всею массою своихъ войскъ сосредоточенно, не разсѣвая ихъ мелкими отрядами, устраивая какъ можно больше фортовъ и подвигаясь медленно шагъ за шагомъ впередъ. Система его состояла въ опустошеніи повсюду жилищъ возставшихъ. Насколько упорна была борьба и значительна сила *О'Нила*, которому помогли притомъ папа Климентъ VIII и Филиппъ II, видно изъ того, что когда онъ согласился смириться, ему дали пощаду и, кромѣ того, возвратили ему всѣ земли, отнятыя у него раньше. Было предоставлено также право католикамъ, живущимъ на его землѣ, отправлять свое богослуженіе. Если Елизавета вынуждена была на такіа уступки, то мы

можемъ отсюда заключить, насколько сильны были еще начальники ирландскихъ клановъ и какъ далеко еще было до полного пораженія Ирландіи.

Резюмируя все сказанное нами до сихъ поръ, мы видимъ, что въ концѣ царствованія Елизаветы, т. е. въ началѣ XVII в. отношенія англичанъ къ ирландцамъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: во 1) большая часть Ирландіи (Мунстеръ, Лейнстеръ и Ульстеръ) хотя и подчинена Англій, но не вполне, а во 2) борьба сопровождается сплошнымъ опустошеніемъ покоряемыхъ областей и сильными жестокостями. Въ одномъ граествѣ Тироннѣ до 3000 человекъ погибло отъ голода. На дорогѣ отъ него на пространствѣ 15 миль было найдено 1000 человѣческихъ труповъ.—Такой характеръ борьбы еще болѣе разжигалъ взаимную ненависть двухъ народностей и безъ того уже враждебныхъ другъ другу въ силу прежнихъ отношеній. Третій фактъ,—это стремленіе англичанъ къ систематическому обезземеливанію ирландцевъ. Первый актъ въ этомъ отношеніи произошелъ при Маріи Тюдоръ. Послѣ возстанія ирландцевъ при Эдуардѣ VI Марія Тюдоръ нагазывала возстававшихъ отнятіемъ ихъ земель. То-же самое мы видимъ при Елизаветѣ, когда войскамъ, подавившимъ возстаніе въ Ульстерѣ, давалось каждому кавалеристу 240 морговъ земли, а пѣхотинцу по 120 морговъ.—Система конфискацій и стремленіе англичанъ захватить ирландскія земли продолжались и позже и особеннаго развитія достигли при Стюартахъ.

Въ началѣ XVII ст. на престолѣ Англій вступаетъ Яковъ I. Ирландцы надѣялись, что сынъ той самой королевы Маріи, которая погибла только потому, что была католичкой и пользовалась любовью католиковъ, что сынъ ея окажется болѣе снисходительнымъ къ нимъ, чѣмъ его предшественница Елизавета. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Яковъ I, — человекъ узколобый и деспотическаго нрава, предпочелъ, въ виду того значенія, какое англиканская церковь придавала королю, отстаивать во чтобы то ни стало основныя положенія этой церкви. Пороховой заговоръ только усилилъ нерасположеніе къ католикамъ и ухудшилъ ихъ положеніе.—Въ Ирландіи онъ отозвался религіозными преслѣдованіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, именно при Яковѣ создается планъ систематической колонизаціи Ирландіи англійскими землевладѣльцами

и производится разрушеніе древней организаціи Ирландскаго клана. Намѣстникъ Ирландіи гордъ *Чичестеръ* издаетъ королевскую прокламацію, объявляющую членовъ клана свободными отъ подчиненія начальнику клана. Этими хотѣли ослабить значеніе шановъ и ослабить силу народа, крившуюся въ древней организаціи.—Затѣмъ Чичестеръ подаетъ въ Лондонъ проектъ, что по его мнѣнію лучшимъ средствомъ для колонизаціи англичанами Ирландіи было бы, если бы тѣ колонисты, которые теперь массами отправляются въ Америку, заселяли Ирландію. Чтобы она стала такою Америкою, онъ находитъ возможнымъ отдавать имъ *излишекъ* земель, которыя окажутся за надѣломъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Въ Лондонѣ однако проектъ этотъ былъ передѣланъ въ томъ смыслѣ, чтобы просто надѣлать англичанъ землями въ Ульстерѣ, не обращая вниманія на ирландцевъ. Участки въ тысячу и полторы тысячи акровъ передавались пресвитеріанамъ и септантамъ-англичанамъ. Находили возможнымъ раздавать англичанамъ эту землю на томъ основаніи, что предводители нѣкоторыхъ клановъ, участвовавшіе въ возстаніи, бѣжали, а потому и земля считалась свободною. Напрасно протестовали жители этихъ клановъ, говоря, что земля не есть частная собственность предводителя клана, что она составляетъ ихъ общую собственность. Но англичане съ своей точки зрѣнія никакъ не могли этого понять: земли общей быть не можетъ, земля можетъ принадлежать только тому или другому лэндлорду и если онъ бѣжалъ, то земля эта лишается своего владѣтеля и становится государственною собственностью, которою государство и можетъ распоряжаться, какъ ему заблагоразсудится. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, столкновеніе правовыхъ міросозерцаній двухъ расъ: германской съ ея идеею *личной* собственности и кельтической— съ идеею *общей* собственности. Отъ такого столкновенія и произошла эта ломка основныхъ правовыхъ понятій и въ результатъ 195000 акровъ роздано англійскимъ и шотландскимъ переселенцамъ, а туземцамъ оставлено только 70000 акровъ. При этомъ строго было воспрещено первымъ допускать и держать на своихъ земляхъ арендаторовъ-ирландцевъ.— Система, господствовавшая при Іаковѣ I продолжается и при преемникѣ его. Съ одной стороны, мы видимъ, боится не только за политическую и религіозную самостоятельность, но и за землю, на которой сидишь и сегодня пользуешься ею, а

завтра, смотри, прійдетъ какой-нибудь чужеземецъ и отбереть ее; съ другой стороны стремятся сѣзуть именно до послѣдней степени все, что напоминаетъ еще о какихъ-нибудь правахъ.

Карлу I съ самаго начала вступленія его на престолъ пришлось вести борьбу съ парламентомъ, борьбу, которую велъ уже Яковъ I и которая была неминуема при томъ высокомъ понятіи о божественномъ правѣ королей, какое было присуще всѣмъ Стюартамъ и которое было причиною такой трагической участи этой династіи. Съ созваніемъ Долгаго Парламента начинается кризисъ въ борьбѣ парламента съ королемъ за вѣковые права англійскаго народа. Ирландцы желаютъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, и вотъ въ Ирландіи составляется заговоръ, чтобы освободиться отъ англійскаго господства. Ирландцы хотѣли 23 Октября 1641 г. напасть на Дублинъ и овладѣть имъ, но это имъ не удалось. — Въ самой Англіи борьба съ королемъ переживаетъ разные фазисы. Сначала во главѣ парламента стоятъ монархисты и англичанцы; потомъ вліяніе переходитъ къ пресвитерьянамъ и политика все болѣе принимаетъ республиканскій характеръ, чтобы съ выступленіемъ на сцену круглоголовыхъ и индепендентовъ порвать рѣшительно и съ монархіею и съ высокою церковью. Какъ же должны были относиться къ этому дѣлу ирландцы? Англичане-ирландцы, т. е. англичане, поселившіеся и владѣвшіе землею въ Ирландіи были или пресвитеріане, или монархисты; англійскій парламентъ въ ихъ глазахъ пересталъ быть учрежденіемъ, которому нужно повиноваться, и этотъ парламентъ становится общимъ врагомъ какъ приверженцевъ короля, такъ и ирландцевъ, стремившихся къ политической самостоятельности. Поэтому происходитъ сближеніе между старо-ирландскою партіею и англичанами роялистами въ Ирландіи и возстаніе въ началѣ носитъ характеръ политическій. Герцогъ *Ормондъ*, во имя роялизма, сѣуиѣлъ соединить обѣ партіи для борьбы съ парламентомъ. Карлъ I заключилъ съ ирландцами договоръ, выговоривъ себѣ ихъ помощь и сдѣлавъ имъ значительныя уступки. Договоръ этотъ былъ найденъ въ карманѣ убитаго въ одномъ сраженіи епископа *Туама*. Когда въ Англіи узнали объ этомъ союзѣ короля съ ирландцами, то тамъ поднялась дѣлая буря негодованія. Карлъ I изъ политическихъ расчетовъ отрекался, конечно, отъ всякаго союза и договора. — Движеніе ирландцевъ на этой почвѣ не осталось. Останься оно

чисто національно-политическимъ, имъ бы удалось можетъ быть освободиться отъ господства Англій; хотя этотъ успѣхъ, по всей вѣроятности, не былъ бы долговременнымъ. — Но тутъ замѣшались религіозныя отношенія. Извнѣ увидѣли возможность воспользоваться этимъ движеніемъ для торжества католицизма, съ одной стороны, и подрыва выгоднаго положенія Англій, съ другой. И вотъ въ Ирландію является кардиналъ *Ринучини* и старается придать движенію ирландцевъ религіозный характеръ. Ему удалось сначала привлечь на свою сторону Карла I и пріобрѣсти вліяніе при помощи роялистовъ. Сближаясь съ кардиналомъ Ринучини и обѣщая ему значительныя уступки въ религіозныхъ дѣлахъ, король рассчитывалъ черезъ него пріобрѣсти помощь католическихъ державъ. Но онъ ошибся въ расчетахъ. Очень скоро папскій легатъ открылъ свою игру: по его приказу, католическіе священники стали проповѣдывать противъ самого Карла I, какъ еретика, и кардиналъ склонилъ католиковъ признать своимъ государемъ самого папу и призвать для управленія Ирландіею, — подъ верховной властью папы, — брата герцога Тосканскаго. Договоръ между ирландскими роялистами и старо-ирландской партіею рушился. Герцогъ Ормондъ сдалъ Дублинъ войскамъ парламента, не желая торжества папистовъ. Полковникъ *Джонсъ* вступилъ туда въ Іюль 1647 г. Этотъ результатъ, а также пораженія, которыя стали терпѣть ирландцы, разочаровали ихъ въ политикѣ кардинала Ринучини и заставили снова сблизиться съ роялистами. Казнь Карла I еще болѣе содѣйствовала этому. Не смотря на проклятія и отлученія кардинала, лига возстановилась, и самъ онъ вынужденъ былъ покинуть островъ и возвратиться во Францію.

Но благоприятный моментъ былъ упущенъ. Парламентъ восторжествовалъ надъ королемъ и теперь направилъ свои силы на Ирландію. Туда отправился самъ Кромвель и по высадкѣ своихъ войскъ, взялся за покореніе городовъ Дрогеда, Вексфорда и другихъ. При капитуляціи этихъ городовъ защитники ихъ были перебиты до единого человѣка. Въ Вексфордѣ жители были перебиты, не смотря на обѣщаніе сохранить имъ жизнь, данное Кромвелемъ при заключеніи капитуляціи. Кромвель чувствовалъ потребность оправдать эти звѣрства и писалъ парламенту по поводу этихъ избиеній; «я убѣжденъ, что это праведный судъ Божій надъ этими варварами-простофилями, которые оба-

грили свои руки такою массою невинной крови, и что это предупредит повтореніе подобныхъ кровопролитій въ будущемъ». Ирландія покорилась не только оружіемъ, но и голодомъ. За войсками Кромвеля шли косари и жнецы, которые уничтожали вездѣ хлѣбъ на корню. Сжигалось все, что только можно было сжечь. Когда въ 1652 г. «умиротвореніе» Ирландіи кончилось, то далеко нельзя было назвать это умиротвореніемъ, а скорѣе превращеніемъ богатаго острова, по крайней мѣрѣ значительной части его, въ пустыню. Изъ 1466000 человекъ 616000 погибло отъ меча, отъ голоду и отъ повальныхъ болѣзней. Къ этому *умиротворенію* вполне примѣнимо выраженіе Тацита: «Ubi solitudinem faciunt, расем apellant». 34000 лучшихъ людей по условіямъ капитуляціи были вывезены на континентъ и дрались потомъ подъ знаменами Испаніи, Франціи— и даже Польши. — Многие ирландцы, мужчины, женщины и дѣвушки были вывезены и отданы на сахарныя плантаціи Вестъ-Индіи. Правительство приказало отправлять туда всѣхъ ирландцевъ, находящихся въ тюрьмахъ, рабочихъ домахъ и всѣхъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ средствъ жизни. Агенты разнаго рода охотились за такими несчастными, какъ охотились за неграми въ Африкѣ.

За умиротвореніемъ слѣдовало массовое обезземеленіе ирландцевъ по слѣдующимъ двумъ актамъ парламента. По первому акту отъ 13-го Августа 1652 года всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ возстаніи до 1643 года, лишаются всѣхъ своихъ земель; тѣ-же, кто въ возстаніи противъ короля не участвовалъ, а лишь въ возстаніи противъ парламента, теряютъ $\frac{2}{3}$ своихъ земель, а взаимнѣ остальной трети они получаютъ соответствующій участокъ земли на западѣ Ирландіи въ Коннаутѣ (Connought), что равносильно было потерѣ и этой трети. Наконецъ, тѣ изъ ирландцевъ, которые сами хотя и не принимали участія ни въ какомъ возстаніи, но не выказали достаточной антипатіи къ возставшимъ, лишаются одной трети своихъ земель, а взаимнѣ остальныхъ двухъ третей получаютъ земли въ томъ-же Коннаутѣ.—По второму акту парламента отъ 27 Сентября 1653 года всѣ ирландцы католики должны непремѣнно къ 1 Мая 1654 года выселиться за рѣку Шанонъ, въ Коннаутъ. Кто-же позже 1 Мая 1654 г. окажется по сую сторону Шанона тотъ подвергается смертной казни. Дозволилось остаться только

малолѣтнимъ (моложе 14 лѣтъ), если у нихъ одинъ изъ родителей протестантъ, а также рабочимъ, нужнымъ для обработки земель англичанъ. Подобнаго рода выселеніе огуломъ объяснялось желаніемъ англичанъ совершенно обезземелить ирландцевъ и самимъ завладѣть ихъ землями. И не даромъ выгоняли этихъ несчастныхъ туземцевъ въ Коннаутъ. Насколько Ирландія вообще представляется островомъ благодатнымъ и плодороднымъ, настолько же Коннаутъ представляетъ однѣ скалы, болота и очень мало земли, удобной для обработки.—Какія ужасныя общественныя отношенія устанавливались на островѣ, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, слѣдующая такса: правительство платило 5 фун. ст. за убитаго волка, 10 ф. ст. за волчицу, 10 ф. с. за пойманнаго католическаго священника (по закону они всѣ считались изгнанными изъ Ирландіи) и 20 фунтовъ за торы. (Такъ назывались возставшіе роялисты, остатки которыхъ составляли разбойничьи шайки).

Но вотъ миновала и республика въ Англіи; наступила реставрація Стюартовъ. Ирландцы, которые боролись за королевскія прерогативы, рассчитывали теперь на нѣкоторое вознагражденіе. И дѣйствительно, уже въ 1662 г. издается такъ называемый Поселенческій актъ (Act of settlement), которымъ «невиннымъ католикамъ» *) предоставлялось право получить обратно конфискованные у нихъ участки. Когда актъ былъ обнародованъ, то прошеній о возвращеніи земель было подано до 4000. Въ Лондонѣ поднялся ужасный шумъ со стороны пріобрѣтателей награбленныхъ земель. Вопли лэндлордовъ возымѣли свое дѣйствіе. Появляется дополнительный, объяснительный актъ, который низвелъ значеніе поселенческаго акта почти до нуля. Всѣ тѣ, по прошеніямъ которыхъ не было постановлено никакихъ рѣшеній, должны были навсегда отказаться отъ надежды возвратить себѣ отцовское наслѣдство; только для 20 семействъ изъ 3000 въ видѣ особой милости сдѣлано было исключеніе. Въ общемъ счетѣ одна треть удобной земли во всей Ирландіи, не исключая и Коннаута, осталось за ирландцами-католиками, а двѣ трети за англичанами.

Новый моментъ въ исторіи Ирландіи представляетъ крат-

---

*) Такъ были названы тѣ католики, которые могли доказать, что они до 1652 года не принимали участія ни въ какомъ возстаніи.

кое, трехлѣтнее царствованіе Якова II, закончившееся революціею 1688 года. Яковъ II въ своей попыткѣ ввести абсолютизмъ и произвести реставрацію католицизма старается приготовить для себя почву въ Ирландіи — странѣ католической и искони враждебной всему англійскому. Онъ назначаетъ своимъ намѣстникомъ въ Ирландіи полковника *Тальбота*, получившаго званіе лорда *Тирконнелля*, яраго врага поселенческихъ законовъ. Своими дѣйствіями онъ питаетъ надежду въ Ирландіи на возвращеніе отнятыхъ земель, на изгнаніе протестантовъ и на восстановленіе католической церкви. Среди этой работы застала его революція 1688 года. Тирконнель и ирландцы стали на сторону Якова II. Послѣдній самъ явился въ Ирландію съ французскимъ вспомогательнымъ отрядомъ. Сюда же спѣшить и Вильгельмъ Оранскій съ своими войсками. Ирландія снова становится ареною борьбы разнообразныхъ интересовъ. Католицизмъ и протестантизмъ, жажда возвратитъ отнятыя земли и желаніе сохранить захваченное, національная вражда, французскіе, голландскіе и англійскіе торговые и политическіе интересы, абсолютизмъ Людовика XIV и принципы «Декларации правъ» 1688 года,—все это столкнулось въ Ирландіи. Сраженіе произошло при рѣкѣ Бойнъ и было несчастно для ирландцевъ. Оно велось съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, которое объясняется лишь характеромъ принимавшихъ въ немъ участіе. Съ одной стороны боролись гугеноты съ *Шомберомъ* во главѣ, недавно только перенесшіе отъ католиковъ массу горя на своей родинѣ за свою религію; съ другой стороны—католики—ирландцы, воодушевленные тоже жаждой мести противъ притѣснителей и желающіе возвратитъ потерянную родину и свободу.

Само собою понятно, что послѣ этого пораженія ирландцамъ стало еще хуже. Первая половина XVIII столѣтія—это время всечеловѣческаго униженія ирландцевъ. Издаются драконовскіе законы противъ католиковъ. Имъ запрещено было, подъ страхомъ штрафа и плети, носить оружіе; католикъ не могъ занимать никакой-бы то ни было общественной должности, не могъ быть ни избираемымъ, ни избирателемъ; не могъ быть учителемъ, не могъ быть адвокатомъ, не смѣлъ жить въ Гальвѣ и Лиммерикѣ, если платитъ за квартиру болѣе 40 фун. въ годъ; католикъ не имѣлъ права имѣть лошадь дороже 5 фун. стерл., въ противномъ случаѣ всякій протестантъ имѣлъ полнѣйшее право,

давъ ему гинею, отпречь его лошадь и взять себя; католикъ не могъ вообще владѣть землею, ни покупать ее или инымъ образомъ получать ее, ни давать подъ залогъ ея деньги, ни арендовать ее на срокъ болѣе 31 года, при чемъ арендная плата должна была обязательно равняться двумъ третямъ, дохода съ земли. Всякія сдѣлки, противныя этимъ законоположеніямъ, признавались недействительными. Католикъ не могъ также жениться на протестанткѣ, а католичка выходить замужъ за протестанта и на оборотъ. Въ случаѣ смѣшаннаго брака имущество протестантки, если оно было болѣе 500 ф. ст., отнималось у нея и переходило къ ея протестантскимъ родственникамъ. Священникъ, совершавшій смѣшанный бракъ подвергался сначала штрафу въ 20 ф. ст., а потомъ, по закону 1725 г., — смертной казни. Наконецъ, по закону 1745 г. всякіе браки между папистами и англичанцами признаются недействительными. Интересною представляется для насъ эта градація наказаній, которымъ подвергался священникъ за совершеніе обряда вѣнчанія при смѣшанныхъ бракахъ. Очевидная недостаточность наказаній, которая не удерживала священниковъ совершать обрядъ вѣнчанія вопреки запрещеніямъ правительства, побуждала послѣднее усиливать степень наказанія, доведя его наконецъ до смертной казни. Далѣе, католикъ не имѣетъ права наследовать протестанту. Католикъ не могъ быть опекуномъ своихъ собственныхъ дѣтей; опекунство переходило непременно къ какому нибудь родственнику протестанту. Католикъ не могъ ни имѣть учителя католика, ни отправлять своихъ дѣтей за границу для воспитанія, какъ дѣлали часто богатые ирландцы, воспитывая своихъ дѣтей во Франціи. Кто оказывался виновнымъ въ этомъ, имущество того конфисковалось. Шерифъ имѣлъ право являться въ любое время въ домъ католика и требовать, чтобы онъ показалъ всѣхъ своихъ дѣтей. Если кого либо изъ нихъ не оказывалось на лицо, то считалось, что оно находится и воспитывается за границей, и имущество отца конфисковалось безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Училищъ своихъ католики имѣть не могли. Всѣ высшіе католическіе духовные и члены орденовъ были изгнаны.

Чѣмъ же, наконецъ, могъ быть католикъ? — Ничимъ и поденщикомъ. — Даже самое право завѣщанія католиковъ ограничивалось. Такъ, протестантъ обязанъ былъ держаться маюрата, католики же обязаны были дѣлить имущество свое между

всѣми дѣтьми, дабы оно дробилось и чтобы потомки бѣднѣли. Но это еще не все. Если одинъ изъ сыновей принимаетъ протестантизмъ, то отецъ теряетъ всѣ права распоряженія своимъ имуществомъ; они переходятъ къ этому сыну-отщепенцу. Последнѣй становится даже опекуномъ отца. Дальше ужъ идти было некуда. Если правительство становится между отцомъ и сыномъ, давая, на перекоръ всякимъ естественнымъ законамъ, второму старшинство надъ первымъ, то это уже послѣднее слово безобразія и мерзости.

Рядомъ съ этими мѣрами принимаются другія для уничтоженія экономическаго развитія и благосостоянія Ирландіи. Навигационнымъ актомъ запрещалось ирландцамъ имѣть непосредственныя сношенія съ англійскими колоніями или иностранными государствами. Каждый корабль, направляющійся къ берегамъ Ирландіи, если онъ только не англійскій, долженъ былъ сначала подвергаться визѣ въ Англіи и затѣмъ уже слѣдовать по своему назначенію. Этимъ имѣлось въ виду уничтожить ирландское судостроеніе, что и было достигнуто: за 50 лѣтъ послѣ этого закона на ирландскихъ веряхъ, какъ утверждаютъ, не было построено ни одного корабля. Затѣмъ Ирландія издавна славилась своимъ овцеводствомъ, была тамъ очень развита также шерстяная промышленность. Чтобы и ее подорвать, издано было (въ 1698 г.) постановленіе, въ силу котораго шерстяныя издѣлія Ирландіи подвергаются 20% вывозной пошлинѣ. Вслѣдствіе этого въ 1700 и 1701 г. на рукахъ общественной благотворительности находилось 19000 ткачей; а какихъ-нибудь 30 лѣтъ спустя въ Бельфаствѣ нельзя было найти ни одного шерсто-ткацкаго станка. Актъ, о которомъ мы только что говорили, былъ изданъ ирландскимъ парламентомъ, состоявшимъ изъ однихъ только протестантовъ. Ему было обѣщано, что англичане будутъ содѣйствовать насажденію въ Ирландіи льняной и пеньковой промышленности взами́нъ шерстяной. Обѣщаніе это не было исполнено.

Къ чему вообще привели всѣ эти мѣры, которыя только что очерчены мною, свидѣлствуютъ лучше всего отзывы современниковъ. Вотъ что говоритъ о несчастной Ирландіи въ «письмахъ суконщика» Джонатанъ Свифтъ, долгое время жившій въ Ирландіи: «Грустное зрѣлище поразить всякаго, кто пожелаетъ посѣтить эту страну. Всѣ дороги, улицы и двери

домовъ осаждаются нищими женщинами, за которыми слѣдуетъ 5—6 дѣтей, моля и прося прохожаго о милостынѣ. Дѣти эти, выростая безъ всякаго образованія и воспитанія, становятся разбойниками уже потому одному, что имъ нечѣмъ жить».

Одинъ намѣстникъ Ирландіи доноситъ, что во рвахъ городовъ можно было находить много мертвыхъ людей, при чемъ лицо и ротъ у нихъ покрыты зеленою отъ травы, которою они пытались въ послѣднія минуты своей жизни. Нечего и говорить, что такое бѣдственное положеніе туземцевъ Ирландіи было прямымъ слѣдствіемъ конфискаціи ихъ правъ и тѣхъ законовъ, которые, по словамъ *Борка*, ирландца по происхожденію, имѣли цѣлью уничтожить всякое значеніе ирландцевъ.—Намѣстникъ Ирландіи *Тоуншендъ* также замѣчаетъ, что всѣ законы, которые писались и издавались относительно ирландцевъ, были направлены къ тому, что-бы уничтожить значеніе папистовъ.—Но вѣдь послѣдніе составляли огромное большинство населенія Ирландіи.

Казалось, что, благодаря стараніямъ и мѣрамъ, предпринимавшимъ изъ Лондона, Ирландіи представляеть собою трупъ, и трудно было рассчитывать, что-бы трупъ этотъ могъ когда нибудь ожить; трудно было, по крайней мѣрѣ, ждать какой либо оппозиціи со стороны ирландцевъ, пришибленныхъ горемъ, нищетою, издѣвательствомъ англичанъ. Но нѣтъ, именно въ то время, когда казалось исчезли въ этомъ тѣлѣ послѣдніе признаки жизни, трупъ началъ оживать. Полвѣка дѣйствія драконовскихъ законовъ не убили его окончательно. Первые проявленія жизни были грубы и оцѣвлены характеромъ насиія. Тѣйныя общества, похожія на разбойничьи шайки, подъ различными названіями: «Бѣлые ребята» (White-Boys), «Дубовые ребята» (Oakboys), «Стальные сердца» (Hearts, of steel), «Дѣти права» (Right-Boys), всѣ дѣйствовали одинаковымъ образомъ: насиліемъ, грабежомъ, пожаромъ съ такимъ ожесточеніемъ, которое понятно только къ людямъ, доведенныхъ горемъ до отчаянія и которымъ не отъ кого ждать помощи. Сила и популярность этихъ тайныхъ обществъ въ Ирландіи между католиками была громадная, почти непомѣрная. Нельзя было найти человѣка, который согласился-бы свидѣтельствовать на судѣ противъ членовъ этихъ обществъ; нельзя было найти присяжныхъ, которые бы рѣшились вынести кому либо изъ нихъ

обвинительный вердиктъ—до того эти союзы пользовались симпатіею въ массѣ народа, а съ другой стороны нагоняли страхъ. Всѣ они были выраженіемъ протеста противъ иноземнаго владычества и гнета и всякими мѣрами насилія старались дѣйствовать противъ агентовъ этой ненавистой имъ власти. Они нашли поддержку и въ протестантахъ англо-ирландцахъ, ибо экономическое давленіе, о которомъ мы говорили, одинаково коснулось какъ протестантовъ, такъ и католиковъ острова. Огряды «Дубовыхъ ребятокъ» и «Стальныхъ сердецъ» состояли изъ протестантовъ Ульстера столько-же, какъ и изъ католиковъ.

Немного позже и въ литературѣ появляется протестъ противъ гнета англичанъ. Капуцинъ *О'Дирри*, отличавшійся блестящимъ талантомъ, *Джонатанъ Свифтъ* въ «Письмахъ бѣднаго суконщика», аптекарь *Лукасъ* въ своемъ «Журналѣ свободного человѣка» (*Free-man's Journal*) подняли голосъ и стали будить свою родину, вступаясь за поправныя права ея. Эта оппозиція естественно вызвала преслѣдованія. «Журналъ свободного человѣка» былъ закрытъ и издатель его долженъ былъ бѣжать на континентъ. Но удары власти не убиваютъ мысли. Популярность *Лукаса* лишь возросла отъ преслѣдованій. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ членомъ парламента.

За открытіе личности «суконщика» (автора *Писемъ*) была назначена награда во 300 ф. ст., но всѣ обѣщанія и соблазны остались безъ послѣдствій. Процессъ вынуждены были начать противъ типографщика, напечатавшаго «Письма». Присяжные засѣдателя *одинадцать* разъ возвращаемы были председателемъ въ совѣщательную комнату: никакъ нельзя было дожидаться отъ нихъ обвинительнаго вердикта. До того популярна была книга, въ которой говорилось о бѣдствіяхъ и правахъ Ирландіи.

Но едва ли одни союзы, поддерживаемые протестомъ литературы, могли бы заставить Англію кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ Ирландіи; репрессіи эти въ лучшемъ случаѣ могли бы только ослабить гнетъ, но не уничтожить его.

Постороннія обстоятельства помогли ирландцамъ и всѣ ихъ можно свести къ тремъ категоріямъ. Во 1) Финансовая политика острова была невозможная: на два миліона фунтовъ расхода еле-еле можно было собрать 1900000 фунт. Это было результатомъ объединенія страны и щедрыхъ пенсій, назначаемыхъ на счетъ ея доходовъ вліятельнымъ людямъ и королевскимъ

любимцамъ. Во 2) Экономическое положеніе страны отражалось не только на ея финансахъ, но и на англійской промышленности и торговлѣ. Англійскіе торговцы роптали, что сбытъ ихъ произведеній сильно сократился. Въ 3) наконецъ, самое рѣшительное воздѣйствіе оказали политическія затрудненія, а именно: война съ Америкою. Когда американцы начали спорить съ англичанами за свою независимость и права, то ирландцы увидѣли, что ихъ соединяетъ съ американцами общая участь и общность антипатій. До союза между американцами и ирландцами дѣло не дошло. Извѣстно однако, что Франклинъ былъ въ Дублинѣ и указывалъ тамъ на возможность общаго дѣйствія тѣхъ и другихъ. Послѣ Саратогской капитуляціи, за которою послѣдовала союзъ американцевъ съ французами, англійское правительство поневолѣ призадумалось: а что если французы вздумаютъ опять появиться въ Ирландіи, то не будетъ ли озлобленная Ирландія очень удобною для нихъ ареной борьбы. И вотъ, чтобы смягчить немного ирландцевъ, въ 1778 году пробивается первая брешь въ стѣнѣ всяческихъ ограниченій въ отношеніи католиковъ. Законы, запрещающіе арендовать землю за ренту ниже опредѣленной нормы, ограничивающіе права наслѣдства католиковъ и предоставляющіе право ренегату-сыну становиться опекуномъ отца, отмѣнены; также отмѣнены законы, запрещающіе быть учителямъ, адвокатамъ и другія болѣе мелкія стѣсненія. Разрѣшено пріобрѣтать собственность подъ видомъ аренды на 999 лѣтъ, причемъ арендная плата могла быть условлена полюбовно. Нѣсколько позже англичане признали также нѣкоторое равноправіе въ торговыхъ отношеніяхъ между англичанами и ирландцами.

Но вотъ англійское правительство, вынужденное обстоятельствами, само даетъ мечъ въ руки ирландцамъ. Англія, отвлекаемая войною съ Америкою, вызвала изъ Ирландіи всѣ свои войска и когда ирландскіе землевладѣльцы обратились къ министерству съ жалобой на отсутствіе войскъ, то послѣднее отвѣчало: «Если хотите быть въ безопасности, вооружитесь и защищайте себя сами». Это значило открыто признать себя политическимъ банкротомъ. Ирландцы съ радостью воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ самимъ вооружаться и быстро составили добровольные баталіоны, которые съ 8000 человекъ разрослись въ какихъ нибудь два года до 45000 чел.

Новый духъ патриотизма, предчувствовавшій что съ этого момента настаетъ новая пора въ исторіи отношеній Ирландіи къ Англіи, соединилъ одинаково какъ протестантовъ, такъ и католиковъ. Послѣдніе, не имѣя права носить оружіе, принимали участіе деньгами. Когда содалась въ Ирландіи такая сила, которая уже по самому происхожденію своему должна была стать на ея сторонѣ и защищать ея интересы противъ Англіи, то спорить съ Ирландіею Англіи, которая имѣла на своей шеѣ войну съ Америкой, Франціей, Испаніей оказывалось невозможнымъ. И вотъ въ парламентъ Ирландіи поднимается вопросъ о независимости ирландскаго парламента. Предложеніе *Граттана* и *Флуда* въ этомъ смыслѣ было поддержано большою демонстраціею добровольцевъ въ Дублинѣ (1780 г.). Правительство, озабоченное виѣшними дѣлами, должно было уступить въ этомъ вопросѣ настояніямъ ирландскаго депутата Граттана, поддерживаемаго, какъ мы сказали, агитаціею добровольцевъ, и признать (въ 1783 г.) законодательную независимость ирландскаго парламента.

Въ виду того, что дѣятельность ирландскаго парламента составляетъ интересную страничку въ исторіи Ирландіи, не хотѣлось бы говорить о ней слишкомъ кратко, а потому мы побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ въ слѣдующей главѣ.

II.

Если читатель постарается резюмировать все то, что было сказано въ предъидущей главѣ, то, быть можетъ, снѣ прійдетъ вмѣстѣ со мною къ тому заключенію, что исторія Ирландіи, выразившаяся въ отношеніяхъ ея къ Англіи представляетъ намъ слѣдующіе четыре періода: первый періодъ обнимаетъ собою борьбу исключительно національно-политическую и длится до реформаціи. Въ этотъ періодъ времени, за исключеніемъ лишь царствованія Генриха VII, перевѣсъ былъ можно сказать на сторонѣ ирландцевъ въ томъ смыслѣ, что англичане никакъ не могли овладѣть Ирландіею, а въ культурномъ отношеніи даже подчинялись ирландцамъ. Второй,—періодъ религіозно-политической борьбы, когда борьба національно-политическая осложняется борьбой религіозною. Это—періодъ реформаціи XVI в., вплоть до конца царствованія Елизаветы. Англія употребилъ

еть всё усилія—и не безуспѣшно—для борьбы съ Ирландією ; въ послѣдней же происходитъ рядъ неудачныхъ, правда, но зато грозныхъ возстаній, которыя должны были заставить англійское правительство склониться на нѣкоторыя уступки. Третій періодъ,—это время большаго ирландскаго возстанія, когда Стюарты вступили въ борьбу съ парламентомъ. Возстаніе это сопровождалось систематическимъ обезземелпваніемъ ирландцевъ, закончившимся тѣмъ, что ирландцы сосредоточены были только въ западной, скалистой и болотистой части острова — въ Коннаутѣ, а ихъ земли розданы были англійскимъ колонистамъ или солдатамъ,—усмирявшимъ возставшихъ. Періодъ этотъ заканчивается Лимерикскимъ миромъ 1689 г., когда Вильгельмъ III окончательно подавилъ возстаніе и покорилъ ирландцевъ. Съ этого момента начинается четвертый и послѣдній періодъ — полного порабощенія и безправія ирландскихъ католиковъ.

Чтатель видѣлъ всё тѣ мѣры и законы, которыми ирландецъ былъ лишенъ не только политическихъ и гражданскихъ, но даже и семейныхъ правъ. Я указалъ также на тотъ поворотъ въ отношеніяхъ англичанъ къ ирландцамъ въ концѣ XVIII ст., который является слѣдствіемъ причинъ отчасти внутреннихъ такъ сказать, а именно: пробужденія національнаго и общественнаго чувства въ ирландцахъ, отчасти же внѣшнихъ: Съверо-американскаго возстанія, къ которому какъ не безосновательно опасались англичане, могли пристать и ирландцы. Чтобы воспрепятствовать этому опасному для себя союзу, англичане согласились сдѣлать ирландцамъ нѣкоторыя уступки. И вотъ, въ драконовскихъ законахъ XVIII столѣтія, показывается первая брешь въ видѣ разрѣшенія ирландскимъ католикамъ пріобрѣтать землю если не въ собственность, то въ аренду на 999 лѣтъ, что равнозначительно пріобрѣтенію въ собственность. При этомъ арендная плата не предписывается обязательная, а предоставляется полюбовному соглашенію заинтересованныхъ въ этомъ лицъ. Отмѣняются также опека сына-протестанта надъ отцомъ-католикомъ, запрещеніе жить въ Гальвѣ и Лимерикѣ, запрещеніе имѣть лошадь дороже 5 ф. ст. и т. п. Затѣмъ было указано нами, что въ Ирландіи происходитъ агитация съ цѣлью освобожденія ирландскаго парламента отъ авторитета англійскаго. Для того чтобы намъ ясна стала эта агитация ирландцевъ въ пользу законодательной независимости,

намъ нужно рассмотретьъ сначала, чѣмъ именно былъ ирландскій парламентъ и каково было его положеніе.

Ирландскій парламентъ былъ подчиненъ двоякому ограниченію. Во первыхъ, законъ Пойнинга*), относящійся къ 1495 году, лишилъ ирландскій парламентъ инициативы въ изданіи законовъ. Каждый билль, вносимый въ ирландскій парламентъ, долженъ былъ быть предварительно рассмотрѣнъ въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ; парламентъ не долженъ былъ быть созываемъ, пока въ означенномъ совѣтѣ не будутъ одобрены всѣ билли, предложенныя къ внесенію въ данную сессию. Въ 1556 г. законъ Пойнинга былъ вповозмѣненъ. Созваніе парламента могло послѣдовать и раньше одобренія биллей въ совѣтѣ; но билли, предложенныя правительствомъ не могутъ подвергаться поправкамъ, а должны быть приняты или отвергнуты цѣликомъ. Во вторыхъ, по закону Георга I, слѣдовательно въ XVIII уже стол., англійскій парламентъ и помимо ирландскаго могъ издавать законы, обязательные однако для Ирландіи, не смотря на то, что въ обсужденіи этого закона представители послѣдней не принимали участія. Этими законами ирландскій парламентъ въ своей дѣятельности былъ стѣсненъ волею совѣта и волею лондонскаго парламента.

Кромѣ всего этого, и самый то ирландскій парламентъ являлся представителемъ не всей Ирландіи, а только меньшей и очень незначительной части жителей острова. Дѣло въ томъ, что по Test-act'у, изданному еще при Карлѣ II во второй половинѣ XVII столѣтія, подтвержденному для Ирландіи законами, падшими послѣ сраженія при Бойпѣ, католики были лишены правъ избирательныхъ и избираемости, слѣдовательно, ирландскій парламентъ состоялъ только изъ протестантовъ, выбранныхъ протестантами-же, новыми колонистами Ирландіи, которыхъ всего въ всего было 600,000 человекъ на четырехъ-милліонное населеніе острова.

Теперь, въ концѣ XVIII вѣка поднять вопросъ о томъ, чтобы ирландскій парламентъ сдѣлать учрежденіемъ независимымъ. Къ этому и направлена была дѣятельность «добровольцевъ», полки которыхъ, какъ было сказано въ первой главѣ,

*) Пойнингъ былъ наместникъ Ирландіи, и ему принадлежалъ билль этого закона.

были организованы ирландцами по предложению самого англійскаго правительства, которое не знало, конечно, какой размѣръ и какой характеръ приметъ дѣятельность добровольцевъ. Въ самомъ парламентѣ, подъ вліяніемъ пробужденія общественнаго сознанія, также образовалась партія, такъ называемая *Земская Партія*, изъ лицъ хотя и протестантовъ, но все таки преданныхъ интересамъ Ирландіи. Во главѣ этой партіи стояли *Флудъ* и *Граттанъ*. Послѣдній внесъ въ парламентъ резолюцію подъ именемъ «Декларации Правъ» (19 апрѣля 1780 г.) въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Одинъ король вмѣстѣ съ лордами и общинами Ирландіи имѣетъ право издавать законы, обязательные для Ирландіи. 2) Корона Ирландіи нераздѣльно соединена и будетъ соединена съ короною Англій. 3) Великобританія и Ирландія должны быть нераздѣльно связаны подъ властью одного государя общими узами интересовъ, лояльности и свободы. Когда эта резолюція была отклонена парламентомъ, то это вызвало сильное движеніе среди «добровольцевъ». Въ Дунганонѣ происходитъ въ 1781 г. собраніе 142 делегатовъ полковъ, стоявшихъ въ Ульстерѣ, которое подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго лорда *Чарльмонта* постановило нѣсколько рѣшительныхъ резолюцій въ пользу законодательной независимости Ирландіи. Намѣстникъ же Ирландіи сообщаетъ въ Лондонъ, что едва-ли возможно будетъ дальше отстаивать въ Ирландіи законы, созданные лондонскимъ парламентомъ: до того сильно движеніе противъ нихъ. Въ тоже время въ Англій происходитъ перемѣна министерства и во главѣ его становится *Фоксъ*, который въ прочитанномъ имъ королевскомъ посланіи рекомендуетъ обратить особенное вниманіе на положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Какъ только ирландскому парламенту стало извѣстно желаніе правительства измѣнить положеніе ирландскаго парламента, то и въ самомъ парламентѣ также стали иначе относиться къ вопросу, и новыя резолюціи *Граттана* объ отмѣнѣ статута *Пойнниа* и акта *Георія I* были приняты сначала въ ирландскомъ парламентѣ, а затѣмъ и въ Англій 17 мая 1782 г. Ирландскій парламентъ съ этого времени признавался *единственнымъ* законодательнымъ для Ирландіи учрежденіемъ, рѣшенія котораго не нуждаются въ санкціи англійскаго парламента, и единственною связью между Ирландіею и Англіею сталъ отнынѣ одинъ общій для обѣихъ странъ Король съ его министрами, т. е. была при-

вана закономъ только личная унія между двумя самостоятельными государствами. Но ирландцы не удовольствовались этою мѣрою, и вотъ, мы видимъ, начинается новое двойное движеніе. Съ одной стороны, идетъ агитація въ пользу реформы политическаго избирательнаго права, а съ другой въ пользу расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ католиковъ вообще. И за эту двойную агитацію берутся опять таки «добровольцы». Но перваго, т. е. реформы избирательнаго права гораздо труднѣе было добиться, нежели послѣдняго. Католикамъ были разрѣшены смѣшанные съ протестантами браки, было позволено имъ быть учителями, но на дарованіе католикамъ правъ избираемости ни парламентъ, ни правительство ни за что не хотѣли согласиться, потому что это значило-бы отмѣнить господство англійской колоніи въ Ирландіи. Господство же это считалось краеугольнымъ камнемъ владычества Англіи въ Ирландіи и обезпеченіемъ ея политическаго спокойствія. Попытка дать католикамъ доступъ въ парламентъ сдѣлана была Питтомъ младшимъ нѣсколько позже, какъ мы увидимъ; пока же реформа избирательнаго права осталась неосуществленною: слишкомъ сильна была въ парламентѣ клика людей, прямо заинтересованныхъ въ поддержаніи *statu quo* избирательнаго права.

Дѣло въ томъ, что многіе члены ирландскаго парламента были представителями такихъ мѣстечекъ и городковъ, гдѣ избирателей было слишкомъ мало и всѣ они зависѣли отъ помѣщика, который и распоряжался ихъ голосами какъ ему выгоднѣе было. Эти такъ называемыя «гнилыя мѣстечки», представляли для владѣльцевъ ихъ извѣстный доходъ въ томъ смыслѣ, что правительство уплачивало помѣщику опредѣленный гонораръ за пользованіе для своихъ цѣлей голосами, находящимися въ его распоряженіи, такъ что значеніе лэндлордовъ опредѣлялось въ то время не только тѣмъ, сколько у каждаго было акровъ земли, но и тѣмъ сколько въ его владѣніи избирателей. Реформа, слѣдовательно, парламентаго представительства затрогивала въ извѣстномъ смыслѣ интересы эконоическіе тѣхъ же самыхъ лицъ, отъ рѣшенія которыхъ и зависѣла возможность подобной реформы.—Кромѣ того, депутаты ирландскаго парламента и сами были подкупаемы правительствомъ также, точно, какъ подкупались депутаты англійскаго парламента. Были даже подрядчики, которые брались за извѣстную сумму:

доставить правительству столько-то голосовъ.—Эти парламентскіе подрядчики составляли, по истинѣ, язву тогдашняго парламента. Намѣстникъ *Тоуншендъ* пожелалъ отдѣлаться отъ нихъ, но въ результатъ вышло гораздо хуже, чѣмъ было до его попытки. Оказалось, что Тоуншенду приходилось самому непосредственно подкупать депутатовъ, тратить очень много и переплачивать гораздо больше, чѣмъ при помощи подрядчиковъ, достигалъ же онъ гораздо меньшихъ результатовъ. Его стали упрекать въ томъ, что онъ обременяетъ своими нововведеніями бюджетъ Ирландіи, и онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли избавить парламентъ отъ подрядческой язвы. И вотъ такихъ лицъ, засѣдавшихъ въ ирландскомъ парламентѣ, хотѣли заставить отказаться отъ своихъ выгодъ во имя какого то общаго блага, котораго они и не хотѣли да и не могли взять въ толкъ. — Въ ирландскомъ парламентѣ были впрочемъ, какъ я уже сказалъ, двѣ партіи, изъ которыхъ одна — земская партія — стояла на сторонѣ реформы и имѣла въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, какъ Граттанъ и Флудъ. Послѣдній дважды дѣлалъ предложеніе въ парламентѣ относительно реформы, но оба раза предложеніе его проваливалось. Флуда упрекали въ парламентѣ въ томъ, что онъ вноситъ въ парламентъ, въ видѣ биллей, резолюціи делегатовъ полковъ добровольцевъ, которые (делегаты) собирались въ это время въ Дублинѣ подъ именемъ Національнаго Конвента.—Эти упреки имѣли основаніе. Флудъ былъ членомъ Національнаго Конвента и дѣйствительно облекалъ въ форму биллей резолюціи послѣдняго: Двойная неудача Флуда была въ то-же время и неудачею добровольцевъ. Потерпѣвъ ее, они сходятъ со сцены и больше не играютъ никакой роли. Результатомъ возбужденнаго ими движенія было предоставленіе гражданскихъ правъ католикамъ и облегченіе торговыхъ стѣсненій. Наступило шесть лѣтъ затишья, но это было затишье передъ бурей, которая разразилась чрезъ какихъ-нибудь полтора десятка лѣтъ, но матеріалъ для которой продолжалъ накопляться во все это время.

Событія осложняются. Наступаетъ 1789 годъ. Во Франціи быстро совершалось крушеніе стараго порядка и, казалось, такъ же быстро торжествовалъ порядокъ новый. 14 іюля, ночь 4-го августа, переѣздъ короля въ Парижъ, провозглашеніе естественныхъ правъ человека и гражданина, все это — событія

всемірно-историческаго значенія. Ихъ сопровождала вѣра въ зиждительную силу свободы, вѣра въ силу человѣческаго разума, въ способность его передѣлать жизнь міра и осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ. Словомъ, это было время еще не помутившихся надеждъ и упованій. Люди вѣрили, что стоитъ только что либо сдѣлать доступнымъ разуму, чтобы это разумное осуществилось, и на оборотъ, достаточно выяснитъ неразумность существующаго, чтобы оно исчезло. Значеніе чувства и привычки, и вліянія преданій не признавались вовсе, или имъ придавалось весьма мало значенія въ историческомъ развитіи человечества. Увлеченіе провозглашенными принципами было такъ всеобще, что едва-ли можно было сыскать хоть одного человѣка, который бы не поддавался этому обаянію. Одинъ нѣмецъ, который былъ въ Парижѣ во время праздника федераціи, пишетъ: я забылъ въ это время, что я нѣмецъ, и первый разъ въ жизни почувствовалъ себя *человѣкомъ*. Такъ дѣйствовало на людей всѣхъ націй провозглашеніе *droits de l'homme et de citoyen*, а тѣмъ сильнѣе должно было оно подѣйствовать на угнетенныхъ въ теченіе вѣковъ ирландцевъ. Подъ вліяніемъ этого возбужденія образовалось «Общество соединенныхъ ирландцевъ», которое состояло изъ протестантовъ и католиковъ. Общество это раздѣлялось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала реформы избирательнаго права, другая же—установленія одинаковыхъ политическихъ правъ для католиковъ и протестантовъ, т. е. для всѣхъ ирландцевъ. Противъ послѣдней тенденціи «соединенныхъ ирландцевъ» въ Ульстерѣ начинается движеніе, или контр-агитація крайнихъ протестантовъ. Оно выразилось въ образованіи обществъ подъ названіемъ «Рыцари или Молодцы разсвѣта». Похожіе по своей организаціи и способу дѣйствій на бѣлыхъ ребятъ, рыцари разсвѣта нападаютъ на католиковъ, жгутъ ихъ дома, безчинствуютъ, грабятъ и убиваютъ. Католики также составляютъ банды «Защитниковъ», которыя не ограничиваются оборонительнымъ только мѣрами, но и сами нападаютъ на протестантовъ, мстя имъ за всѣ причиняемые бѣдствія. Въ ирландіи происходятъ такимъ образомъ постоянныя столкновенія между «Молодцами разсвѣта» и «Защитниками», которыя опустошаютъ островъ и истребляютъ его населеніе. Необходимо было подумать о какихънибудь мѣрахъ. Къ счастью, англійское министерство находилось въ то время въ рукахъ человѣка

въ высшей степени талантливаго, съ широкимъ умомъ, чело-
вѣка, имя котораго занимаетъ видное мѣсто въ исторіи Англіи
Я говорю о *Питтѣ*—младшемъ.

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановить на
минутой мысли читателя на воспоминаніи объ этомъ государ-
ственномъ дѣятелѣ, сынѣ знаменитаго Вилльяма Питта. Еще
молодымъ человѣкомъ онъ удивлялъ всѣхъ своими феноменаль-
ными способностями. Будучи мальчикомъ 14 лѣтъ, онъ поражалъ
классиковъ знаніемъ классическихъ языковъ, поражалъ матема-
тиковъ знаніемъ математики. Отъ отца своего онъ унаслѣдо-
валъ способности и нѣкоторыя черты его характера. Гордость,
какъ и у отца, составляла выдающуюся черту его характера;
чудный, гармоничный голосъ, способный выразить всѣ тончай-
шія движенія человѣческой души наслѣдованъ былъ имъ отъ
него-же. Также какъ и отецъ, онъ былъ быстръ, находчивъ,
страшенъ своимъ сарказмомъ. Отецъ его былъ человѣкъ страсти
и увлеченія,—сынъ былъ сдержанъ и умѣлъ поразительно вла-
дѣть собою во время рѣчи. Если отецъ былъ мастеромъ ора-
торскаго искусства, то и сынъ не уступалъ ему въ этомъ.
Какъ тотъ, такъ и другой отличался въ своихъ рѣчахъ силою
выраженія и красотою построенія. Но между сыномъ и отцомъ
была и значительная разница. Питтъ старшій былъ ораторомъ,
которымъ совершенно овладѣвало чувство, и онъ отдавался ему
безъ оглядки. Его рѣчь лилась бурнымъ потокомъ, увлекавшимъ
и его слушателей и его самого. Этотъ потокъ выносилъ наружу
его сокровенныя мысли и чувства. Когда во время семилѣтней
войны его голова была полна политическихъ тайнъ и военныхъ
плановъ, онъ нерѣдко говаривалъ: «Мнѣ сегодня надо сидѣть
спокойно и не говорить, ибо если я разъ начну говорить, то
все, что ни есть въ душѣ моей, выйдетъ наружу». Сынъ же,
напротивъ, отличался краснорѣчіемъ спокойнымъ, академиче-
скимъ, что называется.

Маколей въ своей характеристикѣ Питта замѣчаетъ, что
если многихъ государственныхъ людей Англіи можно упрекнуть
въ томъ, что они, благодаря слишкомъ одностороннимъ и обиль-
нымъ занятіямъ классическими языками, не вполне владѣютъ
своимъ роднымъ языкомъ, то относительно Питта этого сказать
нельзя было. Когда ребенкомъ, сидя на козлыяхъ у отца, онъ
отвѣчалъ ему уроки, послѣдній читалъ ему Оулидыа или Ци-
церона.

перона и заставлялъ тутъ же вслухъ переводить читаемое на англійскій языкъ, и не какъ нибудь, а хорошимъ, обработаннымъ языкомъ. Онъ учился отдѣлывать англійскую рѣчь по этимъ великолѣпнымъ образцамъ и достигъ высокой степени совершенства. Съ перваго появленія своего въ парламентъ онъ сталъ сплюю своего краснорѣчія выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ безъ приготовленія умѣлъ излагать свои мысли въ длинномъ потокѣ величественныхъ и округленныхъ періодовъ, никогда не затрудняясь въ выборѣ слова, никогда не повторяя одного и того же слова. Онъ говорилъ голосомъ звучнымъ и серебристымъ и съ такою чистотою выговора, что у него не пропадало ни одной буквы. Его рѣчь была обильна, обработана, блистательна. Можетъ быть ни одинъ ораторъ,—древній или новый,—не превосходилъ его въ силѣ сарказма, и онъ беспощадно пользовался этимъ страшнымъ орудіемъ. Онъ былъ необыкновенно опытенъ въ двухъ отдѣлахъ ораторскаго искусства, которые имѣли оба величайшую важность для перваго министра. Никто лучше его не умѣлъ быть яснымъ и никто лучше его не умѣлъ быть темнымъ. Когда онъ хотѣлъ, чтобы его поняли, это ему всегда удавалось. Онъ всегда умѣлъ дать своимъ слушателямъ понятіе не очень точное, но всегда ясное, популярное и удовлетворительное о предметахъ самыхъ запутанныхъ и самыхъ обширныхъ. Все было на своемъ мѣстѣ, ничего не было забыто; мелкія подробности, сумма денегъ, все вѣрно сохранялось въ его памяти. Самые запутанные финансовыя вопросы, объясненные имъ, казались ясными самымъ простымъ изъ его слушателей. Съ другой стороны, когда онъ не хотѣлъ, чтобы его поняли,—и какой же человѣкъ, стоящій во главѣ дѣлъ, хочетъ быть всегда понятымъ?—у него былъ необыкновенный даръ ничего не сказать, но такимъ языкомъ, что его слушателямъ казалось, что онъ сказалъ очень много. Словомъ, это былъ единственный человѣкъ, который былъ въ состояніи изложить бюджетъ безъ счетовъ и импровизировать самую уклончивую и самую туманную изъ всѣхъ рѣчей—тронную рѣчь короли.

Съ 20 лѣтняго возраста онъ выступаетъ уже на арену общественной дѣятельности въ качествѣ члена парламента, а 24 лѣтъ онъ уже былъ первымъ министромъ. Въ разсматриваемое нами время мы застаемъ Питта еще вигомъ. Онъ отнесся отрицательно къ протестантскому движенію въ Ирландіи, выз-

вавшему такіа печальныя столкновеціа между «рыцарями разсвѣта» и «защитниками». Въ тронной рѣчи, которою былъ открытъ парламентъ 10 января 1793 года указывается необходимость обратить вниманіе на положеніе католиковъ и высказывается надежда на либерализмъ и мудрость парламента. Въслѣдъ затѣмъ былъ внесенъ въ ирландскій парламентъ билль, который въ дополненіе къ прежде сдѣланнымъ уступкамъ прибавлялъ новыя. Расширены были права католиковъ въ отправленіи богослуженія и въ дѣлѣ образованія. Кромѣ того имъ предоставлено было занимать военныя и гражданскія должности и избирательное право въ общинныхъ городскихъ и государственныхъ выборахъ, но они получали только право избирать, но не быть избираемыми. Подобныя предложенія были вносимы немного раньше въ парламентъ стараніями «соединенныхъ ирландцевъ», но были отклоняемы. Теперь, когда правительство высказалось за внесенный билль, онъ былъ принятъ. Это былъ послѣдній шагъ въ XVIII столѣтіи на пути улучшенія положенія Ирландіи.

Дальше обстоятельства осложняются. Какъ и въ остальной Европѣ, въ Англии событія 1793 г. произвели сильное впечатлѣніе. Терроръ испугалъ европейское общество до крайней степени. Европа какъ бы раздѣлилась на два лагеря, причѣмъ всѣ крайніе элементы стали на сторону террора, другіе же элементы не только консервативные, но даже и либеральные, если они только не были съ крайнимъ оттѣнкомъ, отклонились въ правую сторону и не только стали противъ террора, но и вообще противъ всякаго прогрессивнаго движенія. Въ началѣ 1793-го года возникаетъ война между Англіею и Франціею и естественное дѣло, что французы стараются воспользоваться Ирландіею, какъ очень удобною почвою для дѣйствій противъ Англии. Агенты французскіе, между ними главнымъ образомъ *Джаксонъ*, зондируютъ почву Ирландіи. Джаксона арестуютъ и у него находятъ бумаги, указывающія на то, что нѣкоторые члены «Общества соединенныхъ ирландцевъ» находились въ сношеніяхъ съ нимъ, такъ что одному изъ вожаковъ общества *Вольфъ-Тону* пришлось бѣжать въ Америку.

Въ «Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ» выдѣляется радикальная партія, стремящаяся добиться полной независимости Ирландіи отъ Англии. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ противовѣсъ этой партіи, образуется другая, которая недовольна

уступками, сдѣланными католікамъ. Прежніе умѣренные бойцы оказались между двухъ огней. Съ одной стороны, радикальная партія признаетъ ихъ консерваторами, окончившими на одномъ пунктѣ и неспособными двинуться впередъ, съ другой стороны— ультра-протестантская партія смотритъ на нихъ, какъ на опасныхъ новаторовъ. Но въ чести этихъ бойцовъ нужно сказать, что они твердо держались своихъ убѣжденій въ это трудное время и не смущались недовольствомъ ни однихъ, ни другихъ. Ирландскій же парламентъ между тѣмъ вступаетъ на путь реакціи. Онъ издаетъ законъ, которымъ запрещается ввозъ въ Ирландію откуда бы то ни было оружія и запрещающій также всякаго рода собранія. Послѣднее было направлено очевидно противъ собраній членовъ «Общества соединенныхъ ирландцевъ», которые однако не прекратили вслѣдствіе этого своего существованія, а перешли только изъ положенія легальнаго въ нелегальное и образовали тайное общество. При этомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, умѣренные элементы уклонились, а взяли перевѣсъ люди крайняго направленія. Защитники предложенныхъ биллей доказывали необходимость стѣснительныхъ мѣръ, ссылаясь на примѣръ Франціи. По ихъ словамъ уступчивость французскаго правительства довела до тѣхъ ужасовъ, свидѣтелями которыхъ были современники 1793 года. Граттанъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, является противникомъ стѣснительныхъ мѣръ и предостерегаетъ правительство отъ той наклонной плоскости, на которую оно хочетъ вступить по пути реакціи. По поводу ссылки на примѣръ Франціи онъ сказалъ въ парламентѣ слѣдующее: «Остерегитесь, остерегитесь примѣра Франціи, говорятъ намъ. Да, но если Франція должна служить назиданіемъ, то берите примѣръ цѣликомъ. Если ея конвентъ служитъ предостереженіемъ противъ пороковъ республики, то причины, вызвавшія этотъ самый конвентъ должны служить предостереженіемъ противъ злоупотребленій монархіи. Франція не хотѣла ничего исправлять пока злоупотребленія не скопились, и тогда вооруженныя массы опрокинули государство». Но эта рѣчь Граттана, какъ и многія другія его рѣчи, осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь. Борьба между тѣмъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. «Общество соединенныхъ ирландцевъ» обратилось, какъ я сказалъ уже, въ тайное. Оно организуется: во всѣхъ округахъ и графствахъ были кружки изъ членовъ общества; въ Дублинѣ

же — національный конвентъ изъ делегатовъ этихъ кружковъ. Главными руководителями дублинского конвента были *О'Конноръ* и *Фицъ-Джеральдъ*. Особенно цѣнно было для «Общества соединенныхъ ирландцевъ» привлеченіе на свою сторону послѣдняго.

Предки Фицъ-Джеральда были флорентійскіе итальянцы, переселившіеся въ Ирландію. По матери Фицъ-Джеральдъ былъ родственникомъ Стюартовъ, по отцу же потомкомъ тѣхъ Джеральдовъ, которые боролись уже нѣкогда за свободу Ирландіи. Все въ этомъ молодомъ человѣкѣ располагало къ нему: красивый, умный, съ открытою душою, пріятнаго нрава — онъ скоро становился общимъ любимцемъ. Жизнь его была исполнена приключеній. Между прочимъ большой шумъ надѣлала связь его съ женою извѣстнаго парламентскаго дѣятеля *Шеридана*. Она влюбилась въ него со всею силою увядающей молодости; но она не выдержала своего ложнаго положенія и вскорѣ умерла отъ стыда, искренно оплакиваемая и мужемъ, и любовникомъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхала въ Лондонъ гувернантка семья герцога Орлеанскаго г-жа *Жанлисъ* и съ нею прибыла дѣвушка, которую звали *Памеллой*. Она очень заинтересовала высшіе круги Лондона и своею красотою и загадочностью своего происхожденія. Про нее говорили, что она не воспитанница, а дочь г-жи *Жанлисъ* и отцомъ ея называли самаго герцога Филиппа Орлеанскаго. Ко всему этому прибавлялось еще то, что *Нанси-Симсъ* (Nancy Sims), таково было настоящее имя Памеллы — была, какъ двѣ капли воды, похожа на покойную г-жу Шериданъ. Еще большаго шуму надѣлало то обстоятельство, что и почтенный Шериданъ и молодой Фицъ-Джеральдъ, оба влюбились до безумія въ загадочную иностранку. Последняя, понятно, отдала предпочтеніе молодому Фицъ-Джеральду. Когда Памелла съ г-жею *Жанлисъ* поѣхали во Францію, то и онъ поѣхалъ за ними туда же и попалъ въ Парижъ въ то время, когда тамъ создавалась конституція, надежды на будущее были въ полномъ разцвѣтѣ, а разочарованіе и ужасъ не коснулись никого, или почти никого. Пребываніе въ Парижѣ было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Фицъ-Джеральда. Со всѣмъ пыломъ юности онъ увлекся господствующимъ движеніемъ и былъ отъ него въ восторгѣ. «Во всѣхъ кафе, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, пишетъ онъ, обращаются другъ съ другомъ, какъ съ товарищами, и когда

появляется иностранецъ ему сейчасъ же говорятъ : «О! Мы всѣ братья; наши побѣды одержаны для васъ, для всего міра».

Фицъ-Джеральдъ сошелся съ англійскимъ демократомъ *Томасомъ Пэнномъ*, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ; обѣдали они всегда вмѣстѣ. Оба друга вмѣстѣ съ другими англичанами устроили пиръ, торжествуя республиканскія побѣды Франціи и отступление иностранныхъ армій (1792 г.). На этомъ пиру между другими здравицами пили за уничтоженіе наследственныхъ титуловъ, и Фицъ-Джеральдъ тутъ же отрекся отъ своего титула лорда. Онъ писалъ домой и просилъ, чтобы ему адресовали письма такъ: гражданину Эдуарду Фицъ-Джеральду, гостинница Уайтъ, пассажъ *Petits-Pèges*, около Пале-Рояля.

Любовь шла объ руку съ политикой. Послѣ продолжительнаго ухаживанія онъ женился на Памеллѣ. Этотъ бракъ вызвалъ неодобреніе въ высшихъ кругахъ Лондона, какъ бракъ неприличный для герцога, и докончилъ тотъ разрывъ, который начался между Фицъ-Джеральдомъ и этими кругами, благодаря политическому поведенію перваго. Теперь послѣ брака съ Памеллою, онъ былъ исключенъ изъ списковъ офицеровъ англійской арміи.—Въ началѣ 1793 года онъ возвращается съ молодою женою въ Лондонъ. Онъ рѣшается примѣнить къ дѣлу усвоенныя имъ идеи и принимаетъ участіе сначала въ дѣятельности ирландскаго парламента, а потомъ въ «Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ», и именно въ тотъ моментъ, когда послѣднее готовило уже возстаніе съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Съ самаго начала, какъ военный человекъ, служившій не безъ отличія въ американской войнѣ, да къ тому же еще и носившій славное имя, Фицъ-Джеральдъ получаетъ преобладающее вліяніе. Исполнительный комитетъ рѣшается искать помощи у Франціи для освобожденія Ирландіи отъ Англіи. Фицъ-Джеральдъ и О'Коноръ отправляются туда съ этой цѣлью. О'Коноръ видѣлся съ генераломъ *Гошемъ* и расположилъ его въ пользу Ирландіи. Экспедиція была снаряжена довольно значительная и поставлена была подъ надежное начальство генерала Гоша. Это былъ критическій моментъ въ судьбахъ Ирландіи. Высадка могла разсчитывать на значительную поддержку со стороны организованныхъ «соединенныхъ ирландцевъ»; Англія не могла оказать серьезнаго сопротивленія. Освобожденіе Ирландіи казалось близкимъ и вѣроятнымъ. Но стихіи разрушили эти надежды. Страш-

ная буря разметала всю эскадру Гоша. Большая часть кораблей спаслась въ Брестъ; корабль, на которомъ былъ Гошъ, нашелъ убѣжище въ Лоршела (1796 г.). Эта неудача не остановила соединенныхъ ирландцевъ. Они снова завязываютъ сношеніе съ Франціей и, въ ожиданіи обѣщанной помощи, готовятъ одновременное возстаніе въ нѣсколькихъ пунктахъ Ирландіи. Возстаніе было назначено на май 1798 г., но раньше еще оно было разоблачено правительству купцомъ *Реймольдомъ*, въ квартирѣ котораго собирались заговорщики. Почти всѣхъ ихъ арестовали; Фицъ-Джеральду же удалось бѣжать. Правительство и не хотѣло впрочемъ арестовать его; намѣстникъ велѣлъ смотрѣть сквозь пальцы на то, если бы онъ захотѣлъ бѣжать за границу. Но ему не хотѣлось бѣжать; чувство чести мѣшало ему оставить начатое дѣло. Къ тому же не хотѣлось на долго разставаться съ женою. Онъ удовольствовался тѣмъ, что перемѣнилъ квартиру. Это оказалось роковымъ. Его убѣжище было открыто шпиономъ. Правительство видѣло, что онъ не хочетъ бѣжать, а желаетъ продолжать свое дѣло, оно приказало взять его. Когда проникли къ нему ночью, то между нимъ и агентами правительства завязалась отчаянная борьба. Израненный и обезсиленный онъ наконецъ былъ взятъ и препровожденъ въ тюрьму. Смерть отъ ранъ избавила его отъ позорной казни.

Послѣ ареста членовъ главнаго исполнительнаго комитета въ Дублинѣ и смерти Фицъ-Джеральда подготовка возстанія не остановилась. Оно только потеряло единство. Надо прибавить къ этому, что англійское правительство въ Ирландіи сдѣлало очень много, чтобы возстаніе произошло и ничего не сдѣлало, чтобы предупредить его.

Въ май 1798 года оно началось беспорядочно, нестройно, отдѣльными вспышками, которыя безъ труда были потушены. За то легкость подавленія возстанія не уменьшила ни сколько жестокости репрессіи. Убіиства, насилія надъ женщинами, пожары и разореніе сопровождали всюду появленіе отрядовъ англійской арміи. Возставшіе платили притѣснителямъ тою же монетою. Съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ жгли живьемъ. Англичане сожгли своихъ плѣнныхъ въ Эннискортъ, ирландцы—въ Скуллабогъ. Еще одно замѣчаніе: большинство вожаковъ возставшихъ въ Ульстерѣ, Мунстерѣ и Лейнстерѣ были протестанты,

такъ что лордъ Клэръ (Кэстльри) не безъ основанія писалъ: «это—якобинскій заговоръ, пользующійся папистами, какъ орудіемъ». Только въ одномъ мѣстѣ возстаніе имѣло успѣхъ болѣе продолжительный, это въ Вэксфордѣ. Возставшимъ подѣ начальствомъ священника *Морфіа* удалось овладѣть городомъ. Не видя возможности хорошо утвердиться въ немъ, они укрѣпили близъ лежащій Винегаръ-Гилль (уксусный холмъ) и сдѣлали его базисомъ своихъ дѣйствій. Когда прибылъ съ войсками генералъ *Лэкъ*, здѣсь произошла отчаянная битва между войсками и писургентами. Лордъ Клэръ писалъ про возставшихъ: «Возставшихъ ведутъ въ бой священники; на ходу они становятся на колѣни, молятся и потомъ дѣлаютъ нападеніе съ отчаянною рѣшимостью». Англичане одержали полную побѣду. Вэксфордъ сдался; возстаніе было подавлено; но расправа и раззореніе продолжались еще долго. Назначенный въ это время намѣстникомъ Ирландіи и главнокомандующимъ войсками лордъ *Корнуэльсъ* не былъ расположенъ къ жестокости; не смотря на сопротивленіе Клэра, который въ званіи лорда-канцлера пользовался большою силой, онъ даже добился отъ ирландскаго парламента изданія довольно широкой амнистіи. Но Корнуэльсъ ничего не могъ сдѣлать съ разнузданными войсками. Долгая практика грабежа, убійствъ и насилій разрушила въ нихъ дисциплину. Корнуэльсъ писалъ, что только однимъ резономъ ему удавалось иногда останавливать раззореніе мѣстностей. Онъ говорилъ грабителямъ, что они раззоряютъ то, что впоследствии должно принадлежать имъ же. Когда возстаніе было уже подавлено, явилась помощь со стороны Франціи. Небольшая эскадра высадила небольшой отрядъ войска подѣ начальствомъ генерала *Умбера* въ Киллалъ, на с.-з. берегу Ирландіи. Сначала французы имѣли успѣхъ. Генералъ Лэкъ съ его разнузданными бандами потерпѣлъ отъ французскаго генерала пораженіе, не смотря на то, что численное превосходство англичанъ надъ французами было очень значительно. Когда однако прибылъ затѣмъ Корнуэльсъ съ войсками свѣжими и сохранившими порядокъ, французы не могли удержаться въ Ирландіи. Они должны были воротиться во свояси. Эта экспедиція не возбудила вновь возстанія. Оно было уже мертво.

Итакъ, разсмотрѣнный нами періодъ времени закончился грандіознымъ возстаніемъ. Не естественна ли была мысль, какъ

бы сама собою напрашивавшаяся: слѣдуетъ ли терпѣть теперь на ряду съ англійскимъ парламентомъ и ирландскій, особенно въ виду войны съ Франціей, которая пользовалась такими симпатіями въ Ирландіи? Питтъ категорически отвѣчалъ на этотъ вопросъ: нѣтъ, не слѣдуетъ. Онъ отвѣтилъ такимъ образомъ не только потому, что произошло возстаніе. Питтъ прекрасно понималъ, что въ Ирландіи существуютъ различныя партіи, которыя далеко не во всемъ согласны между собою, и что несправедливо и неполитично за ошибки, допущенныя одною изъ этихъ партій, наказывать всѣ, лишая ихъ учрежденія, служившаго органомъ ихъ жизни. Но ему гораздо болѣе важнымъ казалось то обстоятельство, что при помощи двухъ парламентовъ управлять очень трудно и нелегко добиться согласнаго дѣйствія съ ихъ стороны даже въ наиболѣе серьезныхъ вопросахъ. Такъ на примѣръ, когда онъ захотѣлъ провести начала свободной торговли, то ирландскій парламентъ принялъ его 11 резолюцій, а англійскій не принялъ. Во второй разъ, когда у Георга III стали замѣчаться признаки умопомѣшательства и возникъ вопросъ: какъ быть, долженъ ли пользоваться регентъ всѣми правами короля, или нѣтъ, и если не всѣми, то какими именно, то и въ этомъ случаѣ оба парламента дали два совершенно противоположныхъ рѣшенія: англійскій принялъ резолюцію, что регентъ пользуется всѣми правами, ирландскій же,—что не всѣми. Къ счастью, Георгъ III тогда выздоровѣлъ и это невозможное положеніе не имѣло практическаго значенія. Но, какъ мы видимъ, даже въ такихъ важныхъ и серьезныхъ для государства вопросахъ нельзя было добиться единодушія отъ двухъ парламентовъ.

И вотъ, подъ вліяніемъ подобнаго рода обстоятельствъ у Питта является мысль о сліяніи ирландскаго парламента съ англійскимъ. Въ январѣ 1799 года давно обсуждавшійся вопросъ поставленъ былъ на очередь въ парламентскихъ дѣлахъ и при томъ сразу въ обоихъ парламентахъ. Защищая свое предложеніе въ англійскомъ парламентѣ, Питтъ доказывалъ, что рѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ скорѣе можетъ состояться въ соединенномъ парламентѣ, чѣмъ въ отдѣльныхъ и что соединенію должно благопріятствовать то, что Ирландія говоритъ тѣмъ же языкомъ, имѣетъ тѣ же законы и нравы, какъ и Великобританія (на самомъ дѣлѣ, было какъ разъ на оборотъ). Въ

англійскомъ парламентѣ приняты были резолюціи, благопріятныя уніи; но въ ирландскомъ парламентѣ Питтъ потерпѣлъ неудачу. Резолюція объ уніи была отвергнута большинствомъ 109 голосовъ противъ 104 и это рѣшеніе палаты было отпраздновано жителями Дублина блестящею иллюминаціею. Тогда Клэръ подалъ обстоятельный докладъ, въ которомъ онъ разъяснилъ, что обыкновеннымъ путемъ побѣдить сопротивление ирландскаго парламента нельзя будетъ, что болѣе удобно и цѣлесообразно въ данномъ случаѣ обратить вниманіе на матеріальные интересы, которые затрогиваются уничтоженіемъ ирландскаго парламента. Онъ указалъ на землевладѣльцевъ-протестантовъ, на адвокатовъ, парламентскихъ подрядчиковъ и многихъ другихъ, которые всё теряли часть своихъ доходовъ отъ уничтоженія парламента; поэтому онъ предлагалъ вознаградить ихъ за эти потери. Въ докладѣ подробно исчислены статьи предполагаемаго расхода: владѣльцамъ гнилыхъ мѣстечекъ—756000 ф. ст., адвокатамъ—200000 ф. ст., покупателямъ парламентскихъ мѣсть—75000 и т. д., всего лордъ-канцлеръ Клэръ предполагалъ израсходовать на приобрѣтеніе большинства голосовъ полтора милліона ф. ст. (на наши деньги 15 милліоновъ рублей). Правительство поторговалось немного и сошлись на 1,260,000 ф. ст. Герцогъ Корнуэльсъ находилъ, что этихъ подкуповъ будетъ недостаточно для рѣшенія дѣла, если съ уніею не будетъ связанъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ лорда Клэра въ Лондонъ для разъясненія министерству взглядовъ намѣстника. Послѣ обсужденія дѣла присутствующіе министры высказались въ пользу эмансипаціи католиковъ; имѣя, однако, въ виду мнѣнія отсутствующихъ товарищей, а главное, мнѣніе короля, они не рѣшились связать вопросъ объ эмансипаціи съ вопросомъ объ уніи; но они приказали лорду Клэру сообщить герцогу Корнуэльсу, что онъ не долженъ давать католикамъ никакихъ категорическихъ обѣщаній, но можетъ дать имъ понять, что существуютъ всѣскія основанія полагать, что эмансипація католиковъ состоится, если рѣшенъ будетъ вопросъ объ уніи. Такимъ путемъ старались задобрить католиковъ. Когда дѣло было такимъ образомъ сдѣлано и Клэръ заплатилъ кому слѣдовало, ирландскій парламентъ согласился на собственное уничтоженіе. Предложеніе, которое прежде имѣло за себя всего 104 голоса, прошло теперь значительнымъ большинствомъ голо-

совъ, 158 противъ 115. Напрасно старался Граттанъ всѣми силами удержать членовъ парламента отъ политическаго самоубійства. Когда дѣло уже было рѣшено и резолюція благопріятная уніи принята, онъ обратился къ парламенту съ такими словами: «Конституція можетъ быть на извѣстное время потеряна, но цѣлый народъ не можетъ затеряться. Министры короны должны будутъ въ концѣ-концевъ сознаться, что вовсе не такъ легко достойную уваженія націю всегда держать въ униженіи искусственными мѣрами и большими подкупамн. Свобода снова возвратитъ себѣ свои золотые лучи и съ сугубой теплотой согрѣетъ ими землю... Я не считаю свою отчизну погибшею, я вижу, она въ забытіи; но она не умерла. Хотя она и лежитъ въ могилѣ безпомощно и неподвижно, но на ея устахъ еще играетъ духъ жизни и блескъ красоты... Пока цѣла хотя одна доска корабля, я буду за нее держаться... вѣрный судьбѣ моей родины, вѣрный свободѣ, вѣрный ей даже до гибели».

Эти исполненныя глубокаго чувства слова произвели мало впечатлѣнія на сердца и умы людей, ослѣпленныхъ блескомъ англійскаго золота. Такъ прекратилъ свое существованіе ирландскій парламентъ въ 1800 году! Условія, на которыхъ произведено было соединеніе, были слѣдующія: Ирландія посылаетъ 100 депутатовъ въ англійскій парламентъ, изъ которыхъ 64 отъ графствъ, а 36 отъ городовъ и мѣстечекъ. Число ея депутатовъ въ отношеніи къ числу депутатовъ Великобританіи поставлено было, слѣдовательно, какъ 1 къ $5\frac{1}{2}$, хотя число жителей Великобританіи къ числу жителей Ирландіи относилось какъ $2\frac{1}{2}$:1. Объясненіе такого несоразмѣрнаго уменьшенія числа депутатовъ Ирландіи, лордъ Кларъ (Кэстлери) находилъ въ томъ, что общая сумма податей, уплачиваемыхъ Великобританіею относится къ суммѣ податей Ирландіи, какъ $7\frac{1}{2}$:1. Поэтому, говорилъ онъ, рѣшили взять среднее отношеніе между указанными и получилось отношеніе $5\frac{1}{2}$:1, которымъ опредѣлилось число депутатовъ Ирландіи. Объясненіе вполнѣ торгашеское! Какое же значеніе имѣла для Ирландіи эта мѣра? — На первый взглядъ можетъ показаться, и многіе историки держатся того мнѣнія, что событіе это не имѣло большаго значенія для Ирландіи, потому де, говорятъ эти историки, что ирландскій парламентъ на самомъ то дѣлѣ не былъ ирландскимъ, а являлся представителемъ всего на всего 600000 протестант-

скаго населенія. Съ справедливостью этого довода нельзя не согласиться, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что во 1) ирландскій парламентъ, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, подлежалъ со временемъ усовершенствованію и улучшенію, такъ что онъ со временемъ могъ бы стать истиннымъ представителемъ страны и выразителемъ ея нуждъ; во 2) даже и эти представители-протестанты все таки были въ *своей* странѣ; стало быть, при всемъ своемъ эгоизмѣ, они волей-неволей удовлетворяли интересы населенія всей страны, подчиняясь хотя и не въ значительной степени давленію общественнаго мнѣнія.—Что это дѣйствительно такъ было, мы видѣли на примѣрѣ земской партіи съ Граттаномъ и Флудомъ во главѣ. Самое существованіе этой земской партіи и достигнутыя ею реформы доказываютъ справедливость нашего предположенія, что ирландскій парламентъ сталъ бы со временемъ ирландскимъ и по духу, не только по имени. Въ 3) наконецъ, эти люди, которые избирались до сихъ поръ въ депутаты ирландскаго парламента какъ ни какъ, а были все таки у себя дома и слѣдовательно больше могли знать мѣстныя нужды, нежели люди, сидящіе въ лондонскомъ парламентѣ. Вотъ соображенія, которыя говорятъ противъ тѣхъ взглядовъ, что ирландскій парламентъ былъ только символомъ ирландской автономіи и что уніа не имѣла никакого существеннаго значенія для Ирландіи. Потеря Ирландіи была несомнѣнна. Она могла бы быть въ значительной степени смягчена дарованіемъ католикамъ права быть избираемыми въ соединенный парламентъ. Какъ мы знаемъ, они надѣялись на это. По совершеніи уніи, Питтъ поставилъ этотъ вопросъ въ совѣтъ министровъ; но встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Георга III. У него не хватило твердости настоять предъ королемъ на своемъ мнѣніи, пригрозивъ отставкою министерства, и дѣло эмансипаціи католиковъ отложено было на тридцать лѣтъ.

Теперь я опять вынужденъ уклониться на нѣсколько минутъ въ сторону и сказать два слова о вліяніи на англійское общество, какъ и на всю Европу, эпохи Наполеоновскихъ войнъ. Эпоха эта закончившаяся Вѣнскимъ конгрессомъ вызвала во всѣхъ общее утомленіе. Это обыкновенная сторона человѣческаго духа, что послѣ сильнаго возбужденія настаетъ утомленіе, когда только и хочется, что отдаться полному, ничѣмъ не возмущаемому покою, и не радъ бываешь, если тебя во время та-

кого покоя вздумаютъ подвинуть къ дѣятельности; является даже раздраженіе. Конечно, *la comragaison n'est pas la raison*, но все таки подобную черту мы легко подмѣтимъ и въ обществѣ, точно также какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Такой періодъ затишья, утомленія общества мы видимъ послѣ 1815 года. Въ десять лѣтъ революціи люди пережили такъ много, сколько передъ тѣмъ не переживали въ цѣлое столѣтіе. Въ пятнадцать лѣтъ Наполеоновской диктатуры Европа видѣла такъ много перемѣнъ въ международныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ устройствѣ, въ общественномъ устройствѣ, въ общественной организаціи... Эти перемѣны слѣдовали другъ за другомъ съ такой быстротою, что люди едва успѣвали очнуться отъ одного зрѣлища, какъ передъ ихъ недоумѣвающимъ взоромъ вставало другое, не менѣе неожиданное. Европейскія отношенія были потрясены въ своихъ основаніяхъ, ниспровергнуты были старинныя учрежденія, древнія традиціи были отвергнуты, могущественные интересы были нарушены, и надъ всѣмъ торжествовала диктатура человѣка, цѣнившаго людей на вѣсъ пушечнаго мяса; его поддерживала нація, опьяненная національной гордостью и военною славой, и изъ конца въ конецъ носились по Европѣ эти легіоны, проливая потоки крови въ громадныхъ сраженіяхъ. На поляхъ Бородина начался послѣдній актъ этой исторической трагикомедіи, заревомъ московскаго пожара освѣщено было грядущее возстаніе народовъ противъ всемірнаго господства; на поляхъ Лейпцига пало владычество Наполеона надъ Европой, на высотахъ Монмартра уничтожено его господство надъ Франціей. Миллиардами денегъ и милліонами жизней считаются потери Европы въ Наполеоновскихъ войнахъ. Покончивъ ихъ, европейское общество старается обезпечить свое спокойствіе. Чѣмъ? — Реакціей противъ принциповъ 89 года, въ которыхъ видѣли корень всего зла. Сами бывые сторонники послѣднихъ во множествѣ перешли въ лагерь реакціи, подъ вліяніемъ отчасти разочарованія, вызваннаго революціоннымъ временемъ, частью подъ вліяніемъ испуга. Мы говорили о томъ, какъ была велика вѣра въ силу человѣческаго разума, въ живодавческую силу свободы, въ умиротворяющее значеніе принципа равенства. Что случилось съ этими вѣрованіями? Разумъ не устоялъ противъ человѣческаго чувства, подъ вліяніемъ котораго самыя непреложныя истины подвергались сомнѣнію. Сво-

бода не пересоздала общества, какъ бы по манію волшебнаго жезла, и французы сами отреклись отъ нея, сотворивъ себѣ желѣзнаго кумира. Одно гражданское равенство не дискредитировало себя; но за то сколько ненависти оно вызывало во всѣхъ остаткахъ феодальнаго строя! А вѣдь можно смѣло утверждать, что огромное большинство правящихъ классовъ Европы состояло изъ приверженцевъ этого строя жизни.

Такимъ образомъ, жажда покоя, панической страхъ предъ призракомъ свободы, разочарованіе, желаніе возвратить доброе старое время, все соединилось въ пользу реакціи, наступившей съ 1815 года и нашедшей отголосокъ въ Англіи. Ея непосредственно не коснулись потрясенія, поколебавшія континентъ, но ведя упорную борьбу съ Франціей и Наполеономъ, она не могла не увлечься до чувства вражды противъ принциповъ революціи, не могла, поэтому, и остаться чуждою общему реакціонному настроенію, хотя вообще оно было въ Англіи гораздо слабѣе, чѣмъ на континентѣ. Питтъ переходитъ на сторону тори, масса подобныхъ же людей слѣдуютъ примѣру Питта. Наступаетъ такимъ образомъ полное господство тори и застой въ англійской жизни вплоть до 1825 года. При господствѣ тори могли быть издаваемы хлѣбные законы; но объ эмансипаціи католиковъ хлопотать съ успѣхомъ нельзя было. За это дѣло берутся однако въ 20-хъ годахъ въ Англіи министръ *Каннингъ*, а въ Ирландіи *О'Коннель*.

О'Коннель, младшій сынъ католической семьи, предназначался или въ священники, или въ адвокаты. Учился онъ сначала дома, потомъ отправился во Францію, въ С. Омеръ, гдѣ окончилъ іезуитскую коллегію и, возвратившись на родину, предпочелъ адвокатскую карьеру. Первые успѣхи не удовлетворили его и не побудили довольствоваться обеспеченнымъ и покойнымъ положеніемъ. Адвокатская дѣятельность казалась ему тѣсною, какъ тѣсною казалась самая большая зала для его громаго голоса. Его, славялюбиваго отъ природы, манило поприще народнаго трибуна. Онъ посѣщаетъ многочисленныя въ то время миттинги и все болѣе уходитъ на политическое поприще. Онъ примыкаетъ къ тому католическому комитету, который мирными средствами хотѣлъ добиться отъ англійскаго правительства признанія политическихъ правъ католиковъ. Много надеждъ возлагалъ О'Коннель на поѣздку Георга IV по Ирландіи въ

1821 году, но вскорѣ пришлось ему убѣдиться, что надежды эти были напрасны. Байронъ въ одной изъ своихъ сатиръ ѣдко осмѣиваетъ всю эту поѣздку Георга IV; для насъ это впрочемъ не имѣетъ въ данную минуту интереса. О'Коннель убѣдившись, что на короля надѣяться нечего, рѣшился образовать католическую ассоціацію, чтобы добиваться политической эмансипаціи для своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ. Однажды, гуляя въ горахъ въ окрестностяхъ Виллоу съ ораторомъ *Шелемъ*, онъ предлагаетъ ему образовать съ этою цѣлью общество. Представьте себѣ двухъ гуляющихъ въ горахъ людей, которые вздумали вдругъ образовать общество съ цѣлью добиться того, о чемъ, казалось, уже и думать забыли. Да изъ кого же создается эта сила? Изъ забытыхъ и разворонныхъ земледѣльцевъ. Нужна была особаго рода вѣра въ себя, въ свои силы, чтобы при такихъ наличныхъ обстоятельствахъ мечтать объ образованіи сильнаго общества. Эта вѣра не обманула его. Въ теченіи какихъ нибудь двухъ лѣтъ броженіе въ Ирландіи, благодаря О'Коннелю, распространяется въ большихъ размѣрахъ. Краснорѣчіе этого человека было положительно какимъ то исключительнымъ краснорѣчіемъ. Обладалъ О'Коннель громаднымъ голосомъ, который раскатывался подобно грому надъ головами нѣсколькихъ тысячъ слушателей. Онъ достигалъ всюду, всѣмъ одинаково слышны были эти увлекательныя слова, выходившія изъ наболѣвшаго сердца человека, горячо любящаго свою родину и преданнаго ей всей душой и тѣломъ. Начиналъ онъ обыкновенно съ шутокъ-прибаутки надъ кѣмъ нибудь, кто попадался подъ руки. Попадался католикъ — ладно, протестантъ — также хорошо. Публика съ большимъ вниманіемъ слушала его и онъ незамѣтнымъ для нея образомъ переходилъ въ интересующему его предмету, и вся аудиторія, сколько бы ее ни было, увлекалась и электризовалась, какъ бы одинъ человекъ. Рѣчь его была шереховата, неправильна, несистематична, встрѣчались въ ней частыя повторенія одного и того-же предмета. Но въ томъ то и дѣло, что массѣ, которой трудно слѣдить за ораторомъ, если онъ строго, логично и систематически проводитъ свою мысль, и необходима именно такая живая, увлекательная рѣчь, а повторенія и лишнія разъясненія увеличивали ее вразумительность. О'Коннель заражалъ слушателей силою своего чувства. Мы не знаемъ какъ происходитъ это зараженіе; но отри-

пать его никто не станетъ, и оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе чувство оратора. Въ этомъ умѣннѣи передавать свои чувства, которыя всѣ сводились къ одному—любви къ отечеству и желанію ему блага, и заключается весь секретъ и вся сила ораторскаго таланта О'Коннеля. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, О'Коннель достигъ небывалыхъ успѣховъ. Въ 1826 году онъ рѣшается, по истинѣ, на своего рода *tour de force*, который однако ему вполне удается. Въ Ватерфордѣ и Дутѣ происходятъ выборы членовъ парламента и О'Коннель рѣшается выставить кандидатами двухъ либеральныхъ протестантовъ противъ двухъ могущественныхъ лэндлордовъ, члены фамиліи которыхъ издавна неизмѣнно были представителями названныхъ мѣстечекъ. Если прочесть письма Дювержье-де-Горанна о томъ, какъ происходили тогда выборы, то рѣшеніе О'Коннеля намъ покажется еще болѣе достойнымъ удивленія. Избирателемъ по закону могъ быть всякій, кто *владѣлъ* землею, приносившею пожизненнаго доходу 40 шиллинговъ. Дабы сдѣлать своихъ арендаторовъ избирателями, лэндлорды заключали съ ними пожизненные контракты. Предполагалось, что если кто, за уплатою ренты, имѣетъ возможность жить и содержать свою семью на данномъ клочкѣ земли, то ясно, что послѣдняя приноситъ болѣе 40 шил. въ годъ доходу, а арендаторъ ея есть пожизненный владѣлецъ такого дохода. Но чтобы такой пожизненный арендаторъ не оставался независимымъ, противъ его всегда былъ готовъ исполнительный листъ по поводу просрочки или несоблюденія другихъ условій договора. Во всякое время поэтому его можно было прогнать съ пожизненнаго участка при малѣйшей — строптивости. Поэтому арендаторы всегда подавали голоса по приказанію лэндлордовъ. Вы понимаете, что одержать побѣду при такихъ условіяхъ выборовъ значитъ одержать поразительно блестящую побѣду. Выборы состоялись въ пользу намѣченныхъ О'Коннелемъ кандидатовъ.

Этотъ результатъ выяснилъ во всемъ объемѣ силу движенія, поднятаго О'Коннелемъ въ Ирландіи, и далъ понять, что настала пора уступить. Ежегодно и прежде вносились въ парламентъ билли о дарованіи политическихъ правъ католикамъ, но безъ большой надежды на успѣхъ. Теперь министръ Каннингъ, представитель либеральной части торійской партіи, поддерживаетъ предложеніе *Бордета* о дарованіи политическихъ правъ

католикамъ. Предложеніе принято нижнею палатою; но палата лордовъ отвергла его. Тогда Каннингъ рѣшается сдѣлать изъ политической эмансипаціи кабинетный вопросъ и принудить короля Георга IV согласиться на эту мѣру. Когда онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи своимъ товарищамъ, нѣкоторые изъ нихъ оставили министерство. Между прочими вышелъ въ отставку *Робертъ Пилль*, таланты и характеръ котораго Каннингъ очень цѣнилъ. Онъ не остановился предъ разрывомъ съ тори и рѣшился все таки идти впередъ. Онъ отсрочилъ засѣданія парламента и реорганизовалъ министерство въ болѣе либеральномъ духѣ, пригласивъ вступить въ него нѣкоторыхъ виговъ и приготовился къ борьбѣ за предпринятое дѣло. Смерть похитила его лѣтомъ 1827 года. Его товарищи не могли удержаться безъ него, и чистые тори снова вступили во власть съ Веллингтономъ во главѣ и съ Робертомъ Пиллемъ въ качествѣ руководителя палаты общинъ. Эмансипація католиковъ снова была снята съ очереди государственныхъ дѣлъ.

Но О'Коннель не далъ надолго забыть ирландскій вопросъ. Новымъ, еще болѣе смѣлымъ шагомъ онъ рѣшается заставить торійское правительство взяться за разрѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ. Въ 1828 году долженъ былъ подвергнуться по обычаю новымъ выборамъ Вези-Фидджеральдъ, представитель графства Клэръ, занявшій постъ председателя комитета торговли (министръ торговли) и министра почтъ. О'Коннель выступаетъ кандидатомъ противъ него. Избраніе его, какъ католика, будетъ уничтожено, ибо оно противно закону. Но ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ добивается произвести нравственный ударъ, произвести громкую манифестацію въ пользу религіозной свободы. Попытка могла показаться слишкомъ смѣлою. Протестанты были въ большомъ числѣ въ графствѣ Клэръ; Фицъ-Джеральда тамъ уважали, и даже онъ былъ популяренъ. Къ тому же знали, что онъ лично расположенъ въ пользу требованій католиковъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. О'Коннель могъ рассчитывать только на свою громадную популярность, ставя свою кандидатуру противъ представителя правительства. При наличныхъ условіяхъ борьба между двумя соперниками была не личной борьбой; это была борьба англійскаго правительства въ лицѣ его представителя съ католическою ассоціаціею въ лицѣ главы ея. Никто не скрывалъ

отъ себя всей важности завязавшейся борьбы. Борьба была жаркая. Подача голосовъ была открытая. Это значительно оживляло процедуру выборовъ. Въ теченіе пяти дней безъ перерыва сорокашестидневные избиратели являлись въ Еннисъ, главный городъ графства, отдѣльными отрядами, по приходамъ, подъ предводительствомъ своихъ приходскихъ священниковъ; въ теченіе пяти дней удлинались все болѣе и болѣе въ полбукъ (Poll-Book) столбцы голосовъ, поданныхъ за О'Коннеля. Въ концѣ пятого дня Фицъ-Джеральдъ оставилъ поле сраженія, видя бесполезность борьбы. Правительство потерпѣло поражение и притомъ рѣшительное. Но О'Коннель идетъ дальше и когда ему предложили принять установленную при вступленіи въ парламентъ присягу, онъ отказывается отъ принятія ея. Его не допускаютъ вслѣдствіе этого въ парламентъ. Назначаются новые выборы, и О'Коннель вторично выбранъ. Тогда увидѣли, что еслибы О'Коннель только пожелалъ сразу быть избраннымъ во всѣхъ графствахъ Ирландіи, то и это удалось бы ему. Въ Англіи поняли, что стоятъ теперь лицомъ къ лицу съ такого рода дилеммою: или допустить О'Коннеля въ парламентъ, или же вызвать новое возстаніе въ Ирландіи. Для правительства съ здравымъ смысломъ въ такой дилеммѣ выбора быть не можетъ. Робертъ Пилль понялъ это, и съ этого момента его рѣшеніе было принято. До открытія сессіи 1829 года онъ занялся подготовкой своихъ товарищей и самого короля къ уступкѣ, ставшей необходимою. Старая протестантская партія сначала не хотѣла вѣрить, что Пилль оранжистъ, Пилль — бывший статъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, Пилль, отдѣлившійся отъ Каннинга въ 1827 г. по католическому вопросу, Пилль, наконецъ, — эта надежда политической и религіозной реакціи, — до такой степени отречется отъ своего прошлаго. Когда сомнѣнія разсѣялись, гнѣвъ протестантовъ не имѣлъ границъ. Пилля называли отступникомъ. Говорили, что папа отведетъ ему мѣсто въ католическомъ календарѣ и что скоро услышатъ о канонизаціи св. Пилля. Организовались протестантскія манифестаціи. Кърики «долой папизмъ» раздавались снова на улицахъ, какъ во времена Карла II и королевы Анны. Въ огромномъ числѣ распространялись памфлеты съ цѣлю возбудить народныя страсти противъ католиковъ напоминаніемъ объ убійствахъ Варроломеевской ночи и объ ужасахъ инквизиціи. Пилль непоколебимо и

хладнокровно смотрѣлъ на поднявшуюся бурю и шелъ своей дорогой. Онъ склонилъ министровъ на сторону своего мнѣнія; не безъ затрудненій онъ добился согласія короля. Большинство палаты общинъ было обезпечено: половина партіи тори послѣдовала за нимъ въ его политической эволюціи, а либеральная партія не могла отказать ему въ своемъ содѣйствіи въ этомъ случаѣ. Какъ только открылась сессія, онъ внесъ свой билль. Билль этотъ прошелъ. Съ этого момента католики получили доступъ ко всемъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ за исключеніемъ званія вице-короля Ирландіи, а также должностей канцлера Англіи и канцлера Ирландіи. Пилль воспользовался проведеніемъ билля, чтобы связать съ нимъ двѣ важныя мѣры: католическое общество въ Ирландіи было закрыто и избирательный цензъ въ Ирландіи былъ увеличенъ съ 40 шил. на 10 фун. стер.

Эмансипація католиковъ справедливо считается толчкомъ, давшимъ движеніе прогрессивному развитію Англіи послѣ тридцатилѣтняго застоя, бывшаго слѣдствіемъ реакціоннаго настроенія общества. Съ этого момента безраздѣльность государства тори была нарушена, и либеральная часть этой партіи все болѣе сближается съ наиболее умѣренными вигами, чтобы впоследствии слиться съ ними. Какъ прежде, подъ вліяніемъ испуга, вызваннаго революціонными событіями, многіе виги перешли на сторону тори, такъ теперь, при измѣнившемся настроеніи, происходитъ обратное явленіе. Вслѣдъ за эмансипаціей католиковъ является на сцену реформа парламента 1832 г., а за нею слѣдуютъ: реформа церковнаго устройства въ Ирландіи, отмена хлѣбныхъ законовъ и т. д. Словомъ, политическій прогрессъ Англіи идетъ впередъ почти непрерывно, приостанавливаясь иногда на весьма недолгое время; но ни разу не дѣлая такой паузы, кака была въ первой четверти столѣтія.

Что касается Ирландіи, то съ эмансипаціей католиковъ туземному населенію Ирландіи открывался путь къ вліянію на политическія дѣла своей страны. Не въ томъ было дѣло, что католики стали представлять въ англійскомъ парламентѣ Ирландію; число католиковъ въ парламентѣ между представителями Ирландіи всегда было меньше числа протестантовъ; но въ томъ, что католики-туземцы получили право имѣть своихъ представителей и могли пользоваться этимъ правомъ для заяв-

ленія *своихъ* желаній и *своихъ* нуждъ. Естественно поэтому, что послѣ эмансипаціи католиковъ дѣйствительныя нужды Ирландіи удовлетворяются гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, и въ исторіи Ирландіи снова занимается заря свободы, которая согрѣбаетъ ее. Если прежнему ирландскому парламенту ставился упрекъ въ томъ, что онъ служилъ выразителемъ желаній лишь незначительнаго кружка людей въ этой странѣ, а не огромнаго большинства ея населенія, то теперь этотъ упрекъ потерялъ силу и потому можно было подумать о восстановленіи ирландскаго парламента, не опасаясь съ его стороны какой либо тиранніи. И, дѣйствительно, мы видимъ, что немного спустя послѣ изданія закона объ эмансипаціи, появляется вопросъ о «репиллѣ», т. е. объ уничтоженіи уніи 1800 г. и восстановленіи ирландскаго парламента. Это движеніе, поднятое О'Коннелемъ, выродилось съ одной стороны въ революціонную дѣятельность «молодой Ирландіи», а затѣмъ въ феіанализмъ, а съ другой стороны имѣетъ своимъ прямымъ наслѣдникомъ партію «Номе рале» съ Парнеллемъ во главѣ, стремящуюся къ тому же, что и репилль, т. е. къ самоуправленію Ирландіи.

Съ уничтоженіемъ *test act*'а вопросъ о католикахъ поконченъ не былъ. Оставался еще вопросъ церковный, который имѣлъ для ирландцевъ не малое значеніе въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Этотъ церковный вопросъ уже издавна былъ вреднымъ наростомъ на тѣлѣ Ирландцевъ и онъ до того ужъ теперь наарѣлъ, что необходимо стало удалить его. И въ самомъ дѣлѣ, въ Ирландіи, гдѣ протестантскаго населенія считалось всего на всего 600,000 (на 8.000,000 католиковъ) англиканское духовенство состояло изъ 4 архіепископовъ, 18 епископовъ, 22 канониковъ и 1,400 священниковъ, а доходъ этого духовенства составлялъ болѣе чѣмъ 800,000 ф. ст., эта цифра образовывалась изъ слѣдующихъ частей: десятина давала 650,000 ф. ст., доходы церковныхъ земель 150,000 ф. ст. и кромѣ того, специальный еще церковный налогъ—60,000 ф. ст. Такимъ образомъ религіозныя потребности 600,000 протестантскаго населенія удовлетворялись духовенствомъ, стоявшимъ болѣе 8¹/₂ миліонъ рублей на наши деньги; деньги же эти, замѣтите, должны были платить католики, духовенство которыхъ отъ правительства не получало ни гроша. Эта вопіющая несправедливость въ отношеніяхъ правительства къ духовенству двухъ частей населенія

и представляет собою нравственную, такъ сказать, неприглядную сторону этого вопроса. Не менѣе тяжка была и матеріальная сторона его. Особенною тяжестью ложила на католиковъ десятина, которая еще въ XVIII ст. была чрезвычайно высока, такъ что, напримѣръ, человекъ, который зарабатывалъ въ день 6 пенсовъ, платилъ, какъ указывалъ Граттонъ, 18 — 20 шиллинговъ (въ годъ), или переводя это на наши деньги будетъ примѣрно такъ: человекъ, зарабатывающій 75 рублей въ годъ платитъ 7½ руб. десятины. Согласитесь, что это страшно тяжелая подать. Тяжесть увеличивалась еще способомъ взиманія ея. Она обыкновенно отдавалась на откупъ и на условіяхъ слишкомъ выгодныхъ для откупщиковъ. Обыкновенно въ пользу ихъ оставалась ⅓ валоваго сбора. Благодаря этому, если духовенство получало 800,000 дохода, то съ народа взималась не эта сумма; послѣдняя составляетъ лишь ⅔ той, которая взята была съ него и которая равняется 1.200,000 ф. ст.

Въ началѣ 30-хъ годовъ вопросъ этотъ обостряется отчасти голодомъ, отчасти же агитаціею, поднятою съ цѣлью освобожденія отъ тяжелаго и несправедливаго налога въ пользу чуждаго духовенства. Голодъ явился съ одной стороны слѣдствіемъ роста народонаселенія при неправильномъ земельномъ устройствѣ, а съ другой слѣдствіемъ чисто стихійнаго обстоятельства: картофеля, который составлялъ главный предметъ питанія ирландцевъ, не уродился. и вотъ готовъ голодъ. При такихъ условіяхъ платежъ десятины, само собою понятно, затрудняется и ирландцы не хотятъ платить ее; они въ тому же вполнѣ сознаютъ несправедливость этого налога. Подъ влияніемъ этого сознанія образуются общества «Черныя Ноги» и «Бѣлыя Ноги», ставящія своею задачею воспрепятствовать платежу и взиманію десятины. Отряды этихъ обществъ бѣгаютъ по странѣ, уговаривая ирландцевъ не платить десятины. Ихъ совѣтъ охотно выслушивается и платежъ десятины приостанавливается всюду. Если же у недоимщика описываютъ имущество для пополненія недоимки, то не оказывается охотниковъ купить его. Приходится вести скотъ для продажи въ Дублинъ или даже въ Англію. Между тѣмъ по дорогѣ никто не хочетъ давать сѣна для прокормленія скота, даже на вѣсъ золота. Скотина падаетъ дорогой отъ голоду, и взыскать десятину все таки не удается. Спротивленіе платить десятину охватило всю страну. «Бѣлыя» и

«Черныя Ноги» не ограничиваются пропагандой пассивнаго сопротивленія. Они нападаютъ на откупщиковъ десятины, грабятъ ихъ, иногда убиваютъ, очень часто поджигаютъ ихъ жилища. Англиканское духовенство, особенно низшее, стало въ крайне затруднительное положеніе: его доходы прекратились и жить стало невѣзмъ.—При такихъ обстоятельствахъ вигское министерство беретса за рѣшеніе церковнаго вопроса.—Въ 1838 году въ парламентъ былъ внесенъ Дж. Росселемъ проектъ замѣны десятины рентою, которую бы взимало правительство въ размѣрѣ 60% первой, и чтобы государство уже отъ себя выплачивало жалованье духовенству. О'Коннелль протестовалъ противъ этого, говоря, что суть дѣла-то отъ этого не перемѣняется, что въ результатѣ будетъ только то, что правительство, взпмая ренту, замѣняющую десятину, перенесетъ на себя всю непопулярность, которая теперь падаетъ на англиканское духовенство и сборщиковъ десятины.—Билль Росселя былъ принятъ съ двумя замѣненіями. Рента, замѣняющая десятину, была возвышена до 70% размѣра послѣдней; излишекъ суммы, получающійся за выплатой содержанія духовенству ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть употребляемъ государствомъ по его усмотрѣнію, а долженъ быть обращаемъ только на нужды англиканскаго духовенства. Это ограниченіе, навязанное Дж. Росселю консерваторами, было очень важно: оно отрицало право государства секуляризовать хотя бы часть имущества церкви.

Такимъ образомъ, законъ о десятинахъ 1838 года далеко не былъ еще рѣшеніемъ церковнаго вопроса, пбо на ирландскихъ католикахъ все же оставлена была обязанность содержать чуждую имъ церковь, хотя способъ взиманія денегъ измѣнился и тяжесть налога уменьшилась.

Спустя нѣкоторое время ирландскій вопросъ осложнился вопросомъ аграрнымъ и феніанскою революціонною дѣятельностью. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ заняться изложеніемъ исторіи феніевъ, дѣятельность которыхъ несомнѣнно оказывала вліяніе на судьбы Ирландіи; но я долженъ попросить Васъ удѣлить ваше вниманіе нѣкоторымъ фактамъ изъ втораго періода ихъ исторіи, такъ какъ они находятся въ непосредственной связи съ новою постановкою ирландскаго церковнаго вопроса въ 1868 году.

Для нашей цѣли достаточно остановиться на дѣйствіяхъ

Феніевъ въ 1867 году. Послѣ извѣстнаго, хотя и очень скромнаго по своимъ размѣрамъ, покушенія Феніевъ на вторженіе въ Канаду, покушенія, окончившагося полной неудачею, на собраніи Феніевъ въ Нью-Йоркѣ было рѣшено попытаться вызвать возстаніе въ нѣкоторыхъ городахъ самой Англіи. Результатомъ этого рѣшенія была попытка овладѣть городомъ Честеромъ, который долженъ былъ служить базисомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. — Честеръ лежитъ въ сѣв.-западной части Англіи и служитъ узловымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ на сѣверъ черезъ Ливерпуль, Манчестеръ, Шеффилдъ и далѣе въ Шотландію и идущихъ на югъ черезъ Бирмингамъ въ Лондонъ. Предположено было сдѣлать нападеніе 11 февраля 1867 года, захватить замокъ Честера со складомъ оружія и военныхъ припасовъ, уничтожить рельсовые и телеграфные пути, идущіе изъ Честера и лишить его такимъ образомъ помощи извнѣ; захватить вурьерскій повозъ, идущій изъ Честера въ Гуллигедъ, овладѣть пароходомъ, ожидающимъ въ Гуллигедѣ прихода вурьерскаго поезда и перевести на немъ все оружіе и снаряды изъ Честера въ Ирландію. Планъ былъ очень искусно задуманъ и могъ быть легко приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ Честерѣ находилось всего 54 человѣка гарнизона, если-бы случайно не былъ открытъ. Въ 12 часовъ ночи съ 10 на 11 февраля магистратъ Честера получилъ свѣдѣнія о готовящемся покушеніи и имъ сейчасъ были приняты мѣры къ предупрежденію его. По телеграфу было дано знать въ Бирмингамъ и Лондонъ, дабы присланы были войска. На вокзалъ желѣзной дороги посланъ былъ сильный отрядъ полиціи, что-бы слѣдить за прѣзжающими пассажирами. Въ 2¹/₂ часа ночи пришелъ первый повозъ изъ Ливерпуля, который привезъ первые отряды заговорщиковъ. Люди эти раздѣлились на нѣсколько кучекъ и разсѣялись по разнымъ сторонамъ города. Затѣмъ съ повоздами изъ Лидса, Манчестера и Галифакса прибывали партіи подозрительныхъ пассажировъ, такъ что къ обѣду число ихъ можно было опредѣлить тысячи въ подторы человѣкъ. Они собирались вѣстѣ, раздѣлились на отряды и двигались по направленію къ цитадели. Всѣ они были вооружены. Роковая минута наступала; но въ это время прибыла рота солдатъ изъ Манчестера; получена телеграмма, что изъ Лондона посылается для поддержанія полкъ гвардіи. Заговорщики увидѣли, что ихъ планъ открытъ. Очевидно было, что

не только не можетъ быть рѣчи о внезапномъ нападеніи на цитадель; но что слѣдуетъ скорѣе спастись. Они побросали оружіе и во время разсѣялись: только валявшееся по улицамъ оружіе свидѣтельствовало о бывшемъ заговорѣ. — Все это произошло и миновало такъ скоро, что когда въ Лондонѣ получены были первыя извѣстія о случившемся, то тамъ даже не повѣрили имъ и считали сначала весь заговоръ выдумкою досужихъ репортеровъ, пока болѣе обстоятельныя свѣдѣнія не подтвердили истинны. — Такъ какъ одновременно съ покушеніемъ на Честеръ должно было начаться возстаніе въ Ирландіи, то пока туда дошло извѣстіе о неудачѣ оеніевъ въ этомъ городѣ, произошло все таки небольшое возстаніе въ Кэрри. — Послѣ того въ мартѣ (1867) вспыхнуло возстаніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ирландіи, которое не имѣло единства и было вообще незначительно. Въ руки правительства попали главные руководители этого возстанія *Боркъ* и *Макъ-Афферти*; оба были приговорены къ смертной казни. Приговоръ этотъ пропавель тяжелое впечатлѣніе въ Англіи. Англичане полагали, что политическій эшафотъ на всегда упраздненъ въ Англіи и англійская пресса не разъ въ послѣдніе годы жаловалась на политическія казни въ нѣкоторыхъ государствахъ континента. Во многихъ городахъ Англіи состоялись миттинги, на которыхъ постановлены были резолюціи въ пользу помилованія осужденныхъ. Одинъ изъ такихъ миттинговъ состоялся подъ предсѣдательствомъ *Джона Стюарта Милля*; на немъ постановленъ былъ протестъ противъ смертной казни, при чемъ указано было на примѣръ американцевъ, которые никого изъ возставшихъ не предавали казни. Депутація отъ миттинга представилась лорду *Дэрби* съ петиціею о помилованіи осужденныхъ. Министерство оказалось склоннымъ удовлетворить просьбу. *Макъ-Афферти* и *Боркъ* были помилованы. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло спокойно; всѣ расположены были думать, что февральскія и мартовскія событія были послѣдними проявленіями дѣятельности оеніевъ; какъ вдругъ осенью 1867 г. произошли такія покушенія, которыя глубоко поразили англичанъ, какъ своею смѣлостью, такъ и глубиною проявившагося въ нихъ ожесточенія.

Въ Сентябрь мѣсяцъ полиціи города Манчестера увидѣли ночью нѣсколько человекъ, которые показались имъ подозрительными. Принявъ ихъ за ночныхъ воровъ, они арестовали

ихъ и когда на слѣдующій день они были доставлены въ магистратъ, то оказалось, что двое изъ нихъ *Келли* и *Дизи* были оенія, замѣшанные въ ирландскомъ возстаніи. Когда 18-го сентября ихъ привезли на вторичный допросъ, толпа въ корридорахъ суда и на прилегающихъ улицахъ была такъ велика и настроеніе ея такъ сомнительно, что власти рѣшили значительно усилить конвой при препровожденіи арестантовъ изъ суда въ тюрьму. Последняя находится за городомъ, въ трехъ миляхъ отъ него. Семеро констеблей помѣстились на крышѣ тюремной кареты, одинъ сталъ у дверей ея и многіе другіе поѣхали за каретою въ отдѣльномъ кэбѣ. Дорога въ одномъ мѣстѣ проходитъ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Едва достигла карета этого мѣста, какъ изъ засады на полицейскихъ напала толпа въ 40 человекъ, большинство которыхъ было вооружено револьверами, другіе топорами, молотками и большими камнями. Всѣ они повидимому находились подъ начальствомъ высокаго молодого человѣка, который бросился къ кучеру и закричалъ ему: стой! Когда послѣдній не послушался этого приказанія, онъ выстрѣлилъ. Этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ нападенія. Раздался залпъ. Лошади были убиты; кучеръ сбитъ съ козелъ ударомъ камня. Полицейскіе сбиты камнями и пистолетными выстрѣлами. *Алленъ*, такъ звали предводителя нападавшихъ, выстрѣломъ въ голову покончилъ съ сержантомъ *Бретомъ*, стоявшимъ у дверей кареты и не желавшимъ допустить до нея, а другимъ выстрѣломъ сбилъ замокъ двери. Полицейскіе, оставшіеся цѣлыми, не могли оказать серьезнаго сопротивленія. Они были вооружены лишь палками. Пока одни изъ нападавшихъ выводили изъ кареты *Келли* и *Дизи* и развязывали имъ веревки, другіе пистолетными выстрѣлами держали на приличной дистанціи полицейскихъ и сбѣжавшуюся на шумъ толпу любопытныхъ. Развязавъ арестантовъ, они ихъ помѣстили въ середину себя и вмѣстѣ съ ними скрылись въ сосѣднихъ поляхъ. *Келли* и *Дизи* исчезли безслѣдно. Удалось отыскать и арестовать многихъ изъ нападавшихъ и между ними *Аллена*. Вѣсть объ этомъ произвела страшное впечатлѣніе въ Англіи. Гдѣ-же послѣ этого спокойствіе, если среди бѣла дня совершаются нападенія на полицменовъ, освобождаются преступники и все это, видно было, направляется умѣлою и сильною рукою? Изъ 26 арестованныхъ пятеро

были приговорены къ смерти. Двое изъ нихъ были помилованы, а трое *Алленъ*, *Даркинъ* и *Гудъ* были казнены.

Но не успѣли еще опомниться отъ сентябрьскаго покушенія феніевъ, какъ въ декабрѣ они опять заявили о себѣ и на сей разъ еще болѣе грознымъ образомъ. Двое выдающихся феніевъ *Борксъ* и *Чезъ* попались въ руки лондонской полиціи въ началѣ декабря 1867 г. и были посажены въ Клэркенуэльскую тюрьму. 13-го декабря въ 3¼ часа дня окрестности Клэркенуэля были потрясены страшнымъ взрывомъ, отъ котораго обвалилась часть тюремной стѣны въ длину на 80 метровъ и сильно пострадали сосѣдніе дома. Дознаніе выяснило, что какихъ то два лица привезли бочку, свалили ее къ стѣнѣ и удалились, зажгши фитиль. Попытка была сдѣлана смѣло; но она не достигла цѣли, т. е. освобожденія арестованныхъ феніевъ. Начальство тюрьмы получило неясныя свѣдѣнія о готовящейся попыткѣ освободить ихъ, а потому распорядилось отмѣнить обычную прогулку ихъ между 3 и 4 часами дня по двору тюрьмы и замѣнить ее прогулкою рано утромъ. Но взрывъ имѣлъ другіе результаты. Сорокъ человѣкъ, между ними большею частью дѣти, было убито, искалчено и изранено взрывомъ. Такая хладнокровная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся жестокость со стороны феніевъ ужаснула всѣхъ и давала понятіе о глубинѣ ненависти, которую питаютъ ирландцы къ англичанамъ, и страшномъ нравственномъ безпорядкѣ, царящемъ въ части ирландскаго народа. Дѣло Ирландіи потеряло множество симпатій послѣ описанныхъ покушеній.

Въ эту трудную для Ирландіи минуту выступаетъ на защиту ея справедливыхъ требованій *Гладстонъ*. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 г. въ парламентъ внесено нѣсколько резолюцій депутатомъ Ирландіи *Маширомъ*, которыя касались тяжелаго положенія его родины. Въ преніяхъ приняли участіе *Лоу* и *Брайтъ* со стороны оппозиціи, *Стафффордъ Норскотъ* со стороны правительства. Рѣчи этихъ ораторовъ слушались съ уваженіемъ, но безъ большаго интереса, такъ какъ ихъ точка зрѣнія на дѣло была извѣстна. Каждый зналъ впередъ, что они скажутъ. Пренія длились уже четыре дня, когда Гладстонъ попросилъ слова. Человѣкъ этотъ весьма своеобразенъ по развитію своего міровоззрѣнія. Обыкновенное явленіе, что люди въ молодости увлекаются передовыми и часто даже крайними идеями и затѣмъ,

входя въ зрѣлый возрастъ, попидають ихъ и становятся самыми упорными консерваторами. Ходить за примѣромъ далеко не нужно. Въ 1852 году Стэнлей сѣдѣлъ на скамьяхъ либераловъ; въ 1867 г. онъ, подъ именемъ лорда Дэрби стоитъ во главѣ консервативнаго министерства. Путь нравственной жизни Гладстона былъ противоположнымъ. Когда онъ былъ студентомъ Оксфордскаго университета онъ отличался ретроградными воззрѣніями и даже написалъ сочиненіе объ отношеніяхъ церкви и государства, въ которомъ въ такихъ выраженіяхъ проповѣдывалъ тѣсный союзъ трона и алтаря, отъ которыхъ не отреклись бы самые ярые торы. Въ 1832 году онъ вступаетъ въ парламентъ и занимаетъ мѣсто въ консервативной партіи. Но съ теченіемъ времени онъ изъ строгаго тори становится умѣреннымъ, потомъ все ближе становится къ либераламъ и наконецъ съ 1859 года онъ окончательно переходитъ въ ряды послѣднихъ. Но на этомъ не остановилось его развитіе. Съ каждымъ шагомъ жизни его убѣжденія становились демократичѣе и во время обсужденія парламентской реформы 1867 года онъ вноситъ предложенія, опережающія стремленія многихъ членовъ либеральной партіи. Теперь, годъ спустя, никто не могъ сказать, въ какомъ фазисѣ находится умственная эволюція этого государственнаго человѣка и всѣ наострили уши, когда онъ всталъ съ мѣста, чтобы говорить по ирландскому церковному вопросу. Велика была сенсація, когда среди всеобщаго вниманія онъ высказался въ пользу наиболѣе радикальнаго рѣшенія этого вопроса, того рѣшенія, которое уже давно требовалось безусловно радикаломъ Брайтомъ. «Ирландская церковь, сказала она, какъ государственное учрежденіе, должна перестать существовать». Когда затѣмъ ему пришлось формулировать свою мысль въ видѣ парламентскихъ резолюцій, такъ какъ Магиръ благоразумно взялъ назадъ свои предложенія, то онъ выразилъ ихъ такъ: «палата считаетъ необходимымъ, чтобы епископальная церковь въ Ирландіи перестала существовать, какъ церковь государственная; само собою разумѣется, что положеніе вышнѣшнихъ представителей церкви будетъ сохранено за ними пожизненно». Резолюція эти горячо дебатировались въ парламентѣ. Происходитъ отчаянная схватка между Гладстономъ и главою консервативной партіи *Дизраэли*. Большинство парламента высказалось за Гладстона и противъ Дизраэли. Но послѣдній былъ

слишкомъ ловкій парламентскій игровъ, чтобы такъ скоро уступить своему противнику. Онъ заявляетъ, что въ виду принятаго палатою рѣшенія, правительство сдѣлаетъ постановленіе, о которомъ увѣдомить со временемъ палату. Всѣ поняли, что рѣчь идетъ о распущеніи парламента и потому всѣ сейчасъ же стали готовиться къ выборамъ. Принимая такое важное рѣшеніе, Дизраэли рассчитывалъ, что множество новыхъ избирателей, созданныхъ послѣднею парламентскою реформой 1867 г., подадутъ голосъ въ его пользу, такъ какъ онъ провелъ эту реформу. Единственный вопросъ, который сталъ предметомъ избирательной борьбы былъ вопросъ объ упраздненіи англиканской церкви въ Ирландіи. Всѣ кандидаты въ члены парламента распались на двѣ большія партіи: сторонниковъ и противниковъ этой мѣры. 1.400.000 голосовъ высказались за сторонниковъ программы Гладстона, 800.000 за правительство. Торійское министерство подало въ отставку и главою новаго министерства сталъ теперь Гладстонъ. Еще во время избирательной борьбы Гладстонъ сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что три извы раздѣляютъ Ирландію: англиканская церковь, поземельное устройство и система воспитанія. Такимъ образомъ англійскій народъ, высказавшійся за него такимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ, тѣмъ самымъ далъ ему полномочіе на осуществленіе задуманныхъ реформъ. 1 марта 1869 года Гладстонъ вноситъ билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи, который былъ лишь развитіемъ резолюцій, принятыхъ годомъ раньше. Епископальная церковь въ Ирландіи, какъ учрежденіе государственное, этимъ биллемъ упраздняется, и всѣ имущества ея въ суммѣ 16 милліоновъ секуляризуются. Имущество епископальной церкви, цѣнность котораго опредѣлялась въ 16 мил. фун. ст., передавалось временно государственной комиссіи, а потомъ часть его должна была съ 1 января 1871 г. поступить въ вѣдѣніе представителей общинъ разныхъ исповѣданій. Въ вѣдѣніе общинъ протестантскихъ предполагалось отдать имущества на 6 мил.; на нужды католическаго и пресвитерьянскаго духовенства отдѣлать 2 мил. фун. ст., а остальные 8 мил. обратить на содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ учреждений. Билль былъ принятъ палатою общинъ, но встрѣтилъ сопротивленіе въ палатѣ лордовъ. Чтобы склонить ихъ къ принятію билля, Гладстонъ согласился сдѣлать уступки въ томъ смыслѣ,

что вмѣсто 6 мил. онъ согласился отдать имущество въ 12 мил. на содержаніе англиканской церкви, 2 мил. на учебныя и благотворительныя учрежденія и 2 мил. на содержаніе католическаго и пресвитерьянскаго духовенства. Въ такомъ видѣ билль прошла и черезъ палату лордовъ и съ іюля 1869-го года стала закономъ.

Разсматривая значеніе такого рѣшенія этого вопроса, мы видимъ, что оно имѣетъ значеніе болѣе въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ въ матеріальномъ отношеніи. Выигришь для католической церкви былъ очень незначительный—всего какихъ нибудь 2 милліона фунтовъ; что касается населенія, то оно получило облегченіе вслѣдствіе прекращенія ренты, которую получало англиканское духовенство вмѣсто десятины. Но важно было то, что произошло упраздненіе государственной церкви, что обѣ церкви были признаны правительствомъ равноправными. Брайтъ справедливо говоритъ по этому поводу: «Епископальная церковь въ Ирландіи есть церковь завоеванія. Это не только вѣрно исторически; но я полагаю, что нельзя допустить, чтобы культъ, исповѣдуемый ничтожнымъ протестантскимъ меньшинствомъ, могъ быть установленъ и поддерживаемъ среди націи исключительно католической иначе, какъ по праву завоеванія... Я имѣлъ случай говорить нѣсколько лѣтъ тому назадъ и повторяю теперь: политика Англіи по отношенію къ Ирландіи сдѣлала изъ католицизма не только символъ вѣры, за который ирландскій народъ держится съ героическою и отчаянною настойчивостію, но и дѣло патріотизма, за которое его сыны готовы страдать и если нужно умереть. Чѣмъ болѣе я размышляю о настоящей великой мѣрѣ, тѣмъ болѣе я признаю ее способною создать тѣсное и прочное единеніе Англіи и Ирландіи».

Ожиданія Брайта однако не вполне оправдались. Ирландцы остались недовольны тѣмъ, что на содержаніе церкви, которая считала въ Ирландіи только 600,000 приверженцевъ, отдано было 12 милл., тогда какъ для католиковъ, пресвитерьянъ и на благотворительныя и учебныя учрежденія дано всего на всего 4 милліона. Нельзя не признать справедливость этого недовольства. —Кромѣ того цѣлый рядъ національныхъ отношеній, породившихъ глубокую вражду, а еще болѣе отношенія земельныя препятствовали этому примиренію.

Земельное устройство и донынѣ является главнымъ обра-

зомъ причиною недовольства ирландцевъ противъ англичанъ. Надъ разрѣшеніемъ земельного вопроса трудились и трудятся лучшіе умы Англій и пока все еще безъ большаго успѣха, хотя дѣло несомнѣнно двинуто впередъ.

Изложеніе исторіи этихъ отношеній въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и сильное разъясненіе этого вопроса вмѣстѣ съ общимъ заключеніемъ и составитъ предметъ моей третьей бесѣды.

III.

Ведя избирательную компанію 1867 года, Гладстонъ уподобилъ Ирландію путнику, находившемуся подъ вѣтвями дерева обремененнаго ядовитыми плодами. Эти ядовитые плоды, которыми надѣлила Англія Ирландію суть: епископальная церковь, поземельное устройство и система образованія. Въ предъидущихъ бесѣдахъ мы говорили и о политическихъ и религіозныхъ отношеніяхъ англичанъ и ирландцевъ, закончившихся подавленіемъ политической жизни послѣднихъ и долговременнымъ религіознымъ гнетомъ. Прошлая бесѣда была посвящена вопросу, къ какимъ результатамъ привелъ этотъ религіозный гнетъ и какъ, *volens-nolens*, Англія вынуждена была прекратить его, вынуждена была согласиться на политическую эмансипацію католиковъ и на отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи. Епископальная церковь прекратила свое существованіе для ирландцевъ-католиковъ, оставаясь учрежденіемъ для нихъ необязательнымъ. Теперь мы обратимся къ другому плоду англійскаго господства въ Ирландіи, а именно къ поземельному устройству, которое, какъ кажется съ перваго взгляда, служить теперь единственною причиною ненависти ирландцевъ къ англичанамъ. Но на самомъ то дѣлѣ, оно только выступило на первый планъ и заслонило собою другіе интересы національнаго, политическаго и религіознаго характера, которые продолжаютъ все таки существовать какъ пережитокъ, т. е. самые факты, вызвавшіе тѣ или другіе чувства прекратились уже, но чувства, возбужденныя этими фактами, продолжаютъ еще существовать, побуждая народъ къ мщенію за прошлыя обиды.

Едва успѣвъ закончить покореніе Ирландіи, англичане при-

нимаются за обезземеливаніе ирландцевъ. Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго очерка, наивысшимъ пунктомъ развитія этой системы было покореніе Ирландіи Кромвелемъ, когда въ силу парламентскаго акта ирландцы были изгнаны изъ восточныхъ частей Ирландіи и сосредоточены въ Коннаутъ. По акту парламента 27 Сентября 1653 года, если кто изъ ирландцевъ окажется послѣ 1 Мая 1654 г. по сію сторону рѣки Шанона, повиненъ смерти. Земли имъ принадлежавшія достались или соратникамъ Кромвеля, или другимъ друзьямъ парламента, успѣвшимъ во время захватить ихъ. Въ этомъ захватѣ англичанами ирландскихъ земель нужно отличать однако положеніе дѣлъ въ Лейнстерѣ и Мунстерѣ отъ колонизаціи Ульстера. Ульстеръ дѣйствительно былъ колонизованъ, такъ какъ земли этой провинціи розданы были—сравнительно не большими участками—соратникамъ Кромвеля и шотландскимъ пресвитеріанамъ, пожелавшимъ тутъ поселиться, тогда какъ въ Мунстерѣ и Лейнстерѣ, собственно говоря, не было колонизаціи, а былъ только переходъ земель большими участками въ руки англичанъ, не занимавшихся лично земледѣліемъ и даже въ большинствѣ случаевъ не жившихъ въ Ирландіи. Это было просто на просто грабежомъ въ очень широкихъ размѣрахъ среди бѣлаго дня. Но что же все таки дѣлать новоиспеченнымъ землевладѣльцамъ съ этими громадными участками земли, доставшимися имъ даромъ? Они не могли сами заниматься хозяйствомъ; арендаторовъ англичанъ было не много, да и не были они такими выгодными арендаторами, какъ ирландцы, которымъ земля нужна была во что бы то ни стало. Поэтому не смотря на угрозу смерти, ирландцы не долго оставались исключительно по ту сторону Шанона. Они стали проникать въ восточную часть Ирландіи въ качествѣ арендаторовъ земель англійскихъ землевладѣльцевъ и какъ таковыя конкурировали довольно успѣшно съ арендаторами англичанами, не смотря на то, что они не имѣли права заключать долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ и должны были платить аренду не какъ не ниже $\frac{2}{3}$ доходности земли, такъ наз. *rack-rent*. Этотъ успѣхъ ирландскихъ арендаторовъ объясняется двумя причинами. Они дѣйствуютъ артелями, выбирая изъ своей среды одного человѣка, который ведетъ съ лэндлордомъ переговоры объ арендѣ земли, какъ будто для себя, а на самомъ дѣлѣ имѣя за собою цѣлую партію арендаторовъ.— Съ другой

стороны, ирландцы по необходимости должны были брать верхъ надъ англичанами въ земледѣльческой промышленности, такъ какъ всякій другой родъ дѣятельности для нихъ былъ закрытъ торговой политикою самой Англїи. Но хотя ирландцы и возвратились отчасти на земли своихъ праотцевъ, положеніе ихъ существенно измѣнилось противъ прежняго. Прежде земля считалась принадлежностью цѣлаго клана и каждый членъ послѣдняго имѣлъ на нее извѣстныя права, пока исполнялъ возложенныя на него обычаемъ повинности, которыя имѣли опредѣленный и неизмѣнный характеръ. А такъ какъ, съ другой стороны, и начальникъ клана былъ связанъ съ своими подданными общностью преданій, обычныхъ правъ и обязанностей, то о тираниі начальника клана надъ его подданными не могло быть рѣчи.— Теперь наступили другія отношенія. Всякое право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю прекратилось; размѣръ платимой имъ ренты опредѣляется теперь не обычаемъ, а волею лэндлорда, который смотритъ на себя какъ на безусловнаго владѣльца этой земли. Благодаря сильной конкуренціи между арендаторами и сравнительной немногочисленности землевладѣльцевъ, а также въ силу дѣйствія изданныхъ англійскихъ законовъ, рента въ Ирландїи обыкновенно была какъ и нынѣ, очень высока. Но даже исполняя свои обязательства по отношенію къ лэндлорду, арендаторъ не могъ рассчитывать на постоянство своей аренды, его могли изгнать во всякую минуту, если это изгнаніе требовалось или выгодами, или хотя бы капризомъ лэндлорда.

Мы сказали выше, что новые владѣльцы ирландскихъ земель сами обыкновенно не жили въ Ирландїи и не занимались хозяйствомъ на прїобрѣтенныхъ земляхъ. Между ними и арендаторами становится цѣлый рядъ посредниковъ, содержаніе которыхъ ложилось лишнимъ бременемъ на народъ. На сколько тяжелы были эти посредники, свидѣтельствуетъ обычай, существовавшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирландїи въ половинѣ XVIII вѣка, обычай, по которому арендаторы, кромѣ платимой ими аренды, обязывались работать на посредника извѣстное число дней въ году, получая шесть пенсовъ поденной платы. Насколько абсентеизмъ лэндлордовъ и связанное съ нимъ посредничество были тяжелы для Ирландїи, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ самомъ началѣ пробужденія среди ирландцевъ

національного и общественного самосознанія — въ половинѣ XVIII стот. является въ ирландскомъ парламентѣ проектъ обложенія абсентеистовъ особымъ налогомъ, съ цѣлью уменьшить это вредное явленіе. Наконецъ, положеніе ирландскаго земледѣльца ухудшалось еще національнымъ и религіознымъ антагонизмомъ между арендаторомъ и лендлордомъ. Послѣдній признавалъ себя высшимъ существомъ, самой природою назначеннымъ для господства и смотрѣлъ на ирландца католика, какъ на варвара, сабаку-пациста. Еще теперь, по свидѣтельству депутата парламента *Шеана*, англійскіе лендлорды въ Ирландіи утверждаютъ, что саксонская раса самимъ небомъ назначена повелѣвать кельтами. Въ 18 столѣтіи въ этому самолюбивую лендлордовъ присоединилась отчаянная взаимная ненависть обѣихъ сторонъ, порожденная національными, политическими и религіозными отношеніями. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ не могли быть созданы никакіе обычаи, сколько нибудь облегчающіе положеніе арендатора. Особнякомъ въ этомъ отношеніи стоялъ только Ульстеръ. Тамъ между землевладѣльцемъ и арендаторомъ не было религіозной розни, тамъ и численное отношеніе между ними было выгоднѣе для арендаторовъ, вслѣдствіе чего, какъ мы увидимъ ниже, тамъ создались обычаи, ставшіе предметомъ зависти для арендаторовъ остальной Ирландіи.

Положеніе ирландскихъ арендаторовъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ условій, подвергалось намѣненіямъ въ соответствии съ перемѣною формъ сельскаго хозяйства. До 60-хъ годовъ XVIII вѣка хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а вслѣдствіе этого положеніе арендаторовъ было сносно, чѣмъ въ слѣдующій періодъ до начала войны съ Франціей. Вслѣдствіе увеличивавшагося спроса на скотъ въ Англіи, въ Ирландіи съ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія развивается скотоводство на счетъ хлѣбопашества и арендаторы изгоняются съ занимаемыхъ ими земель, для того что-бы дать мѣсто лугамъ и пастбищамъ. Съ 1793 года—съ началомъ войны съ Франціей—по 1816 годъ и нѣсколько далѣе, благодаря тому, что въ Англіи идетъ развитіе мануфактурнаго дѣла на счетъ земледѣльческой промышленности, что ввозъ хлѣба изъ другихъ странъ (Польши преимущественно) сокращается, что хлѣбные законы еще болѣе стѣсняли ввозъ хлѣба, хлѣбъ опять стоитъ въ цѣнѣ и число арендаторовъ снова увеличивается и рядомъ съ этимъ — число изгнанныхъ ихъ уменьшается. Въ слѣдующій за

тѣмъ періодъ и особенно позднѣе въ 40-хъ годахъ широко прилагается правило Катона, по которому, чтобы быть хорошимъ хозяиномъ, нужно заниматься скотоводствомъ, чтобы быть посредственнымъ хозяиномъ, нужно заниматься скотоводствомъ и чтобы быть плохимъ хозяиномъ нужно опять таки заниматься скотоводствомъ. Вслѣдствіе широкаго приложенія этого правила число изгнаній арендаторовъ все увеличивается и увеличивается, а мѣста ихъ домовъ и фермъ занимаютъ пастбища и стада рогатаго скота.

Такия поземельныя отношенія естественно вызвали протестъ со стороны населенія, доводимаго до крайней нужды и сохраняющаго однако свои старыя представленія, въ силу которыхъ арендаторъ считалъ себя собственникомъ обрабатываемой имъ земли, протестъ противъ гнета лэндлорда и всей системы англійскаго господства. Протестъ этотъ выражался въ появленіи разбойничьихъ шайкъ и тайныхъ народныхъ союзовъ. Частныя причины, вызывавшія эти шайки и союзы, были различны. Такъ въ Мунстерѣ шайки «Уайтъ-Бойевъ» (White Boys) появлялись въ 60-хъ и 80-хъ годахъ XVIII вѣка подъ вліяніемъ нестерпимаго гнета посредниковъ (Middlemen); въ Ульстерѣ шайки «Дубовыхъ ребятъ», «Стальныхъ сердецъ» вызваны были введеніемъ натуральныхъ повинностей и превращеніемъ пашень въ луга въ Доннегалѣ. Различныя названія народныхъ союзовъ скрывали однако подъ собою одно и то-же явленіе. Всѣ названныя шайки и союзы нападали на фермы лэндлордовъ; портили хозяйственныя орудія, увѣчили скотъ, рѣдко убивали людей, но часто подвергали мидльменовъ разнымъ мученіямъ и плохимъ шуткамъ. То они бросали ихъ въ ямы, наполненныя терномъ, то раздѣвали до нага, вымазывали ихъ смолой и вываливали въ перьяхъ и т. п. Такъ или иначе, однако, не смотря на различіе названій и способовъ дѣйствій, всѣ эти движенія были аграрными и были протестомъ обездоленнаго ирландца противъ обездолившаго его англійскаго господства. Вслѣдствіе этого лица, принадлежавшія къ названнымъ союзамъ, пользовались сочувствіемъ народной массы и въ немъ почерпали свою силу. Для преслѣдованія ихъ силою закона нельзя было найти, какъ вы уже знаете, ни свидѣтелей готовыхъ показать противъ нихъ, ни присяжныхъ, чтобы произнести приговоръ.

Аграрныя движенія сопровождаютъ собою исторію Ирландіи и въ XIX стол., то усиливаясь, то ослабывая, сообразно колебаніямъ въ экономическомъ положеніи страны. Англійское правительство долго не видитъ иныхъ средствъ борьбы съ ними, кромѣ исключительныхъ законовъ, которыми вводятся въ Ирландію порядки, какъ разъ противоположные по своимъ принципамъ тѣмъ, которые признаются англійскимъ обществомъ для себя за условіе *sine qua non* гражданской жизни. Такихъ исключительныхъ законовъ для Ирландіи было издано тридцать три въ періодъ времени съ 1800 по 1860 г. И сейчасъ, какъ мы знаемъ, англійское правительство занято разработкою подобнаго же закона. Обращикомъ этихъ законовъ могутъ служить слѣдующіе §§, взятые нами изъ закона 1846 года :

§ 15. Кто окажется внѣ своего жилища чрезъ часъ послѣ заката солнца, можетъ быть арестованъ и содержимъ подъ арестомъ впредь до суда.

§ 16. Кто будетъ арестованъ въ подобномъ случаѣ можетъ быть наказанъ пятнадцатью годами ссылки, если онъ не докажетъ, что онъ вышелъ по дѣлу, дозволенному закономъ. §§ 7, 9, 10 и 13 гласятъ, что въ случаѣ убійства уплачивается денежное вознагражденіе родственникамъ убитаго; оно составляется посредствомъ сбора съ арендаторовъ данной мѣстности. Полицейскіе севеструютъ движимость арендаторовъ, отказывающихся платить сборъ. Какъ видите, этотъ законъ напоминаетъ намъ дикую виру Русской Правды, но только въ гораздо болѣе жестокомъ видѣ. Не забудьте притомъ, что время Русской Правды очень далеко отъ насъ, между тѣмъ какъ только что приведенныя постановленія издаются въ концѣ первой половины XIX в. парламентомъ, который стоитъ за то, чтобы никто изъ англичанъ не былъ наказанъ безъ суда, не былъ лишенъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Съ другой стороны, въ противность элементарнымъ юридическимъ понятіямъ, этотъ законъ вводитъ презумпцію виновности подсудимаго и требуетъ отъ него доказательствъ его невинности. Самая многочисленность исключительныхъ законовъ доказываетъ ихъ безсиліе; иначе оно и быть не могло. Они не устраняли причинъ зла, а старались только прекратить проявленіе его дѣйствій. Сами они въ свою очередь служили иногда поводомъ къ злоупотребленіямъ вопіющаго свойства. Такъ, судья Флетчеръ заявлялъ, что

въ 1814 году нѣкоторые лэндлорды пользовались закономъ о ссылкѣ для того, чтобы отдѣлаться отъ своихъ арендаторовъ, спровадивъ ихъ въ ссылку въ колоніи. Такіе случаи бывали и позднѣе.

Если мы поставимъ себѣ вопросъ о томъ, отчего англійское правительство не производитъ никакихъ улучшеній въ поземельныхъ отношеніяхъ Ирландіи, то отвѣтомъ на него можетъ служить указаніе на аристократическій характеръ парламента. Большинство членовъ его были представителями поземельной аристократіи; одни изъ нихъ не понимали, а другіе не хотѣли понять,—потому что это было невыгодно для нихъ,—почему фермерскіе порядки Англій, будучи пересажены на ирландскую почву, вызываютъ неудовольствіе и приводятъ къ плачевнымъ результатамъ.

Наконецъ дѣло дошло до остраго кризиса. Голодъ 1846/47 года привелъ къ этому кризису. 250,000 человекъ погибло въ эту роковую зиму. Если мы вспомнимъ, что въ минувшую войну мы потеряли 200,000 человекъ, то громадность въ смертности Ирландіи представитъ передъ нами во всемъ своемъ ужасающемъ размѣрѣ. Рядомъ съ упадкомъ благосостоянія страны, изгнанія фермеровъ принимаютъ гигантскіе размѣры. Съ 1841 по 1851 годъ только однихъ домовъ арендаторскихъ разрушено 269,253. Кто могъ,—искалъ спасенія въ бѣгствѣ и переселился въ Америку, покидалъ родину, гдѣ жить стало не въ моготу, унося съ собою ненависть противъ притѣснителей и жажду мщенія. Въ 1841 году населеніе Ирландіи равнялось 8.200,000 человекъ, къ 1851 г. оно уменьшилось до 6¹/₂ милліоновъ, а десять лѣтъ позже оно сократилось еще на полъ милліона, и въ 1860 г. составляло только 6 милліоновъ человекъ. Подобнаго факта (безъ участія войны) мы не найдемъ въ другихъ странахъ, сколько бы мы ни искали; такое уменьшеніе населенія по истинѣ ужасно, если только подумать о той безднѣ человѣческихъ страданій, которая скрывается за нимъ.

Въ прежнее время бѣдствія ирландцевъ считали классическимъ примѣромъ для объясненія дѣйствія закона Мальтуса. Считалось достаточнымъ сопоставить многочисленность ирландскихъ семействъ съ бѣдствіями народа, чтобы прійти къ выводу, что населеніе переросло производительныя силы страны и что поэтому излишекъ его долженъ погибнуть и погибаетъ;

такъ сказать, на законномъ основаніи. Не говоря о томъ, что самый законъ Мальтуса подвергся значительнымъ поправкамъ и ограниченіямъ, неправильность указаннаго вывода не подлежитъ сомнѣнію. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, въ Ирландіи было естественно перенаселеніе, то конечно съ такимъ непоправимымъ уменьшеніемъ числа жителей, какое указано выше, должно было бы поправиться благосостояніе оставшейся части населенія. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Возникающія отсюда недоразумѣнія разрѣшаются тѣмъ, что бѣдствіе ирландскаго народа происходило вовсе не отъ естественнаго перенаселенія, а отъ искусственнаго, производимаго сокращеніемъ площади пахатной земли и превращеніемъ ея въ луга и пастбища. Парламентская коммиссія, производившая изслѣдованія поземельныхъ отношеній и окончившая свои занятія въ 1881 г., представляетъ въ своихъ протоколахъ богатый матеріалъ для подтвержденія этого положенія. По собраннымъ даннымъ оказывается, что изъ 15 милліоновъ акровъ удобной земли 11 милліоновъ обращены въ луга и пастбища, предназначенные для откармливанія скота, потребляемаго англійскими рынками. Вообще замѣчено, что въ Ирландіи увеличеніе рогатаго скота и барановъ идетъ соразмѣрно съ уменьшеніемъ народонаселенія; а вмѣстѣ съ этимъ проявляются со стороны англійчанъ особенно вѣжныя чувства къ скотамъ. Такъ напр. за увѣче барана налагался штрафъ въ 35 шиллинговъ. Перро приводитъ слѣдующій фактъ, относящійся къ 1858 году: однажды во время сильной мятели пропало 40 барановъ. Полимены выгнали фермеровъ ночью, въ мятель, розыскивать ихъ. Барановъ то нашли, но одного фермера не досчитались: онъ былъ найденъ послѣ замерзшимъ въ сугробахъ снѣга. Статистическія данныя доказываютъ, что въ то время какъ населеніе Ирландіи уменьшилось съ 1850-го по 1880-ый годъ на 40%, количество скота крупнаго возросло на 34%, количество овецъ увеличилось на 100%, количество пахатной земли сократилось на 28%, а площадь луговъ увеличилась на 40%*).

Отсюда слѣдуетъ, что перенаселеніе Ирландіи есть миезъ, измышленный, сознательно или бессознательно — это все равно, — для объясненія ужасающихъ явленій, виновникомъ которыхъ является созданное

*) Зиберъ. Аграрный вопросъ въ Ирландіи (Юридическій Вѣстникъ 1882 г. № 9).

соціальное устройство. Однажды, когда призвали присяжных констатировать смерть одного умершаго съ голоду и опредѣлить причину смерти, они въ своемъ приговорѣ заявили, что признають англійское правительство и королеву Викторію виновниками смерти несчастнаго.

Положеніе ирландскихъ арендаторовъ во второй половинѣ XIX стол. въ главныхъ чертахъ остается въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было въ XVIII в. Но только теперь мы знаемъ о немъ больше подробностей, а потому самая картина становится болѣе яркою и живою. Какъ и прежде, лэндлорды не живутъ въ Ирландіи и главное значеніе въ судьбѣ арендаторовъ играютъ посредники. Они отличаются обыкновенно взяточничествомъ до такой степени беззастѣнчивымъ и открытымъ, что при первомъ же разговорѣ съ арендаторомъ спрашиваютъ его: «сколько вы мнѣ заплатите?»

Въ книгѣ Перро *) мы находимъ таблицу взятокъ посредниковъ въ графствѣ Кэри лорда Друмонда. Изъ нея оказывается напимѣръ, что арендаторы, платящіе 9 и 14 фун. аренды, платятъ 7 фун. стерлинговъ въ видѣ взятки посреднику. Часто посредникъ выгоняетъ арендатора только потому, что кто нибудь предлагаетъ ему взятку за то, чтобы онъ уступилъ ему данный участокъ земли и выгналъ бы настоящаго ея владѣльца. Вообще право изгнанія практиковалось до настоящаго десятилѣтія въ очень широкихъ размѣрахъ. Цѣлая іерархія лицъ занята этимъ дѣломъ. Прежде всего дѣйствуетъ process-server, родъ пристава, разносящаго арендаторамъ повѣстки объ ихъ изгнаніи. За нимъ слѣдуетъ драйверъ (driver), обязанность котораго заключается въ фактическомъ извлеченіи арендатора изъ его жилища. Въ помощь ему поступаютъ солдаты такъ называемой ломовой бригады (crowbar-brigade), которые разрушаютъ дома, сравниваютъ ихъ съ землею для того, чтобы на мѣстѣ жительства несчастнаго арендатора можно было развести пастбище для быковъ и барановъ. Численность ломовой бригады, назначеніе которой не созидать, а разрушать, довольно значительна. Въ 50-хъ годахъ она составляла 12000 человекъ, расположенныхъ въ казармахъ лэндлордовъ. Число солдатъ ломовой бригады, расположенныхъ у даннаго лэндлорда, находится въ прямой пропорціи не съ об-

*) Le bill des tenanciers. Paris 1859.

ширностью его владѣній, а съ степенью жестокости владѣльца, а также и съ существованіемъ помѣщеній для солдатъ. Но помѣщеніе легко найти: стоитъ только выгнать арендаторовъ, имѣющихъ сносные дома, и вотъ казармы готовы. Но какъ же такъ, спросите Вы, кѣмъ выстроены эти дома? Выстроены они арендаторами. Я вижу недоумѣніе, вызываемое этимъ отвѣтомъ, но я сейчасъ разъясню его; а для этого мнѣ нужно перейти къ разсказу о томъ, что дѣлалось со всѣми улучшениями, произведенными на землѣ лэндлорда арендаторами.

Покоряя Ирландію и коневисую ея земля, англичане ввели туда феодальное понятіе о поземельной собственности. По этому понятію все устроенное на землѣ кѣмъ бы то ни было принадлежитъ землѣ, а чрезъ нее — ея собственнику. (*Quiquid solo plantatur, solo adquiritur*). Вслѣдствіе этого всѣ улучшения, сдѣланныя фермеромъ, а также и постройки, возведенныя имъ на землѣ лэндлорда, принадлежать послѣднему, и при оставленіи фермы арендаторъ не имѣетъ права заявлять на нихъ какія бы то ни было притязанія. Это правило прилагается фактически не только къ незначительнымъ постройкамъ или улучшениямъ, но и къ такимъ, которыя потребовали затраты значительнаго капитала. Въ 1839 г. въ Мильфордѣ, въ графствѣ Доннегалъ, арендаторъ *Джонъ Леванс* построилъ домъ, стоимостью въ 1000 фун. ст., не выговоривъ себѣ права получить за это какое либо вознагражденіе со стороны лэндлорда. Когда землевладѣлецъ лордъ *Лейтримъ* изгналъ его, то не смотря на всѣ просьбы Леванса, онъ ему не заплатилъ ни одного пени въ возмѣщеніе сдѣланныхъ расходовъ. Другой случай: на западномъ берегу Ирландіи арендаторы воздѣлали часть морскаго берега, построили цѣлое поселеніе Кильки, ставшее, благодаря ихъ труду и затратамъ, любимымъ мѣстомъ морскихъ купаній. Когда съемщикъ земель, заключившій съ ними контрактъ, умеръ, то главный землевладѣлецъ маркизъ *Коннингежъ* тотчасъ же установилъ арендную плату, равную полной стоимости всѣхъ улучшеній, (повышеніе вышло примѣрно процентовъ на 700) и, не довольствуясь этимъ, уничтожилъ значительную часть этого го, одка, уменьшилъ народонаселеніе его съ 1879 до 950 душъ, а остальныхъ пустилъ странствовать по Ирландіи или высылаться въ Америку. По этому поводу Джонъ Стюартъ Милль замѣчаетъ: «чего нельзя ожидать отъ людей, которые имѣли

энергію и предприимчивость создать цвѣтущій городъ подъ опасеніемъ быть ограбленными? Но за то могутъ ли ожидать сочувствія и уваженія люди, пользующіеся дурнымъ закономъ для совершенія того, что нравственностью признается за грабежъ? То же самое происходитъ и со всѣми улучшеніями, сдѣланными арендаторами въ почвѣ. Они конюспируются путемъ немедленнаго повышенія арендной платы. Такъ напр. болотные округа Типперари были превращены въ пашни арендаторами и до этого не имѣли для ихъ владѣльцевъ ровно никакого интереса. Но какъ только получилась съ нихъ первая жатва, какъ назначена была аренда въ 2¹/₂ шиллинга съ акра.—Священникъ *Браунъ* засвидѣтельствовалъ предъ парламентскою комиссіею 1881 г., что онъ не знаетъ въ Коннаутѣ и тысячи акровъ земли, которые были бы улучшены самими лэндлордами. Напротивъ того, онъ знаетъ очень много фермеровъ, улучшившихъ занимаемые ими участки и поплатившихся возвышеніемъ арендной платы за слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ чувству справедливости землевладѣльцевъ. Показанія на этотъ счетъ, данныя въ упомянутой парламентской комиссіи, настолько многочисленны и единодушны, что не допускаютъ никакого сомнѣнія въ своей справедливости. Недавно еще членъ парламента *Фрай*, человекъ весьма умѣренный, посѣтилъ знаменитый отнынѣ округъ Гланбей. По словамъ его, онъ долженъ сознаться, что жители этой мѣстности ближе къ голодавію, нежели къ возможности уплатить ренту, что земля тамъ не давала бы вовсе ренты, если бы землевладѣльцы не прилагали къ ней значительнаго труда. — Членъ парламента *Элмисъ* заявилъ, что онъ видѣлъ выгнанныхъ фермеровъ, которые въ два поколѣнія сдѣлали на своей землѣ улучшенія, цѣнность которыхъ не менѣе 700 фун. стерл. При такихъ порядкахъ не удивительно, что англійское господство въ Ирландіи вызываетъ такъ много ненависти и ожесточенія!

Насколько многочисленны изгнанія фермеровъ, настолько разнообразны мотивы этихъ изгнаній. Иногда они были религиозными. Такъ на примѣръ, въ 1858 году былъ слѣдующій случай: двѣ дочери лорда *Плокета*, епископа *Туама*, Луиза и Екатерина начали, изъ религиозной ревности, пропагандировать протестантизмъ между арендаторами земель ихъ отца и такъ имъ надобно своими приставаніями, что одинъ изъ нихъ при-

грозилъ имъ. Послѣ того барышни Плонкетъ оставили ихъ въ покоѣ, но за то явился process-server, привесшій 60 семействамъ повѣстки объ ихъ изгнаніи съ земель епископа. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ суровую зиму. Ни просьбы, ни мольбы арендаторовъ не тронули жестокосердаго представителя высокой церкви. Если его намѣреніе не было приведено въ исполненіе, то только потому, что его остановилъ рѣзкій и единодушный протестъ англійскаго общественнаго мнѣнія, которое въ данномъ случаѣ было возмущено его жестокостью.

Нерѣдко были случаи изгнаній фермеровъ вслѣдствіе попытки ихъ подавать свой голосъ во время выборовъ по собственному убѣжденію, независимо отъ воли лэндлорда. Такъ на примѣръ, въ октябрѣ 1859 года депутатъ парламента *Вайльс* (*Wuppe*) приказалъ выгнать множество семействъ арендаторовъ, вотировавшихъ несогласно съ его желаніемъ. При исполненіи этого повелѣнія происходили возмущающія душу сцены. Одинъ изъ арендаторовъ *Флинн* явился къ агенту Вайна съ просьбой повременить его изгнаніемъ, такъ какъ его жена опасно больна. На это агентъ ему отвѣчалъ: намъ нѣтъ никакого дѣла до вашей жены, намъ нуженъ вашъ домъ. Тогда несчастный фермеръ бросается къ доктору, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что эту больную женщину нельзя вынести изъ комнаты, не подвергая ея жизни опасности. Но и свидѣтельство доктора не останавливаетъ агента. Больную женщину выносятъ съ кроваткою на улицу зимою, и чрезъ нѣсколько часовъ она скончалась. Депутатъ *Брадло* рассказывалъ недавно въ палатѣ депутатовъ подобный же случай изъ своихъ воспоминаній. «Въ 1851 году, говоритъ онъ, въ очень холодный зимній день мнѣ пришлось, какъ рядовому, участвовать въ командѣ, назначенной выгнать жителей изъ мѣстности за нѣсколько миль отъ Балликолича. Дома были сравнены съ землею, а не сожжены. Немного усилій понадобилось, чтобы сравнять ихъ съ землею; никакой джентльменъ Ирландіи, имѣющій собакъ, не помѣстилъ бы ихъ въ такихъ лачугахъ. Одна женщина бросилась на колѣни предъ капитаномъ, умоляя его остановить выселеніе, такъ какъ въ одномъ изъ домовъ мужъ ея лежалъ больной. Капитанъ не имѣлъ права дать отерочку, не смѣлъ противиться инструкціямъ, а судебный агентъ торопился въ Дублинъ. Больного вынесли изъ дому, и онъ вскорѣ послѣ этого умеръ. Двѣ ночи

послѣ того я стоялъ на часахъ у воротъ казармы и при смѣнѣ я и нѣкоторые мои товарищи драгуны слышали не вдалекѣ стоны. Мы пошли туда и нашли эту самую женщину, лежащую съ мертвымъ ребенкомъ прижатымъ къ груди».

Превращеніе въ силу тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ соображеній пашень въ луга и пастбища служило прежде и служить теперь чаще всего причиною изгнанія фермеровъ. Выше было указано, какъ велико было въ послѣднее время сокращеніе площади обрабатываемой земли и какъ велико было развитіе скотоводства.

Наконецъ, несоблюденіе правилъ, установленныхъ лэнд-лордомъ является четвертымъ мотивомъ изгнанія арендаторовъ. Правила, существующія во владѣніи лэндлорда, не только произвольны, но нерѣдко напоминаютъ собою порядки крѣпостнаго права. Такъ напримѣръ, во владѣніи лорда *Ландсдоуна* существовало правило, запрещавшее арендаторамъ жениться. Во владѣніяхъ лорда *Доннагморра* не далѣе какъ 5 лѣтъ тому назадъ еще существовало правило, по которому дочери фермеровъ могли выходить замужъ только за сыновей фермеровъ, жившихъ въ его же владѣніяхъ. Недавно тамъ былъ случай изгнанія фермера со всей его семьей за то только, что дочь его вышла замужъ за арендатора, живущаго въ одной милѣ разстоянія отъ владѣній *Доннагморра*.

Если право изгнанія составляетъ величайшее зло въ земельныхъ отношеніяхъ Ирландіи, то не меньшимъ тормазомъ благосостоянія этой страны является произвольное возвышеніе ренты. Возвышенія эти являются результатомъ или сдѣланныхъ самимъ-же фермеромъ улучшеній, или-же вслѣдствіе усиливающейся конкуренціи арендаторовъ, изгнанныхъ изъ своихъ участковъ и столпившихся на небольшомъ пространствѣ земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остающаяся подъ пашнею площадь составляетъ, какъ мы видѣли выше, лишь третью часть того, что обрабатывалось лѣтъ тридцать тому назадъ. Не имѣя возможности заняться никакимъ другимъ дѣломъ, ирландецъ стремится раздобыть во что-бы то ни стало кусокъ земли и готовъ обѣщать за нее какую угодно плату. Онъ знаетъ хорошо, что остаться безъ земли — это значитъ остаться безъ куска хлѣба. Насколько высоки ирландскія ренты, свидѣтельствуетъ фактъ, сообщенный членомъ парламента *Элисомъ*, посѣтившимъ

осенью прошлаго года нѣкоторые округа Ирландіи. По его словамъ правительственная комиссія во многихъ случаяхъ уменьшила ренту съ 80 фун. ст. на 37 ф., съ 42—на 19; въ одномъ случаѣ рента была низведена съ 232 фун. на 73 ф. Спрашивается, какой доходъ могли получать фермеры, вынужденные платить землевладѣльцамъ аренду вдвое и втрое большую противъ той, какую-бы они должны были платить даже по казенному разсчету. Членъ парламента шотландецъ *Дайль* замѣтилъ, что шотландскіе фермеры расхохотались-бы въ глаза лэндлорду, который потребовалъ-бы съ нихъ такую ренту, какую назначаютъ въ Ирландіи. Что касается возвышенія ренты въ силу сдѣланныхъ улучшеній, то объ немъ мы имѣемъ свидѣтельство инспектора церковныхъ имѣній *О'Бріена Мурроу*, который приводитъ такого рода поучительный примѣръ: фермеръ платилъ небольшую ренту за пустошь, но когда онъ ее обработалъ, то его заставили десять лѣтъ платить вдвое, а потомъ и совсѣмъ прогнали, заплативъ ему только 60 фун. за сдѣланныя улучшенія. На вопросъ членовъ парламентской комиссія, не представляется-ли этотъ случай исключительнымъ, *О'Бріенъ Мурроу* отвѣчалъ, что возвышеніе ренты за сдѣланныя улучшенія распространено весьма сильно. «Мы слишкомъ утомили-бы вниманіе читателя, говорить профессоръ *Зиберъ* въ своей статьѣ «Аграрный вопросъ въ Ирландіи», если-бы стали приводить полный списокъ всѣхъ показаній относительно повышенія ренты лэндлордомъ соотвѣтственно улучшеніямъ фермера. Очевидно, что повышеніе это представляетъ просто на просто господствующую систему въ Ирландіи, и потому неудивительно, что оно служитъ предметомъ глубокаго недовольства со стороны народа, недовольства, выражающагося въ аграрныхъ преступленияхъ, бойкотированіи и тому подобныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ».

Мы описали, насколько это было возможно въ предѣлахъ одной лекціи, условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать ирландскому земледѣльцу. Удивительно-ли будетъ, что, знакомясь съ образомъ его жизни, мы встрѣтимся съ такимъ минимальнымъ удовлетвореніемъ насущныхъ человѣческихъ потребностей, съ какимъ едва-ли можно встрѣтятся даже въ наиболѣе бѣдныхъ странахъ. Жѣлчище земледѣльца, за немногими исключеніями, представляетъ собою избушку, стѣны которой

сдѣланы изъ земли и нерѣдко превращаются въ грязь въ особенно сырую погоду; полъ земляной; окна крошечныя; двери также; мебель почти отсутствуетъ, а иногда ея и признаковъ нѣтъ. Вся семья валется на полу, еле еле прикрытомъ тонкимъ слоемъ соломы. Въ графствѣ Кэри существуютъ цѣлыя поселенія на болотѣ. Каждый домъ, по словамъ профессора *Балдуина*, превосходно изучившаго страну при помощи непрерывныхъ развѣдовъ и детальныхъ изслѣдованій, состоитъ изъ торфяныхъ стѣнъ около двухъ футовъ толщины; высота стѣнъ не превышаетъ трехъ футовъ, такъ что, войдя въ хижину, профессоръ долженъ былъ нагнуться; вышина отверстія была ниже его роста не менѣе, чѣмъ на два фута; полъ хижины колебался подъ ногами; они жили на живомъ болотѣ, въ прошлую ночь была буря и цѣлая крыша одной изъ хижинъ провалилась внутрь. Въ хижинѣ не было ни стола, ни стула, ни кухонной посуды, кромѣ стараго горшка; не соблюдена ни одна пристойность жизни. Всѣ хижины были одного типа. «Невозможно для цивилизаціи стоять ниже этого», заявилъ профессоръ предъ комиссіей. Платье и пища ирландца находятся въ соответствіи съ его жилищемъ. Платье—жалкія лохмотья, пища—картофель печенный въ золѣ, немного кукурузной похлебки—вотъ и весь его незатѣйливый столъ. Мясо онъ употребляетъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, или-же вовсе не видитъ его. Малѣйшее колебаніе въ урожаѣ лишаетъ арендатора и этой убогой пищи. Но и каждый годъ съ конца зимы и до того времени, когда поспѣетъ картофель, семья ирландскаго арендатора живетъ впроголодь. Въ Ирландіи даже различаются два рода голоданія: — голоданіе медленное и голоданіе скорое. Первое происходитъ при *нормальныхъ* условіяхъ, а второе при неурожаѣ.

Но есть въ Ирландіи классъ людей, которые вынуждены довольствоваться еще меньшимъ, чѣмъ довольствуются арендаторы. Это — земледѣльческіе рабочіе. Они не составляютъ въ Ирландіи такого многочисленнаго класса, какъ въ Англіи, но положеніе ихъ по истинѣ ужасно. Въ вознагражденіе за свой трудъ они получаютъ около 3-хъ шиллинговъ (рубля полтора) въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ. Пища, которую они получаютъ отъ хозяина, состоитъ изъ кукурузной похлебки, даваемой имъ два раза въ день. Живутъ они обыкновенно въ какихъ-нибудь заброшенныхъ строеніяхъ, платя за нихъ три

фунта въ годъ, наемной платы. На вопросъ парламентской комиссіи: строятъ ли рабочіе себѣ котэджи и гдѣ они помѣщаются, свидѣтель отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, чтобы рабочіе строили себѣ котэджи, и что они помѣщаются иногда по нѣсколько семействъ въ старомъ коровникѣ, который сталъ негоднымъ для коровъ.

Какъ ни тяжело бываетъ положеніе человѣка, оно выносятся легче когда съ нимъ не соединено сознаніе нарушеннаго права. Но если человѣкъ терпитъ бѣдствіе и притѣсненіе, сознавая при этомъ, что право не только не находится на сторонѣ притѣснителей, но, напротивъ, находится на сторонѣ его, притѣсняемаго, то запасъ терпѣнія истощается гораздо скорѣе и протестъ проявляется съ большею силою. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не о писанномъ правѣ, а о томъ, которое вытекаетъ изъ совокупности воззрѣній и понятій даннаго народа. Ирландцы со времени покоренія ихъ англичанами находились именно въ такомъ положеніи. Они имѣли свои понятія о поземельной собственности, о правѣ наследства, о правѣ пользованія землей и т. д. Всѣ эти воззрѣнія прямо противоположны тѣмъ отношеніямъ, которыя введены были въ Ирландію со времени англійскаго завоеванія. Между тѣмъ до настоящаго времени англичанамъ не удалось вытравить въ ирландцахъ памяти о законахъ брегеновъ и вообще древнія правовыя традиціи. Протоколы парламентской комиссіи 1881 года свидѣтельствуютъ лучше всего о томъ, что ирландцы имѣютъ и до сихъ поръ воззрѣнія на землю и на отношенія къ ней совершенно иные, чѣмъ тѣ, которыя признаются англійскими лэнд-лордами. Такъ, одинъ изъ фермеровъ говоритъ: «я смотрю на землю, какъ на собственность государства или общества зъ цѣломъ, совмѣщающую многіе интересы и различныя свойства — высшія и низшія, соответственно нынѣшней системѣ земледѣлія». — Священникъ Браунъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что ирландцы и до сихъ поръ помнятъ законы брегеновъ и что онъ самъ видѣлъ арендаторовъ, которые, умирая, дѣлили завѣщаніе, въ которомъ раздѣляли свои участки между своими дѣтьми такъ, какъ будто бы они составляли ихъ собственность и какъ будто англійскаго законодательства вовсе не существовало. Не входя въ разборъ частныхъ случаевъ, скажемъ только, что ирландцы всегда признавали и признаютъ за арендаторомъ право

владѣть участкомъ, пока онъ аккуратно платитъ справедливую ренту, а никакъ не могутъ взять въ толкъ право лэндлорда прогнать его по произволу. Равнымъ, образомъ, всѣ они признаютъ право арендатора на сдѣланныя имъ улучшения и постройки, а потому конфискацію ихъ лэндлордами считаютъ вопіющимъ нарушеніемъ своего права. Наконецъ, всѣ они считаютъ необходимымъ, чтобы рента не была повышаема по произволу и чрезмѣрно. При такой противоположности между возрѣвными ирландскаго народа и практикою англійскихъ лэндлордовъ, ненависть перваго къ послѣднимъ становится совершенно естественною и понятной. Прибавимъ сюда еще національную вражду, которая составляетъ слѣдствіе долговременной борьбы двухъ народностей.

Принимая въ расчетъ все сказанное раньше объ отношеніяхъ Ирландіи и Англіи, можно будетъ прійти къ заключенію, что аграрныя движенія ирландцевъ всегда находились въ связи съ національною враждою и политическими тенденціями, и что, съ другой стороны, политическіе протесты ирландцевъ находили для себя всегда удобную почву въ невозможныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Движенія 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, направленные къ тому, чтобы возстановить самостоятельный ирландскій парламентъ и такъ сказать, отозвать актъ уніи (гереал), равно какъ и теперешнее движеніе Home-rule, стремящееся къ автономіи Ирландіи, находились и находятся въ тѣсной связи съ аграрными движеніями. Равнымъ образомъ революціонная дѣятельность партіи «Молодой Ирландіи», смѣнившей собою партію гереал'я, а также дѣятельность феніевъ, идущая параллельно съ стремленіями партіи самоуправленія (Home rule) находили всегда благодарную почву для своей пропаганды въ бѣдственномъ положеніи и въ враждебномъ къ англичанамъ настроеніи ирландскаго арендатора.

Сила дѣятельности всѣхъ упомянутыхъ партій указала англійскому правительству ту опасность, которая можетъ заключаться для Англіи въ сильномъ недовольствѣ ирландцевъ. Бѣдствія 40-хъ и 50-хъ годовъ достигли такихъ огромныхъ размѣровъ, что не видѣть или отрицать ихъ сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Съ другой стороны, составъ парламента послѣ реформы 30-хъ годовъ становился все болѣе и болѣе демократичнымъ, а послѣ февральской революціи демократическое

движеніе въ Англіи съ каждымъ годомъ все болѣе выигрывало почву. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятые, сдѣлали то, что ирландскій вопросъ сталъ теперь на очередь. Въ 1860 году парламентомъ принятъ билль *Кордуэля*. Этотъ билль стремится упорядочить ирландскія земельныя отношенія на началахъ свободнаго договора и поставить ирландскаго фермера въ такое положеніе на примѣръ, въ какомъ стоитъ въ землевладѣльцу фермеръ французскій или англійскій. Съ этою цѣлью законъ дѣлаетъ обязательнымъ письменный договоръ между лэндлордомъ и арендаторомъ, а гдѣ такового (договора) нѣтъ, онъ признаетъ существованіе молчаливаго соглашенія между обѣими сторонами. Эта попытка потерпѣла полнѣйшую неудачу, такъ какъ предполагать свободу договора тамъ, гдѣ одной изъ сторонъ некуда дѣваться, совершенно не рационально, а потому непрѣмннсе требованіе заключенія письменнаго договора нисколько не помогало арендатору; оно не гарантировало его ни отъ высокой ренты, ни отъ изгнанія. Единственнымъ шагомъ впередъ, дѣлаемымъ закономъ Кордуэля, было признаніе за арендаторомъ права требовать вознагражденіе за тѣ улучшенія, которыя сдѣланы имъ съ согласія лэндлорда. Неудивительно поэтому, что законъ 1860 года не удовлетворилъ ирландцевъ и аграрная агитація продолжала рости. Наконецъ въ 1870 году Гладстонъ ставитъ аграрный вопросъ на настоящую дорогу. Не возлагая никакихъ надеждъ на цѣлительныя свойства свободнаго договора, Гладстонъ рѣшается дать мѣсто государственной власти въ урегулированіи взаимныхъ отношеній лэндлорда и арендатора и впервые нарушаетъ абсолютное право поземельной собственности, подвергая нѣкоторымъ ограниченіямъ власть лэндлорда распорядиться землей.

Приступая къ аграрному законодательству, Гладстонъ обратилъ вниманіе на существующіе обычаи и подмѣтилъ, что такъ называемые ульстерскіе обычаи составляютъ идеалъ арендаторовъ другихъ мѣстностей Ирландіи. Ранѣе мы говорили уже, что колонизація Ульстера была нѣсколько иною, чѣмъ колонизація Лейстера, Мунстера и Коннаута. Вслѣдствіе этихъ особенностей тамъ поземельныя отношенія сложились гораздо болѣе благоприятно для арендаторовъ. Существенныя черты этихъ отношеній заключаются въ слѣдующемъ: лэндлордъ можетъ изгнать арендатора только при неаккуратномъ исполненіи по-

слѣднимъ своихъ обязанностей. Онъ не имѣетъ безусловнаго права возвышать ренту. Фермеръ, оставляя аренду, имѣетъ право продать свои арендаторскія права другому арендатору. Сумма, уплачиваемая новымъ арендаторомъ уходящему, считается какъ бы вознагражденіемъ за беспокойство, или чѣмъ то въ родѣ отступнаго. Лэндлордъ не имѣетъ права отказать новому арендатору въ допущеніи его къ арендѣ, если только онъ не завѣдомо несостоятельный человѣкъ. Въ случаѣ же отказа лэндлорда допустить новаго фермера, онъ самъ выплачиваетъ уходящему фермеру вознагражденіе за беспокойство и убытки. Гладстонъ положилъ въ основаніе своего закона 1870 года именно Ульстерскій обычай и хотѣлъ ввести его цѣликомъ тамъ, гдѣ его не было. Ему не удалось однако провести свою мысль вполнѣ, такъ какъ для англійскаго парламента предлагаемая мѣра была чрезвычайъ большимъ новшествомъ.

Законъ 1870 года сохраняетъ за лэндлордомъ право изгнать фермера, но съ условіемъ вознагражденія его за ущербъ, произведенный несправедливымъ отнятіемъ аренды. — Фермеру предоставляется право требовать вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія, хотя бы таковыя произведены были безъ согласія лэндлорда. Въ этихъ отношеніяхъ законъ 1870 г. представляетъ несомнѣнный прогрессъ, сравнительно съ закономъ Кордуэля. Слабая его сторона заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ постановленій, ограничивающихъ право возвышенія ренты и напротивъ значительно сокращено число случаевъ, въ которыхъ фермеръ можетъ получить вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія. Между прочимъ, при арендномъ контрактѣ въ 31 годъ лэндлордъ совершенно избавляется отъ обязанности вознаграждать фермера за сдѣланныя улучшенія. Мы видимъ такимъ образомъ, что законъ 1870 года не вполнѣ защищаетъ арендатора отъ произвола лэндлорда. Намъ скажутъ: «вѣдь законъ 1870 года напоминаетъ хоть и слабо отношенія въ Ульстерѣ, которыя составляли предметъ вождѣленій для прочихъ Ирландцевъ». Да, это такъ, но въ Ульстерѣ этотъ законъ могъ быть хорошъ, такъ какъ тамъ между арендаторомъ и лэндлордомъ нѣтъ ни національной, ни религіозной вражды и существуютъ обычаи, которые восполняютъ пробѣлы и недомолвки закона и служатъ ему поддержкой. Между тѣмъ въ остальныхъ частяхъ Ирландіи указаные пробѣлы закона 1870 года не только не восполнялись обы-

чаями, но служили оружіемъ въ рукахъ лэндлордовъ противъ арендаторовъ. Вотъ почему законъ 1870 г. не только не успокоилъ аграрнаго движенія, но напротивъ усилилъ его, подавъ населенію надежду на возможность дальнѣйшаго улучшенія. Органомъ этихъ стремленій является аграрная лига, основателемъ которой былъ *Мишель Дэвиль*. Онъ былъ сыномъ бѣдныхъ фермеровъ. Когда онъ былъ еще въ колыбели, его отецъ былъ изгнанъ изъ своей фермы (зимой 1846—7 года). Дѣтскіе годы мальчика прошли подъ впечатлѣніемъ лишеній и нужды, которыя терпѣла его семья, прогнанная изъ своего гнѣзда. Образование свое онъ началъ въ воскресныхъ школахъ и продолжалъ его самостоятельнымъ чтеніемъ. Только большія способности и желѣзная энергія дали ему возможность пріобрѣсти столько свѣдѣній и развитія, что онъ выдвинулся впередъ между своими сотоварищами. Лишившись руки во время работы на фабрикѣ, онъ сдѣлался агентомъ страховой компаніи, а затѣмъ почтовымъ чиновникомъ. Но впечатлѣнія дѣтства сохранились въ его душѣ и онъ съ горячимъ сочувствіемъ относился къ бѣдствіямъ своихъ земляковъ и старался изыскать средства для улучшенія ихъ положенія. Онъ принималъ участіе во всѣхъ тайныхъ обществахъ, былъ адептомъ сеніевъ тоже и даже былъ приговоренъ къ 15 лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Отбывъ часть назначеннаго срока, онъ былъ уволенъ, такъ сказать, въ безсрочный отпускъ на свободу. Онъ составилъ планъ аграрной лиги на подобіе той лиги, которую когда то образовалъ Кобденъ для борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Въ Ирштоунѣ, въ графствѣ Майо, состоялось первое собраніе лицъ которыхъ Дэвиль пригласилъ, какъ учредителей общества. Аграрная лига повела свою агитацію открыто, пользуясь англійскимъ закономъ о свободѣ ассоціацій, и написала на своемъ знамени такъ называемую программу трехъ F: «Постоянство аренды» (Fixity of tenure) «Справедливая рента» (Fair rents) и «Свободная продажа» (Free sale). Эта программа трехъ F требуетъ, слѣдовательно, закрѣпленія за арендаторомъ его фермы, обезпеченія его отъ произвольной ренты и гарантированія за нимъ права продавать свои фермерскія права. Такъ какъ въ законѣ 1870 года фермерское право въ принципѣ признано, то программа трехъ F является, слѣдовательно, требованіемъ дальнѣйшаго развитія въ приложеніи сказаннаго принципа. Очень скоро послѣ своего

образованія аграрная лига разрослась весьма широко и сдѣлалась сплюю, съ которой приходилось считаться. Партія Home-rule, добываясь политической автономіи Ирландіи, поняла необходимость связать свое дѣло съ задачами аграрной лиги. Мишель Дэвитъ съ своей стороны считалъ необходимымъ соединиться съ вожаками Home-rule и предложилъ президентство въ аграрной лигѣ Парнеллю. Послѣ нѣкотораго колебанія Парнелль согласился, и съ этого момента (1879 г.) значеніе этого политическаго дѣятеля сдѣлалось громаднымъ. Его, какъ и О'Коннелля, можно назвать королемъ Ирландіи безъ короны. Но между этими двумя выдающимися дѣятелями Ирландіи XIX вѣка есть большая разница. О'Коннелль—католикъ, Парнелль—протестантъ; О'Коннелль—весь огонь, воспламеняющій массы своимъ горячимъ чувствомъ, Парнелль хладнокровенъ, сдержанъ; всѣ члены палаты общинъ знаютъ его неподвижное лицо и стальной взоръ его никогда не смѣющихся глазъ. Онъ дѣйствуетъ на разумъ и всегда замѣчательно ловко пользуется обстоятельствами для достиженія своей цѣли.—Взявшись за аграрную агитацію, онъ и его товарищи устраиваютъ каждый праздникъ митинги въ главныхъ городахъ Ирландіи, на которыхъ объясняютъ и толкуютъ со всѣхъ сторонъ программу трехъ F.

Развитіе дѣятельности аграрной лиги показало Гладстону, что оставлять ирландскія отношенія безъ реформъ столь же не благоразумно, сколько и не гуманно. Поэтому, восторжествовавъ на выборахъ 1880 года надъ консерваторами, онъ тотчасъ же взялся за разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Ирландіи. Впредь до окончательнаго регулированія дѣла, онъ предложилъ временный законъ о пріостановкѣ изгнаній фермеровъ слѣдующаго содержанія: Изгнаніе фермера пріостанавливается, если во 1) неплатежъ ренты происходитъ по несостоятельности его; во 2) если арендаторъ готовъ войти въ соглашеніе на разумныхъ и справедливыхъ условіяхъ, и въ 3) если землевладѣлецъ, отвергая его предложенія, самъ не дѣлаетъ предложеній удобопріемлемыхъ. Палата лордовъ отвергла этотъ билль. На это рѣшеніе лордовъ аграрная лига отвѣтила по своему. Она рекомендуетъ не платить ренты вовсе или платить ее по казенной оцѣнкѣ 1826 г. Возставая затѣмъ противъ аграрныхъ преступленій, допущенныхъ членами лиги, Парнелль порекомендовалъ средство борьбы, которое получило широкое распространеніе,

а именно: бойкотированіе—своего рода отлученіе. Первый разъ это средство было употреблено противъ агента лорда Эрнэ—капитана *Бойкота* (откуда и названіе), который очень притѣснялъ фермеровъ. Окрестные жители, воспользовавшись совѣтомъ Паррелля, порѣшили прекратить всякія сношенія съ Бойкотомъ. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, онъ, какъ военный человекъ, приготовился выдержать осаду. Онъ запасся съѣстными припасами, вздумалъ было нанять себѣ и защитниковъ, но никто не согласился оказать ему ни малѣйшей услуги ни за какія деньги. Когда стали выходить у него съѣстные припасы, то купить ихъ въ окрестностяхъ оказалось рѣшительно невозможнымъ даже на вѣсь золота. Продержавшись нѣсколько недѣль, капитанъ Бойкотъ вынужденъ былъ капитулировать и подъ прикрытіемъ полиціи оставилъ свой домъ и ушелъ совсѣмъ изъ Ирландіи.

Средство это столь успѣшное, какъ показалъ первый опытъ, продолжало практиковаться и далѣе. Но во главѣ правительства стоялъ теперь человекъ недюженный, котораго волненія Ирландіи не сбили съ толку и не остановили его желанія улучшить положеніе арендаторовъ. Съ этой цѣлью Гладстонъ вноситъ новый поземельный билль, который и былъ утвержденъ парламентомъ въ 1881 году. Существенная черта этого послѣдняго поземельнаго закона заключается въ томъ, что въ отношеніяхъ между лэндлордами и арендаторами устанавливается такой-же порядокъ, какой существуетъ въ отношеніяхъ акціонеровъ къ акціонерному предпріятію. Лэндлордъ перестаетъ быть абсолютнымъ собственникомъ земли, ибо его право распоряжаться ею подвергается существеннымъ ограниченіямъ. Съ другой стороны, арендаторы перестаютъ играть по отношенію къ землѣ роль квартирантовъ, которыхъ можно прогнать въ каждую минуту, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ контрактовъ. Они становятся *совладѣльцами* лэндлорда по отношенію къ землѣ, ибо законъ 1881 года признаетъ за ними извѣстное вещное право на землю. Изъ этого принципа вытекаютъ законодательныя опредѣленія, гарантирующія арендаторовъ отъ изгнанія и возвышенія арендной платы. По акту парламента 1881 г. лэндлордъ можетъ отнять землю арендатора только на основаніи, указанномъ въ законѣ. Далѣе, за фермеромъ формально признается право продажи своихъ фермерскихъ правъ третьему лицу, не спрашивая на то согласія лэндлорда. Если послѣдній не хотѣлъ-бы допус-

катъ новаго фермера, то у него остается для исполненія своего желанія одно только средство—заплатить фермеру ту сумму, за которую тотъ продаетъ свое право. Принимая впрочемъ во вниманіе и интересы лэндлорда, законъ гарантируетъ за нимъ право преимущественной покупки по цѣнѣ, предлагаемой другими. Гарантія фермера отъ произвольнаго возвышенія ренты заключается въ томъ, что фермеръ можетъ обратиться въ поземельную комиссію съ просьбою, что-бы она опредѣлила размѣръ ренты, которую онъ долженъ платить лэндлорду. Опредѣленный комиссіею размѣръ ренты остается неизмѣннымъ въ теченіе 15 лѣтъ. Всѣ эти постановленія закона относятся къ фермерамъ, которые взяли такъ называемое парламентское фермерское право. Взять-же такое право можетъ каждый арендаторъ, бывшій таковымъ до изданія акта 1881 года. Для того что-бы считаться арендаторомъ съ парламентскими правами, нужно сдѣлать заявленіе въ поземельную комиссію о желаніи пользоваться правами, предоставленными арендаторамъ парламентскимъ поземельнымъ актомъ 1881 года, и комиссія выдастъ просимое свидѣтельство безъ всякихъ затрудненій, если только проситель удовлетворяетъ вышеуказанному условію. Упомянутая нами поземельная комиссія состоитъ изъ трехъ несимметричныхъ лицъ, одно изъ которыхъ непременно должно быть юристомъ. Въ первый разъ они назначаются парламентомъ, а затѣмъ должны быть назначаемы королевою. На обязанности этой поземельной комиссіи лежитъ опредѣленіе размѣра ренты, которую долженъ платить фермеръ и, кромѣ того, она должна оказывать содѣйствіе фермерамъ въ покупкѣ земли въ собственность, или-же въ приобрѣтеніи ея въ вѣчное владѣніе, съ обязательствомъ платежа постоянной ренты. Въ первомъ случаѣ комиссія выдаетъ фермерамъ долгосрочную ссуду въ размѣрѣ 75% покупной суммы, а во второмъ случаѣ—50% суммы, которую требуетъ лэндлордъ за уступку земли. При этомъ однако комиссія требуетъ, что-бы условливаемая постоянная арендная плата была ниже 70% нормальной ренты. Наконецъ, поземельная комиссія можетъ покупать земли лэндлордовъ за счетъ государства для продажи ихъ по частямъ фермерамъ. Вотъ главныя черты поземельнаго закона Гладстона. Нельзя не замѣтить, что онъ стремится удовлетворить требованія аграрной лиги, выраженные въ программѣ трехъ F. Законодатель стара-

ется установить постоянство аренды, ввести справедливую ренту и предоставляет наконецъ фермеру свободную продажу его правъ. Но на этомъ остановиться было нельзя. Пренія поземельныя отношенія создали такую массу должниковъ и недоимщиковъ, что ликвидировать ихъ долги и недоимки представлялось необходимою, если хотѣли дать арендаторамъ возможность воспользоваться льготами закона 1881 года. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ арендаторъ воспользоваться защитою послѣдняго поземельнаго акта, если лэндлордъ могъ его прогнать за старыя недоимки, накопившіяся благодаря чрезмѣрно высокой рентѣ, которую онъ платилъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ, да сверхъ того еще конфисковать въ придачу все его имущество въ обезпеченіе ихъ уплаты. Прибавимъ къ этому, что въ теченіе всего 1880 и 1881 годовъ, рента, какъ мы знаемъ, вслѣдствіе агитаціи аграрной лиги, не уплачивалась вовсе или уплачивалась очень плохо. Вотъ вслѣдствіе этихъ причинъ Гладстонъ проводитъ въ 1882 году новый законъ, — законъ о недоимкахъ, который имѣетъ временное, но очень важное практическое значеніе. На основаніи этого закона государство предоставляетъ фермеру право заплатить лэндлорду недоимку за два года и тѣмъ покончить съ нимъ всякіе счета, хотя-бы за нимъ и числилась недоимка за нѣсколько лѣтъ. При этомъ государство уплачиваетъ лэндлорду еще недоимку за третій годъ. Мѣра эта во многомъ напоминаетъ собою законы Солона о долгахъ; также законы Кайя Лицинія о погашеніи накопившихся на плебейхъ долговъ патриціямъ. Льготою закона о недоимкахъ воспользовались въ теченіе года 130000 человекъ; изъ нихъ 58000 чел. приходится на Коннаутъ, 44000—на Ульстеръ, 20000—на Мунстеръ и 12000 на Лейнстеръ. Государство заплатило за нихъ лэндлордамъ 768157 фун. ст., а такъ какъ эта сумма составляетъ только половину внесенной арендаторами недоимки, то, значить, послѣдніе внесли отъ себя 1,536,314 фун., лэндлорды-же получили 2304471 фунтовъ стерлинговъ.

Значеніе этого закона будетъ намъ понятно, если мы вспомнимъ показанія членовъ парламента, посѣтившихъ лѣтомъ 1886 года Ирландію и рассказывавшихъ въ палатѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ими изъ этого путешествія. Они говорили, что рента въ Ирландіи въ два или три раза превышаетъ размѣръ, который можетъ быть признанъ разумнымъ и болѣе или менѣе

справедливымъ. Нищета ирландскаго населенія, по ихъ словамъ и по словамъ свидѣтелей, говорившихъ въ парламентской комисіи 1881 года, дошла до такой степени, дальше которой не возможно, кажется, ничего себѣ представить. Безъ государственной помощи это населеніе не могло бы воспользоваться законами, созданными для улучшенія его положенія. Нельзя также не признать справедливымъ, чтобы и лэндлорды съ своей стороны сдѣлали кой-какія уступки тому населенію, съ котораго они и отцы ихъ такъ долго брали вдвое и втрое больше того, что можетъ считаться справедливымъ по самому щедрому расчету.

Вотъ въ этомъ то стремленіи ликвидировать наслѣдіе прошлаго и заключается значеніе закона 1882 г. Мы должны сказать, что онъ не вполне достигъ своей цѣли, такъ какъ далеко не всѣ воспользовались предоставленными ими льготами. Отчего это произошло, мы не знаемъ, но можемъ догадываться, что тутъ играли роль столько же фактическая невозможность внести недоимку за два года, сколько и нежеланіе платить то, что считается несправедливымъ. Здѣсь мы должны остановиться, но и не могу прекратить бесѣду съ вами, не подведя итоговъ тому, о чемъ было сказано во всѣхъ трехъ лекціяхъ, и не попробовавъ на основаніи прошлаго высказать нѣсколько соображеній о будущемъ.

Припоминая ходъ ирландской исторіи и главнымъ образомъ борьбу Англіи съ Ирландіей, мы должны отмѣтить три момента. Сначала рѣчь идетъ о національно-политической независимости Ирландіи. Англія рѣшаетъ этотъ вопросъ въ свою пользу; политическая независимость Ирландіи исчезаетъ, пока наконецъ она не лишается къ концу прошлаго столѣтія и самаго символа своей политической самобытности—ирландскаго парламента. Но еще не кончилось политическое покореніе Ирландіи, какъ къ борьбѣ политической присоединяется религіозный вопросъ. Отдѣлившись отъ римской церкви, принявъ потомъ протестантскія вѣрованія, Англія рекомендуетъ ихъ Ирландіи и навязываетъ ихъ ей, не взирая на ея сопротивленіе. Появленіе религіознаго момента не только осложняетъ борьбу,

оно ожесточаетъ ее. Разгорѣвшіяся религіозныя страсти дѣлаютъ то, что обѣ стороны почти забываютъ, что вопросъ то поднятъ изъ-за политическихъ и національныхъ интересовъ и отождествляютъ эти послѣднія съ религіозными до такой степени, что слово «папистъ» стало для англичанина синонимомъ политическаго врага, а для ирландца понятіе «протестантъ» слилось съ понятіемъ притѣснителя. Подъ вліяніемъ крайняго ожесточенія является смѣлая попытка уничтожить ирландцевъ совсѣмъ, лишивъ ихъ земли — главнаго источника ихъ существованія, и вотъ къ религіозному и политическому моментамъ борьбы присоединяется моментъ экономическій. Конецъ XVII и первая половина XVIII стол. знаменуютъ собою періодъ полнаго пораженія Ирландіи. Казалось, нѣтъ такихъ человѣческихъ страданій и мученій, которыя бы могли еще быть причинены ирландцу. Лишенный собственности, лишенный гражданскихъ правъ, ограниченный въ своихъ правахъ семейныхъ, преслѣдуемый въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, презираемый больше самаго сквернаго животнаго, ирландецъ былъ обреченъ на смерть не только политическую и національную, но можно сказать и физическую. Созерцая положеніе ирландцевъ въ первую половину XVIII стол., можно было думать, что имя этого народа навсегда стерто для будущаго съ скрижалей исторіи. Но вотъ народъ, походившій на трупъ, начинаетъ оживать и снова, сначала робко, потомъ громче и громче заявляетъ свое право на человѣческое существованіе. А если такъ, то значить въ этомъ народѣ оказался такой запасъ жизненной силы, что продолжать предпринятую политику истребленія было бы колоссальнымъ безуміемъ. Одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Англіи Фоксъ сказалъ, что недовольные подданные для государства опаснѣе враговъ. Про ирландцевъ мало было сказать, что они недовольные подданные; они были подданные, которые сочли бы для себя господство краснокожихъ болѣе сноснымъ, чѣмъ господство англичанъ; они ненавидѣли послѣднихъ всею силою ненависти, къ какой только способна человѣческая натура. При такихъ условіяхъ Ирландія могла стать легко для враждебной Англіи державы базисомъ военныхъ дѣйствій противъ

нея, и тогда Англія лишилась бы всёхъ выгодъ своего островнаго положенія, такъ какъ только небольшой каналъ отдѣляетъ ее отъ Ирландіи. Не великодушіе, слѣдовательно, а благоразуміе заставило ее начать дѣлать уступки Ирландіи и отречься отъ политики поработенія и истребленія ирландскаго народа. Съ этого момента, т. е. съ американской войны, начинается обратный ходъ ирландской исторіи. Начался онъ съ ослабленія религіознаго гнета. Сначала возвращены католикамъ гражданскія и семейныя права, отменены одинъ за другимъ всё драконовскіе законы, притѣснившіе паписта, пока наконецъ въ 1829 году имъ не возвратили правъ политическихъ. Теперь спрашивается, каковы были результаты этого вѣковаго преслѣдованія религіозной совѣсти? За 73 года XVIII вѣка обратилось въ протестантизмъ всего на всего 4088 человекъ. Съ 1734 по 1824 годъ, не смотря на всё соблазны и понужденія, которыми сопровождали пребываніе мальчиковъ-католиковъ въ протестантской школѣ, не смотря на большія премія, которыя выдавались ренегатамъ, число таковыхъ не превысило 1100 человекъ. Католическихъ священниковъ ловили какъ волковъ, за нихъ платили 10 фун. ст. наравнѣ съ волчицей, и, не смотря на это, ихъ оказывалось въ половинѣ XVIII вѣка до 3000 чел. Своимъ безкорыстнымъ и мужественнымъ служеніемъ угнетенному народу они приобрѣли на него то громадное вліяніе, какое сказалось во время выборовъ О'Коннели и сказывается еще и теперь. Такимъ образомъ, религіозныя преслѣдованія въ Ирландіи не принесли съ собою ничего, кромѣ массы страданій совершенно безцѣльныхъ, не подвинувшихъ ни на іоту ни прогресса человѣчества, ни прогресса Англіи. Они только лишній разъ служатъ доказательствомъ вреда, приносимаго религіознымъ фанатизмомъ. Путемъ этого долгаго и подобныхъ ему другихъ экспериментовъ человѣчество убѣдилось, что единство политическое вовсе не находится въ тѣсной связи съ единствомъ религіознымъ.

Освободившись отъ религіознаго гнета, Ирландія стремится къ возвращенію политической самобытности и къ освобожденію отъ гнета экономическаго. Что касается перваго вопроса, то онъ на нашихъ глазахъ начинаетъ переходить изъ области стрем-

лений въ область практическаго осуществленія принципа самоуправленія. Такой смыслъ имѣетъ предложенное Гладстономъ образованіе самостоятельнаго ирландскаго парламента. Если прежде отдѣльный ирландскій парламентъ былъ ирландскимъ только по имени, то теперь послѣ эмансипаціи католиковъ и демократической парламентской реформы 1867 г. ирландскій парламентъ будетъ состоять изъ представителей всего ирландскаго народа. Съ другой стороны, если прежде законодательная независимость ирландскаго парламента повлекла за собою возстаніе съ цѣлью отдѣленія отъ Англіи, то это произошло именно потому, что масса ирландскаго населенія не видѣла въ этомъ протестантскомъ и номинально только ирландскомъ парламентѣ средства къ удовлетворенію своихъ интересовъ. Опасенія, что образованіе отдѣльнаго ирландскаго парламента теперь повлечетъ за собою то же, что произошло въ концѣ XVIII столѣтія, есть предразсудокъ, не оправдываемый серьезными основаніями. Между тѣмъ созданіе отдѣльнаго ирландскаго парламента въ концѣ концовъ послужитъ къ успокоенію враждебныхъ чувствъ, развившихся въ Ирландіи по отношенію къ англичанамъ въ силу вѣковыхъ отношеній.

Рядомъ съ политическимъ вопросомъ поставленъ и въ значительной степени разрѣшенъ вопросъ экономическій, или точнѣе — поземельный. Навязывая Ирландіи свое поземельное устройство, англичане поступали такъ, какъ поступилъ бы человекъ, который захотѣлъ бы приказать пчеламъ, чтобы онѣ работали не сообща, а каждая отдѣльно въ своей ячейкѣ вела бы свое медовое хозяйство. Представленія ирландцевъ о поземельной собственности настолько отличны отъ представленій англичанъ, что они, говоря другъ съ другомъ объ этомъ предметѣ, похожи на людей разговаривающихъ на разныхъ языкахъ, для нихъ непонятныхъ. Этимъ объясняется, помимо заинтересованности англійскихъ аристократовъ въ сохраненіи бывшихъ аграрныхъ отношеній въ ихъ неприкосновенности, та медленность, съ которою англичане проводятъ аграрную реформу. Тѣмъ не менѣе однако ясно, что въ послѣднемъ законѣ они усвоили ирландскую точку зрѣнія и до нѣкоторой степени осуществили ее. Но на

этомъ дѣло не можетъ остановиться. Національная вражда между арендаторами и лэндлордами не можетъ прекратиться сразу. Не смотря на исчезновеніе условій, при которыхъ развилась эта вражда, это чувство само стало силою, которая будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не истощится, а запасъ ея созданъ вѣками и не скоро будетъ израсходованъ. Вѣсть съ этой враждою еще и противоположность воарзвнй на отношенія къ землѣ существующая между англичанами и ирландцами, мѣшаетъ имъ дѣйствовать вѣсть и мѣшаетъ осуществиться благимъ намѣреніямъ акта 1881 года. Текуція событія подтверждаютъ этотъ взглядъ. Вотъ въ чемъ заключается разумное основаніе желаній Гладстона выкупить землю у лэндлордовъ и надѣлить ею ирландскихъ арендаторсвъ на началахъ выкупа. Эта мѣра представляется англичанамъ крайне рискованною. Они боятся, что имъ самимъ прійдется заплатить за эту землю; но это опасеніе совершенно напрасно. Если ирландскіе арендаторы столько десятилѣтій выплачивали двойныя и тройныя ренты, то на какомъ основаніи можно думать, что они не захотятъ заплатить умѣренной ренты, въ надеждѣ пріобрѣсти тѣ же земли въ собственности? Но если бы даже англійскому государству съ его громадными богатствами пришлось приплатиться за обнищавшій и обездоленный ирландскій народъ, то это было бы только маленькою расплатою за тотъ колоссальный грабежъ, который произведенъ былъ въ XVII в. Намъ говорятъ, что то было 200 лѣтъ тому назадъ, что это дѣло покрыто давностью... Но для народа нѣтъ давности; его судьбы не развиваются въ теченіе одного человѣческаго поколѣнія, а потому грядущимъ поколѣніямъ всегда приходится развивать или исправлять то, что сдѣлали ихъ предки и, волей неволей, переживать послѣдствія ихъ ошибокъ, а равнымъ образомъ и пользоваться плодами ихъ мудрости. Ужъ если пошелъ вопросъ о давности, то припомнимъ, что она создается спокойнымъ и *безспорнымъ* владѣніемъ. А когда же былъ для Англій хотя одинъ моментъ такого *безспорнаго* и *спокойнаго* владѣнія? Когда же былъ моментъ, когда бы она не слышала со стороны Ирландіи протеста противъ со-

вршеннаго захвата. Такого момента не было. Давность еще не наступила.

По всей вѣроятности идея Гладстона о надѣленіи ирландцевъ землею осуществится, и мы имѣемъ прецедентъ, на основаніи котораго можемъ думать, что эта реформа пойдетъ хорошо. Когда продавались церковныя имущества, то изъ 8032 церковныхъ фермъ 6057 были куплены ирландскими арендаторами. Мы можемъ догадываться даже, что ирландское землевладѣніе, подобно нашему русскому, приметъ общинный характеръ, такъ какъ ирландскій народъ выказалъ во многихъ случаяхъ большія способности къ совокупнымъ усиліямъ и дѣйствіямъ, и, кромѣ того, въ немъ еще не умерла память о его древней общинной организаціи.

Не настаивая на нашихъ догадкахъ, мы обратимъ наше вниманіе на значеніе историческихъ судебъ Ирландіи въ теоретическомъ отношеніи. О религіозномъ вопросѣ не будемъ говорить, такъ какъ едва ли есть еще просвѣщенные люди, которые бы сомнѣвались въ значеніи принципа вѣротерпимости и не осуждали бы религіозныхъ преслѣдованій. Остановимся на національномъ вопросѣ. XIX столѣтіе есть періодъ національныхъ стремленій, и въ настоящее время вопросъ о національности становится въ такое же положеніе, въ какомъ нѣкогда стоялъ вопросъ о вѣроисповѣданіи. Какъ прежде стремились обратить всѣхъ подданныхъ государства въ одну вѣру, такъ теперь господствующая національность въ государствѣ стремится поглотить другія и, оправдывая себя положеніемъ, что политическое единство невозможно безъ единства національнаго, старается искусственно претворить въ себя подчиненную національность, не останавливаясь и передъ насиліемъ. Историческая судьба Ирландіи представляетъ наглядно и тѣту и бесполезность такихъ притязаній. Если народъ живучъ, то господствующая національность не сотретъ его особенности и въ результатъ своихъ усилій претворить его въ себя получить только ненависть и больше ничего. Если, чего можно ожидать, состоится примиреніе между Англіей и Ирландіею, то это будетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что даже враждебныя

національності можуть потушити свою вражду взаємно справедливимъ отношеніємъ и создать прочное политическое цѣлое. Англія съ ея всесвѣтными владѣніями, съ многомилліоннымъ населеніемъ стоитъ наканунѣ образованія громаднaго федеративнаго государства. Въ этой федераціи займетъ свое определенное мѣсто и автономная Ирландія. Осуществленіе федеративнаго принципа въ такомъ громадномъ масштабѣ и въ такомъ старомъ государствѣ, какъ Англія, дастъ огромный толчокъ политическому развитію европейскаго континента, на которомъ съ легкой руки Франціи до сихъ поръ начало централизаціи пользуется громаднымъ и не всегда справедливымъ кредитомъ.

Обращаясь, наконецъ, къ разрѣшенію въ Ирландіи аграрнаго вопроса, нельзя не остановиться на его принципиальномъ значеніи. Англія доселѣ можетъ считаться представительницею не только крупнаго землевладѣнія, но и абсолютной поземельной собственности. Недостатки этого режима не такъ чувствуются англичанами, но несомнѣнно они существуютъ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ агитація теперешняго члена парламента Арча, программа котораго выражена словами: «два акра и корова». Больше чувствуются недостатки поземельныхъ отношеній въ Шотландіи. Въ книгѣ Джорджа о націонализаціи земли *) мои слушатели найдутъ яркія картины, рисующія ненормальность тамошнихъ поземельныхъ отношеній. Разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ Ирландіи несомнѣнно дастъ толчокъ къ реорганизаціи земельныхъ отношеній въ Англіи и тѣмъ самымъ послужитъ началомъ паденія принципа абсолютной поземельной собственности и къ торжеству противоположнаго принципа, по которому владѣніе землей должно находиться подъ контролемъ общественнымъ и подчиняться волѣ общества. Такъ какъ въ концѣ концовъ земля составляетъ основаніе дѣятельности челоуѣка и его жизни, то ясно, что то или другое рѣшеніе вопроса о ней имѣетъ общественное значеніе первостепенной важности.

---

*) Содержаніе этой книги резервировано С. Н. Южаковымъ въ Отеч. Зап. 1884 г., №№ 1 и 2.

Послѣ всего сказаннаго, едва ли мнѣ нужно увѣрить, что я рѣшился бесѣдовать съ Вами объ историческихъ судьбахъ Ирландіи не потому только, что они представляютъ современный интересъ. Это соображеніе было. Но для меня имѣли гораздо большее значеніе тѣ общія начала, которыя связаны съ исторією Ирландіи и на которыя мнѣ хотѣлось обратить ваше вниманіе въ надеждѣ, что они интересуютъ Васъ такъ же, какъ и меня.

Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія:

Шишновъ — Румянцовъ — Славянская каеэдра.

ГЛАВА I.

«Этимологическая» эпоха.

. 1 .

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, въ громкѣй вѣтъ военныхъ споровъ, 21 октября 1783 г., волею знаменитой императрицы, была воззвана къ жизни Россійская Академія.

Академію составили: четыре духовныхъ лица, съ митрополитомъ Гавріиломъ во главѣ, представительнѣйшіе русскіе члены Академіи наукъ и Московскаго университета—знаменитые питомцы лучшихъ заграничныхъ школъ, извѣстные поэты и писатели, нѣсколько сановныхъ лицъ и нѣсколько безличныхъ. Феноменальная княгиня Дашкова, президентъ тогда Академіи наукъ, явилась законнымъ представителемъ и новой Академіи: она была первымъ виновникомъ и единственнымъ ходатаемъ объ учрежденіи ея, какъ прѣвѣтствовалъ княгиню знаменитый академикъ-митрополитъ¹⁾.

---

¹⁾ Въ первомъ торжественномъ собраніи черезъ годъ—25 ноября 1784 года (Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, в. II, 293). Имена провозглашенныхъ академиковъ 21 октября, въ числѣ 34 лицъ, тамъ-же, I, 16—17.

Великое учрежденіе, по мысли державной основательницы, должно было стать для Россіи тѣмъ, чѣмъ была старѣйшая Académie Française для Франціи: средоточіемъ представителей русскаго гениа, импонирующимъ пантеономъ первыхъ людей Русской земли, съ первою національною обязанностью—«вычищать и обогащать руссійское слово» — «толь многихъ языковъ повелителя»¹⁾. Государственное учрежденіе перенимало теперь задачу, разрѣшить которую временами порывались частные люди²⁾.

Возвышенная политическая мысль говорила въ императрицѣ Екатеринѣ—политическое величіе Россіи увѣнчать возвеличеніемъ «многихъ языковъ повелителя» — отечественное слово. Но благородное стремленіе «воздвигнуть храмъ руссійскому слову», выражаясь языкомъ самой Академіи, выходило за предѣлы эпохи: съ высокими чувствами императрицы мало гармонировала проза жизни.

Школы — «первое средство ко всеобщему просвѣщенію», какъ говорили тогда³⁾, только что открывались. Въ знаменитомъ Наказѣ специально препоручалось учить грамотѣ дѣтей; но, не дожидаясь послѣдствій, сама

«Фелица мудрая народъ свой просвѣщаетъ,
Училища въ градахъ и селахъ учреждаетъ»⁴⁾.

Низменные интересы еще давали тонъ національной жизни.

¹⁾ § 2 Устава, собственно, утвержденного доклада Дашковой. Изъ рѣчи Дашковой при открытіи—тамъ-же, I, 50.

²⁾ Образовавшееся въ 1771 г. въ Москвѣ общество при университетѣ изъ людей разныхъ состояній, «Вольное Россійское Собраніе» (словомъ собраніе переводилось тогда слово академія), объявляло, что его цѣль — исправленіе и совершеніе русскаго языка, почему «сочиненіе правильнаго руссійскаго Словари будетъ первый присутствующихъ трудъ». Многие члены этой Вольной Академіи, въ томъ числѣ и Дашкова, вошли въ первый составъ Россійской Академіи, когда она, незадолго предъ тѣмъ, распалась. Тамъ-же, I, 4 и сл.

³⁾ Въ замѣчательномъ по своимъ мыслямъ общемъ уставѣ университетовъ, предполагавшихся къ открытію въ Черниговѣ, Псковѣ и Пензѣ, написанномъ Козодавлевымъ въ 1787 г. и утвержденномъ императрицею. Тамъ-же, VI, 59.

⁴⁾ Изъ мумы того же Козодавлева, тамъ-же, VI, 330. Первыя общественныя и начальныя школы въ Петербургѣ основаны были въ 70-хъ годахъ массонами, при особенно живомъ участіи нѣв. Н. Новикова.

Сама Дашкова должна была считаться съ ними и въ годъ открытія Россійской Академіи повторяла знаменитаго сатирика эпохи Петра, глумясь надъ живучими разсужденіями, что

« . . . . . ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно».

Если не безъ труда можно было открыть Академію наукъ путемъ приглашенія соотвѣтствующихъ дѣятелей изъ-за границы, то для храма національнаго генія пріемъ этотъ былъ закрытъ. Естественно, если несоотвѣтственность силъ національному долгу не долго заставила себя ждать.

Первый составъ Академіи вмѣщалъ въ себя, въ большинствѣ своихъ членовъ, представительныя силы Русской земли, отъ митрополита Гавріила, энергическаго посланника свят. Синода въ Собраніи депутатовъ 1767 года, и до замѣчательнаго историка-публициста Болтина; но самъ высокочтимый историкъ Россійской Академіи признаетъ, что вступили и бездарныя, и педанты ¹⁾. Самый уставъ Академіи, требовавшій отъ соискателей одного знанія русскаго языка (§ 12), открывалъ доступъ любителямъ словесности, «не отличавшихся ни разнообразіемъ, ни глубиной своихъ познаній» ²⁾, и—вторая генерация была уже не похожа на первую, хотя академики наивно вѣрили, что собою они рѣшали предреченіе Ломоносова о русскіихъ Ньютонахъ. Слѣдствія обнаружались скоро.

Черезъ два десятилѣтія храмъ русскаго слова сталъ отставать отъ опережавшаго его свободнаго движенія роднаго языка—не имъ «россійское слово вычищалось», а еще одинъ, другой десятокъ, и Академія была закрыта дѣятельностью частнаго кружка, обогатившаго дѣйствительно отечественное слово. Кружокъ этотъ былъ кружокъ науки; на долю Академіи перепала ученая фантазія.

Къ сожалѣнію, ненаучное отношеніе рано вошло въ Академію. Рано зашла въ нее «этимологія», модное этимологическое теченіе.

Сначала слабое, этимологическое теченіе Академіи не выступало изъ скромныхъ предѣловъ роднаго языка; но, по мѣрѣ ослабленія внутреннихъ силъ Академіи, оно увлекало ее все

¹⁾ Тамъ-же, V, 1.

²⁾ Тамъ-же, I, 181.

дальше и дальше, пока въ безбрежныхъ волнахъ этого теченія сама Академія не потонула.

. 2 .

Чтобы усовершенствовать и возвеличить отечественный языкъ, Академія, согласно уставу, имѣла сочинить грамматику и затѣмъ словарь.

Но Академія благоразумно отклонила на время первую задачу: задача требовала строгой работы, науки, такъ что когда храмъ російскаго слова произнесъ было, но уже въ 1802 г., свое первое научное слово, оно, припоминаетъ знаменитый іерархъ Евгеній, было освидѣано. Академія сосредоточилась на второй задачѣ—словарѣ. Задача эта, нѣсколько механическая, была сподручнѣе; ее давно указала Вольная Академія въ Москвѣ; но соблазнила и слава.

Въковой храмъ Франціи, съ ея именно словарною дѣятельностью, носился предъ глазами ея юнѣйшаго собрата. Но Російская Академія думала оставить позади свой образецъ. «Другіе словесныя академіи, говорили академики, весьма долгое время на сочиненіе словарей своихъ употребляли. Славная Флорентинская Академія де-ла-круска въ сочиненіи словаря препроводила 40 лѣтъ. Но большее еще употребила время Академія Французская»¹⁾. Съ понятнымъ ужасомъ она тотчасъ-же замѣтила, что члены, первоначально принявшіе было на себя трудъ, не могли исполнить своего «благонамѣренія», и поспѣшила открыть «способы къ скорѣйшему преуспѣванію» — избраніемъ новыхъ лицъ—духовныхъ, изъ сословія испытанныхъ труженниковъ²⁾.

Наконецъ, и сама виновница жизни Академіи, императрица, была подвигающимъ примѣровъ для подражанія—открытія именно словарныхъ работъ.

Половина прошлаго и начало нынѣшняго столѣтій, напередъ на западъ, потомъ и у насъ, отмѣчены особенною любовію къ языку. Это была эпоха забавнаго этимологическаго сравненія языковъ цѣлаго міра.

¹⁾ Тамъ-же, II 288.

²⁾ Тамъ-же, I, 267.

Толчекъ въ этомъ направленіи данъ былъ знаменитымъ Лейбницемъ, который даже практическаго Петра Великаго заставилъ заниматься разноязычными текстами молитвы Господней.

Сто лѣтъ назадъ въ рабочемъ кабинетѣ великой женщины облекались въ литературную форму результаты ея досуга отъ государственныхъ дѣлъ, посвященнаго сравненію языковъ міра. Кто не слыхалъ объ этихъ императорскихъ лингвистическихъ опытахъ?

Цѣлый государственный аппаратъ, отъ пышныхъ посольскихъ палатъ и до скромной управы благочинія, по указу заняты наукой—филологіей. Даже политическій и научный другъ императрицы, Дашкова, трунила надъ тратой денегъ на гонцовъ въ отдаленные края, «чтобы поймать на лету нѣсколько словъ на разныхъ языкахъ»¹⁾. Посылка за посылкою летитъ въ столицу; посылки нагоняетъ запись, снятая съ заблудшаго японскаго торгаша—и весь этотъ грузъ словъ наполняетъ комнаты дворца.

Съ любовью разбирается въ словахъ этихъ высокая женщина: въ нихъ находитъ она отвлеченіе отъ тяжелыхъ чувствъ въ минуты душевной скорби — въ нихъ забывается. Императрица заботливо сортируетъ весь этотъ грубый матеріалъ и когда считала свою работу у конца, пригласила натуралиста Палласа для изданія.

Такова въ краткихъ словахъ исторія «Сравнительнаго словаря языковъ всего міра».

Но императрица первой формой своего ученаго труда была неудовлетворена: новыя посылки съ словами прибывали, а авторъ пожелалъ еще видѣть африканскія и американскія нарѣчія. И вотъ, по словамъ современника, императрица приказала «обратить весь Словарь (т. е. первое изданіе) и расположить всѣ сравненныя слова по азбучному порядку»²⁾. Второе изданіе было возложено на извѣстнаго просвѣщеннаго серба изъ Венгріи, Яковича фонъ-Мириѣво, вызваннаго тогда для руководства въ Россіи дѣломъ знакомаго ему народнаго образованія. Старый Словарь и новые матеріалы ученымъ педагогомъ были обработаны быстро: въ 1790 г. вышелъ первый, а въ

¹⁾ Тамъ-же, I, 35.

²⁾ Тамъ-же, VII, 148.

слѣдующемъ остальные три тома «Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположеннаго».

Каждая страница изъ 3 грааѣ, какъ формулярный списокъ: 1-я грааа—данное слово, 2-я—его значеніе, 3-я—его родина. Въ порядкѣ буквъ русской азбуки и въ русскомъ нарядѣ, идетъ слово за словомъ и въ той своей формѣ, въ какую оно случайно облеклось при записи.

Слова, чуждые другъ другу своимъ значеніемъ, составомъ и мѣстожительствомъ, но уличенныя въ случайномъ созвучіи или насильственно гармонируемыя, механически сводятся въ одну семью. Иногда дѣйствительно одно и то-же слово, но выхваченное случайно изъ двухъ-трехъ говоровъ или нарѣчій одного языка, фигурируетъ въ роли представителя отдѣльныхъ языковъ. Такъ словцо да приведено 40 разъ, изъ всевозможныхъ языковъ, со всевозможными значеніями. Съ другой стороны, наше напр. нарѣчіе т и х о отмѣчено четыре раза, въ четырехъ языкахъ: словакомъ, сербскомъ, малороссійскомъ и—с у д а л ь с к о м ъ...

Безспорно, масса труда, но не для науки жатва...

Но если императрица за словаремъ, то естественно, что тотъ же лексическій духъ времени долженъ былъ тронуть и ея Академію.

Въ соревнованіе своей основательницѣ, которая оперировала надъ этимологіей самихъ языковъ всего міра, Россійская Академія, рѣшивши дать словарь русскаго языка, остановилась именно на словарѣ этимологическомъ.

Академія торжественно признавала, что Словарь императрицы «отверзалъ намъ двери къ самымъ сокровеннымъ и первобытнымъ источникамъ онаго» (въ Предисловіи къ первому тому своего Словаря): почему она рѣшила и съ своей стороны принести вкладъ, чрезъ вскрытіе сокровенныхъ сторонъ русскаго языка — «изыскать глубочайшую его древность», какъ пояснялъ непремѣнный секретарь Лепехинъ ¹⁾. Она рѣшила расположить словарь «п о к о р е н н ы м ъ с л о в а м ъ, разсуждая, что такимъ образомъ удобнѣе будетъ опредѣлять словъ и реченій знамено-

¹⁾ Тамъ-же, I, 15.

ванія, когда первообразность, происхожденіе и сложеніе оныхъ, разное ихъ уклоненіе отъ своего корени... въ одномъ мѣстѣ означатся и истолкуются». Трудность задачи не утешала: «замѣчаемыя древнія слова, говорилъ тотъ-же академикъ, хотя на первый случай и неудобъ вразумительными кажушіяся, откроютъ со временемъ обширное поле къ размышленіямъ или объ историческихъ истинахъ, или о древности языка праотцевъ нашихъ»¹⁾. Напротивъ, иной, простой планъ казался для Академіи неакадемическимъ.

Когда Болтинъ, во время долгихъ своихъ кочеваній по Россіи на практикѣ познакомившійся съ нарѣчіями русскаго языка, указывалъ на важность ихъ въ интересѣ именно вычищенія и обогащенія литературнаго языка, предлагалъ для словаря нехитрый азбучный порядокъ, но съ ссылками, и приводилъ въ подтвержденіе примѣръ самой Французской Академіи, сочлены не согласились. Одни наивно говорили, что «у насъ весьма мало такихъ писателей, на которыхъ можно бы сослаться въ употребленіи того или другаго слова, въ томъ или другомъ значеніи». Другіе гордо возражали, что «изъ словаря этимологическаго 60 подъячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь аналогическій (т. е. въ порядкѣ буквъ), а изъ словаря аналогическаго 60 членовъ Россійской Академіи (уставное число) ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря этимологическаго», и ссылались на практику той-же Французской Академіи²⁾.

Такимъ образомъ, «толковый словарь языка словено-россійскаго», какъ назывался въ первое время будущій академическій Словарь, своимъ этимологическимъ, слѣд. теоретико-научнымъ характеромъ имѣлъ открытъ «обширное поле къ размышленіямъ объ историческихъ истинахъ», т. е. о процессѣ образованія языка, «о древности языка праотцевъ нашихъ», т. е. о связи его съ языками міра.

Обширное поле къ размышленію открылось уже при самихъ работахъ надъ словаремъ, и если затрудненія иногда преодолевались, то лишь благодаря присутствію въ Академіи несловесниковъ.

¹⁾ Тамъ-же, XI, 286, 288.

²⁾ Тамъ-же, V, 285, 291, 278. VII, 18.

Немногими единицами располагала русская наука, и эти единицы были главнымъ образомъ въ области точныхъ наукъ. Математика, натуралиста мы встрѣчаемъ при академическихъ работахъ въ роли научнаго этимолога и слависта. Только трезвое напоминаніе съ ихъ стороны сокращало временами порывы со товарищей—быстро отрывать «сокровенные источники» языка.

Академія добиралась до корня слова воскресеніе. Такъ называвшійся «издательскій отрядъ» въ недоумѣніи. Отрывается поле разсужденій.

Авторъ Душеньки, Богдановичъ, «сходитъ въ исторію человѣческаго разума» и находитъ, послѣ долгихъ лжеумствованій, что только слово крещеніе имѣетъ «ощутительное единство» съ воскресеніемъ.

Другой словесникъ, но уже съ нѣкоторымъ авторитетомъ, какъ собиратель рукописей, Мусинъ-Пушкинъ, былъ иного мнѣнія. «Въ древнихъ рукописныхъ церковныхъ книгахъ, выражалъ онъ, вмѣсто воскресъ написано воскрью», почему, по его убѣжденію, искомый корень находится въ глаголѣ кррю, церк.-слав. кррюю. «Что же правильнѣе производить воскресъ отъ кррюю, въ семъ. удостовѣряютъ меня, продолжалъ Пушкинъ, самыя обстоятельства мертвыхъ, ибо оныя предаются землѣ и такимъ образомъ отъ свѣта скрываются¹⁾».

Въ пучинѣ подобныхъ этимологій потерялась бы всякая почва подъ работами академиковъ, если бы не раздавался предостережительный голосъ астронома Румовскаго и натуралиста Лелекина.

Румовскій, усердный вкладчикъ въ Словарь, перебирающій для него Новгородскую лѣтопись, въ данномъ вопросѣ останавливается предъ корнемъ крес въ глаголахъ кресну, крешу; но ихъ нѣтъ на лицо. Какъ же быть? «Мнѣ мнится, указываетъ онъ съ замѣчательнымъ тактомъ, что ихъ самихъ и знаменованія ихъ должно искать въ другихъ, отъ одного и того же корня съ россійскимъ происшедшихъ²⁾». Что говоря это, Румовскій имѣлъ въ виду славянскія нарѣчія, а отнюдь не какую-нибудь классификацію языковъ по указанію вавилонской башни, или даже довольно трезваго Болтина,

¹⁾ Тамъ-же, VII, 44, 158—159.

²⁾ Тамъ-же, II, 144.

который хотя и понималъ значеніе славянскихъ языковъ для русскаго, но училъ, что русскій языкъ есть отрасль сарматской вѣтви языковъ, на равнѣ съ чудскимъ, муромскимъ, венгерскимъ, чувашскимъ и т. д. ¹⁾), ясно изъ другихъ его этимологическихъ сравненій. Въ объясненіе слова въ чѣ Румовскій приводилъ мѣсто изъ Новгородской лѣтописи, что оно обозначало— «собраніе или родъ сейма, какіе видимъ въ казацкихъ обществахъ» и замѣчаетъ: «въ богемскомъ же языкѣ, весьма сходномъ съ славянскимъ (т. е. церковно-), вѣчь называется башня или колокольня» ²⁾). Конечно, справка не вѣрная: астрономъ смѣшалъ два близко звучащихъ слова въ чешскомъ языкѣ (вѣсе, въ старомъ, собраніе и вѣжъ башня); но любопытно несмѣтное представленіе о «богемскомъ» языкѣ, какъ и правильность самаго приѣма—сравненіе однороднаго. Съ полнѣйшимъ правомъ биографъ могъ сказать о знаменитомъ астрономѣ: «онъ сознавалъ необходимость обращаться къ исторіи языка, и для объясненія свойствъ и корней русскаго языка указывалъ на родственные ему языки славянскіе» ³⁾). Но возвращаемся къ судьбѣ корня въ рес въ засѣданіяхъ Академіи.

Фактическую подкладку догадъ Румовскаго предложилъ, правда, не математикъ, но знакомый намъ сотрудникъ импер. Екатерины, сербъ Янковичъ.

«Я, говорилъ въ Академіи Янковичъ, въ разсужденіи слова воскресеніе такого мнѣнія, что оно отъ глагола ресати; ресати собственно значить высѣкать огонь» ⁴⁾). Знаніе роднаго сербскаго языка Янковичу было здѣсь особенно кстати.

Натуралистъ Лепехинъ поддерживалъ основательность приѣма Румовскаго и Янковича. Онъ съ полною откровенностью указывалъ, что Академія, «обязавшись торжественно издавать словопроизводный словарь, меньшему подвергнетъ себя осужденію, заимствуя корень изъ сродныхъ славянскихъ языковъ, нежели ставя слова, ясно сложныя, за коренныя» ⁵⁾). Но эта основательность еще долго оспаривалась, даже съ той

¹⁾ Тамъ-же, V, 252.

²⁾ Тамъ-же, II, 146.

³⁾ Тамъ-же, II, 135.

⁴⁾ Тамъ-же, II, 150.

⁵⁾ Тамъ-же, II, 283.

стороны, которая не одинъ разъ спасала Академію отъ предреченнаго Лепехинымъ осужденія, не допустивъ, напр., вести в оробья отъ глагола бью, какъ настаивали этимологи словеснаго отряда. Мы говоримъ о проникательномъ митрополитѣ Гавриилѣ.

«Производство словъ воскресеніе отъ иллирскаго корня крестъ, говорится въ протоколѣ засѣданія, въ нѣкоторыхъ членахъ возбудило недоумѣніе, и потому собраніе постановило просить разъясненія загадочнаго слова у своего первенствующаго члена». Митрополитъ разъясненіе далъ, только въ смыслъ Богдановича, и съ довольно неожиданнымъ осужденіемъ приѣма Румовскаго и Лепехина.

«Хотя нѣкоторые изъ гг. членовъ происхожденіе слова воскресеніе и выводятъ изъ неизвѣстныхъ въ Россіи началъ, какъ-то отъ иллирическихъ, сербскихъ и другихъ словъ; но сей выводъ, кажется, весьма натянутъ, какъ и произведеніе отъ крою или крью очень далековато. Ближе всего производить можно сіе слово отъ слова крестъ»¹⁾.

Но на этотъ разъ одержалъ верхъ «натянутый» приѣмъ Румовскаго — справляться съ родственными языками. Сторону оппозиціи славянской принялъ въ концѣ и Болтинъ, розыскавъ и въ русскомъ языкѣ, въ поговоркѣ, «загадочный» иллиричeskій корень: «ему на кресу не бывать». Въ текстъ Словаря внесена русская поговорка, съ объясненіемъ изъ иллирическаго слова²⁾.

Если начитанный Болтинъ, успѣвшій провести въ Академію правило—иноязычныя слова замѣнять однозначными «соплеменными» словами изъ языковъ, «отъ словенскаго происходящихъ, каковы суть: польскій, чешскій и подобныя имъ», въ то же самое время на основаніи все той же этимологін могъ додуматься до удивительной генеологін для русскаго языка: онъ родня финскому, шведскому, мадыарскому, но слился съ славянскимъ до поглощенія,

¹⁾ Тамъ-же, I, 128, 132—133.

²⁾ Тамъ-же, V, 291—295. «Иллирическая» распря не прошла безслѣдно въ жизни Академіи. Когда Академія въ 1785 году поручила своему члену, архим. Аполлосу (изъ малоросовъ, студ. Моск. унив.) «въ совершенство привести» свои пробныя грамматическія работы по русско-славянскому языку, то архимандритъ тотчасъ-же взялъ изъ академической библіотеки «грамматику краинскую и кرواتскую». Тамъ-же, I, 220, 232.

оставивъ свой неизгладимый финскій слѣдъ въ полногласіи ¹⁾),—то можно представить себѣ этимологическую подготовку другихъ. Вполнѣ понятно, что и отношенія между *п а м я т ь* и *м н ю*, и *м а ю* и *е м л ю*, все рядъ загадокъ. Когда мимолетный членъ Академіи, когда-то отличенный геттингенскій студентъ, теперь епископъ нижегородскій, Дамаскинъ, для соблазнявшихъ словъ—*п а м я т ь*, *м н ю*, указалъ даже родственный корень въ греческомъ, онъ встрѣтилъ наивное возраженіе: «славяне отъ грековъ заняли только буквы для писанія, а не языкъ свой». Но академикъ не убѣдился въ однокоренности *п а м я т и* и *м н ю* ²⁾). Ёдка критика члена кн. Щербатова этимологическихъ приемовъ Болтина ярче всего обрисовываетъ положеніе этимологическихъ работъ. Болтинъ, сившася заслуженный изслѣдователь русской исторіи, ищетъ не этимологіи, а ладу, т. е. сходства звуковъ, а этимъ путемъ можно дойти до производства *В ѣ ны* отъ русскаго *в ѣ н о*, *Не а по л я* отъ словъ: *с то и т ь н а п о л ь* ³⁾). Дѣйствительно, только теоріей ладу Болтинъ могъ прити къ своей историко-этнографической теоріи объ единствѣ языковъ русскаго и финскихъ.

Русскій историкъ, Болтинъ останавливался надъ крупнѣйшими вопросами исторической этнографіи, пользуясь языкомъ. Онъ видитъ, напримѣръ, сходство многихъ словъ славянскихъ съ латинскими и рѣшаетъ механически, по той же теоріи «ладу», что въ глубокой древности члены славянскаго племени переселились въ Италію и смѣшались съ туземцами ⁴⁾).

Но иначе тотъ же вопросъ рѣшалъ тогда же другой русскій историкъ, но профессоръ—Чеботаревъ, въ Москвѣ. Онъ указывалъ своимъ слушателямъ на единство происхожденія славянъ, латинянъ, грековъ и иѣицевъ—не по тому, что, выража-

¹⁾ Тамъ-же, V, 284, 255.

²⁾ Тамъ-же, I, 182, III, 164, I, 183.

³⁾ Тамъ-же, V, 248.

⁴⁾ Тамъ-же, V, 252. Нѣсколько раньше, около 1772 г., епископъ Дамаскинъ, тогда студентъ Геттингенскаго университета, дѣлалъ ученый докладъ въ геттингенскомъ институтѣ историческихъ наукъ: «О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ». Къ сожалѣнію, только сохранилось одно заглавіе. Насколько позволеть судить заглавіе, будущій епископъ не основывался на этимологіи.

ясь языкомъ Болтина, они «на одномъ солнцѣ онучи сушили», но въ силу общаго родства ихъ языковъ ¹⁾).

Тутъ сказалась разница между любителемъ науки, а любителями были словесники Академіи, и человекомъ съ научной подготовкой.

Тоже отношеніе было между научными замѣчаніями Румовскаго, Лепехина, еп. Дамаскина и умозрительными соображеніями ихъ оппонентовъ, то объ «ощутительномъ единствѣ» явленій разнородныхъ, то о невозможности согласія явленій, дѣйствительно согласныхъ.

. 3 .

Замѣчательныя указанія Румовскаго, Лепехина, епископа Дамаскина требовали науки, знанія. Въ своей заботѣ о вѣрности освѣщенія, правильности приемовъ, они какъ-бы повторяли завѣтъ свят. Дмитрія Ростовскаго, что «не вдругъ храмина создается, ниже вдругъ книга сочиняется».

Но методическія указанія астронома и натуралиста о значеніи славяноизученія для академическихъ работъ препоручали кропотливый, медленный трудъ, тогда какъ свободная этимологія и легка, и соблазнительна, и любительскіе приемы въ стилѣ Богдановича не оставили Академіи.

Вполнѣ справедливо, что отношеніе славянскихъ языковъ было не выяснено, что самыя приемы сравненія были неудовлетворительны: но если указанія этой связи и самихъ приемовъ могли выйти отъ астронома и натуралиста, то тѣмъ естественнѣе ожидать ихъ отъ специалистовъ и вообще словесниковъ. Но вмѣсто того со стороны ихъ мы находимъ недоувѣріе и предпочтеніе наивной этимологіи, осмѣянной кн. Щербатова, указаніямъ науки. Самая насильщика кн. Щербатова свидѣтельствуетъ о возможности иного выбора, иного пути.

А между тѣмъ новыя обстоятельства какъ нельзя болѣе поспособствовали утвержденію Академіи въ ея этимологическихъ помыслахъ, въ ея заблужденіи.

¹⁾ См. ниже, главу II.

Эти обстоятельства—замѣщеніе гн. Дашковой безвѣстнымъ Бакунинымъ, при общемъ ослабленіи силъ, и одновременное появленіе въ Академіи этимолога съ рѣдкой энергіей и трудолюбіемъ—Александра Семеновича Шишкова.

16 декабря 1796 года, спустя мѣсяць съ небольшимъ по кончинѣ императрицы Екатерины, новый президентъ Академіи, Бакунинъ, предложилъ въ сочлены Шишкова—«въ уваженіе похвальныхъ опытовъ въ російскомъ словѣ». Эти опыты нашли уже раннее одобреніе у цесаревича, да и имя Шишкова было давно пріятно въ Гатчинѣ¹⁾.

Фантастъ, до глубины души убѣжденный, что въ работахъ по языку фантазія—настоящій ключъ науки, новый членъ явился въ Академію, какъ бы предназначенный, чтобы этимологическому направленію не только не позволить изсягнуть, но болѣе усилить его и утвердить.

Текущія-же академическія работы, ничтожныя по своему характеру, были не въ состояніи оказать какого либо противодѣйствія.

Довольно знакомый съ Академіей и ея дѣятелями, въ періодъ своей петербургской жизни, ученѣйшій іерархъ того времени, Евгеній Болховитиновъ, викарій старорусскій, въ апрѣлѣ 1805 года писалъ изъ Новгорода своему другу Хвостову (члену Академіи), въ отвѣтъ на его домогательство, чтобы въ приготовляемомъ Евгеніемъ Словарѣ русскихъ писателей не были опущены академики: «вы распинаетесь за Російскую Академію и, какъ примѣтно, желали бы даже помѣстить ее въ числѣ писателей, хотя между членами ея весьма многіе совершенные трутни». Но, какъ бы снисходя къ просьбѣ, Евгеній продолжаетъ: «пришлите, пожалуйста, мнѣ полный списокъ всѣхъ умершихъ и живыхъ ея членовъ, дабы я самъ могъ титулы ихъ вставлять въ свои статьи»²⁾.

Евгеній мѣтко подчеркнул достоинство многихъ академиковъ.

Отдавая въ томъ-же письмѣ отчетъ объ академическихъ изданіяхъ, выражавшихся главнымъ образомъ въ переводахъ

¹⁾ Ср. Записки, мѣтнія и переписка адм. Шишкова, изд. Киселева и Ю. Самарина, Прага, 1870, I, 4—9. Ниже сокращено: Записки и пр.

²⁾ Сборникъ статей отд. рус. яз. и слов. имп. А. Н., V, 1, стр. 118.

съ французскаго, не исключая и дѣтскихъ книгъ, Евгений смѣется надъ ними—въ виду слабого знанія языка: «такъ-то переводитъ Академія Россійская, думающая быть учительницею въ Россійской словесности», и тутъ-же пояснительно припоминаетъ, что и грамматика Россійской Академіи (1802 г.) «освѣстана» была въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина ¹⁾).

Шишковъ, сначала членъ, а позже, въ теченіе трехъ десятилѣтій, и президентъ Академіи, поглотилъ своею безбрежною этимологическою дѣятельностью всю Академію, принявъ въ себя всѣ ея раннія увлеченія, безъ возраженія повелъ ее за собою, а съ собою увлекъ и въ могилу. Въ 1841 г. умеръ Шишковъ, и тогда-же было закрыто высокое учрежденіе импер. Екатерины, на которое возлагалось когда-то столько надеждъ.

Практически знакомый со многими европейскими языками, практически знавшій и языкъ русской церкви и народа, Шишковъ въ молодости не безъ успѣха дебютировалъ на литературномъ поприщѣ. Его переводные рассказы въ «Дѣтской библіотекѣ» Н. Новикова (М., 1785—89) читались многими поколѣніями русскихъ дѣтей, и стихи тамъ Шишкова — «Хоть весною и тепленько...» знаетъ каждый, кто училъ грамматику Востокова. По свидѣтельству извѣстнаго писателя-современника, И. И. Дмитриева, языкъ Шишкова отличался въ началѣ своею плавностью. Но позже, въ 90-хъ годахъ, явились «славянофилы»: Поповъ, Захаровъ (членъ Академіи), съ невѣроятною вычурнымъ, архаистическимъ языкомъ, и къ нимъ-то применилъ Шишковъ ²⁾). Готовымъ «славянофиломъ» явился онъ въ Академію.

Съ литературнымъ именемъ, съ извѣстнымъ запасомъ разнохарактернаго знанія, энергическій, привыкшій къ труду, съ полною любовью къ этимологіи, какъ это видно изъ его прिवѣтственнаго обращенія къ Востокову въ 1820 году, Шишковъ въ Академіи президента Нартова встрѣтилъ, за немногими исключеніями, одну посредственность. Мы не говоримъ о высокихъ членахъ, державшихъ себя въ сторонѣ отъ жизни Академіи, болѣе номинальныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ. «Подавляемый забѣгамъ воображенія» (примѣняя слова изв. Мордвинова о Сперанскомъ), не встрѣчая возраженія, Шишковъ мало по малу привыкъ раз-

¹⁾ Тамъ-же, 119.

²⁾ И. И. Дмитриевъ, Записки, М., 1866, стр. 85.

считать свои личные своевольные домыслы, политико-литературные, научные, какъ догму. Не трудно было ему затѣмъ всякое несогласіе съ своимъ образомъ мыслей уравнивать протесту противъ закона, нравственности и пр., и пр. Самолюбіе, съ его спутниками, было естественнымъ послѣдствіемъ.

Извѣстна страстная атака Шишкова противъ реформаторской дѣятельности Карамзина въ литературѣ и, особенно, въ языкѣ: Карамзинъ, по убѣжденію Шишкова, былъ опаснымъ мутителемъ общественнаго спокойствія, такъ какъ онъ отводилъ общество съ его нормальнаго пути, упраздняя «славянофильство» Академіи, Поповыхъ, Захаровыхъ, въ строгомъ различеніи языка русскаго народа и историческаго языка его церкви, смѣясь надъ «големами претолковниками, иже отрѣваютъ все еже есть русское и блещаютъ блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія». Но Карамзинъ не подозрѣвалъ, какъ сами представители «славяномудрія» были слабы въ настоящемъ званіи своего предмета.

Но еще рельефнѣе сказалась самолюбивая и страстная натура Шишкова, когда онъ, единственный разъ въ жизни, встрѣтилъ отъ сочленовъ по Академіи возраженіе. Эти оппоненты были изъ духовныхъ, слѣдов. изъ тѣхъ, что держали себя въ сторонѣ. Достаточно было одного справедливаго отъ нихъ замѣчанія о недостаточномъ пониманіи языка церкви имъ самимъ, и поднялась буря. Но это столкновеніе было первое и единственное.

Въ 1808 г. Шишковъ приготовлялъ къ изданію словарь неясныхъ словъ церковнаго языка.

Немногіе духовные члены Академіи замѣтили въ листахъ Словаря крупныя несообразности и высказались, весьма умѣренно, что съ текстомъ священнаго писанія слѣдуетъ обращаться осторожно и не дѣлать этимологическихъ толкованій, напр. изъ простой описки брашна въ браша сочинять невозможный глаголъ брашнати. Шишковъ увидѣлъ одно личное оскорбленіе и разразился потоками словъ, но, какъ всегда, никакого отношенія не имѣющихъ къ дѣлу. «Не защищаютъ Священнаго писанія, возражалъ Шишковъ, отъ того, кто весь свой умъ обращаетъ на прославленіе его; вездѣ съ великимъ жаромъ и усердіемъ возстаю я противъ забвенія славенскаго языка, который одинъ есть незыблемое основаніе вѣры нашей. Въместо

того чтобы вопіять противъ меня и марать мое имя и честь, не лучше ли было подать мнѣ съ кротостью благіе совѣты?...

Съ своеобразной логикой, съ умомъ, который постоянно подавлялся чувствомъ, Шишковъ въ своей защитѣ замѣтитъ не могъ странности своего положенія — говорить учителямъ вѣры объ основаніяхъ вѣры, и говорить такъ неудачно — объ языкѣ, какъ основанія вѣры. Отсюда одинъ шагъ — къ обвиненію духовныхъ оппонентовъ, аналогическому съ обвиненіемъ Карамзина.

Въ заключеніе своей апологіи Шишковъ апеллируетъ «предъ судію справедливаго — предъ ученый свѣтъ», какъ будто было еще мѣсто сомнѣнію, что злополучный глаголъ б р а ш н а т и не возможенъ ¹⁾).

Но ученый свѣтъ давно разсудилъ: онъ признавалъ всегда въ Шишковѣ жаръ и усердіе многое...

2-го апрѣля 1813 года умеръ безвѣстный президентъ Россійской Академіи, А. А. Нартовъ. Извѣстіе это застало Государя въ Силезіи. Шишковъ, находившійся тогда при особѣ императора съ званіемъ государственнаго секретаря, предложилъ себя въ преемники, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе.

Въ концѣ іюня новый президентъ свернулъ въ Прагу. Онъ помѣстился было среди блестящаго двора, но вскорѣ оставилъ Прагу, не позабывши впрочемъ надъ именемъ города произвести невозможную этимологию: Прага значить обитаніе. Но уже послѣ кульмской битвы, слѣдов. въ концѣ августа, Шишковъ отпросился снова въ «обитаніе», гдѣ и пробылъ около полутора мѣсяца.

Тогда произошла любопытная встрѣча двухъ стариковъ - сверстниковъ: русскаго президента, мнившаго въ себѣ воплощеніе всей науки о славянскомъ языкѣ, и скромнаго чешскаго аббата, великана науки, но благодушно приѣмлющаго и всякія наставленія — Шишкова и Добровскаго.

Одинъ и другой записали свои впечатлѣнія объ этой встрѣчѣ. Президентъ съ высока посматрѣлъ на великаго учителя

---

¹⁾ Записки и пр. II, 32—42. О «славянскомъ» языкѣ, какъ догматическомъ основаніи, Шишковъ не пересталъ толковать и позже — въ борьбѣ съ карамзинистами. Но гл. б р а ш н а т и онъ выпустилъ при второмъ изданіи Словаря, въ II ч. «Собраніи сочиненій».

науки и великаго славянина. «Иногда, пишетъ Шишковъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, хаживалъ ко мнѣ здѣшній ученый, дозволено по сочиненіямъ своимъ извѣстный, аббатъ Добровскій, съ которымъ провождали мы время въ разговорахъ о славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ»¹⁾).

Сколько милостиваго снисхожденія въ самомъ тонѣ этихъ воспоминаній!

Но о характерѣ самыхъ «славенскихъ» разговоровъ дастъ поясненіе самъ Добровскій, въ письмахъ къ своему талантливому ученику и другу въ Вѣнѣ, хорутанцу Бартоломею Копитару.

Замѣтимъ, что, предварительно личнаго знакомства, оба старика заочно познакомились нѣсколько раньше, чрезъ посредство извѣстнаго нѣмецкаго эмигранта Штейна, тогда съ могущественнымъ вліяніемъ въ русской квартирѣ. «Министръ Штейнъ, писалъ Добровскій Копитару 2-го іюня 1813 г., затребовалъ мой Entwurf для президента Россійской Академіи. Онъ желаетъ насъ познакомить другъ съ другомъ. Уважаю автора объясненій къ Слову о полку Игоревѣ»²⁾).

Изъ дальнѣйшей переписки Добровскаго явствуетъ, что встрѣча у него съ Шишковымъ была и лѣтомъ, и осенью 1813 года.

«Вчера, пишетъ Добровскій Копитару 22 іюня, прибылъ въ Прагу Шишковъ... Достойный старецъ, знатокъ своего и особенно старославянскаго языковъ. Собирается снова издать академическій Словарь. Онъ изложилъ свои мысли и просилъ высказать свои. Общаго образованія (humaniora), какъ обыкновенно, подобнымъ людямъ не достаетъ, и трудно съ ними говорить объ основныхъ положеніяхъ науки. Едва я ему могъ дать понять, что свинецъ надо производить отъ глагола сви ну. Онъ все въ головѣ имѣлъ си ній. Аппендини»³⁾ пришлось бы

¹⁾ Тамъ-же, I, 220—221.

²⁾ Т. е. Шишкова. Подъ Entwurfомъ Добровскій разумѣетъ только что вышедшій трудъ свой: «Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slav. Sprachen», Prag, 1813. О впечатлѣніи, которое произвѣлъ этотъ замѣчательный опытъ рациональной этимологіи славянскихъ языковъ на этимолога-президента, сейчасъ ниже.

³⁾ Современный этимологъ во вкусъ Шишкова у далматинскихъ сербовъ. — Замѣтимъ, что и Добровскій былъ не правъ въ этимологіи слова свинецъ: оно идетъ отъ слова сви н ѣ я.

ему какъ разъ по сердцу, и онъ пожелалъ достать его труды. О моемъ же Епѣврѣ онъ могъ только мычать».

Копитаръ отвѣчалъ поздравленіемъ съ новымъ знакомствомъ и предлагалъ Шишкову себя въ поставщики славянскихъ книгъ, въ посредники между Западомъ и Востокомъ.

Но весь Шишковъ, со всею непосредственностью своихъ сужденій, вылился въ осеннихъ бесѣдахъ съ Добровскимъ

Надо замѣтить, что заходящее и восходящее свѣтила славяновѣдѣнія у западныхъ славянъ, Добровскій и Копитаръ, уже много лѣтъ дебатировали объ общей азбукѣ для своихъ, но никакъ не могли столковаться.

По видимому, пустой вопросъ—о знакахъ азбуки, онъ былъ жизненнымъ для западныхъ славянъ того времени. Что ни нарѣчіе, то свои знаки, особая азбука—настоящее столпотвореніе вавилонское. Развитие западныхъ славянъ, гарантію ихъ совместнаго съ культурными народами существованія, Копитаръ, не безъ основанія, видѣлъ въ общей, разумной азбукѣ.

Но какъ другимъ всегда помогать легче, то Копитаръ, нашептывая изв. даровитому сербу, Вуку Караджичу, полезность, въ видахъ разьединенія сербовъ и русскихъ, реформы кирилловской азбуки чрезъ внесеніе въ нее й оты, самъ могъ только взывать къ Добровскому—«будь вторымъ Кирилломъ». Добровскій сомнѣвался въ возможности достиженія общей азбуки для западныхъ славянъ, при ихъ исторической разрозненности, при грубости, косности массы, и Копитаръ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что хотя Австрія на ²/₃ славянская, но славяне до нельзя жалки: «почему бы, говорилъ онъ, не скмандовать по-русски инъ—с т у ц а й!»...

Но этой команды ждать долго не пришлось: это «ступай», но не безъ ужаса, услышалъ Добровскій изъ устъ Шишкова.

8-го октября Добровскій сообщаетъ вѣнскому другу про свою азбучную бесѣду съ Шишковымъ.

Чешскій славистъ, какъ видно, объяснялъ трудность введенія общей азбуки у славянъ. «Шишковъ, пишетъ Добровскій, не много рассуждая, замѣтилъ на это: да что за охота вамъ ломать себѣ головы—возьмите нашу азбуку!» На возраженіе аббата, что вѣдь нѣкоторые русскіе и сами бы не прочь отъ латинской азбуки, Шишковъ отвѣчалъ: «такимъ русскимъ слѣ-

дуетъ снять голову чрезъ палача—это денаціонализуетъ народѣ въ послѣдствіи»...

«Прошу же бесѣдовать съ такими головоснимателями», заключалъ письмо Добровскій ¹⁾.

Но познакомимся нѣсколько ближе съ самою наукою Шишкова, который лишь снисходительнаго вниманія могъ удостоить Добровскаго.

.4.

Для чешскаго старца, Добровскаго, строгая, научная этимология, та наука, которая служитъ не къ забавѣ, не къ удовлетворенію празднаго любопытства, но къ объясненію происхожденія языка и къ открытію арсенала непререкаемыхъ свѣдѣній для ранней исторіи человѣческаго общества, не была книгой за семью печатями. Но уже полнымъ хозяиномъ онъ былъ въ своей спеціальной области славянской. Можно сказать, что канонъ интересовъ современнаго славяновѣдѣнія являлся предъ гениальнымъ Добровскимъ уже въ ясныхъ очертаніяхъ; однѣ задачи были имъ рѣшены, другія—поставлены. Съ его глубокимъ и разностороннимъ знаніемъ гармонировалъ его научный методъ въ работахъ—всегда критическое отношеніе къ вопросу, сухой, но точный, анализъ.

Мы упоминали выше, что этимология увлекала людей XVIII и начала XIX стол.

Глубокій знатокъ языковъ, съ еврейскимъ включительно, на порогѣ смерти ѣдущій въ Лужицы пополнять свои свѣдѣнія по лужицкому языку, повторяя, что «старикъ Шлецеръ не сты-

---

¹⁾ Письма Добровскаго и Капитара, изд. ак. Ягича, Слб. 1885, стр. 340, 353—354, 355, 201, 142, 360—361. Объ азбучныхъ дебатахъ особенно стр. 107—108. Добровскій рисуеъъ въмическое засѣданіе славянскихъ депутатовъ въ азбучномъ парламентѣ. Сначала кириллицу защищаютъ упорно, но засимъ сдаются. Но тогда новые дебаты о недостаточности латинской азбуки, сыпятся цѣлые в о р о х а проэктовъ и пр., и пр.—Трудомъ ак. Ягича, богатимъ источникомъ для исторіи западнаго славяновѣдѣнія первой четверти нашего столѣтія, намъ придется пользоваться особенно часто при изложеніи настоящей статьи; ниже мы указываемъ на него сокращенно: Письма Добровскаго.

дился учиться»¹⁾, Добровскій не могъ не быть и этимологомъ. И дѣйствительно, къ нему, какъ въ справочную книгу, обращаются всѣ, съ Копитаромъ во главѣ, за поученіемъ, помня и его филологическія работы еще 70-хъ годовъ²⁾, и его позднѣйшій «Планъ».

Значеніе этимологическихъ поисковъ для разрѣшенія труднѣйшихъ историческихъ проблемъ, какъ напр. о происхожденіи отдѣльныхъ народовъ, ясно сознавалось Добровскимъ; но онъ указывалъ, что чѣмъ сложнѣе вопросъ, тѣмъ осмотрительнѣе должны вестись самые поиски. Съ сердечнымъ сожалѣніемъ относился онъ къ каждой этимологической работѣ, гдѣ выводы не отвѣчали наличнымъ даннымъ. «Я, говорилъ онъ объ изв. книгѣ Гаттерера, ведшей славянъ отъ загадочныхъ даковъ, много строже докажу, что славяне—индійцы. Но еще лучше—проведу ихъ отъ вавилонскаго столпотворенія... Какъ-же жалко все это»!...³⁾.

Предварительно этимологическихъ поисковъ въ исторіи, онъ требовалъ выполненія одного, весьма существеннаго, условія: опредѣленія культурныхъ займовъ, напр., въ славянскихъ языкахъ изъ языковъ другихъ. «Весьма поучительно, говорилъ онъ, точнѣе оглядѣть этихъ гостей — изъ какихъ странъ они пожаловали»⁴⁾.

Надъ современными этимологами отъ фантазіи, которые Нептуна толковали изъ славянскаго не-потону, Добровскій, какъ и кн. Щербатово, отъ души хохоталъ. «Навѣрное, пишетъ онъ о приемахъ серба Аппендлнн, Pluto будетъ объясненъ изъ славянскаго. Жаль, что Адама я не вывожу изъ чешскаго а-дамъ»⁵⁾.

Но если это воплощеніе трезвости ума, этотъ врагъ этимологической фантазіи, соблазнительности созвучія или сближенія

¹⁾ Письма Добровскаго, стр. 23.

²⁾ Характеристика работъ великаго учителя изъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія дана въ содержательномъ и образцово написанномъ трудѣ г. В. Брандля: «Život Dobrovského», Врно 1884. Тяжелос, хотя и трудолюбивое, изложеніе содержанія работъ Добровскаго того-же времени въ книгѣ г. Снегирева: «Аббатъ Добровскій», Казань 1884.

³⁾ Письма Добровскаго, 120.

⁴⁾ Тамъ-же, 117. Ср. 78, 118.

⁵⁾ Тамъ-же, 265.

значеній, и самъ не всегда могъ уберечься отъ этимологическаго грѣха, ведя напр. слово грѣхъ отъ слова гора и отвергая его дѣйствительное происхожденіе отъ гл. градъ, а слово море сближая съ гл. мою: то это только осязательнѣе свидѣтельствуеть о томъ, какъ не легка была та область изслѣдованія, въ которую такъ смѣло вступали люди XVIII вѣка и—нашъ Шишковъ. Вполнѣ естественно, если въ этимологическихъ опытахъ ученика Добровскаго—Копитара, еще болѣе описокъ мысли, не смотря на всю остроту и проникаемость ума его, обширность образованія ¹⁾).

Знаменитый изслѣдователь языковъ, философъ и дипломатъ, Вильг. Гумбольдтъ, сказалъ о Добровскомъ, по поводу его чешской грамматики: «такъ глубоко не шла еще ни одна грамматика». Но тоже удивленіе справедливо вызывается и всею наукою Добровскаго.

Въ сознаніи Добровскаго уже ясно помѣщались языкъ только-что открытыхъ индусовъ, языки Литвы, нѣмецкій, албанскій, не говоря о классическихъ и славянскихъ, какъ члены одной семьи, правильно намѣчалась и особенная взаимная близость нѣкоторыхъ изъ нихъ, принятая позднѣйшею наукою ²⁾).

Еще отчетливѣе представлялась частная семья славянскихъ языковъ, отношенія ея членовъ между собой.

Языкъ нашей Славянской церкви—для Добровскаго несомнѣнно живой языкъ известнаго племени и времени, не болѣе (онъ родину его искалъ на югѣ, за Дунаемъ, хотя его проникаемый ученикъ былъ ближе къ истинѣ, полагая ее на среднемъ Дунаѣ), что только съ вѣками онъ подвергался особой легитимациі, то здѣсь, то тамъ, но тѣмъ не менѣе его грамматическій организмъ — типъ для всѣхъ другихъ языковъ-братьевъ ³⁾).

¹⁾ Ср. тамъ-же, стр. 443, гдѣ Копитаръ бога ведетъ отъ бѣгу; стр. 91, гдѣ хорут. *šednost* уравнивается чешскому *stnost* и др.

²⁾ «Славяне суть славяне, а по языку ближайшее родство у нихъ съ литовцами» (тамъ-же, стр. 119). Двойная форма склоненія именъ прилагательныхъ отиѣчается, какъ особая черта славянскаго, литовскаго и готскаго языковъ (122). Единство глагольныхъ суффиксовъ въ славянскомъ, греческомъ и латинскомъ (268) и др.

³⁾ Тамъ-же, стр. 158, 316.

Словно этнографъ нашего времени, Добровскій уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, недовольный извѣстнымъ историческимъ словаремъ польскаго языка Линде, помимо невозможныхъ этимологическихъ экскурсій, и исполнотой его, рекомендуетъ автору воспользоваться данными изъ народныхъ говоровъ¹⁾, въ внимательномъ изученіи которыхъ онъ всегда полагалъ особенную важность. «Хорошо-бы, пишетъ онъ своему хорутанцу Копитару по поводу затѣвавшагося словаря хорутанскаго языка — начать такъ: брать у простаго человѣка слова прямо изъ устъ», и негодовалъ на тѣхъ, которые предписываютъ правила языку, вмѣсто того чтобы учиться у него²⁾.

Это детальное этнографическое изученіе нарѣчій, говоровъ на пространствѣ славянской земли разсматривалъ Добровскій, какъ базу для выведенія классификаціи славянскихъ языковъ, которая наконецъ и предложена была имъ, вылившись (на пути, въ колясѣ) въ изв. систему двухъ порядковъ: славянскихъ языковъ Сѣверо-Запада и Юго-Востока. Отъ его глубоко проницательнаго взгляда не ушли и тѣ многозначительныя явленія въ организмѣ славянскихъ языковъ, которыя позже наука пыталась положить въ основу классификаціи ихъ — отношенія фонемъ ч и ѣ и морфемъ городъ — градъ. «Это — настоящая догма славянскихъ языковъ», говорилъ онъ. Но единичное звуковое явленіе считалъ онъ недостаточнымъ для объясненія развитія всей совокупности этихъ языковъ³⁾.

Не мѣсто говорить здѣсь о глубокомъ пониманіи Добровскимъ вопросовъ изъ области реальныхъ предметовъ славяновѣдѣнія: исторіи, исторической этнографіи; о его научныхъ планахъ, напр. путешествія на Аеоны; о его высокомъ политическомъ разумѣніи, указывавшемъ ему прозрѣвать въ Австріи злѣйшаго врага славянъ, о его горячей любви къ нашему языку, о его благородныхъ грезахъ, когда-де славяне заживутъ свободно подъ сѣнію Россіи...

Такъ велика и содержательна была наука «довольно из-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 640.

²⁾ Тамъ-же, стр. 188, 316.

³⁾ Тамъ-же, стр. 110, 326.

вѣстнаго чешскаго ученаго» (по снисходительной аттестациі Шишкова)—Добровскаго.

А наука Шишкова?...

5.

Съ практическимъ знаніемъ современнаго славянскаго языка церкви, но безъ знанія живыхъ славянскихъ языковъ¹⁾, любитель Славянства, но безъ сколько нибудь яснаго представленія о немъ, о его прошломъ и настоящемъ, Шишковъ видѣлъ въ себѣ самаго компетентнаго судію въ славянской наукѣ. Безъ соотвѣтствующей научной подготовки, даже безъ humaniora, какъ вѣрно подмѣтилъ Добровскій, Шишковъ видѣлъ въ себѣ единаго знатока и науки о языкѣ.

Наука Шишкова проявлялась въ двухъ образахъ: въ фантастической теоріи происхожденія языка нашей церкви и въ такого-же рода операціяхъ по этимологіи, о которыхъ напередъ справедливо сказать его-же словами: «скорѣе можно въ океанѣ всѣ камни и мели ощупать, нежели въ нихъ отыскать»—смыслъ...

Въ вопросахъ по церковно-славянскому языку Добровскій основывался на старѣйшихъ церковныхъ книгахъ, рукописяхъ, знакомый даже нѣсколько съ рукописями Синодальной библіотеки—во время поѣздки своей въ Россію въ 1792 году²⁾, на изученіи происхожденія и варіацій славянскаго перевода священныхъ

¹⁾ Шишковъ пишетъ напр. Вугъ, хотя сербскій словарь Вук а былъ у него въ рукахъ, Мацарскій (Записки и пр. II 373, 407); знаменитую сербскую пѣсню «Плачь Ассанъ-беговицы», переведенную самимъ Гёте, переводить съ французскаго, знаетъ чехскую королеву (II, 397), а если любовно и долго занимается загадочными чешскими произведеніями, какъ Любушницъ Судъ и Браловедворская рукопись, то скорѣй всего по тому, что они, и безъ знанія языка подлинника, довольно доступны русскому читателю. Для своего славянскаго чувства Шишковъ былъ безъ объекта: за то въ устахъ его были постоянно славяне. Въ редактированныхъ Шишковымъ высочайшихъ приказахъ и манифестахъ 12 года всегда поматуются славяне. Такъ, первый приказъ отъ 13 іюля зананчивался: «въ нихъ (т. е. вождяхъ и воинахъ) издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ». А первые вожди были: Барилей де Толли, Витгенштейнъ, Багратионъ.

²⁾ Ср. Письма, 664.

книгъ. Шишковъ же — на усердномъ чтеніи современныхъ печатныхъ церковныхъ книгъ русскихъ, четыи-миней и пр.

Для Добровскаго языкъ св. Кирилла и организованной имъ церкви — одно изъ нарѣчій славянскихъ. Сбивчивость понятій и изложенія, общая черта всѣхъ разсужденій Шишкова, въ слѣдствіе недостаточности анализа и научной подготовки, является и въ этомъ вопросѣ, по видимому, столь близко усвоенномъ имъ. Для Шишкова церковно-славянскій языкъ — то только высшій слогъ русскаго языка, съ нѣкоторою долею старины, то «коренной языкъ нашего», то источникъ всѣхъ другихъ ¹⁾. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ наслѣдовалъ теорію Болтина о «поглощеніи». Въ убѣжденіи своей правоты, самоиначій Шишковъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ и даже въ 1820 г. серьезно поучалъ одного своего шведскаго корреспондента: «я славенскій и русскій языкъ не раздѣляю, какъ то многіе другіе дѣлаютъ» ²⁾. Ясно, мѣтилъ въ Добровскаго.

«Разсужденія о словенскомъ языкѣ» Востокова (явилось въ 1820 году), Шишковъ не въ состояніи былъ понять; онъ все пѣлъ старую пѣсню. «Необдуманное — говоритъ онъ — раздѣленіе языка на славенскій и русскій произошло отъ неопредѣленности слова славенскій. Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа, назвавшася славянами; но не ужъ ли народъ сей до принятія сего имени былъ нѣмой, безъязычный? Не ужъ ли съ того времени сталъ имѣть языкъ или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли, но знаемъ, что по раздѣленіи сего народа на русскихъ, поляковъ, чеховъ, илліріянъ и пр., и языкъ ихъ сталъ называться по ихъ именамъ, русскій, польскій и пр. При всѣхъ сихъ именахъ, онъ былъ и есть одинъ и тотъ же, общій всѣмъ. Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ болѣе или менѣе измѣняется и получаетъ имя нарѣчій. Польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть на-

¹⁾ Записки и пр. I, 38 (II, 18, 26, 32), II, 4, 39.

²⁾ Тамъ-же, II, 386.

рѣчіе славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія» ¹⁾).

Не будемъ входить въ указаніе противорѣчій. Ясно одно: Шишковъ требовалъ вѣры одному себѣ, своей догмѣ о русскомъ языкѣ, а между тѣмъ малѣйшая справка у него съ дѣйствительностью выдавала его немощь ²⁾).

Но этого было мало.

Въ своихъ размышленіяхъ надъ «славенскимъ» языкомъ Шишковъ дошелъ наконецъ до того, что уже всѣ языки стали сливаться въ туманномъ образѣ «славенскаго», и онъ не шутилъ наставлялъ Эдинбургскій университетъ и Royal Society, что языки англійскій и славянскіе, какъ и всѣ языки, дѣти одного Адама, и, конечно, славянина ³⁾).

Оба старца, и католикъ Добровскій, и православный Шишковъ, съ одинаковымъ чувствомъ благоговѣнія относились къ священному языку св. Кирилла; но одинъ, какъ человекъ науки и высоко-образованный патриотъ; другой, какъ начетчикъ-любитель и узкій моралистъ. Славянская грамматика Добровскаго, появленіе которой долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ образованные люди, отъ знаменитаго В. Гумбольдта и до карловацкаго монаха, пробудила всюду самое живое отношеніе къ языку нашей церкви ⁴⁾): а у насъ неумѣлою защитой церковно-славянскаго языка, путанными, надоедливыми и безмѣрно притязательными заявленіями своихъ мыслей, Шишковъ принесть

¹⁾ Опытъ словопроизводнаго словаря, введеніе.

²⁾ Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. «Трудно добраться, почему наша звезда во многихъ слав. нарѣчійхъ пишется и произносится h wezda... Одно, звезда, приближаетъ слово сіе къ словамъ свѣтъ зѣда, т. е. неба; другое, hwezda, подходитъ къ слову гвозди, которое также могло подать мысль къ уподобленію сіихъ небесныхъ свѣтилъ гвоздямъ; ибо ония дѣйствительно не иначе кажутся намъ, какъ свѣтлыми, воткнутыми въ него, гвоздями». (Собраніе сочиненій, VI. 96).

³⁾ Записки и пр., II, 403.

⁴⁾ Приведши выше указанный отзывъ Гумбольдта о чешской грамматикѣ Добровскаго, Копитаръ продолжаетъ: «при этихъ словахъ я думаю о будущей старо-славянской грамматикѣ, которая будетъ еще выше. Но когда? Со мной за одно молятъ Гумбольдтъ, со мною всѣ вѣмцы, ищущіе знанія славянскаго языка, со мной молятъ все Славянство». (Письма Добровскаго, 304. Ср. объ общемъ ожиданіи 394, 399, 406).

одинъ вредъ ему, его популяризаціи въ русскомъ обществѣ. Онъ самъ признается, что бранили «славенскій» языкъ и затѣмъ, чтобъ его уколоть и—недоумѣваетъ ¹⁾).

. 6 .

Но если въ вопросахъ «славенскихъ» Шишковъ еще нѣсколько стоялъ на почвѣ—онъ зналъ хорошо языкъ современной славянской библии: то въ другой области своихъ «упражнений» онъ черпалъ данныя уже прямо изъ своей неутомимой фантазіи. Мы говоримъ объ его этимологіи. У современниковъ корнесловіе стало притчей, и самое слово получило особое содержаніе.

Если путанныя мысли Шишкова о «славенскомъ» языкѣ имѣютъ свое главное мѣсто въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія, по своей послѣдней, практической, цѣли: то своими работами во второй области своихъ «упражнений», своими этимоло-

¹⁾ Записки и пр. II, 317. «Презрѣніе къ вѣрѣ стало сказываться въ презрѣніи къ языку славенскому», не переставалъ твердить Шишковъ (II, 5). Естественно, если подобныя нелогическія, во съ тенденціей, заключенія въ образованной части русскаго общества возбуждали неудовольствіе. Не могли любить славянскаго языка потому, что вредные дѣятели, въ родѣ Магницкаго, тогда же связывали съ изученіемъ церковнаго языка свои спеціальныя интересы. Такъ, въ извѣстной своими особенными мыслями инструкціи Магницкаго Казанскому университету о преподаваніи «полезныхъ» и «опасныхъ» наукъ указывалось—особенно стараться утвердить учащихся въ познаніи языка славянскаго. Такимъ образомъ, величественный памятникъ высокихъ просвѣдѣтельныхъ заботъ святыхъ Первоучителей, народный языкъ въ церкви, могъ явиться въ роли орудія затмительныхъ интересовъ.

По словамъ Пушкина, и дамы лагеря Шишкова говорили на славянско-русскомъ языкѣ (Сочиненія, изд. фонда, VII, 148). Но самъ Шишковъ не твердъ былъ и въ «славенскомъ» языкѣ, его грамматикъ: онъ склоняетъ —воиски, полчищци; производитъ праскій и пр. Ср. выше собраннанный глаголъ брашнати. Каково же было «славенско-грамматическое знаніе у его однополчанъ? «Утро процвѣтаете и погибаете» пишетъ Аракчеву Оленинъ 8 дек. 1817 г. (Дубровинъ, Письма главы дѣят. мп. Александра I, № 184). Если Оленинъ, не однополчанинъ Шишкова, занимавшійся русскими древностями и рукописями, былъ слабовать въ языкѣ ихъ, то можно судить о знаніи у шишковистовъ: у нихъ все дѣло сводилось къ неискусному подбору архаическихъ словъ.

логическими теоріями объ образованіи и существѣ языковъ, Шишковъ переходитъ на страницы исторіи нашей лингвистической науки.

Сближеніе словъ на основаніи свободной подмѣны одного звука другимъ и перестановки, разчлененіе слова на невозможныя части, свободное осмысленіе словъ—вотъ приемы, а объ выводахъ—можно догадываться. А между тѣмъ Шишковъ, по его собственному признанію, на эти «упражненія» полагалъ массу труда—«читалъ, примѣчалъ, размышлялъ, рылся не только въ славенскомъ языкѣ, но и во всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ близкое родство», и ясно понималъ, что «добирательство—отъ какого понятія слова произошли и какъ вѣтви свои распростирали, отнюдь не такъ легко, какъ думаютъ тѣ, которые полагаютъ знаніе языка въ одной токмо наслышкѣ и памяти, не заботясь ни мало рассуждать о коренномъ и точномъ значеніи словъ»...¹⁾

Имя праотца Адама разчленялось на «славенскіе» корни ад и а м, а—праматери Евы естественно велось изъ славенскихъ-же аба, ава, ибо языки всего человѣчества «есть конечно одинъ и тотъ же, въ корняхъ и началахъ своихъ». Египетскій трудъ Шишкова—обработка данныхъ въ «Сравнит. словарь» инп. Екатерины—всѣ языки сводилъ къ «славенскому первоначалію».

Этимологія этого рода была неизлѣчимой душевной болѣзнью; человѣкъ страдалъ, но выпутаться изъ-подъ ея власти былъ безсиленъ. Необыкновенно рельефно обрисовалъ страдальческое состояніе духа этимолога чешскій славистъ Челаковский, человѣкъ дѣйствительной науки и работавшій много позже, уже въ наши дни, но испытывшій на себѣ самомъ непреоборимую силу этимологической страсти. «Въ послѣднее время, признавался Челаковский въ 1848 году, я болѣе всего занимался славянскою этимологіей и забрелъ въ глубину ея до того, что она овладѣла мною, словно какая-то болѣзнь. Случалось, я писалъ простое письмо, но слова не ложились предо мною просто, какъ выраженіе мыслей, а почти изъ каждаго слова выставлялъ на меня этимологическій чертенокъ свои острые рожки»²⁾.

¹⁾ Записки и пр. II, 41, 40 прим.

²⁾ F. L. Čelakovský, Sebrané listy, стр. 418—419.

Безпомощный, но самомнительный, Шишковъ съ обыкновенною страстностью отстаивалъ свои ребяческіе домыслы противъ всякаго прикосновенія научной критики, и тѣмъ усугублялъ комизмъ своего положенія, котораго, конечно, онъ и подозрѣвать не могъ.

Знаменитый московскій профессоръ, историкъ, но научно знакомый, какъ съ другими, такъ и съ славянскими языками, Каченовскій, разбирая этимологическіе приемы и выводы Шишкова, благодушно попрекнулъ, что если нарѣчія широко, выско, далеко толковать какъ стяженія изъ ширь-око, высъ-око, даль-око, то тогда и слово гордость надо производить изъ гора даю... Старикъ вознегодовалъ и отвѣчалъ — презрѣніемъ. «Какъ самъ люблю, писалъ Шишковъ, основательно разсуждать, такъ и тѣ возраженія уважаю, которыя основательны. Но могу-ли я имѣть уваженіе къ подобнымъ возраженіямъ?... При таковыхъ возраженіяхъ невозможно удержаться отъ смѣха и еще очень громкаго: между понятіями широко и ширь-око и пр. нѣтъ ни малѣйшей разницы: всякъ самымъ явственнѣйшимъ образомъ видитъ, что слова сіи суть одно и то же, говорятъ одно и то же, и первыя разнятся отъ вторыхъ только тѣмъ, что сдвинуты вмѣстѣ¹⁾».

Этимологія приняла старика въ свои широкія объятія и не выпускала его ни въ какія минуты жизни: на полѣ брани, въ Саксоніи, городъ Будышинъ онъ толкуетъ буди-сынъ, въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта этимологіей защищаетъ прелести крѣпостнаго права и порицаетъ гуманный законъ о непродажѣ людей безъ земли, доказывая здѣсь ограниченіе свободы рабовъ, каковое-де слово по этимологіи не то, что *servus*²⁾.

Ученыя изданія Россійской Академіи—это сплошь этимоло-

¹⁾ Записки и пр. II, 319. Изъ письма къ Бардовскому. Датская этимологическая операція надъ упомянутыми нарѣчіями сдѣлана была Шишковымъ въ его многошумномъ «Разсужденіи»—о краснорѣчій свящ. писанія, произнесенномъ въ Росс. Академіи въ 1810 г.: «далеко—даль око, простирай звѣние далье» и пр.

²⁾ Тамъ-же, I, 206, II, 121—123. Наполеонъ уже наступалъ, а Шишковъ все хлопоталъ, не потерявъ-бы ущерба его этимологіи; «г. г. секретарь, извѣщаль Пугаловъ Аракчеева 27 іюли, писалъ недавно оттуда, напоминалъ своимъ пріятелямъ о цѣлости Бесѣды и о корректурѣ его сочиненій» (Дубровинъ, ор. cit № 60).—Въ 1826 г. Шишковъ обѣдалъ какъ-то у моск. попечителя Писарева и разговоръ—этимологія: еноха отъ сывоха и пр. («Снегиревъ и Дневникъ его», 108).

логія Шишкова, гдѣ только и мелькаютъ широко изъ широко, ночь изъ нѣтъ очи, съ разными таблицами древъ, родословій словъ. Все это были, по убѣжденію президента, «полезные и обильные труды» Академіи, которыми онъ серьезно надѣялся спасти насъ, чтобы, мы, выражаясь его словами, оставались людьми, а не обратились въ рыбій родъ. Недовѣріе къ своимъ трудамъ едва не уравнивало преступленію, хотя самъ былъ заранѣе увѣренъ въ глухотъ и неблагодарности людской: «ежели бы кто, жалуется Шишковъ, сказалъ, что дерево и трава одно и тоже, то изъ ста человѣкъ 90 возопіяли-бы противъ него; они бы скорѣе сочли его поврежденнымъ въ умъ»¹⁾.

Такимъ образомъ, нисколько не оправдались надежды нелицепріятнаго суди прежнихъ «упражнений» Академіи, сочлена епископа Евгенія, который возлагалъ ученый іерархъ на Шишкова, при назначеніи его президентомъ. «Поздравляю васъ и всю нашу Академію, писалъ Евгеній Хвостову, въ іюль 1813 года, съ новымъ президентомъ, давно достойнѣйшимъ сего мѣста, къ чести и пользѣ русской словесности. Думать надобно, что теперь дѣятельнѣе будутъ и сочлены»²⁾. Возрожденія не послѣдовало. Больше только печаталось. Самъ Евгеній съ ужасомъ писалъ въ 1819 г. тому-же Хвостову: «неужели наша Академія, не кончивъ прежняго своего Словаря,

¹⁾ Записки пр. II, 95, 386. Покровительство своимъ упражненіямъ Шишковъ нашелъ въ Аракчеевѣ, правда, довольно неграмотномъ (ср. его письма, тамъ-же II, 188), но котораго онъ титулуетъ меценатомъ, Шуваловымъ, ища чрезъ него утвержденія устава Росс. Академіи (тамъ-же, II, 97; перепечатка у Дубровина, ор. ст. № 159). 10 іюля 1818 г. Академія Шишкова избрала Аракчеева въ почетные члены, «уважая отличное усердіе и любовь къ отечественному языку» (Дубровинъ, ор. с. № 204) — хоть съ нѣкоторымъ основаніемъ. Не то Казанскій университетъ, который избралъ Аракчеева почетнымъ членомъ «за усовершенствованіе артиллеріи и воспитаніе военныхъ поселеній» (тамъ-же, № 343) — по указу временщика въ миниатюрѣ, Магницкаго. Безутѣшный отъ непризнательности неблагодарныхъ современниковъ, Шишковъ находилъ успокоеніе въ самонадѣянномъ утвержденіи, что этимологія—наука самая важная для процвѣтанія языка и словесности, но, по несчастію, такъ мало намъ извѣстная, что по сіе время никто о ней не думалъ и не думаетъ». Такъ писалъ онъ безвѣстному пріятелю своему, Бардовекому (Записки пр. II, 312).

²⁾ Сборникъ статей 2 отд. имп. Ак. н., V, 1, 148. Евгеній опасался, что назначать иностранца и вообще былъ сильно заинтересованъ. См. его письмо къ Хвостову отъ 14 мая 1813 г. (тамъ-же, 145).

рѣшается приступить къ новому», слышавъ, что изготовляются «древа» для Опыта словаря по корнямъ. Вышедшія этимологическія «упражненія» Шишкова онъ осудилъ въ рядъ ученаго вздора ¹⁾).

Шишковъ хохоталъ надъ Каченовскимъ, который, заботливымъ слѣженіемъ за движеніемъ науки на Западѣ, оправдывалъ громкое имя своего «Вѣстника Европы», хохоталъ надъ всѣми «неповрежденными въ умѣ». Самолюбіе не давало мѣста для мысли со стороны. Закупорившись въ самого себя, отъ всякаго движенія въ наукѣ, Шишковъ видѣлъ въ себѣ все знаніе и какъ разъ въ то время, когда у насъ скромный художникъ Востоковъ сталъ учителемъ самого Добровскаго въ «славенскомъ» языкѣ; когда на Западѣ всѣ устои стараго зданія науки о языкѣ зашатались и готовы были рухнуть—съ отертіемъ санскрита, зенда; когда предъ проницательнымъ взоромъ Добровскаго уже обрисовывались въ перспективѣ контуры современнаго намъ сравнительнаго языковѣдѣнія.

Уже въ 80-хъ годахъ прошл. стол. Джонсонъ, одинъ изъ основателей знамен. Калькутскаго Общества, писалъ, что отнынѣ и классическихъ языковъ изучать безъ санскрита нельзя. Въ началѣ нашего столѣтія поэтъ Шлегель, случайно наткнувшись на санскритскіе манускрипты въ Лондонѣ и Парижѣ, видитъ перерожденнымъ міръ идей, а въ 1808 году свои восторженные мысли о наступленіи новой эры для науки общенародно провозглашаетъ въ своей знаменитой книжкѣ: «Über die Weisheit und Sprache der Indier»... Новыя лингвистическія идеи толкнулись было и въ Россійскую Академію, но—встрѣтили на порогѣ ея Шишкова, съ его «первоначаліемъ языковъ», и убрались прочь ²⁾).

¹⁾ Тамъ-же, стр. 178. Академ. Словарь, въ азбучномъ порядкѣ, окончень былъ лишь въ 1822 году. Ср. отзывъ Евгенія о реформахъ Шишкова для успѣшнѣйшей дѣятельности Академіи: «предположеніе прекрасное; но безъ назначенія именно всякому особаго дѣла всѣ будутъ только одинъ другаго выжидать и другъ на друга смотрѣть» (тамъ-же, 191).

²⁾ Въ русской литературѣ впервые слово «санскритъ» произнесено было въ 1811 году, когда Россійской Академіи было представлено на разсмотрѣніе небольшое, но замѣчательное по своимъ смѣлымъ мыслямъ, сочиненіе: «Отношеніе между языками санскритскимъ и русскимъ» (Rapports entre la langue sanscrit et la langue russe). Этотъ анонимъ былъ Аделунга. Нѣсколько строкъ уяснить характеръ записки Аделунга. «Съ того

Президентъ глухъ къ этому «духу времени». Онъ все еще живетъ въ XVIII столѣтіи. Онъ все переворачиваетъ громоздскіе томы «Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ» и подъ конецъ останавливается на мысли его вновь издать, съ дополненіями только, и это тогда, когда надъ Европой изъ конца въ конецъ пронесся духъ національный, когда открылись уже студіи этнографическія, историко-грамматическія, сравнительно-философскія.

Къ работѣ надъ возраждающимся Сравнительнымъ словаремъ Шишковъ приглашаетъ всѣхъ. Но—ни откуда сочувственнаго отклика, и старикъ въ недоумѣніи.

«Вы, обращается онъ 21 сент. 1821 г. къ нашему священнику въ Лондонѣ, можете со многихъ сторонъ одолжать Академію и быть ей полезнымъ. Она предполагаетъ издать вновь Сравнит. словарь на 200 языкахъ, изданный Палласомъ, и въ составленіи котораго сама имп. Екатерина Великая трудилась. Въ семъ словарѣ на многихъ языкахъ не достаетъ названій, которыя надлежало бы пополнить. На англискомъ языкѣ есть много морскихъ путешествій, изъ койхъ, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ находить можно, хотя и немногочисленные, собранія словъ разныхъ народовъ, а особливо, сказываютъ, печется о

момента, какъ начали разсматривать еилологическія изслѣдованія, какъ одно изъ самыхъ научныхъ средствъ для уясненія исторіи народовъ, необходимо было предвидѣть, что старая гипотеза о начальномъ языкѣ и связи языковъ древнихъ и новыхъ не въ состояніи долѣе удержаться. При болѣе точномъ знакомствѣ съ Индеей, свѣтъ, который руководитъ въ настоящую минуту учеными въ ихъ работахъ надъ родствомъ языковъ, какъ ни слабъ онъ еще, уже въ состояніи указать тотъ путь, который отнынѣ будетъ, вѣроятно, единственнымъ для всѣхъ тѣхъ, которые любятъ вести свои изслѣдованія далѣе — приводить ихъ къ результату, отвѣчающему природѣ языковъ, исторіи человѣка и даннымъ, которыя даетъ намъ въ частности исторія, языкъ и нравы каждаго народа» (стр. 3). Указавъ на общее удивленіе съ открытіемъ санскрита, въ которомъ тотчасъ же готовы были видѣть «отца» или, по крайней мѣрѣ, «старшаго брата» большинства языковъ живыхъ, Аделунгъ продолжаетъ: «не цѣль этихъ листовъ дать всѣмъ литературами подробности по этому предмету—они исключительно назначены для оправданія ихъ заглавія и представить случай и нѣкоторый матеріалъ для изслѣдованій дальнѣйшихъ. Ихъ цѣль ограничивается—ознакомленіемъ съ тѣмъ удивительнымъ отношеніемъ, которое существуетъ между языками санскритскимъ и русскимъ» (4,5). — Главнѣйшую разработку вопроса, затронутого запиской, авторъ возлагаетъ на Россійскую Академію, «которая оказала уже столько важныхъ услугъ русскому языку» (6).

томъ Калъкутское Общество. Ежели-бы подобными словарями или выписками изъ путешествій могли снабжать нашу Академію!...¹⁾.

Отвѣта не было. Но Шишковъ съ новымъ проектомъ.

Подъ влияніемъ только что оконченнаго извѣстнаго историческаго и сравнительнаго словаря польскаго языка Богум. Линде («Słownik», I томъ въ 1807 г.)—автора Шишковъ въ 1818 году избралъ въ почетные члены Академіи за «усердіе и трудолюбіе къ распространенію пользы обширнаго славенскаго языка», старикъ вызываетъ именемъ славянской науки къ новой совместной работѣ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій: но отъ серьезныхъ людей науки, какъ Добровскій, Востоковъ, встрѣчаетъ уклончивый отвѣтъ, а горячія симпатіи находятъ лишь у искательныхъ чеховъ новаго поколѣнія, учениковъ Добровскаго, но уже не любившаго ихъ — изъ «сенты чешскихъ зилотовъ», какъ въ раздраженіи называлъ ихъ теперь учитель²⁾.

Шишковъ извѣщаетъ «довольно извѣстнаго» аббата (21 июля 1819), что Академія «для пользы языка своего старается издать словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, что, сдѣлавъ Линде своимъ членомъ, она можетъ обѣщать тоже и Добровскому, если онъ почтетъ ее письмами или присылкою книгъ или замѣчаній»³⁾.

Добровскій отвѣчалъ смиренно. «Я по милостивому приглашенію вашему пришлю изъ Вѣны всѣ мои сочиненія, относящіяся къ славянской филологіи... Отъ сужденія вашего зависѣть будетъ, сдѣлаютъ ли оныя сочинителя своего достойнымъ пріятія его въ число членовъ знаменитой Академіи, которая, какъ усматриваю изъ Извѣстій, ежедневно пріобрѣтаетъ большій блескъ. Съ удовольствіемъ читаю я сіи Извѣстія о успѣхахъ ея и предпріятіяхъ».

Иронія Добровскаго Шишковъ не понялъ и, извѣдая съ правоученіемъ знаменитаго слависта объ удостоеніи его избранія, возлагалъ на него всѣ упованія. «Академія, пишетъ онъ, признавая дарованія ваши и труды, надѣется пріобрѣсти въ васъ полезнаго себѣ сотоварища и сотрудника. Знаніе сла-

¹⁾ Записки и пр., II, 402.

²⁾ Въ письмѣ къ Линде въ 1823 г., Письма Добровскаго, 661.

³⁾ Записки и пр., II, 371. Избраніе Линде—тамъ-же, II, 361.

венскаго языка нужно для ученыхъ людей всѣхъ народовъ. Они найдутъ въ немъ многіе корни и начала своихъ языковъ».

Можно представить себѣ удивленіе Добровскаго при чтеніи послѣднихъ строкъ. Но оно должно было перейти въ изумленіе, когда далѣе въ письмѣ прочелъ онъ объ этимологическихъ предпріятіяхъ Академіи, во вкусѣ широко изъ ширь око. «Вы обѣщаете прислать замѣчанія ваши на корни словъ.. Я прошу васъ о томъ... Дѣло сіе сколько ново и трудно, столько же и полезно. Я говорю ново, потому что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть и читать о томъ»... Эта «новая», «философическая» реформа заключалась въ сведеніи къ одному корню тавихъ словъ, какъ нѣмецкія *ohr* и *hör* (въ *Ge-hör*), чрезъ излюбленное средство этимологовъ—мнѣну послѣдовательности звуковъ.

«Вотъ, по моему мнѣнію, заключалъ Шишковъ свое представительное письмо къ Добровскому, на какихъ разсужденіяхъ долженъ основываться этимологическій словарь: тогда онъ не только для своего языка, но и для всѣхъ языковъ вообще, будетъ полезенъ»¹⁾.

Възвѣдливый аббатъ не оставилъ безъ отвѣта отверженіе Шишкова о будущемъ академическомъ словарѣ, какъ корни всѣхъ языковъ сводить къ одному языку. Но отвѣтъ не сохранился. Что отвѣтъ не былъ по сердцу президенту, видно изъ втораго, съ оправданіемъ, письма его къ Добровскому (9-го октября 1820 г.): «... во многомъ различно съ вами думаю; въ словопроизводствѣ не такъ легко доискаться до истины, и потому-то мнѣнія не могутъ быть одинаковы»²⁾.

Добровскій могъ только улыбаться въ виду увертываній старика. Узнавъ о новой женитьбѣ дряхлѣющаго денщика этимолога (какъ истинный славянофилъ, хотя и въ 70 лѣтъ, Шишковъ женился на полькѣ, вдовѣ Лобаржевскаго), Добровскій прочелъ отходную начинаніямъ Шишкова въ дружескомъ письмѣ къ своему новому знакомцу изъ Россіи, П. И. Кеппену: «отъ шишковскаго корнесловія нечего ожидать чего-либо путнаго; онъ могъ-бы теперь насладиться супружествомъ и позабыть совсѣмъ свои сухіе корни»³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, II. 373; 376—378.

²⁾ Тамъ-же, II, 382.

³⁾ Отъ 15 дек. 1826. Письма Добровскаго, стр. 679.

Но отходная была проѣта рано. Съ новымъ, славянскимъ супружествомъ Шишковъ не позабылъ интересовъ «славянского» языка, но подошелъ къ нимъ съ иной, практической стороны, и новыми начинаніями своими приобрѣлъ бесспорное право на почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія, какъ это увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Уклончивый отвѣтъ, какъ отъ Добровскаго, Шишковъ получилъ и отъ другаго новаго члена своей Академіи, Востокова, на просьбу—участвовать въ затѣянныхъ словаряхъ (ср. ниже). Зато, съ какимъ удовольствіемъ Шишковъ долженъ былъ внимать льстивымъ похваламъ юныхъ польскихъ славистовъ и чешскихъ учениковъ Добровскаго, которые не только не возражали противъ проэктированныхъ этимологическихъ бредней президента, но преклонялись предъ ихъ глубиной. Старикъ таялъ отъ восхищенія.

Извѣстный польскій комментаторъ «Русской Правды» (1820), славянофилъ Раковецкій, хваля Шишкова за его «глубокія свѣдѣнія во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ», просилъ для себя его «Этимологическихъ таблицъ»—онѣ де крайне ему необходимы. Польщенный старикъ широковъщательно поучаетъ юнаго собрата объ «научныхъ» основаніяхъ своихъ дикихъ таблицъ, какъ выводить колѣна словъ отъ ихъ настоящихъ корней, «чего доселѣ не было ни въ какихъ словопроизводныхъ словаряхъ», хотя, послѣ письма Добровскаго, уже допускалъ, что въ его «Опытѣ» могутъ быть недостатки¹⁾.

Еще вкрадчивѣе льстили чехи изъ Праги.

«То, что вы изволили замѣтить о употребленіи и пользѣ словопроизводства, пишетъ уже пожилой Юнгманнъ, этотъ чешскій Линде (2 мая 1822), показываетъ, что вы какъ-бы угадали мои мысли. Желалъ-бы я, чтобы всѣ наши соотечественники

¹⁾ Записки и пр. II, 394, 395—397. 10-ые и 20-ые годы нашего столѣтія въ польской наукѣ и литературѣ отмѣчены серьезною любовью къ изученію своего, въ связи съ изученіемъ родственныхъ народовъ, Славянства. Это—время польскаго славянофильства. Славяную олангу дѣятелей этого направленія составляли: Линде, Бавдке, Суровецкій (изученіемъ его трудовъ знаменитый Шафарикъ открылъ свою историческую карьеру), Делевель и др. Подъ вліяніемъ ихъ трудовъ начали свою ученую дѣятельность Раковецкій († 1839), Кухарскій, собраніе общеславянскихъ книгъ котораго, теперь въ имп. Новороссійскомъ университетѣ, есть своего рода краснорѣчивый памятникъ эпохи, недавно только скончавшійся Мацѣвскій и нѣкоторые другіе.

убѣдились въ сей истинѣ». Въ счастію, родина Добровскаго осталась въ науѣ при своемъ аббатѣ.

Съ глубокою благодарностью наставлялся «Извѣстіями» «сіятельной» Академіи недавній агентъ Добровскаго въ славянскихъ вопросахъ, юркій Ганка. А въ отвѣтъ старикъ допучалъ Ганку, задирая въ то-же время Добровскаго. «Многіе, писалъ Шишковъ, твердятъ о словопронзводствѣ, какъ первѣйшей части грамматики; но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой опуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчій». Далѣе, онъ наставлялъ своего поздняго славянского ученика, что «славенскій языкъ древнѣйшій и первѣйшій», что нѣмцы и другіе только по пристрастію или упрямству не желаютъ признать того простаго и яснаго факта, что «многія слова ихъ суть вѣтви славянскихъ словъ»²⁾.

Итакъ, только на старости лѣтъ, послѣ письменнаго знакомства съ молодыми чешскими славистами, Шишковъ услышалъ похвалу своимъ «упражненіямъ» не отъ однихъ лишь Хвостовыхъ, Пожарскихъ. Умиленный этимъ научнымъ успѣхомъ, старикъ надѣяется теперь всѣхъ своими «Извѣстіями»: предѣлъ ихъ полета не ограничивается «богемцами» (тщетно чехи молятъ его называть ихъ чехами). Въ твердой вѣрѣ, что

²⁾ Записки и пр. II, 421, 390, 392. Свои «Извѣстія» Шишковъ теперь охотно посылалъ въ Чехію. «Если бы я, пишетъ онъ Добровскому въ 1819 г., зналъ тѣхъ, кои въ сихъ училищахъ (т. е. Чехіи) начальствуютъ и притомъ увѣренъ былъ, что они столько же и наши книги имѣть желаютъ, сколько мы ихъ, то прислалъ бы къ нимъ издав. Рос. Акад. т. наз. Акад. Извѣстія, въ которыхъ о всѣхъ славенскаго языка корняхъ и нарѣчійхъ разсуждается, и которыя не только богемскому нарѣчію, но, можетъ быть, и нѣмецкому языку могли бы быть полезны. По сіе время сихъ Извѣстій вышло 7 книгъ. Если вы снесетесь о семъ съ господами учеными богемцами, то я не умедлю ихъ прислать» (тамъ же, II, 372). Отношеніе ученѣйшаго Юнгманна (1773—1847) къ упражненіямъ Шишкова тѣмъ менѣе понятно, что движеніе науки о языкѣ на Западѣ было ему незнакомо. Еще въ 1819 г. братъ Юнгманна, агушеръ Антоанъ, занимался санскритомъ и доказывалъ бытовое родство между жизнью чеховъ, какъ она представлена въ недавно появившемся Любушиномъ Судѣ и старой Индіи. Развѣ горячая привязанность къ Россіи и ко всему русскому говорила въ знаменитомъ лексикографѣ Чехіи... Правда, и всегда недолюбливавшій насъ, русскихъ, Копитаръ разсмыслился предъ Шишковымъ, что «Извѣстія» Академіи, съ ихъ «корнесловными истинами», читаются на расхватъ въ вѣнской библіотекѣ (С у х о м л и н о в ѣ, Исторія Росс. Акад., VII, 228): но здѣсь былъ его обычный пріемъ—играть легковѣріемъ.

всѣ языки можно вести отъ славянскаго, Шишковъ, въ поученіе этой истинѣ, шлетъ чрезъ русское посольство свои «Извѣстія» «англинскому» народу. «Хотя, вѣщаетъ онъ въ своемъ посланіи въ Royal Society, языки наши различны, однакожъ, вникая глубже въ человѣческое слово, находимъ, что всѣ, даже и самыя отдаленнѣйшіе, языки суть нарѣчія или, лучше сказать, дѣти первобытнаго и общаго всѣмъ имъ прародителя, и потому, при всей своей кажущейся разницѣ, имѣютъ хотя и потаенную, но удобнопоницаемую разумомъ взаимную связь и одинакія начала»¹⁾.

Съ убѣжденіемъ, что онъ, Шишковъ, и обрѣлъ эту связь всѣхъ языковъ міра, подведя ихъ къ славянскому прародителю, т. е. русскому, и что этой истинѣ только недалновидность Добровскихъ стоитъ на пути, сошелъ баснословно-трудолюбивый этимологъ въ могилу...

«Кто намъ, славянамъ, поможетъ въ наукѣ?» съ отчаяніемъ спрашивалъ Добровскій въ 1810 году Копитара, въ виду невзрачности ученыхъ трудовъ славянъ.

Кто-же помогъ намъ отъ этимологіи Шишкова? спросимъ и мы...

Но—помощь была уже давно. Эпоха забавной этимологіи, крупнѣйшимъ представителемъ которой въ исторіи русской науки былъ Шишковъ, доживала свои старческіе годы. Шишковъ писалъ еще массу, Академія издавала массу—но на это никто не обращалъ вниманія, никто не интересовался, не читалъ. Параллельно шумной, но бесплодной дѣятельности Академіи, въ Москвѣ давно уже открылась дѣятельность небольшого кружка людей, тихая, скромная и благотворная, людей настоящей науки. Это—кружокъ, сгруппировавшійся около знаменитаго государственнаго канцлера, гр. Николая Петровича Румянцова.

Эпоха забавной этимологіи Шишкова смѣстилась незамѣтно эпохою науки, эпохою Румянцова.

---

¹⁾ Записки и пр. II, 403.

ГЛАВА II.

Кружокъ канцлера Румянцова.

. 1 .

Если-бы русское славяновѣдѣніе первой четверти нынѣшняго столѣтія свое исключительное выраженіе находило въ «похвальныхъ упражненіяхъ» Шишкова и его Академія: то стороннему наблюдателю того времени оставалось-бы—отчаяваться за будущее русской науки. Но никто въ отчаяніе не приходилъ.

Еще въ 1813 году Уваровъ, воспитанникъ Сперанскаго и будущій преемникъ Шишкова по министерству, весьма опредѣлительно отмѣтилъ научные домыслы старика, какъ бредни. Все уважали въ Шишковѣ его патриотизмъ, честность и любовь къ отечественному слову¹⁾; но зараженіе его этимо-

---

¹⁾ Какъ испытаннаго и краснорѣчиваго патриота, импер. Александръ пригласилъ его занять мѣсто государственнаго секретаря, за ссылкой Сперанскаго, при открытіи войны 12 г., хотя мировоззрѣніе его было слишкомъ далеко отъ образа мыслей государя. Видъ Шишковъ серьезно рассказывалъ, что предъ знаменитой войной онъ видѣлъ на небѣ рака и дракона (Записки... I, 152) Государь, естественно въ началѣ склонился къ Карамзину: онъ, по свидѣтельству Дмитріева, тогда министра, и предназначался на мѣсто Сперанскаго (И. И. Дмитріевъ, Записки 195). Сердечный Шишковъ былъ предпочтенъ одностороннему политику. Но и при своемъ ограниченномъ мировоззрѣніи, честный, прямой Шишковъ могъ понимать вещи, какъ рѣдко кто. Какимъ диссонансомъ въ эпоху грубыхъ идеаловъ яву-

логіей далеко не прошло. Кромѣ Академіи, къ Шишкову при-
гнули: Пожарскій, Грамматинъ, Анастасевичъ, отчасти Петер-
бургскій университетъ. Какъ ни скудна была русская жизнь
силами, но она успѣла выдвинуть противъ Шишкова проеци-
тическія средства, въ лицѣ настоящей филологической науки¹⁾.

Честь и заслуга первой выработки русскаго славяновѣдѣ-
нія принадлежатъ Москвѣ, тогда какъ Петербургъ былъ
штабъ-квартирой шишковской этимологіи да легкаго литератур-
наго спорта.

Не говоря о массонахъ, свившихъ свое плодотворное гнѣздо
въ Москвѣ, съ ихъ глубокими симпатіями къ изученію родной
старины, выразившимися въ серьезныхъ историческихъ изда-
ніяхъ, какъ «Вивлюеика» типографской компаніи Н. Новикова,
съ ихъ всегда горячею поддержкою каждаго трудящагося на
томъ-же поприщѣ науки²⁾, уже въ свромной дѣятельности

чать его золотыя слова, сказанныя въ отвѣтъ на упрекъ ему—чего онъ тамъ
возится съ какими-то книгами въ Прагѣ, когда кругомъ, въ разгаръ войны
съ Наполеономъ, другіе дѣлаютъ себѣ карьеру!... «Ученіе не гремитъ, отвѣ-
чалъ Шишковъ, но оно полезно; война гремитъ, но провалилась она. Еслибъ
истребить всѣхъ ученыхъ..., то бы все люди сдѣлались злыми невѣждами; а
еслибъ истребить всѣхъ воиновъ, т. е. страсть къ славѣ и корыстамъ, то
бы все люди жили въ тишинѣ». (Записки и пр. I, 384). Какъ каррикатур-
ный портретъ симпатическаго старца въ изв. «Воспоминаніяхъ» Вигеля:
ловкая-де игра въ карты дала ему извѣстность (II, 59)!

¹⁾ П. Строевъ, въ ранней юности, увлекся Шишковымъ. Въ «Крат-
комъ обзорѣи миеологіи Славянъ Россійскихъ» (М. 1815), вѣрно объясняя
Стрибога Слова о полку, самое слово толкуетъ по-шишковски: «не происхо-
дитъ-ли стри отъ прид. строгій, острый, пронзительный»? Но любопытно,
что былъ тронуть шишковизмомъ братъ самого ванцлера Румянцева. Припо-
миная одну изъ своихъ бесѣдъ съ С. П. Румянцовымъ въ 1822 г. объ общей
грамматикѣ и происхожденіи языковъ, К. С. Сербиновичъ говоритъ: «граеъ
между прочимъ утверждалъ, что нашъ испом. гл. е смъ участвуетъ не только
въ страдательномъ залогѣ другихъ глаголовъ, но и въ дѣйстви., и среднемъ,
напр. двигаю есмь, гдѣ лѣй переиъняется на ю, е смъ опускается=дв и-
гаю; двигаю лѣ есте=двигаете и пр.» (Русская Старина, 1874,
т. XI, 60). Этимъ морфологическимъ анализомъ граеъ повторялъ одного учи-
теля въ Сольвычегодскѣ, который еще раньше твердилъ, что напр. твор. п.
Китаемъ образовался изъ словенія: к и т а — т ѣ и т ѣ, н о с и л а — н о — т с и л а..
(Отто, Вологод. дирек. учил. до 1830, Журн. мин. н. пр., 1866, т. 132, 90).

²⁾ Изъ массы прииъровъ приведемъ одинъ—изъ издающихся теперь.
Записокъ извѣст. одесскаго старожилла, пом. профессора Н. Н. Мурзалевича,
дьяконскаго сына изъ Смоленска (род. 1806). Въ 1804 г. чрезъ Смоленскъ
ѣхали за границу изъ Москвы: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П.

«Московского Общества истории и древностей», открытого въ 1804 г., при личномъ участіи импер. Александра, для изданія русскихъ лѣтописей, мы встрѣчаемъ живое научное отношеніе къ Славянству, къ вопросамъ его старины.

Первый предсѣдатель, старикъ-профессоръ Чеботаревъ, уже на лекціяхъ своихъ въ 80-хъ годахъ указывалъ, что славяне «принадлежать къ тому великому древу народовъ, отъ котораго, какъ вѣтви, произросли германцы, римляне и греки, что доказывается сравненіемъ ихъ языковъ»¹⁾. Такія смѣлыя мысли высказывались съ московской кафедры 100 лѣтъ назадъ! Впрочемъ, и самъ знаменитый Шлецеръ называлъ Чеботарева своимъ руководителемъ.

Руководитель Шлецера въ новомъ Обществѣ сейчасъ-же принялся за сличеніе и изданіе Нестора, а въ 1805 году была объявлена на соисканіе любопытная тема: кто были волохи, насѣвшіе на славянъ придунайскихъ?

Закрытое въ 1810 г., возрожденное въ слѣд. году, Общество открыло «недремлющую дѣятельность», какъ этого, въ несовсѣмъ справедливую укоризну старой дѣятельности Общества, требовалъ новый Уставъ (§ 63).

Проф. Тимковскій, ученикъ Чеботарева, изслѣдуетъ Патерику, указывая на «наши сокровищницы, въ коихъ хранятся письменные памятники славянской древности»; Малиновскій, будущій директоръ Моск. архива мин. иностр. дѣлъ, дѣлаетъ «примѣчанія на древніе славянскіе мѣсяцесловы», не безъ цѣны и сегодня.

Въ первомъ засѣданіи 1812 г. былъ одобренъ въ печати для предложенныхъ «Русскихъ Достопамятностей» цѣлый рядъ древнихъ русскихъ памятниковъ, при главномъ участіи профессоровъ Тимковского и Каченовскаго. Серія эта открылась

С. Кайсаровъ и Воиновъ, за наукой, и узнали тамъ бѣднаго дьякона, который занимается исторіей роднаго города, отца Мурашевича. «Алек. Ив. написалъ своему отцу, бывшему директоромъ университета, о любознательномъ влержикѣ, упрямилъ помочь ему (дьякону) доставкою необходимыхъ книгъ. Тургеневъ, принадлежавшій къ обществу, учрежденному Новиковымъ для распространенія въ отечествѣ полезныхъ знаній, охотно исполнилъ просьбу сына: дѣлая сотня томовъ книгъ исторіи российской—Татищева, Щербатова, Штриттера, лѣтописи Кенигсбергская, Никоновская, Древняя Вивлиоика и проч. немедленно безденежно были доставлены». (Русс. Старина, 1887, янв., *17).

¹⁾ Нилъ Поповъ, Исторія имп. Общ. ист. и древн., М. 1894, I, 41.

(I томъ «Достопамятностей» вышелъ въ 1815 г.) поученіемъ Луки Жидяты, съ любопытными desiderata издателя Тимковскаго.

Высоко ставя изв. церковно-славянскій лексиконъ XVII в. молдованина Берынды, Тимковскій указываетъ, что «желательно, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ принялся за сочиненіе новаго словенскаго словаря, или-бы по крайней мѣрѣ дополнилъ и издалъ вновь лексиконъ Берынды». Но онъ вполне понималъ трудность самаго исполненія: «пока не изданы, продолжалъ Тимковскій, еще всѣ древнія словенскія сочиненія критически, до тѣхъ поръ нельзя и ожидать полнаго словенскаго словаря; но, прибавляетъ, станемъ мало-по-малу прокладывать дорогу».

Злоба дня—шумная теорія «славенскаго» языка Шишкова, и Общество спѣшитъ отозваться на нее. Въ засѣданіи 13 марта 1812 оно предложило на соисканіе вопросъ: языкъ Библіи и другихъ памятниковъ, такъ называемый славенскій «въ самомъ ли дѣлѣ есть подлинный коренной языкъ, произведшій столь многія отрасли, или онъ не что иное есть, какъ токмо произведенный, подобно прочимъ?» При утвердительномъ отвѣтѣ на второй пунктъ, соискатель имѣлъ разъяснить: «существуетъ ли еще подлинный славенскій коренной языкъ и гдѣ?»

Вопросъ былъ поставленъ вѣрно и въ извѣстномъ смыслѣ смѣло: фантазіямъ Шишкова сдѣланъ открытый вызовъ; имъ-то и имѣлъ быть поставленъ предѣлъ.

Постановка и формулировка вопроса о земной роднѣ «славенскаго» языка, несомнѣнно, принадлежала Каченовскому, хотя объявлялъ тему секретарь Общества, Двигубскій ¹⁾.

. 2 .

Съ именемъ Каченовскаго соединится память объ особенно теплому предстателѣ интересовъ Славянства и его изученія въ лѣтописяхъ нашей науки и нашего просвѣщенія.

¹⁾ Объ Обществѣ — въ указ. книгъ Н. А. Попова, 188, 200, 205, 208, 239. Приведемъ и отзывъ о славяно-научномъ направленіи Общества его замѣчательнаго дѣятеля послѣднихъ 30 лѣтъ, знаменитаго московскаго

Каченовскій наслѣдовалъ Чеботареву по кафедрѣ, послѣдовательно преподавалъ цѣлый циклъ наукъ: филологію, русскую и общую исторію, статистику, а закончилъ свою жизнь первымъ профессоромъ славянской филологіи по университетскому уставу 1835 г. и съ славянской кафедры прямо сошелъ въ могилу († 1842). Имя знаменитаго профессора-аналитика съ уваженіемъ произносятъ русскій историкъ; еще съ живѣйшею признательностью это имя помнитъ славистъ.

Разночинецъ, какъ и естественно ожидать, сынъ бѣднаго новороссійскаго грека изъ Архипелага Качіони, воспитанный потемкинскаго коллегіума въ Харьковѣ¹⁾, драгунскій урядникъ, сержантъ, Каченовскій въ 1805 г. является разомъ въ двухъ образахъ, предъ двоякою аудиторіей: предъ обширною, какъ издатель карамзинскаго «Вѣстника Европы», и предъ тѣсною, какъ профессоръ университета. Съ этой минуты, въ теченіи долгихъ лѣтъ, слово — благое просвѣтительное орудіе въ рукахъ умнаго, свѣдущаго и энергическаго Каченовскаго. Остановимся на Каченовскомъ, какъ публицистѣ²⁾.

слависта, О. М. Бодянскаго († 1877), ученика Каченовскаго. Обозрѣвая первую дѣятельность Общества, Бодянскій говоритъ: «Стараясь о приведеніи въ ясность рус. исторіи, Общество давно уже сознавало необходимость для вѣрнѣйшаго успѣха въ томъ, сверхъ бытій сосѣднихъ и чужихъ народовъ, соприкасавшихся съ русскими, обращаться преимущественно къ бытіямъ тѣхъ, кто ближе всѣхъ намъ по всему — къ нашимъ соплеменникамъ. Съ этою цѣлью уже съ самаго почти основанія своего, когда помыслы о славянской взаимности были, такъ сказать, еще въ колыбели своей, Общество для перваго своего торжественнаго засѣданія, 13 марта 1812 года, опредѣлило между прочимъ объявить задачу: «О славянскомъ языкѣ», за лучшее рѣшеніе коей присуждало золотую медаль (въ 50 червонцевъ). Въ изданіяхъ же своихъ, время отъ времени, помѣщало статьи съ славянскимъ направленіемъ, показывавшія большее или меньшее знакомство сочинителей съ исторіей и древностями славянъ, каковы гр. А. И. Мусина-Пушкина, митропол. Евгенія, В. Г. Анастасевича и др.» («Записка объ имп. Общ. исторіи и древностей» въ Чтеніяхъ Общества, 1877, кн. III, стр. 4).

¹⁾ Объ этомъ предтечѣ Харьковскаго университета, о его благомъ и просвѣтительномъ вліяніи на весь Южный Край — интересные страницы въ соч. прое. Ам. Лебедева: Историч. розысканія въ южно-русскихъ архивахъ, вып. I, М., 1886. О заботахъ по преподаванію русскаго языка въ коллегіумѣ — любопытна инструкторія 1769 года, стр. 60—71.

²⁾ О Каченовскомъ, какъ профессорѣ на кафедрѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, позволимъ себѣ привести два только что явившихся показанія его

Мы видѣли, какъ недвусмысленно, хотя и добродушной, Каченовскій заявилъ себя противникомъ этимологiи Шишкова, его науки: что она сводитъ вопросы дѣйствительной науки на ступень ребяческой игры. Но, оппонируя Академіи, онъ въ тоже время самъ указывалъ ей, какія научные интересы имѣло бы преслѣдовать «сословіе» Шишкова, если бы сбросило съ себя ярмо этимологiи.

Въ «Вѣстникѣ Европы», уже съ первыхъ лѣтъ, мы встречаемся съ статьями по самымъ разнообразнымъ вопросамъ славянскимъ, и научнаго характера, и популярными, оригинальными и переводными. Здѣсь затронуты были интересы литературы, исторiи, этнографіи и языка славянъ¹⁾.

слушателей: Мурзакевича и знаменитаго романиста Гончарова. «Ученый скептикъ этотъ, говоритъ Мурзакевичъ о 1825 г., такъ обширно развивалъ свой предметъ, что въ цѣлый годъ едва успѣвалъ прочесть введеніе въ русскую исторію и статистику». Но, окончивъ курсъ, Мурзакевичъ снова поступаетъ въ университетъ, чтобы еще слушать «моего любимаго Каченовскаго» (Записки, въ Русск. Старинѣ, 1877, февр. 266, 276). Г. Гончаровъ слушалъ Каченовскаго съ 1831 года, между прочимъ, вмѣстѣ съ Бодянскимъ. Онъ признаетъ, что лекціи были сухи, монотонны, но вспоминаетъ о нихъ съ самою живою признательностью, какъ о необыкновенно богатыхъ своимъ содержаніемъ, всегда излагавшихся съ строгимъ и тонкимъ анализомъ, слушавшихся всегда съ громадною пользою («Вѣстн. Европы», 1887, апрѣль, 503—504).

¹⁾ Предлагаемъ перечень славянскихъ статей «Вѣстн. Европы». Къ сожалѣнію, полнаго библиографа мы не имѣли и восполняли «Указателемъ». Полууденскаго (М., 1861).

1805 № 7, Жители области Монтенегро или черногорцы («говорятъ славяно-илирійскимъ нарѣчіемъ»).

1807 № 11, О трагедіи славяно-сербской (Смерть Уроша, къ Будѣ 1798 г., приводятся отрывки, стихами).

1808 № 2, Георгій П. Черный, предводитель сербовъ; № 16, рец. сочин. Евгении о древностяхъ Вел. Новгорода.

1809, Объ источникахъ для рус. исторiи, издателя (рядъ замѣч. статей, въ нѣсколькихъ №№). О подражаніи византійцамъ, но «разумѣли-ли Несторъ самъ по гречески или пользовался готовыми переводами, сказать не можно», что «сочинялъ на языкѣ отечественномъ, т. е. на славянскомъ», что Кириллъ принесъ моравѣмъ вѣру и искусство писанія, а къ русскимъ, «раньше полукарямъ», уже позже въ Константинополѣ пришло это искусство съ вѣрою, «Азбука, принятая въ Россіи, по видимому не различается отъ кирилловской, но не извѣстно, точно ли та самая, которую Кириллъ составилъ для моравовъ и какъ она попала въ Кіевъ, ибо нѣтъ никакихъ слав. рукописей

«Дождемся-ли мы наконецъ, жалуется Каченовскій еще въ 1809 году въ своихъ замѣчательныхъ этюдахъ «Объ источникахъ для русской исторіи», до того, чтобы въ Россіи начали упражняться въ славянскою палеографію, чтобы по руководству Гаттерера и Шепсмана кто-нибудь собралъ славянскія буквы, расположилъ ихъ по хронологическому порядку и

древнѣе русск. лѣтописей», противъ рунъ Дубровскаго. «Какъ-бы то ни было, Несторъ писалъ своими буквами и на своемъ природномъ языкѣ» (№ 3, 201). О матеріалахъ и уставномъ, полууставномъ и скорописномъ письмѣ: уставъ, это—греч. письмо IX в. «Можетъ быть, на стѣнахъ церквей древнихъ есть надписи, кои послужили-бы къ объясненію исторіи письменъ славянскихъ». О библии Владиміра св., о Рейскомъ евангеліи, Сборникѣ 1046, монетѣ Ярослава, надписи Глѣба. «Желательно, чтобы списки всѣхъ такихъ рѣдкостей сдѣлались извѣстны ученымъ мужамъ; сего нетерпѣливо желаютъ самые иностранцы .., тогда удобнѣе было-бы открыть истину». О Степенныхъ книгахъ, со всякою изъ богемскихъ, польскихъ книгъ.

№ 19, Краткая выписка о первобытныхъ народахъ въ Россіи (о литвѣ, семголахъ, летголахъ—латыши, ливы).

№ 22, Объ Аделунговомъ Митридатѣ, (пер.), что «лингвистика»—наука о языкѣ, много способствуетъ къ объясненію начала народовъ, о Гервасѣ, Фатерѣ.

1810 № 53, Краткія свѣдѣнія о Болгаріи.

1811 № 2, Славянская старина (о жушной организаціи древнихъ славянъ, о значеніи слова жу на въ хорватскомъ и чешскомъ и др.).

1811, № 22, Изъясненіе 2 союзныхъ еще неизвѣстныхъ подлинниковъ на слав. языкѣ—договоровъ Новгорода съ Ганзой. Тамъ-же, Изложеніе споровъ о банномъ строеніи (справки съ ст. слав. языкомъ).

1812, № 3, Замѣчанія на объясненіе 2 грамотъ новгородскихъ; № 8, 9, Отвѣтъ на замѣчанія о новгор. грамотахъ, Шлецера («есть еще другой способъ узнавать древность рукописи, во многихъ случаяхъ гораздо надежнѣйшій—онъ состоитъ въ подчёркѣ письма», что Сборникъ 1046 г. потому къ XIV в.).

1812 № 10, Калайдовича, Задача для рѣшенія: На какомъ языкѣ писана пѣснь о походѣ Игоря—на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій?

Въ 1813 г. статьи по русской исторіи, языку издателя, архіепа. Евгенія, Калайдовича.

1815 № 15, О польскомъ языкѣ, Снядецаго; № 21, 22, Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ русскіимъ, Бандке (переводъ, съ примѣчаніями и поправками издателя: «дай Боже, чтобы слав. богослужебный языкъ, какъ — древнѣйшій извѣстный намъ источникъ, былъ изучаемъ всеми славянскими народами»). Тамъ-же: О преимуществахъ, извѣстности и богатствѣ языка санскритскаго (съ фривц., съ примѣчаніями издателя, что

показалъ намъ начертаніе каждаго вѣка въ сравнительныхъ таблицахъ! Нѣмцы, французы, англичане, итальянцы, давно уже оставили такія таблицы: для чего у насъ никто о нихъ не позаботится? Наша словесность можетъ почти отъ самаго своего начала выставить памятники письма» (103).

одинъ полякъ работаетъ «надъ изслѣдованіемъ сходства между языками слав. происхожденія и санскритскимъ»).

1816 № 2, Славянинъ и Славичка Добровскаго; № 7 О пѣсняхъ славянъ при собираніи тожайскаго винограда; № 19, О слав. языкѣ вообще и въ особенности церковномъ, издателя (что всѣ слав. языки суть нарѣчія кореннаго, нынѣ намъ неизвѣстнаго, слѣд. и церковно-слав. языкъ нарѣчіе, именно сербское; въ концѣ выписки изъ «Плутарха» серба Іоанна Вукослава, что въ Будѣ въ 1808 г.).

1817 № 9, Нѣсколько словъ о черногорцахъ, М а р к о в а; № 11, Историческій взглядъ на грамматики слав. нарѣчій, издателя (чешскаго, польскаго Янмовъ, грамматика Зиванія, что «законодатели языка появляются въ народѣ, уже обогатившемся многими познаніями, знакомомъ съ выгодами просвѣщенія»); № 21, Поясненіе названій нѣмецкихъ городовъ, которые прежде были славянскими (переводъ); №. 22, О нѣмецко-сербскомъ словарѣ 1790 года, издателя (на примѣрахъ разность между древнимъ сербскимъ нарѣчіемъ и нынѣшнимъ).

1818, № 4, О древнихъ слав. названіяхъ мѣсяцевъ (изъ Добровскаго); № 22, Остатки слав. баснословія въ Бѣлоруссіи.

1819, № 14, О церковно-слав. книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, въ XV в., К а л а й д о в и ч а; № 19, Нѣчто о Велесѣ.

1820, № 3, Выписка изъ разсужденія г. Востокова о славянскомъ языкѣ; № 15, О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ; № 18, Извлеченіе изъ плана путешествія по Россіи для отысканія древностей славянскихъ, Х о д а к о в с к а г о.

1821, № 16, О торжественномъ обрядѣ примиренія у черногорцевъ; О богемской литературѣ (съ польск.).

1822, № 1, 2, Памятники русс. словесности XII в., издателя (противъ авторства Кирилла: «списывалъ готовые слова древнихъ святителей для современ. князя»); № 4, О чернигов. гривнѣ (и въ др. №-ахъ); № 11, Въ защиту Кирилла, К а л а й д о в и ч а; № 11, Замѣчанія на таблицы Филистри, П о г о д и н а (противъ мысли, что славяне потомки мидянъ, что санскритъ: къ славянскому, какъ славянскій: къ русскому); Нѣчто объ Опытѣ ист. русс. слов. Греча (словарь, не исторія, противъ наивнаго взгляда объ оригинальности русс. языка, что снѣтается по греческому образцу).

1823, О происхожденіи русс. языка, Фатера (перев.); № 9, Славянскія пѣсни; № 10, Письмо отъ сербскаго литератора, Вука Стевановича (о сербскомъ языкѣ); № 13, Нѣчто о прош. временахъ глаголовъ въ языкахъ ц. слав. и русскомъ, Ив. К а л а й д о в и ч а.

1824, № 22, Записки о путешествіи по славянскихъ землямъ (о языкѣ

Съ Добровскимъ познакомилъ Россію Каченовскій. Зарождавшееся литературное движеніе среди сербовъ австрійскихъ находило сочувственный откликъ на страницахъ «Вѣстника». Первые изданія по сербской этнографіи Вука Караджича были встрѣчаемы привѣтливо Каченовскимъ.

въ Далмаціи); № 24, О старинной слав. рукописи Хроники далматской (объ статьи изв. каноника Бобровскаго).

1825, № 4, Краткая выписка изъ путешествія по Верхн. Лузаціи, Бобровскаго (перев., съ примѣч. издателя, что «эти извѣстія о языкѣ и словесности лузатскихъ вендовъ для насъ совершенно новы»); № 18, О трудахъ Шлецера и Туянна, Зубарева, № 19, О важности арабскихъ писателей.

1826, № 3, О языкѣ. религіи древней Польши, Бандке (съ етиологич. поправками издателя, что напр. *xiądz* и *xiądże* одно); № 4, Сербскія преданія и повѣрья (изъ Словаря Вука); № 13, О народн. пѣсняхъ славянъ, Бродъ и пьскаго (перев., съ дополненіями о сербскихъ пѣсняхъ Вука, словацкихъ — Шаарика); № 15 и др., Историч. справки объ Г. Ексархѣ Болгар., издателя (что Ексархъ—«небывалый» писатель, на основаніи главн. обр. замѣчаній Добровскаго); Нѣсколько словъ особенныхъ, Макарова (а л а н н ы й п и я н о й, в о л о г а ѣ д а; издатель первое слово сравниваетъ съ краинскимъ *o l*, *vol*).

1827, № 1, О незнаніи слав. книжнаго языка въ Далмаціи, кан. Бобровскаго; №№ 14—18, Описаніе сербскаго народа (по Вуку).

1828, нѣсколько этнографическихъ статей; въ № 13 любопытна статья издателя, съ выпискою, о к у н а х ъ; № 14, О Русской Правдѣ, О монетномъ дѣлѣ.

1829, №№ 7, 8, Правительство и судялица въ Сербіи (по Вукову Милошу); № 7, Нѣсколько народныхъ пѣсень, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи, Ходаковскаго; № 12, Которое изъ слав. нарѣчій можно назвать самымъ чистымъ? («Изъ всѣхъ слав. нарѣчій русскій языкъ будетъ лучшимъ, не смотря на то, что онъ въ сравнит. степеняхъ не совсѣмъ гибокъ»).

1830, № 4, рец. на изв. Опытъ К. Экономида о сродствѣ слав. и греч. (переводъ). (Сердечный привѣтъ труду и признательность Академіи Шишкова: «рѣзвысканія еіологическія и сравнительное изученіе языковъ изстари представляли обширное поле размышленій для еілософа, равно какъ и для изслѣдователя Всеобщей Исторіи; сважемъ болѣе—изученіе послѣдней всегда имѣло и будетъ имѣть въ наукѣ Етимологіи подругу себѣ, необходимую и неразлучную»). Переводилъ, вѣроятно, самъ издатель, въ концѣ примѣчанія. № 8, Взглядъ на русскія лѣтописи въ еіологическомъ отношеніи, Э. Косцѣши (псевдонимъ издателя?). (Лѣтописный языкъ «по различію времени и мѣста [болѣе или менѣе] разнообразный, не подвергался еще особымъ еіологич. изслѣдованіямъ», что языкъ народа «сохранилъ много такихъ словъ и выраженій, которыми можно воспользоваться при объясненіи лѣтописей», что «будемъ пока трудиться, пытаясь лестною надеждою имѣть нѣкогда и въ нашемъ отечествѣ своего Днѣ-

Какъ органъ именно научно-славянскаго направленія, рекомендовалъ Каченовскій свой журналъ русской публикѣ. «Вниманіе редактора, говорилъ онъ въ программѣ 1818 г., и впредь будетъ направляемо на предметы, любезныя патриоту — на исторію россійскаго и родственныя ему языковъ, на дѣянія и обычая народовъ славянскихъ». Эти задачи журнала стереотипно указывались въ объявленіяхъ объ изданіи послѣдующихъ годовъ.

Помѣщая въ январѣ 1816 г. сочувственный отчетъ объ альманахахъ Добровскаго «Славянинъ» и «Славянка», Каченовскій замѣчаетъ: «у насъ до сихъ поръ мало думано о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые, какъ внутри отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго на великомъ пространствѣ Европы, и сколь великую пользу приобрѣло-бы отечественное знаніе, когда бы мы обратили вниманіе свое на составъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними». Теорія Добровскаго о сербскомъ происхожденіи языка нашей церкви нашли ревностнаго распространителя въ «Вѣстникѣ» Каченовскаго.

Въ то время какъ Шишковъ декламировалъ о «славенскомъ» языкѣ и откровенно признавался, что развѣ могъ онъ «однажды прочесть всю громаду книгъ не токмо славенскихъ, но

де»). Въ томъ-же № польское объявленіе о журналѣ: «*Waksmut Petersburski*». № 12, рец. Баятыша Каменскаго *Исторія Малой Россіи* («займетъ почетное мѣсто даже въ хранилищахъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и преимущественно племень славянскаго происхожденія»). № 13, О первой Псалтыри Невьян Тимоеева, Снегирева; любопытныя «Литературныя привязки» къ указ. статьѣ Косцѣши. № 14, Праздники, забавы въ Новгородскомъ повѣтѣ, Мухлинскаго (перев.). № 15, 16, О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей исторіи, издателя (вымышленность походовъ русовъ, подложность договоровъ и пр.); Праздники, забавы и пр. Мухлинскаго (окончаніе); Замѣчанія на литерат. привязки, Косцѣши (о значеніи Остромира, Изборниковъ для исторіи русскаго языка). № 21, 22, Литературныя привязки (объясненіе нѣкоторыхъ юридическихъ терминовъ и словъ въ Судебникѣ Казимира помощью славянскихъ нарѣчій).

Съ 1831 г. «Вѣстникъ Европы» болѣе не выходилъ: «...быть послѣдній часъ... умираю», объявилъ Каченовскій въ заключеніе послѣдней книжки 1830 года.

и на тѣхъ языкахъ, которые отъ славянскаго происходятъ» (а ихъ на дѣлѣ было довольно мало, вспомнимъ хоть сѣтованіе Добровскаго) и декламировалъ до конца дней своихъ¹⁾. Каченовскій говорилъ о томъ-же загадочномъ языкѣ съ осторожностью человѣка науки, внимательно слѣдилъ за литературными произведеніями славянъ и изучалъ. Одинъ только учитель Копитаръ такъ восторженно встрѣчалъ литературныхъ червенцовъ своего даровитаго сербскаго ученика, Вука Караджича, какъ принималъ ихъ Каченовскій на страницахъ своего журнала.

«Между славянскими племенами, говорилъ Каченовскій въ 1809 году, употребляется множество нарѣчій: русское, польское, богемское... Славянскій языкъ есть отецъ всѣхъ сихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое особливо болѣе имѣетъ сходства съ нимъ, нежели взаимно между собою. О нашемъ славянскомъ можно сказать, что нѣкогда онъ одинъ былъ въ употребленіи. Но кто докажетъ, когда именно и какъ онъ раздѣлился на разные нарѣчія? Когда изъ древняго славянскаго языка образовался русскій? Есть свѣды, по которымъ видно, что русскій и польскій языки имѣли больше сходства между собою, нежели нынѣ» («Объ источникахъ...», 109). Въ языкѣ нашей церкви Каченовскій видѣлъ дорогой органъ объединенія славянъ различнаго языка: «отечество наше весьма счастливо, что богослуженіе отправляется въ немъ на языкѣ, понятномъ даже для поселянина, который, какимъ-бы нарѣчіемъ ни говорилъ, все можетъ разумѣть старинный языкъ славянскій» (тамъ-же, 108).

«Кто хочетъ узнать короче нравы, обычаи и почти все, что составляетъ національность или относительные признаки цѣлаго народа, тотъ, говоритъ Каченовскій, внимательно читай или слушай его пѣсни, тѣ пѣсни, которыя переходятъ изъ устъ въ уста, передаются отъ предковъ къ потомкамъ. Сербы намъ не чужіе люди. Сербы и народъ историческій—они имѣли политическое бытіе, оставивши драгоценныя воспоминанія для потомства» (В. Евр. 1820).

¹⁾ Записки и пр. II, 39.—15-го іюля 1829 г. Погодинъ пишетъ своему другу, Шевыреву, изъ Ромень: «познакомился я еще покороче съ Шашковымъ, который здѣсь на водахъ. Очень любопытно слышать этого 90-лѣтняго старца, который съ жаромъ юноши (курс. подл.) говоритъ о славянскомъ языкѣ». (Русскій Архивъ, 1882, V, 96).

Вполнѣ естественно, если не всѣ славянскія статьи, особенно, если онѣ выходили изъ области специальныхъ интересовъ редактора — исторіи, отличались выдержанностью, и требовательные современники иногда очень строго относились къ Каченовскому. «Прочтите, пишетъ 6 іюля 1817 года знаменитый іерархъ Евгенийъ своему петербургскому другу, Анастасевичу, въ Вѣстникѣ Европы № 11 Каченовскаго историческій взглядъ на грамматики славянскихъ нарѣчій. Вы-бы болѣе объ этомъ написать могли, да и я-бы иное могъ прибавить и поправить». Но Евгенийъ умѣлъ различать исполненіе отъ самаго намѣренія, и заботы Каченовскаго находили въ немъ глубокаго читателя. «Но, продолжалъ Евгенийъ, къ готовому легче придумывать. По х в а л ь н о, по крайней мѣрѣ, что онъ исполняетъ давнее ваше желаніе — пользоваться намъ замѣчаніями заднѣпровскихъ и задунайскихъ славянъ» ¹⁾.

Усилія энергическаго московскаго профессора вскрыть предъ русскимъ обществомъ интересы славяноизученія, невѣдомое его національному сознанію Славянство, открыть ему народы его языка—«на великомъ пространствѣ Европы», нашли свое лучшее признаіе въ великомъ патріотическомъ дѣятелѣ того времени, канцл. Румянцовѣ (съ которымъ мы познакомимся ниже).

«Возвращая къ вамъ письмо г. Каченовскаго, пишетъ 21 окт. 1818 г. знаменитый совѣтникъ имп. Александра лучшей эпохи изв. Малиновскому въ Москву, не могу воздержаться— не сообщить вамъ новаго желанія видѣть въ его журналѣ, котораго ни съ какими нынѣ появляющимися журналами не сравниваю, рецензію одной диссертациі...». Въ другомъ письмѣ канцлеръ сердечно признается въ своемъ «особомъ уваженіи и пристрастіи» къ «Вѣстнику Европы», какъ его «приверженный чтець» ²⁾.

¹⁾ Древн. и Нов. Россія, 1860, т. 18, 638. Въ письмѣ отъ 10 сент. 1822 г. къ канцл. Румянцову Евгенийъ передаетъ невыгодный отзывъ польск. журналовъ, что Каченовскій переводитъ «часто не въ попадъ и ошибается». (Переписка митр. Евгения съ гос. канцл. Румянцовымъ, Воронежъ, 1870, 62).

²⁾ Переписка гос. канцлера гр. Н. П. Румянцова съ моск. учеными, въ Читаніяхъ моск. Общ. ист. и древн., 1862, I, стр. 92, 103, 144. Ниже этою драгоценною перепискою мы будемъ пользоваться особенно часто, и для краткости обозначаемъ: Переписка Румянцова. Замѣтимъ только, что она могла быть издава порядкѣй.

Но, помимо кружка ученыхъ людей обѣихъ столицъ, и въ провинціальной глуши славянолюбивыя заботы Каченовскаго оказали кое-какое дѣйствіе, кое-какія свѣдѣнія о Славянствѣ прокрались и въ нее.

Въ 1819 году явилось въ Кіевѣ масонское общество съ прелюбобытнымъ именемъ: Бѣдныя Славяне. Въ немъ были русскіе и только отчасти поляки. Его подозрѣвали въ революціонныхъ цѣляхъ. Но; въ сожалѣнію, обстоятельныхъ свѣдѣній объ этихъ славянофильскихъ массахъ не имѣемъ. Но въ другомъ обществѣ съ славянскимъ характеромъ, политическомъ, а не масонскомъ, можно видѣть слѣды славянской журнальной дѣятельности Каченовскаго.

Въ 1825 году въ ничтожномъ Васильковѣ молодыми офицерами было образовано политическое общество, съ громкимъ именемъ: Соединенныя Славяне. Его цѣлью было—не болѣе, не менѣе, какъ соединеніе всѣхъ славянъ въ федераціи. Въ эту федерацію должны были войти слѣд. восемь славянскихъ земель-народовъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ: 1) Россія, 2) Польша, 3) Богемія, 4) Моравія, 5) Далмація, 6) Кроація, 7) Венгрія съ Транспльваніей и 8) Сербія съ Молдо-Валахіей¹⁾. Конечно, провинціальные ученики славянскаго проповѣдника въ Москвѣ обнаруживали нѣкоторую путанность своихъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній. Но удивляться этому мы не будемъ: для насъ важенъ заявленный интересъ ко всему Славянству. Трудолюбивый авторъ «Исторіи царствованія имп. Александра I» сомнѣвается въ справедливости заявленія руководителей «Соединенныхъ Славянъ» о ихъ связяхъ съ славянами внѣ Россіи²⁾: но противъ него говоритъ то, что австрійская полиція была сильно встревожена извѣстными событіями 1825 г. и уже очень рано заботливо слѣдила за пражскими патріотами, заподозрѣвъ ихъ, и не наобумъ, въ сношеніяхъ съ русскими обществами³⁾.

¹⁾ Богдановичъ, Исторія царств. имп. Александра и Россіи въ его время, т. VI, 410, 480.

²⁾ VI, 479.

³⁾ Уже тогда (до 1825), свидѣтельствуетъ современникъ, осторожный чешскій патріотъ, мечтали о соблазнительной идее великой славянскій федераціи, которая, какъ извѣстно, вскормлена была русскими тайными обществами... Эти русскія стремленія были хороши и извѣстны въ Чехіи,

Въроятно, практическій Булгаринъ не безъ мысли о конкуренціи съ московскимъ публицистомъ сталъ издавать въ Петербургѣ «Сѣверный Архивъ», посвящая его интересамъ славяно-русской исторіи, впрочемъ, съ особыми, приторивительными цѣлями. Известна его лихорадочная дѣятельность по снаряженію польскаго историка Делевеля на Карамзина для страницъ Архива — отношеніе, увѣковѣченное позже мѣткимъ словомъ Пушкина: «вольно собакъ и на владыку лаятъ»¹⁾.

Если великій поэтъ въ началѣ такъ зло преслѣдовалъ Каченовскаго, обзывая его «курткой журналистомъ», журналъ его «воиную лучинку», гдѣ «и стѣрый вздоръ, и вздорная новинка»; то позже онъ понялъ свое увлеченіе и въ стѣнахъ аудиторіи торжественно заключилъ миръ съ знаменитымъ публицистомъ²⁾.

Въ томъ же славянолюбивомъ направленіи дѣйствовалъ Каченовскій и какъ членъ университета.

Когда въ 1811 г. Разумовскій, другъ Каченовскаго, изъ попечителей Московскаго университета сталъ министромъ народнаго просвѣщенія и тогда-же основалъ при старѣйшемъ университетѣ «кафедру славянской словесности» затѣмъ, чтобы «ознакомить учащихъ со всеми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія русскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго»: то едва-ли можно сомнѣваться—кто былъ духовнымъ виновникомъ этого нововведенія? И мысль о славянской «кафедрѣ», и опредѣленіе ея задачъ, могли принадлежать одному Каченовскому. Можно только пожалѣть, что виновникъ первой славянской кафедры въ первомъ

и возбуждали у горячихъ людей преждевременныя, ничѣмъ не поддерживаемыя надежды» (Jakub Malý, Zpomínky a úvahy starého vlastence, Praha, 1872, 49). Еще любопытнѣе свидѣтельство другаго современника, Челаковскаго. Уже въ 1822 г. Вѣна непокойна: «дворъ, пишетъ онъ другу Камариту 12-го янв. 1822 г., видитъ одни заговоры, одни русскія сообщества». Тоже въ письмѣ 11 сент. 1824: «Ганка былъ уже допрашиваемъ въ полиціи о задиѣ принахъ, яко-бы онъ основалъ какія то тайныя связи съ ними». Даже самая «программа Соедин. Славянъ» сообщена въ письмѣ Челаковскаго 1826 г. (Šelakovský, Sebrané listy, стр. 78, 105, 193).

¹⁾ Объ олодженіи Булгарина на Карамзина — его письма къ Делевелю въ «Bibliot. Wargzawska», 1877, II. Въ письмѣ къ Дельвигу 1827 г., VII, 195.

²⁾ Письмо Пушкина къ женѣ, 1832, VII, 308. Ср. VI 259. Справедливость подробностей подтверждается воспоминааніями г. Гончарова (Вѣсти. Евр. 1887, апрѣль, 502).

русскомъ университетѣ не занялъ ее самъ, подобно тому, какъ это онъ сдѣлалъ спутя $\frac{1}{4}$ в., будучи уже ветхій денщикъ, а предоставилъ ее дряхлону восточному Гаврилову, Славянства совѣсть чуждому. Правда, попечитель Кутузовъ заслугу открытія славянской каведры виѣнилъ едино себѣ: «учредилъ новую, доселѣ не существовавшую, необходимо нужную и полезную, катедру славянскаго языка», говорилъ онъ о себѣ въ своей оециальной автобіографіи тогда-же. Тоже онъ повторялъ и въ своемъ письмѣ къ министру съ благодарностью за славянскую каведру: «долгонъ почитаю принести в. с-ву всенижайшую благодарность за утвержденіе мнѣ представленія объ учрежденіи катедры славянскаго языка». Но, конечно, Кутузовъ былъ простою передаточною инстанціей, по своему же обычаю хвалился, «весьма къ самодѣйствию стремящійся», какъ объяснялъ его общій другъ, Поздѣвъ, въ письмѣ къ Разумовскому. Отвѣтимъ и одну любопытную черту въ исторіи открытія «нужной» славянской каведры въ Москвѣ, такъ любезно утвержденной мнн. Разумовскимъ — различный приѣмъ ее у товарищей Каченовскаго — русскихъ и иностранцевъ: одни встрѣтили любовью, другіе — протестомъ противъ уставонарушительнаго дѣйствія министра. По донесенію Кутузова, открытіе каведры «произвело пріятнѣйшее впечатлѣніе во всѣхъ нашихъ русскихъ профессорахъ, такъ что въ совѣтѣ всѣ изъявили и радость, и благодарность в. с. за таковое патриотическое постановленіе». «Но не скрою и того, продолжалъ попечитель, что вѣнды всѣ молчали и хранили благопристойность; единый г. Буле возопіялъ громко: «это не въ порядкѣ, не по уставу. Сей статьи и катедры тамъ нѣтъ, а уставъ высочайше утвержденъ и самъ министръ не имѣетъ права сего сдѣлать въ отиѣну устава», крайне горячился, кричалъ и побуждалъ другихъ быть съ нимъ одного мѣнія»¹⁾.

По воспоминаніямъ Мурзакевича, славянскія лекціи Гаврилова заключались (1825—28 г.) въ чтеніи славянской псалтыри и въ восхищеніи отдѣльными мѣстами ее. Естественно, если всѣ бѣгали отъ науки Гаврилова. Въ 1829 г. умеръ этотъ невольникъ-славянецъ, въ порядкѣ времени — первый славянскій проф. въ Россіи²⁾.

Такимъ образомъ, равняя специальная каведра славянскаго языка Каченовскаго не привилась: она не принесла добрыхъ плодовъ, напротивъ, могла лишь убить среди пытливей молодежи вся-

¹⁾ Письма Кутузова, Поздѣва — Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 361, 487, 349.

²⁾ Гавриловъ могъ помнить занятъ Магницкаго Казан. университету: «красоты языка славянскаго и критическій рѣзборъ свящ писателей должны быть главнымъ его (профессора рос. словесности) занятіемъ. Величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія покажетъ онъ въ Библии...» (Сборникъ постановл. по мнн. в. пр., I, 1332). Привѣдимъ, что отецъ Магницкаго, Леонцій, управленіи Моск. синодальной типогр. которой 1814—1816 г. дѣлалъ всякія пріислѣствія Румянцову въ пользованіи славянскими рукописями.

кую симпатію къ великому языку св. Кирилла. Первый представитель кафедры похоронилъ ее съ собою. Но похороненные интересы университетскаго славяноизученія воскресли сейчасъ же, лишь подъ инымъ знаменемъ.

Черезъ годъ послѣ Гаврилова умеръ знаменитый словесникъ, Мерзляковъ — лѣт. 1830 г. Уже въ ноябрь. книжкѣ «Вѣстн. Евр.» появилась программа для конкурса на осиротѣвшую моск. кафедру, согласно § 60 Уст. 1804 г. Ищущій «кафедру краснорѣчія, стихотворства и языка русскаго» мѣлъ показать: касательно языка русскаго а) стихійныя начала его, сродство въ коренныхъ словахъ съ древними языками и законы этимологическихъ измѣненій; б) отношенія къ нему языковъ славянскаго происхождения, прежде установившихся и получившихъ постоянныя формы, и именно— церковнаго, богемскаго и польскаго; с) отношенія къ тому же языку русскаго нарѣчій областныхъ, преимущественно литовско-русскаго и юго-русскаго». Уже на второмъ мѣстѣ поставлены условія по части «краснорѣчія и стихотворства».

Говорить-ли, подъ чей внушительный диктантъ формулированы были эти условія университетскаго конкурса, въ которыхъ впервые на главное мѣсто, вопреки уставу и преданію, отнесены были требованія настоящей науки русскаго языка?... Голосъ Каченовскаго ясно звучитъ... Какъ мало похожъ былъ московскій профессоръ Каченовскаго на еще свѣжій идеалъ Магницкаго...

Наконецъ, популяризаторъ славянскихъ научныхъ идей Добровскаго въ Россіи, ревнивый читатель этнографическихъ трудовъ Вука, только Каченовскій могъ подать мысль университету, который въ то время вѣдалъ учебнымъ дѣломъ въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, предписать своимъ народнымъ школамъ — заняться русскою этнографіей, именно, областною рѣчью.

Въ 1819 г. послѣдовало отъ университета распоряженіе по Волог. губ.—заняться собраніемъ словъ по уѣздамъ. Какъ ни слабы могли быть труды бѣдныхъ этнографовъ по указу, уѣздныхъ смотрителей; но ихъ собранія словъ вошли въ Академ. Словарь 1852 г. Впрочемъ, не невѣроятно, что своимъ мыслямъ объ областномъ изученіи русскои земли, о чемъ не одинъ разъ говорилъ «Вѣстникъ Европы», Каченовскій находилъ поддержку въ товарищѣ-пѣтѣ, Мерзляковѣ, родомъ изъ крестьянъ. Если Каченовскій уже очень рано приглашалъ своихъ слушателей въ деревнѣ записывать названія урочищъ и особенно обращать вниманіе на курганы, городища, то Мерзляковъ указывалъ имъ тогда-же на народную пѣсню, прислушавшись и записывая пѣсни: «въ нихъ, говорилъ онъ, вы услышите много народнаго гора»¹⁾.

¹⁾ О собраніи словъ—Н. Отто, ор. с. Ж. м. и. пр., 1866, 132, 61, 63. Сольвыгодскій смотритель доносилъ, что «въ уѣздѣ есть замѣчательныя мѣста по Двинѣ, на Пинегѣ, куда если-бъ заглянуть, то нашлось-бы, навѣрное, много особенныхъ нарѣчій и значительныхъ словъ» (т. же, 63). Что смотритель говорилъ

Такимъ образомъ, съ именемъ Московскаго университета соединяется первая попытка введенія задачъ славяновѣдѣнія въ историческое изученіе Россіи, первая попытка выясненія предъ обществомъ, чѣмъ могло быть полезно для интересовъ отечественнаго просвѣщенія изученіе Славянства, первая попытка дать славяновѣдѣнію самостоятельное мѣсто въ университетскомъ преподаваніи и опредѣлительно указать его инструктивное значеніе для исторіи роднаго языка.

Безъ шума шумной академіи Шишкова, съ ея богатыми матеріальными средствами, съ ея щедрыми членскими «дариками», съ ея пестрыми затѣями, дѣлалось дѣло. Если на сѣверѣ Академіи—это былъ Шишковъ, то въ Москвѣ главнымъ нервомъ дѣятельности университета и его науки былъ Каченовскій. Его авторитетъ, его заслуги рано были признаны такими нещедрыми на похвалу современниками, какъ ревнивый канцлеръ Румянцовъ, и рано установился у старика обычай—одинъ изъ первыхъ экземпляровъ своихъ изданій назначать московскому ученому. «Графъ Николай Петровичъ, пишетъ въ іюнѣ 1819 г. Малиновскому изъ Петербурга Ив. Нестеровичъ, въ письмѣ своемъ отъ 16 текущаго мѣсяца изъ Гомеля изволилъ возложить на меня порученіе одинъ экземпляръ Слова о полку Игоревѣ препроводить къ в. пр—ву и просить

правду, показали позднѣйшіе труды по сѣверному нарѣчію (о гонѣ, бучень пчела, галъ вертъ и пр.). О Мерзляковѣ—Чистяковѣ въ Рус. Старинѣ 1871, IV, 167. Прибавимъ о Мерзляковѣ изъ его рѣчи на актѣ въ 1814 г.: «О, какихъ сокровищъ мы себи лишаемъ! Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть! Въ нихъ бы полюбили себя снова, и не постыдились такъ назыв. первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются и наконецъ совсѣмъ уступаютъ блестящимъ бевдѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе подобнаго несравненной пѣсни Игорю?» (Рус. Стар. 1879, I, 130).—Любили народную рѣчь, областную этнографію, и Сперанскій (ср. его дневникъ въ Сибири), и Румянцовъ, который, какъ-бы желая снять упрекъ Мерзлякова, тогда-же занялся народною поэзіей, какъ увидимъ ниже. «Продолжайте, писалъ канцлеръ и въ 1818 г. В. Н. Берху въ Пермь, также меня обязывая, отсылать и присылать ко мнѣ историческія народныя пѣсни, ко торыя въ нашемъ краю еще уцѣлѣли» (Дѣло о письмѣ занятій археографич. комиссіи, VI, II, 148).

васъ покорнѣйше о принятіи на себя труда доставить оный отъ имени графа М. Тр. Каченовскому, коего труды и заслуги для отечественной исторіи и словесности графъ премного уважаетъ¹⁾). Съ этимъ яркимъ представителемъ только что усновленной Новороссіи, бѣднякомъ Каченовскимъ, объ руку идутъ его товарищи-соратники: полтавецъ Тимковскій, изъ сербскихъ выходцевъ Елисаветграда Калайдовичъ, поповичъ Малиновскій—и все это питомцы славнаго историческаго гѣзда русской науки, дѣти нужды и труда.

Духомъ научной атмосферы того-же высокаго университета были исполнены и другіе дѣятели русскаго просвѣщенія. Вспомнимъ глубоко-образованныхъ братьевъ Тургеневыхъ, Александра и Николая, изъ масонской, близкой къ университету семьи, ихъ друга, пылкаго Кайсарова, Строева, на университетской семьѣ уже издавнаго очеркѣ славянской миеологіи.

Значительное число этихъ дѣятелей вошло въ составъ формировавшагося Румянцовскаго кружка, образовали его первый, московскій контингентъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, и что необходимо должно было послѣдовать.

Если Карамзинъ держалъ себя нѣсколько гордо, чуждался освѣжительной струи Московскаго университета, съ его мыслями о Славянствѣ, то едва ли отъ того выпирали его историческія занятія.

Поэтическій лѣтописецъ, Мерзляковъ, имѣлъ все право сказать о своемъ университетѣ, въ его юбилейный день, что онъ

«Столѣтѣя третію степень

Свершалъ полезно, славно, стройно...»

На вопросъ Мерзлякова—

«Въ пустыняхъ межъ звѣрей рожденный,

Сей человекъ—къ мѣ онъ найденъ?

Какъ онъ позналъ свой родъ и мету?»

—справедливый отвѣтъ: онъ найденъ Московскимъ университетомъ. Университетъ «свѣлъ сѣмена отрадныхъ Чеботарева, Каченовскаго...

Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на минуту—на упомянутыхъ только что выше Александрѣ Тургеневѣ (1784 — 1845) и его другѣ, Кайсаровѣ (+ 1812).

¹⁾ См. ниже, Приложение, II, № 4^о, изъ Дѣлъ Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ Главномъ Моск. Арх. иностр. дѣлъ.

Оба они были не только преданы интересамъ славяновѣдѣнія, интересамъ исканія своего рода, но и славистамъ въ нашемъ, современномъ значеніи, изучавшими Славянство и на мѣстѣ, живое, подлинное, а не только то, что въ книгахъ.

Еще молодой человѣкъ, Тургеневъ былъ отправленъ отцомъ -массономъ изъ Москвы въ Геттингенъ, и здѣсь у Шлецера, съ которымъ такъ тѣсно связано имя Чеботарева и университетскаго Общества исторіи, и доучивался, и самъ помогалъ учителю въ вопросахъ славяновѣдѣнія ¹⁾).

Въ 1844 году, уже на порогѣ смерти, вспоминая свои молодые годы, проведенные за изученіемъ Славянства, Тургеневъ изъ Парижа писалъ К. Сербиновичу въ Петербургъ: «Поблагодарите Старчевскаго за статью²⁾); но я желалъ-бы кое-что оговорить въ примѣчанія—нѣкоторые изъ актовъ на англійскомъ языкѣ приобрѣтены не мною, а списаны другомъ моимъ, пок. А. С. Кайсаровымъ... Мы нѣкогда путешествовали вмѣстѣ, учились вмѣстѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, объѣхали славянскія земли и—разстались: онъ остался въ чужихъ краяхъ, въ Англій отыскивалъ русскую старину и списалъ нѣсколько актовъ, кои мнѣ достались... Желалъ-бы передать и еще кое-что изъ его бумагъ, относящихся до славянскихъ древностей... Онъ былъ одинъ изъ первыхъ славянофиловъ, и мы вмѣстѣ учились у Шлецера, работали для его «Нестора», вмѣстѣ жили и собирали рукописи славянскія и книги въ Карловцѣ у митрополита Стеф. Стратиміровича († 1836), коему Шлецеръ посвятилъ одну часть своего «Нестора». Онъ-же издалъ и славянскую миеологию на нѣмецкомъ, которую нѣмецъ Аллеръ перевелъ и напечаталъ на русскомъ». Упомянувъ, какъ другъ, оставивъ профессуру въ Дерптѣ, погибъ при Бородинѣ отъ взрыва порохового ящика, Тургеневъ заключаетъ: «Онъ-же авторъ латинской диссертациі *pro gradu doctoris* въ Геттингенѣ: *De manumittendis per Russiam servis*, которую я поднесъ чрезъ Новосильцева имп. Александру... Бросьте нѣ-

¹⁾ Ср. выше о провѣдѣ Тургенева чрезъ Смоленскъ, съ цѣлымъ сонмомъ молодыхъ людей, за границу, изъ Записокъ Мурзавѣича.

²⁾ Г. Старчевскій помѣстилъ рецензію въ Журн. м. нар. просв., редакторомъ коего былъ Сербиновичъ, на трудъ Тургенева: «*Historiae Russiae monumenta*»—ч. ХLI, VI, 16.

сколько цвѣтковъ на могилу его. Ахъ! нѣтъ—онъ взлетѣлъ на воздухъ; но авось съ нимъ и не вся ученая и патристическая жизнь его¹⁾.

Въ лѣтописяхъ Славяно-русской науки начальнаго періода, въ исторіи развитія славянскихъ интересовъ, имя горячаго слависта, профессора и капитана забвенію не можетъ быть предано и онъ былъ свѣтелемъ науки Московскаго университета...

. 3 .

Въ Москвѣ, на этой исторической нивѣ русской науки, гдѣ интересы знанія и самопознанія входили уже въ благородное преданіе, въ привычку, естественно, сформировался и знаменитый частный кружокъ науки, правда, отдѣльно отъ университета, но тѣмъ не менѣе главнымъ образомъ изъ членовъ университета или университетскаго историческаго Общества, только позже пополнившійся и въ сѣверной столицѣ, въ неширокихъ предѣлахъ распространенія этимологіи Шашкова.

Мы говоримъ о кружкѣ славнаго канцлера въ отставкѣ, гр. Николая Петровича Румянцова, сына екатерининскаго фельдмаршала.

Сначала посланникъ въ Германіи, а позже, въ блестящую эпоху нашей дружбы съ Наполеономъ, послѣ знаменитаго свиданія на историческомъ плоту обоихъ цесарей—Востока и Запада, когда Турція трепетала у ногъ нашихъ, а Прозоровскій набрасывалъ новую карту Задунайской земли, когда Наполеонъ шенбрунскимъ договоромъ дружески приподнесъ намъ Галицію, не безъ труда открывъ намъ тамъ родную, русскую землю, канцлеръ Имперіи, единомышленникъ Сперанскаго и читатель генія Наполеона, прозрѣвавшій въ немъ вводителю въ міръ новой идеи національности на мѣсто гнетущей силы феодализма—Румянцовъ, какъ и Сперанскій, отъ своихъ современниковъ подвергся одинаковой участи—клеветѣ и прещенію.

¹⁾ Рус. Старина, 1882, май, 449—450. Въ библиотекѣ имп. Поворос. унив. есть изв. книга лужицкаго вѣнца Антона «De lingua russica»... (1809). На оборотѣ обертки подпись: Тургеневъ. Впрочемъ, Александра Ивановича. Въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля Николай Тургеневъ—чванный педагогъ, Александръ тщеславный эгоистъ (V, 47—48, II, 211): ясна завистливая рука слабо образованнаго автора.

Люди, отнявшіе у Россіи Сперанскаго, рукоплескавшіе его гибели, съ слѣпою злобою относились и къ канцлеру: тоже назъ наполеоновскіхъ-де людей. Тяжкою цѣною купилъ Румянцовъ свое несоотвѣтствіе вкусамъ массы.

Бездарная Сафоо Шишкова, дамскій членъ его театральной «Бесѣды любителей русскаго слова», Бунина (1774—1829) и политикой занималась. Предъ началомъ знаменитой войны съ такою откровенностью писала она о Румянцовѣ: «по своимъ способностямъ могъ бы управлять департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ Сенъ-Маринской республикѣ, подлый льстецъ въ добавокъ, душею преданъ былъ всегда Наполеону, ненавидимъ и презрѣнъ всеми до такой степени, что радовался, когда ему сдѣлался ударъ, отъ котораго ротъ и глаза покривились, жалѣли всѣ, что онъ оправился...¹⁾ Бунина была болтливой вѣстовщицей. Но вотъ наступила борьба съ Наполеономъ.

Если въ столицѣ только упражнялись въ злобѣ противъ Румянцова: «если не купленъ Франціею, то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности», писалъ пѣкто М. Лонгиновъ полумилорду Воронцову въ Лондонъ, въ началѣ сентября²⁾,—то въ арміи судили какъ разъ наоборотъ.

Послѣ потерп Смоленска, заблуждавшаяся армія сугубо негодовала: на «нѣмца», т. е. главнокомандующаго, Барклая, и на «француза», т. е. канцлера, Румянцова. Какъ всегда бываетъ, обомъ заподозрѣли въ измѣнѣ.

Въ началѣ августа Барклай былъ смѣненъ. Попытку смѣнить «француза» Румянцова взялъ на себя англійскій генералъ Вильсонъ, проѣзжавшій тогда изъ Константинополя.

22 августа за царскимъ столомъ иностранецъ осмѣлился объяснить «подозрѣнія». Государь мѣнялся нѣсколько разъ въ лицѣ и, видимо оскорбленный, отвѣчалъ: «но армія заблуждается на счетъ Румянцова; никогда онъ не совѣтовалъ мнѣ покориться Наполеону . . . , не могу напрасно пожертвовать нѣмъ³⁾».

Съ уваженіемъ относились къ всеу оскорбляемому канцлеру немногіе, совѣстливые современники, но знавшіе его близко;

¹⁾ Русская Старина, 1885, сент., 398.

²⁾ Русскій Архивъ, 1882, 2, 177.

³⁾ Богдановичъ, Исторія царств. имп. Александра I, III, 276—278.

съ уваженіемъ относилось и будетъ относиться потомство, а съ нимъ исторія русскаго просвѣщенія.

Товарищъ по службѣ, министръ Дмитріевъ, хотя и другъ Карамзина, врага Сперанскаго, но съ полной симпатіей, вспоминаетъ въ своихъ Запискахъ о канцлерѣ, о высотѣ, благородствѣ его характера. «Онъ, разпознаетъ Дмитріевъ о первыхъ засѣданіяхъ Государственного Совѣта, говорилъ плавно, не нища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностью; противурѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ былъ колокъ. Особенно я любовался гр. Румянцовымъ, когда онъ обращалъ рѣчь свою въ Государю. Никто изъ вельможъ того времени не изъяснялся предъ нимъ такъ искренно, такъ смѣло и съ такою, притомъ, глубокою почтительностью къ августѣйшей особѣ» ¹⁾.

Естественно, если образованный монархъ глубоко уважалъ образованнаго и благороднаго совѣтника, выдѣляя его довольно рѣзко изъ среды другихъ дѣятелей. «Я не могу не питать къ нему, возразилъ Государь смѣлою передачику мнѣнія арміи за историческимъ обѣдомъ 22 августа, особеннаго уваженія: онъ одинъ никогда ничего не просилъ у меня; всѣ же прочіе безпрестанно добиваются почестей, денегъ и другихъ наградъ» ²⁾.

Канцлеръ, по своему характеру, былъ живымъ укоромъ царившему своекорыстію; отсюда вся эта злоба, отъ высокочиновнаго и до мелкаго патріота Н. И. Греча, изъ нѣмецкихъ бемчанъ, для котораго тоже Румянцовъ — неспособный болтувъ, не болѣе ³⁾.

¹⁾ Стр. 128.

²⁾ Богдановичъ, Исторія и пр., указ. мѣсто.

³⁾ Гречъ Н. И., Записки, Спб. 1886, 265. Достойный товарищъ Булгарина, пронырливый какъ тотумъ, Гречъ въ своихъ Запискахъ являетъ изъ себя судью вселенной, но жалкаго. Все у него по одному шаблону: талантливые, благородные, это — всякіе шпородцы на службѣ; малоспособные, лѣныые, это — русскіе. Сподвижники разныхъ эмигрантовъ изъ Германіи, вмѣстѣ съ учителямъ на клавинодахъ взышійся въ 1812 г. учить насъ патриотизму, Гречъ единичкой разражается противъ правительства напр. за то, что оно въ 1809 г. приобрѣло отъ Австріи, благодаря Наполеону, русскую часть Галиціи (стр. 267). Правиль тогда иностранными отношеніями Румянцовъ. За то его преемникъ, Нессельродъ, не оправдавшій предсказанія Наполеона, что будетъ великимъ, послѣдствіемъ въ 1815 г. возвратитъ Австріи историческую русскую землю — Червоную Русь...

Великодушный Александръ если и довольно легко пожертвовалъ своимъ многолѣтнимъ совѣтникомъ, Сперанскимъ, то только подѣ влияніемъ минутной вспышки раздраженія ¹⁾; но вторично ошибки повторить не могъ и своею высокою особой защитилъ канцлера противъ исканій темноты или своекорыстія. «Не уступлю никому права выбора моихъ министровъ, внушительно говорилъ императоръ забывшемуся иностранцу, на другой день послѣ обѣда 22 августа; гр. Румянцовъ не подастъ повода ни къ какому несогласію, либо разномыслію. Съ моей стороны, все будетъ сдѣлано для разсвѣнія опасеній, но такъ, чтобы это не имѣло вида уступки угрозамъ, и чтобы я не могъ упрекать себя въ несправедливости»²⁾).

Дѣйствительно, канцлеръ отступилъ съ своего поста, но негласно, чтобы также негласно уступить его, постъ русскаго министра, эмigrantsу Штейну, безспорному патриоту, но только прусскому, думавшему объ одномъ—Россіей, какъ слѣпымъ орудіемъ, воскресить свое нѣмецкое отечество³⁾. Но номинально Румянцовъ

¹⁾ Въ минуту высшаго торжества, при торжественномъ въѣздѣ въ Парижъ, 19 го марта 1814 года, императоръ обратился къ А. П. Ермолову съ сердечными словами: «Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Въдѣ, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона меня считали простячкомъ». (Богдановичъ, Исторія и пр. IV, 507) Въ послѣднихъ словахъ мы позволяемъ себѣ видѣть намекъ на Сперанскаго. Но лично Александръ и падшаго Наполеона иначе не называлъ, какъ великимъ человекомъ.

²⁾ Богдановичъ. Исторія и пр., указ. мѣсто.

³⁾ По истребленіи «великой арміи», Кутузовъ, Аракчеевъ, Шишковъ были того мнѣнія, что намъ болѣе нечего воевать, а потому границы не переходить. Но Штейнъ былъ иного мнѣнія, и его мнѣніе взяло верхъ. Цѣль Штейна—слишкомъ ясна, чтобы говорить. Въ началѣ марта 1813 г. мы видимъ Штейна уже официальнымъ представителемъ Россіи: подѣ конвенціей 7 марта о вступленіи Пруссіи въ союзъ съ нами, подписи со стороны Россіи—на первомъ мѣстѣ Штейна, на второмъ Нессельрода. Далѣе значеніе его росло болѣе и болѣе, и, не уничтоживъ Франціи, онъ уже дѣлилъ ее. (Ср. Богдановичъ, ук. соч., IV, началн. главы). Заносчивость этого нѣмецкаго патриота граничила съ дерзостью. По разсказу его друга и сотоварища по русс. эмиграціи Арида, автора изв. пѣсни «Гдѣ же нѣмецкое стечество?», .., когда, по изгнаніи Наполеона, Штейнъ обѣдалъ однажды при дворѣ и вдовствующая императрица Марія Теодоровна отозвалась неодобительно о нѣмцахъ, онъ поблѣднѣлъ и замѣтилъ, что такъ нельзя говорить и особенно «передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ».—въ борибѣ съ Наполеономъ.

оставался по старому канцлеромъ. Но наскучивъ своимъ дру-
смысленнымъ положеніемъ, онъ черезъ годъ рѣшился попро-
ситься совсѣмъ въ отставку. «Многія причины, пишетъ канц-
леръ всеяльному Аракчееву 3 авг. 1813 г., меня нудятъ же-
лать получить отставку. Доложите государю, что я ее приму
съ крайнею благодарностью и буду ею пользоваться, какъ
необходимымъ даромъ»¹⁾

Государь исполнилъ просьбу своего благороднаго, неиска-
тельнаго канцлера, но при особомъ знакъ своего милостиваго
вниманія: за нимъ онъ сохранилъ и въ отставкѣ титулъ кан-
цлера. Теперь старикъ спрашиваетъ права «иногда отлучать-
ся изъ Петербурга»²⁾.

. 4 .

Съ непоколебленнымъ расположеніемъ имп. Александра канц-
леръ сошелъ съ служебной сцены и отъ суеты дѣлъ обратился
къ наукѣ, чтобъ на этомъ попрощѣ набранниковъ оставить
незгладимые слѣды своей высокой патріотической души.

«Онъ показалъ, какъ и въ отставкѣ можно служить госу-
дарству», благоговѣнно произнесъ о немъ его старѣйшій со-
трудникъ по наукѣ, Малиновскій, издавая лебединный томъ

Штейны тогда уже забыли, что въ періодъ послѣ тильзитскаго мира и по
1812 г. прусскій дворъ содержался русскимъ правительствомъ, не говоря о
моральной поддержкѣ. Въ 1808 прусскій посланникъ Шладеръ получилъ 1 мил.
954 т. «на извѣстное его величеству употребленіе», въ 1809—2 мил. 570 т.,
въ 1810—«прусскому двору» 3 мил., 1811 мил. 560 т. Вѣроятно, и другіе ми-
ліоны, ассигнуемые на «извѣстные расходы», шли отчасти туда же. (В о г д а
п о в и ч ъ, ук. соч., III, приложеніа, стр. 23, 26, 27, 32). И это было время,
когда нашъ рубль страшно падалъ, остановившись вѣковецъ на 25 копѣйкахъ.
Слѣдовательно, не Штейнамъ говорить объ обязанности. Объ удрученномъ видѣ
прусскаго двора даже въ началѣ 1813 г. ср. «Воспоминанія» дочери изв. поэто
друга Магницкаго, Стурдзы, въ Русскомъ Архивѣ 1887, III, 291. —
При шумномъ патріотическомъ подъемѣ ищцевъ противъ обезсмысленнаго
нами Наполеона, предъ которымъ вчера еще не смѣли пикнуть, одинъ
Шоенгауэръ, тогда студентъ Берлинскаго университета, смотрѣлъ иначе.

¹⁾ Дубровинъ, Письма и пр. № 99.

²⁾ Тамъ-же, № 121, въ письмѣ къ Аракчееву въ Парижъ, 14 апрѣля
1814 года.

Румянцовскаго «Собраніа государственныхъ грамотъ и договоровъ».

«Въ исторіи мысли нашей и ея направленія, къ чему не стремился, чего не пожелалъ пролснить достойный смыслъ героя Задунайскаго, обратившій домъ свой въ храмъ отечественныхъ музъ!» восторженно восклицаетъ академикъ Плетневъ, разсудительный другъ Пушкина ¹⁾).

Служба Румянцова на пользу русскаго просвѣщенія и русскаго имени возмѣстила старику тѣ неудачи, которыя онъ понесъ съ своей русской политикой, стремившейся къ дружбѣ съ Франціей, какъ естественнымъ русскимъ союзникомъ въ Европѣ, но увы! въ эпоху господства Штейновъ, игравшихъ нами. Не будемъ удивляться, если горькій опытъ жизни сдѣлалъ старика сумрачнымъ, подозрительнымъ. По поводу одной исторіи въ столицѣ, 18 го ноября 1818 года Аракчеевъ писалъ Государю: «по сему случаю происходятъ въ публикѣ различныя толки, какъ я слышалъ о томъ отъ нашего канцлера, гр. Румянцова. Хотя гр. Румянцовъ, какъ извѣстно Вашему Величеству, и имѣетъ привычку видѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ... ²⁾ Это было естественное состояніе для мыслящаго и оскорбленнаго патріота.

Но горькій опытъ жизни, прожитые черные дни клеветы, не сдѣлали старика апатичнымъ: напротивъ, свободный отъ людской злобы, онъ съ усиленной энергіей предался своей старой страсти—исканію знанія.

Научные интересы Румянцова направлялись и тяготѣли къ одной центральной точкѣ—къ отечествовѣдѣнію, захватывая въ кругъ своихъ вопросовъ, по исторической необходимости, и вопросы славяноизученія. Какъ мы увидимъ сейчасъ, начало славянскихъ интересовъ Румянцова относится еще къ очень раннему времени, къ «этимологической» эпохѣ импер. Екатерины II.

Результатомъ этого обращенія Румянцова къ идеальнымъ

¹⁾ Ж. м. нар. пр., 1834, I, 2, 27.

²⁾ Богдановичъ, Исторія и пр., VI, приложенія, стр. 99. И много позже, въ письмѣ 1823 г., Аракчеевъ, посѣтивъ канцлера въ Гомель, повторяетъ тоже о «черныхъ мысляхъ», какъ о его обычномъ спутникѣ жизни (тамъ-же, стр. 121).

интересамъ знанія были два историческихъ памятника Россіи. Одинъ—«рѣдкій монументъ русской гражданской доблести, чудный памятникъ истиннаго историческаго русскаго человѣка», это рукописи Румянцева, «собранныя цѣною долгихъ усилій и тратъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, со страстью знатока и глубокимъ знаніемъ искренняго ученаго, рукописи всѣхъ эпохъ русской исторической жизни»¹⁾, «храмъ отечественныхъ музъ», по выраженію Плетнева. Другой памятникъ — постепенное сосредоточеніе около старика свободнаго кружка людей русской науки, который въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія приобрѣлъ почетное имя—Кружка канцлера Румянцева.

И Шишковъ, какъ Румянцовъ, любилъ книги—зарывался, къ соблазну современниковъ, въ «богемскихъ книгахъ», любилъ и цѣнилъ научный трудъ (припомнимъ его смѣлую параллель между людьми книги и меча); Шишковъ былъ тоже центромъ, и не кружка, а цѣлаго «сословія» избранныхъ. Но какое несходство въ результатѣ дѣятельности одного и другаго!... Но Шишковъ «упражнялся», по широкой программѣ своей фантазіи; Румянцовъ шелъ въ своихъ научныхъ начинаніяхъ, какъ человѣкъ строгихъ научныхъ интересовъ, по одному, ясно и давно начертанному въ его сознаніи пути, съ одною, твердо намѣченною, цѣлью — глубокаго научнаго изученія былаго Русской Земли. Онъ искалъ всюду матеріалы для этого изученія; онъ призывалъ всѣхъ на эту великую національную работу.

Но гдѣ-же на этотъ звать могли прежде всего откликнуться?

Естественно, въ наспѣвшемъ историческомъ гнѣздѣ русской науки—въ Москвѣ. Стремленія Румянцева какъ нельзя болѣе согласовались съ знакомымъ намъ характеромъ научныхъ интересовъ Московскаго университета, съ задачами университетскаго историческаго Общества, Каченовскаго. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ и было то, что на первый призывъ Румянцева отозвались московскіе люди, что одна и другая стороны вскорѣ сердечно слились, при общемъ, роднившемъ ихъ, чувствѣ—желаніи потрудиться во благо русскаго просвѣщенія. Въ первенствующей-же столицѣ пока еще забавлялись — члены напр. «Бесѣды», «Арзамаса»...

¹⁾ Румянцевскій Музей, статья г. Стасова въ Русской Старинѣ 1883, янв., 89. Рукописей было до 710, всѣхъ книгъ : 8.200 томовъ. См. Срезневскій, Переписка Востокова, р. 456, гдѣ описаніе Собранія Румянцева, предъ переходомъ его въ казну.

«Имя знаменитаго любителя отечественныхъ древностей, гр. Н. П. Румянцова, благоговѣнно замѣтилъ еще Полевой, составляетъ эпоху въ исторіи нашихъ древностей тѣмъ, что его печеніями положено первое начало къ правильному, настоящему занятію древностями—опыты до него были слабы и недостачны»¹⁾).

. 5 .

Любовныя отношенія Румянцова къ интересамъ отечествовѣдѣнія относятся къ весьма раннему времени, когда онъ, блестящій молодой дипломатъ, былъ представителемъ Россіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Отъ 1791 года имѣется первое извѣстіе объ ученыхъ симпатіяхъ Румянцова, о предметѣ ихъ, и оно дружески связываетъ дорогія имена Румянцова и Добровскаго.

15 февраля 1791 г. австрійскій посланникъ во Франкфуртѣ, гр. Филиппъ Стадіонъ, изъ Вюрцбурга письменно обращается къ Добровскому съ порученіемъ отъ своего русскаго товарища по вопросамъ «древней исторіи и взаимныхъ отношеній славянскихъ народовъ между собою». «Румянцовъ, поясняетъ Стадіонъ, человекъ большаго ума и съ обширными познаніями и особенно усердно занимающійся изученіемъ своей отечественной исторіи, отыскалъ у старинныхъ русскихъ историковъ указанія на то, что Россія въ первые времена своего существованія находилась во всякаго рода сношеніяхъ съ Чехіей и Моравіей». Въ виду же неполноты своихъ русскихъ источниковъ Румянцовъ надѣется на источники чешскіе, а знакомство съ трудами Целлея и самого Добровскаго убѣдили его, что «вы, продолжаетъ Стадіонъ, скорѣе всякаго другаго могли-бы надлежащимъ образомъ удовлетворить его желаніямъ», а его желаніе — получить свѣдѣнія—«не встрѣчались-ли вамъ въ изслѣдованіяхъ вашей древней исторіи данныя о сношеніяхъ съ Россіей и указать самые источники, къ которымъ гр. Румянцовъ могъ бы обратиться для дальнѣйшихъ справокъ».

«Этимъ обязательнымъ сообщеніемъ, заключалъ Стадіонъ,

¹⁾ Московскій Телеграфъ, 1825, ч. 3, стр. 75.

вы оказали-бы крайнее одолженіе ему и мнѣ и возбудили-бы между обоими вами обмѣнъ свѣдѣній»¹⁾.

Но предположенный обмѣнъ мыслей между блестящимъ русскимъ дипломатомъ и молодымъ чешскимъ аббатомъ—обоимъ тогда только что перешло за тридцать—не состоялся. Дружеское посредничество австрійскаго графа не привело къ сближенію любопытнаго представителя научной пыгливости екатерининскаго вѣка съ испытаннымъ дѣлательемъ на нивѣ славянской науки. Сборы къ предстоявшему путешествію въ Россію могли отвлечь Добровскаго отъ неожиданнаго вызова Стадіона; но могъ Добровскій счесть домогательство какого то русскаго дипломата и не достаточно серьезнымъ и не дать ему цѣны. Оба сблизились уже подъ старость лѣтъ.

Прошло много лѣтъ послѣ неудавшейся франкфуртской попытки Румянцова помочь себѣ Добровскимъ въ своихъ сомнѣніяхъ по вопросамъ родной старины. Тогда молодой дипломатъ, теперь Румянцовъ старикъ, канцлеръ Имперіи. Но и въ избитомъ старомъ сердцѣ былое тоже заботливое чувство къ предмету старинной любви — къ изученію родной старины.

Горизонтъ на Западѣ уже сталъ завлакиваться; сомнительные элементы смыкались и приготавливали матъ опережавшимъ вѣкъ политическимъ стремленіямъ канцлера, когда старикъ, въ началѣ 1811 года, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ облегченіи затрудненнаго изученія былаго Русской Земли—«о распространеніи общепользныхъ свѣдѣній», какъ говорилъ онъ—обнародованіемъ на его, канцлера, счетъ всѣхъ государственныхъ актовъ съ древнѣйшихъ временъ.

Получивъ словесное высочайшее одобреніе своему проекту, Румянцовъ свѣшилъ съ пальмовою вѣткой къ старому соратнику своему, въ знаменитый Колпашный переулокъ на Соляннѣ въ Москвѣ—«въ врачную хранину врачнаго старца», какъ выражался Вигель²⁾, но старца славнаго. «Не хочу долѣе отложить отвѣта моего на письмо ваше отъ 31 генваря», писалъ канцлеръ Н. Бантышу-Каменскому, управлявшему тогда «Московскимъ Государственной Коллегіи Архивомъ иностранныхъ дѣлъ», основаннымъ трудами историографа Миллера,

¹⁾ Шишковъ, Записки и пр. I, 231, прим. издателя, пок. Киселева.

²⁾ Воспоминанія, I, 170.

сообщая докладъ и одобреніе и прося его поработать «сколько для пользы, столько и для славы»¹⁾.

Блестящее французское образованіе, сознательныя симпатіи къ Франціи и ея Наполеону, не вытравили въ Румянцовѣ горячей любви къ родному, а, можетъ быть, сильнѣе крѣпили его русское чувство. Не безъ воздѣйствія именно ученой литературы Франціи утвердилось у канцлера желаніе—дать изъ «пользу» Россіи знаменитое Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Грандіозный памятникъ французской литературы прошлаго столѣтія носился предъ глазами Румянцова: Дюмоновъ «Дипломатическій Корпусъ», какъ говорили тогда, имѣлъ стать первообразомъ для канцлерскаго «Собранія». Трудъ Дюмона²⁾ былъ близко извѣстенъ, какъ самому канцлеру, такъ и старому архивскому слугѣ, Бантышу-Каменскому, который еще въ 80-хъ годахъ, руководясь изданіемъ французскаго ученаго, составилъ для императрицы реестръ дипломатическихъ отношеній нашихъ къ Польшѣ, отъ царя Іоанна III до Алексѣя.

Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ открылась, на старости лѣтъ, ученая карьера Румянцова. Начатое при непосредственномъ участіи Бантыша-Каменскаго, оно стало эмбриономъ, а затѣмъ центромъ постепенно формировавшагося Румянцовскаго Кружка, интересы котораго вскорѣ выступили далеко за тѣсныя предѣлы памятниковъ нашей старой дипломатіи.

Старѣйшимъ членомъ Кружка былъ, естественно, трудолюбивѣйшій старикъ, Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737—1814). Уроженецъ Малороссіи, изъ обрусѣлыхъ молдаванъ, воспитанникъ Кіевской академіи, племянникъ умерщвленнаго московскими изуверами архіепископа Амвросія, Бантышъ, долго ученикъ исторіографа Миллера, въ 1786 году принявъ Архивъ въ свое смотрѣніе и въ немъ неустанно ра-

¹⁾ Отъ 4 апрѣля 1811 г. Подробности объ исторіи появленія въ свѣтъ изданія сейчасъ ниже.

²⁾ Du Mont I. Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce etc., depuis le regne de l'Empereur Charlemagne jusques à présent. T. I—VIII. Amsterdam (Brunel) fol. 1726—31. (Въ 1739 3 тома «Supplement»).

боталъ по самый день смерти. Здѣсь подъ его строгимъ руководствомъ учились и легкомысленные «архивскіе юноши», «матерные, раздушенные недоросли», и люди серьезнаго отношенія, какъ Малиновскій, будущій преемникъ старика, братья Тургеневы, Блудовъ, и скромнѣйшіе, сморкавшіеся въ руку, Большаковъ, Щученко ¹⁾. О заслугахъ Бантыша для неисчерпаемаго Архива и русской исторической науки краснорѣчивѣе всего говорить то обстоятельство, что и сегодня каждый занимающійся въ гостепріимномъ изящномъ зданіи на Вадвиженкѣ ежечасно съ признательностью помнитъ «мрачнаго» старика, обильно пользуясь отчетливыми описями дѣлъ, сдѣланными этимъ неутомимымъ работникомъ въ концѣ прошлаго вѣка. Онъ былъ давно полнымъ господиномъ своего Архива. Понятно, что онъ главный рычагъ канцлера.

За Бантышемъ слѣдовалъ Алексѣй Θεодоровичъ Малиновскій (1762—1840), его наперсникъ, сынъ московскаго университетскаго священника, въ Архивъ вступившій еще при Миллерѣ (1778). Умный и свѣдущій, но искательный, Малиновскій былъ, къ сожалѣнію, слишкомъ съ чиновничьей душой и думалъ напримѣръ, что драгоценности Архива потеряютъ свою цѣну, если сдѣлаются нѣсколько извѣстными и потому неохотно допускалъ въ Архивъ ²⁾. Мы видѣли раньше ревниваго оберегателя архивской старины, какъ усерднаго члена университетскаго историческаго Общества.

Затѣмъ, пошли на службу къ Румянцову, на службу «Трактатнаго Собранія», молодые ученые подростки: знакомый по «Вѣстнику» Каченовскаго, многострадательный Константинъ Θεодоровичъ Калайдовичъ (1792—1832), предприимчивый Павелъ Михайловичъ Строевъ, оставившій выгодную службу

¹⁾ Объ этомъ разнообразномъ населеніи Архива въ концѣ прошл. вѣка см. «Воспоминанія» Вигеля, I, 173—177. Естественно, если серьезный ученый былъ не рѣдко грубъ съ своими праздношатавшимися учениками. Кстати припомнить, что наиболѣе дѣльные члены петербургскаго «Архиваса» вышли изъ этой серьезной школы сердитаго старика, какъ Блудовъ, Тургеневы, что самое петербургское товарищество заложилось въ «мрачной храниль» Бантыша-Каменскаго.

²⁾ Русский Архивъ, 1882, V, 113. Знакомый намъ А. И. Тургеневъ, не смотря на офиціальное разрѣшеніе Нессельрода, не могъ пользоваться Архивомъ (тамъ-же).

при «соляномъ комисарѣ», и смѣнили собою членовъ—мелкихъ чиновниковъ, перваго набора, при первой организаціи «Комиссіи печатанія» еще при Бѣнтышѣ-Каменскомъ. Не участвовала личнымъ трудомъ, но жили въ духовномъ общеніи съ издательскимъ Кружкомъ канцлера, и съ первыхъ-же дней, старый поборникъ и учитель славянѣизученія и старинны, Каченовскій, епископъ калужскій Евгеній, позже знаменитый владыка вѣвскій († 1837).

Это былъ московскій контингентъ Кружка. Затѣмъ онъ былъ усиленъ контингентомъ изъ Петербурга: просвѣщеннымъ членомъ Академіи Шишкова, старикомъ Оленянымъ († 1843), художниками-археологами А. Н. Ермолаевымъ (1780—1828) и А. Х. Востоковымъ (1781—1864), усерднымъ, предпримчивымъ П. И. Кеппеномъ (1793—1862), протоіереемъ І. Григоровичемъ († 1861) изъ лѣтней резиденціи канцлера, Гомеля, и нѣкоторыми другими, меньшаго значенія.

«Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ» (4 тома, редакція Бантыша-Каменскаго и Малиновскаго) открылась серія Румянцовскихъ изданій, роскошный внѣшній видъ которыхъ прекрасно гармонировалъ съ достоинствомъ ихъ выполненія. Эти изданія: Древнія русскія стихотворенія (редакція Малиновскаго и Калайдовича), Памятники русской словесности XII в. (ред. Калайдовича), Судебники обоихъ Іоанновъ, Софійскій Временникъ (ред. Строева)¹⁾, Бѣлорусскій Архивъ (о. Григоровича, ред. Калайдовича), Іоаннъ Эксархъ Болгарскій (Калайдовича), Собраніе словенскихъ памятниковъ (Кеппена, ред. Калайдовича и Востокова). Можно присоединить сюда и еп. Евгенія Словарь русскихъ писателей. Въ известномъ смыслѣ эта серія достойнѣйше завершается Описаніемъ рукописей Румянцовскаго Музея, изданнымъ уже позже, при участіи Шишкова. Большинство этихъ изданій и сегодня являютъ всю свою высокую научную цѣну. Если и

¹⁾ Въ 1813 г. Румянцовъ внесъ 25 тыс. въ Россійскую Академію на изданіе русскихъ лѣтописей. Медленность въ изданіи лѣтописей у Чеботарева происходила отъ безденежья, при силахъ, а въ Академіи при деньгахъ силъ не было — и вносъ Румянцова не вызвалъ ожидавшихся послѣдствій. (Переписка Румянцова, стр. 347).

можно упрекнуть, то въ одномъ: почему иногда забывался благой совѣтъ еще старика Чеботарева—«въ правописаніи и препинаніяхъ» не измѣнять, хотя самъ Румянцовъ это правило любилъ повторять.

Указанная серія обнимаетъ тотъ-же съ небольшимъ десятокъ лѣтъ, 1811—1825, который знаменовался особенно усерднымъ выпускомъ въ свѣтъ «Извѣстій» Россійской Академіи Шишкова: но какъ мало общаго между предпріятіями одного и другаго рода—кружка Румянцова и Академіи!... «Извѣстія» Шишкова при самомъ появленіи своемъ были мертворожденнымъ дѣтищемъ; учительныя-же изданія Кружка останутся навсегда величественнымъ памятникомъ въ исторіи нашего просвѣщенія и славяно-русской науки. Что дѣлается въ настоящее время цѣлыми учеными обществами, комиссіями, то дѣлали въ тѣ памятные годы члены частнаго кружка, въ одиночку, работая съ самоотверженіемъ и «по жалкимъ цѣнамъ» (употребляемъ выраженіе Шлецера-сына ¹⁾)—согласно обычаю того времени, такъ какъ за трудъ свой они не получали великой благодарности. Скромно, въ тиши кабинета, члены частнаго кружка, которыхъ Академія Шишкова почти не признавала, полагали краеугольный камень отечественной наукѣ славянской филологіи.

Но—лишній разъ вспомнить серію Румянцовскихъ изданій еще не значитъ сказать все, чѣмъ интересовался Кружокъ, о чемъ онъ радѣлъ.

Дѣло въ томъ, что много ученыхъ задачъ было намѣчено Кружкомъ для будущаго, много монументальныхъ памятниковъ славянскаго слова было поставлено имъ на очередь, но, къ сожалѣнію, очереди не дождавшихся... Вспомнимъ только, что подготовительныя работы, и серьезныя, къ изданію Святославова Изборника 1073 года были уже сдѣланы Востоковымъ, что за Изборникомъ должно было слѣдовать Остромирово евангеліе, что описаніе славянскихъ рукописей богатой Синодальной Библіотеки—старое желаніе канцлера—было не только дѣломъ рѣшеннымъ, но и начато опытными руками Балайдовича. Словомъ, грандіозныхъ плановъ задумано было не мало... Но смерть канцлера все это оставила, да кое-какія и другія обстоятельства. Какое вліяніе всѣ

---

¹⁾ Въ письмѣ къ Малиновскому отъ 10 апр. 1814 г.—«le prix hamilton» (тамъ-же, № 9).

эти предположенные изданія должны были имѣть на дальнѣйшее развитіе славяновѣдѣнія, легко себя представить уже въ виду одного того, что на рукописи Остромирова евангелія развивалось главнымъ образомъ научное изученіе старо-славянскаго языка, что именно съ изданіемъ этого памятника, котораго такъ страстно ожидали западные слависты—Добровскій, Копитаръ — идетъ эпоха въ исторіи славянской филологіи.

Не будемъ преувеличивать заслугъ предъ славянской наукой Румянцова, дряхлаго тѣломъ, но до смерти свѣжаго умомъ старца, и его Кружка. Но и за свершенное потомство обязано сказать одно—спасибо, жалѣя о несвершенномъ.

Исполнилось желаніе не безъ естественнаго честолюбія старика, исполнилось вѣщее слово его читателя и соратника, Каченовскаго. 21 марта 1820 г. канцлеръ писалъ Малиновскому: «дай Богъ, чтобы Каченовскаго и ваше пророчество сбылось, и чтобы я до такой степени порадовалъ и старался о всемъ томъ, что прибавить можетъ большее богатство въ свѣдѣніямъ о русскихъ древностяхъ, чтобы время сіе прослыло навсегда Румянцовскою эпохою»¹⁾.

Время это прослыло такъ—прослыло счастливымъ временемъ русской науки²⁾.

Дѣйствительно, и въ затмительную эпоху русской науки и просвѣщенія, въ эпоху Магницкаго, Рунича и Стурдзы, если не угасалъ скромный огонекъ любви къ истинѣ, то не послѣдняя заслуга въ этомъ принадлежала Кружку Румянцова. Этотъ кружокъ поддерживалъ пытливость къ изслѣдованію, уваженіемъ къ наукѣ, къ умственному труду поддерживалъ среди возобладавшихъ было темныхъ стремленій высшіе интересы въ обществѣ, воспитывалъ въ немъ патріотическое чувство, воспитывалъ народный духъ, однимъ словомъ, своими интересами воскрешалъ предъ современниками симпатическій характеръ правительственной дѣятельности первыхъ лѣтъ императора Александра, полагавшей, что наука есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, № 151.

²⁾ Слова Срезневскаго, въ предисловіи къ Переписку Востокова.

³⁾ Ср Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія, вып. I, 21. Ср. 86.

Но войдемъ внутрь Румянцовскаго Кружка, этой дѣйствительной Русской Академіи, въ лабораторію Кружка, чтобы присутствовать при томъ, какъ возникалъ, развивался и осуществлялся тотъ или другой вопросъ, какъ волновалъ членовъ Кружка интересы науки, чтобы видѣть, какія чувства сближали ихъ другъ съ другомъ, къ чему стремились они, эти подвижники, мзды не требовавшіе, искавшіе себѣ чести, а Россіи славы... И доступъ въ эту лабораторію открытъ: мы разумѣемъ взаимную переписку членовъ Румянцовскаго Кружка, дѣла Коммиссіи по изданію Собранія — дорогой источникъ для исторіи русской партіи современнаго славяновѣдѣнія.

Собраніе было эмбриономъ Кружка; этимъ изданіемъ, скажемъ словами Бантыша-Каменскаго, при окончаніи печатанія I тома, «безсмертная сдѣлана отечеству услуга — оно дало свѣтъ толико лѣтъ лежавшихъ въ тьмѣ и забвеніи бездѣльнымъ росіійскимъ древностямъ»¹⁾, и намъ позволительно на этомъ начальномъ предпріятіи остановиться нѣсколько подробнѣе.

. 6 .

Первая мысль объ паданіи русскихъ дипломатическихъ актовъ, по образцу Дюмона, принадлежала еще императрицѣ Екатерины II. Уже въ началѣ 1779 года въ этомъ смыслѣ была выражена высочайшая воля, и тотчасъ же было поручено исполненіе ея знаменитому историографу О. И. Миллеру, въ Москвѣ.

«Высочайшимъ указомъ 28 января 1779 года повелѣно поручить вамъ имянно, писала 27 мая Государственная Коллегія иностр. дѣлъ статскому сов. Миллеру, чтобъ для росіійской исторіи старались вы учинить собраніе всѣхъ росіійскихъ, древнихъ и новыхъ, публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ подобныхъ тому актовъ, по примѣру Дюмонова Дипломатическаго Корпуса. А какъ успѣхъ сего дѣла имѣетъ служить къ особенной благоугодности всеилостивѣйшей государыни; то Коллегія, зная особенное ваше искусство въ родѣ такихъ сочиненій и неутомленные ваши въ томъ труды, считаетъ излишно

¹⁾ См. ниже, Приложенія, I, № 19.

присоединить къ тому свои какія-либо наставленія, а только рекомендуя вамъ къ должному исполненію выше означенное ея импер. величества высочайшее повелѣніе, объявляетъ чрезъ сіе, что когда вамъ по порядку работы вашей понадобятся новѣйшаго и настоящаго времени секретныя и публичныя акты, то оныя всѣ отсюда доставляемы быть имѣютъ, съ означеніемъ, которые изъ нихъ должны сохраняемы быть въ непроницаемой тайнѣ¹⁾.

«Неутомленному» историографу было уже тогда подѣ 80 лѣтъ (род. 1703)—не легко было ему открыть новую ученую работу. Но, имѣя подѣ руками энергическаго Бантиша-Каменскаго, Миллеръ уже въ апрѣлѣ 1780 г. представилъ императрицѣ пробный трудъ, начало задуманнаго Собранія — трудъ своего архивскаго ученика о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшею, съ XV стол., а вскорѣ и цѣлую серію подобныхъ трудовъ, о сношеніяхъ съ Австріей, Пруссіей и др. Думаемъ, что главное участіе въ этихъ работахъ принадлежало тому-же Бантишу-Каменскому, котораго такъ горячо тогда-же дряхлѣющей Миллеръ препоручалъ вниманію самой императрицы, какъ своего ученаго наследника. Самъ же старикъ готовился уже въ болѣе далекій путь и заключалъ житейскіе счета, уступая родному Архиву свою богатую библіотеку, съ богатыми матеріалами въ портфеляхъ²⁾.

Императрица, виновница русскаго Дюмона, съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ «сочиненія» и, въ видахъ устраненія возможнаго замедленія при печатаніи, 19 января 1783 г. указала Коллегіи иностр. дѣлъ завести при «Московской Архивѣ» даже собственную типографію—свидѣтельство участія и нетерпѣнія. «Для напечатанія, говорила она, сочиняемаго по указу на-

¹⁾ За подписью Н. Панина и И. Остермана. Изъ «Записной тетради входящихъ и исходящихъ бумагамъ учрежденной при Моск. Колл. ин. дѣлъ Архивъ Коммиссіи о изданіи въ печать Собранія гос. грамотъ и договоровъ», 1811 года, въ началѣ—въ Главномъ Моск. Арх. м. ин. дѣлъ.

²⁾ См. егиревъ, Словарь, I, 43 (перепечатка у г. Старчевскаго, Очеркъ литературы русскаго исторіи до Карамзина (стр. 209 и слѣд.), ак. Пекарскій, Матеріалы для исторіи библ.—ки Моск. гл. Арх., въ «Зап. Акад. наукъ», т. XII. 93. Ср. Соловьевъ, Г. Ф. Миллеръ, въ «Современникѣ» 1854 (т. 47) стр. 141.

шему отъ 28 января 1779 г. Собранія древнихъ и новыхъ трактатовъ между Россією и другими державами и иныхъ публичныхъ актовъ, такожь и прочаго, что до Россійской исторіи касается, повелѣваемъ завести въ Москвѣ при Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ особую типографію».

Заведеніе архивской типографіи предоставлялось императрицею тому Миллеру-же, и въ этомъ смыслѣ тогда-же состоялся указъ ему отъ Коллегіи ¹⁾).

Но опасенія нетерпѣливой императрицы были преждевременны.

Миллеръ не ошибся въ предчувствіи своей смерти, и не далѣе какъ въ октябрѣ того-же 1783 года его уже не стало. Особая типографія для нуждъ «Трактатнаго Собранія» заведена не была.

Со смертью Миллера екатерининская мысль о русскомъ Дюмонѣ какъ-то затерялась, хотя наслѣдникъ-ученикъ Миллера не переставалъ вести далѣе работы, готовить дипломатическій матеріалъ для будущаго. Результатомъ этихъ архивскихъ работъ Бантыша-Каменскаго было «Сокращенное дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ переписяхъ руссійскаго двора съ иностранными», въ четырехъ частяхъ (въ I части сношенія съ австрійско-цесарскимъ дворомъ, англійскимъ и пр., т. е. въ алфавитномъ порядкѣ дворовъ). Сочиненіе это, вмѣстѣ съ трудомъ его молодыхъ дѣтъ: «Описью новгородскихъ и великихъ князей грамотъ» (1767 года), и послужило основой для Румянцовскаго Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, облегчло его появленіе.

Такимъ образомъ, прекрасная мысль императрицы—помочь дѣлу, «что до руссійской исторіи касается», издашемъ трактатовъ, осталась добрымъ начинаніемъ, не вышла изъ области пожеланій, хотя, безспорно, образуетъ лишній лепестокъ въ завидномъ вѣнкѣ всегда заботливой объ интересахъ русскаго самопознанія великой женщины.

Но прошло четверть вѣка съ небольшимъ, и екатерининская мысль воскрешается снова. Старую мысль взял въ свои руки теперь канцлеръ Румянцовъ, чтобы, пользуясь извѣданною архивскою опытностью, теперь уже старика, Бантыша-Каменскаго, довести дѣло до конца.

¹⁾ Оба указа въ указ. выше «Записной тетради» Коммисіи, 1811 года.

Послѣ предварительныхъ детальныхъ переговоровъ съ Бантышемъ-Каменскимъ ¹⁾, въ началѣ 1811 года канцлеръ представилъ всеподаннѣйшій докладъ (отъ 25-го февраля), испрашивая соизволенія—«издать въ свѣтъ полное собраніе дипломатическихъ актовъ нашихъ, по примѣру извѣстнаго сочиненія Дюмонова». Издержки изданія канцлеръ принималъ на себя. Размѣры же ихъ были опредѣлены его московскимъ совѣтникомъ. «Собиралъ я, писалъ Румянцовъ въ докладѣ, свѣдѣнія, сколько примѣрно можетъ стоить напечатаніе первой части таковой книги, начиная съ самыхъ древнихъ грамотъ и съ изображеніемъ печатей, къ нимъ приложенныхъ. Ограничивъ первое изданіе 1200 экземплярами, потребуется до 25 тыс. р. Я не почитаю себя въ правѣ утруждать ваше величество ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія были приняты на счетъ казны: осмѣливаюсь испрашивать всемилостивѣйшее соизволеніе, чтобы исчисленную сумму употребилъ я изъ собственнаго моего иждивенія».

Вѣроятно, неудачный опытъ единоличнаго веденія дѣла у Миллера имѣлся въ виду у Румянцева, когда онъ, входя въ подробности организаціи самаго изданія, испрашивалъ, чтобы оно было поручено особой комиссіи при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ — «подъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ извѣстнаго по трудамъ своимъ и усердію» Бантыша-Каменскаго, изъ главнаго смотрителя и двухъ чиновниковъ. Далѣе онъ, согласно указанію своего московскаго помощника, ходатайствовалъ, чтобы изданіе было свободно отъ цензуры и вообще носило характеръ правительственнаго предпріятія.

Давая изданію «заглавіе»: Собраніе государственныхыхъ грамотъ и договоровъ, Румянцовъ въ заключеніе просилъ объ «единой милости», въ предвидѣніи своихъ конечныхъ отношеній, позволить ему «имѣть участіе и попеченіе объ успѣхѣ предпріятія и въ то время, когда по болѣзни и

---

¹⁾ См. письмо Бантыша-Каменскаго къ канцлеру отъ 31 января 1811 года, озаглавленное: «Примѣрное исчисленіе на 1 часть изданія Дипломатическихъ сочиненій», въ Перепискѣ Румянцева, № 2. Письмо канцлера отъ 4-го февраля было отвѣтомъ на это сообщеніе управляющаго Московскимъ Архивомъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ Румянцовъ. (См. ниже, Приложенія, I, № 1, въ началѣ).

другимъ обстоятельствамъ» онъ былъ-бы вынужденъ оставить министерство.

Государь выразилъ одобреніе проекту, пока, на словахъ, и Румянцовъ тотчасъ-же, 4-го апрѣля, оповѣстилъ своего совѣтника въ Москвѣ объ исходѣ задуманнаго дѣла, дѣлясь общемою радостью.

Дѣлая Бантышу-Каменскому распоряженія, согласно докладу, объ открытіи издательской Коммиссіи, ея правахъ и обязанностяхъ, канцлеръ входилъ далѣе въ самыя мелочныя подробности печатанія: о форматѣ, шрифтѣ, сложеніи свѣжихъ листовъ и пр. Впрочемъ, здѣсь кое-въ-чемъ онъ только одобрилъ предположенія своего сотрудника. «Вообще-же, заключаю Бантышъ свое первое распоряженіе по выпуску въ свѣтъ знаменитаго Собранія, какъ сіе изданіе дѣлается сколько для пользы, столько и для славы, то сдѣлайте мнѣ одолженіе, не щадите какихъ-либо небольшихъ издержекъ, только-бы соблюдена была вся чистота и красота тисненія».

Менѣе чѣмъ черезъ днѣ недѣли, 17 апрѣля, Бантышъ-Каменскій уже доносилъ объ открытіи дѣйствіи Коммиссіи: о заключеніи еще 12-го числа контрактовъ съ давно намѣченною типографіей любопытнаго дѣятеля своего времени, «д ст. сов., импер. медико-хирург. Академіи вице-президента и военнаго ордена кавалера», Н. С. Всеволожскаго (листъ по 25 рублей, 2 листа въ недѣлю), съ углицкимъ фабрикантомъ Кузнецовымъ о бумагахъ и граверомъ Осиповымъ о 24 печатяхъ. Главнымъ смотрителемъ избранъ былъ уже раньше старый служака Архива, Иванъ Либенау; на другія-же два мѣста Бантышъ-Каменскій рекомендовалъ молодыхъ чиновниковъ Архива, Дмитрія Прилуцкаго и Павла Нестеровича, «обучающагося въ университетѣ наукамъ и языкамъ»: «прочіе, прибавлялъ старикъ, коихъ хотя и великое въ Архивѣ число, не получая чиновъ, всѣ почти вонъ изъ Архива глядятъ».

Но главный вопросъ — что-же составитъ содержаніе перваго тома Собранія; что-же будетъ такъ быстро печататься?

Но—первый томъ Собранія былъ подготовленъ «мрачнымъ» старикомъ давно: въ своемъ первомъ доношеніи Бантышъ-Каменскій только испрашиваетъ у канцлера формальнаго одобренія. «Какія, пишетъ онъ, въ I часть внесутся договоры: а) новгородскія и в) великихъ князей и царей старинныя разныя грамоты, онымъ на усмотрѣніе вашего сіятельства посы-

лаются два реестра; за спис грамотами будетъ внесена избирательная грамота царя Михаила Ѳеодоровича. Потомъ и еще какія отыщутся грамоты, сообщено будетъ въ свое время». Мы видѣли, эта область грамотъ болѣе 40 лѣтъ назадъ была обслѣдована Бантышемъ-Каменскимъ. Документами, касающимися внутренней жизни Россіи, справедливо было открыть Собраніе: «они, объясняя ученый редакторъ, составляютъ внутреннюю отечества нашего часть»¹⁾. Но также ясно, что безъ стараго ученика Миллера Румянцевъ въ рядъ-ли былъ-бы въ состояніи дать столь быстрый ходъ своей мысли—воскрешенному имъ екатерининскому прозѣту изданія русскаго Дюмона.

«Но, продолжалъ точный старикъ, переходя уже къ критическимъ приѣмамъ изданія, въ двухъ новгородскихъ грамотахъ многихъ словъ не достаетъ, то нужно-ли будетъ и сіи вносить (ибо и у Дюмона есть таковыя-же неполныя грамоты) — на сіе Коммиссія будетъ ждать разрѣшенія».

5 мая канцлеръ отвѣчалъ сообщеніемъ о высочайшей конфирмаціи доклада 25 февраля, утвержденіемъ контрактовъ, должностныхъ назначеній и редакціонныхъ предположеній Коммиссіи. «Буде, прибавилъ Румянцовъ съ своей стороны о приѣмахъ изданія, нужными оважутся какія-либо объясненія, то дѣлать выносками, въ концѣ страницы». Въмѣстѣ съ этимъ канцлеръ высылалъ первый взносъ — 9 тысячъ, въ счетъ численной 21 тысячи, на открытіе работъ: «доставляныя присланы будутъ къ 1 августа и 1 декабря».

Такъ зарождалось знаменитое Собраніе.

Началось печатаніе. Наборъ шелъ быстро: два листа въ недѣлю. «Сегодня, извѣщаетъ 21 августа заслуженный архивистъ канцлера, 25-й листъ принесенъ для корректуры». Румянцовъ-же заботится, чтобы изданіе было безупречнымъ, привлекло-бы общее сочувствіе. «Надѣюсь я, пишетъ онъ своему сотруднику тогда-же, что въ самомъ отпечатаніи приняты нами всѣ мѣры къ исправности, чистотѣ и красотѣ изданія, дабы оно, особливо при первомъ началѣ, могло заслужить вниманіе и одобреніе, какъ Государи, такъ и публики».

Но участіе канцлера шло далѣе пожеланій: онъ входилъ и въ такія мелочи, какъ подборъ шрифта для заглавнаго листа,

¹⁾ Въ письмѣ отъ 21 августа 1811. См. Приложенія, I, № 6.

и лично руководилъ даже ученою стороною изданія. Старый Бантышъ—исполнитель его указаній, которыя не всегда были удачны и шли къ разрѣзу съ мнѣніемъ опытнаго архивиста.

Бантышъ-Каменскій, на примѣръ, въ интересѣ славянской палеографіи, о которой такъ горевалъ Каченовскій еще въ 1809 году, былъ того мнѣнія, что древнѣйшія грамоты слѣдовало бы издать не въ чтеніи, а воспроизвести буквально; но встрѣтилъ возраженіе противъ своей благой мысли у скуповатаго издателя. «Предположеніе, отвѣчалъ ему канцлеръ въ февралѣ 1812 года, отпечатать нѣсколько грамотъ древнѣйшихъ, съ наблюденіемъ подчерка и величины ихъ, можно исполнить и по окончаніи изданія особою тетрадюю, на чтò тогда и сумму назначу». Но позже и мысль о тетради онъ оставилъ, когда такъ быстро пошедшее печатаніе пришлось прервать почти на цѣлый годъ.

Въ первомъ, и единственномъ, письмѣ къ Бантышу-Каменскому 1812 года — отъ 26 февраля, канцлеръ уже подбираетъ шрифтъ для заглавнаго листа, цокрасивъе — «употребленный шрифтъ, замѣчалъ онъ, слишкомъ крупенъ и похожъ на церковную печать»: ясный знакъ, что работа подходила къ концу, когда — наступило новое лихолѣтье.

Московскій Архивъ, съ дѣлами и суммами Комиссіи, былъ переведенъ во Владиміръ, а тутъ дорогою издательскія суммы, около 6 тыс. рублей, съ небольшими казенными деньгами, были выкрадены «архивскими инвалидами»... Началось дѣло, дошедшее до самого Государя. Со старика Бантыша-Каменскаго, высочайшею резолюціей отъ 19 января 1813 года, взысканіе было снято, въ виду болѣе чѣмъ полувѣковой службы его и потери имущества при пожарѣ; главному смотрителю — строгій выговоръ, а деньги на «Трактатное Собраніе» канцлеръ вносилъ вторично, «чтобъ не отягчать судьбу тѣхъ чиновниковъ», пояснялъ онъ.

Прерванное печатаніе могло продолжаться.

Уже 14 февраля канцлеръ выражаетъ надежду на скорое окончаніе первой части и, нетерпѣливый, заходитъ далеко впередъ. «Между тѣмъ», пишетъ онъ оправившемуся отъ суда Бантышу-Каменскому, прошу васъ подумать заблаговременно и о второй части и для того прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе рестрѣ тѣмъ трактатамъ, которые въ оную входятъ должны».

Но Бантышу-Каменскому надъ запросомъ канцлера не долго надо было думать. И дипломатическій матеріалъ—сноше-

нія наши съ иностранными державами, въ алфавитномъ порядкѣ дворовъ, былъ у него уже давно на готовѣ (работа начата была еще при Миллерѣ), и черезъ два мѣсяца реестръ трактатовъ былъ уже у Румянцова, «дабы (выражаясь его словами) онъ могъ и на то дать свое разрѣшеніе». Представляя на первый разъ списки съ австрійско-цесарскихъ трактатовъ, Бантышъ-Каменскій обѣщалъ сейчасъ-же принятыя «за слѣдующій англійскій дворъ», т. е. держась готоваго, азбучнаго порядка дворовъ. Посылаемая-же «Выписка австрійско-цесарскаго двора, въ коей все то вкратцѣ находится, что составляетъ всю переписку сего съ Россійскимъ государствомъ двора», надѣялся старикъ, можетъ послужить образчикомъ и для печатанія слѣдующихъ частей «Трактатнаго Собранія». «Продолженіе-же первой части Собранія, успокаивалъ редакторъ канцлера, печатается; остановка была за бумагою, которая наконецъ доставлена» (письмо отъ 9 апрѣля).

Но канцлеръ разрѣшенія не далъ: онъ былъ недоволенъ представленнымъ планомъ азбучнаго по дворамъ размѣщенія договоровъ и указалъ старику—держаться Дюмона.

«Въ разсужденіи Трактатнаго Собранія, отвѣчалъ Румянцовъ 30 апрѣля, желалъ-бы я, чтобы вторая и послѣдующія части изданы были по примѣру Дюмонова Собранія хронологически (въ подлин. подчеркнуто), съ начала сношеній Россіи со всѣми европейскими державами, раздѣляя по царствованіямъ россійскихъ государей и заключаая государствованіемъ Петра Великаго, а къ концу каждой части приобщить реестръ трактатамъ по алфавиту дворовъ. Я прошу ваше превосходительство составить таковой новый реестръ трактатамъ, долженствующимъ входить во вторую часть и вмѣстѣ съ списками тѣхъ трактатовъ ко мнѣ доставить на разсмотрѣніе».

Это энергическое вмѣшательство старика, кассадія готоваго уже плана у Бантыша-Каменскаго и указаніе редактору иной системы, «дабы имѣть общее обзорніе всѣхъ постановленій одного времени» (изъ того-же письма), какъ разъ совпадаетъ съ фактическимъ устраненіемъ канцлера отъ дѣлъ внѣшней политики: канцлеръ могъ теперь сосредоточиться на своемъ ученomъ дѣтищѣ, думать о его успѣхѣ.

Замѣчательнымъ письмомъ 30 апрѣля Румянцовъ поспѣ-

шилъ оправдать заключительную просьбу въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ два года назадъ—«позволить имѣть участіе и попеченіе объ успѣхахъ предпріятія и въ то время, когда по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ онъ былъ-бы вынужденъ оставить мѣсто нынѣшняго своего служенія». Французская система канцлера, какъ научная, имѣла явное преимущество предъ механическимъ, традиціоннымъ планомъ стараго архивиста.

Въ послѣдующемъ письмѣ, 20 мая, канцлеръ развивалъ далѣе свои мысли о системѣ изданія новыхъ томовъ. «Не только, объяснялъ онъ Бятыша-Каменскому, трактаты съ Портою, яко съ европейскою державою, должны входить въ издаваемое Собраніе, но миѣ кажется, что вообще и всѣ азіатскіе одного времени могутъ быть присвокуплены, тѣмъ наипаче, что ихъ, вѣроятно, очень мало. Къ тому надлежитъ приноровить, чтобъ вторая часть была такой-же величины, или немногимъ толще первой».

Въ іюлѣ печатаніе было почти у конца. «Уже три листа остается», успокаивалъ Бятышъ-Каменскій 14 іюля; Всеволожскій увѣрилъ меня, что въ нынѣшній четвергъ непременно послѣдній листъ пришлетъ ко миѣ». Старикъ проситъ «взять терпѣніе на недѣлю». Канцлера-же все не удовлетворялъ заглавный листъ, который теперь составлялся въ Петербургѣ. Но нетерпѣливый видѣтъ своего ученаго первенца, Румяновъ потребовалъ экземпляръ не сброшюрованныхъ листовъ—желаніе, вполне понятное.

Всеволожскій одержалъ слово, и 22 іюля Бятышъ-Каменскій поздравляетъ канцлера. Но полонъ радости былъ и самъ старый работникъ, и чувство его, естественно, выливалось въ патетической рѣчи. Онъ могъ вспомнить былое время—остановившееся предпріятіе Миллера.

«Трудъ, благодаренію Богу, конченъ, пишетъ архивскій старикъ. Съ онымъ поспѣшаю отправить перемѣщеннаго въ Коллегію Нестеровича старшаго. Безсмертную, ваше сіятельство, сдѣлали отечеству услугу, даровавъ въ свѣтъ толико лѣтъ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ россійскимъ древностямъ! Хвала, честь и слава отъ благодарнаго отечества въ роды родовъ за сіе возсылаться будетъ вашему имени».

«Ваше превосходительство, отвѣчалъ на это поздравленіе канцлеръ, меня много порадовали симъ прекраснымъ изданіемъ».

Не могу довольно васъ благодарить за трудъ, вами на то употребленный. Теперь остается мнѣ доставить вамъ доску для заглавнаго листа и небольшое Предначертаніе, чѣмъ и занимаюсь».

Румянцовъ вспомнилъ теперь и про старое свое обѣщаніе объ интересахъ палеографіи. «Желалъ-бы я, продолжаетъ онъ, для вящей пользы и украшенія сего изданія, чтобъ присокуплены были точные рисунки или списки почерковъ рукописей, съ четырехъ или пяти древнѣйшихъ грамотъ разныхъ эпохъ, по вашему выбору. Покорно прошу васъ приказать съ одной таковой грамоты срисовать теперь-же точную копію и ко мнѣ доставить на усмотрѣніе».

Бантышъ-Каменскій сейчасъ-же исполнилъ палеографическое требованіе, но не скрылъ, что гравировка можетъ быть окончена не ранѣе двухъ мѣсяцевъ, а между тѣмъ занялся заготовкой и распредѣленіемъ по предположеннымъ тремъ частямъ Собранія оригинальныхъ трактатовъ, для отсылки ихъ на предварительный просмотръ канцлеру. «Да не устраситъ вашего сіятельства, писалъ онъ при этомъ 25 августа, толикое множество бумагъ! Вамъ угодно было видѣть въ самомъ дѣлѣ содержаніе каждаго трактата и грамотъ. Какъ число всѣхъ трактатовъ состоитъ въ 730 номерахъ: то я оныя для удобностей пересылки и раздѣляю на 3 части. Первая часть, которую при семъ посылаю, содержитъ въ себѣ съ начала имѣющіеся въ Архивѣ трактаты и до Михаила Θεодоровича. Вторая часть будетъ заключать трактаты царей Михаила, Алексѣя и Θεодора. Третія, и послѣдняя, составитъ изъ трактатовъ Іоанна Алексѣевича и Петра I, по 1725 годъ».

Только въ началѣ декабря канцлеръ отправилъ въ Москву рѣзанную подъ его присмотромъ доску для заглавнаго листа. «Прошу, пишетъ онъ при этомъ Бантышу-Каменскому, призвать приступитъ къ совершенному изданію», т. е. — къ выпуску въ свѣтъ. Но возвращая и корректуру Предисловія, съ нѣкоторыми редакціонными поправками, Румянцовъ уже отказывался отъ палеографическихъ снимковъ — чтобы только видѣть наконецъ, послѣ столькихъ ожиданій, самое изданіе. Онъ принялъ свою вину предъ Бантышъ-Каменскимъ, указавшемъ еще въ 1811 году на интересы палеографіи: «прошу васъ, продолжалъ Румянцовъ, кончить первую часть, отлагая уже вовсе прежнее намѣреніе мое, издать вѣстѣ нѣсколько тѣхъ грамотъ

по палеографіи, ибо я самъ себя приписываю въ вину, что сіе дѣло такъ долго длилось».

Самому Бантышу-Каменскому предоставлялось опредѣлить цѣну, лишь бы поскорѣе пустить Собраніе въ продажу, «дабы, замѣчалъ Румянцовъ, не только выручить употребленный на изданіе капиталъ, но и приумножить на продолженіе слѣдующихъ частей, къ чему немедленно приступимъ». Бантышъ-Каменскій, извѣщая 18 декабря о своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ по выпуску, сердечно теперь утѣшалъ Румянцева по поводу палеографическаго недосмотра: «не тужите, что не исполнили намѣренія своего въ изданіи нѣскольکو грамотъ по палеографіи — это совсѣмъ другая часть, и не изъ однихъ только грамотъ нашихъ должна состоять, но и изъ другихъ разныхъ рукописей».

Еще 5-го января 1814 года, но уже тяжело больной, Бантышъ-Каменскій спѣшилъ отдать отчетъ суммамъ по изданію, съ завѣреніемъ, что онъ «потребитъ всевозможное стараніе о скорѣйшей распродажѣ книги». Это было послѣднее письмо энергическаго старика къ Румянцову. Правда, хотя и изнемогающій отъ болѣзни, Бантышъ-Каменскій успѣлъ еще тогда-же составить и напечатать «Записку», т. е. объявленіе о продажѣ своего лебединаго изданія (7 января), но чрезъ немногіе дни — 20 января, вмѣстѣ съ давно желаннымъ выходомъ въ свѣтъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» — умеръ этотъ незабвенный дѣятель въ Архивѣ Миллера, достойный ученикъ достойнаго учителя.

Послѣдніе два письма канцлера, о распродажѣ и разсылкѣ даровыхъ экземпляровъ, уже не застали старика въ живыхъ. Въ числѣ первыхъ подаренныхъ былъ экземпляръ преосвященному Евгенію въ Калугу ¹⁾.

¹⁾ Настоящая статья II главы составлена по документамъ, печатаемымъ нами ниже, въ Приложеніяхъ, I. — Первый списокъ поднесенный и разосланный экземплярамъ: императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, два великимъ князьямъ, великой княжнѣ, два въ Публичную библиотечку (чрезъ Оленина), митрополиту Амвросію, въ Духовную академію (чрезъ митрополита), графу Разумовскому, въ Академію наукъ, въ Казанскій университетъ (чрезъ Салтыкова), въ Дерптскій университетъ (чрезъ Клингера), Евгенію, епископу валужскому, Крушевщтерну, Вязмитинову, московскому попечителю П. И. Голеннищеву-Кутузову, въ Московскій университетъ.

Смерть испытаннаго и стараго помощника, и въ минуту выхода начальныхъ главъ русскаго Дюмона, не могла не вызвать болѣзненнаго чувства у канцлера. «Съ прискорбіемъ извѣстился я о кончинѣ почтеннаго нашего Николая Николаевича», писалъ онъ въ Москву при первомъ извѣстіи ¹⁾. Но изъ рукъ канцлера выпадалъ его послушный рычагъ. Высокое патріотическое дѣло вотъ-вотъ вторично прерывалось — на первыхъ же дняхъ своей жизни. Не грозила ли и ему судьба «Трактатнаго Собранія» Миллера, когда со смертью послѣдняго все рушилось, по признанію самого Бантыша-Каменскаго?..

Но опасеній ни у кого. О перерывѣ ни мысли.

Мы видѣли, еще въ августъ 1813 года переработанный по новой, дюмоновской системѣ сборникъ договоровъ былъ на разсмотрѣніи у канцлера, слѣдовательно, матеріальный составъ всего Собранія, на-сколько онъ отвѣчалъ начальному плану, былъ обезпеченъ вполнѣ еще покойнымъ. Но обезпечена была и формальная — редакторская сторона дѣла.

Умирая старикъ не оставилъ и хранины своей полувѣковой дѣятельности сирому. Онъ оставлялъ въ ней ученика, который работалъ съ нимъ болѣе трехъ десятковъ лѣтъ (съ 1778 г.), который предназначенъ былъ имъ самимъ — замѣстить его, и въ Архивѣ, и въ Комиссіи печатанія. Это былъ Малиновскій.

Поручая принять въ полное управленіе Архивъ и Комиссію, предварительно высочайшаго повелѣнія, канцлеръ писалъ Малиновскому (2 февраля 1814): «я не токмо слѣдовалъ собственному моему убѣжденію, что никто лучше васъ замѣнить не можетъ претерпѣнной для службы потери; но я удовлетворилъ желанію и самого покойнаго, который васъ преемникомъ себѣ назначилъ».

Такимъ образомъ, упалое мѣсто было сейчасъ же замѣщено: въ роли Бантыша-Каменскаго явился его старый сотрудникъ, Малиновскій, извѣстный канцлеру еще ранѣе поднятаго вопроса о печатаніи трактатовъ. Заведенная машина приостановилась лишь на минуту. Конечно, искательный, какъ отмѣтилъ уже Вигель, Малиновскій нравственнымъ обликомъ своимъ, своими знаніями не могъ уравняться съ скромнымъ уче-

¹⁾ Приложенія, II, № 1.

нымъ, полъ вѣка проведеннымъ, не сгибая спины, надъ хартиями старины: но дѣлу данъ былъ правильный, твердый ходъ—оставалась несложная задача смотрѣть, чтобы его движеніе не остановилось по его колеѣ.

«Теперь, продолжаетъ Румянцовъ свое первое письмо къ новому редактору, мнѣ остается просить васъ—особенно принять въ свой надзоръ Коммиссію печатанія трактатовъ, какъ о дѣлѣ, меня лично занимающемъ».

Мы видѣли, первый вопросъ, теперь занявшій канцлера, былъ вопросъ о продажѣ: успѣхъ продажи обуславливалъ самое продолженіе изданія, согласно докладу 1811 года. Съ заботой объ этомъ дѣлѣ сошелъ въ могилу Бантышъ-Каменскій. «Я употребляю всевозможное стараніе о скорѣйшей распродажѣ книги» — этимъ завѣреніемъ заключалъ свое послѣднее письмо къ канцлеру умирающій старикъ. Понятно, невыполненная обязанность переходила по наслѣдству къ Малиновскому: но она была указана ему и лично Румянцовымъ.

«Присланные ко мнѣ для второй части трактаты, писалъ канцлеръ Малиновскому—«вступая нынѣ въ ближайшія сношенія»—мною еще разсматриваются. Я въ свое время ихъ вамъ доставлю съ моими замѣчаніями». Слѣдовательно, съ изданіемъ ждать. Другой вопросъ—продажа, выручка. «Вамъ ужъ извѣстно, указывалъ онъ въ томъ-же письмѣ 2 февраля, что я назначилъ выручаемый съ первой части сего изданія капиталъ на печатаніе продолженія. Теперь, слѣдовательно, остается заниматься только сею продажей и деньги посылать въ Опекунскій Совѣтъ. Я прошу васъ меня почасту увѣдомлять, сколько продадутся экземпляровъ и сколько вы денегъ отошлете»¹⁾).

Канцлеръ не предчувствовалъ, сколько разочарованія готовила ему эта продажа, эти предрѣшенные капиталы, хотя его новый сотрудникъ, нельзя сказать, чтобы не ухищрялся въ энергическомъ выполненіи полученнаго наказа—заняться только продажей.

Первыя строки перваго письма Малиновскаго и посвящены лавочкѣ, но съ крайне тревожными вѣстями о торговомъ оборотѣ: «продажа сей книги отъ Коммисіи, начинается онъ письмо

¹⁾ Тамъ-же.

отъ 16 февраля, до сихъ поръ была не успѣшна, ибо продано только 19 экземпляровъ — и это въ теченіе первыхъ полутора мѣсяца. Замѣтимъ, что чуть что не первый экземпляръ былъ купленъ надв. сов. Каченовскимъ—8 января.

Слишкомъ слаба была надежда на капиталы отъ вольнаго сбыта ¹⁾, и Малиновскій остававливается на сбытъ принудительномъ, прикрывансь впрочемъ именемъ своего предшественника.

Самъ изъ духовныхъ, но юга, Бантышъ-Каменскій, въ отличіе отъ Малиновскаго, не стыдился сохранить свои лучшія чувства для своего сословія. «Со всѣми преосвященными, вспоминаетъ Вигель, велъ онъ обширную и частую переписку, былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ» ²⁾, и на этихъ симпатіяхъ старика и остановился Малиновскій.

«Изнеможенное состояніе покойнаго предмѣстника моего, продолжалъ онъ, не допустило его употребить въ дѣйствіе той особенной возможности, о которой со мною говаривалъ — разослать по нѣскольку экземпляровъ всѣмъ знакомымъ ему архіереямъ и ректорамъ, а сіе знакомство его распространялось на всѣ епархіи» ³⁾. Получивъ одобреніе этого «полезнаго и приличнаго» средства, Малиновскій и обратился съ циркулярнымъ приглашеніемъ о выпискѣ ко всѣмъ, отъ Ксенофонта подольского до Моисея Иркутско-алеутскаго.

Но и «полезное» средство принесло мало пользы: изъ епархій послѣдовалъ крохотный запросъ на книгу, какъ и можно было ожидать, въ виду хоть бѣдности духовенства. «Желая, отвѣчалъ ярославскій владыка, Антоній, споспѣшествовать общеплезному изданію такъ важной отечественной книги, я чрезъ благочинныхъ по городу далъ знать: но въ отвѣвъ получилъ, что небогатые духовные цѣною удерживаются отъ покупки. Семинарій здѣсь одна только, а малыя училища никакой суммы не имѣютъ» ⁴⁾. Рѣзкое исключеніе составила одна слободская (харь-

¹⁾ И позже продажа шла туго: съ 18 февраля по 17 марта было продано всего 27 экзempl. 2 июля купилъ одинъ экземпляръ К. Калайдовичъ. 2 апрѣля 1815 г. былъ подаренъ одинъ экземпляръ «греческому дворянину (!) Зои Зосимъ» (Изъ Дѣлъ Комисіи, 1814 и 1815 г.).

²⁾ Воспоминанія, I, 171.

³⁾ Приложенія, II, № 2.

⁴⁾ Тамъ-же, II, № 8. Ср. № 9.

ковская) епархія: изъ нея поступило разомъ требованіе на 20 экземпляровъ¹⁾. И тутъ сказалась особенность юга...

Но и это небольшое поступленіе, при нѣкоторой продажѣ въ Москвѣ, сердечно порадовало канцлера: «къ удовольствію моему усматриваю, писалъ онъ въ іюль, что усердіе и труды, употребленные на изданіе, имѣютъ въ глазахъ публики и любителей отечественныхъ древностей надлежащую цѣну»²⁾. Можно-бы подумать и о «договорахъ»... Но тутъ, послѣ медовыхъ дней, наступило огорченіе и отъ самаго перваго тома, «сумѣніе» относительно его изданія...

Мы видѣли, далеко не конченъ былъ еще первый томъ, какъ канцлеръ (въ февралѣ 1813) хлопотливо занялся вопросомъ о заблаговременной подготовкѣ матеріаловъ для втораго.

Смерть Бантыша-Каменскаго застала канцлера за просмотромъ этихъ матеріаловъ. Но, обративъ главное вниманіе преемника на вопросъ о продажѣ, онъ имѣлъ въ виду первое время, вопросъ-же о продолженіи этимъ не отстранялся: уже въ томъ-же письмѣ, 2 февраля, канцлеръ просилъ Малиновскаго сообщать ему обо всемъ, если найдетъ онъ нужнымъ «дѣлать какія либо устройства», для улучшенія изданія, и Малиновскій успѣшилъ отослать нѣсколько редакціонныхъ соображеній.

Дѣйствительно, вопросъ о продолженіи изданія, о второмъ томѣ «Собранія», и въ первое же время былъ на-столько предметомъ живаго вниманія канцлера, что даже секретарь Коллегіи, Вестманъ, торопилъ Малиновскаго съ присылкой мнѣнія, что канцлеръ-де очень ждетъ его, именно, о трактатахъ восточныхъ и объ организаціи корректуры, какіе понадобятся шрифты, кто будетъ заниматься выправкою нѣмецкихъ и французскихъ текстовъ, «особливо писанныхъ древнимъ идиомомъ». Въ вопросѣ о корректурѣ самъ канцлеръ остановился было на профессорѣ Шлецерѣ и готовъ былъ даже на это дѣло «употребить вновь сумму, если бы то нужно было»³⁾.

Такимъ образомъ, дѣло о продолженіи приняло обычный ходъ, когда вмѣстѣ съ разочарованіемъ въ канцлера — гроши вмѣсто тысячъ, явилось новое

¹⁾ Дѣла Коммисіи, 1813.

²⁾ Приложенія, II.

³⁾ Тамъ-же.

въ изданномъ томѣ грамотъ, спеціально посвященномъ имъ, много грамотъ пропущено. Явилось «сумнѣніе» — чѣмъ же заняться теперь: продолженіемъ-ли, согласно плану, или дополненіемъ дефектнаго тома? Оно рѣшено было, къ ученой чести канцлера, предпочтшаго интересъ научной полноты новизнѣ впечатлѣній, въ пользу втораго, и вопросъ о продолженіи смѣнился вопросомъ о восполненіи новыми матеріалами уже изданнаго тома. Мы увидимъ, что это восполненіе погребло собою самое продолженіе, а договоры такъ очереди и не дождался.

Уже въ іюлѣ 1814 чиновникъ Коллегіи, Иванъ Нестеровичъ, извѣщалъ Малиновскаго, что графъ «по видимому намѣреваетъ издать въ свѣтъ прибавленіе къ I части», что сюда войдутъ и многіе документы, полученные имъ изъ Риги, Кенигсберга ¹⁾. Въ началѣ-же слѣдующаго года этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, когда канцлеръ наконецъ убѣдился, что не для чего свучиться и связывать «пользу», интересы русской науки, съ неосновательно сдѣланнымъ расчетомъ о прибыляхъ отъ быстрой распродажи перваго тома.

Но понадобилось болѣе года, прежде чѣмъ канцлеръ могъ отрѣшиться отъ своихъ коммерческихъ еяцій, прежде чѣмъ онъ примирился съ дѣйствительностью — фактомъ малой выручки...

«Въ послѣдствіи, писалъ канцлеръ Малиновскому 12 марта 1815 года, къ крайнему сожалѣнію моему оказалось, что нѣкоторые и, можно сказать, многіе акты пропущены. Изыскивая всѣ возможныя средства, какъ бы исправить ошибку, ни мало не удаляясь отъ принятаго плана, я намѣреваю, прежде нежели приступлено будетъ къ изданію въ свѣтъ послѣдующихъ частей, издать дополненіе къ I части» ²⁾. Старикъ не предвидѣлъ, что эти «многіе акты» — слишкомъ многіе, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, что именно грамоты и не допустятъ до осуществленія «принятаго плана».

Естественно было вспомнить теперь и про палеографическій пропускъ и дополнить изданіе и съ этой стороны.

Редаціонныя работы по дополнительному тому шли въ началѣ быстро. Уже въ томъ-же мартѣ канцлеръ благодарилъ

¹⁾ Тамъ-же, II, № 13.

²⁾ Переписка Румянцова, № 17. Тоже — въ Дѣлахъ Комисіи соотвѣт. года.

Малиновскаго за вторую присылку; онъ надѣется, усердіемъ его вознаграждены будутъ важные пропуски и «исполнится желаніе его отдѣлать внутреннія государственныя постановленія отъ вышнихъ, соблюдется должный порядокъ въ изданіи»¹⁾. Въ іюль было готово 1 отдѣленіе дополненій, а въ сентябрѣ новое, вмѣстѣ съ палеографическими матеріалами.

«Имѣю честь, писалъ Малиновскій тогда, представить 33 рукописанія, по приказанію вашему снятыя съ подлинниковъ въ Архивѣ. Если они удостоены будутъ одобренія вашего, то дозволите-ль пополнить ихъ другими, по временамъ открывающимися? По мнѣнію его—не лишне бы было для русской палеографіи помѣстить тутъ-же и снимки съ извѣстѣйшихъ лѣтописей²⁾; но онъ повторилъ только старую мысль Бантыша-Каменскаго (ср. выше письмо послѣдняго отъ 18 дек. 1813 г.)

Канцлеръ былъ вполнѣ доволенъ работами Малиновскаго, былъ, по его словамъ, «прельщенъ ими важными приобрѣтеніями для русской палеографіи» (въ сущности неважными) и просилъ о пополненіи—о подписяхъ великихъ князей и дьяковъ, писавшихъ грамоты I тома³⁾. Въ декабрѣ и эта задача была исполнена, съ присоединеніемъ почерковъ одной изъ архивскихъ лѣтописей и надписи съ Мстиславова евангелія⁴⁾.

Съ началомъ новаго, 1816, года Малиновскій съ редакціою дополнительныхъ актовъ былъ на-столько далекъ, что 14 мая Коммисія испрашивала уже у канцлера указанія—«въ видѣ издавать акты: съ поправкою ихъ правописанія даны уже въ I части, или сохранять всю точность копьевъ, безъ перемѣны буквъ и правописаній?»⁵⁾

Канцлеръ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидаемо, что не слѣдуетъ производить безъ малѣйшаго измѣненія въ описаніи поправокъ, сохраняя всевозможную точность подлинниковъ въ отношеніи буквъ и самыхъ знаменій.

¹⁾ Переписка Румянцева, № 19.

²⁾ Приложенія, II, № 18, безъ числа. Изъ переписки, № 23) видно, что Малиновскій сразу не исполнилъ своей граничной обязанности.

³⁾ Переписка Румянцева, № 28.

⁴⁾ Приложенія, II, № 20.

⁵⁾ Приложенія, II, № 21.

⁶⁾ Переписка, № 29. Тоже въ Дѣлахъ.

Но собраніе въ интересѣ «возможной полноты», о чемъ такъ хлопоталъ канцлеръ, новыхъ и новыхъ грамотъ въ запасахъ Архива и на сторонѣ заняло еще весь 1816 годъ, и въ октябрѣ канцлеръ счелъ умѣстнымъ подкрѣпить Малиновскаго въ этихъ поискахъ. «Да не устрашаетъ васъ, ободрялъ онъ его, обширное поприще въ собираніи актовъ для II части: чѣмъ больше и совершеннѣе выйдетъ въ свѣтъ Собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ вамъ чести, а мнѣ удовольствія». Старикъ раскопался теперь до того, что совершенно позабылъ о прибылыхъ: «что-же касается издержекъ, продолжалъ онъ, то я готовъ жертвовать, хотя-бы Собраніе внутреннихъ актовъ потребовало и III ч.»¹⁾ Наступилъ и 17-ый годъ; но поиски все еще не были у конца, когда сдѣланы были извлеченія изъ сибирскихъ портфелей Миллера, ими котораго исторгаетъ у старика чувство умиленія²⁾.

Только въ 17-мъ году началось печатаніе дополнительныхъ грамотъ, а окончилось—лишь съ выходомъ четвертаго тома, уже по смерти канцлера. «Пятымъ томомъ можетъ начаться печатаніе договоровъ», заключалъ Малиновскій Предисловіе къ IV-му тому. Но—его не было...

Такимъ образомъ, изданіе грамотъ перешло даже предложенный широкій рубежъ, поглотило собою изданіе договоровъ, хотя и опасался старикъ, что все грамоты да грамоты—«не охолодитъ-ли всеэто публику къ изданію нашему», и удерживалъ Малиновскаго, что повтореніе разныхъ вѣнчаній утомительно, и довольно одного³⁾.

Труднѣе тянулась-рождалась сверхсмѣтная работа Комисіи, первая работа безъ стараго Бантыша-Каменскаго: «новый рассадникъ вѣщателей истины»⁴⁾ потребовалъ годы, тогда какъ покойный въ немногіе мѣсяцы былъ готовъ съ громаднымъ трудомъ—редакціей матеріала для всего канона «Собранія»—всѣхъ трехъ частей, предназначавшихся для договоровъ.

Но Бантышъ-Каменскій только поживалъ, что сѣялъ раньше, въ теченіе полувѣковой своей жизни среди хартій Архива, тогда

¹⁾ Тамъ-же, № 37.

²⁾ Тамъ-же, № 45.

³⁾ Тамъ-же, №№ 172, 177.

⁴⁾ Выраженія канцлера (тамъ-же № 42) и Бантыша-Каменскаго (въ Предисловіи къ I т.)

какъ теперь приходилось собирать крупницы, и на сторонѣ отъ знакомаго Архива, работать среди новыхъ условій, подъ-часъ довольно неудобныхъ. Такъ, напримѣръ, матеріалъ для «Дополненія» давала и Синодальная (Патріаршая) бібліотека, а отношеніе къ ней—цѣлый эпизодъ изъ рабочей жизни Коммисіи.

Уже при первой попыткѣ проникнуть въ содержаніе Библіотеки, Малиновскій встрѣтилъ весьма холодный приемъ. Въ каталогѣ рукописей Синодальной типографской бібліотеки онъ получилъ прямой отказъ ¹⁾—здѣсь орудовалъ Леонтій Магницкій. Только немного милостивѣе была Патріаршая: «ризничій, пишетъ Малиновскій канцлеру въ іюнѣ 1814 г., былъ снисходительнѣе; хотя въ Архивъ и не отпустилъ реестровъ своихъ, но дозволилъ списывать въ кельѣ его» ²⁾. Правда, въ 1815 г. чрезъ кн. А. Н. Голицына канцлеръ испросилъ у Синода для Коммисіи право «заимствоваться», право ограниченнаго, по его личному признанію, доступа ³⁾. Но проку было немного.

«При всемъ личномъ благопріятствѣ ко мнѣ ризничаго, я, жалуется Малиновскій и въ сентябрѣ 1815 г., встрѣтилъ непреодолимое препятствіе списывать что -либо въ бібліотекѣ Патріаршей. Онъ буквально придерживается указа синодскаго, а мнѣ очень-бы желалось снять копіи съ грамотъ для дополненія I ч. Собранія» ⁴⁾.

Канцлеръ только поскорбѣлъ: «меня, отвѣчалъ онъ 29-го октября, много печалитъ неблагосклонность, съ какою допускаютъ насъ рыться въ Патріаршей бібліотекѣ», но въ будущемъ обѣщалъ помочь горю ⁵⁾.

Дѣйствительно, въ началѣ 1816 г. состоялся новый синодскій указъ — на свободное пользованіе знаменитыми хранилищами, и тѣмъ не менѣе старая пѣсня не прекращалась. Синодальная контора по старому дѣлала помѣхи въ выдачѣ рукописей на руки Коммисіи, такъ что 8 іюня Малиновскій вынужденъ былъ пригрозить управляющему конторой, Магницкому—«третично утрудять Синодъ объ облегченіи Коммисіи спосо-

¹⁾ Приложенія, II, № 10.

²⁾ Тамъ-же, № 11.

³⁾ Переписка Румицова, № 23, ср. № 25.

⁴⁾ Приложенія, II, № 18.

⁵⁾ Переписка Румянцева, № 28.

бовъ къ исполненію возложенныхъ на нее по высочайшей волѣ обязанностей»¹⁾.

Въ то же время, новыя условія, среди которыхъ очутилась Коммисія при работахъ надъ дополнительнымъ томовъ: созданіе матеріала, и не переписка готоваго; разнообразіе его, требовавшее уже ученой критики для опредѣленія значенія и мѣста; богатство его, въ виду котораго канцлеръ задыхался и въ головѣ его роились новыя планы новыхъ трудовъ²⁾; самыя пріемы изданія—не отступать ни на значекъ, — все это, естественно, осложняло дѣятельность членовъ Коммисіи, привыкшихъ ити по нехитрой традиціонной колѣѣ Бантыша-Каменскаго, и Коммисія, по необходимости, въ своемъ большинствѣ, давно очутилась ниже новыхъ требованій, позади ихъ.

Давно Малиновскій стоялъ одиноко, работая, чтобы послужить, по его выраженію, къ благоугодности канцлера, и попадалъ временами въ неловкое положеніе. «Имѣю честь, торжественно доносить онъ въ іюль 1815 г., представить извѣстіе объ открытіи мною другаго древнѣйшаго списка Слова о полку», а между тѣмъ для художника Ермолаева въ Петербургѣ достаточно было нѣкотораго просмотра, чтобы объявить «открытіе» Малиновскаго нехитрымъ подлогомъ со стороны³⁾.

Но если Малиновскій такъ легко ошибался, то что-же сказать о его сотрудникахъ, членахъ Коммисіи набора Бантыша-Каменскаго?

Главный смотритель, Либенау, кажется, изъ портныхъ, былъ надворный совѣтникъ, слѣдовательно, старъ. Его способностей хватало сдѣлать отпись, переписать. Къ тому-же извѣстный сюрпризъ воровскихъ «архивскихъ инвалидовъ» не могъ не тяготѣть надъ нимъ.

Еще молодой, Прилучій былъ претрудолюбивый канцеля-

¹⁾ Дѣла Коммисіи, 1816 г.

²⁾ Ср. Переписку Румянцева, № 39, 41.

³⁾ Приложенія, II, № 17. Зная страсть Румянцева къ рукописямъ, московскіе антикваріи смастерили рукопись погябшаго Слова о полку, съумѣли убѣдить въ ея подлинности Малиновскаго и въ 1815 г. чрезъ него переслали рукопись въ Петербургъ. Румянцева сначала повѣрилъ. Но Ермолаевъ, тогда хранитель славянскихъ рукописей новооткрытой Публичной бібліотеки, признавъ подлогъ и канцлеръ не постѣснялся сейчасъ-же принять мѣры Ермолаева и пожертвовать своимъ московскимъ сотрудникомъ, который, въ своему несчастію, такъ высоко одѣнилъ свое—небывалое—открытіе.

ристъ, регистраторъ, протоколистъ, точный переписчикъ, исправный чиновникъ, но и только. «Онъ и писецъ, и корректоръ, и казначей», рекомендуетъ его Малиновскій ¹⁾. Много, много, если въ послѣдствіи изъ него выработался-бы новый фризовый сюртукъ — страшилище архивскихъ юношей эпохи Вигеля. Ему, вѣроятно, принадлежало правописаніе «полиографіа» въ письмахъ Бантыша-Каменскаго къ канцлеру.

Что-же касается послѣдняго члена, «ученаго» съ полуобразовательнымъ цензомъ, Нестеровича, то давно онъ былъ инвалидъ. «Нестеровичъ, доносилъ Малиновскій въ іюлѣ 1818 г., болѣе двухъ лѣтъ находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что сей службы (т. е. въ Коммисіи) исправлять не въ состояніи» ²⁾.

Однимъ словомъ, наборъ Бантыша-Каменскаго отжилъ свой вѣкъ: новое дѣло требовало новыхъ людей.

Это несоотвѣтствіе силъ новымъ задачамъ, неудовлетворительность стараго состава, во время отмѣчены были, но не на мѣстѣ Малиновскимъ, а старикомъ въ Петербургъ, и желаніе впустить въ свою издательскую Коммисію новую, ученую силу — явилось у канцлера давно: но надо было только выждать случая.

Освѣженіе совершилось. Коммисія, съ дѣловымъ издательскимъ характеромъ, незамѣтно преобразилась въ ученый кружокъ. Чиновничьи руки смѣнились призванными—людьми призванія, а не мзды. Эти новые люди, но съ тѣмъ-же канцлеромъ во главѣ, вывели «Коммисію печатанія» изъ узкихъ рамокъ томительныхъ грамотъ въ широкое море славянскихъ литературныхъ памятниковъ.

Новыя условія для продолженія Собранія требовали освѣженія. Но того-же и тогда-же требовали и личные интересы канцлера, его съ постоянною силою возраставшія и разнообразившіяся научныя симпатіи, послѣ того какъ онъ забылъ и кунжутное сѣмя (предметъ заботъ въ бытность его министромъ коммерціи), и Наполеона, а своихъ хаотическихъ современниковъ промѣнялъ на родныхъ мертвецовъ, съ ихъ стариной.

¹⁾ Приложеніи II, № 34.

²⁾ Тамъ же, II, № 31. О родѣ Либенау въ книгѣ Ковалевскаго: «Гр. Влудовъ и его время», 22, если мы вѣрно вскрыли книжечку.

Румянцовъ не былъ человѣкъ науки, но всѣмъ сердцемъ любившій науку, постоянно читавшій и учившійся, хотя и годы, и глаза, съ трудомъ могли дозволить ему это удовольствіе. Онъ любилъ родную старину, будетъ-ли это рукопись, книга или вещественный памятникъ. Но преимущественныя симпатіи его сердца лежали къ рукописнымъ древностямъ, въ словесной старинѣ. Со страстью читая рукописи, старикъ прибрѣлъ извѣстную палеографическую споровку, такъ что могъ подавать позже и самостоятельный, мотивированный голосъ, чѣмъ естественно гордился. Извѣстно, что относительную древность евангельскихъ текстовъ онъ опредѣлялъ, и съ основаніемъ, на присутствіи архаическихъ словъ: коуръ и моудити. Съ годами только усиливалась страсть къ старинѣ роднаго слова.

«Моя страсть къ россійскимъ древностямъ, признавался Румянцовъ Малиновскому, умножается и въ старости всѣ прочія страсти замѣняетъ; ея волненія и тревоги, къ счастью, не очень опасны» ¹⁾. Съ удовольствіемъ сообщалъ онъ раньше своему любимому корреспонденту, Малиновскому: «кажется, богатію на пользу многихъ, и это заключеніе меня радуетъ» ²⁾. Мысль о неожиданномъ приобрѣтеніи напередъ восторгаетъ старика: онъ счастливъ, напримѣръ, что покупкою ненужныхъ книгъ прибрѣлъ право прежде всѣхъ осмотрѣть ожидаемыя изъ Яссъ 13 харатейныхъ рукописей.

За то волненіе и тревоги у старика, когда онъ сидитъ безъ новыхъ рукописей: онъ мучится. 22-го октября 1820 онъ упрекаетъ Малиновскаго и Калайдовича за то, что не получаетъ отъ нихъ предложенія купить какую-либо древнюю, но вновь отысканную рукопись: «неужели г. Шульгинъ (московскій антикварій) васъ оставляетъ въ такомъ покоѣ и талантъ его потерялъ свою дѣятельность»? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тѣже попреки. «Неужели Шульгинъ и его сотоварищи вамъ никакихъ рукописей не предлагаютъ? Миѣ жалъ, ежели въ Москвѣ таковой торгъ перемѣнится». Для успокоенія старика, хотя прибрѣтшаго между тѣмъ изъ Одессы Холмское харатейное евангеліе, оставалось подать еще надежду на возможность приоб-

¹⁾ 3 августа 1819. Переписка Румянцова, № 112.

²⁾ 4 іюня 1818. Тамъ-же, № 89.

рѣсти много славянскихъ рукописей изъ Галиціи, Молдавіи и Болгаріи ¹⁾).

Но страсть къ личному матеріальному обогащенію старинной, какъ ни велика была она, одна удовлетворить старика не могла. Идеалистъ, канцлеръ не забывалъ вопроса о пользѣ, объ интересѣ общественномъ. Въ немъ всегда былъ живъ этотъ стимулъ. Онъ дѣйствовалъ подъ этимъ знаменемъ, когда велъ политику кунжутнаго сѣмени, пріязни съ Франціей.. Не въ иныхъ интересахъ открылъ онъ «Собраніе грамотъ». Вотъ почему, параллельно пассивной страсти къ старинѣ — приобрѣтать, въ историческомъ старинѣ не менѣе живо было и иное чувство — стремленіе дѣйствовать старинной въ интересѣ самопознанія.

Дѣйствительно, одновременно съ главнымъ вопросомъ—о русскомъ Дюмонѣ, Румянцовъ намѣтилъ для себя тогда-же рядъ побочныхъ, филиальныхъ задачъ, но изъ области той-же родной старины, и искалъ для нихъ выхода.

Эти задачи касались двухъ пунктовъ: историко-литературныхъ памятниковъ, предметъ, намѣченный еще университетскимъ Обществомъ Чеботарева, и народныхъ произведеній, особенно, народной исторической пѣсни, которая тогда именно обратила высокое вниманіе образованнаго общества Запада на бездольныхъ сербовъ, благодаря первымъ этнографическимъ трудамъ знаменитаго Вука, столь симпатично встрѣченнымъ въ журналѣ Каченовскаго. ²⁾ Нѣтъ-ли *своей* сербской пѣсни?.. Все эти памятники еще болѣе были «вѣщателями истины», чѣмъ офенціальныя грамоты.

Уже въ мартѣ 1814 года канцлеръ сообщаетъ Малиновскому о рѣшенномъ изданіи лѣтописей: «теперь, пишетъ онъ, мы приступаемъ къ произведенію въ дѣйство предпріятія моего—издать въ свѣтъ древнія историческія наши рукописи въ библіотекѣ Академіи наукъ». Онъ благодаритъ за присылку изъ Архива трехъ лѣтописей, которыя и передалъ на просмотръ ая. Кругу и Оленину, а вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ заняться новымъ сличеніемъ текста Степенныхъ книгъ, виприяновской и архивскихъ.

Еще осенью 1813 г. Румянцовъ поручилъ Бантышу-Камен-

¹⁾ Тамъ же, № 217.

²⁾ Въ 1814 г. вышла Вукова «Мала песмарца».

скому «отыскать» кипріяновскую Степенную, что тотъ и исполнилъ, получивъ ее изъ Синодальной библіотеки въ нѣсколькихъ рукописахъ ¹⁾. Но работой умиравшаго старика надъ критикою текста канцлеръ былъ недоволенъ. «Изъ письма Бантыша-Каменскаго, писалъ теперь онъ, удостовѣрился я только въ томъ, что въ Синодальной и архивской библіотекахъ дѣйствительно хранится нѣсколько Степенныхъ книгъ, но что содержаніе ихъ не все и не съ надлежащимъ тщаніемъ было разсматривано». Канцлеръ указываетъ — при нуждѣ пригласить и «постороннихъ людей» для работы надъ текстомъ ²⁾.

Въ результатъ этого «тщанія» было открытіе «очень любопытной статьи о дѣяніи царя Іоанна Васильевича, которая, писалъ Малиновскій, была новостью для Карамзина» ³⁾. Это была исторія Курбскаго.

Но Степенныя книги все еще не были обслѣдованы, согласно желанію канцлера, и онъ черезъ годъ повторяетъ просьбу, познакомившись теперь съ каталогами Синодальной библіотеки, сравнить текстъ ихъ по двумъ синодальнымъ рукописямъ съ текстами архивскими, и въ тоже время поручаетъ списать рядъ житій русскихъ святыхъ, преимущественно ростовскихъ, Паломникъ Давида и пр. ⁴⁾

Въ такомъ направленіи развивались лѣтописные интересы канцлера, когда къ нимъ присоединились вскорѣ и запросы о народной литературѣ, о русской исторической пѣсни.

«Канцлеръ, писалъ Нестеровичъ изъ Петербурга Малиновскому, убѣдительнѣйше проситъ принять на себя трудъ прискаты древнія богатырскія сказки о Бовѣ королевичѣ, Ейдонѣ и Берѣ и другія, какія только есть древнія сего рода сказки» ⁵⁾.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ запросъ повторяется, чрезъ брата Сергѣя, но на первое мѣсто поставлена былина. «Графъ Сергѣй Петровичъ, пишетъ Малиновскій канцлеру, препоручилъ мнѣ отъ имени вашего узнать о изданныхъ г. Ключаревымъ Дре-

¹⁾ Приложенія, I, № 26.

²⁾ Приложенія, II, № 3.

³⁾ Тамъ-же, № 7.

⁴⁾ Тамъ-же, № 16.

⁵⁾ Тамъ-же.

нихъ россійскихъ стихотвореніяхъ: всё-ль оныя имѣлъ онъ въ старинной рукописи собранныя, или самъ по частямъ собиралъ? Я адресовался съ вопрошеніемъ о томъ къ ученѣйшему и близкому для издателя чиновнику, который ни самъ не могъ удовлетворить моему любопытству, ни свѣдѣніями другихъ не пояснилъ отвѣта своего. По моему мнѣнію, г. Ключаревъ большую часть изданнаго имъ написалъ со словъ сказочниковъ, какіе и на моей уже памяти бывали въ старинныхъ господскихъ домахъ. Нелѣпости и анахронизмы подтверждаютъ мою догадку».

Но эти «нелѣпыя» сказки живо занимали канцлера. Сборникъ Кирши Данилова, изданный въ 1804 году (о немъ рѣчь въ запросѣ), подъ вѣроятнымъ вліяніемъ прогрессившаго имени сербской пѣсни, навелъ Румянцова на мысль: нельзя-ли найти для сербской пѣсни русскаго соперника въ современномъ быту народа? Но онъ ищетъ новыхъ справокъ объ этомъ тамъ, гдѣ даже понимать его интересовъ не могли. Малиновскій не въ состояніи былъ понять живаго отношенія канцлера къ какой-то народной былевой пѣсни: онъ достоинство ея мѣрилъ на сухой аршинъ издателя грамотъ, а происхожденію сборника Кирши далъ произвольное поясненіе отъ себя. Убогія книжныя сказки шли у него за одно съ былинной Кирши, въ то время какъ она, догадывался канцлеръ, могла посостязаться съ сербскою пѣснью.

«Въ древнихъ-же рукописяхъ, продолжалъ Малиновскій свою рѣчь о русской былинѣ, случалось мнѣ замѣтить только сказки подъ слѣдующими названіями: Синагрипъ царь Адоровъ, Дѣянія прежнихъ временъ, Сказаніе о Филипатѣ, Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевъ»¹⁾.

Малиновскій въ новомъ вопросѣ науки стоялъ далеко ниже канцлера.

---

¹⁾ Тамъ-же, II, № 18. Любопытно, что, получивъ объясненіе Малиновскаго, Румянцовъ обвинилъ брата въ неточности вопроса: «благодарю васъ, пишетъ онъ тому 29 октября 1815 г., и за то, что намѣрены были по въ которой ош и б к ѣ гр. Сергѣя Петровича братъ свѣдѣніе для меня, въ какомъ источникѣ г. Ключаревъ почерпнулъ напечатанныя имъ древнія наши стихотворенія — мнѣ этотъ источникъ вѣвѣстенъ». (Переписка Румянцова, № 28). Дѣйствительно, источникъ былъ указанъ въ изданіи. Но канцлеръ, вѣроятно, желалъ узнать о новыхъ источникахъ.

Очевидно, для новыхъ, занявшихъ канцлера, интересовъ одного Малиновскаго не доставало: не успѣвалъ онъ отвѣчать на его задачи относительно памятниковъ старины, не могъ быть интереснымъ сотрудникомъ и въ вопросахъ по народной словесности; чиновники-же мелкіе Комисіи даже для текущихъ интересовъ были уже мало соответственны. Помощники нужны. Но гдѣ искать? Очевидно, на сторонѣ.

Такимъ образомъ, какъ осложнившіяся условія самой «Комисіи печатанія», такъ и широкіе научные интересы канцлера желали освѣженія въ ней силъ, поновленія дѣйствующихъ лицъ. Но, надо признаться, первое проявленіе стремленія къ личной реформѣ въ Комисіи сказалось еще при Бавтышѣ-Каменскомъ.

Какъ первая освѣжительная струя, намѣченъ былъ юный Калайдовичъ, и именно самимъ Бантышемъ.

Получинникъ, полупрофессоръ-доброволецъ въ 18 лѣтъ, въ 20 лѣтъ уже редакторъ журнала Историческаго Общества и читавшій лекціи русской исторіи, по порученію университетскаго Совѣта, для сведенныхъ чиновниковъ ¹⁾, Калайдовичъ тогда-же умѣлъ удачно помѣститься среди научныхъ сокровищъ Москвы.

Синодальная библіотена, предметъ воздыханій Румянцова, была раннею приманкою для Калайдовича, стала раннею его знакомой, и изъ ея сокровищъ онъ успѣлъ рано уже кое-что извлечь.

Еще при первомъ выступленіи на поприще науки, до погрома Москвы, Калайдовичъ открылъ для себя нелегкій путь въ эту знаменитую сокровищницу русской мысли и труда — Синодальную библіотеку. Бѣжавшій изъ Москвы въ Казань отецъ Калайдовича успокаиваетъ въ августѣ 1813 г. сына, что «синадальные книги отданы и у меня хранится росписна» — следовательно, отданы до сожженія столицы Ростопчинимъ, когда погибъ домъ со всѣмъ имуществомъ Калайдовичей.

Ополченый офицеръ въ Оршѣ, гдѣ едва не умеръ, но занимается польскимъ языкомъ и бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, Калайдовичъ болѣе всего тревожится о судьбѣ Библіотеки: «успѣли-ли спасти Патріаршую библіотеку и ризницу?» — спрашиваетъ онъ съ похода знакомаго московскаго архимандрита.

¹⁾ См. его формуляръ—Приложенія, II, № 36.

Въ іюль 1813 г. онъ въ Москвѣ, у «общаго друга» — Каченовскаго, и опять въ Синодальной библіотекѣ, гдѣ въ сентябрѣ открываетъ первые труды Екзарха Іоанна и другія рукописи. 13 дек. онъ извѣщаетъ Мусина-Пушкина объ открытіи имъ апостола 1307 года съ знаменитой записью — перифразомъ извѣстнаго мѣста изъ только что погибшаго въ ростопчинскомъ огнѣ Слова о полку Игоревѣ, а въ январѣ 1814 ссылается, въ письмѣ къ П. И. Кеппену, на синодальное евангеліе 1144 года. Безъ похвалы Калайдовичъ могъ тогда-же рекомендовать себя Румянцову, какъ знающаго «библіотеки древностей» — Москвы ¹⁾.

Естественно, привлечь энергическаго молодого человѣка къ участию въ канцлеровскомъ предпріятіи было весьма желанно, и на немъ-то останавливается Бантышъ-Каменскій, не задолго до своей смерти, прося о принятіи Калайдовича въ Архивъ. «Я, отвѣчалъ канцлеръ на эту просьбу старика, но уже по адресу Малиновскаго, 2 февраля 1814 г., писалъ о согласіи моемъ опредѣлить къ Архиву кандидата Калайдовича, лишь-бы онъ прислалъ свое прошеніе и далъ-бы знать, на какомъ основаніи онъ вступить желаетъ» ²⁾. Понятно, какъ-бы сподрученъ былъ Калайдовичъ Румянцову, при его запросахъ о текстѣ Степенныхъ книгъ, и въ Архивѣ, и въ Синодальной библіотекѣ.

Но тогда-же Калайдовичъ раздумалъ и рѣшилъ повременить съ поступленіемъ на службу къ канцлеру. «Графъ, пишетъ секретарь Вестманъ Малиновскому 19 марта, удовлетворяя желанію г. Калайдовича, согласенъ отложить опредѣленіе его къ Архиву» ³⁾. Затѣмъ, какой-то крупный скандалъ во Владимірѣ, и ранній знатокъ рукописныхъ сокровищъ столицы вмѣсто Архива очутился сначала въ желтомъ домѣ, а потомъ невольнымъ послушникомъ въ подмосковномъ монастырѣ, куда засаживаетъ его отецъ на цѣлый годъ (до іюня 1816 года). Калайдовичъ на время теряется для Румянцова и его интересовъ ⁴⁾.

Между тѣмъ въ половинѣ 1815 года старый Либенау вышелъ изъ Коммисіи, за болѣзнью. Открылось главное мѣсто въ Коммисіи, и канцлеръ рѣшилъ замѣстить его теперь, сообразно

¹⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 33, 30, 97, 125, 143. Ср. формуляръ, Приложенія, II, № 36.

²⁾ Приложенія, II, № 1.

³⁾ Тамъ-же, II, № 5.

⁴⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 42 и слѣд.

своимъ научнымъ интересамъ, кѣмъ-либо изъ испытанныхъ дѣятелей Московскаго университета, прямо вопреки Малиновскому, который все думалъ о чиновникѣ.

Отклоняя кандидатуру Нестеровича, канцлеръ проситъ Малиновскаго принять трудъ пригласить въ Комисію на свободное мѣсто «кого-либо изъ извѣстныхъ по Обществу исторіи, такъ и по трудамъ ихъ на поприщѣ исторіи и словесности особъ, какъ-то: г. Каченовскаго, или г. Тимковскаго, или другаго-кого» ¹⁾.

Сдѣлалъ-ли Малиновскій предложеніе, согласно волѣ Румянцова, обоимъ тогда корифеямъ-словесникамъ университета, и друзьямъ по наукѣ канцлера, не знаемъ: только на своей чиновничьей кандидатурѣ онъ болѣе не настаивалъ и поджидалъ.

Въ началѣ декабря 1815 г. явился кандидатъ, со стороны, опять чиновникъ—изъ «Комисіи снабженія солью государства», но съ настоящимъ университетскимъ цензомъ. Это былъ Павелъ Строевъ. «По извѣстной вашему пр—ву склонности къ ученымъ и историческимъ занятіямъ, писалъ онъ Малиновскому, имѣю желаніе продолжать службу въ Московскомъ Архивѣ, въ Комисіи». Въ концѣ-же онъ пояснялъ, что съ 1812 г. доуничиваетъ курсъ наукъ въ университетѣ. 14 февраля 1816 г. состоялось ходатайство Комисіи о Строевѣ, «нѣсколько извѣстномъ уже по ученымъ своимъ занятіямъ» ²⁾.

Румянцовъ одобрилъ кандидатуру Строева, а о назначеніи его обѣщалъ свое ходатайство. Между тѣмъ дѣло о назначеніи какъ-то затнулось, хотя уже 24 марта Комисія сообщила рязанскому губернскому солянному комиссіонеру (Каменеву) о переводѣ Строева, и Строевъ уже работалъ у Малиновскаго, такъ что въ маѣ послѣдній, видимо благоволи къ новому смотрителю, возобновилъ просьбу. «Трудолюбіемъ и усердіемъ къ службѣ Строева, писалъ Малиновскій Румянцову, до сихъ поръ я совершенно доволенъ» ³⁾.

Румянцовъ возобновилъ ходатайство ⁴⁾, а вскорѣ послѣдовало и опредѣленіе Строева на должность главнаго смотрителя.

¹⁾ Переписка Румянцова, № 24.

²⁾ Приложенія, II, № 19, 21.

³⁾ Тамъ-же, II, № 22.

⁴⁾ Переписка Румянцова, № 32.

Появленіе въ Коммисіи Строева совпало съ освобожденіемъ злополучнаго юнаго знатока столичныхъ «библіотекъ древностей» изъ монастырскаго уединенія. Мы видѣли, Калайдовичъ давно намѣченъ былъ для службы у Румянцова, самъ канцлеръ желалъ: онъ теперь и поспѣшилъ въ Коммисію; но— все было занято.

Мѣста не было. Но уже давно, съ первыхъ сборовъ по печатанію II части Собранія, ясно сознавалась потребность въ новой должности при Коммисіи—контръ-корректора. Румянцовъ предложилъ это мѣсто проф. Шлецеру ¹⁾. Но Шлецеръ пробылъ не долго, и въ февралѣ 1816 г. Малиновскій уже ходатайствуетъ за «смирннаго» профессора Черепанова, не смотря на предъявленныя имъ несмирнныя условія: «онъ, доносила Коммисіа, соглашается за двѣ тысячи заняться буквальною повѣркою списковъ, безостановочною корректурою и являться для для сего по три раза въ недѣлю» ²⁾. Но канцлеръ отклонилъ услуги Черепанова и указалъ пригласить корректора за особую по листамъ плату (26 февраля). Очевидно, цѣна профессора въ опытныхъ глазахъ Румянцова была несоразмѣрна съ чаемой отъ него пользой.

Такимъ образомъ, частная должность контръ-корректора оставалась свободной какъ разъ къ тому времени, когда возвратился въ грѣшный міръ снова Калайдовичъ...

Мы видѣли, 1816 годъ прошелъ еще въ сборахъ матеріала для дополнительныхъ томовъ къ изданному тому грамотъ. Но съ началомъ 1817 г. открылось печатаніе. Въ то же самое время обследовавшійся раньше личный вопросъ Румянцова объ ключаревскомъ Киршѣ былъ рѣшенъ канцлеромъ въ смыслѣ новаго изданія этого сборника русской исторической пѣсни, при Коммисіи-же: уже въ апрѣлѣ Малиновскій извѣщаетъ его, что Древнія Стихотворенія пропущены цензурой, и скоро начнется печатаніе ³⁾. Слѣдовательно, должность ученаго корректора требовала теперь-же замѣщенія; оба изданія нуждались въ немъ... И дѣйствительно, въ началѣ 1817 года мы находимъ

¹⁾ Приложенія, II, №№ 4, 6. Ср. Переписка Румянцова, 347—350.

²⁾ Тамъ же, II, № 21. Въ Словарѣ моск. профессоровъ Черепановъ охарактеризованъ такъ: «смирненіе, простота и христіанская нравственность были отличительными чертами его жизни» (II, 554).

³⁾ Приложенія, II, № 24.

на этомъ скромномъ мѣстѣ Калайдовича, съ скромною платою 1000 руб. за изданіе всего II тома ¹⁾, находимъ, наконецъ, послѣ 3 лѣтъ и его въ Коммисіи.

Итакъ, къ началу 17 года въ составѣ Коммисіи произошелъ обмѣнъ. О-бокъ съ чиновниками явились молодые ученые подростки, люди призванія, чтобы преобразование повести затѣмъ далѣе.

Съ освѣженіемъ личнаго состава измѣнился и характеръ самой Коммисіи — изъ оффиціального, полу-ученаго учрежденія она незамѣтно преобразуется въ свободный ученый кружокъ, и характеръ ея дѣятельности: при старой «томительной» работѣ надъ «томительными» актами открывається новая дѣятельность, открывається, при руководящемъ участіи канцлера, живая ученая работа.

Старая работа шла своимъ чередомъ, при не слабѣющемъ «тепломъ участіи», даже при «духѣ пристрастія» канцлера, какъ признавался онъ; канцлеръ, который такъ «неутомимо, по выраженію Калайдовича, песя о пользѣ и чести Коммисіи», горячо принималъ къ сердцу малѣйшее замѣчаніе со стороны, самъ подготавливалъ текстъ ²⁾. Весной 1819 г. вышла II часть «Собранія грамотъ». Строевъ получилъ орденъ, даже Прилудцкій орденъ, а Калайдовичъ—принять, наконецъ, въ число постоянныхъ членовъ Коммисіи, но безъ причисленія къ Архиву и съ тѣмъ-же званіемъ корректора (20 мая), хотя еще въ іюль 1818 г. онъ домогался мѣста давно разслабленнаго Нестеровича младшаго. Въ 1822 г. вышла III часть: канцлеръ получилъ милостивый рескриптъ, Калайдовичъ орденъ и принять въ вѣдомство Коллегіи на дѣйствительную службу при Архивѣ, послѣ чего Строевъ удалился отъ канцлера—зависти ради, и на его мѣсто перешелъ Калайдовичъ, «трудами своими преполезный для Коммисіи», по выраженію канцлера, но при явномъ недоброхотствѣ Малиновскаго, который сажалъ туда свою креатуру, ка-

¹⁾ Тамъ-же, II, № 28.

²⁾ Ср. поспѣшныя обличенія полуученаго друга еп. Евгенія Волховитинова въ Петербургѣ, немного уже намъ извѣстнаго Анастасевича, въ небрежной корректурѣ II тома «Собранія» Калайдовичемъ — П р и л о ж е н і я, II, № 30. Анастасевичъ (молдованинъ родомъ) считался знатокомъ польскаго языка и обвинялъ Калайдовича въ ошибочномъ печатаніи польскихъ текстовъ. О личномъ трудѣ канцлера — тамъ-же, II, № 41.

кого-то Херсонскаго, профессора Духовной академіи ¹⁾. Пошла и IV часть, и увы! все тѣхъ-же грамотъ, при томъ-же «попеченіи Малиновскаго о порядочномъ теченіи дѣлъ Комисіи»; вспоминается и славянская палеографія—пять таблицъ «съемокъ» «для показанія образа письма въ разныхъ столѣтіяхъ» ²⁾. Вышла по смерти канцлера.

Но—вся эта почтенная дѣятельность, при вновь создавшихся условіяхъ, отходить на второе мѣсто, оттѣняется и затмевается работою новою, въ которой уже не было мѣста Прилуцкому, единому, увѣльвшему отъ старины, съ его «вѣрностью и трудолюбіемъ, на усердіи къ службѣ основаннымъ», дозволявшимъ ему въ Комисіи «одному замѣнять многихъ», какъ не переставалъ горячо рекомендовать его предъ Румянцовымъ Малиновскій ³⁾ — многообразною ученою работою въ области славянскихъ вопросовъ.

Инициатива, вся честь этого переворота, принадлежала Румянцову. Преобразование давно было подготовляемо имъ. Мы видѣли, какъ рано онъ сочувствовалъ кандидатурѣ Калайдовича, хотя послѣдній, по своей винѣ, и не воспользовался чувствомъ старика, какъ твердо онъ стремился дать мѣсто въ дѣятельности своей Комисіи людямъ призванія, науки. Эти новые люди нужны были ему, сколько для расширившихся задачъ Комисіи, столько и для его ученыхъ интересовъ, связанныхъ съ Синодальной бібліотекой, народной стариной и пр.

Но вотъ явились эти люди, и энергическій старецъ сильный закопошился. Старые интересы были обезпечены. Теперь, съ новыми сотрудниками, заронились новые вопросы, народились новые интересы. Разрѣшеніе ихъ и составило главное содержаніе дѣятельности, не старой «Комисіи печатанія трактатовъ», но уже Кружка канцлера Румянцова.

. 8 .

«Для изысканія и обработки отечественныхъ древностей весьма способный», по признанію даже Малиновскаго ⁴⁾,

¹⁾ Обстоятельство объ этой дѣятельности Комисіи съ 1817—1822 г. см. Приложенія, II, №№ 33, 34, 35, 31, 38, 47—54. Ср. в №№ 45, 46.

²⁾ Тамъ-же, II, №№ 56, 58—61.

³⁾ Тамъ-же, II, № 34.

⁴⁾ Тамъ-же.

новый контръ-корректоръ уже на первомъ трудѣ изъ новой серіи — трудовъ необязательныхъ, на первомъ трудѣ Кружка — изданіи «Древнихъ російскихъ стихотвореній», показалъ, что ему впереди первое мѣсто въ ученой дѣятельности Комисіи. Калайдовичу именно принадлежало здѣсь историческое введеніе, такъ понравившееся Румянцову ¹⁾, тогда какъ участіе редактора, Малиновскаго, ограничивалось механической стороной.

Но не на этомъ трудѣ особеннаго характера Калайдовичъ былъ въ состояніи развернуть свои способности, свой опытъ, дозволившій ему отрекомендовать себя предъ канцлеромъ, какъ знатока рукописныхъ древностей. Эта задача ожидала его сейчасъ впереди, когда, на первыхъ-же дняхъ по поступленіи въ Комисію, онъ сталъ посредникомъ между канцлеромъ и не давшеюся ему Синодальной библіотекой.

Уже давно, еще въ началѣ 14 года, Калайдовичъ познакомилъ брата Румянцова, «этимолога», съ сокровищами Библіотеки, открытыми имъ тамъ Небесами и Шестодневомъ, какъ вѣроятными трудами Еусарха Іоанна, X в. Теперь, возвратившись въ міръ и къ канцлеру, онъ спѣшитъ обратить вниманіе Румянцова, и самъ, и чрезъ Малиновскаго, на свои Небеса, съ изложеніемъ мнѣнія о современности труда эпохъ славянскихъ первоучителей ²⁾ Великолѣпный памятникъ болгарской литературы начала X-го вѣка былъ увертюрой въ цѣлой серіи счастливыхъ открытій, отведшихъ Румянцову въ лѣтописяхъ славянской науки почетное мѣсто.

Канцлеръ съ симпатіей встрѣтилъ синодальное сокровище. Онъ сердечно благодаритъ Малиновскаго за «списокъ отысканной г. Калайдовичемъ въ Синодальной библіотекѣ харатейной рукописи заглавія и предисловія». «Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г. Калайдовича, прошу васъ, продолжалъ онъ, при изъясненіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабваніи въ занятяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія. Миѣ желательно бы было со временемъ для пользы отечественной исторіи напечатать сію рукопись, съ сохраненіемъ возможной подлинника точ-

¹⁾ Переписка Румянцова № 104.

²⁾ «Записки Калайдовича» 1814 г., въ «Лѣтописяхъ рус. лит.—ры», пр. Тихоурова, т. III, отд. II, №3. Бессоновъ, Калайдовичъ, 145.

ности, о чемъ и не премину обратиться въ вамъ съ просьбою». Но вслѣдъ за этимъ онъ мѣняетъ намѣреніе и спѣшитъ поручить Малиновскому испросить у московскаго архіепископа Августина разрѣшеніе на изданіе сейчасъ-же синодальнаго сохранища, а въ догонку этому порученію идетъ другое, являющееся любопытнымъ свидѣтельствомъ объ активномъ участіи и самого старика въ дѣятельности своихъ молодыхъ сотрудниковъ и о вѣрной литературной оцѣнкѣ памятниковъ славянской старины.

«Усмотрѣвъ, пишетъ Румянцовъ Малиновскому 23 марта, изъ реестра Синодальной библіотеки (онъ былъ сообщенъ канцлеру еще въ 1815 г.), что въ хранилищѣ семь находится и другая, повидному, современная выше означенной рукописи (т. е. «Небесамъ»), а именно Аванасія Александрійскаго Четыре слова на аріаны, при концѣ четвертаго подписъ старинная: «Сія книга... повелѣніемъ князя нашего Болгарска именемъ Сумеона, преложи ихъ епископъ Константинъ въ славенскій языкъ отъ греческа... ученикъ Меодія архіепископа Моравскаго», повторяю въ вамъ убѣдительнѣйшую просьбу мою о испрошеніи у преосв. Августина дозволенія списать какъ ту, такъ и другую рукопись, и о доставленіи мнѣ примѣрной смѣты, во что бы могло обойтись напечатаніе сихъ обоихъ древнѣйшихъ памятниковъ словесности нашей. Если почеркъ сей послѣдней и уступаетъ древности почерка первой, то самый переводъ оныя, поставляя ее на ряду съ тою, даетъ уже вадлежащую ей цѣну»¹⁾.

Какъ и необходимо было ожидать, Августинъ на просьбу Румянцова отвѣчалъ указаніемъ обратиться въ Синодъ, что «самъ собою дать дозволеніе не властенъ». Малиновскій съ своей стороны предрекалъ, что изданіе въ свѣтъ «Небесъ» будетъ историческимъ памятникомъ для русской словесности. Вторая же рукопись сейчасъ была затребована въ Архивъ и поручена Калайдовичу для «обстоятельнаго описанія»²⁾, но знакомая ему уже раньше.

¹⁾ Переписка Румянцова, ММ 46—49. Подъ подчеркомъ Румянцовъ разумѣлъ приемы письма. Первое письмо—27 февраля.

²⁾ Приложенія, II, М 23. Письмо это отъ 2 апрѣля 1817. Изданіе Небесъ не осуществилось. Рукопись эта, XII стол., приготовлена была къ печати Водянскимъ, но издана, по смерти послѣдняго, А. Поповымъ, въ Чтеніяхъ ист. общ. за 1877 г., кн. IV, т. е. спустя 60 лѣтъ.

Черезъ мѣсяцъ Калайдовичъ былъ готовъ съ своими первыми замѣчаніями для канцлера объ обвѣхъ рукописяхъ—«Небесъ» и «Четырехъ Словъ», но присоединилъ къ нимъ нѣсколько словъ и о другихъ, «имѣющихъ связь съ двумя первыми», писалъ Малиновскій ¹⁾, напр., о «Шестодневъ».

Такъ полагалось первое зерно будущаго знаменитаго изслѣдованія объ Ексархѣ.... «Обстоятельное-же описаніе» всѣхъ этихъ рукописей у Калайдовича началось много позже—въ началѣ 1819, когда оба памятника на-долго были переданы въ Комиссію ²⁾.

Удачныя раскопки въ Синодальной бібліотекѣ привели къ желанію—повести ихъ шире, перевести за Москву. Не будетъ ли тамъ чего?... Москва въ Кремля не общала поживы.

Извѣстно, что еще университетское историческое Общество носилось съ мыслью объ археологической экспедиціи; но за 12 годовъ ничего не вышло. Теперь на этой мысли остановился Румянцовъ.

На лѣто счастливаго 1817 года Румянцовъ указалъ молодымъ сотрудникамъ своимъ, Калайдовичу и Строеву, объѣхать главные монастыри московской епархіи. Первымъ дѣйствующимъ лицомъ имѣлъ быть, вѣроятно, по настоянію Малиновскаго, не расположеннаго къ Калайдовичу, Строевъ: Калайдовичъ-же, по выраженію его начальника, лишь «препровождалъ» товарища—«изъ любопытства» ³⁾. Въ дѣйствительности-же ролями они перемѣнились. Свою экспедицію они начали съ никоновскаго Новаго Іерусалима, куда прибыли 10 іюня, такъ какъ отсюда были родомъ, и Небеса, и Шестодневъ. И дѣйствительно, того-же числа былъ открытъ здѣсь Калайдовичемъ Святославовъ Изборникъ 1073 года, извлеченъ на свѣтъ изъ-подъ груды хлама. Расчетъ былъ вѣренъ.

Малиновскій восторженнымъ письмомъ спѣшилъ поздравить канцлера съ добрымъ починомъ, представляя ему первыя донесенія своего любимца Строева, гдѣ хитро говорится объ открытіи Изборника, безъ указанія лица виновника.

«Волоколамская экспедиція въ самомъ началѣ общаетъ уже много успѣха, пишетъ Малиновскій 21 іюня. Калайдовичъ рассказываетъ съ энтузіазмомъ о изобиліи тамъ историческихъ матеріаловъ и о крайнемъ небреженіи объ нихъ со стороны

¹⁾ Тамъ-же, II, № 25.   ²⁾ Тамъ-же, II, № 32.

³⁾ Въ письмѣ отъ 21 іюня къ Румянцову. Приложенія, II, № 26.

отцовъ, святыхъ, но неискусныхъ. Новыми для исторіи открытіями отечество обязано будетъ единственно вашему с—ву. Одно только неудобство—что вѣтъ совсѣмъ переписчиковъ. Учители семинарскіе не знаютъ и не хотятъ знать старинной русской грамоты». Но Малиновскій проситъ не беспокоиться, что противъ этого выступитъ онъ и спасетъ дѣло: «усердіе мое изыскиваетъ теперь всѣ способы, какъ-бы согласить личную корысть съ общепольнымъ обогащеніемъ»—т. е. пайти дешевыхъ переписчиковъ ¹⁾).

Только съ представленіемъ отъ самого Калайдовича канцлеру донесенія «о древней рукописи харатейной» — но чрезъ Малиновскаго, въ концѣ іюня—сталъ ясенъ вопросъ о виновникѣ счастливаго открытія.

«Письмо сіе, доноситъ Калайдовичъ Румянцову отъ 25 іюня, начинаю извѣщеніемъ объ открытіи новаго драгоценнаго памятника древней нашей словесности, который есть плодъ патриотическихъ вашихъ попеченій, ибо безъ сего, можетъ быть, еще долго таился онъ въ кучѣ книгъ неважныхъ и покрытыхъ пылью въ углу монастырокомъ... При разборѣ небольшого числа оставшихся рукописей обрѣтенъ мною сборникъ, извлеченный изъ разныхъ духовныхъ книгъ и написанный въ 1073 году повелѣніемъ вел. князя Святослава дьякономъ (!) Іоанномъ. Языкъ сего сочиненія, нѣсколько словъ о библиотекѣ княжеской и почеркъ рукописи должны привлечь вниманіе любителя древностей» ²⁾).

Затѣмъ были обозрѣны Савво-Сторожевскій и Іосифо-Волоколамскій монастыри. Въ послѣднемъ Калайдовичемъ были найдены Четыре слова на аріанъ въ переписи 1483 года и новый списокъ Небесъ (1513 г.), вмѣстѣ съ другимъ сочиненіемъ Іоанна Дамаскина—О осми частяхъ слова, имъ-де переведеннымъ, «которое, пишетъ Калайдовичъ, доселѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчалось. Списокъ сей называю единственнымъ потому, что въ нему присовокуплено то самое предисловіе, какое находится въ под-

¹⁾ Приложенія, II, № 26.

²⁾ Переписи в Румянцова, № 54. Очевидно, Калайдовичъ торопливо прочелъ. Известно, рукопись 1073 г.—русская копія болгарскаго оригинала, а подлинникъ былъ написанъ для болг. царя Симеона, какъ открытъ позже Швыревъ. Лѣтомъ нын. года я имѣлъ случай познакомиться съ Изборникомъ, благодаря любезности ризничаго, о. Владимира. Пнв. строки Послѣсловія выскоблены безслѣдно: пожалуй, идеологъ вычтетъ Симеона. О. ризничій обратилъ вниманіе на слѣды юга: усы у князя и шапки князятъ.

линникъ IX в. (!), въ спискѣ гораздо яснѣйшемъ. Примѣръ сего изволите усмотрѣть изъ начала: Понеже убо святой премудрый божіи человекъ Константинъ и пр. Итакъ, время и счастливый случай, обязанныи бытіемъ своимъ вашему патріотическому рвенію, болѣе и болѣе подтверждаютъ достоинство единственнаго и древнѣйшаго памятника письменъ славянскихъ¹⁾.

Сотоварищъ Калайдовича, Строевъ, былъ менѣе удачливъ. Но онъ нашелъ въ Волоколамскѣ Похвалу кагану Володимеру, одно неизвѣстное поученіе Кирилла Туровскаго, пергаменное евангеліе и нѣсколько отрывковъ²⁾.

Двунедѣльная экспедиція принесла богатую жатву.

Румянцовъ былъ въ своемъ лѣтнемъ пребываніи, Гомель, когда получилъ отчеты объ открытіяхъ, личный отъ Калайдовича, вмѣстѣ съ полнымъ описаніемъ Сборника 1073 г.³⁾, и чрезъ Малиновскаго отъ Строева.

Понятна радость старика. По своему обычаю, онъ тотчасъ же рѣшилъ печатать Изборникъ. «Къ тому не мѣшкаявъ приступить изволите, употребя на то подъ руководствомъ вашимъ Калайдовича, пишетъ Румянцовъ Малиновскому 7 іюля. Изданіе должно быть какъ и самая рукопись.. Мнѣ совѣстно, что такъ непоздержно вызываю васъ на новые труды; но не меня одного вы ими одолжить изволите⁴⁾. А между тѣмъ вошелъ въ предварительную ученую бесѣду о новомъ памятникѣ съ еп. Евгеніемъ, какъ человекомъ особенно опытнымъ.

«Позвольте мнѣ, пишетъ канцлеръ Евгенію 30 іюля, похвалиться предъ вами драгоценною находкою. Между забытыми бумагами Воскресенскаго монастыря отысканъ сборникъ, составленный въ 1073 г. повелѣніемъ вел. кн. Святослава. Онъ писанъ въ большой листъ, на весьма тонкомъ и блѣдомъ пергаменѣ въ 2 столбца прекраснымъ уставнымъ письмомъ, украшенъ живописью... Послѣсловіе сей книги написано по подобію стиховъ и по сему самому есть уже драгоценный памятникъ нашей словесности. Правописаніе сей рукописи и тѣмъ отличается, что буква *щ*, встрѣчаясь очень рѣдко, замѣняется бук-

¹⁾ Т. е., «Небесъ». Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, № 53.

³⁾ Ср. письмо Строева къ Малиновскому 12 іюня, тамъ-же, № 52.

⁴⁾ Тамъ-же, № 56.

вами *ш* и *т*...» Въ дополненіе этой палеографической особенности припоминаетъ, что «епископъ старорусскій (самъ Евгеній?) недавно нашелъ нѣсколько листовъ рукописей на пергаментѣ, гдѣ онъ впервые замѣтилъ, что буква *щ* вовсе не находилась».

Разъединенная лигатура —*ш, т*—останавливала вниманіе Румянцова: она для него еще новинка и старикъ недоумѣвалъ. Онъ ожидалъ объясненія и получилъ отъ порабатаннаго въ области русской старины іерарха, не исключая и русской палеографіи (грамоты въ «Вѣстникѣ Европы»).

«Патріотическое тѣпаніе вашего сіятельства, отвѣчалъ Евгеній 17 авг., объ отысканіи всего того, что объясняетъ отечественную нашу исторію, будетъ памятникомъ нашимъ и въ исторіи нашей словесности... Осмѣливаюсь при семъ же представить нѣкоторыя мои замѣчанія. Сборникъ воскресенскій (т. е. 1073 г.) теперь будетъ у насъ третьимъ подлинникомъ словенской словесности XI в., послѣ Остромирова евангелія и Сборника кн. Щербатова 1076 г. Съ находящагося при немъ изображенія и съ нѣсколькихъ строкъ самаго текста отпечатокъ былъ бы весьма любопытенъ для любителей древностей, ибо мы доселѣ не имѣемъ палеографическихъ отпечатковъ, кромѣ 4: Мстиславовой грамоты, Тмутараканскаго камня, новгородскихъ 2 грамотъ (въ «Вѣстникѣ Европы») и нѣсколькихъ выписокъ, изд. г. Оленинымъ при своемъ письмѣ о камнѣ Тмутараканскомъ. Но употребленіе въ старинныхъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *щ* не новое открытіе, а давно извѣстное. Въ новгородской и Патріаршей бібліотекахъ есть такія рукописи и позднѣйшихъ вѣковъ». Защищая старину буквъ *щ*, Евгеній указываетъ на извѣстность ея «и въ первоначальной кирилловской, и въ глаголической азбукахъ». Но въ виду того, что задунайскіе (илирическіе) славяне произносятъ *щ* какъ *шт*, онъ дѣлаетъ любопытное заключеніе, что воскресенскій списокъ «писанъ кѣмъ нибудь изъ задунайскихъ славянъ, какъ и многія наши старинныя рукописи, пергаменные и бумажныя, ими же или у нихъ краснописанію учившимися писаны»¹⁾.

Извѣстно, какъ блистательно, но много позже, подтвердилась умная догадка нашего іерарха-слависта о происхожденіи кievскаго Изборника 1073 г.

¹⁾ Переписка м. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, Воровскъ, стр. 6, 7. Ниже изданіе это отмѣчается кратко: Переписка Евгенія.

Естественно, что канцлеръ отвѣчалъ (13 сентября) признательностью за «ученое замѣчаніе на счетъ употребленія буквы *ц*». Но затѣмъ съ щемлящимъ сердцемъ вынужденъ былъ сообщить Евгенію, что описаніе сборника скоро появится въ *Трудахъ* моск. историческаго Общества ¹⁾).

Последнее обстоятельство требуетъ поясненія. Старикъ не сразу обратился съ первою вѣсточкою даже къ Евгенію.

Въ то время какъ Руминцовъ считалъ себя, не безъ права, виновникомъ замѣчательныхъ открытій: онъ снаряжалъ и руководствовалъ экспедиціей; это право признавали за нимъ столь торжественно и полно и оба молодые сотрудника въ своихъ отчетахъ, а потому считалъ себя и единственнымъ полноправнымъ распорядителемъ судебъ открытыхъ драгоценностей, для чего и приняты были имъ уже первыя мѣры, — тайна открытій была вскрыта предъ публикой, и ревнивый къ своему ученому имени старикъ былъ глубоко огорченъ.

Калайдовичъ былъ человѣкъ независимаго характера: въ 22 года, онъ уже былъ полезенъ своимъ опытомъ самому Карамзину. Самъ Строевъ признавался, что, въ отличіе отъ него, съ его исвѣтельностью, Калайдовичъ, «какъ человѣкъ самолюбивый, держался самостоятельности», почему и былъ не по сердцу Малиновскому, который, напр., по словамъ того-же, «не любилъ, чтобы мы, архивсіе, сносились съ исторіографомъ помимо его» ²⁾. Самостоятельность свою, небреженіе къ чиновничьимъ требованіямъ Малиновскаго, Калайдовичъ обнаружилъ и тогда, когда непосредственно отчитывался предъ канцлеромъ о работахъ, въ противоположность Строеву, который сообщался по начальству. Въ его «Запискахъ» ярка эта черта...

Эту самостоятельность Калайдовича мы видимъ и въ рѣшеніи подѣлиться своими учеными открытіями съ историческимъ Обществомъ (съ которымъ отношенія у него были давно) — въ «Трудахъ» его напечатать представленное имъ канцлеру «полное описаніе» знаменитаго Изборника. Сдѣланныя открытія онъ въ правѣ былъ считать своими, какъ канцлеръ своими. Конфликтъ неизбеженъ.

Между тѣмъ отношенія канцлера къ Строеву приняли въ-которую натянутость — прежде всего благодаря суетности его

¹⁾ Тамъ-же, 7—8.

²⁾ Барсуковъ Н., Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, 43.

характера. Правда, она была сейчас-же устранена; но слѣды остались, а чрезъ немного лѣтъ разрѣшилась полнымъ отчужденіемъ канцлера къ наперснику Малиновскаго (въ 1822 г.).

Только съ завистью могъ смотрѣть Строевъ на предпочтеніе ему болѣе опытнаго въ наукѣ Калайдовича у канцлера, на видимое (и не безъ основанія) вмѣненіе чести открытія знаменитыхъ памятниковъ одному его сотоварищу, на свое, дѣйствительно второе мѣсто въ исторіи открытіи 1817 года, хотя Калайдовичъ только сопутствовалъ ему — «изъ любопытства». Канцлеръ прямо намѣтилъ Калайдовича будущимъ издателемъ Изборника 1073 г. (въ письмѣ къ Малиновскому), а онъ, Строевъ, за одной черной работой, хотя Малиновскій и видимо выдвигаетъ его, хваля предъ канцлеромъ «успѣхи» его раскопокъ ¹⁾.

Строевъ грозитъ оставить, и дѣло рукописей, и даже службу въ Архивѣ. Румянцовъ спѣшитъ успокоить «виновника счастливой удачи» (по находкамъ въ Волоколамскѣ); благодаритъ за сдѣланное, проситъ продолжать поиски, обѣщая всяческую поддержку, въ надеждѣ, что, можетъ быть, «тыщется желанный харатейный списокъ Нестора или Новгородской лѣтописи ²⁾». Строевъ продолжалъ работу. Но вслѣдъ за этимъ новое, неожиданное для канцлера, обстоятельство.

Черезъ мѣсяцъ по открытіи древнерусскихъ памятниковъ въ Волоколамскѣ, 15 июля, Строевъ извѣщаетъ Малиновскаго о предвосхищеніи его открытіи со стороны. «На сихъ дняхъ, пишетъ онъ, о. казначей получилъ отношеніе предсѣдателя историческаго Общества, г. Бекетова, съ требованіемъ книги, заключающей въ себѣ Похвалу кагану Владиміру». Правда, Строевъ прибавляетъ, что требованіе было принято съ негодованіемъ о. казначаемъ, преданнымъ-де интересамъ канцлера, что рукописи онъ Бекетову не вышлетъ; но въ виду того, что «требованіе г. Бекетовымъ книги произошло, безъ сомнѣнія, по поводу сношеній его съ вашимъ пр—вомъ, не могу оставить, чтобы не просить нужныхъ къ тому объясненій» ³⁾.

Изъ этихъ словъ ясно, что виновникомъ разглашенія «тайны» былъ самъ Малиновскій. Но иначе взглянулъ на дѣло

¹⁾ Ср. Переписка Румянцева, № 55.

²⁾ Письмо къ Малиновскому, отъ 30 іюня (тамъ же).

³⁾ Тамъ-же, № 57.

канцлеръ, получивъ письмо Малиновскаго отъ 20 юля. Его глубоко взволновала, какъ рѣшимость Калайдовича, такъ и требованіе майора-предсѣдателя, естественно, соблазненного легкостью добычи. Но въ его глазахъ вѣстовщикомъ былъ самъ Строевъ, неизвѣстно только почему: Малиновскій-ли свалилъ вину на Строева (переписка Малиновскаго еще не вся издана), или въ подозрѣніи сказались недавнія непріятныя воспоминанія о его характерѣ?

Свое горькое чувство по оповѣщенію «тайнѣ» Румяндовъ излилъ въ письмѣ отъ 12 августа, изъ Гомеля.

«Вы, пишеть онъ Малиновскому, меня премного одолжить изволите, ежели отклоните П. П. Бекетова отъ намѣренія требовать Похвалу кагану... Чего желаетъ онъ, чего желаю я? Сдѣлать сіе сочиненіе печатію извѣстнымъ. А есть-ли въ томъ какая справедливость, чтобъ у меня, такъ сказать изъ рукъ вырвали, не допуская до исполненія того, что я въ благой своей мысли и на пользу общую неутомимымъ трудомъ и нѣкоторою издержкою собирать буду? Я долго тайлъ найденныя рѣдкости г. Калайдовичемъ, но недавно и именно въ томъ опасеніи, что онъ тѣже извѣстія самъ передастъ своимъ знакомымъ, поставилъ себя въ долгъ дать знать о Сборникѣ преосв. Евгенію, Н. М. Карамзину и г. Кругу».

Такимъ образомъ, и первое письмо къ Евгенію было вынужденнымъ.

«Но, продолжаетъ канцлеръ о своихъ дѣйствіяхъ въ будущемъ, впередъ отъ подобныхъ сообщеній готовъ воздержаться, ежели вы мнѣ доставить изволите полное увѣреніе, что ни Калайдовичъ, ни Строевъ не будутъ никому ни письменныхъ, ни словесныхъ дѣлать объ отысканныхъ манускриптахъ для меня увѣдомленій»¹⁾. Въ свою-же очередь онъ обязывался предоставить имъ честь изданія ихъ рукописей.

Но ревнивый старикъ особенно опасался Строева: онъ продолжалъ розыски въ юлѣ, августѣ въ бѣгло осмотрѣнныхъ раньше монастыряхъ, на его счетъ, и розыски увѣщались успѣхомъ; прежде онъ грозилъ уходомъ, а теперь уходъ его сопровождался-бы полнымъ грузомъ открытій; въ наглядѣ былъ-бы одинъ канцлеръ.

¹⁾ Тамъ-же, № 59.

Благодаря Строева за «жатву» — открытіе новыхъ списковъ известныхъ древнерусскихъ сочиненій (Вопрошаніе Кирика, Правило Кирилла и др.), нѣкоторыхъ новыхъ (Повѣсть Кирилла мниха, Молитва Константина Философа въ стихахъ), но выражая сомнѣніе въ подлинности Молитвы съ желаніемъ имѣть датованныя рукописи, Румянцовъ прямо требуетъ отъ Малиновскаго: «васъ и г. Строева покорно прошу ни до чьего свидѣнія и ни подъ какимъ видомъ не доводить того, что тамъ (въ Савв. монастырѣ) отыщется и потребуйте сего настоятельно отъ г. Строева»¹⁾).

Принявъ мѣры для будущаго, канцлеръ волей-неволей уступилъ въ своей прѣ съ историческимъ Обществомъ, получивъ просьбу лично отъ Бекетова. «Я такъ далеко, пишетъ съ наружнымъ спокойствіемъ Румянцовъ Малиновскому отъ 17 сент., почитать себя въ правѣ препятствовать сдѣлать краткое описаніе Сборника — себя только предоставляю полное изданіе. Нѣтъ причины, почему-же бы я сталъ помѣхою въ полученіи Похвалы кагану»²⁾).

Но на дѣлѣ онъ по старому душею болѣлъ за появленіе соперника въ лицѣ Бекетова, по старому видѣлъ въ немъ перекупщина, и уже въ послѣднюю минуту оствновился на мысли — уплатой гонорара отклонить Калайдовича и Строева отъ печатанья въ Обществѣ. Въ этомъ смыслѣ позволяемъ себя протолковать темноватое заключеніе того же письма къ Малиновскому отъ 17 сентября: «вы меня премного одолжить изволите, ежели г. Строеву и Калайдовичу скажете отъ меня, что я очень охотно готовъ платить за ихъ трудъ то вознаграженіе, которое они отъ г. Бекетова получаютъ, т. е. по 20 р. за листъ, и притомъ себя обязаннымъ почту».

Въ такомъ-то удрученномъ состояніи духа Румянцовъ извѣщалъ пр. Евгенія о прискорбномъ для него появленіи «Трудовъ» историческаго Общества съ «перехваченнымъ» описаніемъ завѣтнаго Изборника, стоявшимъ ему не мало крови...

. 9 .

Теперь заботы Румянцова вошли въ новую стадію — утилизаціи собранной «жатвы» послѣ счастливаго лѣта 1817 года.

¹⁾ Тамъ-же, № 63.

²⁾ Тамъ-же, № 65.

Воскресли изъ многовѣковаго забвенія старыя болгаре, старыя русскіе: Іоаннъ Ексархъ, епископъ Константинъ; Іоаннъ, дьякъ кіевскій, Кириллъ Туровскій, а еще болѣе—безъименные, такъ печалившіе канцлера. Приходилось сказать тогда, перефразируя слова Румянцова: «въ нашихъ рукахъ богатое поле оказываться стало: вопросъ—найдется-ли изящный мастеръ для обработки его»? За деньгами остановки, по видимому, не могло быть: «я, говорилъ теперь старикъ, отнюдь не пугаюсь издержкамъ»¹⁾.

Если раньше научные интересы канцлера сосредоточивались въ строгихъ предѣлахъ отечественныхъ древностей: въ 1817 году приходило къ концу румянцовское изданіе Льва дьякова въ Парижѣ — «теперь г. Газе по просьбѣ моей, пишетъ онъ въ сентябрѣ Евгенію, приступить къ напечатанію Пселлюса и Гамартола»²⁾; «изъ бібліотеки Британскаго музея я, прибавляеть онъ, получилъ списки любопытныхъ бумагъ, касающихся до Россіи, по времени неравныхъ», и надѣется выѣзъ пересмотрѣть и воспользоваться наставленіями «мужа ученаго и духомъ истинной исторической критики преисполненнаго»³⁾),—то теперь, послѣ жатвы 1817 года, они раздвоились. Открылась литературная старина былыхъ болгаръ, панноно-болгарская письменность начала X-го столѣтія, труды учениковъ Меодія, «архіепископа Моравска»—оставить ихъ нельзя...

Жажда изданія, и быстрого, всей этой, только что открытой, рукописной старины была теперь у канцлера не меньше, чѣмъ раньше жажда находокъ, пріобрѣтеній. Хотя Румянцовъ и совѣтовалъ своимъ сотрудникамъ «не къ спѣху, да къ успѣху», но самъ-же отступалъ отъ своего правила. Привыкшій къ правильной получкѣ отъ Малиновскаго, по истеченіи короткихъ интерваловъ, листовъ «Собранія грамотъ», старикъ надѣялся видѣть и изданіе невѣдомыхъ памятниковъ глубокой старины, не только русской, но и общеславянской, столь-же скоро.

Мы видѣли, при первомъ извѣстіи о значеніи Небесъ Ексарха, открытіи Изборника 1073 года, вопросъ объ изданіи ихъ былъ уже рѣшенъ: оно возлагалось на Малиновскаго и

¹⁾ Тамъ-же, № 91, къ Малиновскому, 6 января 1818 г.

²⁾ Переписка Евгенія, 8.

³⁾ Отъ 1 мая 1817, тамъ-же, 6.

Калайдовича. Мы видѣли даѣе, что канцлеръ обязывался не лишать обонхъ дѣятелей 1817 года, Калайдовича и Строева, правъ ихъ литературной собственности.

Но, положивъ открыть для исторіи литературы славянъ старѣйшіе и представительнѣйшіе памятники славянскаго слова, Румянцовъ не безъ удовольствія видѣлъ, что этимъ онъ въ тоже время оказываетъ наудѣ и вторую службу: ему улыбалась надежда быть основателемъ и славянской палеографіи, потребность въ которой такъ настоятельно чувствовалась современниками.

Рукопись Небе оъ, какъ мы видѣли, имѣла быть напечатана «съ сохраненіемъ возможной подлинника точности». Изданіе Изборника «должно быть какъ и самая рукопись». Заказывая въ августѣ 1818 года художнику Ратшину сдѣлать образцовую копию Изборника, канцлеръ требовалъ отъ него — «не только рѣчь, но и каждую литеру скопировать въ точномъ ея видѣ, не осмѣливаясь прибавить или убавить ни надстрочнаго ударенія, ни знака препинанія»¹⁾.

Дѣйствительно, давно уже слышались жалобы на безпомощность въ вопросахъ славяно-русской палеографіи и указывались средства пособить горю. Жаловался Каченовскій, жаловались и другіе.

«Я, пишетъ преосв. Евгений Оленину въ январѣ 1816 г., въ четыре года предъ симъ въ Вологдѣ, писавши о грамотѣ Мстислава, ничего не имѣлъ въ помощь себѣ, кромѣ Гаттереровой Дипломатки, нѣсколькихъ отысканныхъ мною по вологодскимъ монастырскимъ архивамъ грамотъ и справокъ съ Московскимъ иностраннымъ Архивомъ, доставленныхъ мнѣ пок. Бантышемъ-Каменскимъ. Мое намѣреніе было при изясненіи сей грамоты составить хотя краткое начертаніе русской дипломатки, примѣняясь къ общей Гаттереровой: ибо у насъ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не начиналъ сего». Къ этому дѣлу Евгений приглашалъ и самого автора «Письма о Тмутараканскомъ камнѣ»: «если получу я помощь отъ в. в.—ва, то надѣюсь усовершить мое сочиненіе»²⁾.

¹⁾ Ратшинъ Малиновскому 4 окт. 1819. Переписка Румянцова, № 138.

²⁾ Переписка Евгения, 4.

Но тѣже мысли занимали и Румянцова—подготовленіе матеріаловъ для русской палеографіи. Объ этомъ онъ мечталъ раньше. Теперь-же палеографическій вопросъ сдѣлался для него особенно близкимъ.

Довольный поисками Строева, его отырытіями памятниковъ русскихъ писателей, Румянцовъ тѣмъ не менѣ сѣтуетъ, что мало подлинниковъ, а много безъименныхъ. «Для палеографіи, указываетъ онъ Малиновскому, очень-бы важно было, если-бы въ числѣ столь многихъ древнихъ сочиненій находились такіа, которыя писаны ежели не самими сочинителями, то по малой мѣрѣ въ ихъ времена»¹⁾. Но онъ сѣтуетъ и на отсутствіе помощниковъ себѣ для дѣла палеографіи. Сообщая преосв. Евгенію, въ изв. письмѣ 13 сентября, объ особенностяхъ письма Изборника 1073 г., Румянцовъ продолжаетъ: «я съ вашимъ преосв.—воиъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть російскую палеографію и заготовляю нѣсколько уже матеріаловъ для сочинителей оной; но гдѣ сіи сочинители? Уважите мнѣ особъ, на то способныхъ, и притомъ готовыхъ трудъ повести. Въ подобныхъ отысканіяхъ по сю пору я не слишкомъ удачно дѣйствую». Признаніе—въ высшей степени любопытное: самъ канцлеръ уже видѣлъ, какъ недостаточенъ былъ для него теперь Малиновскій, какъ недостаточна была одна чиновничья его команда: «за-ни-май-ся»²⁾.... Опытный іерархъ успокаиваетъ торопливаго старика практическимъ совѣтомъ—издавать пока матеріалы; а палеографіа сама появится. «Нужны, отвѣчалъ Евгений, матеріалы, которые когда появятся, то появятся и у насъ мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и въ своей дипломатикѣ, коей до исхода XVII в. на свѣтѣ не было»³⁾.

Совѣтъ старѣйшаго нашего палеографа какъ нельзя лучше совпадалъ съ обстоятельствами дня, съ рѣшимостью канцлера—открыть печатаніе памятниковъ и быстро повести дѣло.

Въ 1818 г. архивскія изданія Калайдовича и Строева, приходили къ концу: второй томъ Собранія грамотъ, Судебники. Готовилось къ выходу и «побочное изданіе», все того-же Калайдовича—Кирша.

¹⁾ 3 сент. 1817. Переписка Румянцова, № 63.

²⁾ Ср. занятую инструкцію Малиновскаго въ 1821 году членамъ Есмисіи, кому чѣмъ заняться—Приложенія, II, № 45.

³⁾ Переписка Евгенія, 8, 9.

Слѣдовательно, свободно было канцлеру открыть новую серію изданій, чтобы «ознаменовать» наступающіе годы.

«Я, писалъ Румянцовъ Малиновскому, пребываю въ пріятной для себя надеждѣ, что окончаніе нынѣшняго года ознаменуется появленіемъ всѣхъ трехъ изданій, начатыхъ въ Москвѣ подѣ попеченіемъ вашимъ; ихъ оконча, станемъ заниматься Сборникомъ, эвзархомъ Іоанномъ и Софійскою лѣтописью. Во Москвѣ все идетъ исправно и медленности большой нѣтъ; здѣсь подобныя-же труды, мною предпринятые, ни мало не достигаютъ своего окончанія»¹⁾).

Дѣйствительно, изъ Москвы даже торопили съ изданіемъ самого торопливаго канцлера нетерпѣливые виновники открытіи 1817 года.

. 10 .

Румянцовъ на первое мѣсто ставилъ Изборникъ 1073 г.: и время опредѣленное, сближающее его съ Остромиромъ, и русскій памятникъ, и роскошный рисунокъ, съ портретами князей, южнорусскими нарядами того времени.

¹⁾ Переписка Румянцова, № 97, отъ 6 окт. 1818 г. Софійская лѣтопись найдена была Строевымъ въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ въ новгородскихъ мѣсто, которыхъ тамъ доискивался Румянцовъ. Подѣ своими петербургскими изданіями канцлеръ пожималъ тогда между прочимъ изв. трудъ еп. Евгенія: «Словарь рос. писателей духовнаго чина». 25 окт. 1818 г. онъ писалъ Малиновскому: «будучи премного къ сочинителю приверженъ, я здѣсь на свой счетъ сіе твореніе печаталъ; но извольте посмотреть, съ какою неудачею» (тамъ-же, № 99) Евгеній письмо свое Румянцову отъ 9 апрѣля 1817 г. поручаетъ передать «пріятелю своему колож. еов. Анастасевичу, человѣку любящему все отечественное и ищущему многія въ себѣ свѣдѣнія. Осмѣливаюсь препоручить его благоволенію вашего с—ва» («Переписка Евгенія», б). Румянцовъ спѣшитъ благодарить, что меня познакомить изволили съ достойнымъ г. Анастасевичемъ» (т. же). Но «пріятель» Анастасевичъ, принявшій на себя изданіе «Словаря писателей дух. чина», оказалъ столь небрежнымъ къ труду Евгенія, что самъ владыка былъ крайне раздраженъ; въ то же время Анастасевичъ все жаловался на свою бѣдность, торговался съ Евгеніемъ о продажѣ даровыхъ экземпляровъ изданія.—Словомъ, Анастасевичъ былъ полной дисгармоніей въ кружкѣ безкорыстныхъ труженниковъ Румянцова. Румянцовъ жалуется Евгенію: «Когда г. Анастасевичъ принесъ мнѣ одинъ экземпляръ напечатаннаго важнаго Словаря дух. рос. писателей,

«Вашему сіятельству, безъ сомнѣнія, не непріятно будетъ слышать, писалъ Калайдовичъ 4 марта 1818 г. изъ Москвы, что драгоценный Сборникъ 1073 г. полученъ П. П. Бекетовымъ; первый листъ, изображающій вел. кн. Святослава и его семейство, отданъ Алексѣемъ Теодоровичемъ (т. е. Малиновскимъ) для вѣрнѣйшей скопировки, а я занимаюсь подробнымъ описаніемъ самой рукописи. Государыня императрица Марія Теодоровна желала видѣть сіе сокровище»¹⁾. Но Румянцовъ дѣйствіями Малиновскаго не былъ удовлетворенъ и препоручилъ ему сдѣлать заказъ—снять Изборникъ цѣликомъ, со всѣми его рисунками. «Прошедшаго года въ началѣ августа, писалъ художникъ Ратшинъ Малиновскому 4 октября 1819 г., я имѣлъ честь получить отъ в. пр—ва препорученіе снять точную копію съ древняго харатейнаго Сборника и срисовать находящіяся при немъ картины для его с—ва»²⁾.

Но самъ Калайдовичъ увлекся и увлекалъ другихъ не русскимъ Изборникомъ, а болгарскимъ Ексархомъ, и не безъ основанія: труды Ексарха — памятникъ только еще вскрывав-

---

я восхищался, но радость моя скоро переимѣнилась на печаль, когда я усмотрѣлъ, что сіе для меня по многимъ причинамъ драгоценное сочиненіе издается въ свѣтъ такъ дурно, что едва ли есть хуже сего изданія. Могъ-ли я ожидать отъ г. Анастасевича, къ коему съ полною довѣренностью обратился я, сложивъ на него одного все попеченіе, такое явное небреженіе, и тѣмъ для меня удивительнѣе, что онъ важъ, кажется, совершенно преданъ и мною быть довольнымъ имѣеть причину. Я точно требовать буду, чтобы первый листъ всякаго тома переимѣненъ былъ; не принесетъ мнѣ то чести, а неминуемо подвергнетъ меня осужденію, что на сихъ листахъ сказано, что изданію таковому я причиною». Румянцовъ рассчитывалъ скорѣе начать второе изданіе, но уже въ Москвѣ: «тамъ, мнѣ кажется, исправнѣе здѣшняго занимается всякой свой дѣломъ» (т. же, отъ 21 октября 1818 г.). А Евгенийъ отвѣчаетъ тѣмъ же канцлеру: «О Словарь мой въ с—ву донесу слѣдующее. Я, уступивши часть барышныхъ экземпляровъ Анастасевичу, по снисхожденію къ описываемой мнѣ своей бѣдности, уступилъ ему даже право пустить прежде въ продажу его экземпляры» (начала 1819 года, т. же 16). Впрочемъ, Евгенийъ не переставалъ относиться хорошо къ своему Анастасевичу: «Анастасевичъ весьма умный и свѣдущій литераторъ; но совѣтъ не его дѣло изданіе книгъ, для котораго нужны зоркіе глаза, опытность въ корректурѣ». (4 ноября 1818, т. же, 14).

¹⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, стр. 148.

²⁾ Переписка Румянцова, № 138.

шейся, при его прямомъ участіи, славянской письменности начала X-го вѣка.

Калайдовичъ охотно дѣлился своими рукописными свѣдѣніями о далекой литературѣ славянъ съ Карамзиннымъ, особенно объ Ексархѣ, и они цѣликомъ вошли въ примѣчанія къ I тому Исторіи Госуд. Росс., вышедшему въ 1818 г. Какъ живо былъ задѣтъ историографъ Ексархомъ, какъ глубоко онъ цѣнилъ въ тоже время умнаго и неутомимаго работника науки, видно изъ ихъ живой переписки. Приготовляя второе изданіе, Карамзинъ въ письмѣ 11 іюня 1818 г. проситъ о полной выпискѣ изъ Ексархова Шестоднева объ инокѣхъ: «я не при свою себѣ вашихъ открытій, а скажу публикѣ, чѣмъ вамъ обязана исторія»¹⁾. Одиный только Евгений, привыкшій къ дипломатическимъ работамъ, кивалъ головой надъ несслыханнымъ Ексархомъ и препирался съ Калайдовичемъ; но послѣдній откровенно указывалъ іерарху его невѣдѣніе въ данной области. «Замѣчу, заключалъ Калайдовичъ свое письмо къ ученому іерарху по поводу только что изданнаго Румянцовымъ, но подѣ его наблюденіемъ, Словари Евгенія, что нѣкоторые изъ древнихъ писателей нашихъ увырились отъ вашего вниманія. Къ таковымъ принадлежатъ: Іоаннъ Ексархъ болгарскій, переведшій книгу І. Дамаскина Небеса, его-же О осьми частяхъ слова, Шестодневъ Василія Великаго, и оставившій два имъ сочиненныя слова; епископъ Константинъ, передожившій въ 907 г. Четыре слова на арианъ Аванасія Александрійскаго. Въ оправданіе мое готовъ собирать вамъ подкрѣпленія къ моимъ благонамѣреннымъ замѣчаніямъ»²⁾. Говоря это, Калайдовичъ какъ-бы цитуетъ страняцы изъ будущей классической статьи знаменитаго Шафарика: «Раздвѣтъ славянской литературы».

20 сентября 1818 года Калайдовичемъ были представлены канцлеру ученныя «Замѣчанія» на Ексарха, при «любопытномъ, по выраженію канцлера, письмѣ». «Замѣчанія» подѣйствовали на Румянцова. «Дополненія ваши, отвѣчалъ онъ Калайдовичу 6 октября, къ замѣчаніямъ на предисловіе Ексарха Іоанна очень любопытны: не пора-ли бы приступить возвѣстити публикѣ таковыя его творенія въ древней рукописи, отысканной вами, и

¹⁾ Везеновъ, Калайдовичъ, 112, 113

²⁾ Тамъ-же, 108—109.

объ нихъ ученныя заключенія? Я пишу объ этомъ къ Алексію Θεодоровичу, прося его, переговора съ вами, начертать планъ такого сочиненія и мнѣ предложить»¹⁾).

Дѣйствительно, тогда-же, 6-го октября, Румянцовъ писалъ Малиновскому: «вы изволите усмотрѣть (т. е. изъ отвѣта Калайдовичу), что мнѣ очень хочется довести до свѣдѣнія нашихъ ученыхъ мужей всѣ его открытія и замѣчанія на древнѣйшій манускриптъ перевода Ексарха Болгарскаго». Затѣмъ переходитъ къ плану: но канцлеръ въ недоумѣніи предъ первымъ вопросомъ—допустить-ли духовная цензура всего Ексарха—сомнѣніе, возбужденное въ немъ Малиновскимъ.

«Въ изданіи полномъ, писалъ онъ, встрѣтятся со стороны духовенства нѣкоторое препятствіе; но, кажется мнѣ, въ полномъ изданіи, поелику сей трудъ Ексарха переводъ, а не сочиненіе, надобности нѣтъ, а вся важность и польза сохранится, ежели при біографическомъ описаніи времени, жизни и трудовъ сего Ексарха, многія статьи разныхъ переводовъ его не только въ точности прописаны будутъ, но даже хотя-бы въ иныхъ мѣстахъ цѣлыми листами fac-simile внесены были; важно то, чтобъ сохранить отъ гибели печатью однажды навсегда такой древній памятникъ слога славянскаго языка».

Дѣйствительно, въ интересѣ слога достаточенъ и этотъ приемъ — представить точные отрывки и такимъ образомъ обойти цензуру.

Тѣмъ не менѣе Румянцовъ предоставлялъ своему любимому корреспонденту, въ сужденіи о планѣ изданія не стѣсняться сдѣланными соображеніями, и въ заключеніе повторилъ просьбу — «исполнить теплое мое желаніе спасти отъ гибели сей почтенный остатокъ древняго нашего просвѣщенія, и сдѣлать и то благодѣяніе—приступить къ смѣть, во чтѣ станетъ изданіе»²⁾).

¹⁾ Тамъ-же, 149.

²⁾ Переписка Румянцева, № 97. О вандализмѣ въ обращеніи съ рукописями—свидѣтельство Строева въ письмѣ къ Малиновскому отъ 29 янв. 1819. Онъ говоритъ о библиотекѣ въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ Иконоа: одинъ рукописи расхищены, «другія нарочно сожжены еписк. Селивестромъ, который почиталъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью. Если-бы архим. Аполлосъ не остановилъ сего варварскаго иесоможенія, то, по словамъ наѣстника, вса библіотека подверглась-бы одинаковой участи». (Тамъ-же, № 74). Были-ли ауто-да-е и въ другихъ монастыряхъ, не знаемъ; но о полномъ

Къ сожалѣнію, соображенія, внушенныя опасеніями предъ цензурой, вошли въ программу изданія знаменитаго труда Калайдовича: «Іоаннъ Ексархъ Болгарскій». Малиновскій не могъ подать голоса противъ себя.

Къ концу 1818 года переговоры по изданію Ексарха были окончены между Румянцовымъ и Калайдовичемъ «...Поручаю снисходительности вашего с—ва, ппшетъ Калайдовичъ канцлеру 17 октября, при семъ представляемый планъ изданія Ексарха Болгарскаго»¹⁾. «Поблагодарите, отвѣчаетъ старикъ письмомъ къ Малиновскому, отъ имени моего г. Калайдовича за то, что собирается приступить подъ руководствомъ вашимъ къ изданію перевода Іоанна Ексарха»²⁾.

Въ тоже время поручена Строеву редакція Новгородской лѣтописи, съ обычнымъ указаніемъ — приступить не теряя времени³⁾. Не могъ забытымъ быть и завѣтный Изборникъ 1073 г.: «много тѣмъ утѣшаюсь, писалъ Румянцовъ 8 декабря, что будущій годъ ознаменуется изданіемъ извѣстнаго Сборника» — помню тѣхъ двухъ. Мы видѣли, художнику Ратшину былъ сдѣланъ заказъ изготовить художественную, и въ тоже время палеографически точную, копію рукописи, и лѣтомъ слѣдующаго года работа эта была выполнена.

Въ половинѣ января новаго, 1819, года цѣлый ворохъ драгоценныхъ рукописей прибылъ въ Архивъ — въ свободное распоряженіе Калайдовича, изъ двухъ знакомыхъ мѣстъ: бібліотека Синодальной и Волоколамскаго монастыря. Во главѣ этой присылки были: оба пергаменные текста трудовъ Ексарха: Небеса и Шестодневъ. На подмогу имъ былъ рядъ тѣхъ-же текстовъ, но по рукописямъ позднѣйшимъ. Кромѣ того тутъ были — предположенные Калайдовичемъ другіе литературные труды Іоанна, извѣстный трудъ современника ексархова *На аrianы*, слова Кирилла Туровскаго. Очевидно, кромѣ послѣдняго произведенія, всѣ остальные рукописи пиѣли дать

пренебреженію въ старымъ рукописямъ свидѣтельствуемъ и самъ преосв. Евгений, когда, въ бытность свою въ Новгородѣ, онъ успѣлъ спасти отъ «гибели» изъ кучи мусора, нѣсколько выброшенныхъ воиѣ памятниконъ XI вѣва — изъ «архива гниющихъ дѣлъ».

¹⁾ Безсоновъ. Калайдовичъ, 159.

²⁾ 20 ноябр. Персипска Румянцова, № 101.

³⁾ Въ томъ-же письмѣ.

Фондъ для изданія Ексарха. Теперь Синодальная библіотека была уже вполне любезна къ Кружку Румянцова — не торопила съ возвратомъ своихъ драгоценностей, не мѣшала Калайдовичу, посылала новыя рукописи въ Коммисію, и оба основные, пергаменные текста были возвращены ей только спустя шесть лѣтъ, когда знаменитый сотрудникъ канцлера уже подалъ въ свѣтъ своего любимца ¹⁾).

Работа надъ Ексархомъ началась при нелегкихъ условіяхъ для Калайдовича. Ему предстояло вскрыть далекую, почти неизвѣстную эпоху, быть пионеромъ туда, трудъ медленный, на много лѣтъ; предстояло оправдать «твердую надежду» канцлера, что его «усердіе и способности ознаменуются и вѣще, и вѣще» ²⁾, а тутъ—холодность чиновнаго Малиновскаго, матеріальная нужда. Одинъ канцлеръ, который цѣнилъ Калайдовича: «буду стараться занимать его извѣстный талантъ безъ прерывно», повторялъ онъ о себѣ, былъ его опорю. «Вы возвратили политическое бытіе человѣку», благодарилъ онъ графа, но тутъ-же напоминаетъ и о жалованьи, которое «хотя нѣсколько обезпечило-бы его въ занятіяхъ, требующихъ постоянства и вниманія, а вмѣстѣ оживило дѣятельность и дало новыя силы, готовыя на пользу общественную» ³⁾. И канцлеръ не былъ глухъ: онъ уже въ сентябрѣ успѣвши приказать Коммисіи производить жалованье Калайдовичу по 600 р. въ годъ—«изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи всѣхъ вообще книгъ, изданныхъ мною печатаемыхъ и въ пользу Коммисіи предоставленныхъ», пояснилъ онъ ⁴⁾.

Довкій Строевъ повелъ быстро изданіе Новгородской лѣтописи: въ октябрѣ были уже готовы два листа. Канцлеръ много утѣшенъ и упрекаетъ уже осторожнаго Калайдовича: «успѣхъ печатанія меня веселитъ и честь дѣлаетъ г. Строеву, пишеть онъ Малиновскому; скажите ему мою признательность и попросите г. Калайдовича, чтобъ онъ мнѣ представилъ доказательства, что не пренебрегаетъ просьбами моими и трудится надъ

¹⁾ Приложенія, II, № 32, 40.

²⁾ Переписка Румянцова № 126.

³⁾ Отъ 5 іюня 1819. Тамъ-же, № 127. Въ этотъ день Калайдовичъ присягалъ на службу—Приложенія, II, № 35.

⁴⁾ Приложенія, II, № 38.

опытомъ изданія Ексарха: я старъ, мнѣ ни чего въ долгій ящикъ откладывать нельзя»¹⁾.

Между тѣмъ Калайдовичъ, медленно, но вѣрно, подвигаясь въ своей работѣ, готовилъ и новыя «прелюбопытныя» памятники—русской литературы. Это были творенія Кирилла Туровскаго, такъ сказать, новаго Ексарха, но уже роднаго, которымъ онъ занимался давно.

Еще въ маѣ 1819 г. Калайдовичъ обѣщалъ Богацкому (служившему при Румянцовѣ) вскорѣ «доставить новыя изслѣдованія съ исчисленіемъ сочиненій о св. Кириллѣ, еп. Туровскомъ, знаменитомъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстномъ витѣи нашемъ, принадлежащемъ къ XII в.»²⁾.

Румянцовъ одобрилъ эти занятія Кирилломъ.

Г. Калайдовичъ, пишетъ канцлеръ Малиновскому 5 апрѣля 1820 г., сдѣлавъ мнѣ пространное и прелюбопытное объясненіе найденныхъ имъ разныхъ поученій Кирилла Туровскаго, почитаетъ, что полезно бы было издать сей трудъ. Я въ полной мѣрѣ въ томъ съ нимъ сужу одинаково... Пусть онъ къ этому сей ча съ приступитъ»³⁾.

Новый вопросъ, хотя и давно изучаемый, естественно, замедлитъ работы надъ Ексархомъ. Калайдовичъ на время сосредоточился на Кириллѣ, и въ 1821 г. творенія его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками, уже вышли въ свѣтъ, произведши, дѣйствительно, «большое воззрѣніе», какъ надѣялся канцлеръ. Такова недолгая исторія «Памятниковъ русской словесности XII вѣка»⁴⁾.

Снова очистился путь для Ексарха, къ которому такъ неравнодушенъ былъ и старикъ: «постарайтесь, писалъ онъ Малиновскому, чтобы г. Калайдовичъ потрудился на довершеніе своего сочиненія о переводѣ Болгарскаго Ексарха—съ повторительнымъ указаніемъ на быстроту работъ Строева»⁵⁾.

Тогда же, согласно просьбѣ Калайдовича, Румянцовъ посылаетъ ему списокъ одной главы Остромира, сдѣланный Востоковымъ, и прибавляетъ, что письмо его цѣликомъ онъ чи-

¹⁾ Отъ 20 ноября 1819, Переписка Румянцова, № 145.

²⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 156.

³⁾ Переписка Румянцова, № 156.

⁴⁾ Тамъ же, № 156. Ср. №№ 191, 219.

⁵⁾ 16 апрѣля 1820. Тамъ же, № 159. Ср. № 160.

талъ послѣднему, что его переписка всегда «полное удовольствіе приноситъ»¹⁾).

Наконецъ, желанное «довершеніе» Ексарха началось. «Вы, пишетъ канцлеръ Малиновскому, меня очень порадовать изволили, сказавъ, что вы довольны искусствомъ, съ каковымъ г. Калайдовичъ обработалъ уже двѣ статьи сочиненія своего; попросите его отъ меня настоятельнымъ образомъ, чтобъ онъ не отвлачивалъ въ даль такъ хорошо начатаго труда»²⁾).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этихъ главъ и старикъ увидѣлъ, что старое торопленіе въ изслѣдованіи не у мѣста, и онъ самъ уже за осторожность: «планъ по которому г. Калайдовичъ собирается издать свое сочиненіе, хвалы достоинствъ и многую способность обозначаетъ, отвѣчалъ Румянцовъ Малиновскому въ маѣ 1820 г.; но долженъ быть обработанъ съ большою предосмотрительностью и не торопясь... Въ іюнѣ Калайдовичъ отправилъ 3 главу, съ признаніемъ, что онъ уже на половинѣ изслѣдованія, и съ просьбой о приложеніи палеографическихъ таблицъ. Въ декабрѣ-же канцлеръ извѣщалъ Малиновскаго, что изъ письма Калайдовича онъ «съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что онъ привелъ къ окончанію трудъ свой о Шестодневѣ Іоанна», т. е. 4 главу. Но только въ іюнѣ 1822 г. готова была 5 глава — конецъ изслѣдованія»³⁾. Впрочемъ, еще въ декабрѣ 1820 года были приняты Румянцовымъ первыя мѣры для печатанія Ексарха⁴⁾: а когда черезъ годъ вышелъ Кириллъ Туровскій, канцлеру справедливымъ казалось, что пора приняться и за завѣтный Изборникъ.

«Покорно васъ прошу, пишетъ Румянцовъ Малиновскому 19 декабря 1821 года, приготовить г. Калайдовича къ новымъ трудамъ и заняться именно изданіемъ изслѣдованія его о древнемъ переводѣ Ексарха Болгарскаго и въ печатаніи имъ же найденнаго очень древняго Сборника»⁵⁾. Старое желаніе хвораго старика — не умереть, не увидѣвъ въ печати несомнѣннаго памятника письма Кіевской Руси, противъ котораго не

¹⁾ Тамъ-же, № 161.

²⁾ 5 мая 1820. Тамъ-же, № 162.

³⁾ Тамъ-же, №№ 165, 168, 179, 202.

⁴⁾ Тамъ-же, № 179.

⁵⁾ Тамъ-же, № 219.

подвинется и высочій скептикъ Каченовскій, ополчившійся было небезопасно противъ Кирилла Туровскаго ¹⁾.

Между тѣмъ, самъ старикъ своимъ расположеніемъ къ Калайдовичу не мало отвледалъ его отъ его славянскихъ работъ, видѣть въ печати которыя онъ такъ жаждалъ.

Румянцовъ, дряхлый, съ трудомъ двигавшійся, рѣшилъ тѣмъ не менѣе лѣтомъ 1822 г. сдѣлать палеографическое путешествіе, лично видѣть бібліотеку Никонова монастыря, гдѣ былъ открытъ Изборникъ, и непременно съ Калайдовичемъ, у котораго признавалъ онъ «особенное чутье» въ разборѣ рукописей ²⁾.

Это любопытное путешествіе прусуетъ яркими чертами симпатическую фигуру старца, который и на порогѣ вѣчности горѣлъ полнымъ чувствомъ любви къ наукѣ, къ этимъ святымъ интересамъ жизни, который негодовалъ теперь, когда на него смотрѣли только какъ на щедраго кассира россійской словесности, по его остроумному выраженію: «вино съ, продолжалъ онъ въ письмѣ къ Евгению — и о себѣ сужу что-то иное» ³⁾. И—право имѣлъ.

¹⁾ Считаю возраженія Каченовскаго «важными», канцлеръ ждетъ отвѣта отъ Калайдовича, но—если онъ «оспаривать его сомнѣнія будетъ доводами сильными, на твердыхъ основаніяхъ и отдаляясь совершенно отъ всякой желчи и всего того, что можетъ свидѣтельствовать оскорбленный духъ». Онъ усноживаетъ издателя, что какъ бы то нибыло, но изданіе останется памятникомъ русскаго языка, «появленіе его должно возбудить привязательность, и когда въ добавокъ почнется изслѣдованіе Евсарха, усугубится заслуга г. Калайдовича» (27 февр 1822, Малиновскому, тамъ же, № 227). Возраженія Каченовскаго — Вѣсти Европы, 1822, №№ 1, 2. Къ чести скептика прибавимъ, что Калайдовичъ былъ изъ старыхъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы». Калайдовичъ отвѣчалъ Каченовскому въ его-же журналѣ—1822, № 6. О раннихъ до 1813 г., занятіяхъ Кирилломъ Туровскимъ свидѣтельствуетъ самъ Калайдовичъ: «къ Словарию вашему, пишетъ онъ еп. Евгению въ 1813 г., я прибавилъ Луку Бѣлгородскаго и Кирилла Туровскаго» (Безсоновъ, ор. с., 107).

²⁾ Въ Строевѣ Румянцовъ видѣлъ болѣе механическаго работника, въ Калайдовичѣ и знанія, и талантъ. См. письмо къ Малиновскому 27 февр. 1821, Переписка Румянцова, № 189. Мы говорили раньше, что въ 1822 году Строевъ оставилъ Румянцова: онъ пріютился въ Историческомъ Обществѣ Бокетова — соперника Румянцова, «перекушника», гдѣ тотчасъ же и открылъ свои рукописныя экзепдиціи. См. протоколъ Общества 30 октября 1823 года, въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества», ч. III, кн. II, 32.

³⁾ Отъ 1 декабря 1822. Переписка Евгению, 67. По поводу изданія Мальбрюна.

Въ письмѣ отъ 7 сентября Калайдовичъ описываетъ Малиновскому путешествіе Румянцова.

«Канцлеръ съ благоговѣйною набожною осматривалъ святыню Новоіерусалимскаго монастыря, но такъ усталъ, что не могъ дойти до келіи архимандрита... Ему уже на квартиру принесли изъ монастырской бібліотеки три пергаменные евангелія XIV в. и рукопись, также пергаменную, Пандекты Автіоха... Это уже четвертый памятникъ славянской письменности, по всѣмъ вѣроятіямъ, относящійся къ XI в. Почеркъ рукописи весьма сходенъ съ Святославовымъ Сборникомъ...» Затѣмъ археологи посѣтили Волоколамскъ, гдѣ, по словамъ Калайдовича, не сдѣлали никакого пріобрѣтенія.

Такимъ образомъ, черезъ пять лѣтъ повторена была лѣтняя экспедиція 1817 года, но теперь при личномъ участіи полудивгавшагося Румянцова, и все-же съ добычею въ результатѣ.

Путь продолжался чрезъ помѣстье канцлера, Милутино Городище, въ Старицу и Ржевъ, и вездѣ старикъ обнаруживалъ старую пытливость и энергію. Въ Городищѣ разрылъ съ Калайдовичемъ гробницу, у крестьянъ скупалъ мелкія древности (кресты, монеты). «Въ Старицѣ, гдѣ графъ нѣкогда купилъ пергаменное евангеліе, не нашли ничего достопамятнаго. Поиски въ Ржевѣ были удачны. Тамъ куплены 7 рукописей... Графъ, нѣсколько довольный симъ пріобрѣтеніемъ, старался тщательно отыскать рукописи пергаменные. Но въ Старицѣ только что обещали достать евангеліе, а изъ Ржева вмѣстѣ съ прочими покупками привезъ я три пергаменныхъ листа, вырѣзанные изъ служебной Млнен¹⁾»).

Въ слабѣвшемъ, разрушавшемся тѣлѣ бодрость духа не слабѣла, не умалядось и влеченіе къ наукѣ. Отъ искренняго чувства шло сожалѣніе канцлера, когда онъ писалъ Евгенію:

¹⁾ Письмо Калайдовича, 7 сент. Тамъ-же, № 251. Въ III части Трудовъ Общ. люб. рус. слов., 1823, Калайдовичъ, говори объ отысканыхъ имъ въ этой экспедиціи 1822 г. Пандектахъ, прямо относить ихъ къ XI в. и видитъ болгарскій переводъ. (Безсоновъ, Калайдовичъ, 22). Мы видимъ, съ 1822-же г. устанавливаются болѣе сносныя отношенія между Малиновскимъ и Калайдовичемъ, и онъ уже на государственной службѣ при Архивѣ, смотрителемъ въ Комиссіи, но не на-долго — до смерти канцлера. Объ этомъ археологическомъ путешествіи Румянцова Калайдовичъ приготовлялъ статью для Сѣвернаго Архива Булгарина.

«жалъ, что мой жаркій и неутомительный духъ къ изысканіямъ дѣйствуетъ такъ поздно», усиливается справедливымъ, несуетнымъ, сознаниемъ, что «повсюду не давая никому покою, не безъ пользы-же моя къ древностямъ отечественнымъ алчность»¹⁾.

Къ счастью, отвлеченіе неутомимаго Калайдовича отъ перваго дѣла было не продолжительное, и едва канцлеръ возвратился изъ археологической поѣздки въ свой любимый Гомель, какъ въ рукахъ его уже были первые печатные листы «Іоанна Ексарха Болгарскаго».

Больной Румянцовъ былъ счастливъ, какъ дитя: онъ дождался увидѣть вождѣльный трудъ. Это былъ лучшій подарокъ къ Новому году.

«На-сколько, пишетъ онъ Малиновскому, 4 января 1823 г., я былъ порадованъ присылкою трехъ уже отпечатанныхъ листовъ изслѣдованія о Іоаннѣ Ексархѣ, нѣ въ силахъ сіе изобразить. Содержаніе присланныхъ листовъ мнѣ давно уже было извѣстно, но я при прочтеніи восхищался, какъ новымъ, не ожидаемымъ появленіемъ. Сей трудъ увѣковѣчить имя г. Калайдовича. Я также непременно желаю, чтобы гербъ мой ручался за то пламенное желаніе, которое я имѣлъ довести до свѣдѣнія ученыхъ сіе важное сочиненіе».

Съ нетерпѣливымъ любопытствомъ слѣдилъ теперь старикъ за движеніемъ Ексарха въ печати, и умплительное чувство его къ своему избраннику, даровитому сотруднику, только врѣпло. «Вы много меня порадовали, пишетъ онъ тому-же 5 апрѣля, давъ мнѣ знать, что предпочтительнѣе всему Константинъ Федоровичъ занимается теперь Ексархомъ. Я его собираюсь подарить, когда онъ окончитъ сей трудъ». «Вы мнѣ подали душевное услажденіе, повторяетъ Румянцовъ Малиновскому, по возвращеніи съ Кавказа и Крыма, куда ѣздилъ за какою-то славянскою надписью, 11 декабря, сказавъ мнѣ столь много хорошаго относительно изслѣдованія объ Іоаннѣ Ексархѣ, которое, кажется довершилъ Калайдовичъ. Вы изволите увидѣть, что по появленіи сего сочиненія онъ займетъ между литераторами мѣсто новое и отличное». «Съ удовольствіемъ вижу, пишетъ онъ 29 января 1824 г., что сіе изданіе будетъ обозначено гербомъ мо-

¹⁾ Переписка Евгенія, 46.

ниъ почище. Важное сіе изданіе заслуживаетъ, чтобы и сей товаръ казалъ лицомъ»¹⁾).

Листы посылались за листами. Старикъ въ томъ-же восторгѣ: «я сочиненіемъ симъ много прельщаюсь», пишетъ онъ 19 марта. Но Калайдовичъ все еще не довершилъ, вопреки расчету Румянцова, а всѣмъ заболѣлъ. Силы всегда слабого Калайдовича надломались отъ чрезвычайнаго напряженія.

Торопясь привести къ концу Ексарха, Калайдовичъ въ то-же время велъ въ печати и другую книгу. Въ сентябрѣ 1823 ему поручено было канцлеромъ изданіе (подъ обычной фирмой «Малиновскій») Бѣлорусскаго Архива — труда его воспитанника (въ Петербургской Дух. академіи), любимаго Гомельскаго «протопопа», І. Григоровича, труда, который въ виду опаснаго «духа времени», духа Магницкаго, былъ задержанъ въ цензурѣ осторожнымъ Каченовскимъ и принесъ не мало хлопотъ всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ²⁾, не говоря о другихъ ученыхъ порученіяхъ «никому не дающаго покоя» старика, напр. по оцѣнкѣ приобрѣтаемыхъ рукописей³⁾.

Слѣдствіемъ этого напряженія и была болѣзнь, крайне было обезпокоившая канцлера. «Мнѣ чрезвычайно жаль, что Калайдовичъ былъ боленъ. Намъ теперь онъ вѣще и вѣще нуженъ будетъ»⁴⁾. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь Ексарха и Карамзинъ. «Болѣзнь моя была причиною, объяснялъ Калайдо-

¹⁾ Переписка Румянцова, №№ 271, 281, 309. Любопытно, что и на Кавказѣ, во время глеченія въ Георгіевскѣ, дряхлый старецъ находилъ славянскіе интересы—и ѣ ст н ы е. Онъ осматривалъ здѣсь какой-то гравитный памятникъ съ надписью «на неизвѣстномъ языкѣ, буквами, составленными частью изъ греческихъ, а частью изъ славянскихъ» (Изъ письма къ Малиновскому 11 іюля, тамъ-же, № 286).

²⁾ Тамъ-же, №№ 290, 292, 298, 300, 302, съ сент. по дек. 1823 г. Соблазнительнымъ Каченовскій отчиталъ документы объ Уніи, съ выходками противъ нашей церкви. Каченовскій не могъ не знать вѣяній времени, направленія всеяльнаго Магницкаго, который тогда именно вырабатывалъ новый цензурный уставъ, даже противъ книгъ медицинскихъ, «въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесныя подаютъ обильные способы къ утверженію матеріализма самымъ коварнымъ и тонкимъ образомъ» (Сухомлиновъ, Матеріалы для ист. проев., въ Ж. м. н. проев. 1866, т. 132, 65).

³⁾ Переписка Румянцова, № 295. Ср. у насъ Приложенія, II, № 41.

⁴⁾ 4 апр. 1824. Переписка Румянцова, № 316.

вичъ Карамзину, что я тотчасъ не могъ отвѣчать... Ексарха Болгарскаго, если Богъ поможетъ, чрезъ мѣсяцъ кончу и представлю на благосклонный судъ вашъ»¹⁾).

Дѣйствительно, въ апрѣлѣ были уже въ рукахъ канцлера утѣшившіе его снимки къ Ексарху, въ май старикъ дѣлаетъ расчетъ предназначенныхъ къ раздачѣ экземпляровъ и «ждетъ чрезъ два мѣсяца появленія сочиненія». Въ началѣ сентября, слѣд. немного позже, явились въ свѣтъ параллельно ведшіяся изданія: Бѣлорусскій Архивъ и Іоаннъ Ексархъ Болгарскій.

«Сегодня, пишетъ 23 августа неутомимый труженикъ восходящему опасному свѣтилу въ старомъ славянскомъ Кружкѣ, Востокову, подписываю къ печати послѣдній 58 листъ моего изслѣдованія, которое недѣля черезъ двѣ явится на вашъ прѣсвѣщенный судъ. Отъ имени канцлера препровожу экземпляръ на обыкновенной бумагѣ; другой, веленовой, съ раскрашенными рисунками, предварительно прошу принять отъ меня въ знакъ памяти и благодарности за ваше лестное участіе въ трудѣ моемъ»²⁾).

. 11 .

Мы подробно слѣдили за ходомъ постепеннаго роста Ексарха, и почти излишне упоминать о впечатлѣніи, которое произвелъ вполне сформировавшійся Ексархъ на Румянцова. Восторженный, счастливый издатель 10-го сентября пишетъ Калайдовичу: «я желалъ-бы, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости,

¹⁾ Письмо Карамзина 30 мая, отвѣтъ 3 іюля — Бессоновъ, ор. с., 119.

²⁾ Переписка А. Хр. Востокова. № 76. Ср. №№ 60 и 13. Въ послѣднемъ письмѣ, 6 авг., Калайдовичъ пишетъ Востокову: «трудности въ корректурахъ непохѣрны; ручаюсь, что не только буква, ниже какой знакъ у меня пророненъ въ Приложеніяхъ. За то, чего стоитъ? Я никогда не рѣшился-бы сохранять такой точности, если-бы предметъ самаго сочиненія того не требовалъ». О выходѣ Ексарха ср. и письмо къ П. И. Кеппелю 14 іюля 1824 г., для котораго онъ взялся тогда, по просьбѣ Румянцова, издать его новый трудъ: Славянскіе памятники, собранные за границей. Ср. Бессоновъ, ор. с. стр. 128.

которую почувствовалъ я, получа первый экземпляръ ученаго изслѣдованія вашего о Ексархѣ Болгарскомъ... Сей трудъ сдѣлаетъ васъ извѣстнымъ вездѣ и на-всегда, опредѣлитъ вамъ отличное мѣсто между всѣми вообще писателями нашего вѣва. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать другихъ экземпляровъ Ексарха, дабы отправить къ митрополиту Евгенію и ученому Добровскому»¹⁾).

Но различный приѣмъ встрѣтилъ Ексархъ у современниковъ. Не всѣ они оцѣнили положенный трудъ, который автору стоилъ столькихъ лѣтъ; не оцѣнили ни новизны содержанія, ни новизны самаго дѣла, и съ охотой остановились, особенно у западныхъ «славенослововъ», на неизбѣжныхъ недочетахъ.

Первые экземпляры Румянцовъ поспѣшилъ отправить митр. Евгенію въ Кіевъ и Добровскому въ Прагу, славянскую грамматику котораго онъ еще въ 1822 г. купилъ для Калайдовича.

Калайдовичъ, съ своей стороны—Шишкову въ Россійскую Академію, Карамзину, Востокову и Кеппену.

Первый экземпляръ на судъ Евгенію, это — было справедливое правило времени. Такъ поступалъ Румянцовъ раньше — при выходѣ въ свѣтъ предшествовавшаго труда Калайдовича: «Памятниковъ русской словесности XII в.». Не иначе дѣйствовали и другіе, не исключая самого Калайдовича, ставившаго высоко судъ іерарха, нѣкогда близкаго собесѣдника, но теперь уже внѣ переписки (последнее письмо къ нему отъ начала января 1820). Оканчивая въ 1822 г. печатанье своего Описанія слав. рукописей гр. Ѳ. Толстаго (оно делось исподдоль съ 1618 г., отчасти выѣтъ съ Строевымъ), Калайдовичъ 21 окт. пзвѣщалъ графа: «у насъ митр. кіевскій Евгенийъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ, которому отъ имени вашего пересылаю листы Католага, говоритъ, что онъ во многихъ отношеніяхъ служить ему помощью при сочиненіи Словаря русскимъ писателямъ»²⁾).

Но, суда Евгенія на Ексарха не послѣдовало... Это тѣмъ страннѣе, что и Калайдовичъ, и Румянцовъ, постепенно приговлялись строгаго судію къ своему новому дѣтищу.

¹⁾ Безсоновъ, оп. с., стр. 180.

²⁾ Тамъ же, 131.

Упрекнувъ, и сильно, Евгенія за невѣдѣніе цѣлаго періода перво-славянской литературы, т. е. за невѣріе въ существованіе его, Калайдовичъ, позже, объясняетъ какъ будто склонявшемуся уже на его сторону іерарху, что подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ ждутъ его въ приготовляемомъ имъ Эксархѣ (этимъ заключается послѣднее письмо Калайдовича къ Евгенію)¹⁾.

Посылая Памятники XII в., Румянцовъ предупредительно сообщаетъ Евгенію, что «теперь г. Калайдовичъ, по моему порученію, приступитъ къ изданію извлеченія изъ древняго перевода Дамаскина болгарскимъ Эксархомъ Іоанномъ»²⁾.

Надо полагать, Эксархъ пришелся не по сердцу историкъ-археологу, всегда строго державшемуся буквы, всегда противнику предположеній. Онъ уже раньше упорно оспаривалъ значеніе открытій Калайдовича, его Эксарха, и односторонній взглядъ на Калайдовича рано вошелъ въ его канонъ. Личное чувство немного говорило въ Евгеніи.

Получивъ Памятники XII в., Евгеній отвѣчалъ Румянцову: «я на скоро просмотрѣлъ; издатель часто догадками своими еще болѣе портилъ...; на стр. 222 изъ желанія противорѣчить мнѣ издатель даже солгалъ... Въ предисловіи также лгалъ онъ изъ охоты поправлять историографа (т. е. Карамзина) .. Хвастливость, догадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстны. На досугъ прочту внимательнѣе всю книгу и, можетъ быть, что нибудь замѣчу»³⁾.

Еще откровеннѣе и полнѣе Евгеній былъ тогда въ бесѣдѣ съ своимъ ничтожнымъ въ наукѣ пріателемъ, изв. Анастасевичемъ, этимологомъ во вкусѣ Шишкова. «Отъ канцлера имѣю я уже Памятники XII в... Въ Памятникахъ много пища Востокову. Но Нисеитовы и другія статьи со многими пропусками, якобы срамословными, а отъ сей стыдливости не въ полнѣ имѣемъ мы и старину. Я написалъ канцлеру нѣкоторыя критическія замѣчанія на сіе изданіе и вранье Калайдовича». Евгеній его прямо обзываетъ пьянымъ издателемъ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же, 111.

²⁾ Переписка Евгенія, 54.

³⁾ Тамъ-же, 54.

⁴⁾ Письма Евгенія въ истор. журналѣ: Древняя и Новая Россія, 1881, февраль, стр. 306, 308.

Если-бы и былъ судъ перваго судіи, онъ былъ-бы крайне субъективенъ.

Второй судія, Добровскій, сужденіемъ не промедлилъ.

Недовѣрчивый до ultra аналитикъ, подобно нашему Евгению, Добровскій уже въ письмѣ къ своему талантливому собесѣднику, Копитару, отъ 22 марта 1825 года, недвусмысленно высказался противъ Ексарха, общая рецензію для Вѣнскихъ Лѣтописей. Онъ упрекаетъ, что Калайдовичъ слишкомъ положился на свидѣтельства рукописей, на «сомнительныя подписи и надписи». «Мнѣ все это въ высшей степени подозрительно. Во время царя Симеона не было никакого Ексарха Іоанна. Но Молятва Господня изъ старыхъ рукописей, прѣтча изъ Матвѣя, драгоценны. По поводу моихъ замѣчаній покрутитъ господа носомъ. И епископъ Константинъ, ученикъ Мееодія, приводится Калайдовичемъ и т. д. Было-бы хорошо указать подобныя вещицы въ журналѣ. Жаль, что это не можетъ имѣть мѣста въ вашихъ Лѣтописяхъ...»¹⁾.

Окрыленный невѣріемъ своего учителя, остроумный, но все еще только «преуспѣвающій» въ славянской филологіи, Копитаръ (онъ наивно и важно напр. вопрошалъ Калайдовича раньше — реченія же нѣ въ Изборникѣ 1073 г. не изъ польскаго ли языка, и что-же послѣ этого славянскій языкъ?) злородно спѣшитъ предложить Добровскому и свои услуги въ походѣ на Калайдовича—«licebitne et mihi addere mea aliqua» пишетъ онъ Добровскому, угрожая при отказѣ найти для себя явное мѣсто: «ego melius te possem illos arguere», не безъ хвастовства заключалъ онъ письмо, т. е., и лучше васъ стужью прочитъ такихъ господъ, какъ авторъ Ексарха²⁾.

Добровскій уступилъ, но посѣдшилъ извинить себя предъ Калайдовичемъ. 14 января 1826 г. онъ пишетъ Кеппену, другу автора Ексарха: «мнѣ было-бы весьма не по сердцу, если выраженія Копитара (въ рецензіи) прозвучатъ иначе, чѣмъ мои. Онъ безощаденъ въ своихъ рецензіяхъ, не такъ, какъ я. Ему Вугъ (т. е., изв. Караджичъ) верхъ всего, и онъ не желаетъ,

¹⁾ Переписка Добровскаго, изд. ак. Ягича, № 180.

²⁾ Тамъ-же, стр. 711.

³⁾ 29 окт. 1825. Тамъ-же, № 186.

чтобы сербы применили къ русскимъ, что такъ необходимо и полезно имъ было-бы¹⁾.

При письмѣ 14 января Добровскій представилъ свои замѣчанія на Ексарха, для передачи автору. Пересылая ихъ, Кеппенъ дружески успокаиваетъ Калайдовича: «вообще въ отношеніи къ самому Ексарху онъ не совѣмъ съ вами согласенъ; но, не взирая на это, говоритъ, что трудъ вашъ послѣ Библіи занимаетъ у него первое мѣсто; нельзя сердиться на почтеннаго старца, даже въ случаѣ слишкомъ строгихъ иногда сужденій».

Но Кеппенъ напрасно опасался: судъ Добровскаго въ пересылаемыхъ «собственноручныхъ замѣчаніяхъ» исчерпывался указаніемъ болѣе по его мнѣнію справедливыхъ конъюнктуръ чтенія, поясненій, и не всегда удачныхъ, ошибокъ, и вообще мало содержателенъ²⁾.

Придирчивы и неудачны были «легкія замѣчанія» акад. Круга, его несчастная поправка спанъ (извѣстная роль безбрадыхъ въ древней исторіи Аеона); естественно, пусты —наивниго виленскаго профессора Лобойки, наивно рекомендовавшаго Калайдовичу «вытвердить» грамматику Добровскаго наизусть; свѣтски-обща — Карамзина. Карамзинъ благодаритъ 16 сент. Калайдовича за доставленіе «важной книги», прибавляя: «съ любопытствомъ занимаюсь теперь ея чтеніемъ³⁾».

Рѣзкою, но дѣйствительною, критикою встрѣтилъ у насъ «Ексарха» старый скептикъ Каченовскій, рѣще, чѣмъ раньше русскаго Ексарха: Ексархъ-де не бывалый писатель для Х вѣка, какъ небывалый и титулъ его «ексархъ», почему старый Добровскій, ополчившись на Калайдовича, «сдѣлалъ все-таки лучше тѣхъ, которымъ угодно было играніемъ на трубахъ отдать обычную почесть древнему славянину при выходѣ его изъ типографіи». Для нашего слависта, Іоаннъ Ексархъ — сербъ, аеонецъ изъ Хилендаря, XII вѣка⁴⁾. Но —этотъ монастырь основался только въ слѣдующемъ столѣтіи.

«Игранье на трубахъ», парадный тушъ Славянину, словами этими Каченовскій мѣтилъ въ своего врага, знаменатаго самоуба

¹⁾ Тамъ-же, 676.

²⁾ Везсоновъ, Калайдовичъ, 78—80.

³⁾ Эти отзывы тамъ-же 74—78, 120.

⁴⁾ «Вѣстникъ Европы», 1826, №№ 15, 21—23.

Полеваго, который въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ», на первыхъ страницахъ его, привѣтствовалъ Ексарха самымъ горячимъ словомъ. «Изданіе книги великолѣпно; приложенные снимки съ рукописей удивляютъ совершенствомъ; но всего любопытнѣе примѣчанія г. Калайдовича, богатаго палеографическимъ познаніемъ русской старины; касательно-же историческихъ его розысканій мы предложимъ особую статью, ибо не можемъ совершенно согласиться съ мнѣніями г. Калайдовича». Полевой былъ такъ восторженъ «Ексархомъ», что тогда-же объявилъ, что «палеографія русская приняла классическій характеръ», конечно — черезъ мѣру ¹⁾...

Не совѣтъ ясно почему, но Калайдовичъ интересовался судомъ Академіи Шишкова. «Признаюсь, пишетъ онъ Востокову предъ выпускомъ Ексарха, вниманіе сего первенствующаго сословія знаменитыхъ въ російскомъ словѣ мужей подкрѣпить меня въ занятіяхъ трудныхъ, гдѣ нужна помощь и одобреніе» ²⁾. Надо думать, онъ искалъ поддержки и чрезъ Карамзина. «Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ Карамзинъ письмо 16 сентября, что Россійская Академія оцѣнитъ, какъ должно, трудъ вашъ. При первомъ свиданіи съ г. министромъ (т. е. Шишковымъ, только что смѣнившимся вн. Голицына) спрошу о томъ».

Но кто могъ быть оцѣнщикомъ изъ дѣятельныхъ членовъ «первенствующаго сословія»? Шишковъ, получивъ отъ Калайдовича Памятнику XII в., могъ восхититься однимъ слогомъ, ища здѣсь опоры своему ратоборству противъ исторической выработки нашего литературнаго языка. Онъ взываетъ къ издателю: «удержите, если можно, вашими трудами сію заразу» ³⁾. Шишковъ одобрилъ новыя «похвальныя упражненія» Калайдовича своимъ обычаемъ — серебряною медалью.

Оцѣнка вышла, и нелицепріятая, отъ номинальнаго соратника Шишкова, Востокова, къ которому даже ревновалъ

¹⁾ 1825 г. ч. I, 80—81, 235. Въ этомъ году «Моск. Телеграфъ» сталъ только выходить съ строгими законами — не допускать статей ученаго содержанія: «исключеніе позволено только тогда, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь важномъ, имѣющемъ общарныя послѣдствія отъ журнальнаго обнародованія» (I, 15).

²⁾ Переписка Востокова, № 76.

³⁾ Записки и пр. Шишкова, II, 420.

теперь Калайдовичъ канцлера: судъ его онъ долженъ былъ цѣнить.

Знакомый съ исторіей работъ по Ексарху, Востоковъ еще до выхода привѣтствовалъ книгу: «я теперь, пишетъ онъ Калайдовичу въ іюль 1823 г., принялся за отработку на-чисто собираемыхъ мною давно уже матеріаловъ къ словенской грамматикѣ; съ нетерпѣніемъ я ожидаю появленія въ свѣтъ вашего Ексарха, изъ коего почерпну важныя пособія въ предстоящемъ мнѣ трудѣ...»

Но вотъ Востоковъ получилъ книгу, о которой былъ предупрежденъ издателемъ раньше, что не вездѣ онъ встрѣтитъ согласныя съ нимъ мнѣнія (письмо 10 апр. 1824). Издатель ждетъ «наставительныхъ замѣчаній». Востоковъ отвѣчаетъ сейчасъ. «Съ жадностью пробѣжалъ я вашу книгу, въ которую мнѣ придется не однажды заглядывать и ею руководствоваться. Не премину сообщить вамъ по времени замѣчанія и догадки, внушаемыя мнѣ чтеніемъ ученыхъ вашихъ изслѣдованій и любопытныхъ приложений, сей богатой сокровищницы древности славено-болгарскаго языка»¹⁾.

Дальнѣйшая «отработка» славянской литературной старины показала, какъ безосновательно было отрицаніе Добровскаго приемовъ якобы чрезъ мѣру доврчиваго Калайдовича, какъ блестяще было приурочиванье Калайдовичемъ эмбриона славянской письменности къ славянамъ средняго Дуная, тогда какъ Добровскій все искалъ его среди болгаръ...

Калайдовичъ былъ въ правѣ высоко цѣнить значеніе своихъ многочисленныхъ работъ для науки, значеніе открытыхъ имъ памятниковъ невѣдомой дотолѣ эпохи исторіи славянъ, не опасаясь впасть въ самомиѣніе.

«Вотъ мои сокровища, едва имовѣрныя, писалъ онъ Востокову еще въ іюнь 1822 года, перечисливъ памятники, имѣвшіе войти въ составъ заанчиваемаго Ексарха. Безпрерывно разсматривая ихъ, утѣшаюсь моимъ изслѣдованіемъ, далекимъ отъ совершенства, но которое по многимъ вновь открытымъ свѣдѣніямъ разольетъ свѣтъ на древнѣйшую нашу литературу»²⁾.

¹⁾ Переписка Востокова, МЖ 31, 48, 79, 80.

²⁾ Тамъ-же, № 10.

Правъ былъ громко озаглавить своего Ексарха: «ислѣдованіе объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій».

Ексархъ Іоаннъ былъ первымъ въ наукѣ опытомъ документальной исторіи «едва пмовѣрной» литературы—славянъ начала X-го вѣка, современныхъ потомковъ которыхъ уже позже пришлось открывать извѣстному энтузіасту Венелину. Современники, въ своемъ большинствѣ, этого «свѣта» не видѣли, мало того, силились «загасить» его. Но его увидѣло уже ближайшее потомство, правда, когда виновникъ «свѣта» былъ уже въ землѣ. Для знаменитаго Шафарика Ексархъ—огонекъ, впервые засвѣтившійся въ темной, какъ ночь, области первыхъ памятниковъ славянскаго слова¹⁾.

Что можно о-бокъ съ Ексархомъ поставить въ современномъ славяновѣдѣніи у западныхъ славянъ? Который изъ трудовъ Копитара, чтобы не связать, который изъ историко-литературныхъ трудовъ самого Добровскаго?.. Извѣстно, какъ неудаченъ былъ патріархъ славистики въ историческомъ пониманіи самага церковно-славянскаго языка....

Ексархъ былъ безцѣннымъ, какъ опредѣлили его Востоковъ, вкладомъ въ славянскую науку со стороны Румянцовскаго Кружка, высшимъ, но и послѣднимъ, памятникомъ его дѣятельности: впереди не долго оставалось жить Кружку.

. 12 .

Годы Румянцова, больного, слѣпнувшаго, были сочтены. Казалось, пора ему и на покой отъ науки. Но нѣтъ, историческій старецъ умеръ съ тою-же живою заботой о своей наукѣ, съ какою жилъ онъ весь вѣкъ.

Не соответствовавшій ожиданіямъ приемъ Ексарха не измѣнилъ чувствъ душевнаго уваженія Румянцова къ Калайдовичу. Пересылая замѣчанія Круга, старикъ прибавляетъ: «вы, конечно, обрадованы будете, усмотри, съ какимъ удовольствіемъ г. Кругъ принялъ прелюбопытное сочиненіе ваше и найдете въ

¹⁾ Въ введеніи въ «Разцвѣту славянской литературы» (1847 г.)—Sebrané spisů, III, 164.

его письма замѣчанія, которыя и впредь не бесполезны будутъ»¹⁾. Старикъ по старому носился съ своимъ высшимъ изданіемъ, предлагая его царственнымъ посѣтителямъ Архива, и въ неустанной въ заботахъ о наукѣ головѣ Румянцова зародилась новая мысль—о новой работѣ для своего неутомимаго сотрудника... Куй желѣзо, пока горячо.

Мы ожидали бы, что старикъ воспользуется теперь Калайдовичемъ для выполненія завѣтнѣйшаго желанія — издать Изборникъ 1073 года... Но, нѣтъ, онъ обратился въ иную сторону, а Изборникъ отошелъ изъ Москвы въ Петербургъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Румянцовъ вспомнилъ старину— время до знаменитаго лѣта 1817 года, исканія самого Калайдовича.

Мы видѣли, какъ рано Калайдовичъ вошелъ въ знакомство съ сокровищами Синодальной библіотеки—раньше знакомства съ Румянцовымъ. Къ этому раннему времени ученой дѣятельности юнаго Калайдовича относится возпикновеніе у него мысли—сдѣлать описаніе славянскихъ рукописей знаменитаго хранилища. Уже 3 ноября 1814 г. Калайдовичъ, говоря о бесѣдѣ съ Карамзинымъ, занесъ въ свой дневникъ: «я сказалъ ему желаніе издать каталогъ Синодальной библіотеки; онъ похвалилъ намѣреніе»²⁾.

Когда сдѣланные въ 1816 г. Калайдовичемъ, по порученію Румянцова, поиски за рукописями въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Москвы окончились ничѣмъ, Калайдовичъ вспомнилъ про старое желаніе свое и остановился на мысли—присовѣтовать канцлеру предпочесть извѣстное неизвѣстному.

«Весьма важнымъ нахожу для нашей древней словесности и исторіи, пишетъ онъ въ заключеніе своего отчета объ неудачной экскурсіи Румянцову, описаніе рукописей Московской библіотеки Синодальной. Сіе описаніе откроетъ новый свѣтъ въ древней нашей литературѣ, покажетъ непрерывный рядъ памятниковъ славянскихъ съ самаго IX в. (это есть найденный мною переводъ Іоанна Екзарха книги Іоанна Дамаскина Небеса) до XVIII. Греческія рукописи описаны уже

¹⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 182. Стр. 186.

²⁾ Лѣтописи рус. лит.-ры, проф. Тихонравова, т. III, II, 114.

Ае. Схіадою и пр. Маттеемъ : неуже-ли нашимъ отечественнымъ памятникамъ суждено скриваться такъ долго въ прахъ?...¹⁾.

Оказати и эту услугу наукѣ рѣшилъ Румянцовъ теперь, послѣ изданія Ексарха.

Въ сентябрѣ 1824 года явился Ексархъ, а 9 декабря Калайдовичъ пишетъ Востокову: «изъ письма П. И. Кѣппена я усмотрѣлъ, что вы уже изволите знать о новомъ порученномъ мнѣ трудѣ. Открытіе тайнствъ Синодальной бібліотеки есть одно изъ достославныхъ предпріятій нашего мецената»²⁾.

Дѣйствительно, уже 4 ноября Румянцовъ изъ Гомеля спѣшитъ подѣлиться пріятною новостью, что «Синодъ предписалъ Московской Синодальной канторѣ допустить Калайдовича къ подробному и ученому описанію Синодальной бібліотеки. Возьмите мѣры, чтобы сіе преполезное дѣло безъ потери времени начато и исполнено было. Смыслу нужную приважите составить и ко мнѣ препроводить»³⁾.

Богѣе чѣмъ кто другой, Калайдовичъ понималъ трудности новой задачи, что она требовала его всего для себя. Въ этомъ смыслѣ онъ и написалъ Румянцову. Старивъ былъ немного удивленъ—этимъ затрудненіемъ «при самомъ первомъ шагѣ къ изданію каталога патріаршихъ и синодальныхъ рукописей». Онъ отвѣчалъ Малюновскому 9 декабря, что Калайдовичъ «совершенно правъ въ томъ своемъ заключеніи, что, предпринявъ мнѣ въ угодность составленіе каталога, довершить его не можетъ, не удалясь отъ настоящаго упражненія своего давать лекціи», и потому проситъ Калайдовича просто сказать, «не ссылаясь на мое сношеніе съ г. Востоковымъ», «гуртовую сумму за весь трудъ» и во сколько лѣтъ предполагаетъ окончить его, «съ большимъ о немъ радѣніемъ». «Я тѣхъ людей, успокаивалъ въ заключеніе старивъ, кои себя дарованіями своими отличаютъ и отъ коихъ видѣлъ я себѣ многое одолженіе, беречь люблю»⁴⁾.

¹⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 145.

²⁾ Переписка Востокова, № 92.

³⁾ Переписка Румянцова, № 331. Ср. № 332. Уведомленіе оберъ-прокурора о разрѣшеніи Синода отъ 21 окт. 1824 года—тамъ-же, стр. 362.

⁴⁾ Тамъ-же, № 339.

29 января 1825 было заключено формальное условіе между обѣими сторонами объ описаніи ¹⁾).

Извѣстіе это сейчасъ-же встревожило нѣкоторыхъ въ Петербургѣ, и въ февралѣ Румянцовъ получилъ отъ акад. Круга, неудачнаго рецензента Ексарха, предостереженіе, что Калайдовичъ не знаетъ греческаго языка, и потому пусть онъ при работѣ «никогда вполнѣ не полагается на себя» ²⁾. Нѣкоторое впечатлѣніе письмо произвело. Въ письмѣ къ Востокову отъ 17 февр. Румянцовъ соглашается съ Кругомъ «о скорости и рѣшимости, каковыми дѣйствуетъ иногда въ своихъ сочиненіяхъ Калайдовичъ», но самому Калайдовичу объ этомъ лишь слегка намекнулъ.

«Я, пишетъ старецъ Малиновскому, безъ всякаго сомнѣнія дарованія г. Калайдовича въ хорошей цѣнѣ ставлю и для того-то искренно желаю, чтобы онъ всѣ свои труды обрабатывалъ съ большою осторожностью, и такъ, чтобы они и внѣ Россіи не токмо его уму, но и благообдуманному посвященію его, дѣлали честь» ³⁾. Въ послѣднихъ словахъ слышится воспоминаніе объ упрекахъ Добровскаго. Лично-же Калайдовича онъ только ободрялъ къ работѣ, но осторожной. Съ радостью онъ получилъ извѣстіе отъ Калайдовича о началѣ описанія и 7 апрѣля отвѣчаетъ: «конечно, первая встрѣча отъѣзнаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ внезапно нападете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспаривать старшинство у Остомирова евангелія. Разсматривайте, пожалуйста, все съ большимъ тщаніемъ и осторожностію. Предъ вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго; не теряйте сей цѣли изъ виду» ⁴⁾.

Но старецъ загадывалъ слишкомъ далеко: ни ему, ни Калайдовичу, ниже слѣдующему поколѣнію не суждено было быть свидѣтелемъ «вскрытія таинствъ Синодальной бібліотеки», какъ не суждено было видѣть и знаменитаго Изборника, приготовленіе котораго къ печати перешло отъ Калайдовича къ Восто-

¹⁾ Переговоры—тамъ-же, № 345, условіе—№ 349.

²⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 81. Цѣликомъ письмо Круга отъ 6-го февраля въ Перепискѣ Востокова, стр. 175—176.

³⁾ Отъ 24 марта 1825. Переписка Румянцова, № 359.

⁴⁾ Безсоновъ, Калайдовичъ, 81.

кову. Важное патриотическое предназначение было лишь слегка затронуто въ своемъ исполненіи—на сколько дозволили обстоятельства. Но безспорно, высоко-почетно въ исторіи русской науки имя тѣхъ, кто поволѣніемъ грядущимъ завѣщаль приведеніе въ концу грандіознаго дѣла, успѣвъ сдѣлать лишь первую пробу.

«Обиліе рукописей, которыхъ считается 954, за исключеніемъ грамотъ, поставляетъ меня въ такое положеніе, что я, пишетъ Калайдовичъ Востокову при первомъ-же шагѣ въ среду «таинствъ» Библіотеки, долженъ посвятить большую часть времени сему, столь для меня лестному, занятію»¹⁾. Но масса упорнаго труда не устращивала испытаннаго работника.

Казалось, первые шаги предвѣщали успѣхъ. «Въ Синодальной библіотекѣ я, извѣщаль уже 6 мая Калайдовичъ Румянцова, описаль 58 рукописей. Мой трудъ идетъ теперь не такъ успѣшно, по причинѣ сдачи сокровищъ отъ прежняго ризничаго новому»²⁾. Описать шесть десятковъ рукописей въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ—шагъ большой. Но Калайдовичъ долженъ былъ спѣшить, такъ какъ Румянцовымъ указанъ былъ срокъ—три года, почему и принялъ старую упрощенную систему описанія, какъ она выработана была имъ раньше въ Описаніи рукописей гр. Толстаго. «Дай Богъ и въ такомъ видѣ оправдать съ честью ожиданія канцлера при описаніи 954 рукописей и многихъ грамотъ въ теченіе 3 для меня опредѣленныхъ лѣтъ, пишетъ Калайдовичъ, въ оправданіе своей системы, Востокову 2 апрѣля. Иное дѣло составить подробный и ученый каталогъ рукописямъ, который долженъ освѣщать неприкосновенныя доселѣ книгохранилища вѣрнымъ указаніемъ всего, въ нихъ содержащагося; совѣтъ другое дать душу симъ глѣбующимъ памятникамъ и оживить ихъ, подобно какъ оживленъ вами древнѣйшій переводъ св. Григорія Богослова»³⁾.

¹⁾ Переписка Востокова, № 105.

²⁾ Безсоновъ, ор. с., 187.

³⁾ Переписка Востокова, № 117. Трудъ Востокова, упоминаемый Калайдовичемъ, образцовое описаніе 13 словъ Григорія Богослова въ наставительномъ и для нашего времени журналѣ П. И. Кеппена: Библиографическіе Листы, за 1825, тогда начавшемъ выходить. О полной и точной системѣ Востокова—см. Переписку № 115, на что письмо Калайдовича было отвѣтомъ.

Но послѣ перваго извѣщенія 6 мая переписка Калайдовича съ Румянцовымъ прерывается—прервалось и самое описаніе.

Съ чувствомъ глубокой скорби пишетъ старикъ Малиновскому 25 сентября: «сожалѣю о томъ, что г. Калайдовичъ, который мнѣ столь полезенъ, страдаетъ нервами», а черезъ мѣсяць прибавляетъ: «желать я долженъ и желаю, чтобы г. Калайдовичъ выздоровѣлъ совершенно, такъ, чтобы по прежнимъ примѣрамъ могъ заняться съ успѣхомъ возложеннымъ на него дѣломъ»¹⁾.

Если мы вспомнимъ исторію непрерывныхъ, безъ рѣзыха, работъ Калайдовича въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ, при постоянныхъ подталкиваніяхъ и отвлекающихъ порученіяхъ нетерпѣливаго старика, среди зависти и недоброжелательства отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, мы можемъ только удивляться, какъ слабая натура Калайдовича не прорвалась раньше... Впрочемъ, на этотъ разъ желаніе Румянцова исполнилось: Калайдовичъ оправился, но затѣмъ, чтобы чрезъ непродолжительное время получить удручающую вѣсть, что 6 января 1826 года не стало знаменитаго историческаго старца, который умеръ съ преслѣдовавшими всю его долгую жизнь помыслами о родной наукѣ: «трудомъ г. Погодина (только что явившимся неудачнымъ переводомъ Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій», на счетъ канцлера) я, заключая Румянцовъ свое послѣднее письмо къ Малиновскому, отъ 5 декабря, буду хвалиться предъ митроп. Евгеніемъ»...²⁾.

Наслѣдникъ-братъ не поддержалъ великой традиціи, и Румянцовскій Кружокъ самъ собою распался. Чрезъ немного времени за своимъ знаменитымъ покровителемъ пошелъ и Калайдовичъ.

Заслуженнѣйшій изслѣдователь-славистъ, когда не стало его могущественной, но единой, опоры—Румянцова, и онъ остался глазъ на глазъ съ Малиновскимъ, не имѣлъ болѣе мѣста въ Архивѣ, и авторъ знаменитаго «Ексарха», этотъ ранній знатокъ рукописныхъ древностей Москвы, изъ ученой Комисіи очутился въ жалкой должности еврейскаго надзирателя за Глѣбовскимъ подворьемъ въ Зарядьѣ, этой протоплазмой еврейскаго населе-

¹⁾ Переписка Румянцова, №№ 379, 380.

²⁾ Тамъ-же, № 385.

нія въ Москвѣ, и среди евреевъ въ февралѣ 1828 года сошелъ съ ума. Правда, путешествіе по Россіи нѣсколько поправило Калайдовича¹⁾; но онъ въ Москву возвратился по прежнему слабымъ, а 19 апрѣля 1832 г. сошелъ въ преждевременную могилу... «Такъ всегда труды и усердіе вмѣсто награды терпятъ укоризны», пророчески сказалъ онъ о себѣ еще въ началѣ своего жизненнаго пути²⁾;—обыкновенная оцѣнка людская....

. 13 .

Теперь мы можемъ познакомиться нѣсколько ближе съ митрополитомъ Евгеніемъ, тѣмъ членомъ Кружка, съ именемъ котораго, какъ высокаго судіи, смежилъ очи великій старецъ, Румянцовъ. Немного мы познакомились съ Евгеніемъ раньше: мы слышали нелицеприятый судъ его, еще молодого епископа (1769—1837) и самого члена, о бесплодной дѣятельности Россійской Академіи; слышали его серьезный голосъ на тотъ или другой вопросъ науки въ дѣятельности университетскаго Историческаго Общества, но особенно—Кружка канцлера.

«Не такъ громко его имя, какъ Карамзина, воспоминаетъ въ юбилейный день преосв. Евгенія акад. Срезневскій, не соединяется съ таковыми открытіями, перемѣняющими понятія въ наукѣ, какъ имя Востокова, но будетъ вмѣстѣ съ ними одинаково памятно»³⁾ — памятно, какъ живая строгая критика русской науки своего времени, напр., дѣятельности знаменитаго Кружка, памятно по личному участию этого замѣчательнаго передоваго человѣка въ успѣхахъ общей науки, русскаго просвѣщенія.

Не жившій въ Москвѣ, а только около, но душой весь преданный научному движенію Москвы, строгій и трудолюби-

¹⁾ «Теперь въ Кіевѣ у насъ гоститъ Калайдовичъ, пишетъ митроп. Евгеній Востокову 6 апрѣля 1829 г., и у меня часто бываетъ. Онъ отнюдь не сошелъ съ ума, какъ въ Москвѣ славилъ его, а только ипохондрически раздраженъ гоненіями». (Переписка Востокова, № 200) Дѣйствительно, отъ рукописей Синодальной бібліотеки очутиться въ еврейскомъ подворьѣ и смотрѣть за чистоплотностью евреевъ — было надъ чѣмъ призвандуматься бѣдному автору Екзарха!..

²⁾ Въ «Запискахъ» 1814 г. — Дѣятели рус. лит-ры, пр. Тихомирова, III, II, 112.

³⁾ Сборникъ статей 2 отд. Ак. н., V, 1, стр. 2.

вый, преосвященный Евгений, изъ студентовъ Московскаго университета, былъ явленіемъ не пзъ частыхъ. Куда ни заносила его судьба съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ воронежскаго протопопа сталъ владыкой, вездѣ онъ открывалъ науку, былъ неугомоненъ, какъ выражался онъ о себѣ.

Исторія русской церкви, литературно-историческіе вопросы рано ввели его, «неугомоннаго работника въ уединеніи» ¹⁾, въ интересы старой письменности славянской, и не одинъ памятникъ ся обязанъ ему спасеніемъ, напр., хоть въ Новгородѣ. Всегда историкъ, ранній историкъ культуры ²⁾, Евгенийъ приобрѣлъ навыкъ въ разборѣ рукописей и въ языкѣ ихъ, начавъ съ Новгородскихъ лѣтописей, и изъ талантливаго любителя, но съ строгою критическою головой, мало-по-малу, выработался авторитетный критикъ и въ филологической области — славянскаго языка, его исторіи, для своихъ современниковъ. Онъ работалъ *sobrie et doctissime*, выражаясь мѣткимъ жаргономъ Копитара, былъ Добровскимъ въ приемахъ и, какъ у того, критицизмъ переходилъ иногда въ скептицизмъ не въ мѣру. Строгая наука, при горячей любви къ одному полезному труду, рано, но одновременно, оттолкнула преосв. Евгенія отъ Шашкова и его этимологической Академіи и сблизила съ Румянцовымъ и его Кружкомъ — науки, а не «похвальныхъ упражненій».

Въ 1806 г. пр. Евгенийъ остановился и ознакомился съ рукописью Остромира, и къ этому году принадлежатъ его любопытныя соображенія противъ Шлецера, говорившаго объ искусственности языка нашей церкви.

«Я, пишетъ онъ члену Россійской Академіи, изв. Хвостову, 31 окт., когда и онъ удостоился стать сочленомъ его, согла-

¹⁾ Изъ письма его къ изв. намъ пріятелю Анастасевичу, 1821 г., въ Др. и Нов. Россіи 1881, февр., стр. 292.

²⁾ Евгенийъ, уже старикъ-митрополитъ, задаетъ Снегиреву тему—писать о народныхъ праздникахъ, что тотъ позже и исполнилъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Снегиревъ въ своемъ «Дневникѣ» (журневно изд. пр. Ивановскимъ, стр. 49, подъ 6 сент. 1825 г.). Любопытна что нѣкоторыхъ владыкъ на провинціи, напр. въ Костромѣ, тема эта соблазнила, и корреспонденту Снегирева тамъ, священнику Діеву, она стоила «гоненій». См. любопытныя письма Діева къ Снегиреву — Чтенія моск. ист. Общ., 1887, I, въ «Матеріалахъ» г. Титова.

сенъ въ томъ, такъ какъ и мы не говоримъ въ общеніи такомъ русскимъ языкомъ, какимъ сами же пишемъ богословскія книги. При переводѣ много словъ подражательно греческому выдуманно и произведено изъ славянскаго. Все это значитъ только, что дошедшій до насъ языкъ славянскій пополненъ и распространенъ; но чтобы чрезъ то весь древнѣйшій языкъ былъ потерянъ, того доказать нельзя. Ибо если славяне новопереданныхъ имъ книгъ не понимали, то не для чего было и переводить. А если понимали не только въ Моравіи, но и въ Кіевѣ, и Новгородѣ, то этотъ переводъ былъ на ихъ языкѣ. Въ отверженіе фантазій Шишкова Евгенийъ указывалъ, что не диво, если древнѣйшій, коренной славянскій языкъ не дошелъ до насъ: «ни одна нація кореннаго языка своего не знаетъ»¹⁾. Любопытно, что западная теорія о родинѣ языка св. Кирилла предносится уже въ этихъ соображеніяхъ.

Когда сейчасъ-же послѣ злополучнаго конца рукописи Слова о Полку знаменитому эллинисту Тимковскому, учителю Калайдовича, посчастливилось открыть сѣверно-русское подражаніе погибшей поэмѣ юга, правда блѣдную, но все-же любопытную Задонщину, и онъ, занявшись «разборомъ филологическимъ» Слова, обратился къ своему ученику за объясненіемъ нѣкоторыхъ реченій (зегзнца, стрикусы и пр.), тотъ ту же минуту поспѣшилъ за справками въ Калугу—къ Евгенію²⁾.

Въ Россійскую Академію пр. Евгенийъ вступилъ, скрѣпя сердце, но въ то-же время, подобно Румянцову, готовъ былъ учиться у cadaго, въ чемъ либо свѣдущаго, а если училъ, то съ властью.

Приготовляя, по порученію моск. Историческаго Общества, къ изданію Словарь писателей Евгенія, въ концѣ 1813 года Калайдовичъ писалъ ему: «къ Словарю вашему я прибавилъ Луку Бѣлгородскаго и Кирилла Туровскаго. Несторъ и Бипріяны мною передѣланы». А раньше, 14 мая 1813, Евгенийъ извѣщалъ Хвостова: «Жаченовскій теперь просматриваетъ мой Словарь и уже сообщилъ мнѣ нѣкоторыя историческія дополненія»³⁾.

¹⁾ Сборникъ Ак. н., V, 1, 138.

²⁾ «Записки Калайдовича» и «Лѣтописяхъ рус. лит.», III, II, 111. Евгений не объяснилъ.

³⁾ Сборникъ Ак. н. V, I, 145.

«О Линдовъ Словаръ я, жалуется преосвященный 10 сент. 1814, своему Анастасевичу, знавшему польскій языкъ, нѣкую обстоятельную записку одного виленскаго профессора, что Словарь на одномъ польскомъ, безъ перевода, а потому «для неопытныхъ въ польскомъ неудобенъ къ употребленію». Евгенийъ проситъ потому откровенно собесѣдника — не найдетъ-ли онъ у Линде или «по другихъ славянскихъ діалектовъ словарямъ толкованія словъ, въ пѣсни Игоревой встрѣчающихся: зегзица, стривусы» ¹⁾?

Но своего учителя въ польскомъ языкѣ и «другихъ славянскихъ діалектахъ» пр. Евгенийъ горько стыдилъ за незнаніе своего языка: «въ васъ, пишетъ онъ Анастасевичу, есть смѣшная глоттоманія...; есть ли вы въ спискѣ моемъ Владимірова Устава не поняли слова потки, то какъ же вы для Линде перевели на польскій языкъ прочія, столь-же неупотребительныя нынѣ, слова? Любопытно мнѣ взглянуть на вашъ польскій переводъ» ²⁾.

Другъ положительнаго знанія, Евгенийъ преслѣдсвалъ и науку Шишкова, и всякую гипотезу, не вытекающую изъ данныхъ, но въ своей оппозиціи шелъ далеко, хотя и послѣдовательно, напримѣръ, въ вопросахъ, выдвинутыхъ Калайдовичемъ.

Славянскія этимологико-историческія розыски извѣстнаго въ свое время славянофила-поляка, Погоцкаго, онъ разсматривалъ какъ вздоръ, а надъ упражненіями своего друга Анастасевича во вкусъ Шишкова сердечно смѣялся. «Забавно ваше умствованіе о Константинѣ, пишетъ онъ ему. Въ этомъ вы перещеголяли, и серьезно, Тредьяковскаго... Въ добрый часъ и вамъ тѣшиться этимологіей — для отдыха отъ польскихъ путошей» ³⁾.

Когда ученый другъ Румянцова во Франціи, Мальтбрюнъ ⁴⁾, попытался, въ новомъ томѣ своего Словаря, выражаясь

¹⁾ Др. и Нов. Росс., 1880, 18, стр. 354, 358. Въ другомъ письмѣ онъ сердечно признается Анастасевичу: «нѣсколько польскихъ книгъ XVII в. я давно у себя имѣю и довольно ихъ разумѣю; но новѣйшій польскій языкъ для меня труденъ» (въ 1817 г., т.-же, 616). Просьба о неясныхъ словахъ въ Словѣ вызвана упомянутымъ запросомъ Калайдовича.

²⁾ Въ 1822 г., Др. и Нов. Росс., 1891, 302.

³⁾ Въ 1821 г. Тамъ-же, 289.

⁴⁾ Malthe Brunn, 1775—1826, извѣстный датскій публицистъ, а

его словами, «слабыми средствами поддержать положеніе, что славянскія племена, если не всё, то по крайней мѣрѣ большинство, жило въ Европѣ со временъ незапамятныхъ и, хотя неизвѣстные подъ однимъ общимъ именемъ, они всегда образовывали весьма знатную часть европейскаго населенія»: Евгений, съ своимъ фактическимъ направленіемъ ума, эту блестящую гипотезу встрѣтилъ рѣзкимъ осужденіемъ, въ отвѣтъ на сообщеніе отъ порадовавшагося Румянцова. «Изъ похвалы Мальбрюна я, отвѣчалъ Евгений графу, ничего болѣе не замѣчаю кромѣ бреда, въ который часто впадаютъ и знаменитые люди. Наши лѣтописатели начиная съ Нестора, давно производятъ прямо отъ Ноя и сына его Асета славянъ, заселявшихъ якобы весь сѣверъ. Нашъ Тредьяковскій всѣми силами доказывалъ, что и языкъ славянскій есть корень и источникъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Теперь остается Мальбрюну дополнить его доказательства»¹⁾).

Говорить-ли эта не-къ-статі поминка о Тредьяковскомъ противъ проницательности ума іерарха?.. Полагаемъ, что нѣтъ. Евгений былъ вѣренъ себѣ, какъ безусловный читатель строгой формальной критики, что заявлялъ онъ на каждомъ шагу.

«Не вѣрю, пишетъ онъ Анастасевичу въ ноябрѣ 1814 г., чтобы Несторъ писалъ на малороссійскомъ языкѣ, котораго при немъ не было, а что у малороссіянъ осталось болѣе, нежели у насъ, словъ его, это не доказательство: въ провинціяхъ осталось также много словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи (огнище, огнищанинъ, одерень)». Съ тѣмъ сильнѣйшимъ недоумѣніемъ отнесся онъ къ провадавшему себѣ тогда путь въ европейскую науку санскриту.

Въ 1812 г. членъ Россійской Академіи, Ив. Леванда, издалъ брошюру «О происхожденіи и началѣ славянскаго языка», гдѣ рѣчь о санскритѣ, и Евгений рѣзко осудилъ ея мысли. «Образчикъ анатоло-галматъ, представленный Рос. Академіи, я, пишетъ онъ своему обычному собесѣднику въ іюль 1814 г., уже по милости вашей читалъ и дивился сими испанскими замкамъ». Если санскритъ и новое направленіе въ работахъ

потомъ французскій географъ, съ 1808 г. издатель *Annales de voyages* и создатель *Dictionnaire géographique universel*.

¹⁾ Отъ 24 янв. 1823. Переписка Евгения, 72.

по языку являлись строгому уму Евгенія испанскими языкамъ, пустяками, то это убѣжденіе коренилось на второмъ мѣстѣ въ опасеніи увидѣть въ наукѣ новаго Шляшкова, въ глубокомъ отвращеніи къ долго царившимъ «этимологическимъ» упражненіямъ: крайность Евгенія шла во всякомъ случаѣ изъ побужденій симпатическихъ: «Смѣшно, пишетъ онъ въ 1824 г. тому же, и толкованіе Френово названія Кіева *Σατζατακ*; (!) сама мать и производство вѣси отъ *weiss* (нѣм. бѣлый). А въ славянскомъ переводѣ Новаго Заѣта Кирилла и Меѳодія, еще прежде Рюрика, есть уже слово *веси* въ нарицательномъ общемъ смыслѣ. Толкуйте же теперь, какъ хотите, съ нѣмецкаго или арабскаго, а не лучше-ль съ санскритскаго, помутившаго нынѣ всѣмъ чужакамъ головы»¹⁾.

Тоже невѣріе своего строгаго критическаго ума Евгеній любопытнымъ образомъ объявилъ въ вопросѣ, который глубоко взволновалъ тогда западныхъ «славенослововъ», какъ не перестаетъ волновать и теперь, послѣ 70 лѣтъ.

8-го марта 1819 г. Румянцовъ посылаетъ Евгенію полученные славянскія новинки: Сербскій словарь Вука Караджича и «на славенскомъ языкѣ, недавно отысканныя при церкви Кениггофскоѣй лирическія сочиненія». «Время ихъ, поясняетъ канцлеръ, Добровскій не опредѣляетъ, а почитаетъ, что сама рукопись, въ которой онѣ внесены, не позже писана, какъ между 1290 и 1310 г. Сіе собраніе не только какъ древнѣйшій памятникъ словесности и какъ любопытное и искусное поэтическое твореніе большаго вниманія достойны; но мнѣ кажется, что одна изъ важныхъ его для насъ будетъ польза та, что можно будетъ возстановить настоящій смыслъ многихъ древнихъ русско-славенскихъ словъ».

¹⁾ Др. и Нов. Россія, 1830, 18, стр. 361; 1881, 311. Историкъ, Евгеній въ сближеніи языковъ видѣлъ дѣло исторіи. «Во всѣхъ языкахъ есть сходство, писалъ онъ Анастасевичу; есть ли въ смежностяхъ языки въ чемъ нибудь сходны, то это—по коммерціи, а не по породѣ» (тамъ-же, 1881 г. стр. 313). Отсюда не по породѣ, а изъ исторіи онъ объяснял близость литовскаго и славянскаго языковъ: «языкъ пруссовъ древнихъ, извѣстно, писалъ онъ тому-же, былъ испорченный славянскій, и въ XV в. были еще тамъ на уголахъ говорившіе оными, но письменныхъ остатковъ не дошло до насъ» (въ 1822 г., тамъ-же, 308). По этоу «испорченный славянскій»—камень преткновенія для Евгенія, когда встрѣтился какой то языкъ на «древнемъ прусскомъ языкѣ» (Переписки Евгенія, 16).

Рѣчь идетъ о только что открытой Ганкою Краловедворской рукописи. Румянцовъ сразу увлекся патриотическимъ открытіемъ. Но иначе отнесся Евгений.

«Чешскія стихотворенія, отвѣчалъ онъ графу 21 марта, есть-ли только справедливо о времени списка ихъ замѣчаніе Добровскаго, также драгоценная древность для славянъ. Они очень понятны и для насъ по близости, бывшей еще въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ»¹⁾.

Наконецъ, съ тѣмъ-же чувствомъ недовѣрія мы видѣли Евгения, когда Калайдовичъ дѣлалъ свои знаменитыя, дѣйствительныя открытія. Но въ нихъ усумнился и Добровскій.

Оттапливаемый продолжительнымъ единодержавіемъ этимологій и упражненій Шишкова до того, что горькимъ сомнѣніемъ встрѣтилъ отрадный лучъ свѣта съ береговъ Инда, точный, пожалуй, сухой умъ, Евгений съ тѣмъ понятнѣйшимъ увлеченіемъ останавливался на трудахъ положительнаго характера—исторіи, литературы. Трезвое научное направленіе въ польской литературѣ втораго и третьаго десятилѣтій, вмѣщавшее, какъ въ Кружкѣ Румянцова, изученіе своего вмѣстѣ съ изученіемъ Славянства, быстро привлекло къ себѣ симпатіи нашего знаменитаго іерарха: въ польскихъ историко-литературныхъ трудахъ того времени Евгений почувствовалъ себя дома, а не въ Академіи Шишкова, гдѣ даже до 1831 года занимались «спохвальными словами».

Посредникомъ между этою польскою наукою славянскаго направленія и Евгениемъ былъ тотъ-же полу-мертвецъ Румянцовъ, но живучестью обманывавшій даже расчеты іерарха²⁾, а своею почти феноменальною отзывчивостью къ интересамъ русскаго просвѣщенія остановившій на себя вниманіе и польскихъ

¹⁾ Переписка Евгения, 16, 18. Ср. отношеніе Евгения къ Воинову гимну и оракуламъ новгородскихъ жрецовъ, шумѣвшимъ было въ Петербургѣ въ 1811—12 гг. среди «древностелюбцевъ» — Сборн. статей 2 отд. Ак. н., V, 1, 56—57.

²⁾ Еще въ началѣ 1817 года Евгений былъ мнѣнія, что дорогому канцлеру не долго жить. «Гр. Румянцовъ, писалъ онъ въ февралѣ Анастасевичу, мало по малу лишается чувствъ отъ своего удара и видно скоро Богъ его позоветъ изъ здѣшняго литературнаго свѣта въ духовный, гдѣ не нужны уже и образа въ окладахъ, воруемые секретарями». (Др. и Нов. Россія, 1880, 18, стр. 619).

славянолюбець. Знаменитый Линде посвятилъ нашему канцлеру своего Кадлубка и обосновывалъ этотъ шагъ свой стремленіемъ — «сблизитъ словесности именно тѣхъ народовъ, которые въ столь многихъ отношеніяхъ Провидѣніемъ между собою сближены», какъ онъ сердечно исповѣдывался предъ Шишковымъ въ Россійской Академіи ¹⁾).

Восторженный I томомъ «Prawdy Russkiéj» (Warsz., 1820) молодого Раковецкаго (+ 1839), особенно, ея послѣдними страницами—о языческой культурѣ Славянъ, Евгенийъ пишетъ своему Анастасевичу: «есть-ли-бъ досугъ былъ, я-бы перевелъ ее; но надобно скоро возвратитъ книгу (Румянцову), а вся она дышетъ примѣрнымъ и для насъ патриотизмомъ въ славянизму, жалуется на презрѣніе онаго единоплеменцами, на утѣсненіе нѣмцами, на искаженіе исторіи его нѣмецкими писателями» ²⁾. Въ январѣ 1822 г. Румянцовъ получилъ вторую часть «Правды» и 26-го уже посылаетъ ее столь заинтересовавшемуся Евгению: «сейчасъ получаю вторую часть сочиненія г. Раковецкаго, котораго первый томъ вы такъ одобритъ изволили, спѣшу его къ вамъ доставить. Ко мнѣ пишутъ, что сей трудолюбивый молодой человѣкъ разоряется своимъ похвальнымъ предпріятіемъ» ³⁾.

Евгений прочелъ «Исторію польской литературы» Бентковскаго и съ восторгомъ пишетъ о ней Румянцову: «изъ сей книги изволите усмотрѣть, во сколько кратъ польская словесность богаче нашей, еще ребяческой» ⁴⁾. Дальнѣйшее знакомство съ польскою наукой и — тоже чувство.

«Изъ приложенной здѣсь выписки изъ письма, которое я получилъ отъ г. Лобойки, вы, извѣщаетъ пр. Евгения Румян-

¹⁾ Въ 1821 г. См. Шишковъ, Записки и пр., II, 364. Ср. восторженное отношеніе къ имени канцлера тогда-же и Шафарика въ далекомъ захолустьи Венгрии въ «Gesch. d. slaw. Spr. u. Lit.», 176.

²⁾ Др. и Нов. Россія, 1881, 292. Ср. 297, 300 о восторгѣ. Канцлеру 17 окт. 1821 г. Евгенийъ писалъ: «...Польскою книгою много услаждался. Хотя сочинитель почти всю ее выбралъ изъ Болтинова изданія Русской Правды и изъ Карамзиновой исторіи; но нѣчто и изъ своихъ польскихъ писателей прибавилъ, а послѣдняя глава о духѣ славяно-русскихъ законовъ почти вся его собственная и прекраснѣйшая. Неизвѣстно, какова-то будетъ вторая часть его книги». (Переписка Евгения, 49).

³⁾ Переписка Евгения, 55.

⁴⁾ Отъ 1 дек. 1822. Тамъ-же, 67. Bentkowski, 2 т., въ 1814 г.

цовъ 4 дек. 1823 г., изволите усмотрѣть, какое литературное богатство въ Польшѣ къ изданію готовится. Я просилъ, чтобы всѣ сіи сочиненія присылаемы были ко мнѣ, по мѣрѣ ихъ появленія». Это были труды Лелевеля, Бандке, Голембѣвскаго, Даниловича, униатскаго канон. Бобровскаго, отыскавшаго на Подляхія «нѣсколько славянскихъ рукописей, на бумагахъ и пергаментныхъ», между нихъ знаменитую Супрасльскую миною — для того, прибавимъ отъ себя, чтобы ее выкрали изъ Россіи при посредствѣ его-же. «Видно, отвѣчаетъ Евгений 19 дек. на это дорогое извѣщеніе о литературныхъ новинкахъ польской науки, что поляки гигантскими шагами упреждаютъ насъ въ словесности. Намъ надобно у нихъ учиться»¹⁾.

Симпатіи православнаго іерарха, кіевского митрополита, въ произведеніяхъ польской науки, въ ея прогрессивному движенію, были не одиноки въ русской литературѣ разсматриваемаго времени. Мы видѣли, какъ обильно черпалъ изъ того источника Каченовскій для славянскихъ статей своего «Вѣстника Европы». Еще откровеннѣе препоручалъ вниманію русской публики языкъ и польскую литературу Полевой, въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ». «Изученіе польскаго языка, пишетъ тамъ кн. Вяземскій, могло-бы быть вспомогательнымъ дополненіемъ къ изученію языка отечественнаго. Многія родовыя черты, сохранившіяся у сосѣдей и сонаслѣдниковъ нашихъ, утрачены нами; въ обоюдномъ разсмотрѣніи наслѣдства, раздѣленнаго между нами, въ миролюбивомъ развѣнѣ съ обѣихъ сторонъ, могли-бы обрѣсти мы общую пользу»²⁾. Полевой скорбитъ, что польская литература совсѣмъ намъ неизвѣстна³⁾.

Можно-ли заподозрѣть свѣтильника русской церкви въ пристрастіи, въ неискренности чувства?... Ясно, нѣтъ.

Еще въ 1810 г. Евгений точно опредѣлилъ наше умственное состояніе: «имѣемъ-ли мы о сю пору, спрашиваетъ онъ, классическую словесность? Не все-ли у насъ заимствованное?

¹⁾ Тамъ-же, 89, 90, 91. Въ Перепискѣ ошибочно—Добровскій.

²⁾ «Моск. Телеграфъ», 1827, ч. XIV, 192.

³⁾ Тамъ-же, 1826, X, 183—196. Что совсѣмъ была неизвѣстна, сказать нельзя. Вспомнимъ, что, напримѣръ, «Думы» Рылѣва навѣяны «Историческими пѣснями» Урсиана-Нямцевича.

Есть-ли хотя 200 книгъ оригинальныхъ?... Многихъ изъ писакъ нашихъ мы называли и Расинами, и Виргиліями, и Гораціями... Но что-то никто не вѣрить... «Правда, пишетъ Евгеній много позже, въ 1820 г., у насъ нѣтъ еще здоровой критики; но правда и то, что у насъ мало даже и предметовъ критики. Литература наша но всесвѣтной—еще азбука»¹⁾. Когда въ 1821 г. вышла Исторія русской словесности Греча, первый опытъ въ этой области, возбудившая массу толковъ, Евгеній былъ одинъ изъ немногихъ, правильно оцѣнившій оригинальность труда, сказавши въ зациту автора: «предшественнику всегда бываетъ труднѣе послѣдователей, и легче критиковать, нежели самому дѣлать»²⁾. Заимѣтимъ, что главную часть данныхъ доставилъ Гречу самъ Евгеній изъ подготовлявшагося Историческимъ Обществомъ къ изданію, но неизданнаго, Словаря русскихъ писателей. Но и старикъ канцлеръ довольно понималъ, какъ много намъ надо учиться, и относительно работъ даже Карамзина онъ какъ-то замѣтилъ къ письмѣ къ Евгенію отъ 4 дек. 1823 г.: «я имѣю причину думать, что Николай Михайловичъ поверхностное бралъ только свѣдѣніе изъ важныхъ для російской исторіи матеріаловъ», говоря о латинскихъ грамотахъ, латинскую часть которыхъ онъ пересылалъ въ Кіевъ къ Евгенію для перевода³⁾.

Русская наука дѣйствительно только зачиналась, хотя и недурно. Это было начало нашего столѣтія. Раньше синтеза требовалась школа, критика. Отсюда дѣтели, какъ Евгеній, были такъ благовременны, такъ на мѣстѣ. Прибавимъ къ характеристикѣ Евгенія и ту готовность, съ которой онъ дѣлился со всякимъ, кто только обращался къ нему—къ его науцѣ, къ его опыту. Онъ создалъ книгу Греча, помогалъ и Карамзину, съ совѣтомъ былъ и старому Бятышу-Каменскому⁴⁾. Но своимъ строгимъ критиче-

¹⁾ Сборн. ст. 2 отд. Ак. н. V, 1, 54—55, 179—180. Ср. тутъ же сужденіе безпредметной критики поляка Ходаковскаго Исторіи Карамзина, 178.

²⁾ Тамъ же, 195.

³⁾ П е р е п и с к а Евгенія, 89. Объ этихъ бумагахъ Карамзинъ писалъ Малиновскому: 12 февраля 1818 — «бумаги ленинбургскія у меня, лежатъ бесполезно»; 13 мая—«онѣ состоятъ въ 2 маленькихъ тетрадахъ, ничего не значатъ...» (П и с ь м а Карамзина къ Малиновскому, М. 1860, №№ 22, 25).

⁴⁾ «Записки Калайдовича» въ ук. журналѣ, 113: Карамзина сужалъ каталогами рукописей новгородскихъ и другихъ монастырей.

скимъ анализомъ упрямо, подобно Добровскому, устраняя сорнякъ травы съ небольшого поля русской науки, Евгений являлся въ тоже время и храмоздателемъ, то полагая первые камни науки, то собирая и очищая материалъ для будущаго.

Мы только что замѣтили, что значительный для своего времени историко-литературный опытъ Греча не мало обязанъ своимъ интереснымъ содержаніемъ рукописнымъ матеріаламъ, полученнымъ отъ Евгенія.

Въ іюнь 1823 г. Евгений, уже митрополитъ, съ упрекомъ пишетъ Московскому историческому Обществу: «Словарь мой, въ 1813 г. доставленный Обществу, нынѣ къ изданію не годится; отдѣлили я духовныхъ писателей и издавъ, потомъ съ 1820 г. Н. И. Гречу началъ по хронологическому порядку сообщать статьи о свѣтскихъ писателяхъ, также почти все передѣланныя»¹⁾.

Но чтобы судить объ интересѣ для современниковъ изданія Греча, привывшихъ къ однимъ риторическимъ упражненіямъ, объ интересѣ, возбужденномъ новизною и мыслей, и изложенія, достаточно вспомнить, что книга Греча тотчасъ-же появилась въ польскомъ переводѣ (1823) знаменитаго Динде и послужила образцомъ для молодого тогда еще Шафарика—по общеславянской («Gesch. der slaw. Sprache und Literatur», 1826), для Юнгманна-же по чешской²⁾. Но успѣхомъ своей книги Гречъ былъ обязанъ прежде всего вкладамъ Евгенія, для котораго историко-литературные вопросы были избраннымъ предметомъ его симпатій съ самыхъ раннихъ лѣтъ писательства.

Еще молодой священникъ въ Воронежѣ, Болховитиновъ, переводя съ французскаго «Всеобщую хронологию знаменитыхъ мужей» (осталась въ рукописи), пополнялъ этотъ трудъ біографіями русско-славянскихъ писателей, какъ-то: первоучителя Меодія, корсунянина Іоаннима, Нестора³⁾. Въ этихъ патристическихъ привѣскахъ нельзя не видѣть эмбриона будущаго «Историческаго Словаря духовныхъ писателей».

Въ 1805 г. Болховитиновъ, уже епископъ Евгений, началъ печатать свой «Новый опытъ историческаго Словаря о российскихъ писателяхъ» въ Другѣ Просвѣщенія изв. Хвостова.

¹⁾ «Лѣтописи Общ. исторіи и др. росе.», М., 1827, III, II, 33.

²⁾ См. Zelený V., Život J. Jungmanna, 246—247; «Časopis Musea», 1883, 49, 51. «Гречева литература превосходна», Юнгманнъ Марку въ 1823 г.

³⁾ Изъ обстоятельной монографіи о жизни митр. Евгенія г. Шмурла, въ Журн. м. нар. пр., 1887, іюнь, 345.

Здѣсь, въ этомъ трудѣ, Евгенийъ прямо устанавливалъ науку исторіи литературы, у насъ—впервые. «Исторія писателей, говоритъ онъ въ предисловіи, есть существенная часть литературы, потому что они составляютъ даже эпохи и періоды ея»¹⁾.

Когда, чрезъ много лѣтъ, въ 1819 году, вышелъ «Историческій Словарь»—духовныхъ писателей—Евгенія (изданный Румянцовымъ и принесшій, какъ мы видѣли, старику не мало непріятныхъ минутъ отъ небрежности корректора-редактора, Анастасевича), Добровскій привѣтствовалъ новый трудъ нашего іерарха самымъ теплымъ словомъ. Въ немъ пріятно оставили строгаго критика и богатство историческаго содержанія, и точность, высокая простота изложенія, безъ какихъ-либо риторическихкихъ прикрасъ, и меткость сужденій. Но главное—для Добровскаго «Словарь» Евгенія, это—цѣлая исторія «постепеннаго хода и развитія литературы и письменности въ Россіи»²⁾.

Въ виду указанныхъ данныхъ мы позволимъ себѣ признать за ученымъ іерархомъ почетное имя предтечи, если не перваго историка русской литературы. Но счастливымъ вчинателемъ является Евгенийъ и въ другой области историко-литературныхъ работъ—въ славянской палеографіи, этомъ ключѣ къ литературной и бытовой старинѣ.

Мы видѣли уже равьше, какъ убѣдительно, усердно Евгенийъ препоручалъ Румянцову интересы палеографіи, свидѣтельствуясь личнымъ опытомъ въ безпомощности каждаго, кто сталкивается съ вопросами ея—а сталкивается каждый историкъ.

Ранняя ученая бесѣда съ Калайдовичемъ по неудавшемуся изданію Словаря русскихъ писателей дала понять Евгенію, сколько сокровищъ укрыто въ Синодальной бібліотекѣ, и онъ горько сѣтуетъ, что сокровища лежатъ втунѣ, что не нашли еще своего Маттеи. Но «надо родиться еще русскимъ Маттеемъ», прибавляетъ онъ въ письмѣ къ своему Анастасевичу въ 1814 г., а

¹⁾ Сборникъ, 2 отд. имп. Ак. в., V, 1, 222, статья акад. Бычкова. Незадолго до смерти старшій митрополитъ переслалъ свой Словарь святскихъ писателей прое. Снегиреву, сыну своего университетскаго сотоварища, и тотъ на другой годъ послѣ упокоенія знаменитаго святителя издалъ его въ Москвѣ, и очень плохо. Вышелъ всего 1 томъ, за нерасходокъ книги.

²⁾ Jahrbücher der Literatur (Wiener), 1824, III, 53.

Московское историческое Общество — «спитъ подъ недѣйтельнымъ своимъ предсѣдателемъ, и нѣкоторые только члены особнякомъ работаютъ». Кто жъ рыться будетъ въ архивахъ? спрашиваетъ Евгений, отказываясь отъ надежды на духовныхъ, которые или не могутъ, или заняты. «У иностранцевъ много свободныхъ ученыхъ, а потому-то много и успѣшно трудящихся надъ открытіями»¹⁾.

Рано познакомившійся съ рукописью Остромира, но дѣйствовавшей затѣмъ постоянно въ столицѣ, вдали отъ пкъ сокровищъ, Евгений обращается даже за помощью къ своему Анастасевичу, какъ ни далеко былъ послѣдній отъ палеографіи. «Вы, пишетъ Евгений 20 дек. 1814 г., правду говорите, что по почеркамъ буквъ можно различать вѣкъ рукописей. Гаттереръ въ своей Дипломатикѣ, которая у меня есть, именно различилъ буквы на нѣсколько классовъ и опредѣлилъ имъ вѣкъ. Но у насъ ничего ей подобнаго и не думано»²⁾. Когда Евгению пришлось заняться двуязычной (слав. и греч. буквы), черниговскою гривной (медалью), онъ съ замѣчательнымъ тактомъ прежде всего поручаетъ Анастасевичу взять Остромирово евангеліе, выписать первое начало отъ Іоанна и подробно описать всю рукопись³⁾. Такъ рано знаменитый памятникъ русскаго письма 1056 года былъ опредѣленъ критическимъ историкомъ, какъ палеографическій масштабъ.. Его онъ изучалъ въ 1806 году. Вглядъ на него утвердился въ любопытной, столь же ранней, палеографической перепискѣ съ знаменитымъ художникомъ Е р м о л а е в ы м ъ, другомъ Востокова (о немъ сейчасъ ниже), который, въ концѣ 1809 или въ началѣ слѣд. года, писалъ Евгению объ одной, открытой

¹⁾ Др. и Нов. Росс., 1880, 18, стр. 359, 353. Евгений говоритъ о предсѣдателѣ Бекетовѣ, который перехватывалъ открытія Румянцова, какъ это видѣли раньше. Любопытно, что Строевъ называетъ его душою и двигателемъ Общества. (Русс. Архивъ, 1882, 3, 116, прим.). Меньшимъ пессимистомъ былъ Калайдовичъ въ «Ексерхѣ», ожидавшій отъ будущаго —открытій архивскихъ за открытіями, когда изслѣдованы-де будутъ всѣ монастыри, когда рвеніе къ историческимъ разысканіямъ будетъ продолжаться и далѣе (Глава 6). Добровскій, объявившій Ексерха выдуманной Калайдовича, прибавилъ къ этому отъ себя, не безъ проны : «да кто-же не пожелаетъ того же отъ всего сердца?» (Jahrbücher der Literatur (Wiener) 1825, IV, 74).

²⁾ Др. и Нов. Росс., 1880, 18, стр. 363.

³⁾ Отъ 8 апр. и 11 мая 1817 года. Тамъ-же, 1880, 18, стр. 633.

имъ, рукописи въ Ярославль: «почеркъ весьма сходенъ съ почеркомъ Остромирова евангелія, только буквы не такъ велики» ¹⁾).

Вполнѣ понятно, если вѣрный палеографическій взглядъ пр. Евгенія, при глубокой начитанности его въ рукописяхъ родной старины, сдѣлалъ имя его авторитетнымъ и въ вопросахъ палеографіи. Такимъ его признавалъ Румянцовъ, сообщая ему свѣдѣнія о своихъ рукописныхъ наращеніяхъ, забрасывая его однимъ, другимъ вопросомъ. «Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, пишетъ Румянцовъ Евгенію 13 сент. 1817 г., ища объясненія года одной рукописи, что, случая историческія обстоятельства, литера *л* означаетъ тутъ 900; позвольте васъ спросить, когда сія литера потеряла свое циферное достоинство и замѣнена буквою *ц*: съ начала-ли имѣла она сіе численное знаменованіе, или временно только вытѣснила изъ церковной ариеметики букву *ц*, и потомъ ей мѣсто уступила» ²⁾ ?

Но палеографъ-самоучка, но съ тактомъ, никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на авторитетъ. Изучая рукописи, ихъ почерки, издавая кое-что, онъ чуждъ былъ мысли—стать въ не-

¹⁾ Сборн. ст. 2 отд. Ал. Н. V, 1, 239. Не о замѣчательномъ-ли пергаменномъ евангеліи, хранящемся въ Ярославль, въ Успенскомъ соборѣ, русскаго письма, не моложе половины XIII вѣка, говорилъ Ермолаевъ? Ярославская драгоценность достойна изученія и изданія, не говоря о ея мѣстномъ значеніи. Она должна была быть писана въ Ярославль. Своимъ почеркомъ и вышней отдѣлкою: четкій уставъ, заставки, золото, она, дѣйствительно, напоминаетъ собрата, Новгородскую свитию.—Въ прибавленіяхъ къ послѣдованію о грамотѣ кн. Мстислава напечатаны: все послѣсловіе Остромирова евангелія, послѣсловіе Изборника 1076 г., съ указаніемъ ошибочнаго прежде чтенія даты (Труды и Зап. Общ. ист. и др., III, 1, 59—60). Но безъ юсовъ, вѣроятно, за неизвѣніемъ въ типографіи знаковъ. Ср. тамъ-же, 113, гдѣ ♂ в. л.

²⁾ Переписка Евгенія, 8. Ответъ Евгенія былъ отрицательный и неудачный, что *л* «никогда не имѣла числительнаго знаменованія» (отъ 25 сент., тамъ-же, 9). Между тѣмъ Калайдовичъ доискался до употребленія числоваго *л*, и канцлеръ 10 декабря 1817 г. писалъ Евгенію: «позвольте добавить здѣсь полученны мною давно замѣчанія г. Калайдовича о числительной цѣнѣ литеры *л* и о времени ея появленія въ нашихъ рукописяхъ. Сему-же молодому человеку я нынѣ обязанъ выпискою одной азбуки, которая всякую свою букву имѣетъ приравленную (!) къ нашему алфавиту» (тамъ же, 10). Канцлеръ азбуку эту сообщилъ Евгенію. — Калайдовича Евгеній не любилъ, а присланная азбука могла быть плохой рекомендаціей.

тронутой обширной области славянской палеографіи русскимъ Монеокономъ: свою роль онъ ограничивалъ собираніемъ, сортировкой матеріала ¹⁾, поощреніемъ другихъ въ той-же дѣятельности, напр. Румянцова, и главное—отысканіемъ челоуѣка, на плечи котораго достойнымъ образомъ могла-бы быть возложена задача—быть «сочинителемъ», т. е. творцомъ, славянской палеографіи.

«Я съ вашимъ преосвященствомъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть російскую палеографію и заготовилъ нѣсколько уже матеріаловъ для сочинителя оной; но гдѣ сіи сочинители? спрашиваютъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ нетерпѣливый Румянцовъ Евгенія въ сентябрѣ 1817 года. «Укажите мнѣ, пр. владыко, особъ на то способныхъ и притомъ готовыхъ трудъ понести. Въ подобныхъ отысканіяхъ по сю пору я не слишкомъ удачно дѣйствую» ²⁾.

¹⁾ Изданіе древнѣйшей русской грамоты, кн. Мстислава, въ Вѣ стн. Е в р. 1818 г. (позже въ Т р у д а х ъ Моск. Ист. Общ.) пок. Срезневскій считаетъ образцовымъ (С б о р н. ст. 2 отд. V, 1, 29). Полнымъ уваженіемъ, встрѣтилъ трудъ Евгенія въ свое время Полевой («Моск. Телеграфъ», 1826, X). Любопытнымъ палеографическіепріемы Евгеніи. По поводу двузвучной подписи на черниговской медали онъ пишетъ Анастасевичу, 14 ноября 1821 г., что надо «приступить къ отгадкѣ вѣка по буквамъ греческимъ и славянскимъ. Греческіи можно опредѣлить: 1) почерками у Монеокона, 2) ошибками и 3) сокращеніями словъ. Русскіи по замѣчанію моему подобны: Тмугараманскому камню, Оршинской надписи, Полотскому кресту Евросини. Особенно приставка буквы г (!) къ гласной со словъ ѡсмигъ и двоугласное ѡ, и самъ юсь XI или XII в. Въ Сборникѣ Святослава 1073 году писано также ѡгди... и въ еванг. XII в. съ нгми... Это, кажется, произношеніе задѣйпровское и задунайское, какъ и ж, ибо въ русскихъ рукописяхъ почти не встрѣчается» (Д р. и Н о в. Р о с с., 1881, еввр., 298). Юсы соблазняли болѣе всего. Тогда же Евгеній признается Востокову, при первомъ же знакомствѣ: «я думалъ, Остромиръ одинъ только выдумалъ оныя буквы». (П е р е п и с к а Востокова, № 2). Евгеній весьма колеблется приписать медаль Владиміру Святому (Д р. и Н о в. Р о с с. I. с.); а позже Морганштернъ, а съ нимъ другіе, уже не сомнѣвались въ этомъ; мало того, въ медали видѣли работу корсунскую, корсунца Анастаса, а въ головѣ медузы (что даже не остановило вниманія Евгенія) усмотрѣли олимпій «сладострастныхъ» славянскихъ божествъ. Ср. Т р у д ы и З а п и с к и Общ. ист. и древн., III, 1, 121—123 Какая равнѣца между критическимъ іерархомъ и некритическими его современниками! Объ осторожныхъ палеографическихъ приѣмахъ Евгенія—ср. IV главу въ изслѣдованіи о грамотѣ Мстислава—тамъ же, 31—36.

²⁾ П е р е п и с к а Евгенія 8. Ср. выше, стр. 113.

Но послѣдняго признанія о себѣ Евгений сдѣлать не могъ. Черезъ немного лѣтъ, въ августѣ 1821 г., пр. Евгений получилъ отъ Востокова, котораго онъ зналъ по знаменитому «Разсужденію», письмо съ просьбой—переслать ему снимки съ листовъ его пергаменной псалтыри, одинъ листокъ которой былъ какъ-то подаренъ Евгениемъ Кеппену и поразилъ Востокова. «Предметомъ исканій моихъ, тогда писалъ Востоковъ, была доселѣ такая рукопись, которая-бы содержала въ себѣ совершенно сходное съ Остромировымъ евангеліемъ правописаніе... Посудите-же о моей радости, когда мнѣ попалась такая находка въ пергаменномъ листѣ, который вы изволили подарить Ц. И. Кеппену».

Евгений поспѣшилъ отправить листки въ оригиналѣ, приобщивъ и другіе—изъ того-же «новгородскаго архива гниющихъ дѣлъ» (владыка спасъ ихъ изъ монастырскихъ подваловъ). Полный глубокаго уваженія къ знанію Востокова, преосв. Евгений заключаетъ пожеланіемъ—раньше грамматикѣ получить отъ него начала славянской палеографіи.

Въ ноябрѣ «драгоцѣнные отрывки» были возвращены. Скромный Востоковъ отклонилъ предложеніе Евгения, указавъ на болѣе-де подготовленнаго Кеппена; но тутъ-же опровергъ себя, присоединивъ къ письму самое отчетливое описаніе Евгеньевыхъ отрывковъ—«цѣлый трактатъ палеографіи», по его собственному опредѣленію ¹⁾.

Теперь пр. Евгений ни минуту не сомнѣвался, что онъ, наконецъ, встрѣтилъ человека, который можетъ повести трудъ—стать «сочинителемъ» славянской палеографіи, и котораго онъ уже долго искалъ, вмѣстѣ съ Руминовымъ.

Когда въ декабрѣ того-же 1821 года Руминовъ по обычаю похвалился предъ преосвященнымъ своими новыми рукописями, «точной древности которыхъ опредѣлить не могъ», Евгений спѣшитъ обратить вниманіе канцлера на «единственнаго» специалиста въ рѣшеніи вопросовъ подобнаго рода—на Востокова.

«Поздравляю, отвѣчалъ владыка 23 декабря, съ приобрѣтеніемъ харатейныхъ евангелія ²⁾ и апокалипсиса. Сіи памят-

¹⁾ Переписка Востокова, №№ 1, 2, 4.

²⁾ Руминовъ его называлъ Холмскимъ, изъ Одессы. Такъ оно и въ «Описаніи рукописей» Востокова, XIII в.

ни недостойны палеографическаго разсмотрѣнія. Не знаю, извѣстенъ-ли вашему сіятельству одинъ и, можетъ быть, единственный скромный знатокъ русской палеографіи, занимающійся ею не такъ, какъ хвастуны, только проповѣдующіе себя знатоками, а ничего не дѣлающіе ¹⁾). Это—Востоковъ... По скромности я недавно узналъ въ немъ сія глубокія свѣдѣнія, по случаю сообщенныхъ мною ему нѣ сколькихъ харатейныхъ тетрадей. Я осмѣливаюсь приложить при семъ его письма ко мнѣ, доказывающія сіи его свѣдѣнія. Только прошу покорнѣйше возвратить оныя. Есть-ли угодно вашему с—ву поручить мнѣ ваши харатейныя евангелія и апокалипсисъ, то я перешлю къ нему на разсмотрѣніе. Или не благоугодно-ли будетъ прямо къ нему переслать? Онъ можетъ опредѣлить вѣкъ и характеристику сихъ рукописей ²⁾).

Рекомендація пр. Евгенія, выраженная въ столь положительной формѣ, не могла не подѣйствовать на Румянцова, тѣмъ болѣе, что Востоковъ и ему былъ не изъ неизвѣстныхъ, но только всякая попытка ближе сойтись съ нимъ была всегда безъ успѣха, по собственному признанію старика. А приложенныя письма Востокова были полными.

«Вы меня чрезвычайно одолжить изволили, отвѣчалъ Румянцовъ Евгенію, на его послѣднее письмо, сообщеніемъ двухъ прелюбопытныхъ и преученыхъ писемъ г. Востокова; я къ вамъ ихъ возвращаю и не таю, ни отъ васъ, ни отъ него, что прельщался ими до крайности; и съ нихъ снялъ списокъ. Давно я уже стараюсь, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что, будучи страшный заякъ, очень страдаетъ съ незнакомыми людьми... «Я нѣ самой большой цѣнѣ держу давно г. Востокова, заключалъ Румянцовъ. А. И. Ермолаевъ и онъ, конечно, бы могли составить съ большимъ успѣхомъ российскую палеографію, а силы пресерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому не достаточны» ³⁾).

¹⁾ Намекъ, вѣроятно, на Калайдовича, съ которымъ въ то время Евгеній совсѣмъ разошелся (годъ изданія Памятниковъ XII в.); но, можетъ быть, и на Кеппена, въ виду рекомендаціи Востокова.

²⁾ Переписка Евгенія, 52—53.

³⁾ Отъ 19 янв. 1822. Тамъ же, 56. Что самъ Румянцовъ не могъ оцѣ-

Евгеній твердитъ теперь все старое — Востоковъ единственный палеографъ. Узнавъ отъ Лобойки про псалтырь въ Вильнѣ, онъ пишетъ Румянцову 16 іюля 1822 г.: «совѣтоваль я ему послать къ Востокову нѣсколькихъ листовъ fac-simile для соображенія палеографическихъ замѣчаній. Надобно побольше снабжать сего нашего палеографа такими документами». Но, только чрезъ двѣ недѣли, Румянцовъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ могъ подѣлиться съ Евгеніемъ отрадною вѣстью: «наконецъ, пишетъ старикъ 30 іюля, мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ; при первомъ свиданіи я доведу до свѣдѣнія его, что объ немъ писать во мнѣ изволите» (т. е. въ письмѣ отъ 16 іюля)¹⁾.

Итакъ, подъ сильнымъ влияніемъ пр. Евгенія Румянцовъ наконецъ сблизился съ «единственнымъ» тогда Востоковымъ. Востоковъ вошелъ въ Кругокъ Румянцова и вскорѣ принялъ обязательства предъ канцлеромъ: описать рукописи его богатаго Собранія, издать Изборникъ 1073 года и — «сочинить» славянскую палеографію, какъ того неустанно требовалъ Евгеній, и какъ это онъ категорически повторилъ канцлеру, когда Востоковъ переходилъ на «общественную» службу къ послѣднему, 14-го ноября 1823 г.: «сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей на-

---

нить Востокова, не умѣлъ опредѣлить сразу его специальныхъ способностей, совершенно ясно изъ того же письма: канцлеръ какъ бы жалуется, что Востоковъ не исполняетъ болѣе года его ученаго порученія; но это порученіе было не по сердцу Востокова, не его вѣдомства. «Даль общаніе сдѣлать для меня изъ манускриптовъ бывшей Захуссаго бібліотеки извлеченія грамматъ нашихъ вел. князей, коихъ мы не имѣемъ, и напечатать ихъ на мое издивеніе подъ его надзоромъ Но чтожь? Болѣе года миновало, и я не получилъ, какъ о томъ домогался, ниъ хотя и несовершенную роспись; тотъ же духъ, который не допускаетъ меня видѣть появленія изданія Лаврентьева лѣтописца, мнѣ и тутъ вредить». Причина медленности ясна. Тотъ же Востоковъ въ одинъ, такъ сказать, присѣсть могъ сдѣлать образцовое палеографическое описаніе отрывковъ Евгенія, въ числѣ десяти М-овъ. — Физическій недостатокъ Востокова былъ великъ и нѣкоторымъ жалкимъ современникамъ давалъ пищу къ неприличнымъ выходкамъ. См. въ нашей книгѣ: Итоги славянской и русской еялологіи, стр. 9 и прим. тамъ же.

¹⁾ Переписка Евгенія, 59.

ука; побудите его скорѣе издать какія-нибудь правила для сей науки¹⁾.

Когда въ 1825 г. явилось въ «Библиографическихъ Листахъ» Кеппена описаніе злочасной Супрасльскаго мнени Востокова, Румянцовъ привѣтствовалъ автора словами: «донныѣ у насъ древностия языка нашего подобныхъ поясненій не давали и дать было до васъ не кому»²⁾;

Румянцовъ теперь повторилъ Евгенія.

Такимъ образомъ, Евгеній, отырывъ Востокова для Румянцовскаго Кружка, былъ духовнымъ виновникомъ славянскаго палеографіи, созданной дѣйствительно великими трудами Востокова, какъ безошибочно предсказалъ ученый іерархъ при первомъ своемъ знакомствѣ съ нимъ³⁾.

Но съ палеографіей перьго нашего историка литературы мы вошли въ петербургское отдѣленіе Румянцовскаго Кружка.

. 14 .

Если Москва была средоточіемъ научнаго изученія родной старины, ея университетъ — пріютомъ и первоозвѣстникомъ будущихъ славянскихъ кафедръ, то Петербургъ, сѣдалище Россійской Академіи, главная квартира шишковской этимологіи, и въ университетѣ своемъ хранилъ ту же духоморную этимологическую атмосферу.

Преобразованный въ 1819 году изъ Главнаго Педагогическаго Института, по настоянію энергическаго и тогда еще

¹⁾ Переписка Востокова, стр. 83. Собраніе Румянцова уже тогда восторгался Шаарика—«Gesch. der slav. Spr.». 176.

²⁾ Переписка Востокова, № 141.

³⁾ Странно читать въ только что напечатанныхъ трудолюбивымъ г. Титовымъ письмамъ трезваго современника, М. Максимовича, къ знаменитому славенослову послѣдующей эпохи, О. М. Водянскому, сомнѣніе въ умѣности юбиля великаго владыки, послѣ-де юбилеевъ Ломоносова и Карамзина (Чтенія Моск. Общ., 1887, I, № 33): неказова, но интенсивная дѣятельность Евгенія, по крайней мѣрѣ, не ниже заслугъ въ наукѣ Карамзина. Кстати пожелаемъ заслуженнѣйшему ученому журналу быть издаваему болѣе опрятно, съ меньшими прегрѣшеніями: рѣдкое письмо у г. Титова безъ тяжкой ошибки. Такое имя, какъ Водяскій, требуетъ, хоть на страницахъ его «Чтеній», сохраненія ученой традиціи.

прямого Уварова, университетъ былъ мало похожъ на своего московскаго собрата: Каченовскому, напримѣръ, онъ могъ противопоставить Бутырскаго. А тутъ онъ еще въ пеленахъ, когда постигъ его дикій разгромъ — очищеніе Магницкаго — въ интересѣ, конечно, его улучшенія... Если Казанскій университетъ былъ предметомъ усмѣшки преосв. Евгенія: «безплоднѣ всѣхъ другихъ и истинно сибирскій»¹⁾, — то первая часть этой характеристики была приложима и къ Петербургскому. Этимологія Шишкова, которую тотъ-же Евгеній, какъ мы видѣли, окрестилъ словомъ «галиматія», чувствовала себя здѣсь, какъ дома. «О движеніи лингвистики въ Германіи, говоритъ оффиціальній историкъ Петербургскаго университета, не заходило сюда и слуха; изложеніе языковѣднія происходило по де-Броссу, съ самыми дикими экскурсіями въ область этимологіи, рассказывавшимися по городу въ видѣ образчиковъ нелѣпости»²⁾.

Сбитые интересы отечественной науки ютились въ рабочихъ комнатахъ немногихъ частныхъ лицъ: Оленина, Ермолаева, Востокова, Кеппена. Различные по своему общественному положенію, они близки были между собою по духу — по любви къ наукѣ — и это чувство ввело всѣхъ ихъ, но разновременно, въ московскій Кружокъ канцлера Румянцова.

Довольно разносторонне-образованный, Оленинъ († 1843) только числился въ храмѣ Шишкова, сердце-же его лежало къ интересамъ положительнаго знанія, которые двигали и знаменитый Кружокъ. Имя его, какъ автора Письма о Тмутарканскомъ камнѣ, пользовалось заслуженною извѣстностью. Управлявшій Академіей художествъ, онъ былъ затѣмъ директоромъ Имп. Публичной библіотеки (осн. въ 1814 г.), и здѣсь собралъ вокругъ себя однихъ талантливыхъ людей: Крылова, Гнѣдича, художниковъ Ермолаева, Востокова; послѣднимъ двумъ поручены были славянскія рукописи³⁾. Не прип-

¹⁾ Въ письмѣ къ Анастасевичу, въ 1817 г., Др. и Нов. Росс., 1880, 18, 621.

²⁾ Григорьевъ, Исторія С.-П. университета, 1870, 13.

³⁾ Съ 1817 г. уже президентъ Академіи художествъ, Оленинъ довольно хорошо зналъ греческій языкъ и классическую древность Ср. его «Археологическіе труды» (Спб. 1877, 78, 2 тома). Объ образованномъ домѣ «вешательнаго», «трудолюбиваго» Оленина, гдѣ встречались и ввусъ, и знаніе, ср. Воспомианія (анонимныя) гр. Уварова, въ Москвитинѣ

мая непосредственного участія въ научныхъ вопросахъ московскаго Кружка, Оленинъ сочувствіемъ встрѣчалъ его заботы, пособлялъ ему, чѣмъ только могъ быть полезенъ.

Еще въ 1812 г. Евгенийъ прислалъ въ Московское Историческое Общество точный списокъ грамоты Мстислава. Одно слово въ немъ не давалось прочесть. Румянцовъ обратился къ Оленину, послалъ грамоту и—не напрасно. «По нѣкоторому навыку къ древнимъ русскимъ рукописямъ, съ помощью двухъ истинныхъ любителей русскихъ древностей, гг. Ермолаева и Фролова, общими силами и съ великимъ терпѣніемъ, мы, наконецъ, отвѣчаетъ многорѣчивый Оленинъ канцлеру 11 марта 1813 г., имѣли счастье разобрать на грамматъ в. кн. Мстислава Владиміровича то слово, которое уповательно собственною рукою (!) сего князя было между строкъ приписано»¹⁾. Вѣсть съ тѣмъ Оленинъ прибавляетъ о новомъ, художественномъ, «открытіи» въ грамотѣ, что она была писана золотомъ по «бавану», чѣмъ «подготовлялись литеры подъ позолоту», какъ въ этомъ «можно удостовѣриться, разсмотрѣвъ прилежно позолоченныя буквы въ рукописномъ Новгородскомъ евангеліи XI в., которое я имѣлъ честь показывать вашему с — у на сихъ дняхъ»²⁾.

Но участіе Оленина въ судьбѣ Евгеніевой грамоты этимъ не ограничилось. Еще любопытнѣе его «отважное дѣло» по изданію памятника.

Болѣе трехъ лѣтъ длилась гравировка грамоты подѣ присмотрѣмъ Оленина, и, исполнилась предѣ Евгеніемъ за медленность, 11 янв. 1816 г. онъ пишетъ ему: «одинъ оставался мнѣ способъ—досуждивость и талантъ извѣстнаго в. пр.—ву А. И. Ермолаева. Но многія его казенныя заботы, лишняя, можетъ

1851, № 12, 426, и Вигеля. Последний говоритъ: «принадлежитъ ко всѣмъ и ни въ которой изъ партій, члены оленинскіе, даже въ домѣ его, хлѣбосольномъ, для всѣхъ открытомъ, составляли какой то особый міръ, имѣющій особныя мѣтны, особныя правила» (III, 153). По словамъ Вигеля, импер. Александръ прозвалъ Оленина Tausendkünstler'омъ (IV, 137).

¹⁾ Переписка Евгения, 2. Также въ Сборн. ст. 2 отд. Ак. н. V, 1, 93.

²⁾ Переписка Евгения, 2. Оленинъ говоритъ, очевидно, объ Остромировой рукописи. Темное, разобранное Оленинскимъ, мѣсто: и вено вотьское.

быть, прилежность къ занятіямъ, поставили его въ невозможность исполнить то, что онъ самъ желалъ предпринять по приверженности его къ вамъ. Видя себя въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, я рѣшился на весьма отважное дѣло и положилъ не выпускать изъ рукъ подлинника вашего, пока собственный мой человекъ не усовершенствуется подъ моимъ собственнымъ смотрѣніемъ въ томъ родѣ гравировки, которая къ порученному дѣлу мнѣ необходимо нужна была¹⁾.

Изданіе грамоты при помощи вѣрностнаго человека, хотя и отважное, было дѣйствительно прекрасное. Изъ признанія Оленина ясно, что даже въ области своего «навыка» онъ искалъ опоры на сторонѣ—въ Ермолаевѣ—безъ него онъ, смѣемъ думать, не былъ бы въ состояніи порадовать канцлера письмомъ отъ 11 марта, какъ понималъ дѣло и самъ преосв. Евгений²⁾. Его онъ называетъ истиннымъ любителемъ русскихъ древностей. Но этого мало.

Въ то время какъ храмъ науки былъ поприщемъ для этимологическихъ ристаній Шишкова, не храмъ науки, а художественная школа возвращала людей, имена которыхъ съ гордостью помнитъ историкъ русской науки: рано погибшаго Ермолаева и Востокова—этого, столь ранниго, общаго учителя въ славяновѣдѣніи и насъ, и ихъ.

Старый товарищъ по академіи Востокова, и также полупоэтъ, Александръ Ивановичъ Ермолаевъ (1780 — 1828) очень молодымъ человекомъ былъ «ангажированъ», по выраженію Востокова, къ Оленину; отъ Оленина онъ получилъ мѣсто хранителя славянскихъ рукописей въ имп. Публичной библіотекѣ и въ работахъ надъ ними приобрѣлъ глубокій «навыкъ» въ области вѣдѣній палеографіи. Знаніе рукописей было дополнительною частью его художественной спеціальности.

Уже въ 1803 году онъ даритъ Востокову тетрадь своихъ

¹⁾ Тамъ-же, 3.

²⁾ Евгений, издавая грамоту Мстислава, объ участіи Оленина въ прочтеніи и слова; честь же удачнаго разбора, принятаго имъ, приписываетъ одному Ермолаеву: «разобраніемъ оныхъ (т. е. словъ: и вѣно вотское) обязаны мы также Ермолаеву» (Труды и Записки Общ. ист. и древн., III, 1, 19). Даже и второе «открытіе»—о золотомъ письмѣ по бакаву—Евгений приписываетъ одному Ермолаеву (тамъ-же, 28).

выписомъ изъ Изборника 1076 г. кн. Щербатова, относимаго тогда къ 1046 г. Позже онъ изучаетъ Остромирово евангеліе ¹⁾.

Въ 1810 г., мы встрѣчаемъ Ермолаева въ ученыхъ путешествіи вмѣстѣ съ Бородинымъ (будущимъ попечителемъ Петербургскаго университета) по сѣвернымъ губерніямъ. Выше было упомянуто о его рукописныхъ находкахъ — въ перепискѣ съ Евгениемъ. А Батюшковъ изъ Москвы тогда-же пишетъ Гидичу путя: «Бородинъ и Ермолаевъ — послѣдній, скажи Алексію Николаевичу (Оленину), на мѣсто узоровъ, что на древнихъ кружкахъ, рисуетъ купидоновъ... Первый зачитался, запылился и показывалъ мнѣ книгу въ сажень, готовую принять Описаніе ихъ путешествія» ²⁾.

Какъ художникъ и археологъ, Ермолаевъ alter ego Оленина. Въ 1814 году Оленинъ и Ермолаевъ предложили на страницахъ «Сына Отечества» планъ палеографическаго изданія русскихъ лѣтописей, буква въ букву, а не въ чтеніи; но эта замѣчательная мысль, естественно, принадлежавшая Ермолаеву, встрѣтила рѣзкое осужденіе отъ филолога Тимковского и Евгенія. Самое-же изданіе задумано было Ермолаевымъ давно. Еще 13 февр. 1811 г. ревностный не по уму попечитель Кутузовъ, губитель чеботаревскаго Истор. Общества, просилъ гр. Разумовскаго, министра, не выдавать Нестора изъ Москвы, «чтобы насъ не выпередилъ Оленинъ», занятый «скорѣйшимъ изданіемъ сей лѣтописи» ³⁾. Но Оленинъ — только фирма. Такъ понимали и тогда.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ермолаевъ значительно опередилъ Добровскаго въ опредѣленіи требованій для настоящаго палеографическаго изданія славянскихъ памятниковъ: Добровскій только повторилъ ихъ въ своихъ «Институціяхъ», выражая свою готовность издать Остромирову рукопись — «*progravis immutata ac characteribus vetustam formam referentibus*» ⁴⁾.

Навыкъ въ древностяхъ постепенно росъ, и Ермолаевъ въ палеографическихъ вопросахъ пріобрѣлъ безусловно-авторитетный голосъ. Мы видѣли, какъ онъ непріятно остановилъ въ 1815 г. порадовавшагося было Румянцова предъ поддѣлкой Слова о полку Игоревѣ, на которой былъ предварительно проведенъ Малиновскій, а въ маѣ 1817 канцлеръ пишетъ Евгению: «у

¹⁾ Переписка Востокова, XXVIII, сл. ²⁾ Русс. Старина, 1874, X, 396.

³⁾ Зап. Калайдовича 91—96. Васильчиковъ, Семейство Раву-мовскихъ, II, 330.

⁴⁾ Institutiones linguae Slov. v. dial., p. XXIII.

меня накопилось разныхъ грамотъ довольное число и извѣстный намъ Ермолаевъ обѣщалъ мнѣ по пересмотру ихъ быть оныхъ издателемъ; но трудно надѣяться скорого ихъ появленія потому, что онъ по службѣ всегда многимъ трудомъ обремененъ¹⁾.

Такимъ образомъ, Ермолаевъ имѣлъ выполнить тотъ палеографическій трудъ, который раньше, еще въ 1815 г., Румянцовъ надѣялся было совершить при помощи Малиновскаго²⁾.

Но обремененный разнообразною службой, Ермолаевъ не могъ со всемъ справиться, и этимъ объясняется постоянное сѣтованіе на него Румянцова, Евгенія. «Изданія Лаврентьевской лѣтописи, съ прискорбіемъ пишетъ знаменитый іерархъ Анастасевичу въ маѣ 1817 г., не дождемся мы конца отъ Ермолаева», изданія, такъ напугавшаго Истор. Общество Кутузова³⁾.

Но высшее признаніе научной стоимости Ермолаева является въ судѣ его товарища, Востокова, когда Евгенийъ сдѣлалъ послѣднему извѣстное предложеніе—создать, наконецъ, славянскую палеографію.

Указавъ сначала на «усерднаго» Кеппена, Востоковъ продолжаетъ затѣвъ въ отвѣтъ къ преосв. Евгению: «я знаю еще одного человека, который, можетъ быть, всѣхъ способнѣе былъ-бы издать палеографію русскую; это—А. И. Ермолаевъ». Строгий Евгенийъ преклонился предъ этимъ судомъ: «Ермолаевъ, отвѣчалъ онъ Востокову, конечно, способнѣе его (Кеппена) и къ палеографіи», и повторяетъ старое свое сѣтованіе: «но сего знатона у нашей словесности, можетъ быть, навсегда отняли его должности»⁴⁾.

Къ несчастію, предреченіе Евгения сбылось: уже въ 1828 году Ермолаевъ, этотъ «свѣточъ» русской археологіи, умеръ, не оставивъ матеріальнаго слѣда въ русской наукѣ, хотя Евгенийъ и надѣялся, что послѣ смерти его жизненный недочетъ

¹⁾ Переписка Евгения, 6.

²⁾ Получивъ отъ Малиновскаго 33 «древнихъ рукописанія», Румянцовъ пишетъ ему 29 окт. 1815 г.: «ирельщаяся сами важными приобрѣтеніями для російской палеографіи, я собрался съ вами побесѣдовать сполна о намѣреніи моемъ издать что либо подобное и систематическое...» Онъ «желалъ бы видѣть рукописанія тѣхъ в. князей дьяковъ, которые писали грамоты недавно нами напечатанныя» (Переписка Румянцова, № 28). Ср. выше, стр. 86.

³⁾ Др. и Нов. Россія, 1880, 18, 633. Ср. у насъ предмд. страницу.

⁴⁾ Переписка Востокова, № 5.

удеть возмѣщенъ. Получивъ отъ Востокова извѣстіе о смерти Ермолаева, Евгенийъ писалъ ему: «покойный былъ весьма способенъ съ перваго взгляда замѣчать и хорошо соображать, но ѣвивъ писать; вы дадите ему славу въ словесности изъ его бумагъ»¹⁾).

Но глубокіе слѣды своего знанія Ермолаевъ оставилъ въ источникахъ исторіи русской науки, а высокій судъ о немъ современниковъ, его постоянное, хотя и «лѣнивое», незримое частіе въ развитіи науки того времени, утверждаютъ за нимъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественной филологіи. Даже купой на похвалу Вигель, только съ благоговѣніемъ вспоминаетъ объ Ермолаевѣ, «скромнымъ, молчаливымъ—отличенномъ» членъ кружка Оленина: «онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, торвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку»²⁾. Не забудемъ, что болѣе удачный товарищъ Ермолаева, знаменитый Востоковъ, первую славянскую школу прошелъ подъ его руководствомъ, что затѣмъ хотя оба ни, такъ сказать, параллельно двигались участіемъ своимъ въ успѣхахъ славяноизученія, но Ермолаевъ всегда во главѣ, а только позже Востоковъ очутился одинъ предъ наукой, съ своимъ единовластнымъ судомъ, покрылъ собою навсегда, впрочемъ, вскорѣ умершаго, перваго нашего палеографа³⁾.

Естественно теперь перейти къ Востокову.

¹⁾ Бумаги перешли къ Востокову. Ср. Переписку, № 189. Тамъ же, № 190, 4 сент. 1828 г. Современники были твердаго мнѣнія, что послѣ Ермолаева должны были остаться труды: такъ высоко ставили его. «Скоро ли мы увидимъatalogъ Румянцовской бібліотеки? спрашиваетъ 16 дек. 1830 Моск. пров. Снегиревъ изв. Анастасевича. Жалко, что труды Ермолаева погибли и пропали съ его кончиною. Дивлюсь политикъ гг. Машиновскаго и Оленина, политикъ, которая подъ спудомъ тавтъ свѣтлынка, рими могли-бы они озарить нравъ отечественной древности» (Изъ курсоваго изданія пров. Ивановскаго: И. М. Снегиревъ и Дневникъ его воспоминаній, Сиб. 1871, 104—105). Въ послѣднихъ словахъ какъ-бы обвиніе Оленина.

²⁾ Воспоминанія, III, 153.

³⁾ Вотъ два пояснительныхъ примѣра изъ Переписки Румянцова съ Кашиновскимъ. 10-го марта 1823 г., канцлеръ пишетъ: «я показывалъ гг. Ермолаеву и Востокову приобрѣтенныя рукописи, не сообщая имъ на счетъ мергаменовыхъ вашего пр—ва заключенія; они сочли ихъ быть писанными въ XIV стол.». Но въ письмѣ 26 окт. того же года уже судъ одного Востокова достаточенъ для канцлера: «попросите отъ меня г. Калайдовича, чтобы онъ

Художникъ по образованію, но безъ влеченія, мелкій чиновникъ въ Академіи своей, затѣмъ помощникъ Ермолаева въ имп. Публичной Библіотекѣ, Востоковъ, выпустивъ въ 1820 году свое знаменитое Разсужденіе о словенскомъ языкѣ, сталъ сразу учителемъ учителя—Добровскаго. Какъ же могло случиться это?... Но Востокову было тогда уже 40 лѣтъ: онъ прошелъ молчаливо долгую школу предварительныхъ опытовъ.

Первое время Востоковъ самъ находится подъ вѣяніемъ идей Шишкова и его «неголоволомныхъ» (выраженіе Востокова) этимологическихъ словораспианій. Но знакомство съ настоящимъ славянскимъ языкомъ старины, а не Шишкова, что безъ роду и племени, рано своротило Востокова со скользкаго пути. Этимъ онъ былъ обязанъ прежде всего своему старшему товарищу, Ермолаеву, обратившему его вниманіе на рукописи, и такія, какъ Изборникъ 1076 г., Остромирово евангеліе. Въ періодъ высшей эманации фантастическихъ домысловъ Шишкова и его Академіи Востоковъ не только отчетливо сознавалъ всю мишуру академическаго ученія, но въ-тихомолку занимался уже историческою грамматикой обоихъ, столь грубо сифшиваемыхъ, языковъ: церковно-славянскаго и русскаго. Въ 1818 г., благодаря Московское Общество словесности за избраніе, онъ обѣщаетъ выпустить грамматику церковно-славянскаго и русскаго языковъ «по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ»¹⁾. Прибавимъ, что въ томъ-же 1818 г. вышло второе изданіе шишковскаго Разсужденія о старомъ и новомъ слоgѣ. Въ то-же время изученіе теоретическихъ трудовъ по языку Добровскаго и богатый польскій словарь Линде, съ сравнительнымъ славянскимъ матеріаломъ, открыли предъ Востоковымъ обширное поле славянскихъ языковъ.

ее (харатейную псалтырь) всю пересмотрѣлъ, опредѣлялъ-бы ея достоинство и цѣну и, взявъ съ одного листа fac-simile, препроводилъ-бы къ г. Востокову, прося, чтобы онъ по почерку и правописанію вывелъ-бы заключеніе, какому она въ ну принадлежать» (ЖЖ 278, 295). Самъ Востоковъ первенство суда всегда признавалъ за Ермолаевымъ: «Ермолаеву такъ, какъ и мнѣ, не случалось нигдѣ ни читать, ни слышать о существованіи такого лѣтописца», пишетъ онъ канцлеру въ 1825 г. («Переписка В—ва», № 151).

¹⁾ Переписка Востокова, стр. XXX.

Въ результатъ этихъ-то опытовъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ и было знаменитое Разсужденіе или, по скромному выраженію автора, «безпорядочно набросанныя мысли и замѣчанія».

Если вѣнскій сверстникъ Востокова, Копитаръ (род. въ 1780 г.), еще мало понимавшій его, въ 1822 году только трезилъ о будущемъ славянскомъ Гриммѣ—основателѣ историческаго изученія языковъ нашей семьи¹⁾, то Востоковъ имѣлъ уже много данныхъ стать нашимъ Гриммомъ и ранѣе.

Современники были поражены «безпорядочными мыслями» Востокова: Каченовскій, Румянцовъ, Евгений. Такъ было все въ нихъ ново, и такъ ясно, убѣдительно....

Съ глубокимъ пониманіемъ знатока, писалъ тотчасъ-же Румянцовъ акад. Кругу, что онъ не сомнѣвается въ впечатлѣніи, какое произвелъ бы трудъ Востокова за границей, еслибы онъ сталъ тамъ извѣстенъ. Чистосердечно признается осторожный іерархъ предъ самимъ Востоковымъ, что быть ему «общимъ учителемъ»²⁾.

Ни Румянцовъ, ни Евгенийъ въ своихъ упованіяхъ не ошиблись.

Копитаръ, прочтя въ началѣ 1822 года Разсужденіе Востокова (онъ получилъ экземпляръ отъ П. И. Кеппена, только что пріѣхавшаго изъ Кіева въ Вѣну, вмѣстѣ съ молодымъ Березиннымъ), нашелъ его весьма любопытнымъ, но только; никакого существеннаго отличія не увидѣлъ противъ тогда именно (январь 1822 г.) вышедшихъ громаднхъ и долголѣтнихъ Институцій старославянскаго языка Добровскаго, труда, о которомъ еще въ 1811 г. послѣдній съ гордостью признавался: «to jest má robota», т. е. предметъ преимущественныхъ, любимыхъ занятій.

«Грамматика остромировская, извѣщаетъ 25 марта (н. ст.) 1822 Копитаръ Добровскаго, во всемъ согласна съ вами, кромѣ instr. един. ч., который долженъ быть, полагаетъ Востоковъ, -змь, а не -омь», а въ слѣдующемъ сейчасъ же письмѣ прибавляетъ не неприятную для автора Институцій личную но-

¹⁾ Въ рецензій «Institutiones» Добровскаго въ «Jahrbücher der Literatur» (Wiener), 1822, I, 79.

²⁾ Переписка Востокова, стр. XXXIV, № 2,

винку, что, по сообщенію Аделунга изъ Петербурга, Румянцовъ даже прикажетъ перевести его трудъ для русскихъ ¹⁾.

Дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, тогда-же, въ началѣ 1822 года, Калайдовичъ уже нашелъ переводчика и рекомендовалъ его канцлеру — юнаго Погодина. Посредникомъ же между Москвою и Вѣной въ пересылкѣ новинокъ былъ путешествующій по Австріи П. И. Кеппенъ, близкій человѣкъ къ Аделунгу, а теперь уже пріятель Копитара. Кеппенъ переписывался и съ Аделунгомъ, и съ Калайдовичемъ.

Добровскій, по видимому, извѣстился впервые о трудѣ Востокова изъ этого письма Копитара. «Извѣстіе о прибывшихъ русскихъ и привезенныхъ ими книгахъ, пишетъ въ отвѣтъ Копитару Добровскій, 16 апрѣля, сильно возбудило во мнѣ мое любопытство и любознательность». Онъ спрашиваетъ Копитара—не стоитъ-ли и въ дат. змъ въ. омъ? Копитаръ отвѣчаетъ 8 мая, и съ вышею импертинентностью: «супниъ знаетъ и Востоковъ, но не желаетъ такъ назвать (глупый! но и ему пропишу въ рецензіи); въ дат. множ. ч. о, а не зъ, если не ошибаюсь; но вы будете хохотать, что жъ, это—польское а и е; ибо такъ-де уравниваются почти сифшиваемые другими кодексами а и ж въ Остромирѣ» ²⁾.

Чѣмъ-же объяснить этотъ мажорный тонъ въ отношеніи Копитара къ знаменитому «Разсужденію»?.. Говорило-ли къ нему желаніе скрыть на первое время настоящее положеніе дѣла предъ авторомъ только что появившихся «Институцій», шадить авторское самолюбіе?... Но Копитаръ былъ не изъ такихъ. Дѣло объясняется проще: Копитаръ самъ не успѣлъ еще одолѣть небольшого «Разсужденія», не успѣлъ вполне понять и оцѣнить значенія его, какъ это ясно изъ его рецензіи труда Добровскаго, напечатанной въ январь-мартовской книжкѣ «Вѣскихъ Лѣтописей Литературы» за 1822 годъ, вышедшей въ теченіи только что осмотрованной нами взаимной переписки Копитара и Добровскаго, вѣроятно, во второй половинѣ апрѣля ³⁾.

¹⁾ Письма Добровскаго, №№ 139, 140. № 140—до 7 апрѣля.

²⁾ Тамъ-же, №№ 143, 144.

³⁾ Въ письмѣ отъ 25 марта къ Добровскому Копитаръ пишетъ: «если ваша рецензія Карамзина придетъ въ теченіи 14 дней, то она можетъ появиться еще въ мартовской тетради, т. е., въ первомъ кварталѣ» (тамъ-же, стр. 467).

Въ приложеніи къ своей рецензіи, по обычаю, живой и остроумной, но и съ немалою долею несерьезнаго (эпигизмъ въ формѣ челоуѣкъ, значеніе а) и невѣрнаго (въ русскомъ-де форма болха, полж. и пр.), Копитаръ сдѣлалъ особый привѣсокъ, который начинался словами: «во время печатанія этой статьи русскіе путешественники, гофратъ Петръ Кеппенъ и госп. фонъ Березинъ, привезли въ Вѣну русскія ученныя новинки».

Засимъ слѣдуетъ сухое суммирование положеній «Разсужденія» Востокова, въ числѣ 10 номеровъ; но оно, къ удивленію, замыкается восторженнымъ дафрамбомъ русскому слависту.

«Мы, изъ предѣловъ былой епархіи св. Мееодія, съ радостнымъ энтузіазмомъ встрѣчаемъ давно желанную денницу на стоище й славянской филологіи на восточномъ небосклонѣ славянской земли и сердечно привѣтствуемъ Добровскаго и Востокова съ ихъ результатами, правда, вытекшими изъ различныхъ источниковъ, но въ общемъ такъ прекрасно согласующимися между собою».

Въ заключеніи-же нѣсколько копитаровскихъ замѣчаній на положенія Востокова, поправокъ или возраженій Востокову, которыя и свидѣтельствуютъ, что рецензентъ Добровскаго не могъ исполнѣ понять Востокова.

Копитаръ самъ указываетъ, что ринезмъ могъ существовать въ болгарскомъ языкѣ, въ виду назальныхъ заимствованій въ румынскомъ, что существовалъ и въ старомъ хорутанскомъ, свидѣтельствуясь, дѣйствительно, «неоцѣнными» листками фрейзингенскаго миссіонера «изъ эпохи до(!) Кирилла», и тутъ же печатаетъ одинъ отрывокъ; знаетъ ринезмъ и въ славянской части мадьярскаго языка: и тѣмъ не менѣе не допускаетъ, что остромировскіе а и ж выражали носовые звуки въ языкѣ Кирилла — въ языкѣ его же хорутанъ, но къ востоку. Въ юсахъ ему мерещился полякъ. «Поляковъ, говоритъ Копитаръ, едва ли зналъ Кириллъ.... Но самъ Григорій Дьяконъ (авторъ нашего Остромира) могъ быть полякомъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣть свои причины старослав. ъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ ą или ę, писать предъ ж, хотя бы въ его оригиналѣ писано было иначе»¹⁾.

¹⁾ «Jahrbücher der Literatur», 1882, I, стр. 97—102.

Странный, совсѣмъ не логическій ходъ соображеній...

Наконецъ, если Востоковъ—денница настоящей славянской филологіи, то невозможно уравнивать значеніе его съ затывавшимся свѣтиломъ—авторомъ «Институцій».

Но иначе разсудилъ себя Добровскій, когда прочелъ рецензію Копитара, а затѣмъ и самое знаменитое Разсужденіе. Уже изъ сухой схемы у Копитара онъ увидалъ, что Востоковъ для него—memento mori. Добровскій призналъ свой долготѣнній трудъ отсталымъ, а въ Востоковѣ сталъ видѣть серьезнаго судію и знатока славянскаго языка, но не соглашаясь съ нимъ, по примѣру Копитара, лишь въ юсахъ, въ матеріальномъ значеніи а и ж. Разочарованный въ трудъ своемъ, благородный старый аббатъ съ лихорадочною поспѣшностью приготовляетъ новый текстъ для втораго изданія: «страницы моего экземпляра, пишетъ онъ въ іюнѣ 1823 г. Копитару, полны дополненій и примѣчаній, которыя я завѣщала нашему Чешскому Музею, если я не доживу до втораго изданія. Останься у меня еще нѣсколько времени, работа была бы позже, но, навѣрное, лучше». Онъ повторяетъ тоже и тогда же и въ письмѣ къ нашему Беппену, благодаря, что русскіе цѣнятъ его трудъ: «я на поляхъ своихъ Institutiones приписалъ очень много; замѣчанія Востокова заставили меня далѣе доислѣдовать и еще многое открыть»¹⁾. Слѣдов., Добровскій какъ-бы повторялъ въ перифразѣ сужденіе Востокова о его трудѣ, указывавшаго въ немъ «многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста»²⁾.

Завистливый къ каждому успѣху молодой русской науки, по признанію самого Добровскаго нашъ страстный политическій недоброжелатель и въ тоже время неумѣлый утѣшитель

¹⁾ Тамъ-же, №№ 218, 164, стр. 672. Любопытно, что въ письмѣ къ Беппену онъ спрашиваетъ—правда-ли, что Востоковъ умеръ? Въ своей рецензій Копитаръ старался показать Добровскому, что языкъ Кирилла не могъ быть сербскимъ: Востоковъ и въ «Разсужденіи», и до конца дней, рѣшительно не высказывался, но при болгаряхъ всегда памятовалъ и м о р а в а н ь слѣд. западъ. Добровскій все за болгаръ, но какъ путяно, стоитъ сравнить мысля его по этому вопросу въ его рецензіяхъ: на исторію Карамзина (Вѣстникъ «Jahrbücher», 1822, IV, стр. 258), на «Словарь» Евгенія (тамъ-же, 1824, III, 26—27) и на «Еисарха» Калайдовича (тамъ-же, 1825, IV, 66).

²⁾ Изъ письма къ Румянцову отъ 1 мая 1823 г., Переписка Востокова, № 8.

автора «Институцій», Копитаръ не безъ усердія все хохоталъ надъ нами, играя словами, что мы «die grossen, но въ наукѣ еще очень kleinen Russen»¹⁾ (справедливо, но это не помѣшало Востокову быть великимъ), и не подозрѣвалъ, что скоро-скоро наступитъ время, когда карликъ Востоковъ станетъ—учителемъ и его самого . . . Но объ этомъ рѣчь впереди.

Съ своимъ Разсужденіемъ Востоковъ одновременно входитъ: въ Академію Шишкова, но не безъ комическаго пинтермеццо, и въ Румянцовскій Кружокъ, въ послѣдній—всѣмъ своимъ существомъ.

Въ Академіи Востоковъ былъ избранъ по предложенію самого Шишкова за свои «похвальныя упражненія», но въ стихахъ прежде всего.

И въ качествѣ президента Академіи, и въ качествѣ верховнаго судіи въ наукѣ о славянскомъ языкѣ, Шишковъ счелъ себя обязаннымъ преподавать наставленіе якобы новичку Востокову — какъ продолжать заниматься.

Произошелъ любопытный діалогъ.

Шишковъ. «Основательное разсужденіе о языкѣ требуетъ многихъ объясненій и доказательствъ. Наука сія едва ли не обширнѣе всѣхъ наукъ. Если вы хотите вмѣстѣ съ Академіею посвятить себя сему полезному упражненію, то я доставлю вамъ всѣ доселѣ по сей части произведенные ею труды. Прочитайте со вниманіемъ, войдите въ судъ ея и намѣреніе. Академія занимается нынѣ Опытномъ словаря по корнямъ. Я бы желалъ, чтобы вы приняли въ этомъ важномъ трудѣ искреннее соучастіе. Можетъ быть, вы и примете, если поприлежнѣе прочтаете Акад. Извѣстія и все то, что о семъ написано; вещь это не такая, чтобъ, прочтавъ о ней поверхностно или вскользь, можно было достаточно ее объять. Я говорю это по опыту. Болѣе 30 лѣтъ какъ обратилъ я на то мое вниманіе и что сначала казалось мнѣ какъ-бы непроницаемымъ мракомъ покрытое, въ томъ нынѣ вижу я неоспоримыя математическія истины (напр. широко изъ ширь око etc.) Хорошенько вникните, примитесь, и я

¹⁾ Въ письмѣ къ Добровскому 12 дек. 1824 г, Письма Добровскаго, № 177.

ручаюсь, что вы въ семь упражненіи отъ часу болѣе находить будете удовольствіе¹⁾.

Востоковъ. «Благодарю за честь принадлежать къ знаменитому сословію. Примѣчанія и совѣты сочленовъ моихъ послужатъ мнѣ вѣрнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути, толикими претенвленіями исполненнаго. Я съ удовольствіемъ и пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ Академіи глубокія изслѣдованія нашего пр-ва по части словопронзводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ наслаждаться слушаньемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ»²⁾.

Не беремса опредѣлить, съ какимъ чувствомъ говорилъ всѣ эти комплименты Востоковъ — съ ироніей, или по чрезмѣрной скромности... Но воспринимавшій Шишковъ былъ счастливъ, только... когда Академія предложила новому члену свои симпатіи къ «глубокимъ» упражненіямъ ея проявить на дѣлѣ, Востоковъ отказался отъ соучастія.

Но въ совершенно иную форму вылилось отношеніе Востокова къ умному Кружку Румянцова.

Какъ нельзя болѣе встать, Разсужденіе Востокова совпало съ эпохой капитальныхъ открытій въ области старой письменности славянской и русской, открытій Калайдовича, самого Румянцова (покупкою) и другихъ членовъ Кружка. Эти открытія предлагали Востокову все большее и большее поле для наблюденій и изученій, открытія памятниковъ, по которымъ старикъ Добровскій въ своей Прагѣ только вздыхалъ и вздыхалъ — *um sie zu sehen, zu prüfen, zu benutzen*, выражаясь его словами³⁾. Мы видѣли, при появленіи «Евсарха» Востоковъ приветствовалъ трудъ, какъ «сокровищницу» для своихъ работъ; но къ Калайдовичу онъ обращается и далѣе за справками, за новыми данными. 10 сентября 1825 г., по полученіи извѣстія отъ Калай-

¹⁾ Изъ приветственнаго письма Востокову отъ 5 іюня 1820 г. — въ его Перепискѣ, стр. XXXV—XXXVI. Повторено у ак. Сухомлинова, Исторія Росс. Акад., выи. VII, 302—303.

²⁾ Изъ отвѣтнаго письма Шишкову — Переписка Востокова, XXXVII—XXXVIII; Сухомлиновъ, оп. с. 305 — 306. Слово «благодарю» изъ контекста.

³⁾ Изъ письма его къ Коппену, у ак. Ягича: Письма Добровскаго, стр. 673.

довича объ открытіи новаго евангелія XIII в. и номоканона 1309 г., Востоковъ пишетъ къ автору «Евсарха»: «жаль, что первыя двѣ рукописи не продаются, особливо номоканонъ. Не списали ли вы, по крайней мѣрѣ для себя, оглавленія статей, въ ономъ содержащихся, и не можете ли сказать, къ какому разряду кормчнкхъ принадлежитъ этотъ номоканонъ, къ болгарскому или къ русскому?»¹⁾

Съ другой стороны, Кружокъ высоко цѣнилъ въ Востоковѣ тонкую наблюдательность и критическій умъ, помимо матеріальнаго знанія. «Каждое письмо ваше, пишетъ ему Румянцовъ, меня радуетъ и наставляетъ»²⁾. Съ тѣмъ же чувствомъ наставляемыхъ относились къ Востокову ученѣйшій іерархъ Евгений и Калайдовичъ. Мы слышали первыя письма Евгенія къ Востокову. Но и много позже старикъ-митрополитъ повторяетъ то же: «вы повадили меня спрашиваться у васъ», пишетъ онъ ему изъ Кіева въ 1829 г.³⁾ И Востоковъ скромно и охотно дѣлится своимъ богатымъ опытомъ и умомъ, и руководитъ столь же скромно. Вспомнимъ только скромный обмѣнъ мыслей объ общихъ приемахъ составленія ученаго описанія рукописей между нимъ и Калайдовичемъ, когда одинъ приступалъ къ описанію Собранія Румянцова, а другой — Синодальной бібліотеки. Калайдовичъ попытался было противопоставить свои «правила», но тотчасъ же сдался предъ «дознаннымъ искусствомъ и долговременнымъ опытомъ»⁴⁾.

Объ стороны поняли другъ друга, ибо ихъ связывалъ общій великій интересъ — наука. Ихъ интимныя отношенія завершились тѣмъ, что Румянцовъ, по настоянію Евгенія, предложилъ Востокову оставить казенную службу и перейти къ нему — на службу наукъ, предрекая, что онъ оставитъ по себѣ «вѣчный памятникъ». И тотъ переходитъ въ «богатѣйшій рудникъ древней русской словесности», какъ назвалъ Востоковъ знаменитое собраніе рукописей канцлера, что нынѣ Румянцовскій Музей. Въ письмѣ къ Румянцову, съ объявленіемъ о своемъ пере-

¹⁾ Приложенія, II, № 62.

²⁾ Переписка Востокова, № 41, 20 ноября 1823.

³⁾ Тамъ-же, № 200.

⁴⁾ Тамъ-же, № 29.

ходъ къ нему, безъ всякихъ условій, Востоковъ довѣрялъ одной честности старика, его «нѣсколькимъ строкамъ»¹⁾.

«Поздравляю ваше с-во съ приобрѣтеніемъ Востокова», писалъ Евгеній при извѣстіи о переходѣ²⁾.

Мы уже упоминали раньше, въ чемъ должны были выразиться новыя занятія Востокова — «по части словесности на благо общее»: это—опись рукописей Собранія, приготовленіе къ изданію Изборника 1073 года—трудъ, отнятый у Калайдовича, и составленіе славянской палеографіи. Послѣдняя задача была отодвинута теперь на второе мѣсто, по личному указанію Евгенія, измѣнившаго свое недавнее домогательство³⁾.

Неутомимый Востоковъ тотчасъ-же открылъ свои работы, параллельно, по первымъ двумъ задачамъ. Уже въ мартѣ 1824 года Евгеній оповѣщалъ своего Анастасевича, что Румянцовъ «хвалится, что Востоковъ уже описываетъ его рукописи и находитъ, что у него пергаменныхъ больше и любопытнѣе, нежели у Толстаго, и что описаніе Востокова будетъ лучше Строева»⁴⁾. А въ іюлѣ Калайдовичъ, волей-неволей, пріивѣтствуетъ Востокова, какъ издателя своего Изборника 1073 года.

¹⁾ Письмо отъ 7 янв. 1824, Переписка Востокова, № 41. Въ отвѣтномъ письмѣ Востокову, отъ 12 апр., Румянцовъ обязуется выплачивать по 3 тыс. — но, пока, въ теченіе лишь первыхъ трехъ лѣтъ, «какъ вознагражденіе за труды, которые вы по домогательству моему по части словесности принесете благу общему» (тамъ-же, №№ 49, 50. Ср. стр. 424). Известно, что Румянцовъ умеръ ранѣе условленнаго срока—6 янв. 1826. Наслѣдникъ-братъ словесное условіе продолжилъ только на годъ (№ 164), а потомъ Востоковъ остался ни при чемъ, но продолжалъ занятія, пока Собраніе пов. канцлера не перешло въ вѣдѣніе правительства: тогда Востоковъ получилъ мѣсто библиотекаря въ утвержденномъ 28 мая 1831 года «Румянцовскомъ Музеумѣ». (Тамъ-же, стр. 455; Соборникъ постановленій по мин. нар. просв., II, № 163).

²⁾ Отъ 28 мая. Переписка Востокова, стр. 423.

³⁾ Тоже письмо. О порученіи Изборника, тамъ-же, № 65. Ср. выше, стр. 134.

⁴⁾ Др. и Нов. Росс. 1881, севр., 310. Мы говорили, что о Строевѣ канцлеръ теперь очень невысокаго мнѣнія. Благодаря Востокова за разрѣшеніе «недоумѣнія, въ которое его ввели сочинители Каталога рукописей гр. Толстаго», Румянцовъ пишетъ 26-го іюня 1825: «г. Строевъ, мнѣ кажется, часто обличаетъ больше самонадѣянность на себя, нежели какія-либо нужныя ученныя свѣдѣнія» (Переписка Востокова, № 147). Трудно принять подъ защиту Строева противъ Востокова. Жалкія выходки ученика и друга Строе-

Съ понятнымъ чувствомъ удовольствія не мало потрудившійся для науки Кружокъ Румянцова видѣлъ теперь, какъ самъ Добровскій, этотъ «учитель и вождь Востокова на стезѣ грамматическихъ изслѣдованій», по скромному признанію послѣдняго, обратился къ нему—и его наставить въ языкъ все большую и большую цѣну приобрѣтавшаго Остромирова евангелія, для провидательнаго Евгенія—драгоценнаго уже съ 1806 года. Правда, Добровскій, какъ-бы убѣгая Востокова, обращается лично къ канцлеру; но Востоковъ безъ затрудненія дѣластъ для Добровскаго вторую, столь-же образцовую по отчетливости и полнотѣ, характеристику письма и языка Остромира, какъ раньше, на первое знакомство съ Евгеніемъ, его безцѣнныхъ новгородскихъ отрывковъ, и тѣмъ же путемъ, черезъ Румянцова, пересылаетъ свой трудъ великому, но теперь нѣсколько разстроенному, аббату, который не поблагодарилъ даже Востокова за услугу, къ удивленію самого канцлера ¹⁾.

Но высшій триумфъ для Востокова и Кружка, но уже на закатѣ дней послѣдняго, былъ сейчасъ впереди, когда явились въ 1825 году Библиографическіе Листы друга Востокова, Кеплена, за которые умирающій Румянцовъ долженъ былъ вступить предъ министромъ Шишковымъ противъ гоненій лицемѣра Магницкаго, умоляя охранить русскую науку отъ позора предъ Европой ²⁾, а въ 1827—Собраніе словенскихъ памятниковъ, его-же.

Въ Листахъ Востоковъ помѣстилъ образцовое описаніе только что открытой канон. Бобровскій Супрасльской минеи, не имѣя даже въ рукахъ самой рукописи. Румянцовъ встрѣтилъ этотъ трудъ Востокова признаніемъ, что «въ русской литературѣ ничего такого еще не было». Въ Собраніи-же онъ напечаталъ текстъ извѣстныхъ отрывковъ хорутанскаго языка X-го столѣтія, изъ Фрейзингенскаго монастыря въ Баваріи, съ обстоява, Бердинкова, позже, противъ безупречнаго научнаго авторитета великаго изслѣдователя, въ личной перепискѣ съ учителемъ (Варсуковъ, П. М. Строевъ, стр. 275—285), доводятъ и для характеристики Строева. Румянцовъ былъ правъ, не умаляя цѣны.

¹⁾ Переписка Востокова, Ж 50, стр. 100 — 116, характеристика, впереди нѣсколько теплыхъ словъ обращенія; Ж 61. О пересылкѣ именно черезъ канцлера—Шишковъ, Записки, II, 371, прии. Услугу Востокова признаетъ Добровскій въ письмѣ Кеплену 15 марта 1824 (Письма, стр. 670).

²⁾ Переписка Востокова, стр. 231.

тельнѣйшимъ етнологическимъ комментариемъ. «Еще чужестранные ученые не читали русскихъ работъ сего рода», привѣтствовалъ Кеппенъ своего безкорыстнаго друга, просмотрѣвъ первые листы новаго труда Востокова ¹⁾.

Отрывки эти важны, и какъ памятникъ славянскаго языка весьма глубокой древности—X-ое столѣтіе, и какъ памятникъ языка славянъ, жившихъ когда-то вблизи Тироля, написанный какими-то нѣмецкими миссіонерами. Блжайшіе родичи этихъ славянъ—нынѣшніе хорутане или словенцы въ Каринтіи, слѣд., земляки знакомаго намъ Копитара. Вполнѣ естественно, если Фрейзингенскіе отрывки, съ самаго открытія ихъ для науки Добровскимъ, въ 1811 году ²⁾, стали предметомъ самаго ревниваго отношенія къ нимъ Копитара.

Копитаръ въ теченіи многихъ лѣтъ тщательнѣе изучалъ дорогіе отрывки роднаго языка; съ изданіемъ ихъ онъ носился все время, какъ съ пріятнѣйшею грѣзой, ревниво оберегая неприкосновенность ихъ отъ покушенія со стороны; не чего таять—на нихъ онъ дѣлалъ для себя славу въ будущемъ. Вѣроятно всего, въ этомъ интересѣ закрѣпленія за собой монопольнаго права на изданіе своихъ Отрывковъ Копитаръ уже въ приложеніи къ рецензіи «Институцій» Добровскаго помѣстилъ текстъ перваго отрывка, съ кирилловскою, не вполнѣ послѣдовательною, передачей, латинскимъ переводомъ и поясненіями.

1822 и 1823 годы другъ Востокова, Кеппенъ, провелъ за границей—въ Вѣнѣ, Прагѣ. Заѣхалъ онъ и въ Мюнхенъ, гдѣ хранились Фрейзингенскіе отрывки, и приготовилъ для себя снимокъ съ нихъ. Хотя Кеппенъ и пріятель, но Копитаръ, зная его предприимчивый характеръ, опредѣлилъ сразу возможность опасности перехвата изданія, не смотря на только-что заявленныя права. Но, упорствуя въ старомъ предубѣжденіи о научномъ безсиліи насъ, русскихъ, онъ думалъ теперь объ одномъ: напередъ взять слово съ Добровскаго, учившаго его самого читать текстъ знаменитыхъ Отрывковъ—ничѣмъ не помогать его возможнымъ соперникамъ изъ Россіи. Они, увѣрялъ онъ Добровскаго, потерпятъ несомнѣнную неудачу въ своей неумѣстной

¹⁾ Тамъ-же, № 181.

²⁾ Письма Добровскаго, № 30.

попытеѣ, а въ то же время онъ самъ, при его совѣтахъ, успѣетъ издать свои дорогіе отрывки. Кго они—говорить излишне: это были Востоковъ и Кеппенъ.

Чуткій Копитаръ не ошибся въ опредѣленіи факта — для чего это понадобился Кеппену текстъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, на его возвратномъ пути въ Россію, къ Востокову.

«Учитель! обращается уже крайне встревоженный Копитаръ къ Добровскому 29 ноября 1826 г.; я сердечно благодаренъ вамъ за уступку и помощь въ моемъ изданіи Фрейзингенскихъ отрывковъ. Изъ письма Кеппена я вижу, что Востоковъ уже представилъ въ цензуру и въ что о томъ же предметѣ; только дѣло еще не покончено.

«Вы видите, продолжалъ Копитаръ, я еще могу предупредить Востокова, и я настою на томъ, предупреджу. Но одно мени сокрушаетъ — чтобы вы не предложили сокровищницы вашего знанія этимъ невѣждамъ, для объясненія и сключительно нашего достоянія. Развѣ васъ, не боюсь никого. Скажите откровенно о своихъ намѣреніяхъ, не по тому, чтобы я имѣлъ право вмѣшиваться въ ваши дѣла, но чтобы знать настоящее положеніе вещей... Знаю, опасенъ Востоковъ, но—только руководимый вами»¹⁾.

Открывался славянскій турниръ между Вѣною и Петербургомъ, между мятущимся Копитаромъ и молчаливымъ Востоковымъ. Онъ заинтересовалъ теперь даже безстрашнаго Добровскаго, уже дряхлаго старца: чѣмъ же кончится любопытное состязаніе претендентовъ на дѣвственные Фрейзингенскіе отрывки?..

«Копитаръ, пишетъ Добровскій Кеппену въ началѣ 1827 г., работалъ надъ Отрывками всю зиму, даже часто запрашивалъ меня, желая васъ предупредить. Ну, мы и посмотримъ, кто изъ васъ лучше потраеитъ»!...²⁾

Но увы! турниръ не состоялся...

¹⁾ Письма Добровскаго, № 215. Ср. обѣщаніе тамъ-же — въ своемъ изданіи Отрывковъ привести мнѣнія, конъюктуры Добровскаго. Какъ слабо, неудовлетворительно еще въ 1826 г. читалъ текстъ Отрывковъ самъ Копитаръ—см. его слѣд. письмо къ Добровскому, отъ 7 декабря (тамъ же, № 217). Ср. и № 222.

²⁾ Тамъ-же, стр. 682.

Зло-же надсмѣялась судьба надъ ревнивымъ и завистливымъ вѣнскимъ соперникомъ Востокова: Копитаръ не только не предупредилъ высоко-образцоваго изданія столь долго оберегаемыхъ имъ родныхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, вышедшаго изъ-подъ мастерской руки одного Востокова, хотя по видимому изъ силъ выбивался, но и самую мысль о своемъ изданіи того-же памятника отложилъ на цѣлый почти десятокъ лѣтъ.

Оказалось, что Востоковъ—не «невѣжда», а мощная сила даже въ области, по видимому, для него далекой, совсѣмъ чужой. . . . Оказалось, что ничто славянское не было чуждо избраннику проницательнаго Евгенія.

Съ другой стороны, легко себя представить, какъ скверно почувствовалъ себя теперь Копитаръ, тотъ Копитаръ, который еще такъ недавно возмнилъ поучить Востокова—какъ издавать памятники славянской литературной старины. «Остромирово евангеліе, наставительно писалъ онъ Кеппену, должно быть издано цѣликомъ и даже съ удержаніемъ сокращеній — того требуетъ нѣмецкая критика, которая у васъ еще въ пеленкахъ»¹⁾. Но этого мало. Надо помнить, что Копитаръ заблаговременно мѣлъ отъ злорадственнаго удовольствія разнести «русское» изданіе Фрейзингенскихъ отрывковъ. Но не разнести—«bekritteln» (въ письмѣ къ Кеппену отъ 27 апр. 1825), пришлось завистливому хорутанцу трудъ Востокова, а учиться и повторить русскій трудъ въ своемъ запоздаломъ изданіи. Если самъ Добровскій въ вопросѣ о происхожденіи Фрейзингенскихъ отрывковъ грезилъ о томъ, какъ оригиналъ ихъ могъ страствовать отъ лужицкихъ сербовъ къ чехамъ, а отъ нихъ уже къ хорутанцамъ²⁾: то Востоковъ скромно указалъ на знаменательную связь одного изъ отрывковъ съ поученіемъ на день ап. Марка въ старой церковно-славянской письменности, вѣроятно, эпохи еще паннонской.

Но что особенно должно было тяготить страстнаго Копитара, такъ это сознаніе, что образцовый трудъ Востокова выполненъ былъ имъ однимъ, безъ всякой подмоги со стороны, которой онъ такъ опасался—подмоги Добровскаго.

Въ «Вѣнскихъ Лѣтописяхъ» не послѣдовало обычнаго «разложенія»...

¹⁾ Тамъ-же, отъ 27 апр. 1825 г., стр. 683.

²⁾ Тамъ-же, Ж 214, къ Копитару, отъ 21 ноября 1826 г.

Прошло немного времени послѣ не состоявшагося турнира, и Добровскій умираетъ (1829). Копитаръ остается безъ стараго руководителя, одинъ, сиротой. Бывало, изучая Фрейзингенскіе отрывки, онъ ежеминутно тревожилъ Добровскаго — то тѣмъ, то другимъ вопросомъ. А теперь?.. А между тѣмъ теперь попался ему въ руки новый славянскій памятникъ, и тоже глубокой старины: это — такъ наз. Отрывки гр. Клоца, и глаголическіе. Онъ изучаетъ ихъ, готовится издать. Но—гдѣ же учитель, постоянный совѣтникъ?... И Копитаръ обращается къ нашему Востокову, съ мольбой — быть ему въ Добровскаго мѣсто при изученіи открытыхъ глаголическихъ отрывковъ: «вы, признается онъ, самый опытный человѣкъ въ этомъ дѣлѣ»!¹⁾

Любопытная и поучительная метаморфоза, лишній разъ оправдывавшая старую русскую пословицу — «не хвались идучи на рать» . . .

Но съ этимъ — мы дошли до кульминаціонной точки въ развитіи научной дѣятельности Румянцовскаго Кружка, когда предъ наукой этого Кружка преклонилъ свою выю и гордый противникъ, Копитаръ предъ Востоковымъ, недавній «великанъ» предъ недавнимъ диллипутомъ . . .

Мы можемъ себя представить, какъ бы сердечно въ эти величественныя минуты торжествующей юной русской науки порадовался старый Румянцовъ... Такъ блестяще оправдалось недавнее еще предреченіе унаго Евгенія.

Но — духовнаго главы Кружка въ живыхъ уже не было. Не было у дѣла и стараго соратника, Калайдовича: онъ былъ на новой службѣ — медленно умираетъ среди своихъ евреевъ, въ своемъ подворьѣ — историческомъ для историка русской науки.

Смерть Румянцова, этого истиннаго цѣнителя русскихъ талантовъ, не въ примѣръ Россійской Академіи, никогда не подымавшейся до высоты своей задачи, внесла безпокойство въ жизнь Востокова, отягчила его житейскія отношенія, а начатыя имъ, за казанья ему, работы: Описаніе рукописей канцлера и изданіе Изборника 1073, окончаніе которыхъ старикъ, въ виду первыхъ успѣшныхъ шаговъ Востокова, надѣялся было видѣть еще при своей жизни, затормозились — первая на много лѣтъ, вторая на-всегда.

¹⁾ «Qui ipse vis rei peritissimus» — въ письмѣ 26 сент. 1830. (Переписка Востокова, № 209).

Та же тяжелая судьба постигла начатые раньше, еще во втором десятилетии, теоретическія свободныя работы Востокова, работы, которыя, несомнѣнно, должны были произвести цѣлый переворотъ въ развитіи славяновѣдѣнія. Мы имѣемъ въ виду работы Востокова надъ историческою грамматикою церковно-славянскаго и русскаго языковъ — «по ихъ древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ», о которыхъ онъ самъ заявлялъ еще въ 1818 году, въ известномъ письмѣ къ Каченовскому.

Обстоятельства такъ своеобразно сложились, что Востоковъ, вѣсто того, чтобы одновременно, но независимо отъ Гримма, который тогда полагалъ начала исторіи нѣмецкаго языка, положить основу исторіи славянскихъ языковъ, стать русскимъ Гриммомъ, достойнымъ соперникомъ ему въ летописяхъ общей науки, является въ громко осужденной имъ роли русскаго издателя анахроническихъ «Институцій» Добровскаго, а затѣмъ дебютируетъ въ роли автора томительнаго школьнаго учебника русскаго языка. Востоковъ поступаетъ своими научными убѣжденіями, которыя достались ему годами труда, является добровольнымъ орудіемъ противъ самого себя, такъ сказать, на себя налагаетъ руку.

Эти обстоятельства, случайныя, но высоко любопытныя, разрѣшаютъ намъ предложенныя черты дѣятельности Востокова въ Румянцовскомъ Кружкѣ замѣнить двумя эпизодическими экскурсіями въ сторону — въ эпоху послѣ смерти канцлера, во сей часъ.

Онѣ живѣе обрисуютъ характеръ Востокова и дополняютъ картину отношеній къ интересамъ науки: добродушнаго — въ Румянцовскомъ Кружкѣ, и страднаго — внѣ его, въ этимологической Академіи Шишкова.

. 16 .

Мы видѣли выше, какъ проф. Лобойко, по выходѣ въ свѣтъ «Евсарха», изъ Вильны наивно препоручалъ Калайдовичу вытвердить на-изъ-устъ, за нимъ во-слѣдъ, громадныя «Институціи» Добровскаго. Видѣли, какъ и самый аббатъ благодарилъ въ лицѣ Кеппена насъ за теплый съ нашей стороны пріемъ его, въ его собственныхъ глазахъ уже обветшалаго, отсталого труда: «меня

конечно, радуется, писалъ Добровскій въ декабрѣ 1824 г., что русскіе цѣнятъ мой трудъ и готовы его перевести, только—еслибы я могъ быть руководителемъ переводчиковъ»¹⁾. Очевидно, говоря это, онъ въ русскомъ переводѣ желалъ видѣть второе изданіе своего труда, передѣланнаго по Востокову, а предъ букввальнымъ переводомъ—останавливался.

Дѣйствительно, фатальный для Востокова вопросъ о русскомъ буквальномъ переводѣ «Институцій» былъ давно поставленъ на очередь, и, къ сожалѣнію, инициатива его вышла изъ среды самого Кружка, а затѣмъ попала въ особенныя руки.

Едва первый экземпляръ «Институцій» достигъ предѣловъ Россіи, въ Москвѣ уже рѣшенъ былъ переводъ ихъ: на нашей литературной аренѣ впервые появился тогда Погодинъ, съ девизомъ—смѣлость города беретъ.

Мы выше видѣли, что Копитаръ уже въ апрѣлѣ 1822 года извѣщалъ Добровскаго о намѣреніи Румянцова издать переводъ; но дѣло было нѣсколько иначе: намѣренія еще не было.

Въ апрѣлѣ 1822 г. Калайдовичъ обратился къ Малиновскому съ предложеніемъ—быть представителемъ предъ Румянцовымъ о кандидатѣ Погодинѣ, о готовности его перевести Добровскаго²⁾. Малиновскій написалъ и поставилъ тѣмъ канцлера въ затрудненіе. «Грамматика Добровскаго, отвѣчалъ онъ Малиновскому, есть такое великое сочиненіе, что нельзя тому стать, чтобы переводъ ея не былъ порученъ отъ Россійской Академіи кому либо изъ ея членовъ и, кажется мнѣ, не можетъ быть принадлежностію первыхъ опытовъ какого-либо таланта»³⁾.

Едва-ли можно сомнѣваться, что отклоняя, какъ слишкомъ смѣлое, предложеніе Погодина, Румянцовъ имѣлъ давно въ виду Востокова, «Разсужденіе» котораго было такъ вѣрно опѣнено имъ. Въ этомъ смыслѣ извѣщеніе Копитаромъ Добровскаго въ апрѣлѣ 1822: «Russis dabit Румянцовъ vertendas tuas Institutiones, ita Adelung»—т. е., изъ Петербурга такъ пишутъ⁴⁾. Между тѣмъ мысль Погодина о переводѣ встрѣтила сильную поддержку съ особенно компетентной для канцлера стороны.

¹⁾ Письма Добровскаго, стр. 672.

²⁾ Бессоновъ, Калайдовичъ, 68.

³⁾ Отъ 8 мая. Переписка Румянцова, № 239.

⁴⁾ Письма Добровскаго, № 140.

Весной 1822 экземпляръ «Институцій» былъ у Румянцова, и онъ, по установившемуся обычаю, отправилъ его, какъ литературную новинку, митроп. Евгенію. При письмѣ отъ 22 октября Евгеній возвратилъ книгу Добровскаго, съ самымъ сочувственнымъ мнѣніемъ, что она «стоитъ быть у насъ напечатана». Только теперь экземпляръ «Институцій» канцлеръ посылаетъ въ Москву, къ Калайдовичу, «для прочтенія и усовершенствованія изданія Эксарха» (7 ноября)—и, вѣроятно, тотъ же, евгеніевскій, экземпляръ¹⁾.

Въ это самое время подоспѣла Копитарова рецензія труда Добровскаго въ «Вѣнскихъ Лѣтописяхъ», и въ ноябрѣ (10) Румянцовъ пишетъ Евгенію: «съ тяжелою почтою отправляю я къ вамъ Вѣнскій журналъ, въ которомъ найти изволите анализъ прелюбопытнѣйшаго новаго сочиненія г. Добровскаго. Сіе ученое разложеніе его книги приписываютъ г. Копитару, мужу довольно извѣстному». На это отвѣчалъ Евгеній отъ 26 ноября: «статью о Добровскаго грамматикѣ велѣлъ я перевести», за что и поблагодарилъ его Румянцовъ²⁾. Это «разложеніе» могло только болѣе утвердить канцлера въ справедливости указанія митрополита о переводѣ.

Но между тѣмъ какъ Румянцовъ осудилъ предпріятіе Калайдовичъ-Погодина и въ головѣ все дѣлалъ мысль о предостав-

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1823 Калайдовичъ пишетъ Кеппену въ Вѣну: «два письма ваши (20 сент. и 9 севр.) я имѣлъ удовольствіе получить въ одно время и только что теперь. Благодарю васъ душевно за подарокъ Грамматикъ Добровскаго и за два 17 номера Архива, издаваемого г. Гормейеромъ» (Бессоновъ, ор. с. 126). Отъ Кеппена должны были получить въ Москвѣ и первую вѣсть о выходѣ въ свѣтъ «Институцій».

²⁾ Переписка Евгенія, 64—67. Знакомство, дѣловое, Румянцова съ Копитаромъ началось, кажется, съ 1819 года. Въ постоянномъ выслѣживаніи памятниковъ древности канцлеръ не упустилъ и Вѣны, и 12 августа 1819 г. онъ сообщаетъ Евгенію о своихъ поискахъ въ Вѣнской императорской Библиотекѣ: «я въ кто, по порученію моему, осматривалъ каталоги манускриптовъ; ихъ числомъ нѣсколько тысячъ; доступъ до самыхъ рукописей очень труденъ; но изъ каталога видно, что всего 114 только историческихъ номеровъ относятся до Россіи, Польши и Литвы. Я однако-же началъ гоняться за нѣкоторыми и, ежели будетъ успѣхъ, донесу... Мнѣ легче домогаться въ чужихъ государствахъ, нежели въ отечественныхъ предѣлахъ» (тамъ-же, 21). Этого я въ кто—Копитаръ?...

леви́и чести перевода Востовову, хотя послѣдній тогда уже мысли о переводѣ болѣе чѣмъ не сочувствовалъ, поднятый въ Москвѣ вопросъ не заглохъ, а выступилъ съ новою силою, вопреки, конечно, расчетамъ канцлера.

Калайдовичъ, получивъ отказъ отъ старика быть «классикомъ» для перевода юнаго Погодина, съ дѣломъ не унялся, съ упорствомъ велъ его далѣе, тогда какъ избранникъ канцлера, Востоковъ, и слышать не хотѣлъ о простомъ переводѣ грамматики Добровскаго.

23 янв. 1823 года Калайдовичъ запрашиваетъ Востокова: «я слышалъ, будто въ Россійской Академіи хотять перевести грамматику Добровскаго; сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте—правда ли? Мнѣ это очень знать пужно».

Запросъ этотъ Востокова остановилъ. Свой взглядъ на трудъ Добровскаго онъ давно опредѣлилъ, опредѣливъ тѣмъ и свое отношеніе къ мысли о переводѣ.

Еще 1 мая 1822 Востоковъ писалъ Румянцову: «Я видѣлъ экземпляръ, присланный Добровскимъ А. С. Шишкову и нашелъ въ ней множество превосходныхъ вещей, полноту и основательность . . . Однако-жь такъ какъ онъ не имѣлъ у себя многихъ матеріаловъ, какими мы можемъ пользоваться въ Россіи (напр. Остромирово евангеліе и пр.), то и не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ. Будущему сочинителю Славенской грамматики, живущему въ Россіи, остается съ помощью сихъ драгоценныхъ памятниковъ пополнить, объяснить и поправить многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста въ грамматикѣ Добровскаго».

Судь былъ сдержанный, но довольно ясный: книга, при многихъ своихъ достоинствахъ, не пригодна для простаго перевода; русская наука должна дать свою грамматику церковнаго языка, своего Добровскаго. Мы видѣли, что въ головѣ Востокова давно носилась мысль о сочиненіи подобной самостоятельной грамматики. Но Румянцовъ—встрѣтилъ поддержку у Евгенія и мысли о переводѣ все не оставлялъ.

Получивъ запросъ Калайдовича, Востоковъ въ отвѣтъ сотоварищу повторилъ свои старыя замѣчанія, но противъ простаго

перевода высказался откровеннѣе. Отвѣтъ послѣдовалъ около 10 февраля 1823 года¹⁾, послѣ того какъ Востоковъ повидался съ только что прибывшимъ въ Петербургъ канцлеромъ.

«Вамъ угодно знать, писалъ Востоковъ Калайдовичу, правда ли, будто въ Россійской Академіи хотять перевести грамматику Добровскаго. Помнится, однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо-бы перевести эту книгу; но формальнаго къ тому порученія никому не сдѣлано, и никто изъ членовъ Академіи самъ на то не вызывался».

На запросъ отвѣтъ здѣсь кончался. Но Востоковъ ясно видѣлъ, куда запросъ клонился, что въ Москвѣ затѣвается переводъ и, вѣроятно, при участіи самого Калайдовича, не говоря о томъ, что о заботахъ Калайдовича по переводу онъ могъ имѣть свѣдѣнія отъ самого канцлера еще въ минувшемъ году. Востоковъ ясно понималъ, что съ переводомъ Добровскаго связывались серьезные интересы русской науки—ея правильное развитіе, и даже практическіе—школы, и потому счелъ своевременнымъ, если не удержатъ настойчиваго Калайдовича отъ перевода, то, по милости, преподать ему предостережительное наставленіе—что потребовалось бы отъ переводчика; при выполненіи-же намѣщаемыхъ условій онъ-де первый сердечнымъ привѣтомъ встрѣтитъ трудъ и готовъ будетъ даже пожертвовать своими завѣтными старыми грезами — дать свою грамматику церковно-славянскаго языка.

«Я, предостерегалъ Востоковъ, не взялся бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія... Другое дѣло—перевести грамматику сію съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочи-

¹⁾ Это письмо Востокова безъ даты, почему пок. Срезневскимъ обозначено просто: «послѣ 29 янв.»—дата запроса Калайдовича. Но въ письмѣ Востоковъ упоминаетъ, что «канцлеръ съ недѣлю уже какъ пріѣхалъ». Но Румянцовъ могъ прибыть въ Петербургъ только въ началѣ февраля, ибо свое последнее письмо къ митр. Евгенію изъ Гомеля, отъ 23 января, онъ начинаетъ: «отправляясь послѣ-завтра (слѣд., 25 янв.) въ Петербургъ...» Переѣздъ, вѣроятно, потребовалъ не менѣе недѣли. Отъ 17 февраля было уже первое письмо канцлера къ митроп. Евгенію изъ Петербурга (Переписка Евгения, 73, 74).

нить свою Словенскую грамматику, въ которой, конечно, не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Если кто между тѣмъ переведетъ его грамматику съ своими дополненіями и примѣчаніями, тѣмъ лучше, я воспользуюсь и его трудомъ. Крайне желалъ бы я васъ имѣть предшественникомъ моимъ на семъ поприщѣ. Можетъ быть, мнѣ послѣ васъ не осталось бы уже никакого дѣла надъ поясненіемъ грамматики Словенской. Съ радостью уступилъ бы я вамъ палму по сей части»¹⁾).

Но въ дѣйствиіи своего крайне вѣжливаго, откровеннаго предостереженія Востоковъ ошибся. Конечно, самъ Калайдовичъ не могъ взять на себя задачу передѣлать и пополнить «Институціи» Добровскаго, хотя скромный Востоковъ и предлагалъ ему эту честь въ самой теплой формѣ; но онъ не считалъ за благо остановиться предъ осужденною, столь категорически и по существу, мыслью о простомъ переводѣ и продолжалъ поддерживать затѣю своего избранника—Погодина.

Правда, на нѣкоторое время вопросъ о московскомъ переводѣ какъ-бы замолкъ; но затишье было фальшивое.

Погодинъ, не успѣвъ войти въ сближеніе съ канцлеромъ при помощи «Институцій», достигъ своей цѣли инымъ путемъ.

Отклоняя услуги Погодина, какъ не соответствующія имени Добровскаго, Румянцовъ тѣмъ не менѣе отиѣтилъ молодаго кандидата, покровительствуемаго Калайдовичемъ. «Возданныя хвалы Погодину въ письмѣ Калайдовича, продолжалъ канцлеръ Малиновскому 8 мая 1822 г., возбуждаютъ во мнѣ особенное къ нему вниманіе, и вы меня премного одолжите позволите, ежели, познакомясь съ нимъ и познавъ въ немъ сущую способность и особенную любовь къ славенскимъ древностямъ, мнѣ впередъ укажете, на что бы его съ успѣхомъ употребить можно». Какъ видно, Малиновскій указалъ въ Погодинѣ «сущую способность» къ исторіи, потому что въ письмѣ 15 февраля Румянцевъ проситъ поощрять его «вѣще и вѣще заниматься познаніями исторіи нашей и о ея первобытныхъ временахъ»²⁾).

¹⁾ Переписка Востокова, №№ 8, 17, 18.

²⁾ Къ Малиновскому, Переписка Румянцова, № 311. Въ Вѣсти Европы за 1824 г. были помѣщены статьи Погодина о Несторѣ; ими и былъ доволенъ канцлеръ. Ср. тамъ-же, № 321.

Предметъ поощренія былъ вскорѣ найденъ, и самимъ канцлеромъ; это—переводъ небольшой исторической монографіи Добровскаго—«Кириллъ и Меѳодій». Пересыланъ въ сентябрѣ 1824 г. экземпляръ новаго труда Добровскаго, Румянцовъ пишетъ Малиновскому: «предложите, пожалуйста, отъ меня и менно г. Погодину взять на себя трудъ сію книжку перевести. Погодинъ ищетъ содѣлать себя извѣстнымъ и таковой его трудъ, конечно, къ тому поведетъ его отличнымъ образомъ»¹⁾. Тогда былъ только что выпущенъ «Евсархъ».

Понятно, Погодинъ поспѣшилъ принять вызовъ, впрочемъ, поторговавшись напередъ²⁾, и дѣйствительно «содѣлалъ себя извѣстнымъ», но въ иную сторону.

Когда работа «столь отличнаго переводчика», какъ называлъ Погодина канцлеръ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 28 октября, была прислана на просмотръ къ Востокову для сличенія съ полнинникомъ³⁾, Востоковъ могъ только пожалѣть о трудѣ не подѣлану. «Съ сожалѣніемъ долженъ я донести вашему с—ву, писалъ скромный Востоковъ 18 февраля 1825 г., что переводчикъ весьма слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Изъ поправокъ вы усмотрѣть изволите, что онъ нѣкоторыя мѣста понялъ совсѣмъ превратно. Я ожидалъ отъ него болѣе, судя по статьямъ, какія онъ помѣщаетъ въ Вѣстникъ Европы»⁴⁾.

Но урокъ не пошелъ въ прокъ, а только раззадорилъ.

Покончивъ столь торопливо съ небольшимъ нѣмецкимъ Добровскимъ, Погодинъ возвратился теперь къ старой мысли—къ грандіозному латинскому Добровскому, къ мысли о такомъ-же торопливомъ переводѣ его «Институцій», съ такимъ-же по-

¹⁾ Тамъ-же, № 327.

²⁾ Тамъ-же, № 329, письмо отъ 28 октября 1824 г.

³⁾ «Вы изволите увидѣть, писалъ при этомъ канцлеръ Востокову отъ 18 дек. 1824 г., что этотъ молодой человекъ готовится къ большому отличію; сдѣланной-же имъ переводъ, кажется, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ». (Переписка Востокова, № 94). Несомнѣнно, канцлеръ перевода не читалъ.

⁴⁾ Тамъ-же, № 110. Изъ сравненія дать ясно, что Погодинъ переводилъ оригиналъ столько-же времени, сколько Востоковъ сличалъ переводъ Погодина. Канцлеръ чтобы не оскорбить Погодина, отзывъ Востокова сообщилъ одному Малиновскому, но просилъ, чтобы переводъ просмотрѣлъ кто-либо изъ «хорошихъ нѣмецкихъ литераторовъ въ Москвѣ» (Переписка Румянцова, № 356). Самъ Добровскій желалъ повременить съ переводомъ (Письма его, ср. 676), но наткнулся на переводчика, которому тогда же уваживалъ «Моск. Телеграфъ», по поводу другаго изданія Погодина, что въ два мѣсяца книжекъ не переводить, даже учебниковъ географіи (1826, V).

средственнымъ знаніемъ латинскаго языка и безъ всякой филологической подготовки, какъ-бы въ пику знаменитому судіи въ Петербургѣ, но—съ насильственнымъ приобщеніемъ того-же Востокова къ увѣнчанію осужденнаго имъ дѣла. Истинно, на такой шагъ могъ рѣшиться одинъ Погодинъ. А скромный до слабости Востоковъ долженъ былъ молча выносить искушеніе.

Въ концѣ 1825 былъ выпущенъ Кириллъ и Мееодій, гдѣ лучшія страницы, приложенія, принадлежатъ Востокову, котораго «отличный переводчикъ» рѣшилъ не оставлять въ мирѣ. Наступилъ 1826 годъ, весна, и—фатальный переводъ «Институцій» былъ на лицо, «однимъ духомъ»....

«Великимъ постомъ 1826 года, рассказываетъ самъ Погодинъ, я уговорилъ Шевырева¹⁾ приняться сообща за переводъ съ латинскаго знаменитой грамматики Добровскаго. Планъ мой былъ—запереться на страстную и святую недѣлю въ своихъ комнатахъ и перевести грамматику однимъ духомъ. Намѣреніе безразсудное. Но Шевыревъ согласился; мы заперлись, и на Фоминой недѣлѣ вся грамматика, состоящая изъ 900 стр., была у насъ готова.... Признаюсь, взглядъ на эту груду мелко исписанной бумаги, взглядъ на эту крѣпость, взятую нами приступомъ, доставилъ намъ сладкое удовольствіе, за которое мы заплатились тогда-же двумя обмороками»²⁾.

Но не сладкое удовольствіе могъ доставить этотъ геройскій подвигъ тому, кто уже въ началѣ осудилъ всякую мысль о нехитромъ трудѣ механическаго перевода, и кто тѣмъ не менѣе былъ втянутъ въ дѣло.

Румянцовъ лежалъ уже въ могилѣ. Груда «исписанной бумаги» лежала безъ употребленія. Но—Погодинъ нашелъ издателя—министерство.

¹⁾ Позже извѣстный талантливый профессоръ Моск. университета, до гроба другъ Погодина, тогда еще робкій молодой человѣкъ, всего 19 лѣтъ (род. 18 окт. 1806 г.).

²⁾ Погодинъ въ своей автобіографіи: «съ Шевыревымъ перевелъ Славянскую грамматику Добровскаго съ латинскаго въ теченіе 2 недѣль (900 стр.), страстной и святой» (Словарь профессоровъ Москов. университета, II, 273). Ср. въ автобіографіи Шевырева: «тогда вмѣстѣ, соревнуя другъ другу, они (т.-е. Шевыревъ и Погодинъ) перевели съ латинскаго грамматику ц. слав. языка, напечатанную Добровскимъ» (тамъ-же, II, 606).

26 сент. 1829 года Погодинъ съ радостною вѣстью спѣшить къ своему споспѣшнику, Шевыреву. «Я, пишеть онъ ему въ Италию, сижу надъ исправленіемъ Славянской грамматики. На нынѣшней недѣлѣ оканчиваю первую часть ея, до глагола, и отправляю въ Петербургъ». «Это не такъ легко, какъ я думалъ», наивно признается Погодинъ¹⁾. Можно себѣ представить, каковъ былъ начальный переводъ—«однимъ духомъ».

А въ Петербургѣ этотъ оригинальный трудъ имѣлъ поступить—для увѣнчанія, къ Востокову, выйти въ свѣтъ съ его санкціей, чего мы менѣе всего могли-бы ожидать.

«Такъ много въ головѣ скопилось, что не знаю, за что приняться, жалуется Погодинъ Шевыреву въ письмѣ отъ 11 сент. 1829 г. И то, и другое, и третіе. Первое — Славянская грамматика, которую свѣряю съ подлинникомъ. . . Востоковъ по моей просьбѣ, заключалъ Погодинъ, взялся читать послѣднюю корректуру»²⁾.

Дѣйствительно, еще въ началѣ марта 1829 г. Погодинъ, пересылая Востокову «для дѣтей Риттеровы карты, мною изданныя», писалъ ему: «между тѣмъ обращаюсь къ вамъ съ покорною просьбою. Департаментъ нар. просвѣщенія согласился напечатать переводъ моей Славянской грамматики Добровскаго. Я въ надеждѣ переѣхать скоро въ Петербургъ, удерживалъ у себя до сихъ поръ свой оригиналъ съ тою цѣлю, чтобы самому смотрѣть за печатаніемъ. Надежда эта, Богъ знаетъ почему, теперь слабѣетъ³⁾, и я рѣшаюсь послать книгу въ типографію. Не угодно-ли вамъ будетъ принять на себя прочтеніе послѣдней корректуры до тѣхъ поръ, какъ я самъ смогу это сдѣлать, т. е. какъ приѣду въ Петербургъ. Убѣдительно прошу васъ о семъ именемъ славянскаго языка и народа...»⁴⁾

¹⁾ Письма Погодина къ Шевыреву въ «Русск. Архивъ», 1882, V, 111.

²⁾ Тамъ-же, V, 103.

³⁾ Въ 1828 г. Погодинъ избралъ былъ въ адъюнкты Академіи Наукъ, по предложенію Круга: «радъ онъ былъ этому мѣсту, чтобы подъ руководствомъ Круга познакомиться короче съ норманцами, но желаніе его по неизвѣстнымъ причинамъ не состоялось» (изъ автобіографіи въ Словарѣ проф. Моск. унв., II, 244). Въ письмѣ къ Востокову Погодинъ имѣетъ въ виду именно это обстоятельство.

⁴⁾ Переписка Востокова, № 198. Любопытно, что о перевѣдѣ въ Петербургъ Погодинъ почти отчаявается, а далѣе въ письмѣ трудъ Востокову сокращаетъ до своего перевѣда.

Что Востокову не угодно могло быть всякое участіе въ предпріятіи Погодина, при первомъ намекѣ о которомъ онъ, еще пять лѣтъ тому назадъ такъ ясно высказался противъ, вопроса быть не можетъ. Но, уступчивый до слабости, Востоковъ далъ свѣе согласіе...

Погодинъ былъ въ восторгѣ. Когда вышла первая часть, онъ восторжено благодаритъ Востокова за трудъ по изданію Славянской грамматики: «наконецъ, чрезъ девять лѣтъ, прошедъ всякія мытарства, является она на свѣтъ, благодаря вашему благосклонному пособію»¹⁾.

Но былъ ли въ восторгѣ Востоковъ?... Нежеланнаго и утомительнаго труда онъ понесъ массу: Погодинъ распорядился имъ по свойски²⁾.

Такимъ образомъ, столь нежеланная для Востокова книга все-таки явилась на русскомъ языкѣ и къ тому-же съ его санкціей важдаго листа. Книга издана отъ министерства, стала канонномъ науки, и сама по себѣ, и въ своемъ раннемъ, топчемъ видѣ, какъ учебникъ Пенинскаго, она на дѣлыя десятилѣтія, почти до самой смерти Востокова, затормозила въ русской школѣ благое дѣйствіе благихъ научныхъ мыслей великаго нашего учителя о славянскомъ и отечественномъ языкахъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ....

Въ своемъ раннемъ предвидѣніи значенія перевода «Институцій» Востоковъ не ошибся: «кто хочетъ пользоваться ими въ настоящемъ видѣ, писалъ онъ тогда (10 февр. 1823 г.) Калайдовичу, можетъ читать и латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по латыни».

«Институціи»-же въ переводѣ закрыли отъ насъ на долго науку—Востокова, приготовлявшаго давно, изъ-подъ-доволь, историческую, т.-е. научную грамматику церковно-славянскаго языка, какъ понимаетъ ее современное славяновѣдѣніе.

Таковъ былъ результатъ подвига Погодина — «однимъ духомъ»....

¹⁾ Отъ 9 марта 1833. Тамъ же, № 229.

²⁾ Ср. тамъ-же, №№ 225, 228.

Наука Запада уже нетерпѣливо ждала, жаждала отъ насъ наставленія, свѣта—востокоевско й грамматикн церковно-славянскаго языка, послѣ того какъ предвѣстникъ ея былъ встрѣченъ, какъ давно желанная денница «настоящей славянско й филологіи»¹⁾. «Что дѣлается съ вашею славянскою грамматикою?» спрашиваютъ въ 1823 г. Востокова изъ Вѣны черезъ Кеппена. «Вышла-ли она уже?»²⁾ Въ это самое время, увы! Востоковъ самъ вмѣсто хлѣба готовилъ поднести ей камень—механическій переводъ тѣхъ-же «недостаточныхъ» «Институцій».... Но на этомъ испытаніи Востокова не завершились: не менѣе печальная участь ждала и вторую старую работу его сердца, которою онъ также подготовлялъ себѣ путь къ имени славянскаго Гримма—работу надъ исторіей русскаго языка.

Вмѣсто «отработки на-чисто» давно накопившихся историческихъ матеріаловъ по русскому языку, о чемъ мечталъ Востоковъ такъ рано, онъ засѣлъ, подъ духовнымъ давленіемъ Шишкова, съ его теоріей безразличія церковно-славянскаго и русскаго языковъ, за новую работу—за составленіе шаблоннаго школьнаго учебника, чтобы—естественная вещь—сейчасъ-же отнестись къ ней съ тѣмъ-же безразличнымъ чувствомъ, съ какимъ онъ относился и къ переводу «Институцій», какъ къ работѣ претящей. Эта новая работа вторично хоронила отъ насъ автора знаменитаго «Разсужденія о словенскомъ языкѣ», нашего Гримма!... На нее онъ натянулся также случайно, какъ случайно сталъ виновникомъ изданія осужденныхъ имъ «Институцій», но, по своему характеру, оттолкнуться—былъ не въ силахъ.

«Какъ обрадовались наши московскіе любители языка и педагога, что вамъ поручено писать грамматику русскаго языка для училищъ», снѣшить первый привѣтствовать Востокова Погодинъ³⁾.

¹⁾ Метафора эта принадлежала, какъ ни странно этого ожидать, тому-же Копитару: она явилась подъ первымъ впечатлѣніемъ знакомства съ «Разсужденіемъ» Востокова.

²⁾ Переписка Востокова, МЖ 37, 188.

³⁾ 2 августа 1827 г Переписка Востокова, М 173.

Но — радовался ли самъ виновникъ сѣшнаго московскаго поздравленія?...

Съ исторіей этого порученія и познакомятъ насъ ниже-сѣдующія строки.

Помя свое предназначеніе — «наблюдать нравственность, въ мудрїе и чистоту языка», свою обязанность — «наблюдать, чтобы хорошихъ и полезныхъ книгъ время не истребляло и чтобы тѣ изъ оныхъ, которыя пришли въ забвѣніе или сдѣлались весьма рѣдки, вновь издавать»¹⁾, Россійская Академія выпустила въ 1819 г. въ свѣтъ въ третій разъ свою грамматику русскаго языка: старые экземпляры, по признанію Шишкова, всѣ разошлись.

Поволеніе Смолетскаго и Ломоносова, съ отступленіями, но не въ пользу, предметъ раннихъ насмѣшекъ Копитара²⁾, далекая отъ науки при самомъ рожденіи въ 1802 г., теперь академическая грамматика была анахронизмомъ.

Немощный, но вѣрный себѣ — не зная движенія науки, Шишковъ, перепечатавая грамматику, не только соблюдалъ параграфъ свѣжаго, только что имъ написаннаго, Устава Академіи, но и поддерживалъ честь Академіи, такъ какъ на трудъ этотъ Академія, въ свое время, вложила всѣ свои силы. И вдругъ — бойкій журналистъ, практическій педагогъ, изъ чешскихъ нѣмцевъ, объявилъ, при выходѣ 3-го изданія, что академическая грамматика лишній, потому что совсѣмъ отсталый, трудъ: напечаталъ «хулительныя замѣчанія», жалуется Шишковъ.

Это былъ знакомый намъ Гречъ, съ своимъ «Сыномъ Отечества». «Неужели въ 17 лѣтъ, спрашивалъ Гречъ, русскій языкъ ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага? Или полагаютъ, что 1 изданіе было *non plus ultra* совершенства»?... Укоризну эту посылалъ Гречъ, не какъ журналистъ, а какъ авторъ «Опыта русскаго спряженія», книж-

¹⁾ § 2 гл. III, § 4 гл. II Устава Россійской Академіи, написаннаго Шишковымъ въ 1818 г.

²⁾ «Прочелъ, пишетъ Копитаръ Добровскому 13 іюня 1811, грамматику академическую; говорятъ господа составители, что написали новую, гдѣ глаголъ лучше рассмотрѣнъ, чѣмъ у Ломоносова, и *nasitur ridiculus mus*: вм. 2 спряженій надѣлали 4, но еоркъ сами достаточно не различаютъ». (Письма Добровскаго, стр. 207).

ки, которая нашла одобрение у Добровскаго, знакомый съ ранними серьезными занятіями отечественнымъ языкомъ въ столицѣ—Борна, Востокова, гдѣ уже дѣлались кое-какъ справки съ исторіей языка¹⁾.

Въ замѣчаніяхъ, правда, въ нѣсколько рѣзкой формѣ, Греча Академія увидѣла однѣ «хулы, брани, укоризны, насмѣшки и восклицанія» и рѣшила, что «поступокъ его не подлежитъ суду Академіи, но суду правительства». Она обратилась потому съ жалобой къ министру народнаго просвѣщенія. Но кн. Голицынъ, въ удивленію Академіи, не нашелъ признаковъ преступленія и—отказалъ начать преслѣдованіе.

Академія тогда постановила: «журналиста Греча въ Академію не приглашать и ежели кѣмъ изъ членовъ приглашенъ будетъ, то не впускать»²⁾.

Безспорно, придуманная мѣра взысканія для Греча—остракизмъ—пѣла въ себѣ много наивнаго: такъ дуются только дѣти, и Карамзинъ, играя почтенными членами Академіи, по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ, не прегрѣшалъ противъ скромности. По поводу одного обѣда у Державина съ академиками онъ пишетъ женѣ: «славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя и я старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіей». Хозяинъ вздумалъ было произвести Карамзина въ члены Академіи, но тотъ отказался³⁾. Храму Шишкова Карамзинъ противопоставалъ свободный Арзамасъ: «вотъ истинная русская Академія», писалъ онъ, но уже слишкомъ, такъ какъ и Арзамасъ только забавлялся, безъ серьезной мысли⁴⁾.

¹⁾ Ср. Переписку Востокова, стр. XXVII и сл.

²⁾ О забавномъ столкновеніи Академіи съ Гречемъ см. Шишковъ, Записки и пр., II, 102—109. Но Шишковъ им. Смотрицкаго называетъ Максима Греча: такъ былъ онъ нетвердъ во вѣншней даже исторіи церковно-славянскаго языка.

³⁾ Отъ 18 февр. 1816 г. («Неизданныя сочиненія и переписки Н. М. Карамзина», Спб., 1862, 150). Отъ 7 февр. Карамзинъ описываетъ первый визитъ у Шишкова: «я видѣлъ и Шишкова; бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около 3 часовъ; сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною о происхожденіи славянскихъ словъ. J'ai du tendre pour mes ennemis et j'en ai» (тамъ-же, 144).

⁴⁾ Тамъ-же, 160.

А между тѣмъ въ то время какъ Академія забавлялась войною съ Гречемъ, она не предчувствовала, что не далеко тотъ день, когда самъ Шишковъ, но уже министръ народнаго просвѣщенія, долженъ будетъ произнести прещеніе надъ своимъ обнесеннымъ дѣтищемъ — злочасной грамматикой своей Академіи, и молча признать правоту бойкаго журналиста, даже изъ бемчанъ. Мы говоримъ о заботѣ сего высшего правительства дать, наконецъ, русскимъ дѣтямъ сносную книгу по отечественному языку, обнаружившейся сейчасъ-же по вступленіи на престолъ импер. Николая: но къ Академіи Шишкова за нею не обратились, на ея грамматику не основались. При этомъ оборотѣ въ исторіи русской грамматики мы встрѣчаемся на первомъ-же шагу съ тѣмъ-же Гречемъ, въ борьбѣ изъ-за той-же русской грамматики, и съ тѣмъ-же Шишковымъ, но пѣз-за котораго вышелъ теперь самъ Востоковъ: встрѣча была не ровная, принесшая пораженіе Гречу, но и бѣду Востокову и русской наукѣ.

Въ интересѣ улучшенія русской школы, или, выражаясь словами высочайшаго рескрипта на имя Шишкова, «должнаго и необходимаго единообразія», 14 мая 1826 года высочайше образованъ былъ при министрѣ «Главный комитетъ устройства учебныхъ заведеній» изъ кн. Ливена, Сперанскаго, Ламберта, Сиверса, Шторха, испр. должность харьковскаго попечителя Перовскаго и флигель-адъютантовъ Перовскаго и гр. Строганова. Въ числѣ другихъ обязанностей Главному Комитету вѣнялось «опредѣлять подробно всѣ курсы ученія, означивъ и сочиненія, по коимъ оныя должны впредь быть преподаваемы, и рѣшивъ, которыя изъ существующихъ хороши, вѣсть съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго». Для послѣдней цѣли министръ имѣлъ избрать «надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ» и образовать изъ нихъ особый Комитетъ, чтобы затѣмъ «воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ».

Черезъ недѣлю, 21 мая, Шишковъ представилъ императору свои первыя соображенія объ особомъ Комитетѣ—о наименованіи его «Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній», о назначеніи правителемъ дѣлъ его кн. Ширинскаго-Шихматова, «близъ двухъ лѣтъ неуспѣшно занимающагося изученіемъ иностранныхъ по сей части учреждений». 29-же іюня высочайше

утвержденъ былъ и самый составъ этого Комитета: председатель Шторхъ, члены—академики Кругъ, Грече, профессора университета Чижевъ и Толмачевъ, бывший харьковскій ректоръ, сербъ Стойковичъ, и членъ Россійской Академіи, Соколовъ¹⁾. Такимъ образомъ, Академія Шишкова могла быть представлена лишь однимъ лицомъ—главнымъ пайщикомъ въ сочиненіи академической грамматики, хотя право избранія принадлежало одному Шишкову. Но Шторхъ вскорѣ умеръ, и на мѣсто него председателемъ учебнаго Комитета былъ назначенъ попечитель А. А. Перовскій.

Въ концѣ октября 1826 Гречъ уже представилъ председателю Перовскому «плоды многолѣтнихъ трудовъ своихъ по грамматикѣ»—первые листы Полной грамматики русскаго языка и Руководство для гимназій, ища одобренія и принятія. Но когда Перовскій сообщилъ о просьбѣ Греча министру Шишкову, то Главный Комитетъ, по предложенію министра, нашелъ, что, въ виду важности дѣла, учебный Комитетъ одинъ не достаточно для сужденія, и усилилъ его «Разсматривательнымъ Комитетомъ» Россійской Академіи, состоявшимъ изъ Карабанова, Никольскаго и кн. С. Шихматова. Память о недавнемъ столкновеніи Греча съ Академіей по грамматикѣ была свѣжа; не безъ воспоминанія о немъ Шишковъ призналъ некомпетентность Комитета Перовскаго въ дѣлѣ благосклонно принятой имъ просьбы Греча, и Гречъ, подчиняясь распоряженію министра, просилъ только о присоединеніи къ усиленному Комитету Перовскаго еще одного члена Академіи, Востокова, какъ дѣйствительно свѣдущаго судію и непричастнаго къ дѣлу о грамматическомъ столкновеніи, тогда какъ членъ Соколовъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ авторовъ злополучной академической грамматики, а профессоръ Толмачевъ—авторомъ другой соперничавшей тогда грамматики.

¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., т. II (Спб. 1875), № 11. Стр. §§4, 6. №№ 12, 15. Флигель-адъютантъ гр. Строгановъ—это, кажется, будущій министр и генералъ губернаторъ Новороссійскій, наститый старецъ, здравствующій и помнящъ, въ Одессѣ. Тогда онъ былъ председателемъ Петербургскаго минералогическаго Общества.—Ср. о Комитетахъ в книгу Е. Шмидта: Исторія среднихъ учебныхъ заведеній, въ переводѣ А. Нейлисова (Спб. 1878), стр. 217 и слѣд. Книга Шмидта трудолюбиво написана, но крайне скудно, однообразно.

. 11 января 1827 состоялось первое соединенное засѣданіе обоихъ Комитетовъ. Гречъ былъ приглашенъ для ознакомленія членовъ съ своими грамматическими опытами. Засѣданіе вышло весьма характернымъ.

«Началъ я, рассказываетъ Гречъ въ жалобномъ письмѣ къ П. И. Кеппену, который въ то время состоялъ близкимъ совѣтникомъ при Шишковѣ, руководство для высшихъ училищъ. Оно было прерываемо почти на каждомъ словѣ насмѣшками и странными замѣчаніями гг. Соколова и Толмачева; одинъ утверждалъ, что у насъ нѣтъ этимологій, что буквы *sz* не превращаются въ *sz*, что вообще измѣненіе согласныхъ буквъ есть вздоръ; другой твердилъ, что слово море происходитъ отъ слова *мокрый*, что село происходитъ отъ *сѣдла* и т. д. Съ величайшимъ трудомъ были прочтаны 43 параграфа большаго, 19 малаго руководства».

Страстное до неприличія отношеніе къ труду Греча ясно говорило о пристрастіи заинтересованныхъ лицъ, и потому Перовскій предложилъ отдать рукопись на разсмотрѣніе гг. членамъ порознь; но, съ согласія Комитета, возложилъ трудъ разсмотрѣнія на Востокова.

«Я былъ симъ окончаніемъ весьма доволенъ, вспоминаетъ Гречъ; ибо совершенно довѣряю благонамѣренности, праводушію, уму и познаніямъ сего почтеннаго члена Академіи».

Читатель уже обратилъ вниманіе на характерную черту. Образуется Комитетъ для просмотра и составленія учебныхъ книгъ, усиливается для разсмотрѣнія трудовъ Греча новыми тремя членами Академіи Шишкова; но тщетно бы онъ среди членовъ Комитета, въ постоянномъ и усиленномъ его составѣ, искалъ Востокова: ему нѣтъ мѣста подлѣ Соколова, Толмачева. Востоковъ вошелъ въ Комитетъ уже по спеціальной просьбѣ Греча, для огражденія интересовъ правды. Соколовъ, Толмачевъ кричать въ засѣданіи могли; но когда надо было сдѣлать дѣйствительную оцѣнку руководствъ Греча, трудъ этотъ Учебнымъ Комитетомъ возлагается на случайнаго сочлена—Востокова. Это была первая, случайная, его работа: но она вызвала, на бѣду, и вторую.

Такъ нелюбезно могли отнестись Шишковъ и его Академія, при обсужденіи серьезнаго дѣла, къ тому своему сочлену, который былъ единственнымъ и давно признаннымъ у насъ

судією въ вопросахъ отечественнаго языка среди плеяды номинальныхъ судей, который, по справедливому признанію того-же самого Греча, «своими основательными и глубокими свѣдѣніями въ славянскихъ языкахъ могъ быть полезенъ въ споспѣшествованіи успѣху общаго труда». Забвеніе Востокова отъ министра Шишкова въ дѣлѣ его перваго призванія невольно наводитъ на мысль о систематическомъ уклоненіи Востокова отъ упражненій академическихъ. Авторитетъ Востокова тогда былъ слишкомъ высокъ, чтобы не заинтересоваться сужденіемъ его по вопросу о составленіи русской нормальной грамматики для школы, такъ неприлично игнорировать его, и останавливаться на Толмачевыхъ, Карабановыхъ, этомъ беспіи русской науки.

Порученіе Комитета Востоковъ вскорѣ исполнилъ, предложивъ цѣлый рядъ замѣчаній на грамматическія положенія Греча. Когда послѣдній освѣдомился у Перовскаго о судьбѣ своихъ опытовъ, тотъ отвѣчалъ ему, что замѣчанія Востокова были столь многочисленны и важны, что ими совершенно опровергается его система, и онъ, вѣроятно, на нихъ не согласится. Но — Гречъ согласился на перемѣны. Тогда Перовскій объяснилъ Гречу, отъ имени Комитета, что по множеству и важности представленныхъ замѣчаній Востокова, руководства его «сдѣлались болѣе трудомъ Комитета, нежели его собственнымъ».

«Я, продолжаетъ Гречъ въ своемъ письмѣ, изумился симъ отзывомъ». Дѣйствительно, можно было думать, что Комитетъ желаетъ воспользоваться чужимъ трудомъ. Ясно было, что опыты отвергнуты Комитетомъ; но не безъ труда Гречъ возвратилъ свои рукописи.

Судъ Востокова рѣшилъ участь Греча, участь его «22 лѣтнихъ трудовъ», хотя, очевидно, онъ ожидалъ иного конца. Такъ думалъ Гречъ. Но на судьбу вліяло и старое недоброжелательство Шишкова и его клеветовъ: Соколова, Толмачева. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о замѣчаніяхъ Востокова¹⁾. Они были отрывочны, и Гречъ отнесся къ нимъ съ обыкновенною легкостью. «Востоковъ, заключаетъ Гречъ свою записку къ Кеппену, не нашелъ ничего противнаго въ моей системѣ; одна часть замѣчаній относилась къ ошибкамъ писца; другая происходила отъ того, что онъ не успѣлъ виненуть въ ходъ моихъ

¹⁾ Итоги славянской и русской етнологіи (Одесса, 1862), 14—19.

мыслей; нѣкоторыя относились къ перемѣнѣмъ выраженій; иныя были неосновательны, а три или четыре справедливы и важны». Получивъ отъ любезнаго Востокова текстъ его замѣчаній, Гречъ одѣлалъ на нихъ свои возраженія—пустыя. Онъ просмотрѣлъ главное—что ему указывалась недостаточность его простыхъ, хотя и долголѣтнихъ, эмпирическихъ наблюденій надъ языкомъ и механическихъ правилъ изъ нихъ, «облегчающихъ изученіе языка и употребленіе оваго, изустное и письменное», какъ полагалъ Гречъ, что ему указывалась необходимость научнаго знанія, а не толкованія о «произволѣ употребленія».

«А превращается въ о, преимущественно въ слогахъ *ла, ра*: *гладъ—голодъ, стражъ—сторожъ*», училъ Гречъ¹⁾. Востоковъ замѣтилъ: «но здѣсь смѣшаны слова двухъ разныхъ нарѣчій, церковно-славянскаго и русскаго». «Что касается до примѣровъ: *сяду—сѣлъ, стужа—стынетъ, палець—пѣлъца*, продолжалъ Востоковъ, то и въ нихъ измѣненіе гласныхъ не есть произвольное, но зависитъ отъ извѣстныхъ правилъ производства, которыя надлежитъ искать, вникая въ строеніе языка²⁾».

Дѣло Греча съ Учебнымъ Комитетомъ Шишкова окончилось въ февралѣ 1827 года, а въ августѣ мы уже слышали

¹⁾ Въ историко-критическомъ предисловіи Добровскаго къ замѣчательной грамматикѣ русскаго языка ученика его, Пухмейера: «*Lehrgebäude der russischen Sprache*», (Prag 1820), Гречъ уже нашелъ-бы указаніе о значеніи полногласія, какъ специальной черты русскаго языка съ древнѣйшаго времени (стр. XI).

²⁾ Современная рукописная записка Н. И. Греча о столкновеніи его съ Комитетомъ Перовскаго изъ-за грамматикъ, съ копіями писемъ его къ председателю Комитета и отвѣта послѣдняго къ нему, замѣчаній Востокова и возраженій автора—въ библиотекѣ имп. Новоросс. университета, куда она поступила поупкой отъ П. И. Кеппена, послѣ смерти его. Общій заголовокъ рукописи: *О грамматикахъ Н. И. Греча*, а на первой страницѣ отвѣтка той-же рукой: Получено отъ Н. И. Греча 31 апрѣля 1827 г. Рука эта, повидимому, самого Кеппена. Въ такомъ родѣ записка Греча (вѣроятно, рукою писца) имѣетъ характеръ какъ-бы жалобы на злочасную судьбу своихъ трудовъ, тотчасъ же по окончаніи дѣла съ Комитетомъ. Для исторіи русскаго языка и просвѣщенія рукопись Греча весьма любопытна, и въ Приложеніяхъ, Ж III, мы печатаемъ ее цѣликомъ, съ соблюденіемъ правописанія подлинника. Чтобы понять обращеніе Греча къ Кеппену, надо помнить, что послѣдній былъ приближеннымъ чиновникомъ Шишкова-министра.

привѣтъ изъ Москвы Востокову—по поводу порученія составить для Комитета новую школьную грамматику русскаго языка.

Очевидно, тотъ-же Комитетъ, послѣ своеобразной неудачи съ грамматиками Греча, вложилъ теперь на Востокова составленіе учебника, а отъ себя преподалъ ему руководящія начала. Всегда уступчивый, Востоковъ согласился, для того, чтобы съ той высокой точки зрѣнія, съ которой онъ только что разсматривалъ неудовлетворительные опыты Греча, спуститься до уровня грамматическаго пониманія массы, жертвуя своимъ временемъ, трудомъ и авторитетомъ....

Такъ появилось обрадовавшее Погодина порученіе. Такъ появилась казенная русская грамматика Востокова, и въ тѣхъ-же двухъ видахъ, какъ у Греча, трудъ, навязанный Востокову Комитетомъ Шишкова, самому ему несимпатичный, улучшенный Гречъ, на мѣсто давно начатой грамматики русскаго языка—«по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ» его, т.-е., исторической, такъ свѣта и не увидавшей....

Случайно Востоковъ попалъ въ «Комитетъ составленія учебныхъ пособій», случайно сталъ и авторомъ комитетскаго учебника, для котораго довѣло бы практическое знаніе языка и журналиста Греча.

Погодинъ привѣтствуетъ; привѣтствуетъ и митроп. Евгеній, по старому слѣдившій за жизнью русской науки—за дѣятельностью оставшихся членовъ знаменитаго Кружка. «Хотя трудъ, возложенный на васъ сочинить классическія грамматики, писалъ онъ Востокову въ сентябрѣ 1828 г., и отвлекаетъ васъ отъ другихъ важныхъ занятій; но честь и слава быть всего русскаго юношества и для иностранцевъ классическимъ авторомъ, есть довольноя награда». Но—вся эта честь самому Востокову была совсѣмъ не по сердцу.

«Я, пишетъ Востоковъ Копитару въ апрѣлѣ 1829 г., такъ во все это время занятъ былъ по устройству Румяндовскаго Музея и по другимъ казеннымъ порученіямъ, что едва имѣлъ нѣсколько минутъ свободныхъ. На сихъ дняхъ только представилъ я сокращенную грамматику.... Теперь занимаюсь переписываньемъ на блѣдо пространный русской грамматики.... Сей трудъ займетъ меня еще мѣсяца два. Когда управлюсь съ онымъ, тогда примусь опять за каталогъ рукописей Румяндов-

скаго Музея, оставшіяся недоконченными, а потомъ возвратясь къ давнишней своей работѣ, кою я всегда занимался соп ашого—къ Словенской грамматикѣ и лексикографіи»¹⁾

А, въ довершеніе всего, и матеріальное вознагражденіе за навязанный трудъ было только лишнимъ источникомъ неприятностей для старѣющаго Востокова²⁾.

. 18 .

Прежде нежели подвести итогъ дѣятельности Румянцовскаго Еружка, еще нѣсколько словъ о двухъ спутникахъ духовнаго вождя его, Востокова.

Имя одного, юриста, тѣсно связано съ дѣятельностью Востокова. Онъ былъ его другомъ, распространителемъ его ученой славы за границей. Онъ намъ уже давно знакомъ. Это—П. И. Кеппенъ. Другой—свой человекъ у Румянцова, молодой священникъ, на филологическихъ опытахъ котораго такъ ясно благотворное вліяніе школы Востокова. Это—отецъ Іоаннъ Григоровичъ, въ Гомелѣ, этихъ Тускуланахъ Румянцова.

Сынъ бѣднаго провинціального врача изъ выходцевъ Германіи, молодой, энергическій, но всегда съ разносившимися интересами въ наукѣ, Кеппенъ, еще съ 1813 года собесѣдникъ Калайдовича о древнихъ рукописяхъ³⁾, въ 1819 г. уже является въ кругу Румянцова ближнимъ человекомъ. «Позвольте мнѣ, обращается нанцлеръ къ преосв. Евгенію въ Псковѣ 2 мая, поручить особенному покровительству вашему г. Кеппена: онъ того достоинъ по просвѣщенію своему и нравственности; жаль, что здоровье имѣетъ слабое и несогласное съ рвеніемъ учено-

¹⁾ Переписка Востокова, ММ 190, 203. «Съ грамматикой своей я еще валандаюсь», пишетъ онъ тогда-же Кеппену (тамъ-же, стр. 455).

²⁾ Тамъ-же, стр. 458.

³⁾ Ср. письмо Калайдовича къ нему отъ 15 января 1814 г. у г. Безсонова, ор. с., 125.

сти»¹⁾ Проницательный ученый іерархъ нашель Кеппена «достойнымъ любви за страстную охоту къ русской словесности и исторіи», но только²⁾).

На это первое свое знакомство съ Кеппеномъ Евгений подарилъ ему пергаменный листокъ русской Псалтыри XI в.; но этотъ историческій листокъ, какъ мы видѣли, былъ поводомъ къ сближенію Востокова, сначала, съ Евгениемъ, потомъ съ Румянцовымъ. Когда-же Востоковъ указалъ Евгению на Кеппена, какъ на возможнаго славянскаго палеографа въ будущемъ, тотъ усумнился въ этомъ, и съ Евгениемъ согласился и канцлеръ. Сомнѣніе Евгения оправдалось сейчасъ-же, когда въ 1822 г. появился трудъ Кеппена «Списокъ русскимъ памятникамъ» — безъ ожидавшихся снимковъ: впрочемъ, книга издана была Калайдовичемъ, когда самъ авторъ былъ уже далеко за рубежомъ, а съ авторомъ и его снимки.

Духъ предпримчивости, любовь къ наукѣ отличали физически слабого Кеппена — черты, которыя высоко цѣнили въ немъ оба высокіе члена Круга. «Онъ весьма способенъ къ розысканіямъ, писалъ Евгений Румянцеву, хотя по молодости еще и не основателенъ; но охота научить его»³⁾. Духъ предпримчивости, живая любознательность привели Кеппена, въ первые-же годы его ученой карьеры, туда, куда добровольно, безъ солдатской шинели, лишь въ кои вѣки заходила нога русскаго — къ полуиндическимъ уже для нашего сознанія славянамъ Австріи, въ ихъ поэтическіе закоулки Карпатъ и Альпъ, и Кеппенъ былъ первымъ сознательнымъ путешественникомъ изъ Россіи въ славянскія земли. Какъ пионеръ, онъ открылъ въ своемъ лицѣ, теперь уже традиціонный, путь русскихъ славистовъ на Западъ — для полной оснастки.

¹⁾ Переписка Евгения, 19. Кеппенъ ѣхалъ во Псковъ на археологическую экскурсію для канцлера, какъ видно изъ другаго письма Румянцова къ Евгению по поводу сообщенія Кеппена, что въ Островскомъ уездѣ, въ погостѣ Вреве и др., «находятся камни съ надписями, никакъ еще не разобранными» (тамъ-же, 44). Въ рѣчи, въ день своего пятидесятилѣтняго юбилея (29 дек. 1859 г.), старикъ Кеппенъ прежде всего теплымъ словомъ помянулъ канцлера Румянцова, какъ своего перваго «благодѣтеля».

²⁾ Переписка Евгения, 20.

³⁾ Отъ 19 дек. 1823 года. Тамъ-же, 90.

Въ августѣ 1821 Румянцовъ спѣшитъ извѣстять Евгенія, что «добрый и трудолюбивый Кеппенъ, по условію для себя выгодному, отправился путешествовать по Европѣ съ однимъ юнымъ россійскимъ дворяниномъ»¹⁾. Мы выше видѣли: эта Европа—сосредоточилась для Кеппена въ Австрію, а этотъ юный дворянинъ былъ Березинъ, вскорѣ умершій въ Італію.

Порадовался и Евгенийъ новой вѣсточкѣ и добрыми пожеланіями сопровождалъ смѣлый и любопытный шагъ въ жизни предприимчиваго Кеппена.

«Добрый путь доброму Кеппену на чужбину, писалъ Евгений Анастасевичу. Онъ тощъ не возвратится къ намъ, но воспользуется больше своего Телемака. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ описалъ свои распоряженія о палеографическихъ запискахъ и надѣется больше на Каченовскаго, нежели на Академію Россійскую. Намѣреніе Кеппена издать продолженіе своихъ матеріаловъ въ Вѣнѣ что-то кажется странно, ибо если на нѣмецкомъ, то не для насъ; если на русскомъ, то не для нѣмцевъ. Вотъ если бы онъ тамъ вырѣзалъ палеографическіе наши снимки, то занялъ бы и нѣмцевъ»²⁾.

Въ концѣ декабря 1821 Кеппенъ изъ Кіева выѣхалъ въ Австрію³⁾.

Въ расчетъ своемъ Евгений не ошибся. Путешествіе энергическаго Кеппена по Австрію, по ея славянскимъ землямъ, составило извѣстнаго рода эпоху въ развитіи славяновѣдѣнія у насъ, съ многообразными послѣдствіями въ ближайшемъ и болѣе отдаленномъ будущемъ. Но оно было съ значеніемъ и для нихъ, самихъ славянъ Австріи. Кеппенъ тощъ не возвратился уже по тому одному, что, открывъ личныя знакомства съ выдающимися дѣятелями того времени среди австрійскихъ славянъ, онъ сталъ, вѣрный себѣ, энергическимъ посредникомъ между молодою наукою Россіи и славянскими учеными силами Австріи—словомъ и дѣломъ.

¹⁾ Тамъ-же, 48.

²⁾ Отъ 23 октября 1821 г. Др. и Нов. Россія, 1881, 295.

³⁾ Тамъ-же, 306. Въ своей автобіографіи, приложенной къ описанію его 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности, старикъ ошибочно показалъ что въ Кіевѣ онъ получалъ напутное благословеніе друга своего, митроп. Евгенія, и уѣхалъ въ январѣ 1822 г. Евгенийъ прибылъ въ Кіевъ только 11 апрѣля 1822 г.

Въ мартѣ 1822 г. чрезъ Галицію Кеппенъ прибылъ въ Вѣну, съ запасомъ русскихъ новинокъ и своими славянскими палеографическими снимками.

Русскій запасъ Кеппена былъ кладомъ для Копитара: отъ Кеппена онъ познакомился съ «Разсужденіемъ» Востокова, какъ это мы видѣли раньше, и свой нелицемѣрный восторгъ онъ излилъ тогда-же въ письмѣ къ учителю. «Прибылъ, пишетъ Копитаръ Добровскому 25 марта, Кеппенъ съ молодымъ Березинымъ, съ новыми книгами, съ славянскими снимками. Прочелъ и видѣлъ большую часть; желалъ-бы я послать эти книги вамъ; но говоритъ—нельзя. Самая любопытная вещь—статья Востокова»¹⁾. Добровскаго, въ высшей степени заинтересовавшагося привезенными снимками, Копитаръ приглашаетъ прямо прѣхать въ Вѣну, къ тому времени, когда Кеппенъ возвратится изъ поѣздки по Венгріи, куда онъ отправился въ маѣ.

Лѣтняя экскурсія Кеппена на дальній востокъ Австріи, въ таинственную, невѣдомую Трансильванію, должна была оставить особые слѣды въ исторіи русскаго славяновѣдѣнія, имѣла ими смѣлаго русскаго путешественника связать съ замѣчательнымъ историко-этнографическимъ откровеніемъ. Но, къ сожалѣнію, путешественникъ не былъ славистомъ чистой крови и остался вѣренъ себѣ: разбрасывающійся характеръ ученыхъ интересовъ Кеппена не могъ остановить, фиксировать его вниманія на первыхъ мѣстныхъ вопросахъ.

Въ Трансильваніи, на югѣ, въ горныхъ ущельяхъ, Кеппенъ засталъ еще послѣднихъ, вымиравшихъ, эпигоновъ доселѣ загадочнаго, но въ высшей степени любопытнаго, племени—средне-дунайскихъ «русскихъ», нѣкогда полновластныхъ хозяевъ всей громадной альпійской страны Дунайскаго Залѣся. Онъ слышалъ еще живую рѣчь этихъ «русскихъ», даже какъ будто и серьезно занялся ихъ замѣчательнымъ языкомъ, ими... Но, увы! Кеппенъ поспѣшилъ издать лишнюю книжку о языкѣ ихъ нѣмецкихъ сосѣдей, о мѣстныхъ римскихъ памятникахъ, а объ этомъ интересномъ славянскомъ племени ограничился простою отмѣткой²⁾.

¹⁾ Переписка Добровскаго, Ж 139.

²⁾ Ср. нашу книгу: Итоги славянской и русской филологіи, стр. 224—225.

Тогда-же Кеппенъ объѣхалъ сербскій край Сръма, подобно Тургеневу лѣтъ двадцать тому назадъ; въ Новомъ Садѣ (Neu Satz) познакомился съ молодымъ учителемъ сербской православной гимназіи, Шафарикомъ, гениальнымъ ученикомъ Добровскаго, тогда еще мало извѣстнымъ, и извѣщалъ отсюда Румянцева¹⁾.

Весной 1823 года Кеппенъ посѣтилъ, наконецъ, Прагу, гдѣ онъ имѣлъ «истинное счастье» познакомиться съ Добровскимъ и Ганкою, какъ выразился въ письмѣ къ Востокову. А знаменитый аббатъ увидѣлъ съ своей стороны, наконецъ, давно желанныя «сокровища» — ученый багажъ Кеппена. «Я могу только сожалѣть, писалъ старикъ тогда-же Кеппену, что ваше пребываніе въ Прагѣ было слишкомъ коротко» — «für meine Belehrung» — прибавляетъ вѣжливый Добровскій²⁾.

Надо полагать, что подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Добровскимъ, ведшимъ уже болѣе десяти лѣтъ переговоры съ Копитаромъ объ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, у Кеппена явилась мысль свернуть и побывать самому въ Мюнхенѣ. Здѣсь онъ провелъ зиму съ 1823 на 1824 г. и, какъ видѣли, приготовилъ снимокъ съ знаменитыхъ отрывковъ, а за тѣмъ чрезъ Дрезденъ и Берлинъ 9 апрѣля 1824 г. возвратился, до срока, въ Петербургъ. Уже въ декабрѣ 1823 г. канцлеръ, заботливо слѣдившій за дѣятельностью Кеппена за границей, извѣщалъ друга-митрополита, что къ февралю онъ ожидаетъ возвращенія Кеппена: «онъ, кажется, вынужденъ къ скорому возвращенію тѣмъ, что спутникъ его со-

¹⁾ До 1 окт. 1822 г. Кеппенъ пишетъ чрезъ Калайдовича канцлеру: «Въ дополненіе къ статьѣ моей о слав. древностяхъ въ Сирміи сообщая еще извѣстіе о т. наз. болгарской хроникѣ Данила, о которой я первое извѣстіе получилъ въ Гомелѣ изъ устъ его с—ва, поручившаго мнѣ объ оной справиться. Сею рукописью пользовался Рачъ; но въ Сирміи находится томо списокъ 1763, списанный съ подлинника въ Холандорскомъ (!) монастырѣ во св. горѣ Аеонской. Какой-то проигуменъ онаго монастыря принесъ списокъ въ Венгрію, гдѣ, какъ говорятъ, оный за 100 или 200 черв. купленъ Вершедскимъ или Темешварскимъ епископомъ. Вся рукопись состоитъ изъ 87 л. въ малый листъ» (Переписка Евгенія, 63). Упомянутая здѣсь статья: «Описаніе слав. древностей въ Сирміи» (Сръмъ), напечатана Калайдовичемъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» Бугарина въ 1823 г. и несправедливо причисляется къ сочиненіямъ Калайдовича.

²⁾ Письма Добровскаго, стр. 666.

вершено разстроилъ свои дѣла»¹⁾. Дѣйствительно, 17 октября 1823 г. Кеппенъ изъ Вѣны писалъ своему новому другу въ Прагѣ, Ганкѣ, отвѣчать ему въ Дрезденъ: «тамъ я думаю быть въ декабрѣ или въ генварѣ; въ скоромъ времени я оставлю Вѣну и поѣду въ Мюнхенъ и Авгсбургъ, откуда, можетъ быть, поѣху Гейдельбергъ, а, можетъ быть, и прямо чрезъ Веймаръ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ, возвращусь въ Петербургъ»²⁾. По возвращеніи въ Петербургъ, молодой славянскій путешественникъ поступилъ на службу къ только что назначенному министромъ народнаго просвѣщенія Шишгову, въ качествѣ младшаго дѣлопроизводителя «Временнаго Комитета для составленія проекта устава учебныхъ заведеній»³⁾, постъ, который онъ сохранялъ за собой и тогда, когда Комитетъ этотъ былъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Николая, преобразованъ въ «Главный Комитетъ устройства учебныхъ заведеній» (о немъ мы говорили только что выше, стр. 191). Оставляя его вскорѣ для министерства внутреннихъ дѣлъ, Кеппенъ открываетъ любопытную организационную дѣятельность. Между тѣмъ онъ свою обычную энергію обратилъ на науку, при-прежнемъ тепломъ участіи къ себѣ Румянцова.

Палеографическіе снимки съ славянскихъ рукописей не были изданы при Спискѣ древнимъ русскимъ памятникамъ въ 1822

¹⁾ Переписка Евгенія, 88. Спутникъ—юный Березинъ, но больной, уѣхавшій въ Италію. 18 сентября 1825 г. Юнгманъ пишетъ Марку изъ Праги: «новаго ничего, развѣ что извѣстіе отъ Кеппена (Ганкѣ) о прекрасномъ Березинѣ, который недавно, во время путешествія по Италиі, умеръ въ Сициліи, 25 лѣтъ; онъ былъ много общавшій русскій дворянинъ» («Саворіе Музеа», 1833 ., р. 55). Оба, Румянцовъ и Евгеній, сердечно любили добраго Кеппена, и больно отзывались на нихъ неудачи его. «Сейчасъ, пишетъ Евгеній канцлеру 14 ноября 1823, прочиталъ я Келлеровы замѣчанія на книгу бвднаго Кеппена «Alterthümer». Очень строго... А Кеппенъ не робѣи въ цеху антикваріевъ, въ нынѣшнемъ-же 1823 г. издалъ въ Вѣнѣ тетрадь еще и на одну египетскую древность»... «Препровождаю, отвѣчалъ Румянцовъ 20 ноября, новый упрегъ, который напечаталъ Келлеръ противъ добраго Кеппена. Первый, конечно, между нумизматиками нынѣ стоитъ, какъ родоначальникъ; но жаль, что такъ строго гнѣваться изволить на юнѣйшихъ дома своего, когда они вадоръ несутъ». «Извѣстно, упоминавалъ Евгеній 25 ноября, что мастера не любятъ славы подмастерьевъ и учениковъ. Но, можетъ быть, и ученикъ Кеппенъ отвѣтается на мастера»... (тамъ-же, 85—87).

²⁾ Приложенія, IV, № 2.

³⁾ Изъ автобіографіи Кеппена въ указ. юбил. описаніи.

году. Кеппенъ повезъ ихъ за границу, гдѣ и собирался издать. «У многаго Востокова, пишетъ митроп. Евгений Румянцову 10 сентября 1822 г., надобно чаще побуждать къ скорѣйшему изданію Русской палеографіи. Кеппенъ хочетъ упредить его и изъ Вѣны пишетъ къ петербургскому Обществу Соревнователей объ изданіи собранныхъ имъ азбукъ. Но Кеппенъ не имѣетъ столь основательныхъ свѣдѣній о семъ предметѣ»¹⁾.

Опасеніе осторожнаго іерарха было преждевременно. Кеппенъ въ Вѣнѣ отвлекся въ сторону, и только по возвращеніи обратился къ старой работѣ по палеографіи, но которую канцлеръ считалъ теперь своею. Въ январѣ 1825 г. Румянцовъ проситъ Малиновскаго спросить у Кеппена—для чего ему славянскія литтеры по матрицамъ, употреблявшимся при изданіи «Евсарха»: «для себя-ли собственно, или же для усовершенствованія того палеографическаго труда, которымъ онъ для меня занимается?»²⁾ «Мнѣ очень пріятно было читать, отвѣчаетъ Добровскій Кеппену 6 дек. 1824 г., на его извѣщеніе о разныхъ планахъ, что вы заняты изданіемъ многихъ снимковъ. Я сердечно благодаренъ вамъ за это и другія извѣстія»³⁾

Но новый вопросъ, Фрейзингенскіе отрывки, еще болѣе занялъ Кеппена. Кеппенъ носится съ мыслью быть издателемъ ихъ. «Кеппенъ предложилъ мнѣ, пишетъ Копитаръ Добровскому 21 ноября 1824 г., вмѣстѣ съ нимъ издать въ Петербургѣ мюнхенскую рукопись. Что вы скажете на это»⁴⁾? Дѣйствительно, тогда-же Добровскій получилъ отъ самого Кеппена его facsimile двухъ отрывковъ той рукописи, очевидно, съ просьбой помочь прочесть. «Снимки, отвѣчалъ Добровскій 6 декабря, довольно удачны. Но я не могъ все такъ хорошо прочесть, какъ самую рукопись, которую я самъ списалъ. Сами-ли вы снимали въ Мюнхенѣ, или Копитаръ сообщилъ вамъ свои facsimile»?... Затѣмъ Добровскій предложилъ нѣкоторыя поправки въ чтеніи Копитаромъ одного отрывка»⁵⁾.

¹⁾ Переписка Евгения, 61.

²⁾ Переписка Румянцова, № 350.

³⁾ Переписка Добровскаго, стр. 672.

⁴⁾ Тамъ-же, № 176.

⁵⁾ Тамъ-же, № 674. Кеппенъ писалъ Добровскому въ октябрѣ 1824.

Можетъ быть, эти небольшія замѣчанія Добровскаго на текстъ Фрейзингенскихъ отрывковъ были сообщены Кеппеномъ Востокову; но во всякомъ случаѣ этихъ и ограничивалось-бы участіе аббата въ изданіи Востокова всей рукописи.

Но порывъ Кеппена — стать издателемъ такого труднаго памятника, какъ Фрейзингенскія статьи, къ счастью, дальше не пошелъ: сложное изданіе, которымъ уже болѣе десяти лѣтъ непрерывно занимались испытанные слависты: Добровскій, Копитаръ, pro domo sua, и все не были у конца, перенялъ отъ Кеппена «умный» Востоковъ и свершилъ его во славу свою и Кружка. Но въ тоже время совершенно справедливо, что безъ предприимчиваго Кеппена молодая русская наука лишена бы была своей второй ранней гордости—Фрейзингенскихъ отрывковъ въ объясненіи Востокова.

Въ 1827 году вышло Собраніе иноземныхъ славянскихъ памятниковъ, подъ редакцію Кеппена (цензурное одобреніе— въ сент. 1826 г.). Это было послѣднее изданіе Румянцовскаго Кружка, и вышло уже по смерти канцлера.

Личный трудъ Кеппена былъ не великъ: онъ выразился въ «Общемъ предисловіи» (значительные отрывки изъ Остромира, съ таблицей буквъ) да двухъ небольшихъ замѣткахъ—въ концѣ. Главное-же содержаніе Собранія составила монументальная работа Востокова по объясненію Фрейзингенскихъ отрывковъ. Смерть канцлера прекратила дальнѣйшій выходъ Собранія.

Тотъ-же духъ предприимчивости Кеппена сказался сейчасъ-же по возвращеніи отъ славянъ и въ изданіи замѣчательнаго и въ настоящее время критико-литературнаго журнала: Библиографическіе Листы.

Предпріятіе, задуманное съ весьма скромными цѣлями— «сообщать полныя заглавія новыхъ книгъ, на разныхъ языкахъ въ Россіи издаваемыхъ, и предлагать краткое изложеніе ихъ содержанія», особенно книгъ историческихъ и филологическихъ (такъ въ Объявленіи съ цензурной-помѣтой 20 ноября 1824 г.), Библиографическіе Листы, съ перваго же своего номера (6 янв. 1825), явились съ характеромъ серьезнаго органа движенія русской науки, а не простаго перечня книгъ, органомъ петербургскаго отдѣленія Румянцовскаго Кружка и, главнымъ образомъ, органомъ Востокова. Это давалось понятъ и начальнымъ объявленіемъ, что въ случаѣ смерти или выѣзда изъ Петербурга Кеппена правильное изданіе журнала обезпечено участіемъ «извѣстнаго литератора»—Востокова. Если знаменитыя «Вѣсныя Лѣтописи литературы» были выраженіемъ западно-славянскаго

славяновѣдѣнія, то «Библиографическіе Листы» имѣли стать органомъ—русскаго.

Но, помимо этого, журналъ Кеппена, задуманный подъ свѣжими еще впечатлѣніями ученой экскурсіи въ западно-славянскія земли, предназначался стать ученымъ посредникомъ между Россіей и западно-славянскимъ міромъ. Въ этомъ именно смыслѣ признавался самъ Кеппенъ, характеризуя первый годъ издавія: «за то, что я преимущественно старался знакомить соотечичей моихъ съ литературою другихъ словенскихъ народовъ, надѣюсь, никто изъ благомыслящихъ не станетъ мнѣ пенять».

Онъ дѣйствительно былъ единящимъ органомъ Славянства. Въ немъ принимали большее или меньшее участіе, статьями, совѣтами: Добровскій и Ганка въ Прагѣ, Копитаръ и Вукъ Караджичъ въ Вѣнѣ, Янъ Колларъ въ Пештѣ, Шафарикъ въ Новомъ Садѣ, Бандке въ Краковѣ, Липде и Мронговіусъ въ Варшавѣ, однимъ словомъ, вся плеяда современныхъ представителей славянской науки, литературы, сношенія съ которыми были такъ счастливо открыты Кеппеномъ во время недавняго путешествія. Прибавимъ, наконецъ, что и самъ знаменитый Яковъ Гриммъ былъ въ числѣ сотрудниковъ. Такимъ образомъ, значительное число лучшихъ сотрудниковъ «Вѣнскихъ Лѣтописей литературы» участвовало и въ журналѣ Кеппена, своемъ русскомъ соперникѣ, конечно, соперничества не опасаясь.... Совокупною дѣятельностью славистовъ востока и запада онъ надѣялся «разъ на всегда» выяснитъ нѣкоторыя части славяновѣдѣнія. Къ этой дѣятельности онъ, открывая «Листы», призывалъ своихъ друзей въ Прагѣ, Варшавѣ, какъ увидимъ ниже¹⁾.

Листы издавались, съ перерывами, по августъ 1826 г. Духовный судъ подъ издателемъ-протестантомъ, по доносу извѣстнаго попечителя Магницкаго, изъ митрополитовъ Евгенія и Серафима, хотя и совершенно оправдалъ Кеппена, но слѣдствіемъ его были: перерывы въ выпускѣ журнала, а засимъ и прекращеніе замѣчательнаго Румянцовскаго изданія. Нежданная тяжелыя условія изданія, естественно, рано ослабили энергію Кеппена, и мы видимъ, что уже въ августѣ 1825 года онъ почти

¹⁾ См. Приложенія, IV, № 5.

рѣшилъ не издавать «Листовъ» въ слѣдующемъ году и бросить Петербургъ. Въ этомъ именно смыслѣ онъ писалъ своему пражскому другу-сотруднику, Ганкѣ, 5 августа: «въ будущемъ (году) едва-ли буду продолжать изданіе Библиографическихъ Листовъ; желалъ-бы опять повояжировать; не знаю еще, удастся-ли мнѣ когда-либо объѣхать Карпаты и побывать въ Кроаціи, а признаюсь, что давно уже сего желаю»¹⁾.

Самымъ сочувственнымъ словомъ привѣтствовалъ журналъ Кеппена старшій Добровскій: «ваши Листы, писалъ онъ 14 января 1826 г. къ издателю, полны для меня интереса и поучаютъ о многомъ, что было для насъ здѣсь совсѣмъ неизвѣстно»²⁾.

Это не былъ простой комплиментъ. О трудахъ Востокова въ Листахъ мы говорили раньше. Не касаясь массы разнообразныхъ цѣнныхъ свѣдѣній по старой и новой литературѣ, русской и славянской, статей оригинальныхъ, а не переводныхъ, какъ у Каченовскаго, исторій, статистикъ, умѣнья издателя привлечь къ своему журналу участіе образованныхъ людей изъ самыхъ захолустьевъ Россіи³⁾, отмѣтимъ здѣсь съ глубокою признательностью отчетливый и обстоятельный планъ ученаго путешествія въ славянскія земли, исполненный одновременно нашими славистами, много позже—его «Записку о путешествіи по словенскимъ землямъ» (№ 33), составленную по просьбѣ «одной весьма почтенной особы», не сомнѣваемся—самого канцлера, какъ это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, я

¹⁾ Приложенія, IV, № 7.

²⁾ Письма Добровскаго, стр. 675.

³⁾ Въ «Спискѣ первопечатныхъ словенскихъ книгъ» (Библиогр. Листы 1825, № 16, ценз. помѣта 31 мая 1825 г.), Кеппенъ, описывая Триодъ, что напечатана въ Скадрѣ въ 1463 году, въ примѣчаніи говоритъ: «мы имѣемъ одинъ только, полученный отъ г. ректора Кишиневской семинаріи, архимандрита Ириная (Нестеровича), листъ сей книгъ еще вполнѣ неописанной книги, на коемъ напечатано послѣсловіе». Благодаря за эту любезность просвѣщеннаго ректора, Кеппенъ въ № 28 дѣлаетъ любезное оповѣщеніе о его русско-молдавской грамматикѣ, изданной имъ въ Кишиневѣ еще въ 1819 году. Иринаей—это будущій архіепископъ иркутскій, извѣстный своими испытаніями при жизни, а по смерти—отъ нѣкоторой части нашей журналистики. Кажется, къ тому-же Иринаю въ Кишиневѣ обращался въ 1823 году и самъ Евгеній, прося отвѣта на нѣкоторые вопросы изъ исторіи молдавской церкви, «съ увѣреніемъ, что вы имѣете уже обстоятельныя свѣдѣнія о молдовлахійской церкви» и пр. (Сборникъ статей по 2 отд. Ав. н., 1, стр. 62).

заботы Кеппена объ изученіи у насъ литовскаго языка, который даже для Карамзина былъ загадкой, заботы—въ которыхъ свѣтился неутомимый пытливый духъ того-же историческаго старца—Румянцова»¹⁾). Печатаемые нами въ «Приложеніяхъ» письма Кеппена къ Ганкѣ, 1825 и 1826 годовъ, ясно свидѣтельствуютъ о горячей заботѣ издателя—въ научныхъ интересахъ русскихъ людей дать мѣсто и возрождавшемуся благородному чешскому народу. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ не стыдился учиться у своихъ чешскихъ сотрудниковъ и быть для нихъ готовымъ на всякія услуги: быть посредникомъ, комиссіонеромъ, экспедиторомъ книгъ.

Смерть искренняго благодѣтеля—Румянцова, тяжелыя искушенія по распространенію научныхъ свѣдѣній о Славянствѣ, поведшему горячаго славяниста изъ вѣмцевъ къ митрополичьему суду, при склонности Кеппена съ-изъ-старп къ разнообразію занятій, мало по малу обратили издателя «Листовъ», этого завиднаго перваго

¹⁾ Въ 1824 г. изв. проф. Лобойко изъ Вильны пишетъ канцлеру: «я совѣтовалъ студ. Незабитовскому и Станевичу заняться собраніемъ литовскихъ пѣсенъ и новыхъ жмудскихъ стихотвореній, кои-бы можно напечатать съ дословнымъ польскимъ или російскимъ переводомъ». Въ другомъ письмѣ: «Прошедшимъ лѣтомъ въ Петербургѣ имѣя удовольствіе видѣть печатные листы Финскаго Словаря, издаваемаго бессмертнымъ покровительствомъ в. с—ва, я имѣя увѣдомился, что I часть уже отпечатана. Г. Шегренъ, когда-то разсматривая вмѣстѣ со мною литовскій словарь Ругига, находилъ довольно много словъ, сходныхъ съ финскими; почему Лобойко предлагаетъ Румянцову поручить въ Литвѣ составить литовскій словарь—сравнительно съ финскимъ (Чтенія Моск. Общ. 1862, II, стр. 41 прим., 42, прим.). Но для насъ были важны первые вопросы: чтѣ такое Литва, откуда языкъ ея? Посильный отвѣтъ на нихъ далъ (не сомнѣваемся, подъ указаніемъ канцлера) позже Кеппенъ въ продолженіи «Вибл. Листовъ»—третьемъ № своихъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи (Сиб. 1827), въ обширномъ (конечно, несамостоятельномъ) трудѣ: «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ». Основная мысль—литовскій языкъ происходитъ отъ Словенскаго, «литовцы одно изъ племенъ словенскихъ, славшееся съ готами». «Желательно было-бы, говоритъ Кеппенъ, хотя прихвально опредѣлить, сколь велико имѣя число всѣхъ вообще литовцевъ; но дѣло сіе довольно трудно» (стр. 159). По его счету: въ Ливоніи 251.000, Курляндіи 332.000, Пруссіи 200.000, Виленской и смежныхъ губерніяхъ 1.200.000, итого, до 2 милліоновъ (стр. 160, счетъ 1819—1820 годовъ).—Упомянутый проф. Лобойкою студ. Станевичъ, Симеонъ, издавъ въ 1829 г. небольшое собраніе литовскихъ пѣсенъ «Dajnas žemėjėzių», т. е. Жмудскія пѣсни, и извѣстенъ, какъ талантливый литовскій поэтъ.

путешественника по невѣдомымъ землямъ славянъ Австріи, счастливаго установителя ранней научной взаимности между нами и ими, отъ интересовъ идеальнаго порядка къ міру реальному, свели къ учено-практической дѣятельности, и соиздатель Фрейзингенскихъ отрывковъ, авторъ замѣчательной Записки о научномъ изученіи Славянства, оставилъ совсѣмъ Петербургъ и сталъ, *beatus procul negotiis*, работать теперь надъ виномъ, сарачинскимъ пшеномъ на далекомъ югѣ, у насъ, въ Крыму, чтобы затѣмъ остановиться совсѣмъ на статистикѣ и географіи.

Въ августѣ 1826 г. Кеппенъ прекратилъ изданіе, а въ октябрѣ уже писалъ Ганкѣ, что, вѣроятно, оставитъ Петербургъ, но не затѣмъ, чтобы продолжать свое славянское ученіе—въ Карпатахъ, въ Венгріи, какъ мечталъ годъ тому назадъ, а чтобы—«отказаться отчасти отъ науки», признается онъ. «Но, успокаиваетъ онъ Ганку, совсѣмъ отрѣшиться отъ старыхъ друзей—вещь невозможная»¹⁾. Дѣйствительно, въ ноябрѣ Кеппенъ уже собирается на югъ. «Возможно, пишетъ онъ Ганкѣ 18 ноября, что по дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ я отправлюсь въ Таврію, расположусь въ Симферополѣ или на самомъ берегу, и оттуда буду разъѣзжать до границъ Персіи, и до предѣловъ Польши и до Харькова. Тамъ, вѣроятно, я буду имѣть больше времени заниматься своею славянскою корреспонденціей и буду въ состояніи предложить больше и, можетъ быть, лучшее»²⁾. Свое-же славянское посредничество онъ перенесъ въ «Московскій Телеграфъ» Погодина, начавшій выходить съ 1827 года: сюда онъ взялся поставлять «slavica».

Но этого «лучшаго» напрасно Кеппенъ ожидалъ. Свое лучшее онъ оставилъ за собой позади...

«Богатыя мечты моей юности о пользѣ, которую я могу принести Россіи, далеко не осуществились, съ грустью вспоминалъ старикъ въ свой пятидесятилѣтній юбилей. Время и

¹⁾ Приложенія, IV, № 13.

²⁾ Приложенія, IV, № 15. Почти дословно онъ повторяетъ свои предположенія и въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 6 апрѣля 1827, уже предъ оставленіемъ столицы: «въ первыхъ числахъ мая переселяюсь въ Таврію, гдѣ отнынѣ буду имѣть главную свою квартиру, объѣзжая всю южную Россію отъ Персидской границы до предѣловъ царства Польскаго и Турціи Европейской» (тамъ-же, № 17).

обстоятельства и извели меня изъ міра идеальнаго въ міръ вещественный; они показали мнѣ всю разность между надеждами и исполненіемъ».

Но невѣрности предмету первой любви не простилъ Кеппену его второй покровитель и другъ, доживавшій свой долгій вѣкъ старѣйшій дѣятель Румянцовскаго Кружка, и все тотъ-же старый идеалистъ—Евгеній. Когда въ 1834 году посѣтилъ знаменитаго митрополита молодой Мурзакевичъ изъ Одессы, слѣд., незадолго до его смерти, Евгеній горько сътовалъ на Кеппена, что тотъ сталъ писать о виноградѣ, вмѣсто того, чтобы продолжать начатыя Словенскіе памятники¹⁾).

Въ послѣдній разъ сильною искрою, гаснущаго огня вспыхнулъ славянскій энтузіазмъ испытаннаго друга славянъ, когда, по волѣ высшей власти, Кеппенъ, уже между заботъ о виноградѣ и пшенѣ, открылъ, выражаясь словами ѣдкаго Копитара, вербовку западно-славянскихъ ученыхъ для Россіи—о чемъ мы поговоримъ въ свое время.

Остается посвятить нѣсколько сочувственныхъ словъ бѣло-русскому священнику, о. Іоанну Григоровичу, въ Гомель.

Роль Григоровича въ Кружкѣ—спеціальное изученіе церковныхъ источниковъ для исторіи западной Россіи. Раньше мы говорили о его «Бѣлорусскомъ Архивѣ» Но не специалистъ въ славянской филологіи, онъ, по требованію Румянцова, учится ей изъ трудовъ Востокова, и случайно перепавшія на его долю филологическія работы исполняются столь отчетливо, что не даютъ мѣста для поправки самому учителю.

Канцлеръ предложилъ Григоровичу описать и опредѣлить вѣкъ новопріобрѣтенной харатейной Лѣствицы, и самая крохотная палеографическая особенность не уходитъ отъ вниманія Григоровича: заботливо ведется сравненіе съ рукописями опредѣленнаго времени, и авторъ, имѣя въ виду «Разсужденіе» Востокова, провѣряетъ, дополняетъ и даже поправляетъ его.

По полученіи этого палеографическаго опыта юнѣйшаго сочлена своего Кружка, Румянцовъ въ восторгѣ. «Всѣ ваши замѣчанія, отвѣчаетъ онъ ему, свидѣтельствуютъ отличное позна-

¹⁾ «Воспоминанія Мурзакевича, въ Рус. Старинахъ, 1887, мартъ, 661.

ніе ваше, и о томъ, читая у меня письмо вашего в—бія, А. И. Ермолаевъ и г. Востоковъ судили также¹⁾).

Внѣ спора, не всягѣ выдержалъ-бы съ такимъ успѣхомъ первое испытаніе. Григоровичъ подтвердилъ лишній разъ, что по плодамъ познается древо—Востоковъ.

. 19 .

1826 годъ унесъ въ могилу Румянцова.

Давно канцлеръ сказалъ о себѣ: «я старъ, внѣ ничего въ долгій ящикъ откладывать нельзя», торопился потому всѣхъ, былъ неуговоренъ, какъ и другъ его, митрополитъ,—и тѣмъ не менѣе ошибся: многое изъ начатаго отошло въ долгій ящикъ. Цѣлая серія работъ, которыя блистательно имѣли увѣичать величественное зданіе дѣятельности Кружка, начатое «мрачнымъ» Вантышемъ-Каменскимъ, остановилась за смертью старика. Не стало болѣе двигавшей силы, силы объединявшей. Послѣдующій годъ унесъ, пона во временную—еврейскую—могилу и его избранника, Балайдовича. Скромный Востоковъ не славянскую палеографію «сочинялъ», а очутился въ тяжеломъ положеніи, матеріальномъ и нравственномъ. Предпринчивыи Кеппенъ измѣнилъ завѣту юныхъ дней и Славянство промѣнялъ на сарачинское пшено и виноградъ, только на ходу, временами, вспоминая про недавнюю старину.

Но — одинъ остался соратникъ, котораго измѣнившіяся отношенія не коснулись, не дотронулись до его жизненной колеи.

¹⁾ Чтенія Моск. Общ., 1864. II, 71—73 описаніе Дзваницы, 74—письмо (іюнь 1822 г.). Первый трудъ о Григоровича вышелъ безъ имени, въ 1821 г.: Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. Посылая его Малиновскому, канцлеръ пишетъ (9 іюня 1821 г.): «сіе твореніе есть плодъ моего желанія и писано подъ моимъ руководствомъ; молодой и скромный сочинитель сама духовнаго, воспитывался на моемъ иждивеніи въ Св. Александро-Невской Дух. Академіи, при первомъ появленіи на сцену словесности нашей не дерзнулъ себя назвать» (Переписка Румянцова, № 198).—Самъ канцлеръ авторъ темы работы о Григоровича: напечатана рукопись новгородскаго посадника Остромира надела старика на нее. Григоровичъ для Румянцова дѣлалъ извлеченія изъ византийцевъ, переводилъ латинскую, польскую переписку его и пр.

Это былъ—наститый митрополитъ, величественный дубъ, уцѣлѣвшій отъ непогоды, послѣ разнесенія присныхъ.

Законный наследникъ традицій своего знаменитаго друга, Евгений не переставалъ слѣдить за дѣятельностью оставшихся членовъ угасшаго Кружка, то радуясь, то скорбя, остался по старому вѣренъ старой избранницѣ своего сердца—наукѣ. Науку онъ освѣтилъ въ Кіевѣ, здѣсь какъ-бы воскрешалъ былой Кружокъ (вспомнимъ дѣятельность Иннокентія Борисова—общаго друга славистовъ перваго призыва, Ореста Новицкаго) и здѣсь среди науки тихо отошелъ въ вѣчность, уже много лѣтъ спустя.

Кружокъ былъ рано разнесенъ: но и въ немного лѣтъ своей дѣятельности онъ «ознаменовался» на-всегда, выражаясь языкомъ Румянцова: сторацею возмѣстились старикау черные дни клеветы, политическихъ неудачъ, когда онъ отошелъ къ наукѣ, когда, послушные зову его, сошлись вокругъ него, подъ знамя «распространенія общепользныхъ свѣдѣній» «пользы общей», по изученію блага родной земли: Бантышъ-Каменскій, Евгений, Каченовскій, Калайдовичъ, Кеппенъ, Востоковъ.

Скромная, но непрерывная дѣятельность скромнаго кружка людей науки, столь не похожая на шумныя, но безпорядочныя затѣи Академіи Шишкова, въ небольшой, но памятный, періодъ времени, 1811—1826 г., въ начальныя, учебныя, годы русской науки славяновѣдѣнія, внесла въ общую сокровищницу знанія не одну лепту, не одного канцлера «одожила» она. Новыми для исторіи открытіями наука обязана единственно Кружку, говоря словами Малиновскаго.

Кружокъ канцлера Румянцова

открылъ изъ многовѣковаго забвенія памятники «едва имовѣрной» литературы славянской, X-го вѣка, труды дѣятелей меодіанской эпохи, равно какъ и русскіе памятники древнѣйшаго періода, когда «въ нашихъ рукахъ богатое поле открываться стало»;

далъ на мѣсто библіографіи первые опыты историко-литературной разработки славянскихъ памятниковъ, создавая исторію славянской литературы;

указалъ приемы историческаго изученія языка, въ частности старо-славянскаго—«настоящей славянской филологіи»;

далъ образцы палеографическаго описанія и критическаго изданія памятниковъ, полагая основанія славянской палеографіи.

Только съ грустью можно вспомнить, что общему учителю Кружка обстоятельства не дозволили привести къ концу изданіе знаменитаго Изборника, первые шаги къ которому отличены были такою глубиной¹⁾, что цензурныя соображенія остановили изданіе другихъ памятниковъ-сверстниковъ.

Спеціально же для насъ, Кружокъ, открывая старину Славянства, вскрывалъ немного и Славянство днешняго дня: къ славянской дѣятельности 10-хъ годовъ Каченовскаго въ 20-хъ присоединился Кеппенъ. О политическомъ, національно-историческомъ значеніи дѣятельности Кружка мы здѣсь уже не говоримъ.

Итакъ, повторимъ еще разъ раньше сказанное (стр. 69), историкъ русской науки съ оправедливою гордостью свидѣтельствуется дѣятельностью памятнаго Кружка; съ отраднымъ чув-

¹⁾ Мы разумемъ розыски со стороны Востокова греческихъ источниковъ къ славянскимъ статьямъ Изборника. Объ нихъ см. Переписку Румянцева, Ж№ 370, 373, 379, 381; Переписку Востокова, Ж№ 115, 116, 118, особенно 123, все объ Анастасьевыхъ отвѣтахъ. Весьма недостаточенъ судъ о дѣятельности знаменитаго Кружка, его людяхъ, нашего заслуженнаго слависта, О. М. Водянскаго, въ его поминкахъ по Погодину. «Дѣло славянское, говорить Водянской, давно уже обращало на себя наше вниманіе: Шишковъ, Востоковъ, Кеппенъ въ первой четверти нашего столѣтія, больше или меньше, говорили о нихъ и за нихъ, особливо два послѣдніе; но одинъ изъ нихъ скорѣе ограничился изученіемъ основнаго варягизма всѣхъ слав. нарѣчій, и успѣлъ въ томъ превосходно, можно сказать, образцово; другой прѣхался даже по нѣкоторымъ князямъ соплеменниковъ, кое съ нѣмъ изъ тогдашней ученой братии ихъ познакомился; но тоже, по возвращеніи во свои, предѣлся нной дѣятельности, хотя тѣмже неболезненной въ извѣстномъ отношеніи для русской науки». И только! Въ этомъ немногомъ и вся заслуга Востокова и Кеппена для славянской науки!.. «Но всѣхъ ихъ, продолжаетъ Водянской, превозмощалъ въ расположеніи и любви своей къ нашимъ братьямъ М. П. Погодинъ, который...». (Въ память М. П. Погодина въ Читаніяхъ Моск. Общ., 1877, III, 4). Сравненіе сдѣлано невѣрное, а потому и выводъ невѣрный. Погодина можно сравнивать только съ Шишковымъ, по непосредственному чувству пріязни ко всему славянскому.—Варяге, и ясно, опредѣлилъ Погодина Снегиревъ. Сообщая изв. Анастасевичу о новостяхъ въ Москвѣ, онъ пишетъ ему 3 мая 1830 г.: «Недавно съѣхался въ Москву три историческія путешественника: Строевъ, Венелинъ и Кухарскій. Знаменитый Строевъ, который великодушно самъ себя хвалитъ браня другихъ, ѣдетъ въ Новгород. губарнію. А Погодинъ дѣйствуетъ по погодѣ: спрашиваетъ, вослѣдуетъ, недоумываетъ... чужими руками жаръ загребаетъ... (Др. и Нов. Россіи, 1880, 18, 562).

отвомъ успокоенія указываетъ онъ на эту полоску свѣта въ темномъ мракѣ ночи, на эту умиляющую солидарность стремлений заслуженнаго канцлера Имперіи, перваго председателя Церкви и сиротнаго чиновника бібліотеки, дружественно объединенныхъ однимъ чувствомъ — благоговѣйною любовью къ наукѣ, одною заботою—объ умственномъ благѣ Русской Земли...

Но, при всѣхъ заслугахъ для науки дѣятелей Румянцовскаго Круга, въ дѣятельности ихъ, въ ихъ работахъ, былъ и недочетъ, откровенно признававшійся, прежде всего, ими самими.

Интересы Круга вращались около вопросовъ своей земли, рѣдко-рѣдко выходя за рубежъ (Востоковъ); труды ихъ были предоставляемы почти исключительно своимъ источникамъ, своимъ пособіямъ. Правда, въ сферѣ своей специальности дѣятели Круга были «изящными мастерами»; но эта матеріальная ограниченность работъ, ограниченность «славянизма», какъ говорили тогда, тяготила ихъ. Мы слышали почти отчаяніе Евгенія при чтеніи славянскихъ трудовъ польскихъ современныхъ писателей, разсматривавшихъ вопросы съ широкой, общеславянской, точки зрѣнія. А мы—были бѣдны знакомствомъ съ славянскимъ міромъ, и въ его настоящемъ состояніи — знакомствомъ этнографическимъ, и въ его прошломъ — историческимъ, бѣдны и наукой Запада.

«Ради Бога, откровенно признается какъ-то Кеппенъ Ганкѣ, не приписывайте намъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Самые известные для васъ предметы, безъ объясненій, для насъ могутъ оставаться загадками»... Кеппенъ очень признателенъ Ганкѣ за простой переводъ заглавій чешскихъ книгъ: они для него «не совсѣмъ понятны»¹⁾).

Тотъ-же недочетъ очевиденъ и въ историко-теоретическомъ знаніи.

Добровскій уже въ началѣ нашего столѣтія училъ о серьезномъ для славянской филологіи значенія литовскаго языка; а для насъ Литва и въ 20-хъ годахъ были какою-то дребню. Копитаръ уже румынскій языкъ вовлекалъ въ грамматику старо-славянскаго языка, толковалъ даже объ албанскомъ языкѣ, не

¹⁾ Приложенія, IV, № 10.

говоря уже объ области нѣмецкаго языка; и для насъ -- всѣ эти области вѣдѣнія лежали слишкомъ далеко, и если раздался серьезный голосъ о своевременности изученія славянскаго языка въ связи съ родственными, то онъ вышелъ, долженъ былъ выйти, не изъ Кружка, слабого теоретическимъ знаніемъ, а отъ человѣка западнаго¹⁾. Мы слышали насмѣшку даже Евгенія надъ «испанскими замками» — Сравнительнымъ языкознаніемъ.

Стоить пробѣжать «Вѣвскія Лѣтописи литературы», этотъ замѣчательный органъ западныхъ славистовъ, чтобы видѣть, чѣмъ именно превосходили они насъ. Вспомнимъ и Письма Добровскаго.

Десятки лѣтъ Добровскій дебатируетъ съ своимъ талантливымъ ученикомъ въ Вѣнѣ о національности языка нашей славянской церкви; въ прѣвія вводится самая тонкая аргументація — соображенія лингвистическія, историческія; не забыто и слово рѣсьнота; побѣда, только подъ конецъ, видимо склонялась на сторону мнѣнія представителя младшаго поколѣнія западной науки, такъ что Добровскій чувствовалъ себя не ловко: а для насъ этотъ великій языкъ былъ только церковно-славянскимъ; на мѣсто-же вопроса о его національности слышались теоріи Шишкова о слогахъ, звучавшія еще долго послѣ Кружка. Каченовскій могъ только распространять идеи Добровскаго, быть эхомъ, но неполнымъ, идей Запада, при всей своей совѣстливости. Крѣпкіе своей методическою подготовкою, западные слависты, далѣе, поднимаютъ вопросы о докирилловской письменности, о реституціи кирилловскаго текста славянской библіи, объ отношеніи обѣихъ славянскихъ азбукъ, о составленіи церковно-славянскаго словаря изъ его памятниковъ, мечтаютъ уже объ Аеоиѣ — вопросы, которые двинуты были у насъ только поколѣніемъ послѣдующихъ славистовъ. Одинъ только Востоковъ по нѣкоторымъ вопросамъ (историческое изученіе памятниковъ, приемы для словаря) стоялъ на уровнѣ съ наукой западныхъ славистовъ, кое въ чемъ и превосходилъ. На почвѣ-то науки Запада и выросло высокоуміе Кошчара, его учительскій всегда тонъ; но все это для него было

¹⁾ Въ 1826 году вышло въ Петербургѣ разсужденіе акадѣмика Гресса, классика: «Commentatio qua lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis re grammatica comparatur».

тѣмъ болѣе не у мѣста, что тоже русское положеніе было и у западныхъ славистовъ, только въ обратномъ отношеніи— при каждомъ приближеніи ихъ къ области вопросовъ русскаго славизма, и при этомъ съ тою особенностью, не въ ихъ пользу, что если Востоковъ могъ оказаться «спящимъ мастеромъ» и въ сферѣ хорутанскаго языка, то никогда въ его положеніи не могъ бы найтись Копитаръ, войдя въ область русскаго языка, даже самого языка св. Кирилла, языка родной ему епархіи Мееодія, какъ показало его позднѣйшее изданіе: «Hagolita Clozianus».

Эта недостаточность знанія Славянства, вмѣстѣ съ общей наукой Запада, была простымъ слѣдствіемъ недостаточности средствъ для пріобрѣтенія знанія, трудности самаго пріобрѣтенія; невольная спеціализація или замѣнотность области задачъ Кружка, націонализація его дѣятельности, была необходимымъ результатомъ замѣнотности жизни, историческихъ условій той эпохи. Условія эти поборошь — до известной степени — предстояло новому поколѣнію, послѣ 1825 года, когда славянскія темы, научныя и политическія, стали у насъ довольно популярными и нашли для себя даже въ обществѣ горячихъ адептовъ, съ одной стороны, въ журналистѣ Полевомъ, съ другой, въ нарождающихся, еще очень юныхъ, славянофилахъ, когда само высшее правительство рѣшило было пойти на смѣлый шагъ — чтобы только вывести насъ изъ узкихъ границъ традиціоннаго «славянизма», какъ увидимъ ниже. Кружокъ-же дѣлалъ, что дѣлалъ: довѣла бо днєви злоба его.

ГЛАВА III.

Национализация жизни.

. 1 .

Замкнутость жизни, отношеній, слабость общенія, какъ народовъ между собою, такъ и отдѣльныхъ лицъ, были общимъ явленіемъ того времени. Правда, эпоха каравановъ отошла въ исторію, и караванъ смѣнился болѣе совершенными средствами общенія людей: но человѣкъ еще не всегда былъ воленъ высвободиться изъ-подъ нормирующей его духовные интересы власти «прихода».

Если переѣздъ въ недалекій городъ составлялъ вопросъ, предметъ тревогъ и опасеній (наши старики любятъ объ этомъ съ сластью вспомнить); то переѣздъ за рубежъ, слѣдовательно, каждый разъ *per impenza spatia* — уже цѣлое грандіозное событіе жизни, перепавшее на долю немногихъ избранныкамъ судьбы.

Добровскій изъ Праги издаетъ въ Вѣнѣ излюбленную работу своего сердца, свои любезныя «Институціи»: въ его Прагѣ нѣтъ необходимаго шрифта. Но его другу Кошитару пришлось отпрать много и много соблазнительныхъ приглашеній, прежде чѣмъ тотъ заглянулъ въ Вѣну. Но во второй разъ и пріѣздъ Кеппена въ Вѣну, съ массою русскихъ книгъ, славянскихъ палеографическихъ снимковъ, и увлекательная картина общеславянскихъ вечернихъ лекцій, съ Кеппеномъ, Вукомъ, Михановичемъ, т. е., въ обществѣ представителей почти всѣхъ

колѣнъ славянскихъ, уже безвольны были двинуть старина, какъ ни страстно стремился самъ онъ туда. Гласъ Копитара тщетно вопіялъ. «Отъ г. Примиссера я узнаю, что въ Прагѣ очень забочены Добровскимъ; а мы ждемъ его сюда въ Вѣну, куда онъ, какъ писалъ Копитару, желалъ-бы прибыть и пѣшкомъ. Дай Богъ, чтобы не приключилось чего-нибудь неприятнаго ему на пути!» Этими тревожными строками, по поводу ожидавшагося такъ долго перевѣзда Добровскаго изъ Праги въ Вѣну, открывается «славянская» переписка Кеппена съ Ганкою, въ письмѣ отъ 29 августа 1823 г.¹⁾ Тревожный перевѣздъ не состоялся.

Съ какииъ восторгомъ вспоминалъ всегда Добровскій свое путешествіе въ Россію когда-то, въ концѣ царствованія имп. Екатерины!.. Всегда съ гордостью памятовалъ онъ о своихъ бесѣдахъ относительно рукописей славянскихъ съ самимъ митрополитомъ Платономъ въ Лаврѣ, Визаніи. «Мирно покоится въ Визаніи достойный мужъ, котораго я лично посѣтилъ въ Лаврѣ, и котораго дружественный пріемъ и сегодня я припоминаю съ удовольствіемъ». Благоговѣйными словами этими, посвященными памяти нашего Платона, Добровскій заключалъ свою рецензію «Словаря» Евгенія, самъ уже собирався туда. Съ тѣмъ же чувствомъ говоритъ онъ о своихъ занятіяхъ въ Москвѣ, въ Синодальной библіотекѣ, о своихъ прогулкахъ по рынкамъ Москвы, гдѣ онъ приторговывалъ старыя книги. Съ какииъ импонированіемъ вскрывалъ онъ предъ изумленнымъ Копитаромъ странички изъ своей подорожной книги, выписки изъ никому неизвѣстнаго тогда Крижанича!.. Все это понятно; все это было въ порядкѣ вещей...

Добровскій былъ въ самой Москвѣ, но—только благодаря случаю, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ семьѣ гр. Ностицовъ.

Но и собесѣдникъ Добровскаго, Копитаръ, дождался, наконецъ, случая, чтобы импонировать—поучать: въ 1814 году онъ побывалъ въ Парижѣ, изучилъ тамъ *Abecedarium bulgaricum* (XII в.) и воротившись сейчасъ же принялъ высокой тонъ. Онъ самъ теперь иной—въ Парижѣ былъ.

¹⁾ Приложеніа, IV, № 1.

Трудны и рѣдки бывали переѣзды; не легко было слѣдить и за наукой, литературой. Естественно, не легко былъ и самый обменъ мыслей.

Добровскій съ трудомъ достаетъ книгу, что вышла въ своемъ же приходѣ, въ своей Австріи, гдѣ-нибудь въ Венгріи, Краинѣ, Далмаціи, и если получаетъ, то благодаря, или комиссіонерскимъ хлопотамъ друга Копитара въ Вѣнѣ, или экспедиціонной любезности какого-нибудь чешскаго «кавалера», странствующаго патріота-музыканта и пр. Опять случай.

Хотя Копитаръ и любилъ толковать, что Вѣна — славянскія Аены, гдѣ будетъ и Славянская Академія, и центръ ученія языка св. Кирилла; но самъ же признается, что архимандритъ Мушицкій въ Карловцахъ, въ южной Венгріи, его сербскій корреспондентъ, тщетно въ теченіе 5 лѣтъ домогался получить изъ Вѣны польскую грамматику. Только благодаря посредничеству знаменитаго Гумбольдта, прусскаго посла на Вѣнскомъ конгрессѣ, Копитаръ могъ получить изъ недалекаго Мюнхена манускриптъ родныхъ ему Фрейзингенскихъ отрывковъ, чтобы ихъ, по крайней мѣрѣ, «oculis usurpare», радуется онъ — въ сласть наглядѣться¹⁾.

Также тяжело собирались и другія данныя, и, всегда недостаточныя. Известно, что въ знаменитой Славянской этнографіи Шафарика, уже 1842 года, болгаръ показано всего 600 тысячъ!...

Если австрійцу трудно было достать австрійскую книгу, то понятно, что книга изъ Россіи была сокровищемъ, въ букввальномъ смыслѣ слова. Какъ драгоценность, Добровскій бережетъ свои славянскіе буквари, вывезенные имъ когда-то изъ Москвы: «я, пишетъ онъ Копитару, не даю охотно ничего изъ пріобрѣтенныхъ мною въ Россіи книгъ славянскихъ, потому что онѣ мнѣ напоминаютъ Россію; я скупилъ всѣ буквари; но уже многихъ изъ нихъ нѣтъ». Русская книга — предметъ возжелѣній для Добровскаго. Горько сѣтуетъ онъ на провинціальную наивность Харьковскаго университета въ 1812 году: «меня, пишетъ онъ Копитару, сдѣлали членомъ университета и заказали за то у меня чешскіе гранаты для харьковскихъ красавиць. Они лучше бы прислали мнѣ русскія книги, чѣмъ отягчать подоб-

¹⁾ Ср. Письма Добровскаго, № 53, 57, 49 и др.

ными порученіями»¹⁾. Когда, благодаря проповѣди великаго аббата, молодые энтузіасты-патріоты, т. е. его ученики: клерикъ, литераторы, студенты, съ увлеченіемъ занялись русскимъ языкомъ, съ убѣжденіемъ исповѣдуя въ немъ свое политическое спасеніе, одинъ Добровскій, съ запасомъ вывезенныхъ изъ Россіи букварей, могъ быть ихъ русскимъ комиссіонеромъ. Во главѣ этихъ политическихъ подростковъ-«русомановъ» (какъ именовали ихъ тогда противники) стоялъ уже пожилой Юнгманъ: но русскій букварь, и то писанный, онъ могъ достать только отъ полковаго священника квартировавшаго въ его городѣ, въ 1813 году, пензенскаго ополченія. Тотъ же священникъ уходя оставилъ ему для упражненія въ русскомъ языкѣ и «драгоцѣнный», по признанію Юнгманна листокъ писаннаго русскаго текста—довольно банальную военную пѣсенку:

«Безъ любви и безъ вина

Наша жизньъ скучна» . . .

Но и при этихъ микроскопическихъ средствахъ старшій ученикъ успѣлъ въ русской грамотѣ настолько, что съ того же года, въ перепискѣ съ друзьями-единомышленниками, употреблялъ наше русское письмо, какъ криптографію, для спасенія своихъ мыслей отъ чернаго кабинета, когда ему, напри- мѣръ, приходилось выражать свою радость, что «наши русскіе храбро сражались», не по образцу австрійскому²⁾.

Въ своей преданности русскому языку, Россіи, бѣдные ученики Добровскаго послѣдній свой иппенскій грошъ вкладутъ на русскую книгу, платятъ въ три дорога какому-нибудь нѣмецкому посреднику изъ Лейпцига, особенно за словарь, чтобы только выбиться изъ удушающей атмосферы своего прихода, выйти на свѣжій воздухъ. Они образовывали артели для выписки; книги циркулировали по пайщикамъ и возвращались нерѣдко въ локмотьяхъ, въ ихъ ужасу. Если же русская книга выдавалась изъ города, то самый надежный путь для того—еврей-факторъ. «Я объщаю, пишетъ Челаковскій другу Камариту, на будущее время посылать и русскія и польскія книги—чужія: у насъ съ тобой теперь болѣе удобный путь для пересылки—еврей. Но смотри, чтобы никогда ничего не затерялось»³⁾. Такъ было въ

¹⁾ Тамъ же, № 25, 41.

²⁾ «Письма Юнгманна къ Марку» въ «*Sammlung Musea*», 1862, р. 39 и др.

³⁾ Čelakovský, Sebrané listy, р. 174.

10-хъ годахъ, такъ было и позже — въ 30-хъ. Купецъ-ли съ чешскими гранатами ѣдетъ въ Петербургъ, родственникъ-ли, чешскій «кавалеръ» изъ феодаловъ, непремѣнное порученіе — русская книга, полученію которой предшествуетъ цѣлый періодъ душевныхъ тревогъ, сомнѣній — не позабудутъ-ли; опасеній — пройдетъ-ли благополучно чрезъ *impena vratia* разныхъ государствъ, чрезъ подозрительную почту, чрезъ черный кабинетъ — до своего «прихода»?...

Любопытно въ этомъ отношеніи признаніе на старости лѣтъ ученика русскаго полковаго священника.

Одинъ юркій петербургскій книгопродавецъ прислалъ въ 1838 году въ Прагу цѣлый транспортъ русскихъ книгъ, и цѣнныхъ, и ничего не стоящихъ, но по дорогой цѣнѣ (онъ предупредилъ Погодина, который тогда же прислалъ московскій транспортъ). Не смотря на высокія цѣны, книги не только были раскуплены, но старикъ Юнгманнъ, главный покупщикъ, въ восторгѣ и, полный сердечной горечью, припоминаетъ тутъ старыя времена, обездоленные годы своей юности. Тяжелый вопль вырывается изъ-подъ его пера въ письмѣ къ также состарѣвшемуся Марку: «о, какъ я сожалею, что я уже старъ для настоящаго времени, когда инославнскія книги и среди насъ, чеховъ, начинаютъ чувствовать себя, какъ дома. Отъ чего же этого не было сорокъ лѣтъ назадъ?.. Но, какъ бы то ни было, радъ и тому, что, по крайней мѣрѣ, другіе могутъ воспользоваться плодомъ, котораго я такъ давно и тщетно домогался»¹⁾.

Вполнѣ понятно, какъ всѣ эти безкорыстные друзья нашего языка: Юнгманнъ, Марекъ, Ганна, были рады, когда въ 1820 году извѣстный Вукъ Караджичъ, по благополучномъ возвращеніи изъ Россіи, открылъ въ Вѣнѣ распродажу по дешевымъ цѣнамъ навезенныхъ русскихъ книгъ, собираясь къ себѣ въ Сербію²⁾.

¹⁾ Отъ 4 марта 1838 г. «*Slovnik-Musea*», 1884, р. 288. Ср. о полученіи русскихъ книгъ, тамъ-же р. 60, 61, 67, 69, 273, 287. — Но вышшіе эпиграмы Добровскаго-Юнгманна не печатаютъ въ своемъ учебномъ журналѣ правильно простаго русскаго слова — тамъ-же, 1883, р. 496. — 13 іюля 1832 г. Погодинъ писалъ Шевыреву, проси бытъ въ Прагѣ, познакомиться съ Ганкомъ, Челаковскимъ: «я послабъ къ нимъ много книгъ чрезъ одного Шауенна» (Рус. Арх., 1882, 3, 198). «Я наберу ему возъ русскихъ книгъ въ Прагу», хвалился онъ 10 іюля (т.-же, 152).

²⁾ «*Slovnik-Musea*», 1882, р. 467.

Пріѣздъ въ 1822 г. Кеппена въ Вѣну былъ цѣлымъ событіемъ. Какъ голодный, Копитаръ пожиралъ привезенные сѣнии, русскія книги: «legi, vidi pleraque», пишетъ съ торжествомъ оны въ Прагу и зоветъ дряхлаго аббата—спѣшить вкусить отъ той-же влачной трапезы.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ жалуется позже Добровскій, что, со смертію Румянцова и оставленіемъ Кеппеномъ Петербурга, нѣтъ никакой надежды получать порядочныя русскія книги¹⁾. Почтовая же услуга была привилегіей немногихъ, а для многихъ—карою египетскою. Въ 1824 году русское посольство переслало Добровскому небольшую французскую брошюрку по почтѣ, и «я, жалуется Добровскій, долженъ былъ уплатить за нее 8 металич. гульденовъ»²⁾... Вѣдному Добровскому, жившему отъ крохотной пенсіи и литературнаго труда пришлось золотомъ пошлиною оплатитъ каждую унцию петербургской брошюрки. «Мы, жалуется Добровскій Линде въ Варшаву, по несчастію находимся въ такомъ слабомъ общеніи, что посылаю книгу имѣетъ дѣйствительно свои трудности»³⁾.

Неудобны были сношенія на Западѣ; тѣмъ примитивнѣе были пути общенія съ нами и у насъ! Это мы отчасти видѣли только-что выше.

Если, въ началѣ 30-хъ годовъ, Уваровъ, тогда товарищъ министра народнаго просвѣщенія, остановился на проэктѣ созданія «умственныхъ плотинъ» (выражаясь его терминологіей), для огражденія насъ отъ дыханія Запада⁴⁾: то оны могъ задать себѣ эту задачу лишь какъ человѣкъ, привыкшій считаться съ условіями иной, западной жизни. У насъ-же сама природа давно уже рѣшила ту задачу, давно озаботилась образовать плотины противъ общенія.

«Да, пишетъ Кеппену Добровскій, быть въ письменныхъ сношеніяхъ съ Россіей — имѣетъ свои трудности». Но старикъ не предчувствовалъ, что именно это письмо его достигнетъ назначенія черезъ годъ и четыре мѣсяца. Къ потерѣ времени надо присоединить дороговизну почтовой услуги. Кеппемъ, пере-

¹⁾ Письма Добровскаго, стр. 610.

²⁾ Тамъ-же, стр. 672.

³⁾ Письма Добровскаго, стр. 644.

⁴⁾ Сборникъ постановленій по мин. в. просв., т. II, № 6—докладъ объ осмотрѣ Московскаго университета.

писываясь съ Ганкой, пользуется иногда миниатюрнымъ форматомъ бумаги, листъ въ 16 долю, чтобы только поменьше платить. «Чтобы съэкономичить на пересылкѣ, пишетъ Кеппенъ Ганкѣ въ 1825 году, пожалуйста, отръжьте кусочекъ, заключающій въ себѣ fac-simile, и такъ насадъ пришлите»¹⁾. Тѣ же соображенія. Понятно, особенно тяжело было—заставлять платить адрессата, а почта — прибѣжище въ исключительныхъ случаяхъ. «Однако скажите мнѣ, умоляетъ Кеппенъ Ганку, сколько вамъ пришлось уплатить за это письмо, чтобы знать мнѣ, могу ли я на будущее время, на случай крайности, пользоваться тѣмъ-же пріемомъ». Слѣдующее письмо, и — таже просьба: «опять прошу васъ увѣдомить меня, что стоитъ пересылка сего письма; за издержки ваши въ семъ случаѣ дозвольте мнѣ прилужиться какою либо русскою книгою»²⁾. А мы видѣли, предлагаемый обмѣвъ — русская книга — стоилъ много. Главное средство общенія съ нами — окказія да посольство въ Вѣнѣ — курьеръ. Курьеръ — общее прибѣжище. Онъ такъ часто фигурируетъ въ издаваемой нами (Приложеніе IV) перепискѣ Кеппена съ Ганкой, что объ этомъ «прибѣжищѣ» излишне говорить. Не только обыкновенные смертные, но и самъ канцлеръ прибѣгалъ къ тому-же спасительному курьеру. Получивъ извѣстіе, что его Левъ Діаконъ въ Парижѣ уже готовъ, въ мартѣ 1818 Румянцевъ писалъ Евгенію: «Газе увѣдомляетъ меня, что постарается мнѣ доставить чрезъ курьеровъ экземпляра три, а остальные весною. Кой часъ они дойдутъ, поспѣшу одинъ экземпляръ вамъ доставить»³⁾.

Въ 1828 Добровскийъ сообщаетъ Копитару, что онъ писалъ митрополиту Евгенію въ Кіевъ чрезъ одну даму, которая ѣхала туда къ роднымъ. Но окказія нечаста и ненадежна, а посольство не всегда хочетъ. «Что-же, спрашиваетъ Копитаръ Кеппена — посылать къ вамъ — по адресу въ Китай?.. Посольство ничего не принимаетъ, путешественники рѣдки... На курьера рассчитывать нельзя, и мысль, что вы за мое мранье должны платить нечеловѣчески дорого — для меня сущая мука»⁴⁾.

¹⁾ Приложеніе, IV, № 8.

²⁾ Приложеніе, IV, №№ 13, 14.

³⁾ Переписка Евгенія, стр. 10.

⁴⁾ Письма Добровскаго, № 236, стр. 684, 694.

Если простое письмо оплачивалось дорого, то не трудно представить себя, но что обходилась выписка книгъ, да еще изъ Австріи. Она была по силамъ одного канцлера, и мы дѣйствительно находимъ его въ роли славянскаго экспедитора. Такъ мы видѣли, что митрополитъ Евгеній могъ слѣдить за движеніемъ даже польской ученой литературы только благодаря любезному посредничеству канцлера. Черезъ него же онъ получалъ новинки и изъ другихъ славянскихъ литературъ — чешской, сербской.

Характерна одна изъ такихъ славянскихъ выписокъ Румянцова, въ 1822 году.

Старикъ, заинтересованный Востоковымъ, рѣшилъ войти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Но какъ начать? И рѣшилъ — открыть сношенія ученымъ сюрпризомъ — выпиской славянскихъ книгъ изъ Австріи, съ предоставленіемъ ихъ въ ученое пользованіе Востокова.

«Свѣдавъ, что вы, пишеть Румянцовъ Востокову, занимаетесь сочиненіемъ древнеславянской грамматики, и потребовалъ изъ Вѣны все, что тамъ напечатано было на пользу разныхъ колѣнъ славянскаго племени дома австрійскаго». Извиняясь, что получилъ болѣею частью тетрадки, а не книги, канцлеръ дозволяетъ держать эти славянскія новинки годъ и даже болѣе, но подъ росписку. «Укажите мнѣ еще иной способъ споспѣшествовать трудамъ вашимъ, заключаетъ Румянцовъ; вы во мнѣ найдете большую готовность», т. е. сдѣлать и новый заказъ «тетрадокъ»¹⁾.

Въ полученныхъ «тетрадахъ» была невеликая жатва для Востокова: онъ взялъ всего 12 № изъ 89 выписанныхъ изданій (первыя сербскія пѣсни Вука, грамматики и словари хорутанскаго языка); но какой радости и благодарности исполненъ былъ отвѣтъ его Румянцову за оказанное «споспѣшествованіе»!

Однокрейцеровую славянскую «тетрадь» изъ Австріи въ Россіи могъ получить Румянцовъ, государственный канцлеръ....

Посылка книгъ отъ насъ идетъ «божьимъ путемъ», т. е., водою. Не одна русская книга изъ посылокъ въ Прагу пошла на дно Балтійскаго моря, не исключая даже Академическаго

¹⁾ Переписка Востокова, № 6.

Словаря Шишкова¹⁾. Но гдѣ «божьи пути» отказывали намъ въ службѣ, тамъ была просто бѣда. Для иллюстраціи послѣдняго любопытенъ одинъ почтовый эпизодъ, изъ жизни Румянцова, но изъ того періода его дѣятельности, когда онъ еще былъ въ главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣло касалось непосредственно министерства иностранныхъ дѣлъ; имъ затронуты были серьезные интересы высшаго правительства, и тѣмъ не менѣе почтовая практика была бессильна дать этому дѣлу надлежащее направленіе — за «плотнами» дѣйствительности.

1813 годъ, когда Букарештскимъ трактатомъ мы только что нѣсколько легализовали положеніе возставшихъ сербовъ. Естественно было озаботиться намъ объ упорядоченіи церковной жизни въ Сербіи и прежде всего о снабженіи ея необходимыми церковными книгами. Дѣйствительно, въ этихъ цѣляхъ лѣтомъ 1813 года канцлеръ предписалъ старому Бантышу-Каменскому приготовить московскій почтамтъ къ отправкѣ въ Букарештъ тюковъ съ церковными книгами. Управляющій почтамтомъ обѣщалъ было исполнить требованіе. Но когда Бантышъ-Каменскій отправилъ для приѣма первый тюкъ (въ три пуда), то тотъ отказалъ. «Прискорбна мнѣ была его отговорка, горько жалуется обиженный старикъ канцлеру, 11 сентября, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщаніе свое нарушилъ и меня предъ вашими сіятельствомъ въ лжецахъ поставилъ». Но и управляющій почтамтомъ былъ правъ: тяжелою посылкою обременять почту нельзя было, такъ какъ на колесахъ почта шла только до Дубосаръ, а тамъ, за Днѣстромъ, въ Бессарабіи, верховая.

Тогда, изъ различныхъ предложенныхъ канцлеру отъ Бантыша-Каменскаго комбинацій — какъ все-таки отправить въ Букарештъ церковныя книги для Сербіи, гужомъ ли, «какъ дѣлаютъ греки съ своими товарами, посылая оныя за границу», или указомъ обязать московскій почтамтъ принять книжную оффиціальную посылку, канцлеръ остановился на первомъ средствѣ, и не смотря на осеннее время, грязь, книги были отправлены греческимъ путемъ — на вольнонаемныхъ двухъ подводахъ, что стоило болѣе 500 рублей (до Могилева на Днѣстрѣ

¹⁾ Приложенія, IV, № 20. Ср. тамъ-же № 15; путь книжный изъ Праги въ Крымъ лежалъ черезъ Триестъ—Одессу.

360 руб.). Только въ апрѣлѣ слѣдующаго года было получено извѣстіе о прибытіи книгъ въ Яссы и отправкѣ ихъ далѣе въ Букарештъ¹⁾).

Съ другой стороны, для славянъ ближайшаго Юга, для образованнѣйшихъ изъ нихъ, Россія представлялась какою-то Америкой времени Колумба. Наивное и рельефное признаніе вырвалось изъ груди посла возставшаго Кара-Георгія въ 1804 году, когда онъ, простившись съ родною землей, очутился на волнахъ Дуная, по пути въ Россію: «нѣкогда, воскликнулъ посолъ, протопопъ Ненадовичъ, собирався Колумбъ на синее море со своею дружиною, чтобы найти Америку и познакомить съ ней Европу; а теперь пускаемся мы внизъ по тихому Дунаю, чтобы найти Россію, о которой мы ничего не знаемъ, даже гдѣ она лежитъ — только въ пѣсни народной слышали, что она существуетъ, и чтобы Сербію познакомить съ Россіей»²⁾). Почти вѣчный карантинъ вдоль Днѣстра окончательно раздѣлялъ Югъ отъ насъ.

Въ виду тяжелыхъ для умственнаго труда условій жизни понятно появленіе оригинальнаго проекта исторической книжки, Зинаиды Волконской.

Въ 1827 г. эта образованная женщина была избрана въ члены Москов. историческаго Общества. Признательная за избраніе, она тотчасъ же отослала въ Общество свой проектъ поднятія науки въ Россіи. «Я увидѣла, писала она о научной дѣятельности на Западѣ, что главная причина неимовѣрныхъ успѣховъ, сопровождающихъ въ нашемъ вѣкѣ всѣ занятія по части исторіи и по всѣмъ отраслямъ наукъ, относящихся до бытія народовъ, заключается въ тѣсной связи, которая существуетъ между занимающимися, и которая, соединяя отдаленнѣйшіе труды, въ одно время всѣ части свѣта дѣлаетъ достояніемъ ученаго». Для достиженія подобнаго же единенія умственныхъ силъ и въ Россіи, книжка предлагала учредить уче-

¹⁾ Приложенія, I, №№ 23, 28: II, № 7.

²⁾ Мемоары протѣ М. Ненадовића, Београд, 1867, стр. 104. О трудности общенія съ нами для нашей православной братіи Юга см. и автобіографію извѣстнаго сербскаго мецената, Саввы Текелія, племянника снатаринскаго генерала, въ журналѣ Новосадской Матицы: «Сриски Летопис», свескъ 119.

ное посредничество подъ именемъ «Патріотической Бесѣды». Главная цѣль новаго учрежденія — доставлять пособія къ сочиненію и напечатанію достойныхъ уваженія твореній касательно русской исторіи, археологіи древней, географіи, филологіи славянскихъ и другихъ племенъ, подвластныхъ Россіи, — и все обязательно на французскомъ языкѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, одна и другая сторона, мы, русскіе, и они, слависты Запада, въ своихъ славянскихъ работахъ были отказаны самимъ себѣ. Съ трудомъ и въ кои-то годы перекидывались обѣ стороны между собою словомъ или обсылались книжкой: межъ нами и ими залегали искони «плотивы» — трудность общенія.

Слѣдствія этой изолированности, невольной націонализаціи жизни, у насъ, въ нашей наукѣ, были указаны выше; въ нашемъ-же быту эта націонализація жизни приводила къ идолослуженію предъ всѣмъ иностраннымъ, къ «чужебствію» Московіи Крижаничи и Грибоѣдова. Но она не могла не чувствоваться и у нихъ. Осязательный примѣръ — «Институціи» Добровскаго.

Сильный критическимъ анализомъ, разносторонне подготовленный, но силою вещей предоставленный исключительно самому себѣ, своимъ источникамъ, и то собираемымъ съ огромнымъ трудомъ²⁾, Добровскій, положивъ массу лѣтъ на свои «Институціи», далъ грамматику несуществовавшего языка — врѣшкую своею стройною системою, наблюденіями надъ организмомъ вообще славянскаго языка, но съ недостаточными данными и фальшивыми выводами. Но что бы далъ тотъ-же Добровскій, если-бы центромъ его дѣятельности была не Прага, а Москва, если-бы онъ былъ въ положеніи, напримѣръ, Калайдо-

¹⁾ И. М. Снегиревъ и его Дневникъ, изд. Ивановаго, 132, 137. Снегиревъ въ то время былъ секретаремъ Моск. Общества и въ бумагахъ его нашелся проектъ.

²⁾ Свѣдѣнія, напр., о церковно-славянскихъ рѣдкихъ выгахъ въ библиотекѣ русскаго мучачовскаго епископа (Ужгородъ), въ сѣварной, русской Венгріи, Добровскій могъ имѣть, благодаря особенно теплому сотрудничеству своего друга, словацкаго пастора Рыбая, замѣчательнаго патріота и слависта своего времени (конецъ прошлаго столѣтія). Ср. наше описаніе славянскихъ рукописей Національнаго Музея въ Пештѣ (до 1875 г.) въ статьѣ: «Славянскія рукописи Пештскаго Музея», въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» за 1881 г., т. V, стр. 205—206.

вича, или жилъ бы и дѣйствовалъ при иныхъ, широкихъ условіяхъ жизни?...

И горечи положенія автора «Институцій» никто такъ больно не сознавалъ, какъ самъ Добровскій, когда, сопоставивъ изобрѣтенный имъ славянскій языкъ и дѣйствительный славянскій языкъ Востокова, произнесъ: «рукописей, рукописей желаю я; ихъ видѣть, изслѣдовать и употребить въ дѣло». Но кто бы ему далъ?.... Тщетное званіе!... Намъ понятно теперь, что, когда не достаточно свѣдущіе, но ретивые, читатели таланта Добровскаго въ Россіи буквальный переводомъ его «Институцій» возмнили оказать автору вниманіе, а Россіи—услугу, старики не радоваться могъ, а ужаснулся: «кабы могъ я хоть побесѣдовать съ русскимъ издателемъ или передать ему свой экземпляръ, съ замѣчаніями», говорилъ съ отчаяніемъ Добровскій...

Обоюдная изолированность, закрѣпленіе къ интересамъ своего прихода, недостаточность отсюда славянскихъ студій, знанія, здѣсь и тамъ, но въ обратномъ отношеніи—естественное явленіе эпохи. Славянство для самихъ славянъ «*у перѣцѣпнѣт ргасчу skutečnosti*» было едва-едва не Америкой дней Колумба.

. 2 .

Между тѣмъ какъ славяне Запада съ трудомъ выкарабкивались изъ-подъ давившаго ихъ политическаго и духовнаго гнета апостолической Австріи, съ ея папизмомъ и феодализмомъ, Австріи, которая благородное сердце аббата Добровскаго наполняла всегда однимъ негодованіемъ (и это чувство онъ передалъ своей школѣ: Юнгманну, священнику Марку, Ганкѣ), одного только мірянина Бопитара приводя въ умленіе и, вѣрнѣе, искреннее, своимъ якобы славянскимъ характеромъ, и хватались за героическія средства, матеріально бѣдные, разобщенные, — мы, при иныхъ матеріальныхъ и политическихъ условіяхъ, рано уже пытали счастья—разными путями помочь себѣ въ трудномъ знакомствѣ съ Славянствомъ: нарочитыми путешествіями, личными связями, миссіями.... Рано уже улыбнулась намъ даже мысль — не купить-ли, не выписать-ли намъ не дающагося славянскаго знанія и такимъ путемъ обойти «плотины»?... Исканіе «славянизма» было давно: но особенно ярко оно сказалось въ эпоху Румянцовскаго Бружиа.

Уже при изданіи «Сравнительнаго Словаря» импер. Екатерины былъ сдѣланъ вызовъ во всѣмъ славянскимъ ученымъ — участвовать своими приношеніями. Хорутанецъ Кумердей послалъ въ Россійскую Академію какіе-то матеріалы; но что сталося съ ними — неизвѣстно. По словамъ же Копитара, Кумердею «формально было предложено работать по славянской части — съ платою по червонцу за листъ».

Въ 1805 году Тургеневъ и Кайсаровъ изъ Геттингена предприняли спеціальное путешествіе по Австріи, для знакомства съ бытомъ, для собранія разныхъ матеріаловъ. А нѣсколько позже Добровскій съ признательностью вспоминалъ какого-то случайнаго слависта, князя Бвлосельскаго, что онъ перевелъ многія чешскія пословицы по-русски, которыя съ его рукописи напечаталъ Добровскій въ своемъ *Slavin's* ').

Но особенно любопытно было путешествіе въ Австрію друга молодости имп. Александра, Новосильцова, президента Академіи наукъ. Извѣстно, въ 1808 онъ на-долго оставилъ Россію и въ 1811—12 годахъ посѣтилъ Вѣну, проведя тамъ зиму. Австрія же, ея славяне, Новосильцову были знакомы изъ-давна. Еще въ 1804 году, отъезжая въ Петербургъ Педагогическій Институтъ, Новосильцовъ вызвалъ для него изъ Австріи про-

') Письма Добровскаго, № 38. Въ 1805 г. вышло въ Петербургъ Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800—1802 г. съ легкими наблюденіями. Авторъ пишетъ о чехахъ: «Обычаи сельскихъ жителей болѣе всего меня забавляютъ. Они столь близки къ обычаямъ Малороссіи, нашей любезной отчизны. Нарѣчіе ихъ также сходно съ малороссійскимъ . . . Въ здѣшнемъ краѣ считаютъ до 1.300 т. жителей и до 2500 разныхъ училищъ. Главная цѣль, какъ увѣрили меня, введеніе повсюду нѣмецкаго языка. Природное нарѣчіе не чувствительно теряется . . . Народъ набоженъ до суевѣрія» (107—108). Наши частныя войны съ Наполеономъ и Турціей въ началѣ наст. вѣка способствовали взаимному ознакомленію насъ и славянъ. Еще полки Суворова, въ походѣ черезъ Краину, были съ восторгомъ встрѣчаемы хорутанскими патриотами, напр. Воднякомъ. Изъ эпоса Ауостерлица и доселѣ живетъ въ Моравіи поговорка: «vůňtáš jak Ruš a Slavkova». О значеніи пребывания русскихъ въ Чехіи въ 1813 году — въ жизни Юнгманна, мы говорили выше. Въ 1809 г. вышло «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію» Д. Н. Влѣтыша-Каменскаго, въ слѣдующемъ Броневскаго — «Отъ Триеста до Петербурга», а чрезъ шесть лѣтъ, его «Записки морскаго оенцера», гдѣ много свидѣній о далматинцахъ, черногорцахъ.

ессоровъ Лодія, Кукольника, Балугьянскаго, съ указанія Сперанскаго. Что же дѣлалъ добровольный изгнанныкъ, президентъ русской Академіи въ Вѣнѣ?... Онъ остановился на— славянахъ.

Какъ любопытную новинку, Копитаръ спѣшилъ сообщить Добровскому о прїѣздѣ Новосильцова. «Слышу я, пишетъ Копитаръ 27 октября 1811 года, что Новосильцовъ пишетъ человѣка, который бы ему написалъ или списалъ — не знаю — Сравнительный словарь славянскихъ языковъ. Я предлагаю себя, чтобы по крайности видѣть, чего онъ хочетъ». Дѣйствительно, Копитаръ познакомился съ Новосильцовымъ, котораго, конечно, онъ, по мѣстному сервилльному обычаю, титуруетъ графомъ, и нашелъ въ немъ весьма любезнаго человѣка, который для Копитара тогда-же заказалъ какія-то русскія книги. Но вѣренъ ли былъ слухъ о Словарѣ, неизвѣстно. А что Новосильцовъ серьезно интересовался въ Вѣнѣ славянскими предметами, живя довольно долго, видно изъ установившихся у него весьма близкихъ отношеній съ Копитаромъ. «Новосильцовъ уже уѣхалъ, пишетъ въ іюлѣ 1812 г. Копитаръ Добровскому; я ссудилъ его своимъ Slavín'омъ и намедни былъ у него за нимъ... Онъ простился съ прекрасными обѣщаніями. Я имѣю разрѣшеніе прямо писать ему о русскихъ книгахъ; съ своей же стороны долженъ быть его агентомъ для подписки на славянскія вещи¹⁾».

Такимъ образомъ, въ 1811 г. мы видимъ одного изъ представителей либеральной партіи—въ Вѣнѣ, за славянскими студіями. Черезъ два года политическія событія заносятъ, какъ упомянуто было раньше, въ ту же австро-славянскую среду носителя иной партіи — Шишкова. И онъ, какъ и Новосильцовъ, занимается здѣсь славянскими людьми, славянскими вопросами, книгами. Знакомство съ Добровскимъ намъ извѣстно, а «богемскія» книги были даже причиною непріятныхъ для славянофильствующаго на полѣ брани старива толковъ въ празднои столицѣ. Шишковъ долженъ былъ защищаться отъ наветовъ. «Богъ видитъ, писалъ онъ, и мои чувствованія, и мою невинность. Въ Прагѣ я жилъ не для того, чтобы зарыться въ богемскія книги

¹⁾ Письма Добровскаго, ЖМ 33, 37, 44.

и все забыть (курс. подл.). Вотъ какъ и самая невинная и бесполезная склонность моя обращается мнѣ въ вину»¹⁾...

Славянофильское направленіе въ польской наукѣ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, выразившееся между прочимъ въ любовномъ отношеніи къ русскому языку, русскимъ темамъ, имѣло свою долю вліянія въ усиленіи запроса на славянизмъ и у насъ.

Подъ прямымъ воздѣйствіемъ историческаго Словаря польскаго языка Линде въ Россійской Академіи воскресаетъ съ новою силою проектъ о Сравнительномъ Словарѣ всѣхъ славянскихъ языковъ. Но далѣе добрыхъ пожеланій дѣло пойти не могло—за отсутствіемъ силъ, т. е. славянскаго знанія... Вѣроятно, подъ вліяніемъ того-же труда Линде (импер. Александръ былъ въ числѣ подписчиковъ на польскій Словарь) Новосильцовъ хлопоталъ въ Вѣнѣ еще въ 1811 г. о Сравнительномъ славянскомъ словарѣ, какъ о томъ говорилъ Копитаръ. А пока, Россійская Академія—въ 1820 г.—награждаетъ поляка Раковецкаго медалью за его «Русскую Правду». Но читалъ-ли кто изъ академиковъ эту «Правду»—еще вопросъ: Шишковъ былъ доволенъ главнымъ образомъ за помѣщеніе любезнаго ему, по доступности своего языка, «Любушина Суда»... По содержанию, книгу польскаго славянофила могли оцѣнить, и оцѣнили, лишь члены Румянцовскаго Вружка, какъ это мы видѣли, говоря

¹⁾ Записки Шишкова, I, 378. Въ 1817 г. чешскія дамы прислали гр. Остерману на память о Кульмѣ кубокъ съ чешскою надписью. Императоръ приказалъ Шишкову написать рескриптъ. Шишковъ въ своемъ проектѣ назвалъ чеховъ «соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ». Императоръ изъ этой фразы оставилъ только слово «народъ». Шишковъ защищалъ свое выраженіе: «вѣдь Богемцы нашимъ нарѣчіемъ говорятъ». Но императоръ замѣтилъ: «подозрительные иѣмцы подумаютъ, что мы, оближаясь съ Богемцами, симъ родствомъ иѣмемъ на нихъ какіе нибудь виды». (Тамъ-же, II, 99—100). Дѣйствительно, предъ Ахенскимъ конгрессомъ (1818 г.) Меттернихъ подозрѣвалъ имп. Александра въ желаніи воспользоваться разнороднымъ составомъ Австріи и кровною связью русскихъ съ ея славянами. (Богдановичъ, Исторія царств. имп. Александра, V, 387). Въ то время какъ имп. Александръ думалъ о иѣрахъ противъ «заразы» изъ Франціи (цѣль Ахенскаго конгресса), наши друзья: Австрія и Пруссія, заняты были тамъ же иными иѣрами—противъ «завоевательной-де полгитакъ» Россіи. Недавній смѣлый проектъ имп. Александра—поднять славянъ Австріи—долго-долго поминился Меттернихомъ... Объ этомъ проектѣ—ниже.

объ Евгенія, который былъ въ восторгѣ отъ польской книги за ея «примѣрный и для насъ патриотизмъ къ славянизму».

Но обстоятельства сложились теперь благопріятно для подъема давно желаннаго «патриотизма къ славянизму» и у насъ. Мы разумѣемъ предположенія канцлера Румянцева объ миссіяхъ въ славянскія земли, для изученія на мѣстѣ.

Данцигскій пасторъ и польскій лексикографъ, Мронговіусъ, въ своихъ трудахъ указывалъ на особенную близость языка сосѣднихъ съ Данцигомъ кашубовъ съ русскимъ языкомъ, и Румянцовъ посылаетъ ученому пастору деньги и инструкцію, какъ заниматься языкомъ кашубовъ на мѣстѣ¹⁾. Но это было лишь случайное порученіе.

Не смотря на все умиленіе Копитара предъ «всеславянскою» Вѣной, изъ этой самой Вѣны, въ концѣ 1818 года, тронулся въ путь вѣрный ученикъ Копитара, изв. сербъ Вукъ Караджичъ, по направленію въ Петербургъ, въ «Іерусалимъ» тѣхъ самыхъ недобрыхъ людей, которые, если вѣрить вѣнскому слависту, распинали невиннаго Вука—это «фарисеи изъ Барловца»²⁾—за то, что невинный Вукъ, сообразно съ нашептываніями своего учителя, произвелъ, къ ужасу Добровскаго, литературный расколъ среди сербовъ. Мы видѣли выше, что Добровскій, во имя будущаго, защищалъ необходимость общаго литературнаго языка у сербовъ съ русскими.

Въ началѣ 1819 года Вукъ былъ уже во Псковѣ и былъ предметомъ самаго теплаго вниманія управлявшаго тогда псковской епархіей преосв. Евгенія, который купилъ у него его Сербскій Словарь — «прекрасное руководство, писалъ тогда же іерархъ канцлеру, къ сербскому языку, сроднику нашему, но временемъ далеко уже отчужденному»³⁾, кромѣ того «нѣкоторыя тетрадки, имъ изданныя на сербскомъ языкѣ»⁴⁾; а въ столицѣ одинаково въ восхищеніи были отъ умнаго серба и Шишковъ, и Румянцовъ, но каждый по своему.

¹⁾ Журналъ мин. нар. пр., XXVIII, ч. IV, 2, 11, въ донесеніи Прейса.

²⁾ Письма Добровскаго, № 119.

³⁾ Переписка Евгенія, 18. Отъ 21 марта 1819 года.

⁴⁾ Тамъ-же, 69. Отъ 17 декабря 1822 года, уже изъ Кіева—въ воспоминаніи о пребываніи Вука во Псковѣ.

Между тѣмъ какъ президентъ одарилъ «Вуга» Извѣстіями своей Академіи, Румянцовъ увидѣлъ въ предпринимчивомъ сербѣ орудіе, какъ-бы самой судьбой ниспосланное для восполненія нашего дефицита въ славяновѣдѣніи.

«Позвольте, пишетъ Румянцовъ своему другу Малиновскому въ Москву (24 февраля 1819), внести въ бібліотеку вашу новозданный Сербскій Словарь; сочинитель его самъ здѣсь и среди своего народа мѣсто отличное, какъ ученый, занимается».... И вотъ съ этимъ «ученымъ» сербомъ Румянцовъ входитъ въ соглашеніе, рядитъ его на миссію этнографическаго изученія славянскаго міра: Вукъ шлѣхъ повторить, но въ болѣе обширномъ размѣрѣ, экспедицію Балайдоича и Строева въ московскіе монастыри. Между тѣмъ Вукъ побывалъ и въ Москвѣ.

«Я радуюсь, пишетъ Румянцовъ позже, 22 іюня, Малиновскому, что вы познакомились съ ученымъ и добрымъ сербомъ; я не знаю, повѣрилъ ли онъ вамъ, что онъ со мною взялъ (т. е. заключилъ) обязательство — на мой коштъ обѣхать всѣ области славянскаго поколѣнія, отыскивая въ каждой древніе сихъ народовъ документы и лѣтописи; кажется мнѣ, взявъ въ уваженіе всю его къ тому способность, я въ правѣ ожидать отъ такого предпріятія важныхъ послѣдствій»¹⁾.

Въ столь горячей заботѣ о подзѣмѣ славяновѣдѣнія у насъ старикъ-канцлеръ обязался—ежегодно, въ теченіе 3 лѣтъ, уплачивать Караджичю на путевые расходы по 300 червонныхъ²⁾.

¹⁾ Переписка Румянцева, ММ 111, 129.

²⁾ Ср. письмо Вуга къ Шишкову въ 1835 у ак. Сухомликова, Исторія Росс. Акад. VI, 587. Интересъ къ сербамъ, въ Австріи и за Дунаемъ, былъ давно въ русскомъ обществѣ—еще съ прошлаго столѣтія, съ Петра Великаго, но особенно, когда русскія войска дѣйствовали на Дунаѣ, напр. при Потемкинѣ. Выступившій при имп. Александрѣ въ европейской политикѣ Сербскій вопросъ возбуждалъ всюду живыя надежды на освобожденіе славянъ. Съ этимъ возбужденіемъ славянскаго чувства въ Россіи связано имя прекрасной, но несчастной судьбою своею, великой княгини Александры Павловны, жены палатина Венгріи, почившей уже девять десятковъ лѣтъ, въ печальной Ирмѣ, близъ Пешты. Уже Колларъ посвятилъ ей прекрасный сонетъ въ «Дщери Славы» (286). Довольно лѣтъ послѣ ея смерти, въ 1808 г., духовникъ ея, старикъ Сомборскій, именемъ покойной высылалъ къ императору о поддержкѣ восставшихъ сербовъ: «Ваша сестра, писалъ во время своего пребыванія въ

Къ сожалѣнію, чаемыхъ «важныхъ послѣдствій» не по слѣдовало, за неудачей самой миссіи «во всѣхъ области славянскаго поколѣнія»....

О причинѣ неудачи сказать трудно. И чрезъ много лѣтъ Вукъ выразался глухо: «разныя обстоятельства, отъ меня не зависѣвшія, не позволили мнѣ воспользоваться тогда симъ счастливымъ случаемъ» (въ упомянутомъ письмѣ къ Шишкову, въ 1835 году). Копитаръ сваливаетъ вину на канцлера — на его корыстныя побужденія: «если бы, жаловался Копитаръ Кеппену, канцлеръ въ теченіе какой-нибудь пары лѣтъ воспользовался Вукомъ — этой росыпью съ золотомъ — интересуюсь болѣе имъ, чѣмъ простою добычею, то теперь Сербія на Югѣ, славянская стихія въ Македоніи (будь она болгарская или еще постарше) были бы ясны»¹⁾.

Венгріи, возродила въ единоутрѣныхъ сербахъ доблестный духъ къ избавленію... По богоугодному ея завѣщанію, и мнѣ извѣстному, и по преселеніи своемъ въ вѣчность, оставила она исполненіе сего важнѣйшаго въ свѣтѣ проиществія вамъ, благочестивѣйшій самодержецъ...» (Русск. Стар., 1876, ноябрь, 627). — Незавуѣ нашествія Наполеона, весной 1812, имп. Александръ выработалъ грандіозный планъ общаго возмущенія славянъ, чтобы, по соединеніи ихъ съ недовольными въ Венгріи, встать противъ Австріи. 9/21 апрѣля Александръ писалъ наслѣдному принцу Швеціи (Вервадоту): «.... мнѣ кажется, долженъ быть предпринятъ слѣдующій серьезный планъ (un grand plan): народы славянскіе, по природѣ воинственныя, будучи возмущены, образуютъ внушительную единицу, и, по соединеніи съ недовольными въ Венгріи, въ состояніи произвесть сильную диверсію противъ Австріи и французскаго владычества на Адриатикѣ. Если это удастся, то будетъ вполне возможно — чрезъ Боснію и Хорватію проникнуть на-столько впередъ, чтобы войти въ связь съ тирольцами и отсюда съ швейцарцами. Я посылаю адмир. Чичагова, человека съ головой, для организаціи этого дѣла. Но было бы необходимо, чтобы Англія снабжала деньгами и мундиромъ тѣхъ славянъ, которые подымутся за дѣло общей свободы». Дѣло поручено было адмир. Чичагову и неудачно. Знаменитое письмо императора къ шведскому принцу у Богдановича, Исторія царств. Александра, т. III, приложенія, 59—60. Ср. нашу статью: «О. М. Водянский въ его Дневникѣ въ «Истор. Вѣстникѣ» 1887, XII, стр. 526, гдѣ московскій разсказъ о взаимныхъ интригахъ Чичагова и Кутузова. Нашелъ же время Чичаговъ для сведенія старыхъ личныхъ счетовъ!... Прибавимъ, что изв. гр. Бенкендорфъ, въ молодости (1805 г.), былъ посылаемъ на греческіе острова съ негласнымъ порученіемъ набирать охотниковъ для войны въ нашу пользу. (Русск. Архивъ, 1884, IV, 293).

¹⁾ Письма Добровскаго, стр. 691. Въ своемъ календарѣ «Забавникъ» на 1826 г. Вукъ помѣстилъ описаніе 8 сербскихъ монастырей: это, вѣроятно, часть уговореннаго плана съ Румянцовымъ, котораго онъ здѣсь же прославляетъ, какъ мецената.

По всему вѣроятію размовка скорѣе всего произошла изъ-за вопроса о правѣ на «добычу».... Да простятъ мнѣ, но по словамъ пок. Григоровича, у котораго одно время были особенно близкія отношенія къ семьѣ Вука въ Вѣнѣ, практической сербъ особенно былъ привязанъ къ деньгамъ...

Намъ вполне понятна та симпатія, съ которою встрѣтилъ Румянцовъ въ Петербургѣ, въ 1820 году, увлекающагося польскаго археолога Ходаковскаго (Чарновскаго) и его проэктъ объ археологическомъ путешествіи по Россіи и славянскимъ землямъ¹⁾. Ходаковскій получилъ отъ императора Александра 3 тысячи — и для Румянцова какъ-бы возмѣщалъ неудачу съ Вукомъ.

Въ Вѣну Караджичъ возвратился въ началѣ 1820 г. безъ дукатовъ, но съ порученіемъ отъ Россійской Академіи — поставлять новыя славянскія изданія, какъ это видно изъ письма его къ Шишкову: «въ нашихъ краяхъ нѣтъ теперь никакихъ новыхъ книгъ; но если что появится, я съ величайшею радостію пришло въ Академію». Впрочемъ, вскорѣ Вукъ получилъ отъ Академіи медаль и 300 рублей и, признательный, онъ льститъ Шишкову, что Копитаръ съ величайшею радостію читаетъ всѣ упражненія Академіи — «наипаче, ваши сочиненія», прибавляетъ «умный» сербъ, чтобъ этимъ облегчить путь для своего новаго проэкта. «Есть ли бы я имѣлъ щастіе, продолжаетъ Вукъ, достать пенсію отъ двора русскаго или отъ Академіи, я давно уже желалъ перепечатывать здѣсь русскія книги для южныхъ славянскихъ народовъ и такъ сдѣлалъ бы южнымъ славянамъ пользу, а русскому слову славу»²⁾. Пенсію далъ, но далѣе Шишковъ промолчалъ. Любопытно только одно, какъ мало это предложеніе ученика Копитара гармонировало съ основною мыслью его дѣятельности, осужденною Добровскимъ. Но за то слава Шишкова пронеслась межъ земляковъ Вука.

Въ 1821 году нѣкто Л. Милетичъ, «правдословъ въ кралевствѣ Маджарскомъ», т. е. венгерскій адвокатъ, такъ величаетъ его, посылая ничтожную книжку: «вѣдѣй, яко у в. в пр—ва славенское книжество имать рачителя великаго и мецената своего ненакнадиаго», но—по совѣту «серб-

¹⁾ Вѣстн. Евр., 1886, ноябрь, 321.

²⁾ Сухомякиновъ Исторія Росс., Акад., VII, 581, 583.

скаго дворянина Вука». Шишковъ, отвѣчая «правдослову», въ восторгѣ отъ завязывающихся книжныхъ пересылокъ¹⁾. Между тѣмъ Вукъ оставался славянскимъ корреспондентомъ Шишкова, и такъ какъ жаловался на свое убожество, то, чтобы сохранить его въ Вѣнѣ, старикъ думалъ было пристроить его при русскомъ посольствѣ²⁾.

Только горячей головѣ поэта, на крыльяхъ фантазіи, легко было обозрѣвать Славянство, и Колларъ въ своей «Дщери Славы» совершаетъ объѣздъ по Славянству—«во всѣ края славянскаго міра», къ «источникамъ Вислы, Волги». Но не такъ было легко это въ «непріятной дѣйствительности»....

Мысль Румянцова—послать Вука во «всѣ области славянскаго поколѣнія» не удалась. Но счастливая мысль не прошла въ-тунѣ, намѣченные дѣли не забылись въ Румянцовскомъ Кружкѣ. Мы видѣли, что въ концѣ 1821 года отъѣхалъ въ славянскія земли Кеппенъ, при самыхъ добрыхъ пожеланіяхъ своихъ—канцлера, Евгенія.

Образованный, энергическій, подвижной, Кеппенъ личнымъ знакомствомъ съ представителями старѣйшаго и юнѣйшаго поколѣній западно-славянской науки и литературы: Копитаромъ, Добровскимъ, Юнгманномъ, Ганкой, Палацкимъ, Шафарикомъ, счумѣлъ дать особенно живительный толчекъ ихъ славянскимъ интересамъ и въ своемъ лицѣ перебросить живой мостъ между нами и ими. По возвращеніи же Кеппена, до срока, Румянцовъ рѣшаетъ сейчасъ же новое славянское путешествіе—выслать на него Погодина. «У меня бродитъ въ мысляхъ намѣреніе употребить его дарованія и большія уже познанія за границею», пишетъ онъ Малиновскому 13 янв. 1825 г. изъ Гомеля. Канцлеръ доволенъ одобреніемъ Малиновскаго: «можетъ статья, отвѣчаетъ онъ въ февралѣ, изъ такихъ моихъ видовъ выйдетъ польза». Когда же гр. Кочубей предложилъ Погодину ѣхать за границу съ своимъ сыномъ, слѣдов., повторить недавнее путешествіе Кеппена, Румянцовъ рѣшилъ утилизировать это обстоятельство для своихъ славян-

¹⁾ Шишковъ, Записки, II, 406, 407.

²⁾ Тамъ-же, 428—429. Шишковъ поручилъ Вуку въ 1823 г. составить полный экземпляръ первой сербской газеты «Новине», издававшейся въ Вѣнѣ съ 1813 г., такъ какъ листочки растерялись въ Академіи.

скихъ видовъ. Но Погодинъ вошелъ въ университетъ, и славянскую миссію постигла снова неудача ¹⁾).

Между тѣмъ единственно удавшееся славянское путешествіе энергическаго Кеппена готово было принести самые осязательные результаты въ самой жизни высшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Россіи.

Не только сильнѣе зашевелился удрученный міръ славянской,

«Země plná cti i posměchů,
Slavná přízní bohů jak hněvem»,

т. е., Чехія, завязались близкія отношенія съ нами; но они, постепенно развиваясь и укрѣпляясь, нашли въ концѣ концовъ знаменательное выраженіе въ рѣшеніи президента Шишкова, между тѣмъ ставшаго верховнымъ блюстителемъ дѣла русскаго образованія — министромъ народнаго просвѣщенія, открыть при русскихъ университетахъ спеціальныя кафедры Славянской Филологіи и на эти кафедры выписать знакомцевъ Кеппена изъ славянъ Австріи, изъ Праги.

Все это новое дѣло поручено было Кеппену.

---

¹⁾ Переписка Румянцева, №№ 346, 352, 357.

ГЛАВА IV.

Призваніе славянъ.

. 1 .

Не въ празднословіи корнесловіи Шишкова и его Академіи зародилась, росла и формировалась русская партія славяно-вѣдѣнія, а въ единичныхъ трудахъ членевъ частнаго кружка. Но — при всей своей научной правдѣ, тормозившая науку дѣятельность Шишкова и его «этимологической» школы имѣла и свою добрую сторону: и она, хотя отрицательно, но поддерживала въ эпоху грубыхъ идеаловъ чувство любви къ наукѣ, къ умственному труду, питала въ хаотическомъ обществѣ идеалы высшаго порядка, бессознательную вѣру въ благотворную силу знанія¹⁾.

Не по ошибкѣ-же Шишковъ, эта «добрая литературная няня», какъ называлъ его Пушкинъ, могъ вдохновлять великаго поэта, сказавшаго о немъ тогда:

---

¹⁾ Какъ моряку, Шишкову извинительно, если онъ покровительствовалъ евоишъ, называя наир. моряка Сивидина директоромъ Ришельевского лицея. Но онъ воздерживалъ другихъ со скоромъ. Въ 1836 г. генералъ-майоръ Писаревъ чрезъ Дибича домогался мѣста Московскаго полечителя, и какъ главный мотивъ онъ выставилъ тотъ, что и въ гражданскую службу, «на память военной», онъ внесъ бы «ту строгость въ порядку и подчиненность, чѣмъ урочивается военная служба и что казалось бы новымъ въ республикѣ ученыхъ». Импер. Александра почелъ домогательство Писарева неприличнымъ. (Дубровинъ, Письма, № 372).

«Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ»....

Отсюда юношеская отзывчивость у пытливаго и вовсе не «ступаго» старика, какъ называлъ его Карамзинъ¹⁾, на требованія науки, возможность у него солидарности дѣйствій даже съ тѣми, къ кому сердце не лежало — во имя науки.

Да, заслугу смѣлаго провѣта — въ ту темную эпоху славяновѣдѣнію дать особое и видное мѣсто въ системѣ нашего университетскаго преподаванія и тѣмъ, разомъ, приготовить условія для правильно-систематическаго и полнаго развитія славяновѣдѣнія въ Россіи, отнявъ у него его историческій случайный характеръ — одинаково раздѣляютъ и Шишковъ, и знаменитый Кружокъ Румянцова: послѣдній въ лицѣ своего энергическаго члена, практика-Кеппена.

Но надъ обѣими ераціями русской науки вѣялъ государственный духъ Сперанскаго: въ провѣтѣ призванія славянъ Сперанскій дѣйствуетъ рука объ руку съ своимъ старымъ недоброжелателемъ. Въ одинаково теплому чувствѣ къ Славянству и русской наукѣ политическіе противники сходились для общаго дѣйствія. Съ Румянцовымъ-же гениальный поповичъ былъ отъ начала въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, какъ однополчанинъ въ политикѣ²⁾.

Уже незадолго до отъѣзда Кеппена на Западъ, сношенія между Петербургомъ и Прагой, раньше по необходимости слабыя и случайныя, стали нѣсколько оживляться, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ.

Это было время, когда около старика Добровскаго успѣла уже разростись добрая семья молодыхъ побѣговъ, воспитавшихъ въ себѣ, подъ животворнымъ вліаніемъ своего учителя, одинъ

¹⁾ «Шишковъ—честенъ и учтивъ, но тупъ», въ женѣ, 14 февр. 1816 г. («Ненѣд. сочиненія и переписка Карамзина», 148).

²⁾ 16 января 1821 г. Румянцовъ пишетъ своему сибирскому сотруднику, Берху: «вы меня помысленно обрадовали, сказавъ, что М. М. Сперанскій меня помянетъ и вамъ поручитъ то мнѣ свидѣтельствовать». Старикъ просилъ освѣдожиться у Сперанскаго, какъ «взнести въ бібліотечу Иркутскую» его изданія, а самому ему послыалъ Льва Діакона. (Дѣлопись зачатій Археогр. Боминск., VI, II, 154).

общій культъ—Россію¹⁾. Эти побѣги Добровскаго намъ уже знакомы. Одна часть ихъ была въ Прагѣ, другая — разбросана.

Изъ людей болѣе солиднаго возраста здѣсь были: Иос. Юнгманнъ — Младонъ «Дщери Славы», воспрещавшій въ словарѣ и исторіи литературы величіе заброшеннаго языка и бывшій умственной жизни своего многострадальнаго народа; его другъ, священникъ Антоннъ Марекъ, признававшій одинъ русскій языкъ; священникъ Пухмайеръ, поэтъ и авторъ замѣчательнѣйшей грамматики русскаго языка (только что умершій); болѣе юные и болѣе энергическіе: недавній «разсаѣкъ» — пастушекъ Ганка, до 15 лѣтъ ведшій жизнь царя Давида, но, по увѣренію его, среди своихъ овецъ уже занимавшійся славяновѣдѣніемъ, а съ момента появленія въ Прагѣ, сразу ставшій помощникомъ Добровскаго; Челаковскій, протестанты Палацкій, Шафарикъ, Колларъ и др.²⁾.

Любо было старѣвшему аббату видѣть около себя дружину бойцовъ за славянскіе идеалы будущаго. «Около 12 юристовъ учатся у меня старославянскому языку, пишетъ онъ въ 1813 году своему ученику въ Вѣнѣ, т. е. Копитару, но иной, черно-желтой, окраски; рвеніе ихъ похвальное, но выдержка—рѣдкій даръ»³⁾. Какого духа могли исполняться учения, особенно подростки, отъ своего великаго учителя въ наукѣ и политикѣ, отъ этого еноменальнаго явленія XVIII вѣка — ясно будетъ изъ одного примѣра.

Когда начались первыя попытки мадьяризаціи словаковъ, негодующій Добровскій писалъ Копитару: «словаки довольно мужественно дѣйствуютъ противъ; но если имъ придется мѣнять свой языкъ на какой-другой, то для нихъ окажется лучшій выборъ»⁴⁾. Пояснить-ли, что старикъ разумѣлъ здѣсь языкъ русскій?...

¹⁾ Не смотря на крѣпостное право, которымъ иногда извѣняютъ ненависть Копитара къ Россіи и ко всему русскому.

²⁾ Симпатическую оягуру Мариа, почти столѣтняго старца, мы попытались нарисовать въ воспоминаніяхъ нашихъ о путешествіи по Чехіи въ 1874 г.: «Въ краю бывшихъ еретиковъ»—«Истор. Вѣстникъ», 1882, т. IX, гл. III, 356—366. Здѣсь же даныя для характеристики Добровскаго, Юнгмана. О Ганка — см. его біографію при жизни: «Vácesel. Hanka, durch Legie Glückselig» (1852). Колларъ въ «Дщери Славы» поясняетъ идеи Добровскаго.

³⁾ Письма Добровскаго, № 65.

⁴⁾ Отъ 22 іюля 1811 г. Тамъ же, № 30.

Культь русскаго языка прошелъ изъ Праги даже въ такую среду папскаго прозелитизма, какъ хорутане. Въ 1822 году Сломшекъ, извѣстный позже епископъ-патріотъ, сталъ учить родному языку семинаристовъ, въ чемъ ему помогалъ другой патріотъ, Агацель. «Не было, говоритъ новѣйшій біографъ Агацеля, печатной словинской книжки, которую-бы ни купилъ онъ. Онъ подписывался на сербскія пѣсни и газеты—въ нихъ онъ имѣлъ большое удовольствіе. Но понималъ также и по-русски»¹⁾. А еще раньше, еще болѣе горячимъ адептомъ Добровскаго былъ его знакомецъ Водникъ, растрига-монахъ и поэтъ, сердечно привѣтствовавшій Суворова, а позже Наполеона вдохновенною одою: «Иллирія, возстань!»... Самый «иллиризмъ» 30—40 годовъ, естественно, непріятный Копитару, поддерживавшему южно-славянскую дробленность, выросъ на тѣхъ-же пражскихъ идеяхъ бывшаго іезуита Добровскаго! Добровскій, дѣйствительно, «*páá celú národ sbrat'il*»....

Что терпѣнія было немного у нѣкоторыхъ учениковъ пражскихъ, учитель не ошибся.

Копитаръ, при первомъ знакомствѣ съ Ганкой, сказалъ, что отъ ученика Добровскаго онъ ожидалъ болѣе науки²⁾. Такихъ Ганка остался на-всегда. Но недостатокъ выдержки возмѣщался у Ганки необыкновенной энергіей, находчивостью—этого дитяти природы.

Съ первымъ выступленіемъ Ганки на арену публичной дѣятельности, послѣ того какъ 12 избранниковъ оставили келію своего учителя, открывается эпоха открытій старочешскихъ памятниковъ.

Мы ихъ не перечисляемъ. Они довольно извѣстны, какъ извѣстно и то, что часть ихъ уже устраниена. Но они имѣли свое значеніе, дѣйствуя на возрожденіе духа забытаго народа картинами лучшаго времени—счастливой старины.

«Дѣла отцовъ забыты нами,
Могучій громъ свободы смолкъ,
И прахъ родной земли героевъ
Растоптанъ вражьей ногой;

¹⁾ Слов. журналъ «Кгесъ», 1884 г., р. 563.

²⁾ Письма Добровскаго, № 81.

Гдѣ звукъ веселья—стонъ стоитъ,
 Свободу—звукъ цѣпей смѣнилъ,
 И пѣснь забыла о потомкахъ,
 Чтобъ смѣть съ нихъ рабское клеймо!..

Но-де открытія Ганки все это измѣнили, «дѣла» воскресили.

Такъ привѣтствовалъ тогда энергическаго ученика Добровскаго вдохновенный товарищъ его—Челаковский¹⁾.

«Často tichá pastuchova chužka
 Více pro vlast máže dělati»,

сказалъ другой товарищъ, Болларъ.

Съ другой стороны, другіе единомышленники Ганки работали положительными средствами на то-же возрожденіе своего народа, стремясь современную науку Запада ввести въ сознаніе отставшаго чеха. Рѣшивъ изданіе научнаго органа «Крок» (т. е. прогрессъ), знаменитый физиологъ Пуркинѣ пишетъ, 21 окт. 1819 г., старѣйшему ученику Добровскаго, Марку, прося о сотрудничествѣ: «цѣль журнала—прокладывать путь для введенія высшихъ наукъ въ нашъ языкъ; его предметъ — весь объемъ науки и искусства; его главныя части—поэзія, бытъ, исторія»²⁾.

Между тѣмъ политико-литературныя открытія, заподозрѣнные тотчасъ-же, кромѣ Краледворской рукописи, великимъ старикомъ, не говоря уже о его ученикѣ въ Вѣнѣ, Копитарѣ, который издѣвался, что скоро чехи найдутъ національные фрагменты изъ времени Александра Македонскаго, должны были искать поддержки для себя на сторонѣ. Дѣйствительно, открытія направляются въ Петербургъ, къ Шишкову, но прокладывая себѣ дорогу окольными путями — чрезъ среду польскихъ славянофиловъ, кромѣ Краледворской рукописи, которая прошла прямо, и находятъ здѣсь какъ нельзя болѣе подготовленную почву.

Неопротестованная Добровскинѣ Краледворская рукопись идетъ прямо въ Россію, къ Румянцову.

Канцлеръ доволенъ. Онъ только что издалъ сборникъ Кирши; онъ всюду розыскивалъ богатырскія пѣсни на востокѣ Россіи; а тутъ онъ и у чеховъ старыхъ. Онъ спѣшитъ послать чешскую книжку въ Москву, въ главную квартиру своего Кружка, а къ книжкѣ допустить специалиста въ славянскихъ вопросахъ,

¹⁾ Цензура строки эти не пропустила. Строфы подлинника мы позволили себѣ воспроизвести стихами, хотя, признаемся, весьма слабыми.

²⁾ «Časopis Musea», 1866, 433, прии.

Калайдовича. «Недавно въ Богеміи, пишеть онъ Малиновскому 24 января 1819 г., отысканы остатки древнихъ ихъ стихотвореній, которыя г. Думбровский (!) т. е. рукопись ихъ, полагають быть конца XIII или самаго начала XIV в. Мнѣ сіе открытіе кажется важнымъ . . . ; оно нечуждо намъ русскимъ не по одному сходству изыновъ»¹⁾. Вслѣдъ за этимъ Румянцовъ сообщаетъ извѣстіе о чешскомъ открытіи, при еще болѣе восторженномъ письмѣ, Евгенію. Но онъ встрѣтилъ открытіе нѣкоторымъ сомнѣньемъ, какъ это мы видѣли выше (см. главу II, 9).

Отъ Румянцова получилъ свѣдѣніе о Краледворской рукописи и Шишковъ. Онъ былъ вдвойнѣ доволенъ: какъ старый славянолюбецъ «богемскихъ книгъ», но, главное, какъ президентъ Россійской Академіи, съ ее новымъ уставомъ, 1818 года, требовавшимъ отъ Академіи—выйти на путь общенія съ славянскимъ ученымъ міромъ.

«Богемскія книги», на мѣстѣ, въ Прагѣ, которыя такъ соблазнили нѣкоторыхъ въ высокомъ обществѣ столицы въ 1813 г., что вынудили старика на смѣлое откровеніе, личное знакомство съ Добровскимъ и вообще съ чехами, на-столько бодро, освѣжительно воздѣйствовали на застывшее безъ содержанія славянское чувство Шишкова, что въ составленномъ имъ новомъ уставѣ Россійской Академіи 1818 года, проведенномъ при участіи Аракчеева, онъ энергически заговорилъ о Славянствѣ, и въ общеніи съ славянскимъ ученымъ міромъ указалъ одну изъ важныхъ задачъ Академіи, помимо «наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка» (III гл. § 2).

«Нужно Академіи со многими славянскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми сносятся», говорилъ президентъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ. «И буде кто изъ нихъ, продолжалъ онъ, изслѣдованіями и трудами своими о славянскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ доставить въ нее какія-либо новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія, таковому Академія, какъ попечительница обо всемъ подобномъ, долженствуетъ дать названіе почетнаго члена съ приличнымъ, по разсмотрѣнію ея, единовременнымъ

¹⁾ П е р с п и с к а Румянцова, № 107. Ср. еще № 112 о найденнозъ сочувствіи у Малиновскаго.

или всегдашнимъ награжденіемъ». Эти самыя мысли, въ легкой перефразировкѣ, были изложены въ § 8 десятой главы Устава.

Но, кромѣ славянской научно-пассивной задачи, Академія имѣла участвовать въ успѣхахъ славяновѣдѣнія и активно. «По долгу званія своего» Академія должна была стараться и о такихъ «главныхъ предметахъ», какъ составленіе «свода славянскихъ нарѣчій» (подъ этой темноватой фразой Шишковъ, вѣроятно, разумѣлъ сравнительно-славянскій словарь), грамматики славянской, помимо русской (II гл. § 1). И для этого необходимо было тоже общеніе «со многими славянскихъ нарѣчій профессорами».

Брагедворская рукопись, такимъ образомъ, открывала собой осуществленіе новыхъ, славянскихъ, обязанностей Россійской Академіи.

Тогда-же Шишковъ обратился къ Добровскому съ убѣдительною просьбою «давать знать о произведеніяхъ такихъ»¹⁾, а между тѣмъ самъ принялся за работу, и уже въ 8-й книгѣ «Извѣстій Академіи», слѣд. въ 1820 году, появился его переводъ Брагедворской рукописи.

Старикъ былъ радъ. Онъ лично вывелъ Академію на новый ученый путь (хотя, конечно, работа была очень не хитрая, какъ понималъ ее Шишковъ) и переводомъ своимъ, и тѣмъ, что переводъ былъ поводомъ для энергическаго Ганки къ открытію славянской переписки съ президентомъ.

«Вѣсть та (о переводѣ), писалъ Ганка Шишкову 8 мая 1820 г., наполнила духа моего радостью и восхищеніемъ, особенно, когда я помню, что славянскіе народы начинаютъ уже языки свои между собою уважать»²⁾.

При этихъ благопріятныхъ условіяхъ пробирался къ Шишкову изъ Праги и отвергнутый Добровскимъ «Любушинъ Судъ».

Въ книгѣ Раковецкаго, которая произвела такое сильное впечатлѣніе своимъ славянскимъ направленіемъ на малоувлекающагося вообще Евгенія—«Prawda Ruska», былъ впервые помѣщенъ неусыновленный на родинѣ Любушинъ Судъ, по списку, доставленному отъ Юнгманна къ Линде. Получивъ книгу, Шишковъ сейчасъ-же обратилъ вниманіе на чешское произведеніе и въ письмѣ къ автору называетъ его «любопытнымъ». Но Ганка,

¹⁾ Шишковъ, Записки, II, 372.

²⁾ Тамъ-же, II, 388.

посылая Шишкову свои «Starobylá Skladanie», въ письмѣ своемъ еще ничего не говоритъ о Любушиномъ Судѣ. Но въ томъ 1822 Шишковъ имѣлъ текстъ отвергнутого памятника уже изъ Праги, какъ видно изъ письма Юнгманна къ президенту отъ 2-го мая, при которомъ онъ пересылалъ въ нему тогда двѣ книжки упомянутого журнала «Крокъ», гдѣ братъ Юнгманна, профессоръ-акушеръ, помѣстилъ съ комментариемъ памятникъ. п—занялся опять славянскимъ переводомъ. Какъ же польщенъ былъ Ганка, когда самъ президентъ въ началѣ слѣдующаго года (28 апрѣля 1823) извѣщалъ его о помѣщеніи Любушина Суда въ журналѣ самой Россійской Академіи¹⁾.

Этотъ любезный пріемъ пражскаго открытія въ Петербургѣ, естественно, былъ крайне непріятенъ Добровскому, и Копитаръ его утѣшаетъ, предлагая написать рецензію на Любушинъ Судъ въ «Вѣвснихъ Лѣтописяхъ»: «тогда русскіе и поляки прочтуть и обратятся»²⁾.

Такимъ путемъ, благодаря чешскимъ національнымъ открытіямъ сталъ устанавливаться довольно правильныя сношенія между Академіей, т. е. Шишковымъ, и Прагой, а вскорѣ принялъ весьма близкій, почти семейный, характеръ: Юнгманнъ жалуется уже Шишкову на преслѣдованія Добровскаго, проситъ Шихкова быть судьей въ мелкой домашней распрѣ. «Мы жалуемся Юнгманнъ, нимаго не заслуживаемъ, чтобы они (т. е. Добровскій и его школа просодистовъ) за сіе (т. е. за противудѣйствіе введенію русской метрики) гнали насъ и приводили въ презрѣніе (подозрѣніе?) у правительства»³⁾. Замѣтимъ, первый Добровскій рекомендовалъ Шишкову Юнгманна. Несомнѣнно, высоко забилось сердце у Шихкова при этомъ славянскомъ обращеніи—разсудить съ самимъ Добровскимъ. Но, всегда практической, Ганка дѣлаетъ предъ Шихковымъ шагъ особеннаго характера.

¹⁾ Тамъ-же, II, 391. Любопытно, что Колларъ анонимнаго отправителя Люб. Суда прибилъ языкомъ къ вратамъ Ада въ «Дщери Славны», с. 539.

²⁾ Письма Добровскаго, № 174. Въ рецензіи труда Раковскаго «Prawda Ruska» въ «Jahrbücher der Literatur», т. XXVII—Добровскій высказалъ свое мнѣніе о «Любушиномъ Судѣ», какъ о подлогѣ. Ср. и рекомендацію этой статьи въ письмѣ его къ Кеппену отъ 17 янв. 1826 г. (т. же, р. 67).

³⁾ Шихковъ, Записки, II, 422.

Шагъ этотъ Ганки любопытенъ по тому, что, оставленный тогда безъ вниманія, онъ немного позже какъ будто припоминается, всплываетъ наружу, и это случайное совпаденіе, въ особенномъ интересѣ оброченной, мысли Ганки съ позднѣйшимъ проектомъ Шишкова-Кеппена-Сперанскаго — поднять славянскія студіи въ Россіи, изъ Россіи сдѣлать разсадникъ общей славистики, подало поводъ Ганкѣ считать себя виновникомъ открытія славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ по Уставу 1835 года, что прошло и въ специальные труды, по неосновательному преданію¹⁾.

Мы имѣемъ въ виду предложеніе Ганки Шишкову о новомъ шагѣ къ славянизациі Россійской Академіи, о — «національномъ членѣ отъ каждаго изъ колѣнъ славянскихъ» въ Академіи.

Мы видѣли выше, что какъ подъ воздѣйствіемъ польскаго словаря Линде, такъ и во исполненіе новыхъ, прямыхъ обязанностей Академіи, по слѣдъ новаго Устава, у Шишкова возникла мысль издать «Словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій». Но приглашается къ соучастію самъ Линде и — отказъ, — Добровскій, и онъ отмалчивается, грозясь прислать критическія замѣчанія на труды Академіи; членъ Академіи, Востокъ, уклоняется.

Шишковъ чувствовалъ себя безпомощнымъ, а оффиціальныя шаги сдѣланы: образованъ комитетъ. Въ эту-то минуту, когда Шишковъ былъ оставленъ всѣмъ, на кого только рассчитывалъ, раздается добрый, сочувственный затѣямъ Академіи голосъ изъ Праги, и какъ будто случайно, но въ такой формѣ, что старикъ и не зналъ что отвѣчать.

Въ маѣ 1822 г., на неуклюжемъ русскомъ языкѣ, пишетъ президенту «сіятельной Академіи» Ганка, имѣя уже свѣдѣнія о перепискѣ Шишкова съ Добровскимъ: «читая засѣданія (т. е. протоколы), на умъ мнѣ пало, что-бъ не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда-бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ

¹⁾ «Важность славянской филологіи, говоритъ оффиціальныи историкъ С.-Петербургскаго университета, проф. Григорьевъ, какъ предмета университетскаго преподаванія, признана была у насъ впервые Уставомъ 1835 г. Это правительственное признаніе совпадало болѣе съ сердечными желаніями славянскихъ ученыхъ Запада» (стр. 242).

изъ важдаго нарѣчія присутствовалъ, особливо, когда Академія словари всехъ славянскихъ нарѣчій издавать намѣревается».

Такимъ образомъ, Ганка выражалъ полное сочувствіе мыслямъ Академіи о словаряхъ, но для осуществленія ихъ предлагалъ радикальное средство. Ясно, проектированная пимъ помощь была такого свойства, что требовала новой реорганизаціи только что устроившейся Академіи.

Авторъ проекта «О національномъ членѣ», дѣлая собственнo плохой комплиментъ настоящей Академіи, воспользовался старою мыслью Копитара о Славянской Академіи, но въ Петербургѣ. Конечно, Ганка намѣчалъ себя въ члены.

Что-же Шишковъ?

Почти годъ молчалъ. Отвѣчая уже 28 апрѣля 1823 года Ганкѣ, Шишковъ по обычаю широко распясался о единоспасительномъ своемъ корнесловіи, сказалъ о Любушиномъ Судѣ, но о существенной части письма Ганки — о проектѣ помощи — ни полъ слова.

Смѣлость-ли предложеніи — обратить Россійскую Академію въ Славянскую, озадачила старика; опасеніе-ли личнаго сноиства у самолюбиваго «славянофила», или недовѣріе къ силамъ самого Ганки говорило въ немъ, сказать не беремъ. Но замѣтимъ, что Кеппенъ въ то время только сходился съ Ганкой въ Прагѣ, чтобы быть затѣмъ отъ него въ восхищеніи, оставивъ прежнее предубѣжденіе, слѣдовательно, еще въ Петербургѣ не былъ.

. 2 .

Прошло немного лѣтъ.

По видному, все шло по старому. Члены Румяндовскаго Кружка занимались своимъ дѣломъ. Шишковъ продолжалъ свою этимологию да утѣшалъ своего вѣснаго корреспондента, Барраджича, въ неудавшейся экспедиціи въ славянскіи земли, исходатайствовавъ ему у императора Николая ежегодную пенсію для продолженія этнографическихъ студій, при чемъ не слабое

участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало энергическому Кеппену, предъ которымъ хлопоталъ за Вува Копитарь¹⁾.

Но были и перемѣны въ жизни этимологическаго и Румянцовскаго Кружковъ. Старый этимологъ, Шишковъ, теперь не просто славенолюбецъ, президентъ Академіи съ славянскими симпатіями, а министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій иллюмината кн. Голицына, слѣдовательно, чловѣкъ съ властью, а знаменитый ученый славянолюбецъ, Румянцовъ, съ началомъ 1826 года скончался.

15 мая 1824 г. Шишковъ былъ призванъ на постъ министра, какъ старый испытанный патріотъ, всегда такъ горячо отстаивавшій право на вниманіе отеческихъ преданій, національной стихіи въ жизни. Какъ старый балтійскій князь Крузъ въ «Дщери Славы», онъ былъ

«hnživú povolám, otcovskou prostotu bráně».

Шишковъ смѣнялъ придворнаго князя, выросшаго въ космополитическихъ идеяхъ Запада, воспитаніемъ отчужденнаго давно отъ русской дѣйствительности, смѣнялъ въ тоже время грубое самовластіе Магницкихъ. Съ востешствіемъ на престолъ императора Николая, милостиво встрѣтившаго старика, положеніе Шишкова упрочивается.

Религіозное изступленіе (кружокъ Татаринновой), bigotство (Фотій, квакеры), кощунство и тутъ-же лжующій папскій прозелитизмъ среди высшихъ сферъ въ опытныхъ рукахъ «братства Іисусава» (собращеніе, напримѣръ, племянника самого министра Голицына), съ одной стороны, недовольство, глухой ропотъ, съ другой — вотъ въ главныхъ штрихахъ Петербургъ 20 годовъ. Въ виду общаго шатанія, даже органическій замѣститель возненавидѣннаго обществомъ Сперанскаго, Аракчеевъ, понималъ, что время остановиться на своихъ дѣлахъ, которыя, естественно, представлялись ему подъ однимъ цвѣтомъ — дѣлами «карбонаріевъ», своихъ. «Совершенно съ Вами согласенъ, писалъ онъ императору за границу въ апрѣлѣ 1820 г., что необходимо должно окончить иностранныя дѣла, на кото-

¹⁾ Копитаръ къ Кеппену 14 февраля 1826, отвѣтъ Кеппена 26 февраля того же года о согласіи Шишкова, Вукъ къ Копитару о своихъ условіяхъ. 19 мая того же года, см. Ц и с ѣ в а Добровскаго, стр. 691, 693, 698.

рыя, конечно, и все наши карбонары вѣрно глядятъ пристально и ожидаютъ развязки»¹⁾).

Министерская дѣятельность стараго славянолюбца имѣла: освободить общество отъ шатанія, отъ смутнаго «духа времени», привести этотъ духъ, по его замѣчательному выраженію, «къ тихому и сиромному потушенію»²⁾, и создать положительныя условія для обновленія умственной жизни, посредствомъ правильной организаціи труднѣйшаго государственнаго вопроса — народнаго образованія, а не гасить немногіе источники просвѣщенія, какъ это предлагалъ было Магницкій.

Эти новыя начала были ясно отмѣчены Шишковымъ еще въ ссудительномъ приговорѣ надъ падшимъ министерствомъ (въ іюльскомъ проектѣ рескрипта 1824 года). Въ-кратцѣ они могутъ быть выражены однимъ словомъ — націонализація школы, отъ низу до верху, на мѣсто старой школы, хаотической. Вспомнимъ только, что въ гимназіяхъ преподавались философія языка, технологія, а въ университетахъ — т. назыв. военныя науки...

Сейчасъ же, по порученіи министерства Шишкову, былъ образованъ при немъ «Временный Комитетъ» для составленія проекта нормальнаго устава учебныхъ заведеній, куда, какъ мы видѣли, былъ назначенъ министромъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя, Кеппенъ, лишь только онъ возвратился изъ своего славянскаго путешествія. Но съ новымъ царствованіемъ этотъ Комитетъ былъ закрытъ и на мѣсто него образованъ «Комитетъ устройства учебныхъ заведеній», о которомъ мы говорили уже выше, съ Сперанскимъ, кн. Ливеномъ и др.³⁾ Кеппенъ сохра-

¹⁾ Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I, т. VI, Прилож., стр. 109.

²⁾ Записки и пр II, 238, 161: «Духъ времени» Шишковъ видѣлъ въ «страшномъ» карбонарствѣ и «книжномъ развратѣ» (см. тамъ же, II, 162). Отсюда забота о цензурѣ. Ср. его рѣчь 11 сентября 1824 г. въ Главномъ Правленіи училищъ — противъ «мечтаний», его замѣчанія противъ «худыхъ рукописныхъ тетрадокъ», которыя должны быть замѣнены руководствами, его мысли о соединеніи преподаванія съ воспитаніемъ — Шидъ, Исторія среди. уч. заведеній, 174—177.

³⁾ Призваніе Сперанскаго въ Комитетъ по лучшей организаціи русской школы обусловливалось, и личныя высокія качества его ума, искавшаго — «исправлять и обновить все старое», какъ охарактеризовалъ великаго человека гр. Корень, и постояннымъ участіемъ его раньше въ дѣ-

нялъ въ первое время мѣсто и въ новомъ организаціонномъ учрежденіи.

- Августъ 1826 г. Шишковъ провелъ въ Москвѣ. По возвращеніи оттуда послѣ коронаціонныхъ празднествъ, онъ, одновременно съ осмѣяннымъ въ столицѣ бракомъ дрихлаго министра съ полькою Лобаржевскою, когда обычный собесѣдникъ его въ славянскихъ дѣлахъ, Кеппенъ, уже рѣшилъ перемѣнить службу, перенестись на Югъ къ виноградю и сарачинскому пшену и развѣзжать отъ рубежа Бессарабіи и до Каспійскаго моря, останавливается на мысли — открыть славянскіи каѳедры во всѣхъ русскихъ университетахъ — «для расширенія изученія Славянства въ Россіи», какъ формулировалъ тогда-же цѣль министра его совѣтникъ, Кеппенъ. Въ этихъ интересахъ Шишковъ успѣшилъ воспользоваться присутствіемъ еще въ столицѣ своего славянскаго собесѣдника и посредника и поручилъ ему сейчасъ же съестись съ своими знакомцами въ Австріи — нельзя ли ихъ перевести въ Россію и при открыть славянскія каѳедры?

18 ноября 1826 года желаніе Шишкова уже было исполнено Кеппеномъ: онъ писалъ Ганкѣ о предполагаемомъ открытіи въ русскихъ университетахъ каѳедры «Исторіи славянскихъ литературъ». Тогда-же и о томъ же было отписано и второму другу, Копитару, въ Вѣну.

Время дѣятельности организаціоннаго Комитета Шишкова - Сперанскаго, естественно, было какъ нельзя болѣе удобнымъ для поднятія вопроса объ университетской славянской каѳедрѣ: Комитетъ занимался и положеніемъ университетовъ. Но участвовала ли самъ Комитетъ въ счастливой мысли объ открытіи славянскихъ каѳедръ и въ порученіи осуществленія ея Кеппену чрезъ вызовъ недостающихъ силъ? Изъ хода дѣла, какъ это

лохъ русскаго просвѣщенія. Царскосельскій лицей обязанъ Сперанскому и мыслью своею, и уставомъ. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ обязанъ ему же своей организаціей. Ср. проекты прошеній на высочайшее имя, писанные рукою Сперанскаго для его друга, Лазарева, въ приложеніяхъ къ «Письмамъ гр. Сперанскаго къ Х. I. Лазареву», Сиб. 1864. Вплоть понятна, если въ 1828 году Сперанскому высочайше поручено было «по сношенію съ министерствомъ нар. просвѣщ., учредить всѣ подробности: назначеніе наукъ въ університетъ и во II Отдѣленіи» — для лицъ избранныхъ къ приготовленію въ профессора юридическихъ факультетовъ. (Сборникъ постановленій по м. нар. просв., т. II. Ср. и стр. 549, 955).

будетъ ясно ниже, одно можно заключить, что проектъ Шишкова и мѣры его были извѣстны члену Комитету, Сперанскому: ибо ему тотчасъ же были предлагаемы полученныя условія и болѣе или менѣе одобрены, а позже онъ съ удовольствіемъ знакомится лично съ пражскими дѣятелями. Но все дѣло пока имѣло характеръ пробнаго шага, безъ всякой оффиціальной окраски. Вопросъ законодательный былъ впереди.

Мысль о славянской кафедрѣ въ университетѣ, объ организаціи и расширеніи славянскихъ студій, была не нова. Уже въ нашемъ прошломъ было много за нее. Но за нее особенно было настоящее.

Мы видѣли, что, благодаря стараніямъ Каченовскаго, еще въ 1811 году Московскій университетъ получилъ славянскую кафедру, такъ сказать, на пробу: но проба была неудачна. Судьбѣ угодно было, чтобы юная кафедра заглохла, попавши въ руки безталаннаго эстетика Гаврилова, чтобы плода не дала. Каченовскій съ такою настойчивостью и съ знаніемъ дѣла доказывалъ на страницахъ своего «Вѣстника Европы» необходимость изученія Славянства, и паки, и паки можно жалѣть только о томъ, что самъ ранній ходатай о славянскихъ студіяхъ не сѣлъ на мѣсто Гаврилова. Но этого мало.

Робко, неясно, но мысль Каченовскаго о необходимости знакомства съ славянскимъ міромъ въ русской школѣ не разъ заявлялась самимъ правительствомъ. Но если въ Московскомъ университетѣ, на глазахъ у Каченовскаго, славянская кафедра была мертворожденнымъ дѣтищемъ, отпугивала отъ себя, а не привлекала; то вполне понятно, если славянскія пожеланія въ распоряженіяхъ правительства оставались мертвою буквою; въ лучшемъ случаѣ получались гавриловскіе результаты.

Когда основанный Новосильцовымъ, при участіи славянскихъ ученыхъ, Педагогическій Институтъ въ 1816 году былъ преобразованъ Уваровымъ въ Главнѣй, то въ общихъ курсахъ двухъ первыхъ лѣтъ должны были быть преподаваемы: «Древности другихъ народовъ, въ особенноти, славянскія».

Въ 1818 году Главное Управленіе училищъ, указывая на многопредметность въ гимназическомъ преподаваніи, на «праздноумственность и безплодность» такихъ предметовъ, какъ: «философическая» грамматика, рекомендовало «преподаваніе русскаго языка основать на знаніи языка славянскаго; для точнаго

-же знанія этого надлежитъ быть свѣдущимъ въ древнихъ, особливо въ греческомъ, служащемъ ему первообразомъ¹⁾).

По вступленіи въ министерство Шишкова, бойчѣе заговорили о славянскомъ языкѣ. Въ заботѣ объ упорядоченіи русской школы, о соответствіи ея національнымъ нуждамъ, Шишковъ указывалъ, чтобы всѣ школы носили русскій характеръ, чтобы для того въ нихъ языкъ славянскій повсемѣстно былъ вводимъ и ободряемъ²⁾).

Когда, почти одновременно съ возникновеніемъ мысли объ открытіи славянской каѳедры во всѣхъ русскихъ университетахъ, въ маѣ 1827 года, Шишковъ утверждалъ уставъ Латышскаго ученаго Общества, мы можемъ себѣ представить, какъ отрадно было славянскому сердцу министра читать, что Общество обязывалось «дѣлать сличенія съ близкимъ латышскому языку славянскимъ»³⁾).

Съ другой стороны, въ сочувствіи къ своей мысли о введеніи славянонаученія въ русскіе университеты Шишковъ сомѣваться не могъ: она такъ прекрасно отвѣчала запросамъ русской мысли, науки.

Мы видѣли, какъ горячо пропагандировалъ славянскія студіи Каченовскій, еще въ началѣ столѣтія, студіи, на которыя указывали раньше Румольскій, Лепехинъ, которыя вызывала сама императрица Екатерина. Мы слышали, въ какомъ горькому признанію привело ученаго іерарха чтеніе «Русской Правды» Раковецкаго, какъ обворожилъ его широкой «славянизмъ» польскаго славянослова, видѣли, съ какою любовью встрѣтилъ старый канцлеръ грамматику Добровскаго, чешскія открытія, какъ радъ онъ былъ сербу Вуку, условленной съ нимъ сербской миссіи, какъ заботливо слѣдилъ за страждованіями Кеппена среди славянъ, сколько надеждъ возлагалъ на этотъ «подвигъ» Кеппена Евгеній.

20-ые годы внесли въ русскую журналистику самый живой интересъ къ вопросамъ Славянства. Къ старой проповѣди Каченовскаго, этого журналиста Румянцовскаго Кружка, примк-

¹⁾ Шидъ, Исторія ср. уч. завед., стр. 117, 129, 127. Подъ выраженіемъ «первообразъ» вѣроятно, имѣлось въ виду известное отношеніе церковно-славянскаго синтаксиса къ греческому.

²⁾ Тамъ-же, стр. 177.

³⁾ Сборникъ постановленій по мин. н. пр. II, стр. 62.

нули другіе серьезныя дѣтели изъ самыхъ противоположныхъ партій.

О славянской дѣтельности Кеппена, направленіи его «Листовъ», мы говорили равьше. Но журналъ былъ специальнымъ органомъ специальныхъ интересовъ своего цеха. Тѣмъ любопытнѣе появленіе съ 1825 года въ русской журналистикѣ такого требовательнаго искателя славянскаго знанія, какъ Н. Полевой, съ своимъ «Московскимъ Телеграфомъ»: «неграмотный, но всегда симпатичный», сказалъ о Полевомъ тогда-же Пушкинъ.

Уже въ вводной статьѣ въ новому изданію—въ «Обозрѣніи наукъ и литературы за 1824 годъ», новый публицистъ, недовольный минувшимъ русскою наукою, восклицаетъ: «явите достойныхъ историковъ, филологовъ, прозаиковъ, ученыхъ... И сколько требуетъ еще самый языкъ. Пора, пора приняться за дѣло настоящимъ образомъ»¹⁾.

Въ «Евсархѣ» Калайдовича Полевой увидѣлъ радостное включеніе, и онъ привѣтствовалъ его, какъ мы видѣли, горячо—«звукомъ трубы».

Въ планѣ объ образцовомъ изданіи русской лѣтописи Полевой требуетъ, какъ приложенія, особаго тома, третьяго, который заключалъ-бы въ себѣ «географію Несторову, исторію славянскихъ народовъ вообще и русскаго въ особенности, исторію языка славянскаго и русскаго, соображеніе мѣстъ изъ Библии, приведенныхъ Несторомъ»²⁾.

Привѣтствуя мысль канцлера объ описаніи славянскихъ синодальныхъ рукописей Калайдовичемъ и Румянцовскаго Собранія Востоковымъ, «Московскій Телеграфъ» въ IV части помѣстилъ письмо изъ Праги (отъ 22 апрѣля) о засѣданіи Чешскаго Музея, о выставкѣ картинъ, а въ V—fac-simile статьи Ломоносова по русской грамматикѣ—«о славенскомъ церковномъ языкѣ и о нынѣшнихъ діалектахъ»³⁾.

Въ томъ-же, первомъ, году помѣщенъ разборъ Шлегелева перевода Бхагивадъ Гита, съ замѣчаніемъ, что еще въ 1787 г. этотъ санскритскій текстъ былъ переведенъ по-русски, съ англійскаго, и въ одной росписи онъ названъ сочиненіемъ госпо-

¹⁾ I, 257—258.

²⁾ I, 247—248.

³⁾ 75—79. Въ концѣ.

ина Кришны. Московскій журналъ и — санскритъ: какая су-
дхиятица, и она вдохновила извѣстнаго Воейкова, сказать о По-
левомъ—

Битый рюриковой палкой
И санскритскимъ батошьемъ...¹⁾

Можемъ отмѣтить еще энергическую статью противъ «Еска-
воновъ» Сестренцевича, что все это безъ исторической критики
и «не можетъ быть причислена къ историческимъ пособіямъ
для изыскателей исторіи славянской и русской»²⁾.

Въ программѣ журнала на слѣдующій, 1826, годъ Поле-
вой съ удареніемъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ вопросамъ
славянскимъ, что въ области наукъ журналъ его останавлива-
ется на археологіи, палеографіи, лингвистикѣ³⁾ — на лѣто-
писяхъ, пѣсняхъ, преданіяхъ разныхъ народовъ, особенно
сѣверныхъ, азіатскихъ и славянскихъ.

Но статей было немного. Уважемъ на большую статью
«О состояніи, духъ и стремленіи новѣйшей польской поэзіи»
(Мицкевичъ, Залѣскій, Одынецъ) и на случайную корреспонденцію
Ганки: «Богемская литература», пересланныю отъ Кеппена. Но
помѣщая строки Ганки, редакторъ прибавляетъ отъ себя: «мы
почли бы пріятнѣйшею обязанностью помѣщать все извѣстія о
литературахъ народовъ славянскихъ, какія почтенный г. Кеппенъ
сообщалъ въ Библиографическихъ Листахъ, къ общему
сожалѣнію прекратившихся съ прошедшимъ годомъ. Сія извѣ-
стія можно назвать драгоценными, ибо литература богемцовъ,
сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ (съ малыми исклю-
ченіями для русскихъ и поляковъ) донинѣ еще не составляетъ
отдѣла библиографіи и тѣмъ менѣ критики, въ журналахъ нѣ-
мецкихъ, французскихъ и англійскихъ. Въ семъ случаѣ пріятно
было-бы видѣть, что русскіе берутъ на себя трудъ, о которомъ
другіе европейцы еще не подумали»⁴⁾.

Вездѣ въ Полевомъ говорило и чувство русское, и спра-
ведливое уваженіе къ Западу, къ ея наукѣ, т. е., къ опыту ты-

¹⁾ Ч. V, 64 и сл.—Въ «Домѣ съумашедшихъ».

²⁾ 1825, ч. VI, 390.

³⁾ Кажется, слово «лингвистика» впервые въ русскомъ языкѣ упо-
треблено здѣсь.

⁴⁾ Ч. X, 183—169, 265; X, 315—316 и прим.

скачлѣтій, не затмѣваемое первымъ. Всѣмъ этимъ Полевой былъ непохожъ на своего московскаго собрата, выступившаго на соперничество съ нимъ — быть истолкователемъ желаній, стремленій общественныхъ, но вполнѣ сближаясь съ нимъ въ славяно-научныхъ симпатіяхъ. Мы говоримъ о «Московскомъ Вѣстникѣ» пзвѣстнаго намъ Погодина, начавшаго выходить въ 1827 году.

Если журналъ Полеваго былъ исключительно выразителемъ личнаго духовнаго міра его редактора, то изданіе Погодина было органомъ уже цѣлой группы единомышленныхъ людей — зарождавшагося, въ будущемъ знаменитаго, общества славянофилловъ, пока еще открыто не объявлявшихъ умаго Запада въ гнѣвнѣ, но учившихся у него, даже вдохновляемыхъ имъ¹⁾. Понятно, что направленіе втораго московскаго журнала было особенно славянское.

«Московскій Вѣстникъ» былъ предпринятъ по мысли юнаго, съ блистательнымъ образованіемъ (конечно, западнымъ) и дарованіями, поэта Веневитинова, на второмъ мѣстѣ—его столь же образованныхъ и даровитыхъ друзей: Хомякова, обомхъ братьевъ Кирьевскихъ, Кошелева († 1883). Предварительно отмѣтимъ, что 1825 и начало 1826 года Хомяковъ провелъ за границей, въ Парижѣ, но на обратномъ пути обѣѣхалъ земли

¹⁾ 23 дек. 1829 г. Погодинъ пишетъ Шевыреву въ Италію: «П. Кирьевскій былъ у Шеллинга, который говорилъ много о Россіи. «Россія опредѣлено великое назначеніе». Я дохнуть не могъ, слушая это мѣсто изъ письма. Шеллингъ говоритъ, что Россія имѣетъ великое предназначеніе. Слышишь ли? . . .» (Русскій Архивъ, 1892, V, 123). Кирьевскому было тогда 21 годъ (1808—1856). Въ исторіи патологическаго аоризма славянофилловъ: «гнилой Западъ», равноумнаго съ аоризмомъ втораго десятилѣтія: «апокалипсическій звѣрь», т. е. Наполеонъ, замѣтимъ, что впервые то изреченіе встрѣчается у кн. Вяземскаго и ранѣе появленіи славянофилловъ. 9 сент. 1824 г. князь изъ Москвы пишетъ Жуковскому, упрекая въ невниманіи къ смерти Байрона: «. . . Наполеонъ на островѣ св. Елены и Байронъ въ Миссолунга! Вотъ два поэтическіе эароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая то религізная таинственность, т. е. религія, но . . . Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться гнилью европейскою, въ виду природы еще не упраздненной». (Русскій Архивъ, 1884, IV, 334). Конечно, смыслъ здѣсь особый.

западныхъ славянъ¹⁾. Правда, еще въ 1826 году Веневитиновъ переехалъ въ Петербургъ; но и отсюда онъ зорко слѣдилъ за задуманнымъ предпріятіемъ, заботился объ его успѣхѣ. Онъ пишетъ Погодину, что не худо бы пригласить къ соучастию Мицкевича (тогда былъ тогда въ Москвѣ и блисталъ въ салонахъ княгини Зинаиды Волконской) — «слышимаго за знатока литовскихъ древностей, латышскаго и древне-славянскаго языковъ»²⁾.

Не перечисляя статей въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (конкуренція его съ журналомъ Полеваго была слаба; самъ Пушкинъ, хотя и соучастникъ Веневитинова, не хваляно думалъ о Погодинѣ³⁾); число подписчиковъ никогда не превышало 300), замѣтимъ только, что знаменитый Востоковъ тогда-же, въ первомъ году, помѣстилъ любопытную статью—объ открытой имъ въ старыхъ русскихъ прологахъ біографіи св. князя чешскаго Вячеслава — моментъ объединенія насъ съ форпостомъ славянскаго племени еще въ X стол. Объ этой статьѣ уже предварительно полетѣли извѣстія въ Прагу—отъ Кеппена къ Ганкѣ, съ особенною рекомендаціей московскаго предпріятія Веневитинова, съ просьбой—черезъ него, Кеппена, участвовать и самому въ дѣлѣ изданія.

«Расчитывая, извѣщаетъ Кеппенъ Ганку 18 ноября 1826 года, на продолженіе вашихъ благосклонныхъ сообщеній, я далъ

¹⁾ Бартеневъ, Въ память объ Хомяковѣ, 29. Понятно, какъ лично знакомый съ доступною тогда частью славянства, Хомяковъ нѣсколько позже, въ 1830 г., могъ подать совѣтъ Шевыреву: «проѣзжая чрезъ славянскія земли въ южной Австріи, говорите имъ можно болѣе съ жителями—всѣхъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напомнитъ имъ иногда объ Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ». (Русскій Архивъ, 1882, III, 146).

²⁾ Полное собраніе сочиненій Веневитинова, издан. Пятковскаго, 1862, 12. Какъ ковенскій уроженецъ, Мицкевичъ могъ практически знать литовскій языкъ, но не латышскій. Польскій поэтъ въ то время пользовался сердечными симпатіями среди русскихъ писателей. Не говоря о Пушкинѣ, укажемъ на кн. Вяземскаго, Козлова. 2 янв. 1828 князь пишетъ Козлову изъ Москвы: «... наконецъ и я скоро пушусь въ Крымъ, по слѣдамъ Мицкевича... Шимановская пишетъ мнѣ, что бываетъ у васъ довольно часто и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Сдѣлайте одолженіе, скажите ей и дочерямъ кой сердечный радостъ до пог, также и Мицкевичу; только сердце мое подаетъ ему не въ ноги, а въ объятія». (Рус. Архивъ, 1882, II, 133).

³⁾ Сочиненія (изд. Лит. ф.), I, 187. Письмо въ ноябрѣ 1826 г.

согласіе нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, во главѣ которыхъ сталъ павѣстный вамъ переводчикъ Погодинъ, поставлять имъ славянскія вещи для новаго журнала: «Московскій Вѣстникъ». Какъ долго я буду участвовать тамъ, почтительнѣйше прошу васъ всѣ извѣстія сообщать мнѣ посто, книги же и большія посылки, по прежнему, отправлять чрезъ Вѣну или моремъ. Чѣмъ чаще, чѣмъ подробнѣе будете писать, тѣмъ болѣе буду благодаренъ вамъ за сообщенія и наставленія. Самъ Востоковъ обѣщаль москвичамъ кое-что доставить¹⁾.

Въ самомъ русскомъ обществѣ, у лучшихъ людей, на сторонѣ, давно бродило какое-то исказіе разумно-національнаго, своего, славянскаго.

Отмѣтимъ прежде всего автора картинновъ современной цивилизаціи Москвы, Грибоѣдова. Его любовь къ старинѣ, къ разумному своему у, такъ ярва въ Чацкомъ. «Въ Кіевѣ я, писалъ Грибоѣдовъ къ В. О. Одоевскому въ 1825 г., пожилъ съ умершими. Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе²⁾. Культъ своего необходимо требовалъ общаго органическаго основанія — Славянства, и этотъ процесъ ясно и полно совершился, чрезъ два-три года, съ кружкомъ Венеитинова, Кирѣевскихъ.

Но особенно жаркимъ глашатаемъ Славянства, внутри себя, былъ пушкинская Кюхля—несчастный Кюхелбекеръ.

«Я вотъ уже 12 лѣтъ, отмѣтилъ онъ въ своемъ петропавловскомъ заключеніи въ 1832 году, службу въ дружинѣ славянъ, подъ знаменами Шишкова, Грибоѣдова».

Дѣйствительно, еще въ 1821 году нѣмецъ Кюхля читалъ лекціи въ Парижѣ о — славянской литературѣ и славянскомъ языкѣ. Импровизированныя славянскія лекціи возбуждали живѣйшій интересъ въ Парижѣ; но изъ посольства было тотчасъ-же приказано Кюхелбекеру убраться домой³⁾. Въ своемъ же долгомъ заключеніи онъ только и услаждался «Вѣстникомъ» Каченовскаго, «Спорами и Нориками» Буткова, возражая послѣднему, что «языки кавказскихъ чеховъ и леховъ не

¹⁾ Приложенія, IV, 15.

²⁾ Русскій Архивъ, 1882, V, 10.

³⁾ Русская Старина, 1875, сентябрь, 83; XII, 342, прим. 3.

представляютъ никакого сходства съ языками польскимъ или богемскимъ», что сходство существуетъ между языками славянскими, германскими, еракійскими, но не съ кавказскими. Языкъ же нашей Библии онъ зналъ близко, зналъ наизусть пареміи изъ Ветхаго Заветъ¹⁾.

Вспомнимъ, наконецъ, добрымъ чувствомъ и имя другаго страдальца «въ темныхъ пропастяхъ земли», кн. А. Одоевского, сердечнаго друга Грибоѣдова и сотоварища Бюхельбергера. Какая могучая славянская струна звучала въ его «Славянскихъ дѣвахъ», въ этихъ раннихъ нашихъ грезахъ о славянствѣ, подъ эгидой Россіи!

«Кто-же напѣвы чѣхъ услышитъ»? — спрашиваетъ поэтъ. Онъ укоряетъ ихъ:

«Дѣвы! согласно что не поете

Пѣсни святыя минувшихъ временъ?...

Боже, когда-же сольются потоки

Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ...

И, увлажая полъ-міра собой,

Землю украситъ могучей красой!»

Но съ тоскою поэтъ сознаетъ, что

«Старшая дочь въ семействѣ Славяна

Всѣхъ превзошла величіемъ стана,

Славой гремитъ, но—грустно живетъ:

Въ теремѣ дни проводить, какъ ночи...²⁾

Нельзя не припомнить здѣсь «Соединенныхъ Славянъ», о которыхъ мы говорили раньше: ясно, ихъ титулъ не былъ пустымъ звукомъ, а девизомъ, дѣйствительною программой, хотя и мечтательною. Нельзя не припомнить и политическихъ грезъ старика Добровскаго. Замѣтимъ еще, какъ высоко глубиною мысли возносится русскій поэтъ надъ Колларомъ, который въ своей «Дщери Сланы» посвятилъ также нѣсколько строфъ «славянскимъ дѣвамъ»!..

«Туга» русскихъ людей по Славянству встрѣчала обратный сочувственный отзывъ въ самыхъ уютныхъ уголкахъ славян-

¹⁾ Тамъ-же, сентябрь, 83—85.

²⁾ Полное собраніе стихотвореній кн. А. И. Одоевского, изд. б. Ровеза (Спб. 1883), стр. 89—90. Очевидно, Пушкинъ повторилъ только кн. Одоевского въ изв. одѣ.

слага міра, наприкладъ, на границѣ турецкой — среди сербовъ Венгріи, гдѣ томила Шафарикъ, и это въ то время, когда Копитаръ уже съ сердечнымъ удовольствіемъ, но къ ужасу Добровскаго, видѣлъ плоды своей дѣятельности—литературный расколъ сербовъ и русскихъ.

Въ противудѣйствіе копитаровской австрійской пропагандѣ, въ Новомъ Садѣ, въ 1825 году, сербское патриотическое Общество—«Матица»—стало издавать «Сербске Лѣтописи», удерживая историческій литературный языкъ и правописаніе, какъ показываетъ самое заглавіе. Но не одна русская форма важна для насъ: важнѣе направленіе журнала, которое ярко обозначилось уже въ первомъ-же году, въ статьяхъ руководителя журнала, талантливаго Георгія Магарашевича.

Отмѣчающей статьёй уже была первая: «Краткія бібліографическія свѣдѣнія о литературѣ славянъ». Задачею журнала, говорилось въ ней, быть прежде всего справочною книгою о русской литературѣ, а, затѣмъ, сербскою бібліографіей. Въ другой статьѣ перваго года: «Воспитателна заведенија Славена», еще громче звучала русская нота.

«Всякій, говорилъ здѣсь редакторъ, кто испыталъ, насколько вредно было намъ въ литературѣ наше слабое знаніе трудовъ, положенныхъ на дѣло образованія у другихъ славянъ, способа ихъ развитія, болѣе того—наша отчужденность, легко признаеть, какъ полезно будетъ каждому сербскому патриоту знакомство съ этой стороны съ своими единоплеменниками. Начнемъ-же отъ русскихъ, какъ самаго главнаго и самаго знаменитаго народа славянскаго, который, особенно начиная съ Петра Великаго, не только въ политическомъ отношеніи, но и въ своей литературѣ, сдѣлалъ громадныя успѣхи»¹⁾.

Наконецъ, живой образецъ, подвигающій примѣръ для подражанія, былъ у себя дома. Мы говоримъ о заботахъ обоихъ польскихъ университетовъ, изъ которыхъ одинъ, Виленскій, былъ въ прямомъ подчиненіи у Шишкова, дать мѣсто у себя научному славяновѣднію.

Еще въ 1822 году совѣтъ Виленскаго университета командировалъ за границу, для обозрѣнія и изученія славянскаго міра,

¹⁾ Цитируемъ изъ статьи: «Ф. Магарашевичъ, српски книжевник, оснивач и први уредник Српског Летописа» въ журналѣ—«Летопис Матице Српске», кн. 150, стр. 18—19.

одного изъ наиболее подготовленныхъ — по матеріальному знанію разныхъ языковъ, своихъ профессоровъ, знакомаго намъ унитскаго ксендза Бобровскаго, друга профессора Лелевеля ab intimis, несомнѣнно, въ интересѣ открытія въ будущемъ у себя специальной славянской катедры. Другъ Лелевеля былъ богословъ, человѣкъ немолодой, и его болѣе всего занялъ, естественно, Римъ.

Слѣдомъ за Виленскимъ университетомъ пошелъ и Варшавскій.

Въ 1825 году имъ былъ отправленъ въ славянскія-же земли профессоръ Кухарскій, позже пріятель Погодина и московскихъ славянолюбцевъ, проведеншій среди славянъ Австріи около пяти лѣтъ, особенно въ Прагѣ. По возвращеніи въ Россію, Погодинъ, писалъ о немъ Шевыреву (10 іюля 1830): «я успѣлъ въ послѣднее время сдѣлать много знакомствъ въ пользу просвѣщенія: съ варшавскимъ профессоромъ Кухарскимъ, который 5 лѣтъ обозрѣвалъ славянскія земли, жилъ полъ-года у насъ въ Москвѣ — ученѣйшій етнологъ и пламенный славянинъ»¹⁾.

Дѣйствительно, пріѣздъ «пламеннаго славянина» въ Прагу былъ праздникомъ для знакомыхъ намъ чешскихъ патріотовъ, особенно Челаковскаго, который тогда именно занимался польскимъ языкомъ и литовскимъ.

Если въ 1825 году Челаковскій изъ Праги жаловался своему другу Камариту: «у насъ все тихо, и вообще ничего не слышимъ изъ славянскаго міра; даже русскіе и поляки въ этомъ году не двигаются черезъ Прагу»: то появленіе въ началѣ слѣдующаго года Кухарскаго измѣнило «тихую» идиллію. «У насъ, пишетъ 15 февраля Челаковскій къ тому-же, теперь хорошій полякъ, профес. Кухарскій изъ Варшавы, который задержится еще мѣсяца четыре, учась по-чешски... Онъ намѣревается писать всеславянскую грамматику и по этой-то причинѣ польская Эдукаціонная Комmissія выслала его на три года въ славянскія земли, чтобы онъ учился славянскимъ языкамъ, такъ сказать, съ устъ. Уже хорошо щебечетъ по-чешски. Мы ему здѣсь весьма рады, и особенно я»²⁾.

Славянскія заботы польскаго министерства какъ нельзя болѣе отвѣчали подъему «славянизма» въ польской наукѣ 10-хъ,

¹⁾ Русскій Архивъ, 1862, 3, стр. 151.

²⁾ Čelakowský, Sebrané listy, p. 179, 186.

20-х годов: цѣль командировки Кухарскаго была — изученіе славянскихъ языковъ изъ живой рѣчи народа. Эти заботы еще сильнѣе отгѣняются, если вспомнимъ, что тогда-же, по словамъ Челаковскаго (вѣроятно, изъ сообщенія Кухарскаго), въ Варшавѣ основывали «что въ родѣ Славянской Академіи — «Общество любителей Славянства»¹⁾.

Суммируя все выше приведенное, можемъ сказать, что Шишковъ давалъ только послѣдую формулировку стародавнимъ исканіямъ русской интеллигентной жизни, санкционировалъ правильный, органическій выходъ, когда, по примѣру польскаго сосѣда, рѣшилъ вопросъ объ открытіи при русскихъ университетахъ спеціальной кафедры Славяновѣднія «для расширенія славяновизученія», иными словами, когда рѣшилъ — старую московскую мысль Каченовскаго сдѣлать общерусскою. Въ заслугу стараго мечтателя-славенолюбца надо отнести и то, что неудачный московскій опытъ не устранилъ его.

Еще менѣе нова была вторая мысль — для быстрѣйшаго осуществленія славянскаго проэкта вызвать недостававшія силы изъ-за моря, вызвать славянскихъ ученыхъ.

Уже великій царь начала XVIII вѣка, въ своей политикѣ безотлагательства, останавливался на славянахъ цесарскихъ: онъ пользовался не только услугами чешскихъ «шрейберовъ», но даже «иезовитовъ-бемчанъ», для спѣшнаго перевода книгъ, полезныхъ, по его мнѣнію, для обновляющагося московскаго общества, привыкшаго до тѣхъ поръ приобрѣтать залежалый товаръ польской цивилизаціи.

Примѣръ великаго преобразователя былъ живъ и у его преемниковъ. Императрица Елисавета разсматривала цесарскихъ сербовъ, какъ своихъ людей, къ раннему ужасу австрійскаго правительства: извѣстны ея вмѣшательства въ сербскія дѣла послѣ несчастнаго возстанія Петра Сегединца въ 40-хъ годахъ, приведшія къ переселенію сербовъ къ намъ. При Екатеринѣ былъ вызванъ знаменитый педагогъ, сербъ Мирковичъ фонъ Миріево, нашъ первый министръ народнаго просвѣщенія. Когда въ концѣ 80-хъ годовъ остановились на мысли открыть цѣлый рядъ провинціальныхъ университетовъ, Козодавлевъ, будущій александровскій министръ, въ своемъ ли-

¹⁾ Тамъ-же, р. 191.

беральномъ «Планѣ учрежденія въ Россіи университетовъ», рекомендовалъ тотъ же петровскій пріемъ — вызовъ профессоровъ изъ-за границы¹⁾. Въ началѣ царствованія Александра I были вызваны сербы австрійскіе: Стойковичъ, будущій харьковскій ректоръ и членъ учебнаго Комитета Шишкова, и Терлаичъ, себя не посраминшіе. Тогда же, въ 1804 г., попечитель Новосильцовъ, вызвалъ, по указанію сотоварища Сперанскаго, карпато-роса Орлая, для своего Института, карпато-росовъ же: Багугьянскаго (собственно Балудянскій), Лодія, Кукольника. Не забудемъ, что, какъ мы видѣли выше, тотъ же Новосильцовъ въ 1811 г. искалъ слависта для Россіи въ Вѣнѣ. Тогда же Сперанскій выписываетъ для Александровской Академіи извѣстнаго еврейста Фесслера изъ Трансильваніи, приведшаго въ ужасъ грубыхъ массоновъ толка московскаго попечителя Кутузова²⁾.

Но въ самыхъ широкихъ размѣрахъ старшій петровскій пріемъ имѣлъ быть приведенъ въ дѣйствіе въ 1820 году, въ министерство вн. Голицына, предшественника Шишкова, слѣд. всего за шесть лѣтъ до осенняго рѣшенія о вызовѣ славянъ, именно, послѣ децимаціи профессоровъ Казанскаго университета попечителемъ Магницкимъ.

Масса каедръ осталась вакантными. Какъ же замѣстить? Подростковъ какихъ-либо еще не было. Когда въ 1827 году предложено было Харьковскому университету указать своихъ кандидатовъ для образованія профессорскаго института въ Дерптѣ, ихъ не оказалось, и императоръ Николай могъ только помѣтить: «довольно стыдно Харьковскому университету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу»³⁾.

Князь Голицынъ надѣялся было помочь Казанскому университету вызовомъ изъ другихъ университетовъ; но на вызовъ никто не пошелъ. «Засимъ, говорилъ министръ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи; но зъ настоящее время, по существующему тамъ духу, не предвидится въ томъ пользы. Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ, есть Карпато

¹⁾ Ср. Сухомлиновъ, Исторія Рос. Академіи, VI, 56.

²⁾ Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 471, 489.

³⁾ Сборникъ постанов. мин. нар. просв., т. II, № 60, отъ 20 февраля.

-Росы, говоряшіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ¹⁾, которая защищаетъ доселѣ племена славянскія отъ духа египтофилии. Но извѣстно, что правительство австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ Карпато-Росовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи занимаютъ въ здѣшнемъ университетѣ кафедры, не могли по сей причинѣ сохранятьъ связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже перезывать изъ него сюда людей». По мнѣнію кн. Голицына, оставалось одно средство, хотя весьма неудобное — открыть официальные переговоры съ самымъ подозрительнымъ правительствомъ Австріи о замѣщеніи въ Казани 12 кафедръ — отъ скотоуличенія и до греческой словесности.

13 марта 1820 года послѣдовало на предложеніе министра высочайшее соизволеніе²⁾.

Бѣ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли открыты переговоры. Если раньше вызовъ практиковался болѣе въ одиночку, то теперь «перезываніе» получало характеръ суммарнаго дѣйствія.

Но Шишковъ, рѣшаясь открыть новую кафедру, не считалъ для себя обязательнымъ съ-разу остановиться на приѣмѣ кн. Голицына, хотя и высочайше одобренномъ.

Мѣра князя Голицына мотивировалась невозможностью найти иной путь, помимо официальнаго, для обновленія сношеній съ славянскими учеными Австріи: старыя связи прерваны; начинать новыя овасаются раньше призванные. Но Шишковъ не находился въ положеніи своего предшественника: въ средѣ къ нему близкихъ людей находился энергическій чловѣкъ, недавній славянскій странникъ, съ запасомъ самыхъ свѣжихъ и близкихъ личныхъ знакомствъ съ учеными подозрительной Австріи, которыя онъ къ этому времени еще болѣе укрѣпилъ

¹⁾ Тамъ-же, т. I, стр. 1357—1358.

²⁾ Любопытное признаніе въ устахъ денационализованнаго князя. Если-бы подобныя взгляды руководили министерствомъ иностр. дѣлъ послѣ Руминцова, въ эпоху Вѣнскаго конгресса, вѣроятно, Галицію не выпустили-бы изъ своихъ рукъ. А позже въ нашемъ обществѣ до того забыли про нашу кровную Галицію или Карпатскую Русь, что во время Съѣзда 1867 г. и Головацкій попалъ въ число «братьевъ-славянъ», вмѣстѣ съ «славянами», «славянами», «словенами» и т. д., — послѣднее изъ одной привѣтственной рѣчи. Странное время!

интимной перепиской. Это был дѣлопроизводитель Комитета — Кеппенъ. Да и самъ руководитель Комитета, министр Шишковъ, какъ мы видѣли выше, раздѣлялъ давно значительную часть славянскихъ знакомствъ своего ученаго чиновника, а эти знакомства, съ возвращеніемъ Кеппена изъ славянскаго путешествія, въ свою очередь еще болѣе освѣжились. Самъ Кеппенъ могъ только рукоплескать проекту Шишкову, вывеза изъ-за границы самое высокое мнѣніе объ ученыхъ славянахъ, въ чемъ онъ признавался имъ откровенно, безъ всякаго лукавства, въ своей перепискѣ съ ними.

Не прибѣгая ни къ какимъ оффиціальнымъ шагамъ, Шишковъ все дѣло о призывѣ славянскихъ ученыхъ изъ Австріи поручилъ лично Кеппену, при томъ — предварительно поднятія законодательнымъ путемъ самого вопроса объ открытіи славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ въ прямой зависимости отъ успѣшности вѣреныхъ Кеппену переговоровъ. Конечно, если вспомнимъ, что Ганка давно уже самъ добровольно назывался въ Россіи своимъ проектомъ «о національномъ членѣ» въ Академіи, то Шишковъ, открывая чрезъ Кеппена переговоры, болѣе могъ рассчитывать на положительный результатъ отъ нихъ, чѣмъ на отрицательный. Къ тому же, недавно еще изъ Австріи бѣжалъ Венелингъ, а по пражскимъ слухамъ не далѣе, какъ въ 1825 году, собирался бѣжать въ Россію и знаменитый словацкій пасторъ въ Пештѣ, поэтъ Колларъ, спасаясь отъ неистовства уже высоко подымавшихся голову мадьярскихъ націоналовъ ¹⁾.

. 3 .

Предварительно начатія Кеппеномъ переговоровъ съ славянскими учеными Австріи по порученію Шишкова-Сперанскаго, предварительно суммарнаго призванія славянъ, возвращаемся ко времени немного лѣтъ назадъ, ко времени установленія тѣснѣйшихъ отношеній у Кеппена съ Прагой, которая

¹⁾ «Говорятъ, пишетъ Чалаковскій Камарату 25 сент. 1825 г., Колларъ уже въ Россіи. Долженъ былъ бѣжать изъ Венгрии. Проклятые мадьяре рѣшили съ нимъ покончить». («Sebr. listy», p. 182).

отъ той отдаленной эпохи и понынѣ сердечнѣйшій уголокъ для русскаго слависта: и понынѣ витаетъ тамъ научный и политическій духъ великаго славянина—Добровскаго, а не одинъ духъ корысти.

Эти отношенія имѣли, несомнѣнно, свою долю участія въ быстромъ рѣшеніи Шишкова, и оофициозные переговоры стараго славянскаго посредника, Кеппена, отъ имени министра Шишкова были, какъ увидимъ сейчасъ, непосредственнымъ продолженіемъ раньше завязанныхъ имъ связей, предъ эпохой же переговоровъ получившихъ самый близкій—интимный характеръ.

Въ изложеніи этихъ отношеній, какъ и дальнѣйшихъ оофициозныхъ переговоровъ, мы воспользуемся небольшою, неизданною еще, перепискою Кеппена съ Ганкой, съ 1823 года, которую намъ посчастливилось найти въ Прагѣ, въ Народномъ Музеѣ. Переписка эта (отчасти въ нужныхъ отрывкахъ) помѣщается нами въ Приложеніяхъ, IV.

Въ началѣ 1822 года Кеппенъ прибылъ въ Вѣну, и почти весь этотъ годъ провелъ въ разъѣздахъ по Австріи, минуя Прагу, куда свернулъ только въ 1823 году.

Вѣроятно, подъ влияніемъ Копитара, Кеппенъ былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ Ганки, ибо въ Россіи привѣтливо встрѣтили знакомство съ Ганкой и Румянцовъ, и Шишковъ. Въ іюнѣ 1823, дѣлаясь съ Востоковымъ своими пражскими впечатлѣніями, Кеппенъ какъ-бы извиняется за свое прежнее отношеніе къ Ганкѣ: «о Ганкѣ я, пишетъ Кеппенъ, не имѣлъ того понятія, которое теперь только получилъ въ Прагѣ»¹⁾.

Кеппенъ и Ганка сердечно сошлись.

Уже 23 августа 1823 изъ Вѣны Кеппенъ спѣшитъ послать къ Ганкѣ свои свѣжія нѣмецкія работки, а чрезъ Ганку и къ Юнгманну, но въ Палацкому чрезъ Добровскаго, съ выраженіемъ крайняго безпокойства по поводу слуховъ о нездоровьѣ старика-аббата²⁾. Между тѣмъ Кеппенъ, подъ влияніемъ измѣнив-

¹⁾ П е р е п и с к а Востокова, № 25.

²⁾ Этимъ письмомъ начинается у насъ переписка Кеппена съ Ганкой. Оно писано по-нѣмецки, но Ганка отвѣчалъ по-русски и, очевидно, просилъ писать далѣе по-русски: «я, начинается Кеппенъ отвѣтное письмо 17 октября, никакъ не могъ думать, чтобы вы хотѣли переписываться со мною по-русски. Теперь, повѣрьте, что не стану уже писать къ вамъ на другомъ какомъ либо языкѣ». Съ этого времени переписка идетъ по-русски, кромѣ особенныхъ случаевъ.

шихся обстоятельствъ, рѣшилъ до срока возвратиться въ Россію, и 17 октября, пересылая Ганкѣ «Исторію русской словесности» Греча (въ Новомъ Садѣ тогда-же она подтолкнула Шафарика приняться за свою общеславянскую исторію литературы), онъ извѣщаетъ, какъ мы видѣли выше, о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ. Свидѣтельствуя чрезъ Ганку свое почтеніе Добровскому, Юнгманну и Палацкому, Кеппенъ заключаетъ письмо просьбой о дозволеніи и въ послѣдствіи оставаться въ перепискѣ: «повѣрьте, что каждое письмо ваше доставлять мнѣ будетъ полное удовольствіе»¹⁾.

На возвратномъ пути, въ Дрезденѣ, Кеппенъ получилъ отвѣтъ Ганки. О содержаніи его мы можемъ судить изъ письма Кеппена къ нему, уже по пріѣздѣ домой, но сейчасъ-же.

«А. С. Шишковъ, отвѣчалъ Кеппенъ, благодаритъ за пожеланіе ему Несторова вѣка и посылаетъ къ вамъ полный экземпляръ Академическаго Словаря. Думаю, что на ваше же имя будетъ отправленъ и другой экземпляръ, назначенный для публичной бібліотеки въ Вѣнѣ. Пусть и Копытаръ порадуется²⁾. Деньги за пересылку прошу взыскать съ вѣнцовъ... А. С. Шишковъ въ скоромъ времени будетъ писать къ вамъ; теперь онъ очень занятъ... Спѣшу и потому прощаюсь съ вами въ надеждѣ, что вы скоро подарите меня письмецомъ...» Письмо заканчивалось дружескимъ приглашеніемъ писать безъ титуловъ и просьбой—сказать свое отчество³⁾.

Письмо это помѣчено 8-мъ мая 1824, а черезъ недѣлю, 15 мая, Шишковъ былъ назначенъ министромъ. Понятно отсюда

¹⁾ Приложенія, IV, № 2.

²⁾ Вѣроятно, былъ отправленъ недавно оконченный печатаніемъ «Словарь Росс. Академіи азбучнымъ порядкомъ расположений», въ 6 томахъ. Титулось изданіе массу лѣтъ: 1-й томъ вышелъ въ 1806 г., послѣдній въ 1822. Но могъ ли порадоваться Копытаръ? Не для него былъ этотъ странный трудъ Академіи: съ сочиненными словами въ родѣ—д в о р о б р о д ѣ, смовва з а м о р е н н а я (т. е. винная ягода), съ невѣроятно длинными объясненіями элементарныхъ словъ: арбузъ, вишня, гусли («мусянійное орудіе») — по столбцу, съ необыкновенно-простыми грамматическими указаніями. А Фонъ-Визинъ, 40 лѣтъ назадъ, думалъ, что для азбучнаго словаря достаточно нѣсколькихъ подъячкихъ. Этотъ то академическій Словарь далъ поводъ Копытару съострить объ насъ: «die grossen, aber in der Wissenschaft noch sehr kleinen Russen». (Письма Добровскаго, № 177).

³⁾ Приложенія, IV, № 4.

выраженіе: «теперь Шишковъ очень занятъ». Ясно также довѣренное отношеніе между старикомъ-президентомъ и юнымъ горячимъ славистомъ уже тогда. Вскорѣ засимъ Шишковъ призвалъ Кеппена въ первый организаціонный Комитетъ.

Занятія по новой должности, рядъ задуманныхъ ученыхъ предпріятій (палеографическія работы для канцлера, соблазвившее изданіе Фрейзингенскихъ отрывковъ, приготовленія къ началу «Библиографическихъ Листовъ») отвлекли на время вниманіе Кеппена отъ его пражскаго друга, и въ перепискѣ—перерывъ, до начала 1825 года. Съ первыми-же номерами «Библиографическихъ Листовъ» отношенія возобновляются.

12 января 1825 г. Кеппенъ въ нѣмецкомъ письмѣ проситъ «друга» Ганку и другихъ пражанъ о содѣйствіи новому изданію. «Возьмите, пишетъ Кеппенъ, прилагаемые листы въ руки и исправляйте что можно, чтобы сообщая, наконецъ, согласиться о нашей славянской старинѣ. Къ сожалѣнію, въ прекрасномъ трудѣ нашего учителя Добровскаго я не нашелъ чешскихъ заглавій старопечатныхъ книгъ. Не могъ бы я получить ихъ отъ васъ?... Меня очень интересуеетъ полный указатель грамматикъ и словарей чешскаго языка. О польской части мнѣ обѣщали озаботиться Хлендовскій изъ Варшавы. Не могли ли бы вы указать мнѣ на самые лучшіе источники о чешскихъ трудахъ этого рода, равно какъ и сдѣлать прибавленія?»

Вмѣстѣ съ этимъ, Кеппенъ, посылая съ привѣтомъ свой журналъ Добровскому, Юнгманну и Палацкому, извиняется предъ ними, что самъ не пишетъ. «Не могъ бы одинъ или другой предложить съ своей стороны дополненія и поправки къ моей работѣ?»—заключаетъ Кеппенъ ¹⁾.

Ганка просьбу русскаго друга исполнилъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма Кеппена 5 августа. Лѣтомъ 1825 г. Юнгманъ издалъ свою «Historiji literatury české», собственно, библиографію чешскихъ книгъ, съ вводными статьями общаго характера; она была тотчасъ-же отослана Ганкой Кеппену, съ отмытками тѣхъ старопечатныхъ книгъ, о которыхъ спрашивалъ Кеппенъ. Благодаря за одолженіе и посылая новые номера своихъ «Листовъ», гдѣ была помѣщена статья о новыхъ чешскихъ книгахъ, Кеппенъ проситъ Ганку исправить здѣсь погрѣшности, и какъ можно

¹⁾ Приложенія, IV, № 5.

скорѣе, такъ какъ съ слѣдующаго года онъ собирался уже бросить свой журналъ.

Но, пиша къ другу Кеппену, Ганга никогда не забывалъ Шишкова. «По препорученію вашему я, прибавлялъ въ томъ же письмѣ Кеппенъ, засвидѣтельствовалъ ваше почтеніе А. С. Шишкову, который вамъ кланяется»¹⁾.

Въ послѣдующемъ нѣмецкомъ письмѣ, отъ 1 декабря, Кеппенъ отдастъ отчетъ о своихъ занятіяхъ Юнгманновой Исторіей литературы и проситъ выправить снимокъ Браледворской рукописи, а заключаетъ сътованіемъ на Добровскаго: «и такъ, батюшка Добровскій мнѣ никогда не напишетъ? Спросите его осторожно — не сердится ли онъ на меня и за что? Кажется, я повода никакого не подавалъ. Простите и пишите поскорѣе вашему другу Кеппену»²⁾. Дѣйствительно, въ письмѣ отъ 5 августа Кеппенъ писалъ Гангѣ: «прошу засвидѣтельствовать мое отличное почтеніе нашему батюшѣ Добровскому; скажите ему, что я давно уже ожидаю отъ него извѣстія, собственноручнаго, которымъ бы онъ меня чрезвычайно обрадовалъ».

Въ самомъ концѣ декабря (24) Кеппенъ посылаетъ Гангѣ, а чрезъ него Юнгманну и Палацкому, новые номера «Библіографическихъ Листовъ»³⁾.

Трудъ Юнгманна продолжалъ занимать Кеппена, какъ и вообще древняя чешская литература, а между тѣмъ онъ получилъ и давно жеманное извѣстіе отъ «батюшки» Добровскаго — но съ предостереженіемъ относительно Ганки, его открытій. Въ это время Добровскій сильно разошелся съ горячими учениками въ Прагѣ — «сектою зилотовъ», и въ современной перепискѣ Юнгманна, Челаковскаго дурное чувство къ ихъ великому учителю находило для себя уже откровенное выраженіе. «Славянствующій нѣмецъ», «хуже всѣхъ нѣмцевъ», «чѣмъ дальше, тѣмъ становится кислѣе и кислѣе» — вотъ эпитеты, которыми уснащены письма Юнгманна къ Марку еще въ 1823 году⁴⁾.

Было естественно, что Добровскій нѣсколько сердился на Кеппена, защищавшаго его учениковъ, и свое неудовольствіе онъ и выразилъ въ предостереженіи противу открытій Ганки.

¹⁾ Тамъ-же, № 7.

²⁾ Тамъ-же, № 8.

³⁾ Тамъ-же, № 9.

⁴⁾ «Savoris Musea», 1823, p. 48, 52.

Такъ какъ Добровскій указывалъ, что Ганка готовъ дать подробныя свѣдѣнія о первопечатныхъ чешскихъ книгахъ, то русскій славистъ, благодаря за это Ганку, 13 апрѣля 1826 чисто-сердечно проситъ: «желалъ-бы имѣть переводы нѣкоторыхъ заглавій, кои для меня несовсѣмъ понятны»¹⁾.

Конечно, не скромность говорила въ послѣднихъ словахъ Кеппена, а искреннее сознание. Если же уже не мало потрудившійся въ славянской наукѣ Кеппенъ, недавно еще болѣе двухъ лѣтъ кружившійся среди славянъ и славянскихъ студій, затруднился въ прочтеніи титула старой чешской книги, то это новый ясный знакъ, какъ слабо было еще среди нашихъ первыхъ славистовъ значіе славянскихъ нарѣчій и вообще славянской этнографіи, какъ благовременна и настоятельно нужна была задуманная реформа Шишкова. А долготѣтнія упражненія надъ Краледворскою рукописью и Любушинымъ Судомъ самого министра и его ученика, Грамматина († 1827), ничего не доказываютъ, какъ было указано раньше.

Лѣтомъ 1826 г. Кеппенъ отправилъ «своему драгоцѣннѣйшему другу» Соппкова и заключительныя страницы своихъ «Листовъ», при нѣсколькихъ сердечно-дружественныхъ нѣмецкихъ строчкахъ: «простите-же, пріятельски препоручите меня Юнгманну и Палацкому и скажите мнѣ, какими литературными вопросами заняты они»²⁾.

15 сентябри Кеппенъ получилъ отъ Ганки «дружескія» нѣмецкія строки, съ чешскими снимками и его нѣкоторыми замѣтками. «Къ сожалѣнію, отвѣчаетъ Кеппенъ 13 октября, у меня не достаетъ тѣхъ снимковъ, которые вы одновременно съ экземплярами Юнгманновой Исторіи чешской литературы прислали канцлеру»³⁾ и министру народнаго просвѣщенія. Какъ, подъ какимъ адрессомъ отправлены были эти посылки? Или лежатъ онѣ еще въ Вѣнѣ? Примите же трудъ не оставить эти вопросы безъ отвѣта, а теперь я долженъ всѣмъ этимъ особенно интересоваться, такъ какъ я еще не знаю, останусь ли въ Петербургѣ, или получу иное назначеніе на югъ Имперіи, простившись отчасти (курс. подл.) съ науками».

¹⁾ Приложеніа, IV, № 10.

²⁾ Тамъ-же, № 11.

³⁾ Т. е. гр. Румянцову.

Прекративъ въ августъ 1826 г. изданіе «Библиографическихъ Листовъ», Кеппенъ собирался теперь отослать въ Прагу послѣднія страницы: «все, прибавляетъ онъ, лежитъ на-готовѣ для васъ и нашего общаго предстателя — батюшки Добровскаго». Въ связи съ превращеніемъ «Листовъ» стоятъ заключеніе письма: «ваши любезныя сообщенія о новыхъ чешскихъ произведеніяхъ я направилъ въ Москву, гдѣ должны быть напечатаны въ Телеграфѣ»¹⁾).

По видимому, Кеппенъ ликвидировалъ всѣ свои славянскіе счета.

Но — разставаться Кеппену съ своими теплыми славянскими отношеніями было еще рано. Напротивъ, не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, ему предстояло закрѣпить ихъ на-всегда, принявъ въ свои руки серьезное дѣло — ихъ, этихъ своихъ пражскихъ друзей, перевести живьемъ въ Россію, съ ихъ славянскимъ знаніемъ, опытомъ, книгами, рукописями.

А пока, 24 октября, Кеппенъ получилъ новое письмо отъ Ганки, отъ 7 октября, съ новыми свѣдѣніями по чешской библиографіи, и новыя посылки книгъ чешскихъ. «Сегодня, отвѣчаетъ Кеппенъ Ганкѣ 25 октября, я уже предварилъ А. С. Шишкова о полученіи сихъ книгъ. При представленіи ему сочиненія г. Юнгманна, попрошу, чтобы автору былъ посланъ экземпляръ Академическаго Словаря. Знаете ли, прибавляетъ Кеппенъ, что Шишковъ на прошедшей недѣлѣ женился»²⁾)?

Женидба 72 лѣтняго министра на молодой вдовѣ, полькѣ Лобаржевской, стоятъ на межѣ двухъ отдѣловъ въ интимной перепискѣ двухъ друзей-славистовъ, петербургскаго и пражскаго: ученая переписка имѣла смѣниться теперь — дѣловой и была вызвана не кѣмъ инымъ, какъ младоженомъ Шишковымъ.

¹⁾ Приложенія, IV, № 13.

²⁾ Тамъ-же, № 14.

Обозрѣвая содержаніе переписки Кеппена съ Ганкой, въ періодъ времени съ 1823 по 1826 годы, мы видимъ, что съ возвращеніемъ Кеппена отъ славянъ пересылки съ Прагой у насъ приняли самый живой, дружескій характеръ. Переписка Кеппена и Ганки вращалась около текущихъ научныхъ работъ, какъ собесѣдниковъ, такъ и общихъ пріятелей: Палацкаго, Юнгманна. Старикъ, или, какъ фамильярно онъ титуруется въ письмахъ, папа Добровскій, окруженъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, но въ сторонѣ. За-то другой старикъ, несоотвѣтственный соперникъ Добровскаго, но теперь министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, почти не сходитъ съ пражскаго пера, съ чешскаго сердца — онъ болѣе и болѣе становится своимъ, домашнимъ человѣкомъ. Изъ Праги слѣшать къ Шишкову съ «богемскими» книгами, въ которыя онъ когда-то небезопасно зарывался, съ поклонами черезъ Кеппена, а Кеппенъ предстательствуетъ за своихъ славянскихъ друзей у добраго министра: тотъ благодаритъ, влѣняется чрезъ Кеппена, «богемскихъ» интересовъ не забываетъ, но занимается ими теперь безбоязно.

Въ промежутокъ трехъ лѣтъ—1824—1826 гг. — слависты изъ Праги: Ганка, Юнгманнъ, уже раньше знакомые Шишкову -президенту изъ личной переписки, теперь, благодаря присутствію Кеппена въ Петербургъ, становятся уже короткими знакомцами Шишкова, но уже министра. Старикъ привыкъ столько-же къ ихъ именамъ, какъ и къ самому Кеппену, своему дѣлопроизводителю.

Такъ постепенно прокладывался ученый славянскій путь отъ нихъ въ намъ, изъ Праги въ Россію. Онъ открылся чешскими открытіями: но заслуга уладки его принадлежала энергичному Кеппену, который, по вѣрному предсказанію преосв. Евгени, изъ своего смѣлаго славянскаго странствія тощъ не возвратился. Въ порядкѣ вещей, что въ будущемъ, съ развитіемъ славянскихъ интересовъ, путь этотъ долженъ былъ стать живѣе и живѣе.

Дѣйствительно, приближалось время, когда вотъ-вотъ по этому свѣжему пути тронется и потянется уже цѣлый славянскій караванъ на Сѣверъ: Ганка и его пражскіе друзья двинутся въ сѣверный «Іерусалимъ», и старыя грезы его, Ганки, о «національномъ членѣ» въ Россійской Академіи облекутся въ плоть. . . .

Не прошло и мѣсяца послѣ послѣдняго письма (25 окт.)— оно, вѣроятно, еще не было въ Прагѣ, ибо на немъ рукой Гаяки отмѣчено, что отвѣтъ послѣдовалъ 20 декабря н. ст., какъ Кеппенъ отправилъ къ своему пражскому другу новое, и опять нѣмецкое, какъ бы опасаясь быть не вполне понятымъ по русски.

Помѣта письма — 18 ноября 1826 года.

Начало, какъ и въ прежнихъ, посвящено обычной литературной бесѣдѣ, въ связи съ личными обстоятельствами Кеппена. Оно намъ знакомо изъ предшествующаго. Кеппенъ проситъ Гаяку сообщать ему почаще и пообстоятельнѣе свѣдѣнія о чешскихъ новостяхъ для новаго журнала — «Моск. Вѣстника» Погодина, извѣщаетъ о своемъ рѣшенномъ перемѣщеніи въ Крымъ, утѣшая своего друга, что тамъ онъ, можетъ быть, будетъ имѣть больше времени для своей славянской корреспонденціи. Но далѣе — крутой поворотъ.

«Теперь, продолжаетъ Кеппенъ, имѣю поговорить съ вами о предметѣ, который, какъ мнѣ кажется, очень важенъ. Онъ касается расширенія изученія Славянства въ Россіи. Было-бы весьма желательно, чтобы отнынѣ (новая организація школьнаго дѣла, которая теперь въ ходу, могла бы этому пособить) въ университетахъ находились профессора для исторіи славянскихъ литературъ. Скажите-же мнѣ, что вы думаете объ этомъ — кого бы вы могли назвать, какъ сотрудниковъ, въ этомъ дѣлѣ и — не были бы вы склонны сами перемѣститься въ Россію, и подъ какими условіями»?...

Затѣмъ, Кеппенъ подробно описываетъ на первомъ мѣстѣ наивныя прелести профессуры въ Россіи, въ расчетъ на слабость людскую — честолюбіе, и — матеріальныя выгоды.

«Кто русскимъ профессоромъ, тотъ тѣмъ самымъ и Hofrath. По крайней мѣрѣ, такъ было доселѣ. Онъ и его дѣти принадлежатъ (разъ они стали русско-подданными) къ російскому дворянству. Содержаніе профессора составитъ въ будущемъ, вѣроятно, отъ 4 до 5 тыс. рублей, т. е. около 2000 гульденовъ серебромъ».

«Петербургъ, Москва, Харьковъ и Казань, поясняетъ далѣе Кеппенъ вопросъ о славянской кафедрѣ, вотъ тѣ универси-

тетъ, для которыхъ были бы желательны славянскіе профессора. Предварительно я уже говорилъ съ министромъ въ этомъ отношеніи, и онъ разрѣшилъ мнѣ узнать ваше мнѣніе. Только я прошу отвѣчать какъ можно скорѣе, такъ какъ и самъ не знаю, останусь ли еще, и какъ долго, въ Петербургѣ? Чтò думаете вы о Шафарикѣ и полагаете-ли, что онъ направился бы въ Россію? Было бы желательно, чтобы мы започли людей отъ обѣихъ главныхъ вѣтвей славянскаго племени¹⁾. Жаль, что Палацкій доселѣ мало писалъ, и полагаете ли вы, что онъ, при своей поэтической натурѣ, не легко бы взялся за сухую литературу? Впрочемъ, его рвеніе, кажется, ругается за него. Но обращалъ ли онъ вниманіе на литературу восточной вѣтви славянъ?...

Осторожно намѣтивъ славянскихъ кандидатовъ на славянскія кафедръ: Ганку, Шафарика и — эвентуально — Палацкаго (Юнгманнъ благоразумно опущенъ, какъ старикъ — 53 лѣтъ), Кеппенъ спѣшитъ устранить затрудненіе при естественномъ вопросѣ объ языкѣ преподаванія: «лекціи на первое время могли бы быть на латинскомъ, пожалуй, на нѣмецкомъ языкѣ, пока-бы новые профессора вполне не освоились съ русскимъ».

«Имѣй мы здѣсь, пишетъ въ заключеніе своего любопытнаго предложенія отъ 18 ноября Кеппенъ, по крайней мѣрѣ, одного ученаго чеха или словака, то и сравненный Далемилъ могъ бы быть здѣсь напечатанъ, какъ этого желаетъ министр. На дняхъ же онъ самъ будетъ писать вамъ объ этомъ предметѣ, какъ и о работахъ Лубенскаго, которыя онъ желаетъ имѣть здѣсь»²⁾.

¹⁾ Т. е. представителей, какъ отъ сѣверо-западныхъ славянъ, такъ и отъ юго-восточныхъ, по распредѣленію славянъ у Добровскаго.

²⁾ Приложеніа, IV, № 15. Письмо это Кеппенъ заключаетъ опять литературными справками о дѣятельности Добровскаго, Юнгманна, сомнѣніемъ своимъ о Любушинскомъ Судѣ. Упомянувъ о Лубенскомъ, Кеппенъ продолжаетъ: «напишите однако условія Лубенскаго и сообщите ихъ мнѣ». Лубенскій — молодой сербъ-лужицанинъ, который въ то время началъ обработку грамматики своего роднаго языка по системѣ Добровскаго. Онъ учился въ т. наз. сербо-лужицкой католической семинаріи въ Прагѣ. Во время путешествія Бобровскаго по Лужицамъ, въ 1823 г., Лубенскій былъ его спутникомъ («Вѣсти. Евр.», 1825, № 4). Но о какихъ работахъ запрашивалъ Шенниковъ? Вѣроятно, словарныхъ, по лужицкому языку.

Письмо заключено опять литературными просьбами и предложениями.

Таково содержаніе историческаго письма сотрудника и славянскаго посредника министра Шишкова *in slaviciis* къ Ганкѣ отъ 18 ноября 1826 года.

Изъ него видно, что открытіе новой, славянской, кафедръ стояло въ связи съ общими организаціонными мѣрами въ дѣлѣ національнаго образованія: она имѣла укрѣпить, «расширить» изученіе Славянства въ Россіи. Инициаторомъ могъ быть только самъ министръ, но не его предприимчивый чиновникъ, хотя совершенно повѣстно, что Кеппенъ всѣми силами долженъ былъ поддерживать счастливую мысль о славянской кафедрѣ. Думаемъ, что уже давно, нѣз-подъ-доволь, въ частныхъ и частыхъ славянскихъ бесѣдахъ съ министромъ, призваннымъ къ особенно цѣлю—упорядоченія, націонализаціи русской школы, недавно возвратившагося съ прекрасными впечатлѣніями отъ славянъ Кеппена, только что прекратившаго изданіе своего объединительнаго славянскаго органа, гдѣ столько мѣста отведено было явленіямъ славянскихъ литературъ, и крупнымъ, и мелкимъ, крупныхъ и мелкихъ литературъ, рѣчь о славянской кафедрѣ и о легчайшемъ, традиціонномъ, способѣ ея осуществленія была предметомъ обсужденія. Истинное отношеніе Кеппена къ министру, сближеніе съ тѣмъ же министромъ, но чрезъ Кеппена, пражскихъ славистовъ до того, что самъ Шишковъ увлекается ихъ темами (онъ собирается сейчасъ же писать Ганкѣ о его «Далемилѣ»), говоритъ въ пользу этого предположенія. Но, открывая, съ прямаго разрѣшенія министра, рѣчь съ Ганкой о славянской кафедрѣ въ Россіи, Кеппенъ не одобренія отъ Ганки искалъ самому проекту, а обратился, какъ въ общему близкому знакомому и общепонимаемому агенту, за практическимъ совѣтомъ: на-сколько осуществимъ проектъ въ виду мѣстныхъ, западно-славянскихъ, условій, найдутся ли охотники? Это какъ нельзя лучше видно изъ аналогическаго запроса, и тогда же, 18 ноября, и въ Вѣну, къ Копитару. Копитаръ имѣлъ помочь, какъ получить представителей отъ второй «главной вѣтви славянскаго племени», т. е., юго-восточной, какъ это ясно изъ его отвѣтнаго письма Кеппену отъ 3 января (я. ст.) 1827 года.

На первомъ мѣстѣ расчетъ былъ на самого Ганку: онъ еще недавно предлагалъ мысль о «національномъ членѣ» въ Академіи. Кеппенъ самъ намѣчаетъ на второмъ мѣстѣ Шафарика, и только на третьемъ Палацкаго, но оговариваясь, что было-бы лучше, если бы кандидатами не были одни чехи. Нѣсколько сомнѣваясь въ принятіи предложенія Шафарикомъ, онъ не вполне довѣряетъ «поэтическому» Палацкому.

Только что было упомянуто, что одновременно съ обращеніемъ въ главную агентуру, тождественный запросъ былъ сдѣланъ Кеппеномъ и въ Вѣну.

Изъ обоихъ консультантовъ первымъ отвѣчалъ Копитаръ — 3 января 1827 года, и — неодобрительно.

Копитаръ отнесся съ усмѣшкой къ славянскому проекту Шишкова: онъ не осудилъ самой мысли, но способъ ея осуществленія, находя его непрактическимъ, и указалъ тотъ путь, къ которому мы, дѣйствительно, обратились нѣсколько позже, когда изъ пріема Кеппена не вышло ничего, но не по его винѣ. Кажется, Копитаръ повторялъ здѣсь только мнѣніе Добровскаго.

«Шафарикъ», отвѣчаетъ Копитаръ Кеппену на его обращеніе о содѣйствіи, достоинъ бы былъ всяческаго покровительства; но я желалъ бы его лучше тамъ, гдѣ онъ теперь. Почему же Михановича вы забыли? Такихъ кавалеровъ я отдалъ бы вамъ всѣхъ. Но сказать откровенно — я жду солиднаго только отъ туземцевъ, которые могли-бы образоваться или у себя дома, или въ путешествіи, или еще лучше — при соединеніи того и другаго, какъ это имѣло мѣсто съ вами лично»¹⁾.

Обращеніе Кеппена перебирается тогда-же въ письмѣ Копитара къ Добровскому отъ 12 января, и здѣсь онъ даетъ свободу своему чувству. «Кеппенъ пишетъ, что онъ сдѣлалъ предложенія Шафарику и Ганкѣ, и спрашиваетъ меня, не могъ ли я пред-

¹⁾ П и с ь м а Добровскаго, стр. 707. Анто́нъ М и х а н о в и ч ь, родомъ хорватъ, тогда австрійскій чиновникъ, долго служившій консуломъ въ Турціи. Известна его нѣкоторая любовь къ славянскимъ студіямъ, выразившаяся въ собраніи старо-славянскихъ рукописей, въ ученыхъ статейкахъ, въ которыхъ онъ справлялся даже съ санскритомъ — простой диллетантъ. Такъ какъ онъ дослужился до в о п'а, поэтому Копитаръ, по обычаю, надѣвается титула его «chevalier». Предлагая такого «спеціалиста» для Россіи, въ отвѣтъ на довѣренную просьбу Кеппена о серьезномъ содѣйствіи, Копитаръ, очевидно, смѣялся. Михановичъ умеръ послѣ 1860 года.

ложить еще других? Такъ какъ объ этомъ я думаю, какъ и вы, то, шутки ради, напомнилъ я ему иронически про одного хорвата — Михановича, котораго онъ самъ здѣсь вкусилъ...¹⁾

Бопитаръ отвѣчалъ Кеппену 3 января 1827 года, Ганка на другой день — 4-го. Въ сожалѣнію, мы отвѣта не имѣемъ, но о содержаніи его можемъ догадываться изъ письма на него Кеппена и другихъ указаній.

Прежде всего, несомнѣнно главное — Ганка самъ принялъ предложеніе на выѣздъ въ Россію, и предъявилъ свои условія, которыя въ Петербургѣ были найдены «умѣренными». Несомнѣнно и второе, что о Шафарикѣ могъ выразиться только одобрительно. Шафарикъ былъ далеко, далеко отъ всякихъ личныхъ счетовъ; всегда скромный, онъ былъ давно гордостью чешскихъ людей. Еще въ началѣ 1823 г. Юнгманъ съ торжествомъ сообщалъ своему Марку, что Шафарикъ «по просьбѣ Эрша и Грубера пишетъ о литературѣ славянской въ ихъ Энциклопедіи»²⁾. Въ началѣ же 1826 г. Шафарикъ началъ уже печатать свою «Исторію славянскихъ литературъ». Зато яблокомъ раздора въ крохотной кучкѣ чешскихъ патріотовъ былъ Палацкій, и своему нерасположенію къ нему Ганка навѣрно далъ выходъ въ письмѣ отъ 4 января.

Ганкѣ не трудно было воспользоваться сомнѣніемъ своего петербургскаго друга о недостаточной годности третьяго намѣченнаго въ Петербургѣ члена славянскаго триумvirата, «поэта» Палацкаго, для предположенныхъ учебныхъ цѣлей, и развить это сомнѣніе. По крайней мѣрѣ, на мѣсто него онъ провелъ своего кандидата, поэта Челаковскаго, своего друга, не давно прославившаго его пѣснопѣніемъ и посвященіемъ своихъ произведеній, но имѣвшаго за себя и любовь къ славянской наукѣ, и любовь къ Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, Шишковъ прямо ссылается на эту рекомендацію Ганки: «Челаковскій хотя и извѣстенъ болѣе по произведеніямъ въ родѣ изящной словесности, однако Ганка, моего свидѣтельство представляетъ достаточную благонадежность, отзываясь, что онъ занимался славянскимъ языкомъ по всѣмъ его нарѣчіямъ и съ пользою

¹⁾ Тамъ-же, № 222.

²⁾ «Сазоріа Муса», 1883, р. 49.

могъ бы быть профессоромъ по сей части¹⁾. Наконецъ, изъ дальнѣйшаго хода дѣла можно съ полнымъ вѣроятіемъ полагать, что въ этомъ же письмѣ Ганка распредѣлялъ и мѣста: первое, Петербургъ—себѣ; второе, Москву—Шафарыку; третье, Харьковъ — Челаковскому. По крайней мѣрѣ, 12 іюня 1827 г. Челаковскій пишетъ Камариту: «что это себѣ думаешь, что я такъ долго не пишу? А что за долго? Два мѣсяца. Учись и привыкай обходиться безъ моихъ писемъ: изъ Харькова чай и одного письма не будетъ за три мѣсяца»²⁾.

Выборъ Челаковского не выходилъ изъ компетенціи прана, предоставившагося письмомъ 18 ноября, и былъ вообще удаченъ. Избранникъ Ганки былъ выше кандидата Кеппена. Самъ же Кеппенъ могъ судить о Палацкомъ только по своимъ слабымъ воспоминаніямъ изъ пражской жизни.

Миловидный эстетикъ, протестантъ по вѣрѣ, Франтишекъ Палацкій былъ встрѣченъ жизнью сурово. Онъ только думалъ о Прагѣ, а общій печальникъ, Юнгманнъ, уже скорбитъ въ письмѣ къ Марку (23 февр. 1823 г.): «Палацкій мнѣ пишетъ, что, не имѣя склонности стать пасторомъ, желалъ бы подыскать себѣ какое-нибудь занятіе въ Моравіи или, охотнѣе, въ Чехіи, напри- мѣръ, бібліотекаря, или что-либо подобное; проситъ совѣта и помощи. Онъ прекрасный молодой человекъ, но главное затрудненіе—вѣра. Кто его возьметъ въ воспитатели—развѣ какой-нибудь еврей? На переищу вѣры онъ не рѣшится, и я опасуюсь, что и эта звѣздочка на горизонтѣ нашей литературы угаснетъ, какъ угасла другая — Пуркинъ, который вчера уѣхалъ въ Бреславль».

Въ половинѣ апрѣля Палацкій прибылъ въ Прагу: «въ рядъ-ли въ чемъ успѣетъ, повторяетъ скорбный Юнгманнъ — вѣры ради»³⁾.

Но осторожный, пріятный, какъ отмѣтилъ его тогда же Юнгманнъ, Палацкій, и при своей вѣрѣ, сумѣлъ скоро найтись. Впрочемъ, прежде всего онъ обязанъ былъ гуманному аббату Добровскому, старому представителю благороднаго іозефинизма,

¹⁾ Сухомлиновъ, Ист. Росс. Ак., VII, 232.

²⁾ «Sebrané listy», p. 202. Харьковъ обозначенъ здѣсь инициалами, очевидно, въ слѣдствіе опасенія полиціи.

³⁾ «Savoris Musea», 1883, p. 49, 50.

не привыкшему считаться о вѣрѣ. Правда, чрезъ много лѣтъ, послѣ смерти своего благодѣтеля, оперившійся Палацкій уже нѣсколько съ-высока смотрѣлъ на первые пражскіе годы и свои отношенія къ Добровскому понималъ своеобразно. «Вы очень ошибаетесь, возражалъ онъ Коллару 24 ноября 1830 г., считая меня питомцемъ и преемникомъ Добровскаго. Никогда онъ меня за своего не считалъ, такъ какъ я къ славянской филологіи при его жизни никакой охоты не имѣлъ, въ исторіи же чешской уже съ 1824 г. имѣлъ собственное сужденіе, часто несогласное съ его сужденіемъ»¹⁾. Но именно Добровскій провелъ его въ дома чешскихъ аристократовъ, цѣня его способности, историческія знанія, ввелъ въ тотъ фарватеръ, по которому онъ плылъ всю свою жизнь, забывая своихъ. Мы видѣли, онъ прежде всего забылъ Добровскаго, хотя современники именно его считали преемникомъ Добровскаго.

Дѣйствительно-же преемникъ чешскихъ феодаловъ, воспринявшій отъ нихъ рано высокомерный тонъ, самолюбіе, рано отказывавшійся отъ истинной чести считаться сыномъ Добровскаго, Палацкій чрезъ предсѣдателя Національнаго Музея, гр. Штернберга, къ вѣдѣнъ откровеннаго приглашенія Кеппена, уже очень вліятельный дѣятель. Именно, въ концѣ 1826 года Палацкій, орудіе гр. Штернберга, избранъ редакторомъ двуязычнаго журнала Музея — на соблазнъ пишущей братіи. «Юнгманнъ, пишетъ въ самомъ началѣ 1827 года Челаковскій Камариту, злится на Палацкаго — да и многіе другіе: господишь всезнайка каждому, по своему произволенію, стрижеть статьи, да и безъ того можно замѣтить среди нашихъ большую антипатію къ нему, по многимъ причинамъ»²⁾. Ему-ли двигаться въ Россію, и не въ Петербургъ, а куда нибудь въ провинцію — напр. въ Харьковъ, Казань? . . .

Апатичный къ славянамъ, потому антипатичный имъ, до послѣднихъ дней своихъ, съ блестящими надеждами на будущее, благодаря пріязни сильныхъ, высокомерный, сервилно-деспотическій, Палацкій, очевидно, не годился для скромной роли русскаго профессора, предлагавшейся ему въ Россіи, еще менѣе могъ желать. Охоты къ славянской филологіи онъ не чувство-

¹⁾ Тамъ-же, 1879, р. 471.

²⁾ «Sebrané listy», р. 199.

валъ. Слѣдовательно, Кеппенъ въ своемъ провидѣніи и колебаніи не ошибался; только поэтическою натурою Палацкій уже давно пересталъ быть, буде онъ ее имѣлъ. Старый благожелатель его, Юнгманъ, не любившій теперь Добровскаго, могъ только сказать о Палацкомъ въ 1827 году: «старый каплулъ подъ новымъ соусомъ»¹⁾.

Иной человекъ, въ иномъ положеніи, былъ избранникъ Ганки, дѣйствительный, и замѣчательный, поэтъ — Ладиславъ Челаковскій.

Безупречный идеалистъ, талантливый, но нищій, бездомный поэтъ, Челаковскій съ-изъ-мала былъ преданнѣйшимъ другомъ и славянской филологіи, отверженной Палацкимъ, и нашего языка, Россіи. Челаковскому принадлежитъ весьма ранняя и высоко поэтическая обработка нашихъ былинъ — «Ohlas písní huských» (въ печати въ 1829, но уже въ 1827 при переводѣ литовскихъ пѣсенъ Резы приложенъ «Potok Michajlo Iwadowi») — заслуга, забываемая нами. А сколько любви къ намъ въ его шутивномъ разсказѣ о странствованіи съ арфой за плечами по Русской Землѣ, отъ Кърконошъ (горы вост. Чехія) къ сѣверу Дону, бурной Волгѣ, холодной Невѣ и пѣтушей Таврии — въ письмѣ къ Марку еще въ 1822 году, своему русскому учителю²⁾! Онъ рано усвоилъ и польскій языкъ, сошедшій еще въ началѣ 20-хъ годовъ съ знаменитымъ критикомъ, Казиміромъ Бродзинскимъ, изъ Варшавы, рано остановился и на литовскомъ языкѣ, глядя тѣмъ старое ученіе Добровскаго объ этомъ языкѣ. Въ то время какъ Палацкій уже занимался чиствой литературнаго языка чеховъ отъ русскаго вліянія³⁾, Челаковскій отъ юности своей мечталъ объ одномъ — бѣжать, спасаться въ Россію⁴⁾.

¹⁾ «Sazoris Musea», 1883, p. 57.

²⁾ Тамъ-же, 1887, 63—64.

³⁾ 17 ноября 1829 г. Палацкій жалуется Коллару на русскія въ языкѣ, что они де отталкиваютъ читателей отъ чешскихъ книгъ, но заключаетъ успокоеніемъ: «всѣ здѣшніе писатели, пожалуй, за исключеніемъ господъ Ганки, Свободы и Лиды, уже заботливо избгаютъ всего того, что было бы для нашихъ читателей оскорбленіемъ». («Sazoris Musea», 1879, p. 393).

⁴⁾ Еще въ 1824 г. Челаковскій на-столько владелъ русскимъ языкомъ, что писалъ друзьямъ письма по-русски («Sebrané listy», стр. 144, 146, письма

Въ Челаковскомъ, какъ восторженномъ и талантливомъ сотрудникѣ для открывавшихся славянскихъ студій въ Россіи, Ганка уже сомнѣваться не могъ. И прошлое его, и настоящее, такъ говорили въ его пользу. Старыя грезы бездомнаго поэта о побѣгѣ къ намъ имѣли такъ блестяще осуществиться....

Тогда-же, вмѣстѣ съ общою рекомендаціей Ганки, писалъ въ Петербургъ и самъ Челаковский, на имя Шишкова. Ибо, сообщая о своихъ славянскихъ студіяхъ Камариту, Челаковский 12/31 іюня 1827 г. пишетъ: «полабскій словарь уже составленъ, начинаю теперь переписку; любопытно мнѣ знать, какой отвѣтъ дастъ мнѣ Шишковъ, потому что въ письмѣ, отправленномъ къ нему, я между прочимъ коснулся и вопроса — не пожелала ли Академія напечатать эти остатки вымершаго славянскаго языка?»¹⁾

Радость восторженнаго Челаковского работать въ Россіи и для Россіи можно себѣ представить. Уже сейчасъ же по полученіи Ганкою письма Кеппена объ открытіи славянскихъ кафедръ, 31 января 1827, онъ спѣшитъ подѣлиться этою патриотическою новинкою съ старымъ своимъ другомъ, столярномъ-панславистомъ въ маленькихъ Страконицахъ, Планкомъ. «Вотъ сообщаю вамъ новость — въ Россіи, въ четырехъ университетахъ, открываются кафедры славянскихъ литературъ и славянскихъ языковъ, гдѣ слѣдовательно и нашъ чешскій языкъ будетъ раздаваться—именно, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и

въ переводѣ). Изв. Марекъ былъ его учителемъ. Зналъ сербскій языкъ, польскій; рано, съ 1822 г., сталъ заниматься литовскими и пѣснями, затѣмъ готскимъ языкомъ (тамъ-же, стр. 92, ср. 185, 191, 198). Подъ вліяніемъ Россійской Академіи, съ которой тогда только что укладывались теплыя и живыя отношенія, Челаковский сталъ и этимологомъ, но съ подготовкой ученаго. «Да, пишетъ онъ въ 1824 г., языкъ старославянскій или церковный и его хорошее знаніе столько же необходимы для славянскаго этимолога, сколько знаніе для хорошаго музыканта генералъ-баса» (тамъ-же, 145)—убѣжденіе, къ которому наука пришла много позже. И бѣдность, и неудовлетвореніе своихъ идеаловъ — указали ему путь въ Россію, бѣжать куда онъ рѣшилъ уже въ 1820 году, обратившись съ просьбой къ изв. послу, Головкину. (Тамъ-же, 24, 26, 29 и др.).

¹⁾ Тамъ-же, р. 202. Кеппенъ Челаковскому былъ совершенно незнакомъ. Извѣщая Камарита въ 1826 г. о имѣющихся выходить «Библиографическихкихъ Листахъ», онъ объ издателѣ выражается: «какой-то Кеппенъ» (тамъ-же, 180).

Казани . . . Поляки въ Варшавѣ будутъ имѣть также восславянскую кафедру, Какъ это весело будетъ впереди! . . .¹⁾ Но о себѣ, о приглашеніи славянъ ни слова. Но что еще болѣе удивительно — ни слова о русскихъ новинкахъ въ весенникъ письмахъ Челаковского къ его задушевному другу, Камариту. Лишь въ письмѣ отъ 27 марта маленькій намекъ — что при личномъ свиданіи «наговоримся—о Россіи»²⁾. Вѣроятная причина—опасеніе предъ полиціей, такъ какъ именно въ это время нѣмецкія газеты полны были криковъ о задуманномъ декабристами «Славянскомъ Союзѣ».

Видѣть съ Челаковскимъ радовались и прочіе споспѣшники наши, особенно Юнгманъ съ своимъ Маркомъ. Если раньше Юнгманъ восторгался министерскою дѣятельностью Шишкова, по газетнымъ слухамъ, что «въ Россіи по новому учебному плану, выработанному Шишковымъ, иностранные языки удалены изъ школы»,— «это, писалъ онъ Марку 3 января 1827 г., меня радуеть; по крайней мѣрѣ, есть страна, гдѣ вознаградятся утраты»: то съ словомъ «славянская кафедра» въ той же «странѣ» счастье его должно было удесятиряться. Черезъ мѣсяць (3 февраля), жалуюсь на бессмысленное преслѣдованіе цензурой всего, что носитъ имя славянское, на двусмысленность поведенія Палацкаго, онъ въ тоже время успокаиваетъ Марка: «болѣе пріятныя вѣсти приходятъ съ Востока; по письму Шафарика изъ Новаго Сада аккерманская конвенція гарантируетъ народность сербамъ и новая эпоха откроется для народа и литературы; въ Россіи-же, въ четырехъ университетахъ, учреждаются славянскія кафедры, тоже и въ Варшавѣ. Итакъ, зазвучитъ тамъ и чешскій языкъ и что только есть лучшаго на немъ»³⁾! . . .

Въ концѣ января (27) Кеппенъ отвѣчалъ Ганкѣ, слѣдовательно, спустя два мѣсяца съ небольшимъ послѣ приглашенія. По видимому, все было по старому: срокъ былъ невеликъ; но тонъ письма былъ далеко не мажорный.

«Условія ваши, писалъ Кеппенъ, я представилъ г. министру. Кажется, что дѣло сладится и что мы будемъ

¹⁾ Тамъ-же, р. 494.

²⁾ Тамъ-же, р. 201.

³⁾ «Sazoris Musea», 1823, р. 58.

имѣть удовольствіе видѣть васъ въ С. Петербургѣ. Предварительно могу сказать вамъ, что какъ А. С. Шишковъ, такъ и М. М. Сперанскій, находятъ условія ваши умѣренными». Стало быть, все хорошо; но — за этимъ неожиданный минорный оборотъ. «Теперь рѣчь идетъ о томъ только—учреждать ли словенскія кафедръ, или нѣтъ. Надѣюсь, что дѣло рѣшится въ пользу Словенскаго, а слѣдовательно, и отечественнаго языка¹⁾». Очевидно, рѣчь пошла о весьма существенномъ...

Итакъ, условія предложеннаго переселенія одобрены и приняты главными дѣйствующими лицами Комитета: Шишковымъ и Сперанскимъ; но далѣе — выражается только нѣкоторая увѣренность въ порѣшенной встрѣчѣ обоихъ старыхъ друзей въ Петербургѣ. Прошло немного недѣль (ноябрь 1826 — январь 1827), и взглядъ Шишкова на самый вопросъ объ открытіи славянскихъ кафедръ какъ-будто измѣнился, и прежде, по видимому, твердое намѣреніе его поколебалось. — И эта переѣна взгляда связалась тогда, когда менѣе всего можно было ее ожидать, когда сомнѣніе въ осуществимости славянскаго проекта чрезъ вызовъ такъ быстро и легко было отстранено, благодаря энергіи находчиваго Кеппена...

Какія же это обстоятельства могли поколебать рѣшеніе Шишкова открыть славянскія кафедръ, послѣ того какъ первыя трудности были такъ скоро устранены? Кандидаты — Ганка, Челаковскій, готовы, ждутъ вызова, и вдругъ — остановка: да открывать-ли самыя кафедръ?...

Самъ Шишковъ не могъ раздумать въ теченіе немногихъ недѣль. Открытіе славянскихъ кафедръ такъ гармонировало со всеми его славянскими порывами. Въ позднѣйшемъ же сожалѣніи Кеппена — года черезъ два, когда министра Шишкова смѣнилъ членъ Комитета, кн. Ливень, о неудачѣ, постигшей славянскій проектъ, мы видимъ прямое указаніе, что Шишковъ твердо стоялъ на своей мысли (а стойкость была въ его природѣ), что сомнѣніе противъ кафедръ, именно, противъ приѣма ея открытія—чрезъ вызовъ чужихъ силъ, могло выйти только со стороны.

Полагаемъ, что сторона эта была самъ Комитетъ, т. е. большинство его членовъ. Сперанскій, сейчасъ-же одобриши

¹⁾ Приложеніа, IV, № 16.

условія Ганки, найдя ихъ умѣренными, гр. Строгановъ, вѣроятно, раздѣляли взглядъ Шишкова. Комитетъ-же могъ думать о предпочтительности иного приѣма при открытіи новой славянской каведры, того приѣма, который такъ рѣшительно со словъ Добровскаго былъ указанъ Копитаромъ, что пользы можно ждать только отъ туземныхъ дѣятелей, и который не далѣе, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, хотя и при оппозиціи Шишкова и его двухъ единомышленниковъ — Сперанскаго и гр. Строганова, былъ удостоенъ высочайшаго одобренія.

3 сент. 1827 г., по высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ статсъ-секретаремъ Блудовымъ въ Комитетъ устройства учебныхъ заведеній проектъ академика Паррота, благороднаго друга императора Александра I: «*Sur les universités de l'intérieur de la Russie*». Цѣль проекта—приготовить для русскихъ университетовъ профессоровъ изъ русскихъ — «туземцевъ»; средства — устройство при нѣмецко-русскомъ университетѣ въ Дерптѣ профессорскаго института, а затѣмъ посланка тѣхъ-же кандидатовъ за границу. Проектъ явно направлялся противъ традиціоннаго приѣма вызова ученыхъ силъ изъ-за границы, противъ котораго еще недавно, въ 10-хъ годахъ, по открытіи цѣлаго ряда провинціальныхъ университетовъ въ Россіи, такъ краснорѣчиво-софистически возставалъ іезуитъ-лаикъ, сардинскій графъ Сегюръ, въ своихъ письменныхъ бесѣдахъ съ министромъ Разумовскимъ: Сегюръ исключеніе дѣлалъ для іезуитовъ, которые — де одни смогли-бы спасти Россію¹⁾. Въ частности, по проекту

¹⁾ См. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ. II, 451 и др. Вопросъ—какъ нять профессоровъ, былъ вопросомъ живымъ въ то время, и одинаково, какъ для университетовъ русскихъ, такъ и для университетовъ, открытыхъ имп. Александромъ въ земляхъ бывшей Польши. Одновременно съ Каванскимъ былъ открытъ университетъ въ Вильнѣ, польскій. Профессора и для него были вызываемы частію изъ Германіи, частію изъ Австріи. Уже въ 10-хъ годахъ среди виленскихъ профессоровъ поднялся вопросъ о непригодности вызова и необходимости образованія учебныхъ силъ изъ своихъ. Въ главѣ дѣйствія противъ «иностранцевъ» стоялъ знаменитый профессоръ медицины Франкъ, но самъ изъ Вѣны. Былъ, напримѣръ, такой случай. Соксатель, прислалъ изъ Германіи свою диссертацию, на прекраснѣйшемъ латинскомъ языкѣ. Но профессоръ Бобровскій, извѣстный намъ каноникъ, указалъ, что сочиненіе — буквально спасено съ одной старопечатанной книги. Ср. обо всемъ этомъ отрывки изъ воспоминаній прое. Франка въ журналѣ «*Na dzień*», т. II (Краковъ, 1872), р. 12—13, гдѣ проектъ Франка. О Бобровскомъ тамъ-же, р. 13, прии.

Паррота, специалисты русской словесности имѣли доканчивать свое техническое образованіе «подъ надзоромъ Россійской Академіи, которая учредитъ для нихъ особыя бесѣды о словесности Россійской и славянскою» — очевидно, уступивъ и комплиментъ министру-президенту Шишкову; кромѣ того «русскіе литераторы» должны были дообразовываться «годъ въ Гёттингенѣ, для нѣмецкой и англійской (!) литературы, и годъ въ Парижѣ, для литературы французской и итальянской (!)».

Проектъ Паррота произвелъ бурю въ Комитетѣ: Шишковъ, Сперанскій и гр. Строгановъ объявили, что онъ «не заслуживаетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія» (не безъ воспоминанія ли объ оппозиціи Комитета противъ славянскаго проекта, ихъ проекта?); но прочіе члены — нѣмецкаго происхожденія (Ливенъ, Ламбертъ, Крузенштернъ, Шторхъ) и два русскіе (Блудовъ, Уваровъ) «были такого мнѣнія, что хотя не всѣ предположенія г. Паррота могутъ быть приведены въ дѣйство, но въ проектѣ его есть и такія, которыя достойны вниманія Комитета и правительства».

При докладѣ всего профессорскаго дѣла, императоръ Николай положилъ высочайшую резолюцію: «профессора есть достойные, но ихъ немного и нѣтъ имъ наследниковъ; ихъ должно готовить и для сего лучшихъ студентовъ послать на 2 года въ Дерптъ, а потомъ въ Берлинъ или Парижъ»¹⁾.

Такимъ образомъ, пріемъ Паррота о выработкѣ своихъ профессоровъ былъ мнѣніемъ Комитета и удостоился высочайшаго одобренія. Противъ него были тѣ, которые останавливались раньше на противоположномъ традиціонномъ пріемѣ — вызовѣ. Въ пользу Шихкова, Сперанскаго и Строганова говорило то обстоятельство, что когда, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за этимъ затребовано было отъ Харьковского университета назвать своихъ кандидатовъ для Дерпта, онъ отозвался неимѣніемъ ихъ. Если же въ началѣ слѣдующаго, 1828 года, и самъ Сперанскій пошелъ по пути Паррота и ему высочайше повелѣно было образовать специально-юридическій профессорскій институтъ при Петербургскомъ университетѣ изъ семинаристовъ, то

¹⁾ Сборникъ распоряженій по мин. нар. проsv., т. II, № 48. Стр. № 59.

онъ, очевидно, не противурѣчилъ себѣ, а только послѣдовалъ за устанавливающею практикой¹⁾.

Такимъ образомъ, Копитаръ и большинство членовъ Комитета, вѣроятно, сходились въ неодобреніи мыслей Шишкова-Сперанскаго о славянской кафедрѣ въ Россіи, о вызовѣ для «расширенія славянскихъ студій» славянскихъ ученыхъ Австріи. Дѣло затянулось—на-всегда.

Но самъ Кеппенъ, какъ будто, долго еще не отчаявался въ видимо проигранномъ дѣлѣ. Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ поддерживалъ его и Шишковъ. И послѣ письма отъ 27 января онъ проситъ Ганку не унывать и ждать послѣднаго слова; только сила вѣры въ добрый исходъ поднятаго дѣла ослабилась съ каждымъ новымъ письмомъ.

Ганка отвѣчалъ 7 марта. Чтѣ—не знаемъ. 6-го же апрѣля Кеппенъ извѣщалъ своего пражскаго друга о близкомъ своемъ отъѣздѣ въ Крымъ, и съ просьбой — быть покойнымъ, но съ довольно слабою гарантіей въ успѣхѣ—черезъ неумолимое личное предстательство.

«О словенской кафедрѣ, пишетъ Кеппенъ, все еще ничего не рѣшено; коль скоро что либо послѣдуетъ, не премину васъ тотчасъ о томъ увѣдомить. Я съ моей стороны не перестаю хлопотать о семъ предметѣ»²⁾.

Письмо это получено было Ганкой только 3 іюня.

Между тѣмъ прошелъ май. Кеппенъ не двинулся на Югъ, а дѣло если и подвинулось, то не къ лучшему, и 1-го іюня онъ съ новымъ грустнымъ письмомъ къ Ганкѣ, опять изъедемъ. Правда, онъ снова съ своимъ обычнымъ успокоеніемъ; но оно опиралось теперь уже на самой слабой надеждѣ, такъ какъ давалось уже понять, что «наше общее дѣло» можетъ окончиться и ничѣмъ. Не заявленныя Ганкою и Челаковскимъ условія оставили, а останавливалъ принципъ: быть славянской кафедрѣ, или нѣтъ?

«Драгоценнѣйшій другъ! Относительно вашего или, скорѣе, нашего общаго дѣла — именно, славянскихъ кафедръ, все еще ничего не рѣшено, начинаетъ Кеппенъ свое прощальное письмо отъ 1 іюня. Такъ какъ я оставляю Петербургъ, то

¹⁾ Тамъ-же, № 57.

²⁾ Приложеніи, IV, № 17.

мой другъ Гёде, котораго вы узнаете изъ перевода русскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсенъ, будетъ продолжать съ вами дальнѣйшіе переговоры. Въ сдѣланныхъ условіяхъ вообще нечего выбрасывать; весь вопросъ — въ учрежденіи славянскихъ кафедръ. Какъ рано или какъ поздно онъ разрѣшится, пока еще предвидѣть нельзя. Можетъ быть, случится это очень скоро, но, можетъ быть, и никогда». «Я съ своей стороны дѣйствовалъ въ интересахъ дѣла, на-сколько только могъ», прибавлялъ Кеппенъ, какъ бы въ оправданіе себя противъ возможныхъ нареканій, а, можетъ быть, и действительныхъ — отъ Ганки.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ слѣдовали въ Прагу посланнѣи книга, для Ганки: новый знакъ, что свиданіе въ Петербургѣ уже не предвидѣлось. Въ посылкѣ былъ и подарокъ отъ «министра», т. е. Шишкова, для Юнгманна — Академическій Словарь. Кеппенъ заключаетъ письмо отъ 1 іюня просьбой, чтобы Юнгманнъ не отказалъ себя въ трудѣ извѣстить лично министра о полученіи¹⁾.

Взаимный обидѣнъ мыслей умедляется: недавно живой вопросъ сталъ теперь тяжелымъ, и Ганка отвѣчалъ Кеппену только въ концѣ октября, а затѣмъ со стороны Кеппена успокоеніе прекращается на годъ и полтора мѣсяца, до Одессы, чтобы отсюда, когда уже было очевидно, что все пропало, извѣстить друзей чешскихъ еще лишній разъ — не унывать и надѣяться...

И въ Прагѣ, действительно, еще живутъ долгое время вѣрою въ слова Кеппена, въ ожидаемое переселеніе, какъ этого требовали успокаивающія завѣренія Кеппена, ждутъ-не дождутся. Вопросъ о славянской кафедрѣ въ Россіи, во всѣхъ русскихъ университетахъ — вопросъ дня среди «патріотовъ» Праги. Они связывали съ нимъ не только личные, но и болѣе общіе интересы — политической побѣды славянъ. Ошибались-ли?... Можемъ только вспомнить, что за проектъ Паррота были кн. Ливенъ, Шторхъ; противъ — Шишковъ, Сперанскій, гр. Строгановъ.

Мы слышали изъ письма Челачовскаго отъ 12 іюня (н. ст.), какъ онъ извинялъ предъ другомъ Камаритомъ свое молчаніе

¹⁾ Тамъ-же, IV № 18.

указаніємъ, что, когда очутится онъ въ Харьковѣ, мѣсяцами не будетъ писемъ.

Томительная неизвѣстность въ теченіе перваго полугодя только слегка навѣваетъ сомнѣніе на поэта-слависта, и въ концѣ іюля онъ нѣсколько тяготится своимъ положеніемъ. «Изъ Россіи до сихъ поръ ничего, съ грустью пишетъ онъ Камариту 24 іюля; не знаю, чѣмъ все это дѣло окончится? Или изъ всего выйдетъ одинъ пуфъ»¹⁾).

Но проходитъ 1827 годъ. Отъ Кеппена нѣтъ болѣе даже сладкихъ увѣреній; но Челаковскій все еще съ нѣкоторою надеждою. Говоря о своихъ занятіяхъ англійскимъ языкомъ, онъ пишетъ тому-же другу въ январѣ 1828 года: «однако, если останусь на родинѣ, тотчасъ же примусь за Шекспира». Мысль о Россіи еще продолжала жить, какъ въ самомъ Челаковскомъ, такъ и среди ему близкихъ. Пылавшая къ поэту-патріоту платоническою любовью монашенка-патріотка изъ одного пражскаго женскаго монастыря еще въ мартѣ робко спрашиваетъ своего друга: «что, изъ Россіи до сихъ поръ еще ничего?», чтобы затѣмъ увѣрить, что въ счастіи его и въ печали никто не приметъ такого сердечнаго участія, какъ ему преданная Антонія. . . И самая вѣсть объ уходѣ друга чеховъ, Шишкова, изъ министерства, вѣсть, «непріятная» для Челаковского, вызвала въ немъ прежде всего одно опасеніе—не будетъ ли его преемникъ, кн. Ливенъ, человѣкомъ, политически предубѣжденнымъ противъ всего славянскаго?

«Изъ Россіи, заключаетъ онъ письмо къ Камариту отъ 8 іюня (слѣд., 26 мая ст. стилия), пришло непріятное извѣстіе—Шишковъ оставилъ министерство по болѣзни, рѣшивши остатокъ дней своихъ провести для себя. Кн. Ливенъ назначенъ на мѣсто его; боюсь, чтобы не былъ этотъ какимъ-нибудь нѣмецемъ»²⁾).

¹⁾ «Sebrané listy», p. 204.

²⁾ Тамъ-же, p. 209, 526, 223. Замѣщеніе Шишкова, науко-и славнолюбца, генераломъ кн. Ливеномъ, проводившимъ свой долгій вѣкъ въ походѣ, отъ времени своего адъютанства еще при кн. Потемкинѣ, не могло не возбудить сомнѣнія. Что-же касается его убѣжденій политическихъ, то отнѣсти его рязь профессоромъ Московскаго университета, при первомъ знакомствѣ, 22 дек. 1828 г. Онъ заключилъ ее: «я русскій и вы — русскіе». (Снегиревъ, указ. Дневникъ, стр. 111). Но къ Дерптскому университету особенно благоволилъ.

Брѣвно вѣрилось въ Прагъ, потому что желалось.

Сомель Шишковъ, смѣненный хотя членомъ того же Комитета устройства учебныхъ заведеній, но чуждымъ наукъ, а не то что славянской; прошелъ и второй годъ ожиданій, 1828,—но Челаковский все еще вѣритъ: жалуется, но ждетъ, полный поворности судьбъ...

«Изъ Россіи и Англии—ничего, словно все было герметически закупорено, пишетъ тому-же другу Челаковский въ мартъ 1829 года. Жду утромъ, жду вечеромъ и постоянно повторяю: жди своей минуты, какъ гусь колоса»¹⁾.

Только къ концу 1829 года Челаковский, по видимому, отказался отъ своего Харькова — отъ своего хлѣбнаго «колоса», когда, не получая никакого отвѣта отъ Шишкова на первое свое предложеніе о печатаніи полабскаго Словаря въ Академіи въ теченіи почти трехъ лѣтъ, рѣшилъ его напечатать самъ, и въ октябрѣ имѣлъ уже свою рукопись изъ опасной цензуры²⁾. Итакъ, онъ отказался отъ мысли своего сердца... Но прошелъ мѣсяць, другой, и въ его бѣдной хатѣ слышался давно желанный призывный голосъ изъ Россіи, послѣдовалъ второй призывъ, но чтобы разрѣшиться тѣмъ-же, чѣмъ и первый, чтобы еще разъ надсмѣяться надъ доброю душою восторженнаго поэта, оставивши въ немъ усиленно-горькое воспоминаніе о разбившихся надеждахъ, какъ это увидимъ ниже.

Томленіе страдавшаго поэта достойно глубокаго сочувствія. Но патронъ его, практическій Ганка, такъ долго томиться не могъ. Надо думать, Ганка по второму письму Кеппена уже заподозрѣлъ, что славянскій вопросъ принялъ неблагоприятный оборотъ и, вѣроятно, причину этого увидѣлъ было въ предложенныхъ «умѣренныхъ» условіяхъ, такъ какъ Кеппенъ, какъ мы видѣли, спѣшилъ успокоить его на этотъ счетъ, что не въ условіяхъ дѣло. На прощальное письмо Кеппена (предъ переездомъ въ Крымъ) Ганка отвѣтилъ только въ октябрѣ. Отвѣтъ же Кеппена на это письмо, хотя все еще съ успокоеніями, но въ глазахъ пракческаго Ганки не давалъ уже болѣе мѣста сомнѣнію объ печальной участи, постигшей въ Россіи проектъ Шишкова о славянской каедрѣ.

¹⁾ Тамъ-же, р. 234. «Доѣкеј ѣац, со нас клави»—вѣроятно, поговорка.

²⁾ Тамъ-же, р. 255.

Извиняясь за долгое молчаніе, благодаря за дружескія присылки книгъ, Кеппенъ, послѣ годоваго перерыва, пишетъ Ганкѣ 14-го іюля 1828 года изъ Одессы — и на старую тему: «объ учрежденіи славянскихъ кафедръ я все еще хлопочу и не задолго предъ симъ о семъ-же предметѣ писалъ къ новому министру народнаго просвѣщенія, кн. Карлу Андр. Ливену. Не знаю, чтò послѣдуетъ». Но далѣе самъ тутъ-же признается, что шансовъ нивакихъ, что дѣло о славянской кафедрѣ могло пройти лишь при старикѣ: «жаль, очень жаль, сѣтуетъ теперь Кеппенъ, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла»¹⁾).

Болѣе Кеппенъ не успокаивалъ . . .

Талъ истинно доброе, своевременное и плодотворное дѣло Шишкова—учрежденіе славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ—на помощь и развитіе русской науки, не раздвѣтши отцвѣло, зачахло . . . Обращеніе перваго ходатая за него изъ Одессы къ министру Ливену было шагомъ отчаянія: слабымъ-ли силамъ Кеппена было спасти, воззвать къ жизни дѣло, которое молча было похоронено, не смотря на участіе въ немъ Сперанскаго, съ его всегдашними завѣтными мыслями о «новомъ бытіи Россіи»! . . .

Проезъ учрежденія университетской кафедры «Исторіи славянскихъ литературъ», съ славистами изъ австрійскихъ славянъ, палъ виѣстѣ съ его виновникомъ, старымъ, испытаннымъ славенолюбцомъ, и пера, и жизни.

Безспорно, Шишковъ былъ очень старъ, настойчивъ, упрямъ; но все это не помѣшало Шишкову, «министру народнаго затмѣнія», какъ неудачно съострилъ надъ нимъ Карамзинъ, строгимъ судомъ преслѣдовать Магницкаго, дать передышку русской литературѣ, поднять такіе серьезные вопросы, какъ учрежденіе славянской кафедры въ Россіи, любить, а не губить науку (имъ посланъ былъ знаменитый языковѣдъ Гуляновъ за границу), быть, наконецъ, вдохновителемъ правдивой музы великаго поэта. Польскія-же отношенія Шишкова должны были потрясти положеніе его.

Министръ женился на полькѣ, которая въ особомъ оффиціальномъ мірѣ уже давно отмѣчена была, какъ «старая

¹⁾ Приложенія, IV, № 18.

интриганка»¹⁾, и давно уже давала чувствовать себя въ самомъ министерствѣ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ министерство народнаго просвѣщенія ввѣрено адмиралу Шишкову, поляки, пишетъ великій князь Константинъ Павловичъ Бенкендорфу (покровителю Магницкаго) уже послѣ паденія министра, постоянно находятъ средства и пути, чтобъ вступать въ прямыя сношенія съ этимъ министерствомъ, а съ тѣхъ поръ какъ они стали находить тамъ легкій доступъ, отъ нихъ начали поступать туда разные доносы»²⁾.

Послѣ женитьбы, скромный славено-этимологическій кабинетъ Шишкова оживился: рѣже въ немъ слышались этимологическіе домыслы старцевъ; ихъ смѣнили новые гости—живые польскіе звуки, и домъ министра сталъ мѣстомъ вдохновенія для столичной польской колоніи, отъ крупныхъ величинъ, какъ Мицкевичъ, и до мелкой букашки, въ родѣ Пржецлавскаго, автора недавнихъ «Воспоминаній»³⁾.

Можетъ быть, эти польскія отношенія Шишкова имѣли свое участіе и въ странномъ исходѣ поднятаго имъ вопроса о систематической организаціи изученія Славянства въ Россіи — почему вопросъ былъ какъ бы замолчанъ, такъ и остался безъ какого либо оффиціального движенія.

Что недостатка въ личномъ участіи у Шишкова не было и не могло быть, мы убѣдимся и изъ слѣдующихъ страницъ. Старикъ помнилъ свою неудачу.

. 5 .

70-лѣтній молодой мужъ старой польской «интриганки» болѣе не министръ, не радѣтель болѣе интересовъ образованія.

¹⁾ Назначенный въ 1824 г. попечителемъ въ Вильну изв. намъ Новосильцовъ тогда же залучается Аракчееву на польскихъ дѣятелей въ столицѣ: Сенковского, Булгарина, Греча. «Но опаснѣйшая изъ всѣхъ, пишетъ Новосильцовъ, есть г-жа Лобаржевская (старая интриганка, извѣстная еще со времени пок. Кутузова); я не знаю почему, но та дѣйствительная правда, что на нее болѣе всего кладутъ надежды». (Дубровинъ, Письма, стр. 400). Причина — намѣченная невѣста министра.

²⁾ Русскій Архивъ, 1885 г., I, 26.

³⁾ Русская Старина, 1874, т. XI, 471; 1875, т. XIII, 388—393. Пржецлавскій приходился родственникомъ Шишковой.

Но Шишковъ остался президентомъ Россійской Академіи, этого стража интересовъ русскаго языка, по гордому опредѣленію самого старика, и онъ рѣшилъ интересы Славяновѣдѣнія, не нашедшіе пока доступа къ университетамъ, принять подъ охрану Академіи, принять въ Академіи тѣхъ, которые не могли быть приняты въ университетахъ.

Погасшее дѣло — славянскій призывъ — всплываетъ съ новою силою, ведется за-ново энергически и быстро, легко проходитъ опасныя тѣснины, къ которымъ даже не подошелъ первый славянскій прое́ктъ — законодательный путь, но за тѣмъ — чтобы въ концѣ и во второй разъ разрѣшиться ничѣмъ.

Новый славянскій шагъ Шишкова вполне отвѣчалъ настойчивому характеру старика. Въ новомъ приглашеніи намѣченныхъ раньше славянскихъ ученыхъ Шишковъ могъ видѣть требованіе долга — дать удовлетвореніе имъ, попусту потревоженнымъ. Неудача перваго прое́кта разстроила его, теперь любимыя, чешскія студіи. Давно лежали безъ движенія словарныя затѣи. Наконецъ, разъ старые кандидаты въ Россію, легче было попытаться воскресить неудавшійся прое́ктъ . . . Не забудемъ и дѣйствій энергическаго Коппена, не дававшего даже кн. Дивену забыть про первый прое́ктъ.

Вторичный славянскій призывъ было тѣмъ легче открыть, что его весьма удобно можно было зацѣпить за самый уставъ Академіи, за тотъ параграфъ его, который уже десять лѣтъ оставался мертвою буквою.

Составляя новый уставъ для Россійской Академіи въ 1818 г., Шишковъ вмѣнялъ въ обязанность членовъ и занятія славянскими языками: помимо «славенской» грамматики, академики должны были «стараться о сводѣ славянскихъ нарѣчій, объ изслѣдованіи корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей» (гл. II, § 1). Но, естественно, Шишковъ при этомъ не могъ оставить безъ вниманія главнаго вопроса — о самихъ средствахъ для славянскихъ упражненій членовъ своей Академіи. Мы видѣли, книжный вопросъ, сношенія со странами за рубежомъ, въ ту глухую эпоху международныхъ отношеній, представляли существенныя трудности.

Въ этихъ видахъ Шишковъ своимъ новымъ уставомъ открывалъ при Академіи особое учрежденіе — Библиотеку и, главнымъ образомъ, с л а в я н с к у ю. «Академія, гласилъ Уставъ, старается

завести у себя избранную библиотеку изъ книгъ, наиболѣе относящихся къ языку и словесности: сего ради должно ей доставить и собирать всякаго рода азбуки, словари, грамматики, а особливо всѣхъ славянскихъ нарѣчій, такожъ на всѣхъ языкахъ библии и всякія древнія рукописи» (гл. II, § 8).

Конечно, возложеніе на «избранное сословіе изъ всего круга ученыхъ Россіянъ» обязанности составлять и коллекцію азбукъ, притомъ, всякаго рода, нѣсколько странно. Но оно лишній разъ возстановляетъ предъ нами знакомый образъ Шишкова, съ его смутными представленіями о задачахъ науки языка, о нуждахъ славянскихъ студій. Необходимо вспомнить при этомъ, что въ разсматриваемую эпоху азбучные вопросы среди славянъ Запада и Юга дебатировались съ страстностью парламентскихъ прѣній, мѣстами подымая на ноги и тайную полицію, какъ напримѣръ въ Прагѣ, и расплодили обширную, для ознаменованія нашего славянскаго убожества, азбучную литературу¹⁾. Объ этомъ уже говорилось выше.

Про это-то открытіе «Славенской Библиотеки» при Россійской Академіи, вѣнненое членамъ ея въ обязанность еще въ 1818 году, но остававшееся до сихъ поръ однимъ доб-

¹⁾ Уставъ Академіи—въ «Сборникѣ постановленій по мин. нар. просв.», т. I, указанные §§ на стр. 1165. Характерна одна подробность въ учрежденіи о Славенской Библиотекѣ. Шишковъ, изъ опыта знаа, какою цѣною достается каждая славянская книжка, не исключая и азбукъ (вспомнимъ выпускъ книгъ Руминцовымъ для Востокова), замѣчательно строго отнесся къ вопросу о мѣрахъ для сбереженія новой библиотеки въ потомствѣ. Драконовскою строгостью онъ обставилъ пользованіе книгами для самихъ академикомъ: книги на домъ отпускались лишь съ дозволенія министерства и «съ обязательствомъ того, кто взялъ, чтобы въ случаѣ невозвращенія книги, заплатить вдесятеро противъ цѣны оной» (гл. II, § 8, конецъ). — Для характеристики взглядовъ среди искреннихъ учениковъ Добровскаго на выработку несчастнаго разнообразія азбукъ въ жизни славянъ отиѣтимъ одно обстоятельство. Колларъ въ своей, не разъ уже нами упоминаемой, повѣи — «Дщерь Славы», для киррилицы нашегъ мѣсто въ Раю, а глаголицею пользуются — въ Аду, обитатели послѣдняго:

«Nad vratami pekla železnými .

Průčelí se černé zdvihuje,

Kde se nápis tento spatřuje

Literami rytý glagolskými...» (сон. 538).

И здѣсь ясна великая политическая идея евоменальнаго аббата!..

рымъ пожеланіемъ, и вспомнилъ теперь старикъ—послѣ неудачи съ университетскимъ славянскимъ проэктомъ. Не новый вопросъ имъ подымался, а только старый обновлялся.

Для веденія дѣла былъ избранъ, какъ и естественно ожидать, старый испытанный агентъ, какъ и старикъ, тяжело принявшій неудачу перваго проекта — Кеппенъ.

Въ половинѣ октября 1829 года, послѣ долгихъ странствованій по югу Россіи, Кеппенъ заглянулъ въ Петербургъ.

На пути, въ Туль, чрезъ митрополита Евгенія, получилъ Кеппенъ письмо отъ Ганки и тотчасъ же по прїѣздѣ въ столицу поспѣшилъ къ Шишкову: отъ одного изъ пражскихъ друзей была просьба къ президенту чрезъ стараго посредника, и Шишковъ ее тотчасъ-же исполнилъ. Дѣло было въ томъ, что пожертвованный Шишковымъ для Юнгманна Академической Словарь утонулъ въ Балтійскомъ морѣ. «О Словарѣ, извѣщаетъ Кеппенъ Ганку 1 ноября, я докладывалъ А. С. Шишкову, который обѣщалъ отпустить для Юнгманна еще одинъ экземпляръ».

Но бесѣда Шишкова съ Кеппеномъ не ограничилась темой о погибшемъ въ волнахъ экземплярѣ Словаря. Была у нихъ тема болѣе серьезная: старикъ-президентъ давно поджидалъ появленія на старомъ мѣстѣ своего стараго славянскаго посредника, Кеппена.

«Смѣю надѣяться, продолжалъ Кеппенъ свое письмо отъ 1 ноября, что евангеліе Остромирово будетъ со временемъ издано и, можетъ быть, вами, ибо еще не теряю надежды видѣть васъ въ С.-Петербургѣ. При случаѣ прошу васъ меня увѣдомить, не перемѣнили-ль вы и г. Челаковскій мнѣнія своего касательно переселенія въ Россію»¹⁾.

Такимъ образомъ всплываетъ вторично вопросъ о призваніи тѣхъ же самыхъ славянскихъ кандидатовъ въ Россію — Ганки, Челаковского и Шафарика (о послѣднемъ см. ниже); осторожно выраженная Кеппеномъ надежда, это—попытка Шишкова пристроить ихъ въ самой Россійской Академіи, въ открываемой для того при ней «Славенской Библіотекѣ».

Прошло неполныхъ два мѣсяца, и 29 декабря 1829 года Кеппенъ, полный понятнаго восторга, спѣшилъ къ Ганкѣ, съ

¹⁾ Приложеніа, IV, № 20.

радостнымъ привѣтомъ, но пока подъ секретомъ: робко выраженная раньше надежда смѣнялась теперь полною увѣренностью, при чемъ Кеппенъ не забываетъ выставить и своихъ заслугъ.

«Съ всею поспѣшностью, начинаетъ Кеппенъ свое письмо отъ 29 декабря, и опять, въ виду важности его содержанія, помѣткою, долженъ я объявить вамъ, что наше¹⁾ желаніе—видѣть васъ въ Россіи, кажется, приходитъ въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я опять въ Петербургъ, работали мы не безъ успѣха: Россійская Академія опредѣлила отъ 30 до 40 тысячъ рублей на созданіе Славянской Библіотеки и отъ 3 до 4 тысячъ ежегодно на пополненіе ея.

«Въ бібліотекари избраны: г. Ганка, съ содержаніемъ въ 4 тысячи рублей, г. Челаковскій — въ 3 тыс., г. Шафарикъ — въ 4 тыс., всѣ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приглашаются въ Россію иностранные профессора, съ подъемными, правами службы и пр. Г. Челаковскій уравниенъ съ экстра-ординарными профессорами. Обо всемъ этомъ я имѣю составить особенную Записку, хотя я и не членъ Россійской Академіи. Представленіе по этому дѣлу отъ Академіи уже пошло въ министерство, и теперь требуется одного утвержденія государя. Хотя я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ утвержденіи, но дѣло можетъ еще нѣсколько замедлиться.

«Итакъ, заключаю счастливый, наконецъ, посредникъ, ждите терпѣливо, пока и или кто другой не напишетъ къ вамъ оффиціально. Я полагаю, что однимъ изъ главныхъ вашихъ занятій будетъ сопоставленіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ одномъ словарѣ, въ родѣ Словаря Линде²⁾.

Хотя оффиціозное письмо Кеппена къ Ганкѣ отъ 29 декабря и имѣло помѣтку: «конфиденціально», но сейчасъ же въстало о новомъ призывѣ прошла въ среду патриотовъ. Ганка, Челаковскій на приглашеніе Кеппена отвѣчали согласіемъ, но послѣдній уже съ значительною холодною, сдержанностью, согласіемъ по неволѣ; друзья-же, что по-серьезнѣе, привѣтствовали благословеніями, навыве—наивными опасеніями. Помнилось Челаковскому недавнее разочарованіе.

¹⁾ Очевидно, Кеппенъ разумѣетъ и Шишкова.

²⁾ Приложеніа, IV, № 21.

«Милый другъ, писалъ Челаковскій Камариту 3 февраля (нов. ст., слѣд. 22 янв.) 1830 года, кто бы повѣрилъ, что въ нашей жизни бываютъ случаи, которые одновременно источникъ и удовольствія, и боязни. Въ такомъ именно состояніи нахожусь я теперь. Вчера Ганка получилъ письмо отъ Кеппена изъ Петербурга, которымъ дается ему знать, что Россійская Академія избрала его, меня и Шафарика библіотекарями въ ново-учреждаемую Всеславянскую Библіотеку, съ чѣмъ соединяется обязанность работать намъ вмѣстѣ надъ общеславянскимъ словаремъ... Какъ пишетъ Кеппенъ, это рѣшеніе Академіи уже передано въ министерство, и что нѣтъ сомнѣній, что будетъ одобрено императоромъ. Мы должны быть готовы и ждать офенціальной бумаги.

«Ганка, продолжаетъ Челаковскій, съ полною готовностью принимаетъ предложеніе, да и мнѣ равнымъ образомъ ничего другаго не остается, какъ ухватиться за ту-же оказію. Но будь я на мѣстѣ Ганки, т. е., имѣй столько-же доходу, какъ онъ, я бы того не сдѣлалъ. Меня же здѣсь ожидаетъ одна горькая будущность—тяжелая борьба изъ-за куска хлѣба».

Свою неохоту въ переѣзду въ Россію Челаковскій объясняетъ необходимостью распрощаться на-всегда съ поэзіей, сухихъ словарей ради. «Мнѣ болѣе всего жаль, писалъ онъ далѣе, что будетъ нужно на вѣки оставить область поэзіи, тогда какъ я думаю, что въ этой сферѣ я былъ-бы въ состояніи нѣчто сдѣлать. Впрочемъ, прежде чѣмъ дѣло прійдетъ въ концу, можетъ протечь еще добрый годъ»¹⁾).

Разлука съ старымъ другомъ была тяжела для Камарита. «Боже, отвѣчаетъ онъ Челаковскому 16 февраля, что ежели наша бесѣда будетъ послѣдней!.. Но онъ сейчасъ-же одобряетъ и благословляетъ въ путь Челаковского указаніемъ, что во всемъ воля Божія, что изъ разлуки можетъ быть и польза для несчастной родины: «хорошаго человѣка Богъ еще никогда не оставлялъ, и нашей дружбѣ нечего такъ сильно страшиться той роковой минуты, страшиться, что мы теряемъ разомъ и надежду на лучшіе дни, и на нѣкоторое, по крайности, вознагражденіе, особенно, когда эта серьезная жертва приносится въ ните-

¹⁾ «Sebrané listy», p. 259.

рессѣ родины, для которой тамъ можно будетъ, вѣроятно, не мало сдѣлать»¹⁾).

Въ другомъ другѣ Челаковскаго, знакомой намъ уже «монахинѣ» Антоніи, вѣсть изъ Россіи вызвала теперь прежде всего женски-наивное опасеніе о спасеніи его души.

«Въ воскресенье, пишетъ Антонія, этотъ любопытный типъ патриотической монашенки, своему Челаковскому, мнѣ сообщили, какъ самую свѣжую новость, что вы и Ганка получаете въ Россіи хорошія мѣста... Всѣ эти извѣстія меня крайне испугали, потому что я полагала, что, прежде чѣмъ я возвращусь, вы вынуждены будете оставить Прагу. Не знаю, можете-ли вы себѣ представить, какъ болѣла я сердцемъ?.. Сердце мое полно вопросовъ, на которые вы должны мнѣ еще отвѣчать. Прежде всего — относительно католическаго исповѣданія: будетъ-ли вамъ дозволено въ Россіи свободно его исповѣдывать?... При свиданіи-же съ другомъ, Антонія сначала плакала, но потомъ говорила Челаковскому, что если онъ получитъ мѣсто въ Россіи, она «будетъ вдвое любить русскихъ»²⁾, т. е. разсуждала по своему.

На этотъ разъ Челаковскій неприятно ошибся въ успокоительной надеждѣ, что дѣло и теперь затянется, какъ прежде, на годъ, а, можетъ, и больше, какъ ошибся и Кеппенъ, прося Ганку о терпѣннн: уже 7 января 1830 послѣдовало высочайшее утвержденіе и ходатайства Россійской Академіи объ учрежденіи при ней Славянской Библіотеки, и избранія на должность библіотечарей всѣхъ трехъ славянскихъ кандидатовъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ, извѣщаетъ 15 января Кеппенъ Ганку, государь императоръ благоволилъ утвердить планъ Россійской Академіи и одобрилъ избраніе трехъ библіотечарей. Теперь, въ самомъ ближайшемъ времени, должно послѣдовать къ вамъ оффиціальное приглашеніе».

Итакъ, въ недалекомъ будущемъ предвидѣлся подъемъ далекаго славянскаго каравана въ Россію, и, обрадованный ходомъ дѣла, Кеппенъ уже озабоченъ, какъ получше бы устроить самое путешествіе долго уже поджидаемыхъ гостей.

«Сегодня, продолжалъ Кеппенъ, я уже говорилъ со многими членами Академіи о путевыхъ издержкахъ; но онѣ еще

¹⁾ Тамъ-же, р. 262.

²⁾ Тамъ-же, р. 534, 264. Стр. 536.

не рѣшены. Ваше вступленіе въ должность и уплата содержанія должны начаться съ прибытія вашего въ Петербургъ».

Вмѣстѣ съ этимъ Кеппенъ рѣшилъ, съ согласія, конечно, Шишкова, воспользоваться предстоящимъ путешествіемъ молодого Челаковскаго для порученія ему особенной ученой миссіи, которая уже давно и такъ соблазнительно манила самого Кеппена—познакомиться съ русскимъ племенемъ въ Карпатахъ, по сю и по ту сторону ихъ. «Я письменно выразилъ желаніе¹⁾, прибавлялъ Кеппенъ, чтобы Челаковскій на своемъ пути къ намъ объѣхалъ край русняковъ, и тамъ, въ сѣверо-восточной Венгріи и юго-западной Галиціи, равно какъ во Львовѣ, Краковѣ и Варшавѣ, пробылъ бы нѣкоторое время, но чтобы его жалованье и служба шли со дня отъѣзда изъ Праги. Пожалуйста, скажите намъ какъ можно скорѣе, согласенъ ли Челаковскій на это путешествіе. На-сколько я знаю, онъ холостъ и могъ бы легче, чѣмъ вы или Шафарикъ, совершить путешествіе въ край русняковъ²⁾».

Челаковскій отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на экскурсію.

«Недавно полученнымъ письмомъ, пишетъ онъ своему Камариту 11 марта, Кеппенъ насъ извѣщаетъ, что предположенія Академіи утверждены его величествомъ, и что въ будущемъ мѣсяцѣ мы получимъ официальное приглашеніе отъ Академіи. При этомъ на меня возложено порученіе — по дорогѣ въ Петербургъ, сдѣлать небольшое путешествіе въ интересѣ изученія русинскаго или русняцкаго нарѣчія. Такимъ образомъ мнѣ предстоитъ проѣхать верхнюю Венгрію, нашу Польшу, Краковъ и на Варшаву. Несомнѣнно, до зимы всѣ эти дѣла прійдутъ въ порядокъ, и отъ сегодняшняго дня черезъ годъ меня уже болѣе не будетъ въ Чехіи». Между тѣмъ, прежняя неохота, колебаніе, смѣнились теперь полною готовностью.

Прося своего друга, чтобы онъ никому не говорилъ о дѣлѣ, чтобы не узнала старуха-мать раньше, чѣмъ онъ ей самъ сообщитъ, Челаковскій продолжалъ: «всѣ мои работы теперь о ставлены; приходится заняться инымъ—рыскать по библіотекамъ, отмѣчать, извлекать все, что только можетъ имѣть».

¹⁾ Т. е., предъ Шишковымъ.

²⁾ Приложенія, IV, № 22.

важность для предстоящей русской службы, такъ что я уже разсматриваю себя въ Прагѣ, какъ какого-то путешественника»¹⁾.

Итакъ, старику-президенту, подъ конецъ его дней, улыбнулась завидная доля — реформировать въ славянскомъ духѣ свою полуживую Академію, влить въ нея струю свѣжихъ научныхъ силъ—славянскихъ. «Академія наша, характеризуетъ ее Кеппенъ предъ Ганкой въ письмѣ отъ 6 апрѣля 1827 года, нынѣ, и давно уже, бездѣйствуетъ. Да и не будетъ добра, доколѣ не будетъ она имѣть порядочнаго секретаря». Конечно, причина лежала нѣсколько глубже. Учрежденіемъ при Академіи особаго рабочаго института, подъ именемъ «Славенской Библиотеки», Шишковъ осуществлялъ свои старыя темныя грезы о славянскихъ «обязанностяхъ» Академіи; его старыя академическія исканія получали теперь благополучный и легкій выходъ. Мы видѣли, какъ безуспѣшно Шишковъ, соревнуя польскому лексикографу, обращался къ Добровскому, Востокову и самому Линде, приглашая ихъ заняться общеславянскимъ Словаремъ. Теперь, черезъ 10 лѣтъ, эта задача официально вмѣнялась въ первую обязанность высочайше утвержденныхъ трехъ членовъ «Славенской Библиотеки» добавочными параграфами къ самому Уставу Академіи, отъ 7 января 1830 года.

Не безъ внутренняго удовольствія, наконецъ, могъ видѣть настойчивый старикъ въ новосозданномъ специальномъ приютѣ славянскихъ студій въ Россіи средство — спасти хотя на половину отставленный первый проектъ его—изъ русскихъ университетовъ создать питомники славяновѣднія. Дѣйствительно, академическая «Славенская Библиотека», съ заграничными корифеями славянской науки, на первое время лабораторія общеславянскаго словаря, со временемъ легко могла стать разсадникомъ славяновѣднія и для русскихъ университетовъ.

Конечно, нѣсколько странно читать въ предложеніи Шихова отъ 23-го ноября 1829 года (т. е. въ Запискѣ Кеппена) обоснованіе призыва славянъ для библиотечныхъ работъ въ Академіи отсутствіемъ у себя соответственныхъ кандидатовъ, «искусныхъ и опытныхъ въ употребленіи славенскихъ нарѣчій словесниковъ»²⁾. Развѣ Востоковъ, членъ же самой Академіи, не

¹⁾ «Sbrané listy», p. 265—266.

²⁾ Оухомлиновъ, Исторія Росс. Акад., VII, 231.

находился тогда уже въ апогеѣ своей ученой славы, какъ именно «искусный словесникъ», и въ тоже время въ апогеѣ своихъ тяжелыхъ матеріальныхъ средствъ? Пенсія пок. Румянцова давно была прекращена, самый Румянцовскій Музей, куда предназначался Востоковъ, еще не былъ устроенъ?... Но Шишковъ, послѣ неудачной попытки обращенія самостоятельнаго Востокова въ свою вѣру при приемѣ въ Академію, какъ бы не замѣчалъ его: мы видѣли, въ учебный Комитетъ Перовскаго Востоковъ попалъ случайно, неприглашенный.

Къ концу января 1830 года дѣло о вызовѣ славянскихъ бібліотекарей было окончено въ Академіи, и она поручила Кеппену, отъ имени ея, написать оофициальное приглашеніе избраннымъ лицамъ, съ сообщеніемъ условій русской службы. Такимъ образомъ, тоже неоофициальное лицо имѣло сдѣлать и послѣдній, уже оофициальный, шагъ—образъ дѣйствія нѣсколько своеобразный.

«Наконецъ, мой бездѣвный другъ, начинаетъ радостный Кеппенъ препроводительное письмо отъ 29 января (и опять, въ виду важности, по-нѣмецки), могу я представить вамъ формальное приглашеніе отъ импер. Россійской Академіи и прошу только — подарить насъ поскорѣй пріятнымъ отвѣтомъ. Меня особенно интересуетъ вашъ скорый отвѣтъ, такъ какъ мѣсяца черезъ два, три, я собираюсь снова оставить Петербургъ, а я желалъ бы еще до отъѣзда своего видѣть ваше дѣло оконченнымъ. Пишите мнѣ откровенно и будьте увѣрены, что всѣ ваши справедливыя требованія охотно доведу до свѣдѣнія г. министра. Кн. Ливенъ принимаетъ самъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ и навѣрное приметъ васъ здѣсь сердечно. Сообщите объ этомъ, пожалуйста, и г. Челаковскому, прибавивъ, что ему чинъ коллежскаго ассессора, 8-го класса—майоръ»¹⁾).

Но отвѣтъ скорый не послѣдовалъ.

Письмо Кеппена съ условіями Академіи получено было Ганкой, только 14 апрѣля, и 17-го онъ отвѣчалъ Шишкову, по-русски: «спѣшу в. в. превосходительству радостное мое принятіе и неизреченную благодарность объявить»²⁾. Того-же числа

¹⁾ Приложенія, IV, № 23.

²⁾ Сухомлиновъ, Ист. Росс. Акад., VII, 565.

отвѣчалъ и Челаковскій, съ тѣмъ же выраженіемъ признательности.

Половъ радостнаго чувства былъ теперь бездомный Челаковскій, о которомъ еще такъ не давно выражалъ опасеніе Юнгманъ, чтобы онъ, не имѣя занятій, «не предалъ себя на службу консисторіи»¹⁾, т. е. клерикаламъ.

«Три дни тому назадъ, пишетъ онъ другу Камариту 29/17 апрѣля²⁾, получены нами официальные увѣдомленія изъ Петербурга, отъ Академіи: въ нихъ намъ предложены точно и подробно условія (vůstínku). Главная вещь заключается въ слѣдующемъ. Государственная служба въ Россіи или степени значенія дѣлятся на 14 классовъ. Ганку поставили въ седьмой классъ, что означаетъ достоинство надворнаго совѣтника или подполковника; меня въ осьмой, съ титуломъ коллежскаго ассесора или майора. Обѣ эти степени даютъ дворянство — приносятъ съ собою. Дальнѣйшее повышеніе въ чинахъ слѣдуетъ по общимъ правиламъ. Служба опредѣлена на 25 лѣтъ, послѣ чего свободно всю пожизненную пенсіей пользоваться, или въ Россіи, или гдѣ-либо за границей. На случай неизлѣчимой болѣзни до выслуги лѣтъ назначается половинная пенсія и т. д. Какъ разъ сегодня мы съ Ганкой посылаемъ отвѣтъ на имя президента и всѣ условія принимаемъ».

Сообщивъ своему другу дальнѣйшія подробности, что служба идетъ отъ дня прибытія въ Россію, что на дорогу по 100 червонцевъ, Челаковскій продолжаетъ: «что же ты скажешь, дорогой другъ, и какъ ты находишь все это? Мнѣ въ особенноти нравится то условіе, что по окончаніи службы свободно

¹⁾ Въ письмѣ къ Коллару, 28 марта 1829 года — «Bavaria Musea», 1880 г., р. 201.

²⁾ Слѣд., по Челаковскому, письмо Кепшена получено въ Прагѣ Ганкою 14 апрѣля. Но самъ Ганка почему то заявляетъ въ своемъ отвѣтѣ Шишкову, отъ 17 апрѣля (того-же дня отвѣчалъ и Челаковскій), что письмо получено вчера слѣд. 16 числа. Вѣроятно, ошибся въ показаніи Ганка, такъ какъ Челаковскій пишетъ Камариту въ день общаго отвѣта Шишкову. Не вполне ясно выраженіе Челаковского въ письмѣ къ другу: *dobové úřední*, въ множ. числѣ — «официальные бумаги», тогда какъ только получено было въ Прагѣ одно письмо Кепшена, коллективнаго содержания, слѣд. только официальнаго характера. Для обыкновеннаго, неканцелярскаго, человека ошибка понятна.

направиться куда хочешь, и если меня не привяжутъ къ чужой землѣ новыя связи, я желалъ-бы кости свои опять перенести на родину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—нѣсколько мѣшковъ... Если не будетъ отгнѣны, я путь свой охотнѣе всего направилъ бы черезъ Варшаву и матушку Москву. Собирай же, гдѣ можешь старыя чешскія книги, особенно важнѣйшія, такъ какъ запасъ такой будетъ мнѣ нуженъ потомъ, для себя и для Библіотеки»¹⁾.

Такъ какъ посредникъ, Кеппенъ, почти не сомнѣвался въ положительномъ отвѣтѣ на формальное черезъ него приглашеніе отъ Россійской Академіи, ибо не было никакихъ указаній предполагать противное, то въ своемъ оффиціозномъ письмѣ отъ 29 января 1830 года онъ не забываетъ своихъ пражскихъ друзей снабдить совѣтами, порученіями, даже мелочными наставленіями.

«Въ условіяхъ, писалъ Кеппенъ тамъ, нельзя ничего измѣнять. Но я посоветовалъ бы, если вы ихъ принимаете, просить Академію, чтобы она позаботилась о безошпальной перевозкѣ вашихъ книгъ и прочихъ вещей въ предѣлы Россіи. Если вамъ не хватитъ ста дукатовъ на путевые расходы, то, можетъ быть, Академія, по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, согласится кое-что прибавить. Все это вы должны обдѣлать тогда сами съ г. президентомъ. Впрочемъ, могли бы, буде пожелаете, и предварительно высказаться въ этомъ отношеніи».

Указавъ затѣмъ въ интересѣхъ подлежащаго труда, что «если представится случай наткнуться на такія рукописи, приобрѣтеніе которыхъ можетъ имѣть для Академіи существенную пользу, напр. не напечатанные словари, то захватывайте ихъ тотчасъ же, такъ какъ вы, вѣроятно, получите отъ Академіи порученіе ихъ закупать». Кеппенъ съ заботливостью отца входитъ въ мелкія подробности самого переезда.

Путь общенія съ Австріей лежалъ въ тѣ времена черезъ Броды; поэтому Кеппенъ направляетъ желанныхъ гостей сюда, и здѣсь у русскаго консула, его стараго знакомаго, онъ препоручаетъ застаться свидѣтельствомъ о днѣ прибытія на русскую границу— для счета службы²⁾.

Словомъ, путь былъ уготованъ. Оставалось только тронуться...

¹⁾ «Sebrané listy», p. 271—272.

²⁾ Приложенія, IV, № 23.

Съ горькимъ чувствомъ, и, по видимому, искреннимъ, провозгласилъ предстоящій отъездъ Челаковскаго Палацкій, какъ и «монашенка» Антонія. «Мы, писалъ онъ въ июль Коллару, очень сожалѣемъ объ уходѣ Челаковскаго въ Петербургъ, потому что онъ нашъ наилучшій писатель, и славянамъ здѣсь могъ-бы быть болѣе полезенъ, чѣмъ въ Россіи». За-то былъ равнодушенъ, чтобы не сказать, радъ, къ уходу Ганки: «потеря Ганки, продолжалъ онъ, легко можетъ быть вознаграждена» — именно, имъ самимъ, такъ какъ въ томъ-же письмѣ онъ надѣется занять мѣсто Ганки¹⁾. Палацкій въ этомъ пунктѣ сходилъ съ пражскою полиціей, которая своими же «патріотами» была во время поставлена на ноги по поводу «призванія славянъ» въ Россію: съ удаленіемъ Ганки удалялась-де политическая опасность отъ имперіи — оставались «благонадежные» замѣстители Ганки.

Если раньше, въ 1828 году, Юнгманнъ обвинялся бездарнымъ постомъ и «императорско-королевскимъ» профессоромъ Нейдлымъ, какъ сообщникъ Россіи («в Rusy vrošlený»): то теперь относительно друзей его обвиненіе на лицо. «Рецензія Selanek Нейдлага въ послѣднемъ выпускѣ Музейника, пишетъ Палацкій тому-же Коллару 31 мая 1830 года, крайне ожесточила автора: онъ бѣгалъ по начальству; совсѣмъ потерянный, требовалъ уничтоженія этого выпуска; но когда ему это не удалось, онъ старался себя успокоить тѣмъ, что снова жаловался полиціи на русомавовъ, какъ онъ ихъ величаетъ, и въ подтвержденіе своихъ прежнихъ доносозъ ссылаясь теперь на призваніе (povolání) Ганки и Челаковскаго въ Петербургъ. Этотъ клеветникъ, плачется Палацкій, и другой, подобный ему, сильно вредятъ чехамъ у правительства, наводя подозрѣніе, яко-бы мы всѣ были русомавами, тогда какъ я, кромѣ Ганки, не знаю ни одного, кто бы когда либо много занимался русскимъ языкомъ»²⁾.

Разъ высочайше утверждено предположеніе Академіи о Славенской Библіотекѣ, своеобразномъ разсадникѣ славянскихъ

¹⁾ Отъ 8 июля 1830 г. — «Саворія Музеа», 1879, р. 468.

²⁾ Тамъ-же, р. 1880, 198; 1879, р. 397. Дѣйствительно, если въ 1823 г. Юнгманнъ писалъ Марку криптографически, т. е. по-русски: «не и с а ѣ съ почтою» (тамъ-же, 1883, р. 47), — то журналъ сегодня напечаталъ: «съ постосю».

студій въ Россіи; утверждены и дѣйствующія лица, — естественно было вспомнить недавнюю старину. Отставленный славянской провѣтъ, вслѣдствіе вѣроятной оппозиціи большинства членовъ организационнаго Комитета, все же оставался дорогъ своимъ родителямъ: Шишкову, Сперанскому и Кеппену, и если нельзя его было провести раньше, то можно, можетъ быть, теперь, съ открытіемъ славянскаго теченія, и не разомъ, а по частямъ, начать, на примѣръ, со столицы?... Кеппенъ самъ хвалился предъ Ганкою, что не оставлялъ въ покоѣ преемника Шихова, кн. Ливена, напоминая ему о славянской кафедрѣ.

И вотъ, дѣйствительно, какъ особенную матеріальную приманку для славянскихъ избранниковъ Россійской Академіи, Кеппенъ въ томъ же письмѣ отъ 29 января сообщалъ Ганкѣ о новомъ любопытномъ обстоятельстве — о воскресеніи, уже въ оффиціальныхъ сферахъ столицы, стараго проекта Шихова объ учрежденіи университетской славянской кафедрѣ, но пока, на пробу, въ одномъ Петербургскомъ университетѣ.

«Я, писалъ Кеппенъ, долженъ вамъ еще сказать, что теперь снова носится съ мыслью — основать въ Петербургѣ, въ университетѣ, кафедру Славянской Филологіи, на которую потому одинъ изъ васъ и долженъ готовиться. Такимъ образомъ, эта профессура могла бы быть соединена съ мѣстомъ бібліотекаря Россійской Академіи и, по крайней мѣрѣ, удвоить его содержаніе. Можетъ быть, и въ остальныхъ университетахъ имперіи будутъ открыты кафедры того-же рода, и я прошу васъ заранѣе подумать о кандидатахъ на этотъ предметъ, чтобы, слѣдуя вашему совѣту, можно бы было ихъ пригласить»¹⁾. И Ганка, прежде чѣмъ подумать о другихъ, подумалъ о себѣ. «При семъ, спѣшитъ онъ отвѣчать Шихову 17-го апрѣля 1830 года на радостную вѣсточку Кеппена, тоже всепокорнѣйше просить отважаюсь, есть ли кафедра всесловянской литературы въ С. Петербургѣ учредится, чтобъ в. в. превосходительство меня вспомнить благоволило»²⁾.

Послѣ всего выше изложеннаго, почти излишне упоминать, насколько можно дать вѣры признанію самого Ганки въ

¹⁾ Приложенія, IV, № 23.

²⁾ Сухомлиновъ, Ист. Росс. Ал., VII, 565.

его автобіографіи, что онъ, по своему-де великодушію, «желая принести въ жертву свои силы на службу чешской землѣ, не принялъ почетнаго приглашенія на кафедру славянскихъ нарѣчій и литературы въ Петербургскомъ университетѣ»¹⁾).

Приглашеніе Кеппена было обращено къ двумъ бібліотекарямъ, жившимъ въ Прагѣ. Но Шафарикъ былъ въ Венгріи, въ Новомъ Садѣ, гдѣ «теперь, поясняя Шишковъ въ своемъ представленіи, съ честію продолжаетъ служеніе при гимназій въ званіи профессора пѣттини»²⁾— т. е. томился и нравственно страдалъ, разобщенный отъ міра и науки; поэтому «сегодня же, прибавляетъ Кеппенъ въ письмѣ отъ 29 января, предлагаю я и Шафарику явиться въ Петербургъ».

«Теперь, заключая неутомимый славянскій борецъ, Кеппенъ, свое второе историческое письмо, полагаю, я сказалъ все, что я имѣлъ вамъ сообщить. Да благословитъ же небо ваше рѣшеніе, а я могу только пожелать счастья, и просить васъ быть другомъ, какъ прежде»³⁾).

Итакъ, славянскій проектъ во второй разъ былъ доведенъ какъ будто до счастливаго конца Шишковымъ. Изъ Праги благодарятъ президента, а сами готовятъ къ упаковкѣ свой ученый багажъ. Ганка дѣлаетъ даже ходъ впередъ и напередъ хлопочетъ о «выгодномъ жилищѣ» при Славенской Библіотекѣ... 6 мая отвѣчалъ и Шафарикъ изъ Новаго Сада тѣмъ-же—благодарнымъ принятіемъ академической чести. Оставалось славянскому каравану только двинуться въ далекій путь, на край свѣта, по скорбному выраженію женскаго друга Челаковскаго, Антоніи, но гдѣ ихъ ожидала радостная встрѣча не только старика Шишкова, но и его преемника, кн. Ливена, если вѣрить увѣренію Кеппена.

Истинна была радость энергическаго Кеппена, этого заслуженнѣйшаго и перваго посредника между русскою и западно-славянскою наукою: онъ ее выразилъ въ своемъ письмѣ. Сердечнымъ удовольствіемъ долженъ былъ исполниться теперь и старшій предстатель новыхъ, общеславянскихъ студій въ Россіи — новый фазы нашего славяновѣднія, «полумертвый»,

¹⁾ *Legis-Glückselik*, V. Наука, Прилож., р. 4.

²⁾ Сухомлиновъ, оп. с. VII, 231.

³⁾ Приложенія, IV, № 23.

какъ его обидно и несправедливо именуютъ нѣкоторые и сегодня, «тупой», какъ иногда его называлъ Карамзинъ — Шишковъ. Свѣжіе обязательные работники въ дѣйствительно одряхлѣвшей, безжизненной и отставшей Академіи, старыя мечтанія объ обширныхъ словарныхъ работахъ, вотъ-вотъ у своего осуществленія.

И на сторонѣ реорганизація Россійской Академіи, въ смыслѣ ея славянизации, открытія при ней спеціальнаго Славянскаго Отдѣленія (въ извѣстномъ смыслѣ эта реформа была осуществленіемъ стараго проекта Ганки «о національномъ членѣ въ Академіи», но совсѣмъ независимо отъ послѣдняго), была встрѣчена добрымъ словомъ, въ надеждѣ на добрые плоды отъ настававшей перемѣны.

«Я, пишетъ профессоръ Снегиревъ извѣстному намъ другу Евгенія, Анастасевичу, въ Петербургъ, въ маѣ 1830 г., слышалъ, что въ Россійской Академіи заводится отдѣленіе нарѣчій славянскихъ и для сего выписываются ученые изъ племенъ славянскихъ. Пора давно этимъ заняться, безъ чего нельзя добратся до истиннаго происхожденія многихъ словъ и значенія оныхъ, ни составить хорошаго словаря русскаго». Снегиревъ какъ бы повторяетъ мотивы въ Запискѣ Кеппена для Академіи. Сообщивъ своему петербургскому пріятелю, что, по слухамъ, одинъ изъ вызванныхъ троицъ, Челаковский, уже печатаетъ пословицы на всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ, Снегиревъ въ другомъ письмѣ, отъ 29 мая, выражаетъ увѣренность, что «отъ триумвирата славянъ можно ожидать добра, если дадутъ имъ хорошее направленіе»¹⁾.

Дѣйствительно, если самъ Кеппенъ добродушно признавался Ганкѣ, что ему трудно прочесть заглавіе старочешской книги; если еще недавно (въ 1819 году) Шишковъ для

¹⁾ Др. и Нов. Россія, 1880, 18, стр. 552, 553. Слухъ былъ вѣрный. Симпатическій трудъ Челаковского объ общеславянскихъ пословицахъ былъ начатъ, дѣйствительно, уже давно. Еще въ маѣ 1828 г. Челаковский пишетъ Камариту: «объ одной вещи долженъ тебѣ сообщить — именно хочу по образцу славянскихъ народныхъ пѣсенъ издать собраніе всеславянскихъ пословицъ . . . Много матеріала я уже собралъ, извлекъ и систематизировалъ». («Sebr. listy», 221). Вышелъ же трудъ, какъ извѣстно, только въ 1852 году, въ обширныхъ размѣрахъ: «Mudrosloví Slovanského národu v říšalovích» (Praha, 644 стр.)—по содержанію, какъ и у нашего Дала.

академическаго перевода «иллирійскаго» словаря сотрудника себя могъ найти лишь въ минералогъ Озерецковскомъ¹⁾: то и отсюда довольно ясно, какъ слаба была извѣстность живыхъ славянскихъ языковъ у насъ, даже и въ Кружкѣ Румянцова, за исключеніемъ Востокова, на-сколько искренне вызовъ славянъ могли привѣтствовать со стороны, какъ залогъ болѣе широкаго, болѣе разносторонняго развитія молодой русской науки. Великій Востоковъ, съ своими глубокими знаніями, стоялъ одиноко, немолодъ былъ уже и отвлеченъ долготѣннымъ спеціальнымъ трудомъ.

Но—славянскому «тріумвирату» суждено было и на этотъ разъ, не только не явиться въ Россію, но и съ мѣста не двинуться; на этотъ разъ—не по винѣ нашей...

. 6 .

Мы видѣли, Челаковскій былъ въ полной готовности къ отъѣзду. Одно опасеніе томилло его: какъ встрѣтитъ его старуха-мать вѣсть о переселеніи на чужбину; но онъ надѣлся личными убѣжденіями успокоить ее. Какъ получившій чрезъ Келпена особое ученое порученіе, требовавшее времени — по пути въ Россію объѣздить край карпато-русскій и область мазуровъ, Челаковскій, естественно, могъ прибыть къ мѣсту своей русской службы довольно поздно, при всемъ добромъ желаніи спѣшить.

Иначе отнеслись, но по несходственнымъ побужденіямъ, къ наступающему отъѣзду въ Россію остальные два члена славянскаго «тріумвирата»: Ганка и Шафарикъ.

Выше указано, что Ганка, сейчасъ-же по полученіи формальнаго приглашенія, отвѣчалъ Шашкову благодарностью, но тутъ же прибавлялъ: «порученія моего оставляю назначенію сіятельной Академіи». Онъ указывалъ на свои обязательства относительно службы при Чешскомъ Музее: «полгодомъ впередъ отказать надобно», и тѣмъ давалъ понять, что скоро въ Петербургъ быть не можетъ. Между тѣмъ его пражское мѣсто

¹⁾ Сухомлиновъ, Ист. Рос. Акад., II, 383.

—библіотекаря Музея—предметъ зависти Челаковскаго, сейчасъ же сталъ предметомъ вождедвнй его противника, Палацкаго. Что, если изъ Петербурга ничего не выйдетъ, а онъ потеряетъ мѣсто въ Прагѣ?... Но главное—можетъ быть, завидуя порученію Челаковскаго объѣздить Карпаты, для себя Ганка создалъ свою командировку. «Однакожь бы я, писалъ онъ 17-го апрѣля, примѣтить отважился, чтобъ выгоднѣе было нужныя бібліотекъ (т. е. «Славенской») книги немедленно скупывать» и ссылался на предстоявшій аукціонъ чешской бібліотеки гр. Штернберга. «Въ дополненію сего собранія старыхъ книгъ маленькое путешествіе по Чехамъ и Моравіи очень хорошо бы послужило». Это была первая командировка, и за нею и вторая—«вылетѣ» въ Лужицы и Померанію за книгами и чтобы—«съ остатками сихъ нѣкогда расширенныхъ людовъ славянскихъ въ самомъ мѣстѣ познакомиться». Не забылъ закинуть напередъ словцо и о «выгодномъ жилищѣ», прибавивъ «дорожныхъ денегъ»¹⁾.

Ганка ждалъ «милостиваго рѣшенія», т. е., денегъ, отсрочки и денегъ.

Отсрочки прїѣзда, но не денегъ, скромно просилъ скромный Шафарикъ, отсрочки—для размышленія объ окончательномъ рѣшеніи.

Первое письмо Шафарика въ Шишкову, отъ 6 мая 1830 года, не сохранилось. Но о содержаніи его безошибочно можно заключать изъ послѣдующаго письма, отъ 10 ноября, когда Шафарикъ почувствовалъ себя непріятно, не получая отвѣта изъ Петербурга.

Съ благодарностью принимая избраніе, Шафарикъ писалъ Шишкову съ полною откровенностію, что онъ содрогается мысли о страшномъ климатѣ и дороговизнѣ въ Петербургѣ, писалъ и о «жилищѣ», т. е., квартирѣ, но съ крайнею деликатностію, оговариваясь, что этотъ вопросъ нисколько не связанъ съ прибытіемъ его въ Россію, и въ заключеніе просилъ о годовой отсрочкѣ, въ виду крайне болѣзненнаго состоянія своей многочисленной семьи, каковое время онъ обязывался употребить со всяческою пользою для Академіи—на изученіе не вполнѣ извѣстныхъ южнославянскихъ нарѣчій, старыхъ книгъ, руко-

¹⁾ Сухомлиновъ, Ист. Рос. Акад., VII, 565—566.

писей и пр. Письмо свое оканчивалъ любезнымъ увѣреніемъ, что хотя сейчасъ явиться и не можетъ, но и теперь онъ разсматриваетъ себя уже какъ-бы на службѣ въ Академіи¹⁾.

Итакъ, въ то время какъ Шишковъ и Кеппенъ были живо заинтересованы скорѣйшимъ прибытіемъ славянскихъ ученыхъ библиотечарей: дополнительные параграфы къ уставу Академіи были проведены быстро, не встрѣтивъ нигдѣ ни малѣйшей заминки,—отъ нихъ, за исключеніемъ Челаковскаго, одна и та же рѣчь—отсрочка...

Въ просьбѣ объ отсрочкѣ, естественно, было увидѣть колебаніе, сомнѣвіе—ѣхать-ли въ Россію?..

О Ганкѣ мы говорили: обезпеченное положеніе на родинѣ—полная антитеза положенію Шафарика и Челаковскаго, всегда практической характеръ автодидакта-«пастушка», указывавшій предпочесть извѣстное неизвѣстному, самыя лѣта—все это заставило автора раннаго прозита «о національномъ членѣ» въ Россійской Академіи въ рѣшительную минуту поколебаться, и онъ открылъ, пока, славянской торгъ. Что же касается до мысли, что Ганка не рѣшился изъ опасенія дѣйствительно неудобнаго соперничества²⁾, то, какъ ни заманчиво это соображеніе, въ рядъ-ли его можно допустить, такъ какъ Челаковский былъ именно избранникомъ Ганки для Россіи. Что же касается отношеній Ганки къ Шафаригу, то они, вѣроятно были и тогда неискренни, не смотря на все добродушіе, мягкость и незлобіе великаго словака.

Отсрочка Шафарика была вызвана иными, чеганковскими, соображеніями.

Шафаригъ такъ быстро, какъ требовалъ Кеппенъ (слѣд. Шишковъ), вопроса о переселеніи рѣшить не могъ: онъ страдалъ и колебался, не смотря на всю затруднительность своего положенія въ Венгріи, въ полуварварской странѣ, послѣ слишкомъ десятилѣтнихъ умственныхъ лишеній и пытокъ, въ виду уже дававшего себя чувствовать шовинизма мадьяръ, не смотря на то, что оставался безъ всякихъ средствъ, съ перспективой нищеты. Спасительное приглашеніе въ Петербургъ онъ прини-

¹⁾ Тамъ-же, VII, 568—571.

²⁾ Zelený V., Život J. Jungmanna, p. 406.

малъ только съ искреннею благодарностью, безъ лукавства, когда откровенно просилъ времени для обдуманья.

Правда, въ письмѣ къ Гангѣ отъ 3 марта 1831 г., Шафарикъ какъ будто одобряетъ его замедленіе: «дѣло требуетъ времени», пишетъ онъ; но тутъ же прибавляетъ: «наступающія бурныя времена (т. е. возстаніе польское), не знаю, что еще принесутъ; но я съ своей стороны не перестану стоять на своемъ намѣреніи (т. е. на переездѣ въ Петербургъ) и всячески готовиться къ достиженію желанной цѣли»¹⁾. Вспомнимъ и первое письмо его къ Востокову, въ сентябрѣ 1833 г. «Я, писалъ Шафарикъ, давно желалъ было писать къ вамъ; но разныя обстоятельства мѣшали. Къ тому же немного лѣтъ назадъ я легъ въ сладкую надежду — быть въ состояніи имѣть честь лично познакомиться въ Петербургѣ. Увы! эта надежда оказалась тщетной»²⁾.

Главная причина колебанія со стороны Шафарика — семейное чувство. Онъ былъ не въ состояніи побороть особенно нѣжнаго чувства къ своей, всегда болѣзненной, женѣ (православной сербкѣ), и необходимый вопросъ, вынесетъ-ли она переездъ и суровый климатъ Петербурга, заставлялъ его колебаться, «быть, по его признанію, въ полной нерѣшительности» и просить о годовой отсрочкѣ — для дачи послѣдняго рѣшенія. Опасеніе за жену не было простою фразой въ письмѣ къ Шишкову. А къ этому, на бѣду, тогда именно Шафарикъ былъ искушаемъ иною, естественно, болѣе удобною комбинаціей, хотя она держалась ни простымъ слухъ — мыслью о вызовѣ въ Германію, въ Берлинскій университетъ, на славянскую кафедру.

14 іюня 1830 года, слѣдовательно, спустя мѣсяць съ небольшимъ послѣ отвѣта Шишкову, Шафарикъ писалъ своему другу, извѣстному намъ нѣкогда издателю «Кюк»а, а теперь профессору физиологіи въ Бреславлѣ: «вѣроятно, Копитаръ вамъ уже сообщилъ, что я былъ приглашенъ въ Петербургъ; но я опасуюсь, чтобы суровый климатъ (drsné počasí) съвера окончательно не уничтожилъ здоровья моей жены, и я теперь въ полной нерѣшительности».

¹⁾ Тамъ-же, р. 405.

²⁾ Переписка Востокова, № 233.

Колебаніе, естественно, усиливалось. Шафарикъ обращается къ Пуркинѣ, какъ къ нѣмецкому теперь профессору, быть посредникомъ между нимъ и Германіей.

«Нѣсколько времени тому назадъ, пишетъ Шафарикъ въ томъ же письмѣ, Копитаръ любезно сообщилъ мнѣ, что вы, будучи въ Вѣнѣ, между прочимъ ему сообщали, яко-бы Берлинскій университетъ, точнѣе, нѣкоторые его сочлены, предложили въ прошломъ году (слѣдов. въ 1829) пригласить меня туда въ качествѣ профессора. Но я не имѣю удовольствія знать ни одного изъ тамошнихъ профессоровъ, почему для меня совершенная загадка, какъ это случилось, что Берлинскій университетъ, при его отдаленности, обратилъ свое вниманіе на меня. По дружескому совѣту Копитара обращаюсь къ вамъ съ просьбой и вопросомъ — объяснить все это дѣло, столь важное для меня: какая кафедра свободна и на какую я имѣю быть приглашенъ? Занята она уже? Въ случаѣ если не занята, есть ли надежда, что выборъ падетъ на меня?»

«Признаюсь, продолжалъ Шафарикъ, дѣятельность въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, и особенно въ прусскомъ, была-бы мнѣ очень желанна, даже если-бы она осуществилась и позже... Нѣмецкому климату, который мнѣ знакомъ, я отдалъ бы предпочтеніе и предъ нашими»¹⁾).

Естественно, если въ Петербургѣ колебанія, «полная нерѣшимость» главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Ганки и Шафарика, могли произвести только непріятное впечатлѣніе. Колебаніе одной стороны вызвало колебаніе другой. Старый посредникъ, Кеппенъ, былъ опять внѣ столицы. Изъ Академіи не отвѣчали на письмо Ганки отъ 17 апрѣля. Не писали и Шафарику на письмо отъ 6 мая.

Есть темное извѣстіе, что въ Академіи рѣшили не только не торопить библиотечарей «Славенской Библіотеки» съ прибытіемъ, но, въ отвѣтъ приглашенія чрезъ Кеппена, просить ихъ

¹⁾ Slovanský Sborník, изв. журналъ Ед. Елины въ Прагѣ, 1887 г., р. 45—46. Какъ протестантъ-словакъ, Шафарикъ учился въ университетѣ въ Ленѣ. Жена Шафарика — изъ-за здоровья которой онъ колебался переехать въ Россію, перешла своего мужа, и въ половинѣ 70-хъ годовъ мы еще могли удовольствіе видѣть ее, слабую старуху, у ея сина, прое. Вейтха Шафарика.

ждать новаго приглашенія, и въ этомъ рѣшеніи какъ будто видѣется рука практическаго Сперанскаго.

«Только что былъ у меня Ганна, пишетъ 15/3 іюля 1830 г. изъ Праги старшій Юнгманнъ своему другу Марку въ Либунь, и показывалъ мнѣ знаки ордена Владиміра IV степени. Онъ получилъ потому, что государственный совѣтникъ (!) Сперанскій поднесъ по экземпляру его грамматики (русскаго языка?) русскому царю и цесаревичу. По письму того-же Сперанскаго (въ Ганнѣ?), сначала имѣеть быть выработана обширный планъ всеславянскаго словаря, и только потомъ уже пригласятся разомъ сотрудники для этой работы. Такимъ образомъ, дѣло собственно не оставлено, но затянuloсь»¹⁾.

Дѣйствительно, Сперанскій, оставивъ столицу 12 мая, дѣло 1830 года провелъ на чешскихъ водахъ и побывалъ въ любезной и ему Прагѣ, гдѣ видѣлся съ Ганной и другими чешскими дѣятелями²⁾. Вполнѣ понятно, что при этомъ свиданіи была прежде всего рѣчь о приглашеніи. Можно представить себѣ, какъ счастливъ былъ Ганна: и съ Петербургомъ не разсорился, получилъ Владиміра, и въ Прагѣ остался.

Такимъ образомъ, прошло не болѣе полугода, какъ утверждена была верховною властью «Славенская Библиотека», славянское отдѣленіе при старой Россійской Академіи, изъ трехъ представителей славянской науки у западныхъ славянъ, какъ порѣшенное дѣло приняло нежданннй оборотъ — отложено до времени, при чемъ на первое мѣсто поставлено было не учреж-

¹⁾ «Сазоріс Мусае», 1883, р. 332. И въ сближеніи съ русскими государственными людьми Ганна имѣлъ болѣе успѣха, чѣмъ его недоброжелатель, Палацкій. Правда, еще въ 1827 г. Палацкій съ удовольствіемъ писалъ Колларю о близкомъ знакомствѣ своемъ съ воспитателемъ цесаревича, Жуковскимъ: «въ маѣ я познакомился въ Лейпцигѣ и, такъ сказать, подружился съ нѣкоторыми знаменитыми русскими, между прочимъ, съ Жуковскимъ. Оба наши журнала будутъ исправно ему посылаться. Онъ мнѣ пришелся очень по сердцу и обѣщалъ мнѣ давать журналы русскіе. Онъ воспитатель цесаревича Александра, человекъ остроумный, ученый, очень любезный, скромный и притомъ серьезный, любящій своихъ славянъ». («Сазоріс Мусае», 1879, р. 392). Но о продолженіи этихъ отношеній съ Жуковскимъ свиданій не имѣется.

²⁾ Вар. М. К о р е зъ, Жызнъ гр. М. М. Сперанскаго, т. II, стр. 350.

деніе—«Славянская Библіотека», а одна изъ задачъ ея—работы надъ словаремъ.

Дѣйствительно, на упомянутое выше второе письмо Шафарика отъ 10 ноября нов. ст. (пражскія вѣсти къ этому времени еще не дошли до Нового Сада) Шишковъ отвѣчалъ 1 декабря 1830 г., что ему разрѣшается свободно пользоваться временемъ для окончанія своихъ работъ. Шафарикъ понялъ это письмо буквально, продолжалъ работать въ Новомъ Саду, приготовляясь для будущей дѣятельности въ Петербургѣ, все считая себя мысленно на службѣ Россійской Академіи.

Но въ Прагѣ, какъ мы видѣли, положеніе славянскаго вопроса въ Академіи точнѣе знали, чѣмъ Шафарикъ: дѣло только отложено до поры до времени, толковали тамъ; но надежды не теряли, по крайней мѣрѣ, Челаковскій.

Въ апрѣлѣ 1831 года Камаритъ спрашиваетъ Челаковскаго: «что, изъ Россіи нѣтъ еще никакого извѣстія? Отвѣчая другу, Челаковскій, хотя немного и сѣтуетъ на неопредѣленность своего положенія — что дѣлать, что начать, но выражаетъ спокойную готовность ждать и ждать. «Нѣсколько я и доволенъ, пишетъ онъ Камариту 6 августа, что наше приглашеніе въ Петербургъ немного замедлилось—холера и тамъ уже свирѣпствуетъ, и кажется, что до года нельзя и думать, чтобы что-либо изъ всего вышло. Я бы, пожалуй, и не заботился, если бы только доходы мои здѣсь, на родинѣ, могли-бы возрасти и утвердиться... Но тѣмъ не менѣе я не отчаяваюсь; ибо временами часто является то, о чемъ мы и не думали»¹⁾.

Но прошелъ 1831 годъ, половина 1832. Лѣтомъ этого года Сперанскій опять въ Чехіи. «Нѣсколько долѣе, рассказываетъ его біографъ, онъ пробылъ только въ Прагѣ, куда привлекла его любовь къ западнымъ славянамъ и желаніе ближе познакомиться съ чешскими учеными: Ганкой, Юнгманномъ, Шафарикомъ и др.»²⁾. Изъ Петербурга все ничего. Матеріальное поло-

¹⁾ «Sebrané listy», р. 296, 300.

²⁾ К о р е зъ, Живнъ гр. М. М. Сперанскаго, I, 352. Конечно, Шафарикъ долженъ быть исключенъ, какъ не выѣзжавшій еще изъ Нового Сада, а экскурсій онъ не дѣлалъ. Кстати отмѣтимъ ту же ошибку въ «Воспоминаніяхъ» Мурзавича. Онъ говоритъ, что его одесскій другъ, Кирьяковъ, будучи въ 1830 г. за границей, познакомился въ Прагѣ съ Шафарикомъ. (Русск. Старина, 1887, февраль, 285). Очевидно, ошибка.

женіе Челаковскаго ухудшалось; семья увеличивалась, и его долгое спокойствіе переходило уже въ отчаяніе.

«Немного надежды, пишетъ Челаковскій 9 августа 1832 года другу Винарицкому, полагаю еще на то, что, можетъ быть, теперь съ Сперанскимъ будемъ мы трактовать о русскомъ дѣлѣ. Но обманетъ и эта надежда—я готовъ сдѣлать скачекъ, который меня, или вывезетъ къ чему нибудь лучшему, или я сломаю себѣ шею: долѣе въ такомъ стѣснительномъ положеніи оставаться мнѣ нельзя». Винарицкій старался успокоить бѣднаго друга, но въ то же время ухудшалъ его состояніе духа замѣчаніемъ: «не полагайте всю свою надежду на одного человека—Сперанскаго, характеръ котораго вамъ до сихъ поръ неизвѣстенъ; во всѣхъ концахъ свѣта вы найдете людей, которые не будутъ подходить подъ ваши идеалы»... «О когда бы, заключалъ Винарицкій, вамъ, дорогой другъ, досталось бы поскорѣе мѣсто, гдѣ бы вы, какъ въ своей сѣрѣ, двигались свободнѣе»¹⁾.

Желанные переговоры съ Сперанскимъ въ Прагѣ въ августѣ 1832 года о «русскомъ дѣлѣ», дѣйствительно, имѣли мѣсто, и было порѣшено тогда между Сперанскимъ, который еще въ 1831 году сталъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи, съ одной стороны, Ганкой и Челаковскимъ, съ другой, что академическая работа по составленію общеславянскаго словаря могла бы быть выполнена избранными тремя библиотекарями въ Прагѣ, не отъѣзжая въ Россію, но, конечно, за вознагражденіе. Эта мысль или планъ — открыть славянское отдѣленіе Россійской Академіи, хотя бы на время, въ Прагѣ, принадлежала находчивому Ганкѣ.

23 октября 1832 года Камаритъ пишетъ послѣднее письмо своему другу (вскорѣ онъ умеръ), и въ немъ мы находимъ нѣкоторые слѣды пражскихъ переговоровъ съ Сперанскимъ. «Что, спрашиваетъ Камаритъ, приглашеніе тебя и Ганки въ Россію не осуществится? Баронъ Вернье (Vernier) что-то мнѣ такое передавалъ, что имѣетъ быть о томъ рѣчь, чтобы вы могли русскую службу выполнять въ Прагѣ. Вотъ была бы прекрасная вещь, да и отъ чешской земли вы не были бы отняты»²⁾.

¹⁾ «Sebrané listy», p. 379, 381.

²⁾ Тамъ-же, p. 316.

Этимъ результатомъ, по видимому, былъ удовлетворенъ Челаковскій. Но роль его была третья, вниманія обращали мало. Корясеемъ былъ владимірскій кавалеръ — Ганка, какъ называлъ его теперь Юнгманнъ. Съ явно повеселѣвшей мыслью Челаковскій пишетъ теперь, 21 ноября 1832 года, своему другу -столяру въ Страконицы, извѣстному политику Планку: «вы уже хотите имѣть извѣстія и изъ Петербурга, тогда какъ министр¹⁾ едва только теперь возвратился туда. Пожалуй, будущей весною вы спрашивайте объ этомъ, потому что оттуда не то, что изъ Праги перелетѣть въ Страконицы²⁾»).

Между тѣмъ какъ въ Прагѣ проеякъ Шишкова получалъ уже, такъ сказать, третію редакцію, редакцію изобрѣтательнаго Ганки, третій членъ славянскаго призыва, Шафарикъ, не зная ничего о происходившемъ въ Прагѣ, все жилъ и работалъ въ Новомъ Садѣ, пользуясь предоставленнымъ ему «отпускомъ» отъ Россійской Академіи, для Академіи. Но прошелъ годъ съ четвертью послѣ отвѣта Шишкова отъ 1 декабря 1830 года, и въ апрѣлѣ 1832 года Шафарикъ счелъ необходимымъ напомнить о себѣ. Онъ возобновляетъ свою, такъ сказать, служебную переписку съ своею Академіей.

Шафарикъ 5-го апрѣля извѣщалъ Шишкова, что послѣдній срокъ прибытія своего въ Петербургъ на службу онъ назначаетъ для себя весну 1833 года, выражалъ надежду, что, можетъ быть, сдѣланныя имъ за время отпуска работы извинять его промедленіе и даже, по добротѣ своей, предложилъ новаго члена къ славянскому триумвирату, изв. серба Вука Караджича.

На это извѣщеніе Шафарика уже не отвѣчалъ самъ Шишковъ, а секретарь Россійской Академіи, Соколовъ. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ поразить добродушнаго Шафарика: онъ собирается въ Петербургъ, чтобы начать русскую службу, а Соколовъ ему, отъ имени Академіи, препоручалъ, что, можетъ быть, ему удобнѣе остаться еще на нѣсколько лѣтъ въ своемъ Новомъ Садѣ, иными словами, что Академія въ немъ теперь не нуждается. Между тѣмъ теперь только Шафарикъ узналъ о «непред-

¹⁾ Несомнѣнно, подъ министромъ Челаковскій разумѣетъ Сперанскаго.

²⁾ «Sebrané Listy», p. 506—507.

видѣнномъ, по его словамъ, измѣненіи мыслей» Ганки и Челаковскаго (точнѣе, одного Ганки), уже послѣ отсылки письма къ Шишкову отъ 5 апрѣля; онъ понялъ, что это письмо его было лишнимъ, что иного отвѣта, чѣмъ отвѣтъ секретаря Академіи, онъ и ожидать не могъ, что дѣло о приглашеніи отставлено ¹⁾).

На извѣщеніе Соколова Шафарикъ отвѣчалъ 13/1 октября, что, какъ частный человѣкъ, онъ готовъ служить, по мѣрѣ своихъ силъ, Россійской Академіи; но обязательныхъ отношеній къ ней у него болѣе нѣтъ никакихъ.

Всегда скромный, деликатный, Шафарикъ благодаритъ Академію за ея любезное разрѣшеніе остаться ему еще надолго въ Новомъ Садѣ, но объясняетъ, что дальнѣйшее пребываніе его на турецкой границѣ, гдѣ онъ уже столько лѣтъ отрѣзанъ отъ божьего міра, онъ считаетъ для себя невозможнымъ, что если бы Академія пожелала воспользоваться его слабыми силами «для осуществленія своей прекрасной и общепользующей цѣли» (т. е. для общеславянскаго словаря), то для этого ему нѣтъ необходимости ни ѣхать въ Петербургъ, ни оставаться въ Новомъ Садѣ: онъ готовъ служить Академіи и изъ Праги, куда онъ твердо рѣшилъ переселиться, чтобы тамъ его ни ожидало.

Дѣлая послѣднее предложеніе, Шафарикъ имѣлъ въ виду сообщенные уже ему, но чрезъ третія только руки, результаты лѣтнихъ переговоровъ Ганки съ Сперанскимъ въ Прагѣ. Отъ нихъ онъ былъ въ восторгѣ, и свою радость онъ поспѣшилъ излить въ письмѣ къ Ганкѣ, сейчасъ же послѣ отвѣта Соколову, прося его объ откровенной подмогѣ — не позабыть и его (въ глазахъ добродушнаго Шафарика Ганка былъ силою), и кротко упрекая его въ неискренности.

¹⁾ Сухомятиновъ, Ист. Росс. Ак., VII, 572 — 574 письмо Шафарика отъ 5 апрѣля. Извѣщеніе Соколова было отъ 23 іюня: о содержаніи его — нѣтъ отвѣта на него Шафарика отъ 13/1 октября, тамъ же, 574 — 578. Деликатный Шафарикъ вполнѣ извиняетъ странность отвѣта Академіи — измѣнившимися отношеніями къ Ганкѣ и Челаковскому, и извиняется даже за свое нескромное письмо отъ 5 апрѣля, невѣдѣніемъ переменъ: «но теперь, отвѣчалъ онъ Соколову, при этой перемянѣ обстоятельствъ, я не нахожу страннымъ, что мое присутствіе въ Петербургѣ является мнѣ настоящее и необходимымъ, и что имп. Академія, при полной свободѣ отъзвѣда, дастъ мнѣ понять — не полезнѣе ли было для меня и моихъ занятій, если и еще долѣе останусь въ Новомъ Садѣ» (т. же, стр. 575).

«Еще бѣльшею радостью, пишетъ Шафарикъ Ганкѣ 17/5 октября 1832 года, наполнило меня полученное мною извѣстіе объ удачныхъ переговорахъ съ г. Сперанскимъ. Дай же Богъ, чтобы эта прекрасная надежда скоро и вполнѣ оправдалась... Я изъ Петербурга получилъ недавно увѣдомленіе такого содержанія: такъ какъ вы и г. Челаковскій (!) приглашенія не приняли, то первоначальный планъ въ настоящую минуту не можетъ быть выполненъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ Академія оставляетъ мнѣ на волю—ѣхать ли въ Петербургъ, или оставаться далѣе въ Новомъ Садѣ. Въ это время Академія еще ничего не знала о вашемъ новомъ планѣ. Я приготавлиюсь потому писать въ Петербургъ, что присоединяюсь къ вашему плану и всячески буду совѣтовать, чтобы Академія одобрила этотъ планъ, а меня присоединила бы къ вамъ и къ другимъ пріятелямъ въ Прагѣ, въ качествѣ сотрудника. Я сожалею, что у меня нѣтъ никакихъ болѣе полныхъ извѣстій о вашемъ планѣ, и что вы о немъ мнѣ не написали ни словечка. Вы бы меня очень одолжили, если бы увѣдомили меня хотя о главнѣйшихъ основаніяхъ и условіяхъ его.. Но, какъ бы то ни было, я полагаюсь на вашу пріямоту, что, стараясь столь похвально о благѣ цѣлаго Славянства, о составленіи общеславянскаго словаря, не забудете и меня, вашего вѣрнаго пріятеля, но усиленно будете стараться о томъ, чтобы я попалъ въ Прагу, при выгодныхъ условіяхъ. Больше всего это зависитъ отъ васъ; вы въ этомъ дѣлѣ можете сдѣлать много»¹⁾).

Но Ганка, заботившійся прежде всего о себѣ, а не о «благѣ цѣлаго Славянства», кажется, и не отвѣчалъ на смиренную просьбу Шафарика о дѣлѣ, за которое послѣдній ухватывался теперь, какъ утопающій за соломинку, да и отвѣчать не могъ въ желанномъ для Шафарика смыслѣ, такъ какъ его планъ объ устройствѣ славянскаго отдѣленія Россійской Академіи въ Прагѣ былъ одобренъ однимъ Сперанскимъ въ частыхъ бесѣдахъ, притомъ, неизвѣстно въ какой формѣ; планъ-же былъ слишкомъ отверженный.

А между тѣмъ для Шафарика наступали тягчайшіе дни: восторгъ отъ плана Ганки былъ мимолетною сладкою грезой.

¹⁾ Zelený V., Život J. Jungmanna, p. 405.

Онъ переезжалъ въ Прагу, «что бы тамъ его ни ожидало», а въ его Прагѣ его ожидала самая суровая, неприглядная будущность — нужда до нищеты. Онъ переезжалъ въ Прагу, чтобы своей любимой и многочисленной семьѣ устроить полуголодную жизнь, и то при довольно стѣснительныхъ нравственныхъ условіяхъ. Одно вѣщило его: преданность наукъ, любовь къ своему языку и дѣятельность среди людей, которые радовались, что «такъ-сякъ связали его и такимъ образомъ приобрѣли для роднаго языка», какъ хвалился благородный Юнгманнъ¹⁾.

Доведенный до отчаянія неудачами, Шафарикъ обращается теперь съ мольбой—помогите, ко всѣмъ. 25/13 октября 1832 г. онъ пишетъ Коллару въ Пештъ: «я, будь что будетъ, остановился, наконецъ, на мысли, усѣсться въ Прагѣ. Я уже писалъ объ этомъ подробно Палацкому и кратко Юнгманну, прося ихъ подыскать для меня тамъ хоть какое-нибудь мѣстечко. Я не ищу должностей, чиновъ, титуловъ, богатства, да, какъ протестантъ, не могу и имѣть въ католической Прагѣ—миѣ бы только найти въ Прагѣ какое-либо честное занятіе и такимъ образомъ сохранить себя для славянской литературы. И васъ, дорогой, я усиленно прошу—съ своей стороны написать Юнгманну. Если-бы миѣ хоть на три года достали мѣсто какого-нибудь библиотекаря, архиваріуса, или секретаря, съ квартирой и какимъ нибудь жалованіемъ! Подумайте, что бы я сработалъ въ Прагѣ для чешской энциклопедіи, журнала! На оборотъ, не будетъ-ли въ вѣчному сраму чешскаго народа, если я, пожалуй, и съ семьей, пропаду среди этихъ пропащихъ людей, или продамъ свою душу нѣмцамъ! Да, дорогой, не найду я мѣста въ Прагѣ, въ мартѣ продамъ свои пожитки и гдѣ нибудь въ Германіи залѣзу въ университетъ, въ качествѣ приватъ-доцента, чтобы, по крайней мѣрѣ, кости сложить въ нѣмецкой землѣ, если для нихъ нѣтъ мѣста въ славянской»²⁾.

Пріятеля горячо приняли къ сердцу безвыходное положеніе своего великаго, но несчастнаго, соотечественника, чтобы только его великій талантъ и знаніе не погибли для Славянства — въ вѣчному его безчестію.

¹⁾ Въ письмѣ къ Маргу, послѣ 20 іюня 1832 г. — «Časopis Musea», 1833, р. 353.

²⁾ Zelený V., Život J. Jungmanna, р. 283, примѣч. 3.

16 ноября 1812 Палацкій съѣхитъ извѣститъ Коллара, что хотя мѣста для Шафарика въ «католической» Прагѣ нѣтъ, но друзья не оставятъ. «О милomъ нашемъ Шафарикѣ и его нуждахъ, писалъ Палацкій, вамъ извѣстно. Всячески мы стараемся приготовить ему пребываніе среди насъ, если не вполне пріятное, то, по крайней мѣрѣ сносное, и, надѣюсь, это намъ удастся. Мы припасли для него, хотя предварительно всего на пять лѣтъ, нѣсколько сотъ гульденовъ въ годъ; стараемся и о мѣстѣ. Какъ важно сохранить его для нашей литературы, мы это прекрасно чувствуемъ и цѣнимъ»¹⁾.

Одновременно сообщаетъ о благородной патриотической складчинѣ тому-же посреднику и Юнгманнъ. «Дорогому Шафарику, пишетъ онъ Коллару 8 декабря, надѣюсь, не дозволимъ уйти на чужбину, хотя мы и не въ состояніи устроить ему жизнь у насъ такъ удобно, какъ это желалось бы»²⁾. Благородный Юнгманнъ заботится теперь объ увеличеніи пока пайщиковъ на «сохраненіе» Шафарика. «Относительно Шафарика, пишетъ онъ своему Марку въ самомъ концѣ злополучнаго для Шафарика 1832 года, 28 декабря, мы (т. е. патриоты, люди благородной школы Добровскаго, но безъ Ганни) постановили, наконецъ, между собою, и ему сообщили, что мы принимаемъ на себя заботу — обезпечить его дружескою складчиной на пять лѣтъ, но не долѣе, — скорѣе, короче, если ему удастся получить какое либо занятіе. Мы дѣлали много для родной литературы, — сдѣлаемъ же и это. Шафарикъ, дѣйствительно, прекрасная голова и будетъ сильно работать. Въ мартѣ (т. е. 1833 года) онъ собирается быть здѣсь»³⁾. И Маренъ не отказалъ въ участіи, въ своемъ паѣ.

Дѣйствительно, веселый май 1833 года встрѣтилъ Шафарика не на чужбинѣ, въ Петербургѣ, съ обезпеченнымъ существованіемъ, какъ это онъ благодушно рассчитывалъ еще годъ тому назадъ, а въ родной Прагѣ, съ черствымъ ломтемъ хлѣба, гдѣ, впрочемъ, его ожидали, какъ мессію, по выраженію Палацкаго. «Прибытіе нашего Шафарика будетъ новою весной нашей

¹⁾ «Časopis Musea», 1879, p. 478.

²⁾ Тамъ-же, 1880, p. 207.

³⁾ Тамъ-же, 1883, p. 346.

литературы», предвѣщалъ добрый Юнгманнъ¹⁾). Но будетъ ли это весной для самого Шафарика?

Какою горькою ироніей судьбы звучало въ ушахъ Шафарика любезное дозволеніе Россійской Академіи оставаться въ Новомъ Садѣ еще на долго лѣтъ!

Съ крайне удрученнымъ духомъ покидалъ Шафарикъ свой православный Новый Садъ, край «пропавшихъ людей», гдѣ онъ провелъ полтора десятка лѣтъ, и увѣжалъ въ гостепріимную Прагу, но чтобы тамъ собою еще болѣе увеличить бѣдность своихъ бѣдныхъ собратій, писателей-патріотовъ.

«Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, пишетъ Шафарикъ въ послѣдній разъ, 17 февраля 1833 года, изъ Новаго Сада другу своему въ Варшаву, знаменитому польскому слависту-юристу, В. Мацѣвскому, пришелъ я къ сербамъ съ желаніемъ дѣйствовать среди нихъ на благо культуры народа, а убожу съ сознаніемъ напрасно потраченного труда. Что я не отправился въ Петербургъ, получивъ оттуда приглашеніе—главною причиною была болѣзненность моей жены, слабой грудью; а позже подошли иныя препятствія», т. е. колебаніе Ганки, поставившее всѣхъ въ фальшивое положеніе.

Полный отчаянія, Шафарикъ исповѣдывался теперь Мацѣвскому. «Въ концѣ будущаго мѣсяца (т. е. марта) я, продолжалъ онъ, оставляю Новый Садъ и на-время переселяюсь въ Прагу... Я водворюсь въ Прагѣ, какъ частный ученый, при небольшой подмогѣ изъ какого-то частнаго фонда. Я хочу испытать этотъ послѣдній шагъ, прежде нежели продамъ свою бѣдную душу нѣмецкому Михлю и потянусь въ какой-нибудь нѣмецкій университетъ. Да, мой дорогой другъ, жалко, мало того—отчаянно стоить наше славянское дѣло. Какъ слѣпой энтузіастъ, жертвовалъ я собою этому дѣлу въ теченіе 16 лѣтъ, а въ результатъ—уничтожилъ только себя»...²⁾

Не легче было несчастному ученому и въ Прагѣ. Не весною встрѣтила его и Прага, съ своей складчиной бѣдняковъ, хотя и прибылъ въ маѣ.

Суетны были и торжественная ода со стороны его земляка, Коллара, на проводы въ Прагу, и особенное благоволеніе къ

¹⁾ «Slov. muzeja», 1879, p. 479; 1880, p. 207.

²⁾ «Slov. Sborník», Едв. Елишка, 1884 годъ, p. 189, 188.

нему «Дщери Славы», увы! своеобразно выразившееся въ жаркомъ желаніи, чтобы великій страдалецъ остался на вѣки въ нашей юдоли скорби (сон. 469), не смѣшиваясь съ остальными «nebe³(anu)» въ «Nebeslavsku»...

Нищета стала участію избранныка науки. Анонимные члены фонда хладѣли, да и сами были бѣдняки. «Палацкій, пишетъ Юнгманъ Марку уже въ апрѣлѣ 1834 года, слѣд. до окончанія года, просилъ, чтобы ваши 50 гульденовъ пошли на Шафарика за этотъ 1834 годъ, такъ какъ Штепанекъ отказался отъ своего пая и мы въ нуждѣ¹⁾». Перебился кое-какъ Шафарикъ четыре года; наступилъ послѣдній условный—пятый, 1837-й; виды на полученіе мѣста, даже какого-нибудь переводчика слабы, а впереди прекращеніе складчины. «Какъ бы то ни было, пишетъ благородный Юнгманъ тому-же Марку, но весь вопросъ—какъ вы отнесетесь: можете-ли и желаете-ли и позже что-нибудь дѣлать для Шафарика, или совершенно отказываетесь?»²⁾

Въ эти критическія минуты Шафарика, когда свои, за невозможностью, оставляли, когда великій страдалецъ отдавалъ уже въ типографію свои классическія «Славянскія Древности», пришла рука помощи—отъ насъ, отъ частныхъ также людей, но московскихъ, и на эту помощь одинаково спѣшили, и славяно-филы, смѣшившіе преданія Руминцовскаго Кружка, и западники, по духу присные Сперанскому.

Извѣстно, что первыя строки «Славянскихъ Древностей», съ сердечнѣйшею признательностью за помощь, знаменитый авторъ посвятилъ; послѣ своихъ анонимныхъ благодѣтелей, Погодину: «да будетъ и тебѣ благодарность, дорогой Михайло Петровичъ, тебѣ, который, увидѣвъ мой трудъ еще неоконченнымъ, оцѣнилъ его душою истиннаго славянина»...

Въ 1837 году посѣтилъ Прагу Грановскій, познакомился съ Шафарикомъ и ужаснулся его нищетѣ. Онъ посѣвшихъ просить своего товарища Григорьева (будущаго оріенталиста) организовать между своими знакомыми помощь нищенствующему Шафарiku—и русская складчина была на лицо³⁾.

¹⁾ «Bazoris Musea» 1833, p. 498.

²⁾ Отъ 19 декабря 1837 г. Тамъ-же, 1834, 66.

³⁾ Веселовскій, Н. И., В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, Сиб. 1887, стр. 28—29.

Въ это самое время безмятежно кончалъ свои дни секретарь Россійской Академіи, позволявшій Шафарiku оставаться — въ испытаніяхъ, еще на «многоя лѣта»...

Прошло много лѣтъ, и волны Волтавы уготовили, наконецъ, предѣлъ испытаніямъ несчастнаго Шафарика. Тогда, наконецъ, и исполнилось его старое желаніе соединиться съ русскими. Какъ протестанту ему не было мѣста въ «славянской», т. е. «католической» Прагѣ: гробъ его вынесенъ далеко, подъ Жижкову гору, на «село скудельниче», гдѣ великій чехъ (словакъ) упокоился о-бокъ съ русскими, падшими когда-то подъ Кульмомъ...

Не весела судьба была и втораго члена триумвирата, также какъ и Шафарикъ, долго утѣшавшагося надеждой работать въ Россіи, достойнаго Челаковскаго.

Когда въ 1835 году Челаковскій, извѣрившійся во все подъ гнетомъ судьбы, былъ привлеченъ къ отвѣту за неблаго-разумное слово, какъ-то вырвавшееся у него по адресу къ намъ, на страницахъ ничтожной газетки, онъ прямо указывалъ на Ганку, какъ на своего доносчика¹⁾. За этимъ послѣдовала полная нищета и положеніе еще отчаяннѣе, чѣмъ у Шафарика. «Шафарика, жалуются Палацкій другу Пуринь въ Бреславль, въ іюль 1839 г., мы должны были въ прошломъ году ссадить съ 40 на 30 гульденовъ въ мѣсяцъ, и нужны деньги труднѣе и труднѣе собираются. Начали было мы такую же складчину помогать и Челаковскому; но она такъ скверно идетъ, что вынуждены будемъ скоро ее бросить. Этотъ прекрасный чловѣкъ заболѣлъ дней 14 назадъ, и мы не безъ опасенія о немъ²⁾. Наконецъ, Челаковскій «продалъ свою душу нѣмецкому Михлю» — въ Бреславскій университетъ.

Долго, очень долго слышались у Челаковскаго отзвуки о славянскомъ триумвиратѣ; съ горечью души вспоминалъ онъ и чрезъ десятокъ лѣтъ о своемъ «гускѣмъ розваці» — о приглашеніи въ Россію³⁾.

Одинъ только Ганка оказался избранникомъ фортуны, «недостойнѣйшій» изъ всѣхъ троицъ, по сильному, но справедливому

¹⁾ «Časopis Musea», 1883, p. 811.

²⁾ «Slovancký Sborník», 1886, p. 231.

³⁾ Ср. его письма въ 1841 году въ «Sebr. listechъ», p. 440, 443.

замѣчанію автора біографіи Юнгманна¹⁾). Даже неудавшееся, главнымъ образомъ, по его винѣ счастье Шваррика и Челаковского — переселеніе въ Петербургъ, послужило ему въ выгоду. Знаки вниманія засыпали его изъ Россіи, и еще пок. П. А. Лавровскій не разъ вспоминалъ въ бесѣдахъ съ пишущимъ эти строки, какъ онъ встрѣчалъ Ганку въ театрѣ: руки горѣли огнями. И умеръ торжественно, среди своихъ рукописей:

«Na Přikopech je dům
řikají — Museum» ...

Припоминаніемъ этихъ стишковъ знаменитаго чешскаго поэта-публициста, Гавличка-Боровскаго, заключимъ нашу сказку о Вячеславѣ Вячеславовичѣ Ганкѣ — мудромъ «пастушкѣ».

Таковъ былъ финалъ призванія славянъ.

. 7 .

Два раза Шишкову, второму нашему историческому старцу, блестящему среди своихъ хаотическихъ современниковъ, улыбалась завидная честь стать преобразователемъ-организаторомъ традиціонно-отрывочныхъ славянскихъ студій въ Россіи.

Сначала, какъ министръ народнаго просвѣщенія, Шишковъ остановился на провѣтѣ учрежденія славянскихъ кафедръ въ университетахъ имперіи; позже, какъ президентъ Россійской Академіи, онъ выработалъ и провелъ законодательнымъ путемъ провѣтъ открытія Славянскаго Отдѣленія при своей Академіи.

Оба раза непосредственнымъ сотрудникомъ его въ этомъ благовременномъ и серьезномъ дѣлѣ былъ энергическій Кепленъ, изъ знаменитаго научно-славянскаго Кружка канцлера Румянцова, и оба раза, для осуществленія реформы, останавливались на одномъ и томъ-же приѣмѣ—на приглашеніи западно-славянскихъ ученыхъ, и каждый разъ на однихъ и тѣхъ-же лицахъ.

Но оба сибѣлы предначертанія постигла одна и таже участь — неудача.

¹⁾ Zelený V., Život J. Jungmanna, Приложение V, p. 406.

Соціальтъ ли намъ о роковнѣхъ неуспѣхъ?...

И нѣтъ, и да.

Ганка, горнеей триумвирата, плацпроставившій по своему даже намѣреніи самой Россійской Академіи, былъ, безспорно, горячій патриотъ — онъ былъ такимъ, лишь только оставилъ наследственный пастушескій посохъ, вропотливый себистатель, открыватель камятинновъ родной старини и издатель; но онъ не выдавался никогда ни талантомъ, ни глубиною знанія. Онъ хвалился знаніемъ всѣхъ славянскихъ языковъ; но мы видѣли его русскій языкъ въ письмахъ въ «сіятельной» Академіи. Вѣрно и сразу появля его опытный Бодянский¹⁾, но не другъ его, И. И. Срезневскій.

Трудолюбивый, талантливый Челаковскій былъ и остался до конца выдающимся поэтомъ, съ возвышенными мотивами не одного своего «прихода»; но онъ былъ болѣе вдохновеннымъ, чѣмъ строгимъ, ученымъ.

Оторванные отъ своего народа, и Ганка, и его избранникъ, Челаковскій, въ своемъ новомъ положеніи не будучи въ состояніи продолжать благотворную дѣятельность для духовнаго возрожденія своей несчастной родины своимъ личнымъ, непосредственнымъ участіемъ въ ея судьбахъ, въ тоже самое время не могли бы быть особенно выдающимися вкладчиками въ русскую науку, двигателями ея.

Но не то можно сказать о Шакарнѣ, сиромомъ словакъ — третьемъ, въ ходѣ дѣйствія, второстепенномъ членѣ приглашавшагося славянскаго триумвирата.

Если среди грозной нищеты, перебивался пріятельскими складчинами, Шакарнѣ не только не потерялся, не измѣнилъ долгу жизни — науцѣ, но работалъ съ возрастающей энергіей; если, такъ сказать, чѣмъ голоднѣе онъ былъ, тѣмъ выше становились творенія его, этого великаго духа: сегодня—ревне полъ-вѣка, какъ нынѣ Шакарнѣ окончилъ свою великую книгу, сегодня — полувековой юбилей его «Древнѣйшей Исторіи славянъ», — то позволительно думать, что обеспеченность на службѣ въ Россіи, а къ намъ онъ льнулъ, и безкорыстно, и упрямо, была-бы для него, по крайней мѣрѣ, не менѣе слабымъ сти-

¹⁾ См. нашъ очеркъ: «О. М. Бодянский въ его Дневникѣ» въ «Историч. Вѣстникѣ» 1887, декабрь, стр. 512.

мудомъ въ работѣ, чѣмъ нужда. Бѣдность, временами предлога трусого соблазнѣнія, въ Шаарникѣ творила чудеса. А мы лично — приобрѣтали въ Шаарникѣ и салу, и руководители, слѣдовательно, и лишились съ нимъ многого. Не скорбѣть о роковой неудачѣ въ жизни Шаарника, о неудачѣ смѣлаго проекта историческаго старца-Шипшова, нельзя.

Не всеу великій поэтъ министра Шипшова встрѣтилъ восторженными двоярхобомъ :

«Шипшовъ уже науку правленье воспріялъ»,
 ликовалъ Пушкинъ, при свидѣннѣ еще воспоинаннѣ объ эпохѣ Магницкаго, съ его «важостными руками», въ глубокой вѣрѣ, что время то минуло безвозвратно.

И удовлетвореніе заботъ, давнихъ исканій друзей русской науки въ прозвѣтѣ организаціи кафедръ Славяновѣдѣнія, и въ попыткѣ реорганизаціи въ томъ же творческомъ духѣ Екатерининской Академіи, оправдывали прнвѣтъ и вѣру поэта.

Человѣкъ не науки, Шипшовъ своимъ чистымъ сердцемъ постигалъ интересы другихъ, интересы науки. По указанію сердца онъ вышелъ на тотъ путь, который былъ прокладываемъ сознательнымъ и многолѣтнимъ трудомъ знаменитаго Кружка знаменитаго канцлера, и когда не стало для науки Румянцова, Шипшовъ сталъ въ его мѣсто и пошелъ объ руку съ эпигонами его, въ преслѣдованнн общей цѣли — органическаго развитія русской науки. Изъ Арзамаса выросла теорія «умственныхъ плотинъ»; изъ Академіи Шипшова — славянская университетская кафедра.

И правъ былъ пѣвецъ «Дщери Славны», отводя обомнѣ старикамъ, Шипшову и Румянцову, мѣсто о бокъ Петра и Екатерины въ славянскомъ элнсіи (сон. 425). Правъ былъ онъ и въ оцѣнкѣ дѣятельности энергическаго помощника обомнѣ, Коппена, прославявъ и его; какъ перваго путешественника по славянскимъ землямъ, и плоды этого подвига — укладку «славянской взаимности» (сон. 496).

Правда, Шипшовъ не успѣлъ, къ общему сожалѣнію, нашедшему выраженіе въ Коппенѣ, мыслямъ своего сердца дать осуществленіе: казалось, все было готово, а въ результатѣ ничего. Но не безслѣднымъ метеоромъ пронесся вопросъ, выдвннутый президентомъ Россійской Академіи, въ исторіи русскаго просвѣщенія: вопросъ этотъ, послѣ Шипшова, былъ на-столько

очередной, что второму наследнику Шишкова, Уварову, досталась не трудная задача — повторить знаменитого адмирала въ университетскомъ уставѣ 1835 года и въ учрежденіи 2-го Отдѣленія Императорской Академіи наукъ.

Лѣтопись русскаго просвѣщенія, исторія русской науки, не позабудутъ «честнаго министра», какъ привѣтствовалъ Шишкова Пушкинъ.

«Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа

Священной памятью двѣнадцатаго года»...

Но это не все: не менѣе священна память Шишкова, какъ неизмѣнно-горячаго друга отечественной науки.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

. I .

ПЕРЕПИСКА

государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова
съ управляющимъ Моск. госуд. Коллегіи иностр. дѣлъ Архивомъ,

Н. Н. Бантышевѣ-Каменискимъ,
объ изданіи «Собранія госуд. грамотъ и договоровъ».

1811—1814.

Перечень Переписки.

Ж

1. Канцлеръ Н. Н. Бантышу-Каменскому, 4 апрѣля 1811 г.
2. Докладъ (копія) канцлера импер. Александру, 25 февраля 1811.
3. Бантышъ-Каменскій канцлеру, объ открытіи дѣйствій Коммисіи, 17 апрѣля 1811.
4. Собщеніе канцлера Коммисіи, о конфирмаціи Доклада и прочемъ, 5 мая 1811.
5. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 13 августа 1811.
6. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 21 августа 1811.
7. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 18 октября 1811.
8. Онъ ему-же, 26 февраля 1812.
9. Онъ ему-же, 1-го февраля 1813 г., съ приложеніемъ высочайше утвержденнаго доклада о выкраденныхъ архивскихъ деньгахъ, 1 февраля 1813.
10. Онъ ему-же, 14 февраля 1813.
11. Онъ ему-же, 24 февраля 1813.
12. Бантышъ-Каменскій канцлеру, съ планомъ II-ой части Собранія, 7 апрѣля 1813.
13. Канцлеръ Бантышу-Каменскому (кассация плана), 30 апрѣля 1813.
14. И. К. Вестманъ Бантышу-Каменскому, 30 апрѣля 1813.
15. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 20 мая 1813.
16. Онъ ему-же, 8 іюля 1813.
17. Онъ ему-же, 8-го іюля 1813.
18. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 14 іюля 1813.
19. Онъ ему-же, 22 іюля 1813 (о концѣ печатанія I ч. Собранія).
20. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 5 августа 1813.
21. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 19 августа 1814.

22. Онъ ему-же, 25 августа 1813.
23. Онъ ему-же, 11 сентября 1813 (о неудачной посылкѣ въ Сербію церковныхъ книгъ).
24. Онъ ему-же, 23 сентября 1813 (о посылкѣ копій со всѣхъ трактатовъ по 1726 годъ, для будущихъ трехъ частей Собранія).
25. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 24 сентября 1813.
26. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 2 октября 1813.
27. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 1 ноября 1813.
28. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 13 ноября 1813.
29. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 4 декабря 1813 (съ поправками текста Предисловія и о цѣнѣ).
30. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 18 декабря 1813 (успокоеніе о непагеографическомъ изданіи, мѣрахъ къ выпуску).
31. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 30 декабря 1813 (расчетъ вырочки).
32. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 5 января 1814 (сумма издержекъ, текстъ объявленія о выходѣ въ свѣтъ I ч. Собранія).
33. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 17 января 1814 (уже покойному).
34. Ив. Либенау канцлеру—отвѣтъ на послѣднее письмо, 26 января 1814.
35. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 25 января 1814 (о разсылкѣ экземпляровъ).

№ 1.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препроводя при семъ копію съ доклада, поднесенна мною императорскому величеству объ изданіи въ печать Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, сообщая вашему превосходительству, что хотя и не послѣдовало еще на оный высочайшее утвержденіе, но я, имѣя предварительно соизволеніе его императорскаго величества на сіе предпріятіе, не хочу долѣе отложить отвѣтъ мой на письмо ваше отъ 31 января ¹⁾.

Докладомъ симъ учреждается при Архивѣ особая для сего предмета Коммиссія подъ начальствомъ вашего превосходительства. Главнымъ смотрителемъ надъ симъ изданіемъ съ прибавочнымъ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ полагаю я согласно съ мнѣніемъ вашимъ надворнаго совѣтника Либенау, который мнѣ показался весьма къ сему способнымъ, а двухъ чиновниковъ ему въ помощь съ жалованьемъ по 200 по 50 руб. прошу васъ, милостивый государь мой, выбрать изъ подчиненныхъ вашихъ и имена ихъ мнѣ сообщить для испрошенія высочайшаго указа на опредѣленіе имъ сихъ окладовъ.

Докладомъ разрѣшается также печатаніе безъ цензуры, употребленіе полагаемой на оное суммы и распродажа сихъ книгъ въ пользу иностраннаго Департамента; мнѣ остается токмо присовокупить къ сему слѣдующее :

1) Я прошу ваше превосходительство постановить съ типографіею г. Всеволожскаго и доставить ко мнѣ на утвержденіе проектъ контракта, отъ имени учреждаемой Коммиссіи заключаемаго на отпечатаніе первой части сей книги, полагая печатать въ два столбца буквами миттель называемыми, съ положеніемъ пени типографщику за печатаніе лишнихъ экземпляровъ и съ наблюденіемъ, чтобы по отпечатаніи не

---

¹⁾ Письмо это — см. Перечислу Румянцова, № 2.

были сложены сырые листы вмѣстѣ, отъ чего иногда пристааетъ печать отъ одного листа къ другому и тѣмъ изданіе портится; впротчемъ прошу цѣну за работу и сроки платежамъ точно означать, дабы къ тому времени и деньги могли быть ассигнованы и вообще все такъ оговорить, чтобы ни въ чемъ не было спору и сумнѣнія.

2) Таковыя же проекты контрактовъ прошу постановить съ рѣшникомъ Осиповымъ на вырезаніе печатей и съ купцомъ Кузнецовымъ на бумагу, полагая оную въ 22 рубля стопу по послѣднему отъ васъ присланному образцу, съ тѣмъ, чтобы на подносимые 50 экземпляровъ сія бумага была на выборъ лучшая.

Вообще же какъ сіе изданіе дѣлается сколько для пользы, столько и для славы, то сдѣлайте мнѣ одолженіе, не щадите казны либо небольшихъ издержекъ, только бы соблюдена была вся чистота и красота тисненія, что послужитъ собственно къ чести вашей, и я по изданіи сей I части не премину испросить Монаршее вамъ за сей трудъ воздаяніе сходно съ желаніемъ вашимъ.

Впротчемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ
вашего превосходительства
покорнымъ слугою

Графъ Николай Руманцовъ

въ С.-Петербургѣ
апрѣля 4. дня
1811 года.

(Оригиналъ).

№ 2.

Его императорскому величеству государственнаго канцлера

ДОКЛАДЪ ¹⁾.

Усердствуя пользамъ всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ иностраннаго Департамента и желая споспѣшествовать образованію чиновниковъ,

¹⁾ Онъ напечаталъ Баттышемъ-Каменскимъ въ Предисловіи къ I части Собранія. Повторяемъ въ интересъ полноты.

вновь посвящающихъ себя сему служенію, равно какъ и распростра-
ненію общепользныхъ свѣденій, я давно занимался мыслію сколь нужно
было-бы въ семъ отношеніи издать въ свѣтъ полное собраніе дипло-
матическихъ актовъ нашихъ, по прихѣру извѣстнаго сочиненія Дюмо-
нова, какъ-то: древнихъ грамотъ и другихъ договоровъ Россіи съ раз-
ными державами, хранящихся въ Архивѣ иностраннаго Департамента.

Въ семъ намѣреніи собиралъ я свѣденія, сколько прихѣрно мо-
жетъ стоить напечатаніе первой части таковой книги, начиная съ са-
мыхъ древнихъ грамотъ и съ изображеніемъ печатей, къ нимъ прило-
женныхъ. По представленному мнѣ исчисленію оказалось, что ограни-
чивъ первое изданіе 1200 экземплярами, для напечатанія первой части
потребуется до 25 тысячъ рублей.

Уважаю правила строгой бережливости, необходимо нужной въ рас-
ходахъ государственныхъ, я не почитаю себя въ правѣ утруждать
ваше императорское величество ходатайствомъ, чтобы издержки для из-
данія оной книги были приняты на щетъ казны; но облагодѣтельство-
ванный толь много высочайшею милостію взяшаго величества осмѣли-
ваюсь испрашивать и приму съ живѣйшею благодарностію въ видѣ но-
ваго на меня опыта монаршаго благоволенія, всемилостивѣйшее соизво-
леніе вашего императорскаго величества, чтобы для напечатанія I части сего
изданія изчисленную выше сего сумму, или сколько потребно будетъ,
употребилъ я изъ собственного моего иждивенія на слѣдующемъ основаніи:

1) Изданіе оной книги признавать не частнымъ предпріятіемъ,
но дѣломъ казеннымъ и до пользы службы относящимся.

2) Для сего составить при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ
дѣлъ особую Комиссію, которая будетъ заниматься всѣми предмѣтами,
касательными до сего изданія.

3) Сія Комиссія будетъ состоять подъ вѣденіемъ и распорядке-
ніемъ управляющаго онымъ Архивомъ, извѣстнаго по трудамъ своимъ
и усердію г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Бантыша Каменскаго,
изъ одного главнаго смотрителя надъ изданіемъ и двухъ чиновниковъ,
съ жалованьемъ смотрителю по 600 руб., а послѣднимъ двумъ по 200
по 50 р. въ годъ каждому, изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

4) Выборъ главнаго смотрителя надъ изданіемъ и двухъ чинов-
никовъ по оной Комиссіи предоставитъ управляющему министерствомъ
иностранныхъ дѣлъ.

5) Заглавіе издаваемой книгѣ дать слѣдующее: Собраніе госу-
дарственныхъ грамотъ и договоровъ.

6) Поезнику собраніе сихъ государственныхъ грамотъ будетъ из-

даваться по волѣ вашего императорскаго величества, то отъ надзора цензуры оное освободить.

7) Продажу сихъ книгъ производить единственно при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ каждый экземпляръ былъ заклеименъ казенною печатью.

8) Чтобъ до распродажи I части сихъ грамотъ запрещено было вообще издавать оныя въ маломъ форматѣ, и типографичку настрояйше подтвердить, чтобы болѣе означеннаго числа 1200 экземпляровъ не печаталъ, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія.

9) Выручаемая чрезъ продажу I части деньги хранить въ той Комиссіи, а по мѣрѣ какъ оныя накопляться будутъ, обращать на печатаніе второй части и такъ далѣе, доколѣ продолжаться будетъ сіе изданіе.

10) Всю выручку и всю прибыль отъ онаго изданія, по свершенномъ окончаніи сего предпріятія, обратить въ свое время въ пользу иностраннаго Департамента, съ представленіемъ мнѣ права сдѣлать изъ сихъ денегъ употребленіе.

11) Изъ числа 1200 экземпляровъ сей книги предоставить въ мою пользу 50 экземпляровъ для поднесенія вашему императорскому величеству и собственно для моего употребленія.

Повергая все сіе на высочайшее благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, я осмѣливаюсь испрашивать еще единой милости, есть ли представленіе будетъ удостоено высочайшаго утвержденія, позволить мнѣ имѣть участіе и попеченіе объ успѣхѣ сего предпріятія и въ то время, когда по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ я былъ бы вынужденъ оставить мѣсто нынѣшняго моего служенія.

Подписанъ по сему: графъ Николай Румянцовъ.

вѣрно: оберъ-секретарь Ввстманъ.

Февраля 25 дня
1811.

(Копія).

№ 3.

Вангышъ-Каменскій канцлеру.

. . . . . 2) Какіе въ I часть внесутся договоры а) Новгородскія и б) великихъ князей и царей россійскихъ старинные разныя гра-

моты, онымъ подъ № II и III на усмотрѣніе вашего с—ва посылаются два реестра (кои по рассмотрѣніи благоволите приказать обратно въ Архивъ прислать): за сими грамотами будетъ внесена избирательная отъ всего россійскаго государства грамота на царство государя царя Михаила Феодоровича; потомъ и еще какія отыщутся государственныя грамоты, объ оныхъ сообщено будетъ вашему с—ву въ свое время.

Но какъ въ двухъ новгородскихъ грамотахъ, подъ № 12 и 18 при семъ приложенныхъ, многихъ словъ не достаетъ: то нужно-ли будетъ сіи вносить (ибо и у Дюмона есть таковыя-же неполныя грамоты): на сіе Коммиссія будетъ ожидать разрѣшенія.

. . . . . 4) (Главный смотритель — И в а н ъ Л и б е н а у). Касательно-же двухъ чиновниковъ, способными и надежными къ сему дѣлу быть рекомендую архивскаго канцеляриста Дмитрія Прилуцкаго, а другаго переводчика Ивана Нестеровича, твердо знающаго нѣмецкій и прочіи языки. Но какъ сей Нестеровичъ назначенъ уже къ другому извѣстному вашему с—ству дѣлу: то въ случаѣ отбытія его мѣсто его занять можетъ братъ его родной, обучающійся въ университетѣ наукамъ и языкамъ, Павелъ Нестеровичъ, которой уже кандидатомъ словесныхъ наукъ въ университетѣ считается. За исправность и прилежаніе обонхъ сихъ людей вѣрно ручаюсь и прошу о опредѣленіи сихъ; ибо прочіе (коихъ хотя и великое въ Архивѣ число), не получая чиновъ, всѣ почти объ отставкѣ изъ Архива помышляютъ.

(Затѣмъ смѣта I части—21.202 р.).

Итакъ, получа на все сіе рѣшительный отвѣтъ, Коммиссія приступитъ къ печатанію I части государственныхъ грамотъ.

Москва, 17 апрѣля 1811.

(Отпускъ. Слова: «объ отставкѣ», «помышляютъ» рукою Вантышу-Каменскаго на мѣсто перерезаннаго имъ: «вонъ», «глядятъ»).

№ 4.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

. . . . . По полученіи доношенія отъ Коммиссіи отъ 17 апрѣля объ учиненіи ею нужныхъ распоряженій къ начатію печатанія помннутыхъ трактатовъ, имѣлъ я щастіе поднести къ конфирмаціи его импе-

раторскаго величества докладъ мой, съ котораго копія въ оную пред-
варительно уже доставлена. Сія высочайшая конфирмація послѣдовала
3 числа сего маія, и я сообщилъ уже г. министру финансовъ монар-
шую волю объ ассигнованіи.

(Утверждая контракты, предположенія и назначенія Комиссіи отъ 17
апрѣля, прибавляетъ:)

. . . . . буде нужными окажутся какія либо объясненія, то оныя
дѣлать выносками въ концѣ страницы.

. . . . . 5) Въ щетъ исчисленной на отпечатаніе I части суммы
21.202 р. посылаю при семь 9 тыс., о полученіи которыхъ меня увѣ-
домить, а достальныя присланы будутъ въ 1 числу августа и къ 1
декабря сего года.

6) Въ разсужденіе освобожденія сего изданія отъ надзора цен-
зуры и запрещенія вообще перепечатывать оное въ маломъ форматѣ,
объявляю сегодня высочайшую волю г. министру полиціи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ,
маія 5 дня 1814.

(Оригиналъ).

№ 5.

Канцлеръ Вантышу-Камонскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

При отношеніи моемъ въ Комиссію о печатаніи государственныхъ
грамотъ и договоровъ отъ 5 маія возвратилъ я два реестра вносимымъ
въ I часть таковымъ актамъ. Хотя я и увѣренъ, что ваше пр—во
всю употребите осторожность въ разсужденіи цензуры, дабы не было
обнародовано что-либо противное принятымъ правиламъ цензуры и
общимъ политическимъ видамъ, особливо въ отношеніи уваженія къ
другимъ дворамъ, и хотя я въ тѣхъ реестрахъ ничего не нашелъ тако-
ваго, однакожь почитаю за нужное обратить на то вниманіе ваше, и
буде вы найдете въ содержаніи самихъ тѣхъ грамотъ что либо обна-
родованіемъ своимъ предосудительнаго правительству нашему и оскор-
бительнаго иностраннымъ, то прошу васъ въ таковыхъ случаяхъ пред-

варительно доставить ко мнѣ копію съ акта, съ вашими замѣчаніями на разсмотрѣніе, и ожидать моего разрѣшенія.

Впротчемъ надѣюсь я, что въ самомъ отпечатаніи приняты вами всѣ нужныя мѣры къ исправности, чистотѣ и красотѣ изданія, дабы оно, особливо при первомъ началѣ, могло заслужить вниманіе и одобреніе, какъ всемогуществѣйшаго государя, такъ и публики.

При семъ препровождаю 5 тыс. 500 р., опредѣленныя на сіе предпріятіе въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, прося васъ о полученіи оныхъ меня увѣдомить. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
августа 13 дня
1811 г.

(Оригиналъ).

№ 6.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Извѣщая о полученныхъ отъ вашего с—ва Коммиссіею 5500 р. на печатаніе извѣстныхъ договоровъ, могу смѣло увѣрить ваше с—во, что доселѣ въ изданіи нашемъ ничего противнаго принятымъ правиламъ цензуры, либо общимъ политическимъ видамъ не встрѣтилось, да и быть, кажется, не можетъ для того, что грамоты сіи и договоры составляютъ внутренняго отечества нашего часть, т. е. взаимныя между великими князьями условія, никакого отношенія къ другимъ европейскимъ дворамъ не имѣющія. Осторожность сія нужна будетъ при изданіи договоровъ съ иностранными дворами.

О чистотѣ-же и красотѣ сего изданія ежечасно твердимъ г. Всеволожскому и о томъ его всячески просили. Что-же касается до исправ-

ности сего изданія, единственно лежащей на отчетѣ Коммиссiи, оная долгомъ нашимъ всегда пребудеть.

Сегодня 25-ый листъ принесенъ изъ типографiи для корректуры.

Съ глубочайшимъ почитанiемъ имѣю честь быть

1811
августа 21 дня

(Отпускъ).

№ 7.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Благодарю ваше пр—во за доставленную ко мнѣ выписку изъ Лейденской газеты о бытности государя Петра Великаго въ Парижѣ, также и за копию съ писемъ великаго князя Василiя Ивановича къ супругѣ его 1534 года. Сiи послѣднiя извѣстны мнѣ уже изъ Древней Россiйской Вивлиоэки. Содержанiе оныхъ нельзя причестъ къ грамотамъ и для того нежится мнѣ неприличнымъ включать ихъ въ издаемое собранiе.

Удовлетворя желанiю вашему, предложилъ я Коллегiи опредѣлить кандидата Нестеровича на мѣсто брата его.

Впротчемъ пребываю съ истиннымъ почитанiемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
октября 18 дня
1812 г.

(Оригиналъ).

№ 8.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Возвращая при семъ вашему пр—ву заглавiе Трактатнаго Собранiя и оглавленiе договоровъ и грамотъ, сдѣлалъ я въ первомъ нѣкото-

рую поправку. Я нахожу, что употребленный къ заглавному листу шрифтъ слишкомъ крупенъ и похожъ на церковную печать, а для того прошу васъ выбрать шрифтъ по красивѣе, каковымъ отпечатать корректурной листъ ко мнѣ доставить на усмотрѣніе.

Предположеніе отпечатать нѣсколько грамотъ древнѣйшихъ, съ наблюденіемъ почерка и величины ихъ, можно исполнить и по окончаніи изданія особою тетрадью, на что тогда и сумму назначу, а теперь посылаю достальныя за отпечатаніе первой части 6702 рубли, о полученіи которыхъ прошу васъ меня увѣдомить.

Канцеляриста Прилучнаго не оставляю я произвестъ въ актуаріусы, коль скоро онъ выслужитъ въ высшемъ званіи три года.

Впротчемъ пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 26 дня
1812 г.

(Оригиналъ).

№ 9.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препроводя къ вашему пр—ву копию о высочайше утвержденнаго доклада о покраденныхъ въ Московскомъ Архивѣ деньгахъ, извѣщаю васъ: что о возвращеніи казенныхъ 850 р. сообщилъ я г. министру финансовъ, о моихъ-же на печатаніи трактатовъ назначенныхъ буду ожидать вашего увѣдомленія, когда тѣ деньги понадобятся. Впрочемъ согласно съ тѣмъ докладомъ надлежитъ надв. совѣтнику Либенау сдѣлать строгій выговоръ за слабое смотрѣніе, что и представляю исполнять вашему пр—ву.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 1 дня 1813 г.

(Копія).

(Приложение къ предшествующему письму).

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою: Согласенъ. Млава, генваря 19 дня 1813 г.

Управляющій Московскимъ Архивомъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ д. ст. сов. Бантышъ-Каменскій доноситъ Коллегіи и государственному канцлеру, что по отправленіи съ нимъ дѣлъ онаго Архива во Владиміръ и потомъ въ Нижній-Новгородъ взяты были съ собою и оставшіеся въ наличіи деньги казенные 800 р и присланные отъ государственнаго канцлера, на печатаніе трактатовъ, 5950 руб. всего 6800 р.; сіи деньги за казенною печатью хранились вмѣстѣ съ бумагой въ сундукъ, который по пріѣздѣ во Владиміръ былъ поставленъ въ отведенныхъ нижнихъ палатахъ владимірскихъ присутственныхъ мѣсть, гдѣ открылось, что замокъ съ сундука разломанъ и деньги украдены, о чемъ производится слѣдствіе въ тамошней уголовной палатѣ, но понынѣ виновные не отысканы.

Изъ дѣла же видно, что деньги сіи вѣрены были отъ управляющаго Архивомъ надв. совѣтнику Либенау, который уложилъ ихъ вмѣстѣ съ бумагой въ сундукъ при вахмистрѣ и инвалидахъ архивскихъ, препровождавшихъ дѣла во Владиміръ, слѣдовательно они токмо и были объ нихъ извѣстны, а потому состоятъ въ большомъ подозрѣніи о похищеніи, но дѣло еще уголовною палатою не рѣшено.

Въ прочемъ хотя взысканіе всей суммы надлежало-бы обратиться на управляющаго Архивомъ и на надв. совѣтника Либенау за слабое ихъ смотрѣніе, но уважая, что д. ст. сов. Бантышъ-Каменскій болѣе 50 лѣтъ продолжаетъ службу съ отличностію, и что нынѣ въ Москвѣ имѣются имущества болѣе нежели на 60,000 руб., Коллегія осмѣливается всеподданнѣйше просить его императорское величество о милосердномъ на него воззрѣніи и о всемилостивѣйшемъ повелѣніи отпустить изъ казны похищенные 850 р., принадлежащіе между прочимъ разнымъ пенсіонерамъ, надворному-же совѣтнику Либенау сдѣлать строгій выговоръ.

Чтожь касается до суммы 5950 р. на трактатное печатаніе отпущенной, то какъ государственный канцлеръ беретъ сію потерю на себя, чтобъ не отягчать судьбу тѣхъ чиновниковъ, то и о семъ довести такъ-же до свѣденія его императорскаго величества.

(Копія).

№ 10.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Надѣюсь, что ваше пр—во по возвращеніи въ Москву принялись уже за окончаніе печатанія I части Трактатнаго Собранія; для котораго доска къ заглавному листу здѣсь такъ-же скоро поспѣетъ, ибо остановка сдѣлалась токмо отъ того, что художникъ, которому было поручено гравированіе, вступилъ въ ополченіе, но замѣненъ уже другимъ; между тѣмъ прошу васъ подумать заблаговременно и о второй части, и для того прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе реестръ тѣмъ трактатамъ, которые въ оную входятъ должны, дабы я могъ и на то дать свое разрѣшеніе.

Впротчемъ имѣю честь быть съ всегдашнимъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 14 дня
1813 г.

Съ подлиннымъ вѣрно. Секретарь Ив. Ждановскій.

№ 11.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препровождая при семъ 5950 р. вмѣсто похищенныхъ на отпечатаніе трактатовъ, буду ожидать извѣщенія вашего пр—ва о полученіи оныхъ.

При семъ случаѣ прошу васъ увѣдомить меня также, не имѣется ли въ Архивѣ древнихъ рукописей или книгъ печатныхъ на армянскомъ языкѣ, буде-же есть, то какого содержанія.

Впротчемъ пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 24 дня 1813 г.

(Съ подлиннымъ вѣрно. Иванъ Либенау. Рукою его-же сдѣлана и копія).

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Для составленія 2-й части Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, по предложенному плану, имѣю честь вашему с—ву представить:

а) Реестръ Австрійско-цесарскаго двора договорамъ, какія только въ здѣшнемъ Архивѣ имѣются. Въ семъ Реестрѣ отмѣчены, какія именно посылаются съ оныхъ списки.

б) Списки съ Австрійско-Цесарскихъ трактатовъ для усмотрѣнія содержанія оныхъ и для отмѣтки, которыя изъ нихъ назначены будутъ въ печать; всѣхъ пиесъ числомъ 59.

Ратификаціей не разсудилъ я списывать, дабы не повторять содержанія трактатовъ; однако нужно будетъ при всякомъ трактатѣ означить, когда именно съ обоихъ сторонъ оныя трактаты ратификованы были.

Полномочіи на заключеніе договоровъ также исключены: хотя безъ оныхъ и не могли составиться трактаты.

Надписи или содержанія каждаго трактата означено на одномъ россійскомъ: но если нужны и на иностранныхъ языкахъ, то прикажите ваше с—во оныя въ Коллегіи сдѣлать.

Печати вырѣзывать-ли при каждомъ трактатѣ, или означать въ кружкѣ обыкновенное слово (L. S.), (M. P.); сіе зависить будетъ отъ воли вашего с—ва.

Ошибки въ спискахъ сихъ трактатовъ, по скорости списыванія оныхъ, могутъ случиться: но поправку оныхъ предоставлено съ оригиналами при печатаніи исправить.

Послѣ праздника Святыя Пасхи, съ коимъ ваше с—во искреннѣйше поздравляю, примуъ за слѣдующій Англическій дворъ, заготовляя такимъ же образомъ списки трактатовъ онаго.

При семъ разсудилъ я препроводить къ вашему с—ву выписку Австрійско-цесарскаго двора, въ коей все то вкратцѣ находится, что составляетъ всю переписку сего съ россійскимъ государствомъ двора.

Осмѣливаюсь просить ваше с—во взглянуть на сію выписку (каковыя всѣхъ Европейскихъ дворовъ мною сочнены). Въ оной въ ко-

роткое время обозрѣть можно всю чрезъ столько лѣтъ происходившую обшную дворовъ переписку. Много мнѣ труда стоило сіе сочиненіе; ибо долженъ былъ прочесть всѣ бумаги и нужнѣйшее изъ оныхъ выписать. Снмъ хотѣлъ я показать услугу занимающимся въ дипломатическомъ званіи особамъ; и желалъ-бы очень, чтобъ она для нихъ издана была въ свѣтъ подъ моимъ присмотромъ.

Въ заглавіи сея Австрійскаго Двора выписки изволите усмотрѣть: какимъ порядкомъ я слѣдовалъ въ сочиненіи семъ. Можетъ быть, по оному прикажете расположить и печатаніе трактатовъ.

Продолженіе Первой части Собранія договоровъ печатается. Остановка была за бумагою, которая наконецъ изъ фабрики Кузнецова доставлена.

Съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть

вашего сіятельства

императорскаго государя

покорнѣйшій преданнѣйшій слуга

Николай Бантышъ - Каменскій.

апреля 7 дня
1813 г.

(Отпускъ).

№ 13.

Канцлеръ Бантышу-Каменскому.

(Рукою Бантыша-Каменскаго: «перечень съ писма его съ канцлера къ Бантышу-Каменскому, С.-Петербургу отъ 30-го апреля 1813 г.»)

..... Въ разсужденіи Трактатнаго Собранія желалъ-бы я, чтобъ вторая и послѣдующія части изданы были не по алфавитному порядку дворовъ, но по прихѣру Дюмонова Собранія хронологически, съ начала сношеній Россіи со всѣми европейскими державами, дабы имѣть общее обозрѣніе всѣхъ съ ними постановленій одного времени, или одной эпохи, раздѣляя по царствованіямъ российскихъ государей и заключающаго государствованіемъ вѣчно достойнаго памяти императора Петра Великаго, а къ концу каждой части приобщать Реестръ трактатамъ по алфа-

виту дворовъ, для удобнѣйшаго присканія какого-либо договора. Сіе тѣмъ нужнѣе наблюдать, что въ Московскомъ Архивѣ находится дѣла токо по 1760 г.; присланный-же ко мнѣ Реестръ трактатамъ простирается по 1810-ый, слѣдовательно до новѣйшихъ временъ, которыми дѣла хранятся въ здѣшнемъ Архивѣ и не могутъ еще быть обнародованы.

Я прошу ваше пр—во составить таковой новый Реестръ трактатамъ долженствующимъ входить во вторую часть, и оный вмѣстѣ съ списками тѣхъ трактатовъ ко мнѣ доставить на разсмотрѣніе.

Надписи или содержаніе каждаго трактата могутъ быть на одномъ руссійскомъ языкѣ, изъ печатей же полномочныхъ, подписавшихъ трактаты, вырѣзывать токо древнѣйшія, и остальныя означать просто мѣстомъ печати, равно и изъ ратификацій отпечатать цѣлкомъ единственно отличающіяся формою или рѣчьми отъ обыкновенныхъ; о другихъ-же сказать просто въ надписи: когда ратификація послѣдовала, кѣмъ подписана и контросигнирована.

(Проложеннымъ наборомъ—подчеркнуто въ оригиналѣ).

№ 14.

И. К. Вестманъ Вантышу-Каменскому.

(Рукою Вантыша-Каменскаго: «Перечень съ письма И. К. Вестмана отъ 30 апреля 1813 г.»)

. . . . . На сей почтѣ ваше пр—во изволите получить обратно трактатныя ваши списки и выписку съ подробнымъ объясненіемъ Начальника нашего. При семъ случаѣ его с—во навѣдывался у меня: пришлете-ли вы ему скоро копія сп кантенировскихъ донесеній, о которыхъ онъ васъ просилъ. Я отвѣчалъ: что занимаются списываніемъ. А какъ его с—во весьма желаетъ ихъ получить, то я побуждаю васъ просить поспѣшить доставленіемъ хотя части оныхъ, чѣмъ сдѣлаете ему большую участность.

(Илья Карловичъ Вестманъ, приближенный къ канцлеру обер-секретарь Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не рѣдкій посредникъ между Петербургомъ и Москвою по разнымъ вопросамъ Комисіи. О немъ Вигель: «очень пріятный, совсѣмъ непохожій на Вантыша-Каменскаго» — «Воспоминанія», II, 15).

Канцлеръ Вантышу-Камонскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Отвѣчая на письмо вашего пр—ва отъ 12 сего мѣсяца ¹⁾, почти-
таю нужнымъ объяснить, что не только трактаты съ Портою Оттоман-
скою, яко съ европейскою державою, должны входить въ издаваемое
Собраніе, но мнѣ кажется, что вообще и всѣ азіатскіе одного времени
могутъ быть къ онымъ присовокуплены, тѣмъ намначе, что ихъ вѣро-
ятно очень мало. Къ тому надлежитъ принаровить, чтобъ издаваемая
вторая часть была такой-же величины, или не много толще первой,
слѣдовательно, всѣ трактаты по кончину Государя Императора Петра I
займутъ кромѣ первой части, можетъ быть, еще не болѣе двухъ рав-
ныхъ частей съ азіатскими вмѣстѣ, на каковыя и надобно все Собраніе
раздѣлить. Составляемый общій реестръ я, по обѣщанію вашему, ожи-
даю и прошу васъ, означить въ немъ токмо вкратцѣ содержаніе каж-
даго трактата; чтожь касается до списанія копій съ оригиналовъ поль-
скихъ и шведскихъ, то можете оныя прислать для того въ Коллегію,
мнѣ-же достаточно одного русскаго перевода.

Въ разсужденіи выписки вашей только полезной для дипломати-
ковъ, я совершенно того мнѣнія, чтобъ она издана была подъ вашимъ
именемъ, яко трудившагося надъ оною, и есть-ли бы Государь Импе-
раторъ не былъ въ отсутствіи, я долготъ бы почелъ доложить о томъ
его императорскому величеству и просить объ изданіи ея на щетъ
казны, но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ надобно повременить; я
однакожь могу васъ увѣрить, что всегда, даже и безъ меня, сей трудъ,
яко вамъ принадлежащій, не будетъ изданъ мимо васъ.

Читая реляціи князя Кантемира и дошедъ до послѣдней отъ 29
декабра 1732 г., нашелъ я, что какой-то англичанинъ прислалъ просить
пути изъ Архангельска въ Японію, Хину и Америку. Хотя я и не
успѣлъ еще прочесть рескриптовъ къ оному посланнику отправленныхъ
и слѣдовательно не знаю, какой данъ былъ на то отвѣтъ: но между
тѣмъ буде сей проектъ вмѣстѣ въ Архивъ, а въ противномъ случаѣ

---

¹⁾ Отпуска письма этого не имѣется.

буде данъ отвѣтъ, или какія либо о томъ откроются слѣды, прошу васъ доставить мнѣ копію, чѣмъ, равно какъ скорѣйшею присылкою продолженія тѣхъ депешъ обяжете пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
маія 20 дня
1813 г.

(Копія).

№ 16.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Полагая, что первая часть Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ уже отпечатана и что изданіе оной остановилось въ ожиданіи только отъ меня заглавнаго листа, я долженъ сказать вамъ, что здѣланные до сихъ поръ для того опыты оказались неудачными и теперь составляется таковой листъ снова, а между тѣмъ я покорнѣйше прошу ваше пр—во прислать ко мнѣ оной отпечатанной первой части десять экземпляровъ на лучшей бумагѣ безъ заглавнаго листа, который я присовокуплю здѣсь, есть-ли онъ удастся, и вѣроятно будетъ готовъ въ скоромъ времени.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургѣ
юля 8 дня
1813 г.

(Оригиналъ).

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Получивъ отъ вашего пр—ва извѣстныя копія съ реліцій князя Вантемира, я обязываюсь изъяснить вамъ, милостивый государь мой, благодарность мою за сіе сообщеніе.

При семъ случаѣ нужнымъ считаю присовокупить, что хотя просилъ я ваше пр—во о присылкѣ ко мнѣ 10 экземпляровъ отпечатаннаго I тома грамотъ и договоровъ, но на первый разъ не находя въ такомъ количествѣ надобности, покорнѣйше прошу доставить мнѣ одинъ только экземпляръ на лучшей бумагѣ.

Честъ мнѣю съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ
іюля 8 дня
1813 г.

(Оригиналъ).

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

(Рукою Вантыша-Каменскаго: «Отвѣтъ Вантыша-Каменскаго, отъ 14 іюля 1813 г.»).

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Вчера имѣлъ я честь получить отъ вашего с—ва два приказанія отъ 8 іюля о присылкѣ одного экземпляра I тома грамотъ и договоровъ; и зная, что уже три листа остается къ окончанію сей книги, того-жъ времени послалъ я нарочнаго въ типографію къ г. Всеволожскому для развѣданія: какъ скоро можетъ быть оная книга кончена?

Онъ увѣрилъ меня: что въ нынѣшній четвергъ непременно послѣдній листъ пришлетъ ко мнѣ для подписанія печатать.

Въ слѣдствіе сего прошу ваше с—во взять терпѣніе на сію только недѣлю, и тогда изволите получить полный экземпляръ сея книги съ реестромъ заглавій напечатаннымъ грамотамъ и договорамъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданности кнѣю честь быть

(Отпускъ).

№ 19.

Бантышъ-Каменскій канцлеру.

(Рукою Бантыша-Каменскаго: «Послано съ г. Нестеровичемъ къ его с—ву канцлеру»).

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Трудъ (Богу благодареніе) конченъ. Съ онымъ поспѣшаю отправить переищеннаго въ Коллегію г. Нестеровича старшаго. Безсмертную, ваше с—во, сдѣлали отечеству услугу, даровавъ свѣтъ только гдѣ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ российскимъ древностямъ! Хвала, честь и слава отъ благодарнаго отечества въ роды родовъ за сіе возсылаема будетъ вашему имени.

При изданіи сего труда, кажется, все вашего с—ва предписаніе исполнено. Чистота печати по типографіи дѣлаетъ честь г. Всеволожскому. Въ добротѣ бумаги поставщикъ Бузнецовъ все свое оказалъ усердіе, не токмо выставилъ оную въ свое время, но и на десять экземпляровъ самаго высокаго разбору подарилъ оной вашему с—ву. Въ исправности корректуры (скучномъ и занимательномъ семъ дѣлѣ) больше всѣхъ послужилъ неуслынный и трудолюбивѣйшій податель сего старшій Нестеровичъ, купно съ братомъ своимъ Павломъ и съ регистраторомъ Прилуцкимъ, коихъ трѣхъ, а паче старшаго Нестеровича долгомъ почитаю рекомендовать вашему с—ву въ отеческую вашу милость. Награда симъ трудницамъ ободритъ ихъ и къ слѣдующему за симъ трудѣйшему въ изданіи II и III части подвигу.

Неизлишнимъ почитаю увѣдомить: что я по сей Комиссіи со всѣми расплатился и въ доказательство сего прилагаю при семъ крат-

кой щеть суммы приходу и расходу, употребленнымъ на начатаніе сей I части деньгамъ, конхъ документы въ особой шнуровой находятся книгѣ, и въ случаѣ требованія могутъ на усмотрѣніе вашему с—ву быть присланы.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства и пр.

22 іюля 1813 г.
Москва.

(Отпускъ).

№ 20.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ !

Чрезъ г. Нестеровича получивъ я исправно I часть грамотъ и договоровъ. Ваше пр—во меня много порадовали смѣ прекраснымъ изданіемъ. Не могу довольно васъ благодарить за трудъ вами на то употребленный. Теперь остается мнѣ доставить вамъ доску для заглавнаго листа и небольшое предначертаніе, чѣмъ и занимаюсь. Между тѣмъ желалъ-бы я, для вѣдшей пользы и украшенія сего изданія, чтобъ къ оному присовокуплены были точные рисунки или списки почерковъ рукописей, съ четырехъ или пяти древнѣйшихъ грамотъ, разныхъ поръ по вашему выбору. Поворно прошу васъ, милостивый государь мой, приказать съ одной таковой грамоты срисовать теперь-же точную копию и ко мнѣ доставить на усмотрѣніе, увѣдомя меня при томъ, не возьмется-ли за сію работу г. граверъ Скотниковъ, или кто другой и за какую цѣну, дабы я могъ на то дать вамъ окончательное рѣшеніе.

Въ заключеніе сего прошу васъ сказать отъ меня благодарность и всѣмъ участвующимъ въ семъ изданіи. Мнѣ пріятно будетъ сдѣлать рекомендованнымъ вами нѣкоторыя выгоды по совершенномъ окончаніи работы, увѣряя васъ при томъ въ истинномъ почтеніи, съ которыми пребываю

вашего превосходительства
покорнымъ слугою
Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
августа 5 дня
1813 г.

(Оригиналъ).

№ 21.

Вантышъ-Камонскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Объщала я доставить вашему с—ву на сей почтѣ рисунки назначенныя для выгравированія къ I части Грамотамъ: сіе нынѣ и исполняю.

Сверхъ гравера Осипова отыскала г. Либенау академика Александра Флорова, учившагося виѣстѣ съ граверомъ Скотниковымъ, который находится нынѣ въ Вяткѣ. Силъ обоимъ даннымъ для образца срисовать по одной грамотѣ, отобраннымъ и цѣны онымъ отъ обоихъ, кои препровождаю при семъ на разсмотрѣніе вашего с—ва съ запискою объявленнымъ отъ обоихъ цѣнамъ. Буду ожидать на то вашего с—ва рѣшенія.

Мнѣ кажется, что работа академика Флорова лучше и цѣною сходише: но дабы и Осипова не обидѣть и дѣло-бы скорѣе исполнить, то можно одну грамоту и ему дать вырѣзать, ту самую, коей снимокъ онъ же дѣлалъ; прочія же три академику погугъ быть отданы.

Сію же работу они не мешаю, какъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ кончить общаютъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью мнѣю честь быть

вашего сіятельства

Августа 19 дня
1813 года
Москва.

(Отпускъ. Заявленныя цѣны: Грамота 1265 года—150 р. и 200 р.; гр. 1371 г.—100 р. и 220 р.; гр. 1465 г.—200 р. и 300 р.; гр. 1523 г.—100 р. и 220 р. Изъ приложенія къ письму).

№ 22.

Вантышъ-Камонскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Да не устрашитъ вашего с—ва толикое множество бумагъ! Вамъ угодно было видѣть въ самомъ дѣлѣ содержаніе каждаго трактата и грамотъ; я сіе теперь и исполняю.

Какъ по посланному прежде мною реестру число всёхъ трактатовъ состоитъ въ 730 номерахъ: но я оныя для удобнѣйшей пересылки и раздѣлилъ на 3 части.

I часть, которую пре семъ посылаю, содержитъ въ себѣ съ начала имѣющіеся въ Архивѣ трактаты, и продолжается до царствованія царя Михаила Теодоровича.

II часть будетъ заключать въ себѣ трактаты царей Михаила Теодоровича, Алексѣя Михайловича и Теодора Алексѣевича.

III, и послѣдняя, часть составитъ изъ трактатовъ въ государствованіе царя Иоанна Алексѣевича и Петра I по 1725 годъ.

Пока прочтена будетъ сія I часть (въ коей, кажется, ничего нѣтъ, заслуживающаго исключенія): между тѣмъ я займусь собраніемъ слѣдующихъ двухъ частей.

Прошу только ваше с—во, всё сіи копии въ свое время обратно возвратитъ Архиву: они очень нужны для Архива, и долговременно собираемы и списываемы были изъ разныхъ книгъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства

25 августа 1813.

(Отпускъ).

№ 23.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

На прошедшей почтѣ имѣлъ я честь донести вашему с—ву, какое учинено было мною о посылаемыхъ въ Сербію книгахъ распоряженіе. И хотя управляющій здѣшнимъ почтамтомъ г. Руничъ на словахъ обѣщаль было оныя отправить: но когда я прислалъ къ нему вчера, яко день почтовой, изъ посылки оной первой тѣхъ (въ трехъ пудахъ состоящей съ письмомъ къ г. Кирико въ Бухаресты): то онъ отозвался, 1) что такую большую посылкою обременить почту онъ ни какъ не можетъ; 2) что почта ходитъ только на колесахъ до пограничнаго города Дубосаръ: а отъ Дубосаръ до Бухарестъ верховая съ однимъ невеликимъ для писемъ чемоданчикомъ, и болѣе пяти фунтовъ

посылки принимать не велено¹⁾. Прискорбна мнѣ была его Рунича отговорка, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщаніе свое нарушилъ и меня предъ вашими с—вомъ въ лжецахъ поставилъ. Но и то правда, что отъ Дубосаръ до Букарестъ толь великой посылки (ибо всё восемь тюковъ вѣсятъ 24 пуда съ половиною) пересылать по почтѣ не удобно, развѣ съ особою оказією.

Итакъ два остаются средства къ пересылкѣ сихъ церковныхъ книгъ: или нанять здѣсь двѣ подводы (какъ дѣлають Греки съ своими товарами, посылая оныя за границу) съ поставкою до Букареста оныхъ книгъ, и сіе около 500 р. будетъ стоить: или исходатайствовать въ С.-Петербургѣ въ главномъ почтовомъ правленіи два указа: одинъ въ московскій почтамтъ, дабы оный принялъ изъ Московскаго Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архива увязанныя въ 8 тюкахъ церковныя книги, вѣсомъ въ 24 пуда съ половиною, для отправления въ пограничный городъ Дубосары; а другой къ Дубосарскому почтмейстеру, г. кол. совѣтнику Козачковскому съ предписаніемъ, дабы онъ способомъ ему извѣстнымъ препроводивъ оныя тюки съ книгами въ городъ Букаресты по адресу г. Кирико.

Есть и третій еще способъ слѣдующій: какъ дѣло сіе церковное, и живущему, кажется, въ Бендерахъ нашему Экзарху митрополиту Гавріилу²⁾ извѣстна съ Сербією переписка: то не можно-ли предписать Дубосарскому почтмейстеру, дабы онъ всю сію посылку отправилъ въ Бендеры (ибо отъ Дубосаръ очень близко) и поручилъ бы Преосв. митрополиту оныя книги или переслать въ Букарестъ къ г. Кирико: или дать знать въ Сербію, чтобы за сими церковными книгами присланъ былъ къ нему оттуда въ Бендеры нарочный комисіонеръ для принятія оныхъ.

Препоручая все сіе веленію вашего сіятельства
съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства

P. S. Къ посланному печатному экземпляру Собранія гра-

¹⁾ О первобытныхъ средствахъ передвиженія въ Бессарабіи даже въ началѣ 20-хъ годовъ — см. «Воспоминанія» Вигеля, ч. VI, 110.

²⁾ Знаменитый первый іерархъ Бессарабіи, Бунескулъ, родомъ трансильванецъ, изъ Потемкинскихъ людей. Ему главнымъ образомъ мы обязаны, что благословенный край между Днѣстромъ и Прутомъ — родина Вантыша-Каменскаго, остался за нами. Шаловливыя стихи Пушкина, посвященные Гавріилу, не повредили поэту: не такъ отнесся къ поэту позже Воронцовъ въ Одессѣ . . .

моть и договоровъ необходимо нужно Предувѣдомленіе. Проектъ онаго на разсмотрѣніе вашего с—ва при семъ посылаю. Прибавить или убавить что въ ономъ, зависѣть будетъ отъ воли вашего с—ва.

11 сентября 1813.

Москва.

(Отпускъ, съ исправленіями Вантыша-Каменскаго).

№ 24.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Какъ желали ваше с—во имѣть копія со всѣхъ трактатовъ европейскихъ и азіатскихъ, хранящихся въ здѣшнемъ Архивѣ: то я и расположилъ пересылать оныя къ вамъ на три посылки.

Первую оныхъ часть отправилъ я къ вашему с—ву 25 августа; но еще не получилъ извѣстія: дошли ли оныя! и угодна ли вашему с—ву сія присылка?

Вторую посылку, заключающую время царствованій Михаила Теодоровича, Алексѣя Михайловича и Теодора Алексѣевича при семъ посылаю.

Третью же (и послѣднюю), которая состоятъ будетъ въ трактатахъ въ государствование царей Іоанна Алексѣевича и Петра I по 1726 годъ¹⁾, и почти толикое же число номеровъ содержать будетъ, пришлю, какъ скоро могу собраніемъ оныхъ исправиться.

Съ истиннымъ почтеніемъ

23 сентября 1813.

Москва.

(Отпускъ).

---

¹⁾ Вероятно, по 1725 г. Ср. выше № 22.

№ 25.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь, Николай Николаевичъ!

Я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ доставленный отъ вашего пр—ва проектъ предисловія къ Собранію государственныхъ грамотъ и договоровъ и васьелъ оный въ полной мѣрѣ соответственнымъ моему желанію. Благодаря вамъ, милостивый государь мой, за сей трудъ, я препровождаю оный обратно къ вашему пр—ву съ тѣмъ, чтобы вы благоволили приказать напечатать сіе предисловіе и приобщить оное къ I тому, а также и доставить ко мнѣ одинъ экземпляръ онаго для приложенія къ находящемуся у меня экземпляру первой части. Волѣдъ за сими надѣюсь я въ скоромъ времени прислать къ вамъ и заглавный листъ.

Честъ мнѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

графъ Николай Руянцовъ.

С.-Петербургѣ.
Сентября 24 дня
1813.

(Оригиналъ).

№ 26.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

(Помѣтка: «Октября 2 1813. Государственному канцлеру»).

Желаніе мое совершилось. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ приняло свой ходъ доставленною вчера присылкою Предисловія, которое поспѣшу отправить въ типографію г. Всеволожскаго.

Принося вашему с—ву искреннѣйшую благодарность за принятіе милостиво помнутаго сочиненія, осмѣливаюсь донести: что къ заглавію издаваемой сей книги Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ необходимо должно прибавить Россій-

скои Имперіи. Безъ сего прибавленія кажется сія книга будетъ имѣть обширное и универсальное значеніе, будто-бы содержитъ она (и кромѣ вышедшихъ въ Россіи) другихъ царствъ договоры.

Теперь остается исполнить еще двѣ порученныя отъ вашего с—ва комисіи: объ отправленіи въ Сербію книгъ и объ отысканіи Бипріиновской Степенной.

Первую по случаю осѣнной грязной дороги не такъ удобно исполнить, какъ зимний путь; тогда можетъ быть и изъ грековъ многіе поедутъ — извѣстно уже здѣсь, что до Могилева (на Днѣстрѣ) карантинны, и проездъ труденъ.

О послѣдней же комисіи разсматриваемъ теперь полученныя изъ Синодальной бібліотеки книги и ожидаю изъ Калуги отвѣта.

Съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства.

(Отпускъ).

№ 27.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

При письмѣ вашего пр—ва отъ 14 (?) октября получена мною третья, и послѣдняя, часть Собранія договоровъ и грамотъ, за что благодаря васъ, милостивый государь мой, я предоставляю себѣ сообщить вамъ въ свое время о тѣхъ распоряженіяхъ, кои для напечатанія сихъ актовъ мною будутъ сдѣланы.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

Ноября 1 дня.
1813.

(Копія).

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

На сихъ дняхъ я имѣлъ щастіе получить отъ вашего с—ва три письма: первое, отъ 24-го октября, о принятіи имѣ изъ Московскаго казначейства 359 р. 40 к., издержанныхъ на отправленіе до Могилева церковныхъ книгъ; второе, отъ 1-го ноября, извѣстительное о дошедшей къ вамъ третьей и послѣдней части Собранія договоровъ и грамотъ; а третье, отъ 4-го числа того-жъ ноября, повелѣвающее доставлять преосвященному Евгенію, епископу Калужскому, изъ Архива копіи съ бумагъ, относящихся до сочиняемой имъ Россійской Церковной исторіи.

По содержанію перваго письма я еще не получилъ денегъ изъ Московскаго казначейства, хотя и посылая туда нѣсколько разъ комисара; вѣрно еще отъ г. министра финансовъ не прислано предписанія. По третьему же письму не премину доставлять преосвященному Евгенію Калужскому, по его требованію, копіи съ бумагъ, какия ему нужны будутъ для сочиняемой имъ исторіи.

Съ глубочайшимъ высокопочтаниемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

вашего сіятельства

Москва,
Ноября 13 дня
1813 года.

(Отпускъ).

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препровождая при семъ вырѣзанную доску, для заглавнаго листа I части Трактатнаго Собранія, прошу ваше пр—во приказать приступить къ совершенному онаго изданію. Посланку же извѣстно, что таковая

доска можетъ служить не болѣе какъ на 600 экземпляровъ, т. е. на половину нашего изданія, то для другой половины предоставляю вамъ сыскать въ Москвѣ рѣзчика, которой бы взялся ее поправить или вновь состричь; но буде такового тамъ не найдется, то по отпечатываніи половины, пришлите ее вновь сюда для сей поправки.

Краткое заглавіе на первомъ листѣ, при семъ возвращаемою, остается по вашему.

Корректурный листъ Предисловія также возвращаю; но на ономъ сдѣлалъ я токмо слѣдующія поправки:

Во—1) выпустить въ заглавіи слова Россійской Имперіи, по тому что само по себѣ разумѣется, что на російскомъ языкѣ, російскій канцлеръ надасть грамоты Россійскаго, а не другаго государства; въ тому же убѣжденъ я въ томъ и примѣрами иностранными. Недавно еще попалась мнѣ нечаянно въ руки англійская книга Statutes at large, from Magna Charta to the cod of the last Parliament, разумѣется англійскаго, а не другаго парламента.

Во—2) вы въ Предисловіи сказали: что во второй и третьей части внесутся договоры съ текстомъ на употребительнѣйшихъ языкахъ, а мнѣ кажется надобно бы сказать: на тѣхъ языкахъ, на которыхъ они писаны, съ переводомъ російскимъ.

Въ—3) найдете вы на третьей страницѣ небольшую опечатку: вмѣсто предъустановлено кажется надлежитъ быть поставлено.

Исправивъ такимъ образомъ сіе Предисловіе, прошу васъ кончить первую часть, отлагая уже вовсе прежнее намѣреніе мое, издать вмѣстѣ нѣсколько тѣхъ грамотъ по палиграфіи (!), ибо я самъ себѣ приписываю въ вину, что сіе дѣло такъ долго длилось, а теперь мнѣ хочется къ новому году уже поднести оное его императорскому величеству и императорской фамиліи.

На сей конецъ прошу васъ, милостивый государь мой, прислать мнѣ 25 экземпляровъ на велейновой, и столько-же на простой бумагѣ, всё безъ переплета, хотя не вдругъ, но исподоволь по почтѣ; а притомъ увѣдомить, на какой цѣнѣ вы полагаете можно будетъ остальные экземпляры на велейновой и простой бумагѣ пустить въ продажу, дабы не токмо выручить употребленный на сіе изданіе капиталъ, но и при-

умножить оныѣ на продолженіе слѣдующихъ частей, къ чему немедленно приступимъ.

Впротивѣ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
Декабря 4 дня
1813 года.

(Оригиналъ. Проложеннымъ наборомъ—подчеркнуто).

№ 30.

Вантышъ-Баменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Исполняя приказаніе вашего с—ва 4 декабря доставить 50 экземпляровъ Государственныхъ грамотъ и договоровъ симъ имѣю честь донести:

1) Въ прошлый вторникъ 16 числа на тяжелой почтѣ въ двухъ ящикахъ посланы Вамъ 25 экземпляровъ, а завтра по тяжелой же почтѣ въ двухъ же ящикахъ остальные 25 экземпляровъ посланы будутъ¹⁾....

2) Прекрасно вырѣзанная доска на заглавіе авось либо, по увѣренію типографіи, послужитъ и на всѣ 1200 экземпляровъ; въ случаѣ же невозможности, тогда можемъ отдать поправить, къ чему есть здѣсь и мастера.

3) Исправки Ваши всѣ такъ точно въ оригиналъ внесены, какъ Вами поставлены.

4) Не тужите, что не исполнили намѣренія своего въ изданіи нѣсколькихъ грамотъ по Полиграфіи (!)—это совсѣмъ другая часть, и не изъ однихъ только грамотъ нашихъ должна состоять, но и изъ другихъ разныхъ рукописей.

---

¹⁾ Опускаемъ: сколько и какіе экземпляры въ каждомъ ящикѣ.

5) Какъ въ Докладѣ сказано, что всякой продажной экземпляръ долженъ быть заклеименъ казенною печатью: то для сдѣланія такой печати прилагаются три рисунка, и какой изъ нихъ угоденъ будетъ вашему с—ву, оный извольте отиѣтить для вырѣзанія здѣсь; по всего бы нужнѣе было и мѣсто назначить, гдѣ оная печать должна быть въ книгѣ приложена. Я почитаю одну поставить на оборотѣ заглавнаго листа внизу, а другую на концѣ книги.

6) При продажныхъ экземплярахъ не угодно ли будетъ приказать шить оныя въ папку или въ бумагу не обрѣзывая; за переплетъ въ папку требуютъ по 1 рублю за экземпляръ, а за бумажку (brochet) по 50 копѣекъ съ экземпляра, и нужно чтобы оныя продаваемы были въ переплетѣ для того, дабы покупающій оную точно былъ увѣренъ, что полной экземпляръ покупаетъ, и сію сумму должно причислить къ продажѣ.

7) Угодно было вашему с—ву знать, по чему остальные 1150 экземпляровъ пустить въ продажу: разцѣтъ сему дѣлу учиненъ слѣдующій:

а) 1200 экз. обошлись по 15 р. 74 к. каждый экземпляръ, съ похищенными же во Владимирѣ по 20 р. 70 к.

б) Приложивъ къ сему за отправленные къ вашему с—ву 50 экз. деньги, остальные 1150 экз. обойдутся по 16 р. 43 к., съ похищенными же по 21 р. 51 к.

в) Прибавивъ сверхъ того къ каждому экземпляру въ переплетѣ въ папку по 1 р., не грѣшно, кажется, будетъ, какъ совѣтуетъ и содержатель типографіи, г. Всеволожскій, пустить въ продажу по 25 рублей каждый экземпляръ.

Впрочемъ предоставляется сіе на волю вашего с—ва.

8) А дабы публика извѣстна была о продажѣ сихъ книгъ, то нужно будетъ чрезъ Московскія и С.-Петербургскія газеты сдѣлать объявленіе, и для единообразія не угодно ли будетъ сообщить въ Комисію подобную записку для припечатанія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть

вашего сіятельства

Декабря 18 дня
1813 года.

(Отпускъ).

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Благодарю ваше п—во за доставленные мнѣ 50 экземпляровъ грамотъ и договоровъ и не могу довольно изъяснить вамъ моею признательности за совершенную отдѣлку сего изданія. Теперь я донесу о томъ его императорскому величеству, а между тѣмъ спѣшу разрѣшить вамъ продажу сей первой части.

Какъ всего доставилъ я вамъ денегъ 27.152 рубля, что составило бы на экземпляръ 23 р. 62 коп., то, согласно съ мнѣніемъ вашимъ прибавляя я плату за переплетъ, полагаю и цѣну по 25 р. за каждый экземпляръ, что составитъ за 150 р. экземпляровъ 28.750 р.

А въ томъ числѣ за 150 экземпляровъ на велейновой бумагѣ можно прибавить по 10 р., что составитъ 1150

слѣдовательно выручается . . . . . 29.900 р.

Переплетъ экземпляровъ на велейновой бумагѣ можно дѣлать въ папку, а всѣ другіе въ бумажку. Въ разсужденіи же клейна долженъ я вамъ сказать, что присланныя рисунки мнѣ не понравились, но я вѣлю здѣсь таковое клейно вырѣзать и вамъ доставлю, а между тѣмъ сіе не должно остановить продажи, ибо большой нужды въ клеймѣ не предвидится. Объявленіе о сей продажѣ при Комисіи печатанія трактатовъ извольте отъ себя внести въ Московскія Вѣдомости, а мнѣ прислать копію для внесенія въ здѣшнія Академическія.

Въ окончаніе сего ожидаю отъ васъ подробный отчетъ всѣмъ расходамъ на сіе предпріятіе и прошу васъ употреблять стараніе ваше о скорѣйшей распродажѣ сихъ книгъ, для выручки капитала на изданіе второй части.

Впротчемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ,
Декабря 30 дня
1813 года.

(Оригиналъ).

Вантышъ-Баженовскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Исполняя приказаніе вашего с—ва отъ 30 декабря 1813 года о разрѣшеніи продажи первой части Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, приступилъ я тотчасъ (не смотря на тяжкую мою болѣзнь) къ изготовленію записки для припечатанія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, съ которою копію для разсмотрѣнія вашему с—ву при семъ прилагаю.

2) На отчетаніе первой части получено при предписаніяхъ вашего с—ва денегъ 27.152 и процентовъ изъ Московскаго Воспитательнаго Дома со внесеннаго въ оный капитала по разсчету 203 р. 60 к., всего 27,355 р. 60 к. Изъ оныхъ употреблено въ расходъ на отчетаніе первой части 25.465 р. 55 к., полагая въ то число назначенныя и за переплеть; затѣмъ осталось на лицо 1890 р. 5 к.

3) Сію остающуюся за всѣми расходами сумму не благоволите ли, ваше с—во, приказать ввести въ Сохранную Казну на имя Комисіи для приращенія процентовъ, откуда оная во всякое время на случай надобности обратно взята быть можетъ.

4) Въ бумагѣ велейновой вышла рознь, Вы изволите писать, что въ продажу поступить 150 экземпляровъ; но какъ сей бумаги куплено 35 стопъ, и изъ оной отчетано только сто экземпляровъ, изъ числа оныхъ отправлено къ вашему с—ву 25 экземпляровъ; въ остаткѣ же для продажи 75 экземпляровъ. Полагая по предписанію вашего с—ва назначенную цѣну по 25 р. за каждый экземпляръ составитъ за 1150 экземпляровъ . . . . . 28.750 р.,
а въ томъ числѣ за 75 экземпляровъ на велейновой бумагѣ, учинивъ прибавку по 10 р. на каждый составитъ 750
слѣдовательно отъ продажи должно выручиться . 29.500 р.

Прибавивъ къ сему остающіяся отъ напечатанія I части 1890. 5

всего составитъ 31.390 р. 5 коп.

5) Сто экземпляровъ на велейновой и на другой бумагѣ отданы уже мною по предписанію вашего с—ва въ перешлетъ, и такимъ образомъ и всѣ по частямъ отдаваться будутъ.

6) За неполученіемъ же клейна продажей оныхъ останавливаться не буду, но приказалъ изготвить книгу, въ коей до присылки клейна записываться будутъ всѣ продаваемые экземпляры, на какой бумагѣ и подъ какими №; кому же оныя имянно проданы будутъ, о томъ ваше с—во по прошествіи каждаго мѣсяца извѣщены будете.

7) При семъ препровождаю на разсмотрѣніе вашего с—ва по-длинную приходную и расходную книгу ассигнованнымъ отъ вашего с—ва на отпечатаніе первой части денегамъ, употреблю всевозможное стараніе о скорѣйшей распродажѣ сихъ книгъ¹⁾.

Съ истиннымъ высокопочтаніемъ глубочайшею преданностію

имѣю честь быть
вашего сіятельства
(Отпускъ).

(Приложеніе къ № 32).

« Записки »

для Московскихъ Вѣдомостей.

Учрежденная по высочайше подтвержденному его императорскимъ величествомъ 1811 года мая въ 3 день Докладу отъ государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцева при Московскомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архивѣ Комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ симъ почтеннѣйшую публичку извѣщаетъ, что первая часть сего Собранія, заключающая въ себѣ всѣ, какъ древнія Новгородскія, такъ и великихъ князей російскихъ государей постановленія до внутреннихъ въ Россіи произшествій относ-

¹⁾ Безъ даты. Но изъ реестра въ началѣ Книги, какъ и изъ отвѣта графа, видно, что это, послѣднее, письмо Бятыша-Каменскаго было отъ 5 января 1814 года. Черезъ двѣ недѣли старикъ скончался отъ своей «тяжкой болѣзни».

ціяся, съ 1265 г. до временъ царя Михаила Ѳеодоровича, отпечатана иждивеніемъ его с—ва г. канцлера подъ вѣденіемъ управляющаго Архивомъ д. с. с. Бантыша-Камеяскаго и съ сего времени поступаетъ въ продажу.

Сія книга издана въ листъ, наилучшимъ образомъ, съ оттисками привѣшенныхъ и приложенныхъ того времени печатей точно въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя донинѣ уцѣлѣли. Печатано въ Москвѣ въ типографіи Н. С. Всеволожскаго. Цѣна на бумагѣ велейновой и въ пергѣ 35 р., а на бѣлой въ простой оберткѣ 25 р.

Особы, живущія въ Москвѣ и желающія купить сію книгу, да благоволятъ присылать въ помянутую Коммисію, въ казенномъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ домѣ состоящую близъ Ивановскаго монастыря въ Колпашиномъ переулкѣ; иногородныя же могутъ письменно адресоваться по сему въ Коммисію, прилагая за почтовую пересылку каждаго экземпляра за 10 фунтовъ вѣсовыхъ и полупроцентныя деньги по разстоянію верстъ, да за увязку по 80 копѣекъ и означая въ требованіи свой чинъ, имя, отчество, фамилію и мѣстопребываніе.

(Эта «Записка» напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1814, № 2, отъ 7 января, стр. 18).

№ 33.

Канцлеръ Бантышу-Камеяскому.

(Отмѣтка рукою Либенау: «Получено 24 генваря 1814 г.»).

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Получивъ письмо вашего пр—ва отъ 5-го сего мѣсяца, съ отчетами въ деньгахъ, употребленныхъ на отпечатаніе первой части грамотъ и договоровъ, нахожу я, что отъ оныхъ за всѣми расходами ишѣются въ остаткѣ 1890 р., почему согласно съ ишѣніемъ вашимъ прошу васъ сію сумму внести въ Сохранную Казну для приращенія процентами, впредь до востребованія Коммисіи на изданіе второй части.

Клеймо здѣсь мною заказано и по изготовленіи къ вамъ доставлено будетъ.

По полученіи отъ васъ истребованныхъ мною 100 экземпляровъ первой части для распродажи здѣсь, внесу я о томъ въ Академическія Вѣдомости публикацію, сходную съ доставленною отъ васъ.

Впротчемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ
вашего превосходительства
покорнымъ слугою
Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
Генваря 17 дня
1814 года.

(Оригиналъ).

№ 34.

Ив. Либенау канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Вчерашнаго числа доставлено мнѣ отъ дѣтей покойнаго Н. Н. Баятыша-Каменскаго письмо вашего с—ва къ нему отъ 17 генваря, съ изъясненіемъ вашей воли, чтобъ имѣющіеся въ остаткѣ отъ нанечатанія первой части государственныхъ грамотъ и договоровъ деньги 1890 внесены были въ Сохранную Казну; въ слѣдствіе чего сіе нынѣшній день мною и исполнено, а билетъ на имя Комисіи полученный, съ согласія его пр—ва Алексѣя Теодоровича¹⁾ положенъ для храненія въ Архивской Кладовой палатѣ.

Въ число же назначенныхъ вашимъ с—вомъ въ пересылку въ С. Петербургѣ для распродажи 100 экземпляровъ первой части съ первою тяжелою почтою отправлено будетъ въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ 5 экземпляровъ на веленовой и 10 экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ, а потомъ каждую недѣлю въ два раза буду отправлять по 30 экземпляровъ пока всѣ 100 экземпляровъ перешлю

. . . . . » И. Либенау.

26 генв. 1814.

(Отпускъ, рукою Либенау).

¹⁾ Т. е. Малиновскаго, оставшагося старшимъ въ Архивѣ по смерти Баятыша-Каменскаго.

М 35.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

(Отмѣтка рукою Либенау: «Получено 1 февраля 1814).

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Хотя я и просилъ ваше пр—во доставить положенное число экземпляровъ первой части Трактатнаго Собранія во всѣ мѣста, куда высочайшими указами повелѣно; но какъ я между тѣмъ уже здѣсь самъ нѣкоторые роздалъ, какъ изъ приложенной записки усмотрѣть изволите; то я и спѣшу васъ о томъ извѣстить, дабы мы не сдѣлали такового приношенія вдвойнѣ; а господинъ министръ просвѣщенія сообщилъ мнѣ, что таковыхъ экземпляровъ доставляется: по два въ Департаментъ Министерства просвѣщенія, изъ коихъ одинъ для здѣшней Духовной Академіи, два въ Императорскую Публичную Библіотеку и одинъ въ Императорскую Академію Наукъ; слѣдовательно къ розданнымъ уже мною остается присовокупить только три экземпляра, которые и прошу покорнѣйше Васъ, милостивый государь мой, разослать куда слѣдуетъ.

При семъ прилагаю подъ открытою печатью письмо мое на имя Павла Ивановича Голенщикова-Кутузова¹⁾, которое благовольтъ ваше пр—во препроводить въ Московскій Университетъ вмѣстѣ съ однимъ экземпляромъ Трактатнаго Собранія на ординарной бумагѣ для тамошней Библіотеки.

Честъ мнѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ,
января 25 дня
1814.

(Оригиналъ).

Всѣ эти письма извлечены изъ «Записной тетради изданныхъ и исходящихъ»

¹⁾ Известный тогда попечитель Московскаго университета.

*трихъ бумагахъ учрежденной при Московскомъ Коллежъ иностранцы для
Архивъ Комиссiи о изданiи съ печатью Собранiя государствен-
ныхъ трактовъ и договоровъ, годы 1811—1814, въ Главномъ Мос-
ковскомъ Архивъ мин. иностр. дѣлъ.*

. II .

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ РУМЯНЦОВСКАГО КРУЖКА

(письма канцлера къ А. Ѳ. Малиновскому, бумаги «Комитета
печатанія» и пр.).

1814—1825.

Перечень Матеріаловъ.

Ж

1. Банцлеръ А. Ѳ. Малиновскому, 2 февраля 1814.
2. Малиновскій канцлеру, 16 февраля 1814.
3. Банцлеръ Малиновскому, 6 марта 1814.
4. Малиновскій канцлеру, 12 марта 1814.
5. П. К. Вестманъ Малиновскому, 19 марта 1814.
6. Банцлеръ Малиновскому, 4 апрѣля 1814.
7. Малиновскій канцлеру, 13 апрѣля 1814.
8. Антоній, архіепископъ Ярославскій, Малиновскому, 29 апрѣля 1814.
9. Евгений, епископъ Балужскій, Малиновскому, 13 мая 1814.
10. Синодальная типографская Бютора Малиновскому, 5 іюня 1814.
11. Малиновскій канцлеру, 8 іюня 1814.
12. Банцлеръ Малиновскому, 9 іюля 1814.
13. Ив. Нестеровичъ Малиновскому, 10 іюля 1814.
14. Вестманъ Малиновскому, 13 января 1815.
15. Малиновскій канцлеру, 22 января 1815.
16. Нестеровичъ Малиновскому, 15 марта 1815.
17. Малиновскій канцлеру, 2 іюля 1815.
18. Онъ ему-же, сентябрь 1815.
19. П. М. Строевъ Малиновскому, 10 декабря 1815.
20. Малиновскій канцлеру, 28 декабря 1815.
21. Доношеніе Коммисіи канцлеру, 14 февраля 1816 (о назначеніи Строева Главнымъ Смотрителемъ).
22. Малиновскій канцлеру, 22 мая 1816.
23. Онъ ему-же, 2 апрѣля 1817.
24. Онъ ему-же, 16 апрѣля 1817.
25. Онъ ему-же, 30 апрѣля 1817.

26. Онъ ему-же, 21 іюня 1817 (о первомъ успѣхѣ Волоколамской экспедиціи).
27. Онъ ему-же, 28 іюня 1817.
28. Выписка изъ «Вѣдомости о приходѣ и расходѣ» за 1817.
29. Малиновскій канцлеру, 25 апрѣля 1818.
30. Доношеніе Балайдовича (и Битовича) Малиновскому, 1 мая 1818 (отвѣтъ на извѣты Анастасевича предъ канцлеромъ).
31. Доношеніе Коммисіи канцлеру, 29 іюля 1818 (о зачисленіи Балайдовича въ чиновники Коммисіи).
32. Реестръ рукописей изъ Синодальной и Волокол. бібліотекъ, январь 1819.
33. Прошеніе Балайдовича, апрѣль 1819, съ приложеніемъ копій кандидатскаго диплома и свидѣтельства университетскаго Совѣта.
34. Малиновскій канцлеру, 17 апрѣля 1819.
35. Сообщеніе статсъ-секретаря гр. Нессельрода Малиновскому, 20 мая 1819 (объ опредѣленіи Балайдовича въ Коммисію контръ-корректоровъ).
36. Формулярный списокъ Балайдовича (1819 г.?). (Главнѣйшія данныя).
37. И. Нестеровичъ Малиновскому, 30 іюня 1819.
38. Предписаніе канцлера Коммисіи, 12 сентября 1819 (о жалованьѣ Балайдовичу).
39. Филаретъ, архіепископъ Тверскій, Малиновскому, 26 ноября 1819.
40. Малиновскій Н. И. Евреянову, 12 января 1820.
41. Канцлеръ Малиновскому, 2 апрѣля 1820 (съ соображеніями объ ошибкахъ въ грамотахъ что для III-ей части).
42. Ал. Янинъ Малиновскому, 5 августа 1820.
43. Нестеровичъ Малиновскому, 30 сентября 1820.
44. Онъ ему-же, 19 ноября 1820.
45. Наказъ Малиновскаго чиновникамъ, 17 января 1821.
46. В. И. Берхъ канцлеру, 23 декабря 1821.
47. Высочайшій рескриптъ канцлеру, 2 августа 1822.
48. Гр. Нессельродъ канцлеру, 4 августа 1822.
49. Строевъ канцлеру, 17 августа 1822 (объ отставкѣ).
50. Канцлеръ Малиновскому, 23 августа 1822 (объ увольненіи Строева).
51. Аттестатъ Строеву, 1 сентября 1822.
52. Малиновскій канцлеру, 12 октября 1822.
53. Канцлеръ Малиновскому, 20 октября 1822.
54. Концептъ опредѣленія Коммисіи, конецъ октября 1822.
55. Нестеровичъ Малиновскому, 30 мая 1822.

56. Доношеніе Балайдовича Малиновскому, 15 ноября 1822 г. (о «сумнѣніяхъ» контръ-корректора Херсонскаго).
  57. Банцлеръ Малиновскому, 12 января 1824.
  58. Онъ ему-же, 25 января 1824.
  59. Малиновскій канцлеру, іюнь 1824.
  60. Доношеніе Комисіи канцлеру, 7 іюля 1824.
  61. Банцлеръ Малиновскому, 19 мая 1825.
  62. А. Х. Востоковъ Балайдовичу, 10 сентября 1825.
  63. Разныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Комисіи въ 1821, 22, 23, 24 и 25 годахъ.
-

№ 1.

Канцлеръ Румянцовъ А. Ѳ. Малиновскому.

(Отмѣтка : получено 9 февраля).

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ !

Съ прискорбіемъ извѣстился я о кончинѣ почтеннаго нашего Николая Николаевича, и первымъ долгомъ счелъ имѣть попеченіе о его семействѣ, какъ ваше пр—во усмотрите изъ приложенной при семъ въ копіи докладной моей записки, отправленной къ его императорскому величеству¹⁾).

Между тѣмъ до полученія на то высочайшаго повелѣнія, поручаю вамъ принять въ полное свое управленіе всѣ дѣла Московскаго Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архива, равно какъ и Комиссіи для печатанія трактатовъ учрежденной ; отдавъ вамъ предъ всемилостивѣйшимъ государемъ надлежашую справедливость, я не только слѣдовалъ собственному моему убѣжденію, что никто лучше васъ замѣнить не можетъ претерпѣнной для службы потери въ семъ случаѣ ; но я удовлетворилъ желанію и самого покойнаго, который васъ преемникомъ себѣ назначилъ.

Теперь мнѣ остается просить васъ особенно принять въ свой надзоръ Комиссію печатанія трактатовъ, какъ о дѣлѣ меня лично занимающемъ. Вамъ уже извѣстно, что я назначилъ выручаемый съ продажи первой части сего изданія капиталъ на печатаніе продолженія ; теперь слѣдовательно остается заниматься только сею продажей и деньги по мѣрѣ вступленія отсылать въ Опекунскій Совѣтъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Я прошу васъ меня почасту увѣдомлять, сколько продадутся экземпляровъ и сколько вы денегъ отошлете. Также прошу васъ приказать въ той Комиссіи показать себѣ всю мою по

¹⁾ Этой копіи нѣтъ въ Дѣлахъ.

сему случаю переписку съ покойнымъ Николаемъ Николаевичемъ и привѣсть во исполненіе то, что имъ не могло быть сдѣлано. Между прочимъ я просилъ его прислать сюда въ Коллегію на продажу 100 экземпляровъ, которыя я нынѣ отъ васъ ожидаю; также я писалъ о согласіи моемъ опредѣлить къ Архиву кандидата Калайдовича, лишь бы онъ прислалъ свое прошеніе съ аттестатами и далъ-бы знать, на какомъ основаніи онъ вступить желаетъ.

Присланные ко мнѣ для второй части трактаты мною еще разсматриваются. Я въ свое время ихъ вамъ доставлю съ моими замѣчаніями. Между тѣмъ прошу васъ сообщить мнѣ и мнѣніе ваше по сему предмету, есть ли вы къ улучшенію сего изданія найдете нужнымъ дѣлать какія либо устройства.

Впрочемъ могу васъ увѣрить, что вступая нынѣ въ ближайшія съ вами сношенія, мнѣ всегда пріятно будетъ доказывать вамъ на дѣлѣ готовность мою быть вамъ полезнымъ и истинное почтеніе, съ которымъ пребываю

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ,
февраля 2 дня
1814 года.

(Копія. Отрывки изъ этого письма помѣщены г. Безсоновымъ въ его трудѣ: «Матеріалы для живеописанія К. Ф. Калайдовича», что въ «Чтеніяхъ» Моск. Историч. Общества, 1862, III, стр. 143—144. Ходатайство покойнаго управляющаго Архивомъ о Калайдовичѣ — см. «Записки» послѣдняго въ «Летописяхъ русской литературы» прое. Тихонравова, т. III, II, 86; тамъ-же и о назначеніи Малиновскаго, согласно предсмертной волѣ Баятыша-Каменскаго).

№ 2.

Малиновскій канцлеру.

Продажа сей книги отъ Комисіи до сихъ поръ была не успѣшна; ибо продано только 19 экземпляровъ. Изнеможенное состояніе покойнаго предметника моего при началіи продажи первой части не допустивъ его употребить въ дѣйствіе той особенной возможности, какую онъ имѣлъ по давнимъ связямъ своимъ съ духовенствомъ и съ учи-

лицами, о которой со мною говаривалъ: она состояла въ томъ, чтобы разослать по нѣскольку экземпляровъ всѣмъ знакомымъ ему епархіальнымъ архіереямъ и ректорамъ, а сіе знакомство его распространялось на всѣ епархіи. Хоть я никакъ не надѣюсь съ равномернымъ успѣхомъ воспользоваться симъ же самымъ способомъ къ распродажѣ, но испытать его считаю и за полезное, и за приличное; есть-ли ваше с—во изволите одобрить мое намѣреніе, то я отнесусь циркулярнымъ письмомъ съ симъ предложеніемъ къ грекороссійскаго и иностранныхъ исповѣданій преосвященнымъ владыкамъ и ректорамъ всѣхъ духовныхъ училищъ.

Для скорѣйшей выручки на отпечатаніе второй части денегъ осмѣливаюсь представить и другое средство—снестись съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Разсмотрѣнїемъ плана для приготовляемыхъ къ печатанію слѣдующихъ частей я началъ уже заниматься и что только придумаю къ улучшенію сего изданія, о всемъ томъ доведу.

16 февраля 1814.

(Отпускъ).

М 3.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Получивъ отъ вашего пр—ва экземпляръ изданныхъ вами Поученій покойнаго вашего родителя, я обязываюсь усердѣйше благодарить васъ, милостивый государь, за сей подарокъ, особенно для меня пріятный, какъ по всегдашнему моему къ вамъ уваженію, такъ и къ тому, что онъ напоминаетъ мнѣ личное знакомство мое съ симъ достойнымъ пастыремъ, къ коему я всегда пренсполненъ былъ истиннаго почитенія¹⁾.

Мнѣ должно также благодарить ваше пр—во и за присылку по просьбамъ моимъ разныхъ бумагъ, и въ особенности за доставленіе мнѣ чрезъ господина Нестеровича трехъ старинныхъ лѣтописей, изъ

¹⁾ Протоіерей Малиновскій, Феодоръ Алексѣевичъ, 1738—1811. Въ 1813 г. изданы были его «Избранныя поученія юношамъ» сномъ.

коихъ двѣ отдалъ я на разсмотрѣніе извѣстному профессору здѣшной Академіи Наукъ, господину Кругу, а третью, именно Кіевскую, Алексѣю Николаевичу Оленкину; по полученіи-жъ отъ нихъ сихъ рукописей, не премину тотчасъ вамъ оныя возвратить и виѣстѣ съ тѣмъ сообщить въ разсужденіи ихъ мое намѣреніе.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ утруждалъ я покойнаго Николая Николаевича просьбою объ отысканіи въ московскихъ книгохранилищахъ такъ называемой Кипріяновской Степенной книги и о сличеніи оной съ другими Степенными же книгами, есть-ли таковыя отыщутся. Хотя непосредственно затѣмъ и получилъ отъ него отвѣтъ; но признаюсь, что оный не въ полной мѣрѣ удовлетворилъ моему сильному любопытству и ожиданію. Изъ письма его о семъ отъ 20 октября прошлаго года удостовѣрился я только въ томъ, что въ Московской Синодальной и Архивской бібліотекахъ дѣйствительно хранится нѣсколько Степенныхъ книгъ, но въ то же время увидѣлъ, что содержаніе ихъ не все и не съ надлежащимъ тщаніемъ было разсматривано, а сличали только одно начало и конецъ, которыхъ сходство по моему мнѣнію не доказываетъ еще, чтобы въ срединѣ текста не заключалось какого либо ощутительнаго различія; слѣдовательно не взирая на всѣ доводы, Николаемъ Николаевичемъ представленныя, я еще остаюсь въ прежнемъ мнѣніи, что у насъ существуютъ, можетъ быть, Степенныя книги разныхъ сочинителей. Что касается до существованія таковыхъ книгъ митрополита Кипріяна, въ томъ ссылаюсь я на пресвященнаго Платона, который въ своей Церковной Исторіи ч. I, стр. 256, говоря о семъ митрополитѣ, называетъ его точно сочинителемъ Степенныхъ книгъ, упоминая при томъ о нѣкоемъ Игнатіи, архимандритѣ Спасскомъ, который, по словамъ его «не только всѣ книги оныя сохранилъ, но и по препорученію митрополита оныя докончалъ».

Неужели Платонъ въ семъ случаѣ основывался единственно на сказаніяхъ Татищева и Миллера?

По симъ упражненіямъ обращаюсь я къ вашему пр—ву съ возобновеніемъ моей просьбы, приступить паки къ разсмотрѣнію всѣхъ въ Москвѣ находящихся гѣтошней подъ именемъ Степенныхъ книгъ, употребивъ къ тому, есть-ли можно молодыхъ людей, подъ вашимъ начальствомъ при Архивѣ служащихъ, или приславъ для сего постоянныхъ, коихъ труды будутъ отъ меня вознаграждены деньгами, сколько потребно будетъ по вашему усмотрѣнію. Я желаю, чтобы оныя книги были всѣ прочтены и сличены отъ начала до конца и отъ слова до слова, и чтобы всѣ несходныя мѣста, кои въ оныхъ окажутся, были

особо выписаны и ко мнѣ доставлены. Исполнить же сіе. по моему мнѣнію, всего удобнѣе такимъ образомъ, чтобы одинъ чиновникъ, въ исторіи довольно свѣдущій, читалъ печатный экземпляръ Стененныхъ книгъ, а другіе смотрѣли-бы въ рукописныя, и при всякомъ несох-
номъ мѣстѣ останавливали его и оныя мѣста отмѣчали.

Извѣстная и дѣтельная любовь вашего пр—ва къ историческимъ изысканіямъ и неоднократно мною испытанная готовность ваша одо-
жать меня, даютъ мнѣ полное право надѣяться, что вы не оставите и сей просьбы моей безъ исполненія. Я не преминую сдѣлать тако-
выхъ же розысканій и въ здѣшнихъ бібліотекахъ.

Теперь мы приступаемъ къ произведенію въ дѣйство извѣстнаго
уже вамъ предпріятія моего издать въ свѣтъ древнія историческія
наши рукописи, въ Библіотекѣ Академіи Наукъ хранящіяся, и я на-
дѣюсь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе въ свою очередь слу-
жить вашему пр—ву, какъ издатель, печатнымъ экземпляромъ I части
сихъ древностей.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ
Марта 6 дня
1814.

(Копія).

№ 4.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . 2) Принявъ въ образецъ Дюмона, не настоятъ на-
добности печатать азіатскіе договоры оригиналами, къ чему недоста-
токъ здѣсь въ турецкихъ, татарскихъ и персидскихъ литерахъ послужитъ препятствіемъ.

3) Всѣ акты на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англи-
скомъ, шведскомъ, датскомъ, голандскомъ и польскомъ языкахъ должны
печататься въ двѣ колонны; на одной изъ нихъ подлинникъ, а на дру-
гой переводъ.

4) Для повѣрки сихъ оригинальныхъ Дипломатическихъ актовъ необходимо имѣть при Комисіи человека по званію своему ученаго и основательно знающаго главные изъ упомянутыхъ діалектовъ. . . .

13 марта 1814 года.

(Отпускъ).

№ 5.

И. К. Вестманъ Малиновскому.

Почтеннѣйшее письмо вашего пр—ва отъ 9 сего мѣсяца имѣлъ я честь представить его с—ву г. канцлеру въ подлинникѣ.

Графъ, удовлетворя желанію г. Казаѣдовича, согласенъ отложить опредѣленіе его къ Архиву. Между тѣмъ его с—во ожидаетъ мнѣнія вашего въ разсужденіи продолженія печатанія второй части Трактатнаго Собранія и поручить мнѣ изволилъ просить васъ включить въ оное мнѣніе также статьи: 1) объ азіатскихъ шрифтахъ, какіе именно надобны? имѣются ли таковыя въ Москвѣ или нужно оныя вновь вырѣзать? . . . . и 2) кто будетъ заниматься корректурою нѣмецкихъ и французскихъ текстовъ, особливо писанныхъ древнимъ идиомомъ. Можно ли къ сему пригласить г. профессора Шлецера и какиимъ образомъ къ тому приступить? Разрѣшеніе сихъ вопросовъ его с—во считаетъ нужнымъ до приступленія къ дѣлу и готовъ даже употребить на то вновь сумму, есть-ли бѣ то нужно было.

Исполняя волю сего начальника нашего, я побуждаюсь покорнѣйше просить ваше пр—во пожаловать хотя ко мнѣ доставить таковой полный планъ, за вашимъ подписаніемъ, для представленія его с—ву, дабы можно было сдѣлать окончательное о томъ положеніе и составить нужные бумаги . . . . .

С.-Петербургъ,
19 марта 1814.

(Копія).

№ 6.

Канцлеръ Малиновскому.

. . . . . Для повѣрки сихъ послѣднихъ подлинниковъ ожидаю
я вашего мнѣнія — не пригласить-ли къ сему господина профессора
Шлецера или кого другаго, есть-ли вы имѣете на примѣтѣ, человѣка,
могущаго совершенно соответствовать нашему желанію? . . .

4 Апрѣля
1814.

(Копія).

№ 7.

Малиновскій канцлеру.

При сличеніи списковъ степенныхъ книгъ открылось кое-что новое:

. . . Очень любопытная статья о дѣяніи царя Іоанна Васильевича,
какой ни въ одномъ изъ списковъ и въ лѣтописяхъ, извѣстныхъ мнѣ
не находится и которая была также новостью для историографа Ка-
рамзина;

что о Кипріяновской Степенной книгѣ никакихъ слѣдовъ, что получено
изъ Яссы отъ господина Пина письмо на имя покойнаго Николая
Николаевича¹⁾ объ отравленныхъ въ Букарестѣ церковныхъ книгахъ.

13 апрѣля
1814.

(Отпускъ).

№ 8.

Антоній, архіепископъ Ярославскій, Малиновскому.

. . . Желая способствовать общеплезному изданію такъ важной
отечественной книги, я чрезъ благочинныхъ по городу далъ знать: но
въ отзвѣвъ сего утра получилъ, что небогатые духовные, при настоя-

¹⁾ Т. е. Бантыша-Каменскаго. Ср. выше, Приложенія, I, № 23.

щих хозяйственныхъ обстоятельствахъ, ценою удерживаются отъ покупки, хотя-бы оныя и желали. Постараюсь, сколько угодно. Семинарій здѣсь одна только, а малые училища никакой суммы не имѣютъ.

29 апрѣля 1814.

Ярославль.

(Оригиналъ).

№ 9.

Евгеній, епископъ Калужскій, Малиновскому.

Почтенное отношеніе ваше отъ 25 апрѣля съ предложеніемъ подписки на I часть книги Собраніе государственныхъ грамотъ я имѣлъ честь получить. И послѣду во всей моей епархіи одно только духовное училище и одна бібліотека, то покорнѣйше прошу выдать мнѣ одинъ экземпляръ въ простой оберткѣ. Книгу сію принять и заплатить деньги 25 р. повѣрилъ я Новоспаскому отцу архимандриту Амвросію.

При семъ беру случай покорнѣйше просить ваше пр—во о выдачѣ мнѣ копій съ нѣкоторыхъ актовъ Архивы вашей. А какіе изъ сихъ актовъ мнѣ нужны, о томъ донесетъ вамъ помянутый же отецъ архимандритъ, которому поручилъ я также списать сіи копіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ покорнѣйшій слуга

Евгеній епископъ Калужскій.

Маія 13 дня
1814,
Калуга.

(Оригиналъ).

№ 10.

Синодальная типографская Контора Малиновскому.

Извѣщаетъ, что

... въ скорости не можетъ прислать реестра имѣющимся въ Типографской Библіотекѣ рукописнымъ книгамъ по тому, что послѣ вторженія непріятеля по оному реестру повѣрятся книги, а посему и сочиняются новыя. Когда же повѣрены и сочинены будутъ, тогда Контора въ оную Комиссію прислать не преминетъ.

5 іюня 1814.

(Оригиналъ).

№ 11.

Малиновскій канцлеру.

Сообщая отказъ Синодальной Канторы, прибавляетъ :

. . . . но ризничій Патриаршей Библіотеки былъ нѣсколько снисходительнѣе; хотя въ Архивъ и не отпустилъ реестровъ своихъ, но дозволилъ списывать въ кельѣ его.

8 іюня 1814 года.

(Отпускъ).

№ 12.

Канцлеръ Малиновскому.

. . . . Въ удовольствію моему усматриваю, что книга сія мало-по-малу расходуется. Можно утѣшаться мыслью, что усердіе и труды, употребленные на изданіе сихъ дипломатическихъ актовъ, имѣютъ нѣ-которымъ образомъ въ глазахъ просвѣщенной публики и любителей отечественныхъ древностей надлежащую цѣну.

9 іюля 1814 года.

(Копія).

№ 13.

Иванъ Нестеровичъ Малиновскому.

. . . . Касательно актовъ, которые не вошли въ составъ I части Собранія государственныхъ актовъ и договоровъ, его сіятельство по видимому намѣреваетъ издать въ свѣтъ прибавленіе къ сей части. Въ прибавленіи семь имѣютъ быть помѣщены, кромѣ помянутыхъ актовъ и многіе древніе документы, полученные его сіятельствомъ изъ Риги, Кенигсберга и другихъ мѣстъ.

С.-Петербургъ.

10 іюля 1814 г.

(Оригиналъ).

№ 14.

И. Е. Вестманъ Малиновскому.

. . . . Сегодня возвратился сюда графъ Николай Петровичъ и, можетъ быть, примется опять за продолженіе сего изданія, ибо, кажется, все остановилось по причинѣ малой выручки суммы.

С.-Петербургъ,
13 января 1815.

№ 15.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Представляю вашему сіятельству списанную по приказанію Вашему Исторію царя Іоанна Васильевича, сочиненную княземъ Курбскимъ, съ разными добавленіями. По неимѣнію въ Архивѣ писцовъ я принужденъ былъ за 57 тетрадей заплатить сто рублей.

Его с—во графъ Сергій Петровичъ изволилъ передать мнѣ сумнѣніе Ваше, не пропущено ль какихъ грамотъ и договоровъ въ I части противъ изданныхъ Новиковыхъ въ Древней Библіотекѣ. На сіе мнѣю честь донести, что у Новикова дѣйствительно напечатаны во второй части три грамоты лишнія . . . , но сіи грамоты онъ включилъ вдвойнѣ . . . и предмѣстникъ мой никакого опущенія въ томъ не сдѣлалъ.

22 января
1815 г.

(Отпущъ. Отвѣтъ на это письмо — Переписка Румянцева, № 14).

№ 16.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во канцлеръ убѣдительнѣе проситъ ваше пр—во принять на себя трудъ прискать древнія богатырскія сказки о Бовѣ Королевичѣ, Евдонѣ и Берѣ и другіе, какія только есть древнія сего рода сказки и списки оныхъ ему доставить.

LVIII

Также онъ проситъ васъ, доставъ въ Синодальной Библіотекѣ слѣдующіи рукописи, приказать списать оныя :

- № 48. Житія и чудеса святыхъ российскихъ, а именно
Св. Леонтія, еписк. Ростовскаго, л. 1.
Св. Исаія, еписк. Ростовскаго, л. 38.
Св. Петра, митрополита Кіевскаго, л. 49.
Св. Игнатія, еписк. Ростовскаго, л. 46.
Св. Авраамія, архимандрита Ростовскаго, л. 70.
Св. Іоанна, архіеп. Новгородскаго, л. 91.
Св. Θεодора, князя Смоленскаго, л. 112.
Преп. Варлаама Хутынскаго, л. 131.
Стефана Новаго, архіеп. Сурожскаго, л. 136.
Св. Стефана, еп. Перискаго, л. 171.

№ 133. Патерикъ Святскій.

№ 155. Чего ради архіепископы Великаго Новгорода посятъ бѣ-
лые клобуки.

№ 174. Степенная книга }
№ 190. Степенная книга }   Сіи рукописи проситъ графъ сли-
чть только съ печатными, нѣтъ ли
въ нихъ какихъ либо противъ оной
неполнотъ.

№ 467. Патерикъ Печерскій . . . . Буде онъ полише и древнѣе
напечатаннаго, то графъ проситъ, сличивъ оный, тако-
вые мѣста для него выписать.

С.-Петербургъ,
15 Марта 1815.

(Оригиналъ. Ср. запросъ о томъ-же канцлера въ іюль — П е р е-
п и с к а Румянцова, № 25).

№ 17.

Малиновскій канцлеру.

Имѣю честь представить вашему сіятельству

1) извѣстіе объ открытіи мною другого древнѣйшаго списка ру-
кописи подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ. . . .

Москва,
2 июля 1815.

(Отпускъ).

№ 18.

Малиновскій канцлеру.

Имѣю честь представить вашему с—ву 33 рукописанія, по
приказанію вашему снятыя съ подлинниковъ, въ Архивѣ находящихся.

Есть-ли онѣ удостоены будутъ одобренія вашего, то дозволите ль пополнить ихъ другими, по временамъ открывающимися. Для Россійской Палеографіи нѣ лишнимъ кажется мнѣ помѣщать въ сіе Собраніе и снимки съ извѣстнѣйшихъ лѣтописей.

При всемъ личномъ благопріятствѣ ко мнѣ ризничаго, я встрѣтилъ непреодолимое препятствіе списывать что либо въ Библиотекѣ Патриаршей. Онъ буквально придерживается указа Синодскаго, а мнѣ очень бы желалось снять копіи съ грамотъ, въ представляемомъ реестрѣ значущихся, для дополненія I части Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Его с—во графъ Сергѣй Петровичъ препоручилъ отъ имени вашего с—ва узнать о изданныхъ г. Ключаревымъ¹⁾ Древнихъ российскихъ стихотвореніяхъ, всё ль оныя имѣлъ онъ въ старинной рукописи собранныя, или самъ по частямъ собиралъ. Въ исполненіе вашей воли я адресовался съ вопрошеніемъ о томъ къ ученѣйшему и близкому для издателя чиновнику, который ни самъ не могъ удовлетворить моему любопытству, ни свѣденіями другихъ не пояснилъ отвѣта своего. По моему мнѣнію, г. Ключаревъ большую часть изданнаго имъ написалъ со словъ сказочника, какіе и на моей уже памяти бывали въ старинныхъ господскихъ домахъ. Нелѣпости и анахронизмы подтверждаютъ мою догадку. Въ древнихъ же рукописяхъ случалось мнѣ замѣтить только сказки подъ слѣдующими названіями: Синагрицъ царь Адоровъ и Наливскія страны; Дѣянія прежнихъ временъ хрзбрыхъ чловѣкъ о борзости и силѣ; Сказаніе о Филипатѣ и Максимѣ и о храбрости ихъ; Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ и о восхищеніи Стратиговнѣ . . . .

Сентябрь 1815 г.

Москва.

(Отпускъ. Много позже, 15 марта 1820, самъ Румянцовъ запрашиваетъ о тѣхъ-же лубочныхъ сказкахъ уже изв. Берха, въ Пермь: « . . . постарайтесь объ отысканіи древнихъ списковъ нашихъ богатырскихъ сказокъ, не томо о российскихъ богатыряхъ, но даже о иностранныхъ, наковы суть — Бова Королевичъ, Евдонъ и Берса и тому подобныя . . . » (Дѣт о п и с ь заи. Археогр. Комисс., VI, II, 152).

¹⁾ До 1812 года Московскій почтъ-директоръ (род. 1754), а теперь сенаторъ. Въ 1804 имъ изданъ Кирша Даниловъ, о которомъ здѣсь запросъ. Сомнѣніе о принадлежності Ключареву перваго изданія Древнихъ российскихъ стихотвореній (Геннадіи, О л о в а р ь, II, 139) устраняется настоящимъ письмомъ. О самой рукописи Кирши, которая въ 1816 г. уже собственность Румянцова, см. Безсоновъ, оп. с., 57.

П. М. Строевъ Малиновскому.

Милостивый государь!

Находясь въ вѣдомствѣ Комиссiи снабженiя солью Государства въ чинѣ губернскаго секретаря, наиѣреваюсь нынѣ оставить сію должность и по извѣстной вашему пр—ву склонности моей къ ученымъ и историческимъ занятiямъ, имѣю желанiе продолжать свою службу въ Московскомъ Государственной Коллегiи Иностранныхъ дѣлъ Архивѣ и въ Комиссiи изданiя древнихъ государственныхъ грамматъ, на вакан-ию Главнаго Смотрителя, съ жалованьемъ по штату положеннымъ. Почему покорнѣйше прошу ваше пр—во о принятiи меня и употребленiи по сей части на пользу государственной службы. Обучался же я языкамъ латинскому, нѣмецкому, французскому и частію греческому, исторiи всеобщей и россійской, коей преимущественно посвятилъ себя, статистикѣ и начальнымъ основанiямъ математики, и съ 1812 г. доканчиваю курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ въ званiи своекоштнаго студента.

Съ истиннымъ почтенiемъ честь имѣю быть

Павелъ Строевъ.

10 декабря
1815 года.

(Оригиналъ).

Малиновскій канцлеру.

(Въ отвѣтъ на письмо изъ Гомеля отъ 29 октября)

. . . . Имѣю честь представить 48 рукописанiй тѣхъ книжескихъ дьяковъ, которые подписали напечатанныя въ I томѣ грамоты, и другихъ извѣстнѣйшихъ лицъ тамо упоминаемыхъ, также почерки одной изъ Архивскихъ лѣтописей и надпись съ древнѣйшаго евангелiя въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ хранящагося. Щастливымъ себя почту, есть-ли и сіе возложенное на меня порученiе послужить къ благодарности вашего с—ва.

За снятіе сихъ почерковъ заплачено г. Скотникову 300 рублей и соборному священнику 40 рублей и за портфель 5 рублей . . .

28 декабря 1815
Москва.

(Отпускъ).

№ 21.

Доношеніе Коммисіи канцлеру.

. . . . . 2) На опорожнившеся при Коммисіи мѣсто Главнаго Смотрителя не благоугодно-ли будетъ вашему с—ву избрать нѣсколько извѣстнаго уже по ученымъ своимъ занятіямъ губернскаго секретаря Павла Михайловича Строева съ произвоженіемъ годоваго по штату Коммисіи жалованія; но принять на себя сію должность онъ иначе не соглашается, какъ съ причисленіемъ въ службу Государственной Коллеги иностранныхъ дѣлъ къ Московскому ея Архиву; потому Коммисія и испрашиваетъ вашего покровительства ему.

3) Желательно для Коммисіи знать волю вашего с—ва, въ какомъ видѣ прикажете издавать акты, съ поправкою-ли правописанія, какъ изданы уже въ I части, или сохранять всю точность подлинниковъ безъ перемѣны буквъ и препинаній?

4) Поелику главное достоинство сего дипломатическаго изданія составляетъ безошибочная наблюдательность за каждою буквою, то необходимо имѣть при Коммисіи контръ-корректора вмѣсто отказавшагося отъ сей должности г. Шлецера, не соизволите ль ваше с—во возложить сіе на Московскаго университета профессора, г. Черепанова, соглашающагося за двѣ тысячи рублей годоваго жалованія заняться буквальною повѣркою списковъ съ подлинниками, также безостановочною корректурою при печатаніи и являться для сего въ Коммисію по три раза въ недѣлю . . . .

14 Февраля 1816 г.

(Отпускъ).

№ 22.

Малиновскій канцлеру.

Помѣщеніе Строева въ Комисіи печатанія замедлилось, и Малиновскій напоминаетъ :

. . . . Возобновляю мою покорнѣйшую просьбу къ вашему с—ву объ опредѣленіи къ дѣламъ Комисіи и о помѣщеніи въ Архивъ г.г. Строева и Колосова. Трудолобіемъ и усердіемъ къ службѣ перваго изъ нихъ до сихъ поръ я совершенно доволенъ . . . .

Москва 22 маія 1816 г.

(Отпускъ. Отвѣтъ на это письмо — Переписка Румянцева, № 32).

№ 23.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Съ пресвященнымъ Августинномъ я объяснялся о древней харатейной рукописи подъ названіемъ Небеса и въ отвѣтъ отъ него о напечатаніи сей книги получилъ, что онъ самъ собою дать на сіе дозволеніе не властенъ; а должно испросить оное отъ Синода, о чемъ обѣщаль самъ писать къ вашему с—ву. Изданіе въ свѣтъ сей древнѣйшей рукописи будетъ историческимъ памятникомъ для Россійской Словесности.

Другую книгу въ Патріаршей Библіотекѣ подъ № 15 хранящуюся, Леонасія Архіепископа Александрійскаго четыре слова на аріаны, я вытребовалъ уже оттуда и поручилъ г. Калайдовичу сдѣлать обстоятельное описаніе для представленія онаго вашему сіятельству.

Москва, 2 апрѣля 1817.

(Отпускъ. Отвѣтъ на письмо канцлера — Переписка Румянцева, № 49).

№ 24.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . Древнія Стихотворенія вышли уже изъ цензуры и вскорѣ надѣюсь представить отпечатанный листъ сего изданія съ подробнымъ донесеніемъ по сей части.

Москва, 16 апрѣля 1817.

(Отпускъ).

№ 25.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . Г. Калайдовичъ въ представляемомъ письмѣ на имя вашего с—ва пополнилъ прежнія свои замѣчанія на прежнюю (!) рукописную книгу Небеса и вновь изъясняетъ вамъ другую рукопись изъ Патріаршей-же Библиотеки подъ названіемъ: Аеанасія Архіепископа Александрійскаго четыре слова на аріаны и нѣкоторые другія рукописи, имѣющія связь съ двумя первыми . . .

Москва, 30 апрѣля 1817.

(Отпускъ. Письма Калайдовича нѣтъ).

№ 26.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . Волоколамская экспедиція въ самомъ началѣ обѣщаетъ уже много успѣха, что изъ двухъ писемъ ко мнѣ г. Строева¹⁾ усмотрѣть ваше с—во изволите. Препровождавшій его изъ любопытства въ Иосифовъ монастырь г. Калайдовичъ разказываетъ съ энтузіазмомъ о изобиліи тамъ историческихъ матеріаловъ и о крайнемъ небреженіи объ нихъ со стороны отцовъ святыхъ, но нескусныхъ. Новыми для исторіи открытіями отечество обязано будетъ единственно вашему с—ву. Одно только неудобство встрѣчается къ исполненію вашей воли въ томъ, что нѣтъ совсѣмъ переписчиковъ. Учители семинарскіе не знаютъ

---

¹⁾ Эти письма, 12 и 16 іюня—Переписка Румянцева, №№ 52, 53.

и не хотятъ знать старинной русской грамоты, и потому всё рѣшительно отказались отъ сей скучной для нихъ и утомительной работы; посторонніе изъ студентовъ университетскихъ просятъ несообразную за трудъ свой цѣну. Строевъ же, вида предъ собою богатую историческую жатву и не въ силахъ будучи одолѣть ея убѣдительноѣйше проситъ на подмогу писцовъ. Я съ своей стороны не остановился бы предстоящими на то издержками, ибо имѣю дозволеніе ваше тратить деньги; но главное затрудненіе состоитъ въ присканіи на дѣло сіе людей столько-же искусныхъ, сколько и охотливыхъ; а кто дорожится, на тѣхъ нельзя много полагаться; ибо имѣютъ одинъ интересъ въ виду и приобрѣтенныя при семъ свѣденія считаютъ за ничто. Усердіе мое къ исполненію удобнаго вамъ, сіятельный графъ, изыскиваетъ теперь всё способы, какъ-бы согласить личную корысть съ общепользынымъ обогащеніемъ.

Москва, 21 іюня 1817.

(Отпускъ).

№ 27.

Маллиновскій канцлеру.

. . . . Представляю также донесеніе г. Балайдовича о древней рукописи харатейной, отысканной имъ въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Москва, 28 іюня 1817.

(Это донесеніе — письмо Балайдовича въ канцлеру — Переписка Румянцова, № 54).

№ 28.

Въ «Вѣдомости о приходѣ и расходѣ за 1817 годъ значится:

Подъ 15 марта:

Г. контръ-корректору Балайдовичу, въ число слѣдующихъ ему за корректуру II части Собранія государственныхъ грамотъ тысячи рублей, выдано 150 рублей.

Подъ 31 іюля: ему-же 100 рублей.

(Ор. Переписка Румянцова, № 42, отъ 28 декабря 1816).

№ 29.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству второй листъ Судебника; третій также скоро получить изволите.

Москва, 25 апрѣля 1815.

(Отпускъ).

№ 30.

Доношеніе Калайдовича (и Кытовича) Малиновскому¹⁾.

Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при изданіи II части возложила на насъ обязанность смотрѣть за корректуру польскихъ грамотъ, въ сей части помѣщаемыхъ. Желая оправдать столь лестную для насъ довѣренность, мы продолжали печатаніе оныхъ съ возможною осмотрительностію, чего требовала отъ насъ важность бумагъ и собственное рвенію издать оныя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ оригиналъ; мы желали сего для блага исторіи отечественной, чести мѣста и похвалы собственной, ни мало не помышляя, что добрымъ ожиданіямъ нашимъ неблагонаимѣренность готовила уже свои ковы. Нѣсколько недѣль тому назадъ его с—во господинъ государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, неутомимо пекущійся о пользѣ и чести Коммиссіи, его иждивеніемъ и патриотическою ревностію учрежденной, изволилъ препроводить къ вашему пр—ву нѣсколько отпечатанныхъ листовъ латинскихъ и польскихъ грамотъ, съ иными ошибками, отмѣченными въ оныхъ г. Анастасевичемъ, прося васъ изслѣдовать справедливость словъ рецензента, и посему или отвергнуть оныя какъ неосновательныя, или заставить признаться издателей въ ихъ погрѣшностяхъ. Получивъ отъ вашего пр—ва шесть листовъ, отъ 59 по 65, мы почли обязанностію свѣрить оныя, не смотра на неоднократное уже сличеніе, вновь съ оригиналомъ. Въ листахъ сего сочиненія, раздѣленныхъ на четыре колонны и при семъ на благоусмотрѣніе вашего пр—ва представляемыхъ, означены: 1) слова оригинала, 2) какъ напечатано, 3) по правки

¹⁾ Чиновникъ Кытовичъ (изъ белорусовъ) корректировалъ польскія грамоты для Коммиссіи еще раньше.

Анастасевича и 4) замѣчанія издателей. Изъ сего открывается, что мы должны сознаться въ 10 самыхъ неважныхъ погрѣшностяхъ, еще прежде нами усмотрѣнныхъ, которыя у насъ означатся въ опечаткахъ; а всѣ прочія замѣчанія, числомъ 234, не приносятъ намъ ни малѣйшей пользы, ни г. Анастасевичу чести, котораго главная ошибка по видимому состояла въ томъ, что онъ погрѣшности оригинала, свойственныя правописанію того вѣка, почиталъ собственными поправками издателей. Замѣчанія рецензента о переводѣ польскихъ грамотъ совершенно одного рода; онъ исправлялъ старый переводъ ихъ, весьма благоразумно удержанный Коммиссіею. Послѣ сего съ нашей стороны остается пожалѣть о потерѣ времени, употребленномъ на сличеніе, а г. Анастасевичу пожелать больше скромности.

Контръ-корректоръ кандидатъ Константинъ Балайдовичъ.

12-го класса Константинъ Битовичъ.

Москва
1 мая
1818.

За этимъ слѣдуетъ пять листовъ самыхъ «замѣчаній». Въ концѣ ихъ зачеркнуто:

Мы бы еще представили нѣсколько возраженій въ доказательство ограниченныхъ свѣденій г. рецензента въ языкахъ латинскомъ, старинномъ и новомъ польскомъ, а особливо въ точности изданія; но онъ самъ первыи свои замѣчанія о нашихъ ошибкахъ заключилъ теми словами: есть многія и такіе, кои показываютъ о реографію своего вѣка, и сими-то признаніемъ, послѣ коего поправки его не имѣютъ никакой цѣны, совершенно насъ обезоружилъ.

(Рукою Балайдовича. Объ этомъ обвиненіи Анастасевича, что въ польскомъ текстѣ при печатаніи множество вкрадоса несправностей. — см. письмо канцлера къ Малиновскому 26 февраля. — Переписка Румянцева, № 80. Соблазнившіе Анастасевича польскіе акты находятся во II ч. Собранія, №№ 121 и слѣдующіе).

№ 31.

Доношеніе Коммисіи канцлеру.

Находящійся при сей Коммисіи на ваканціи чиновника коллежскій секретарь Павелъ Нестеровичъ болѣе двухъ лѣтъ находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что сей службы исправлять не въ состояніи,

а потому въ отвращеніе остановки при изданіи второй части грамотъ и договоровъ не благоугодно ли будетъ вашему с—ву, отчисливъ его, Нестеровича, отъ Комисіи, оставить на архивскомъ окладѣ; а на открывающуюся чрезъ то ваканцію принять извѣстнаго вашему с—ву университетскаго кандидата Константина Калайдовича; просьба же его о семъ съ приложеніемъ засвидѣтельствованныхъ копій съ аттестатомъ его препровождена уже къ вашему с—ву минушаго іюня 20 дня Управляющимъ сею Комисіею.

29 іюля 1818.

(Отпускъ. При Дѣлахъ ятъ просьбы Калайдовича. Ручкою Строева, который иногда подписывался: Главный смотритель и переводчикъ).

№ 32.

16 января 1819 года были пересланы изъ Синодальной Библіотеки и Волоколамскаго монастыря въ Комисію цѣлый рядъ славянскихъ рукописей, и, принявшій ихъ, Калайдовичъ сдѣлалъ имъ тогда-же собственноручно краткую опись:

Изъ Синодальной Библіотеки:

- 1) Іоанна Дамаскина книга Небеса, переводится Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, въ листъ, на пергаментѣ, подъ № 66¹⁾.
- 2) Шестодневъ, переведенный Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, въ листъ, на пергаментѣ, подъ № 277²⁾.
- 3) Аѳанасія архіепископа Александрійскаго Четыре слова на Аріанъ, переведенныя епископомъ Константиномъ въ 906 году. Рукопись на бумагѣ, въ листъ, подъ № 15³⁾.
- 4) Шестодневъ, переведенный Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, рукопись XVI в., въ 4, подъ № 129⁴⁾.
- 5) Такой же Шестодневъ, рукопись XVII в., въ 4, подъ № 128.

1) Отмѣчено позднѣйшею рукой: «Сія рукопись возвращена при бумагѣ за № 19, 19 марта 1825 г.».

2) Такая-же отмѣтка: «возвращена 9 сентября 1824 г.».

3) Такая-же отмѣтка: «возвращена 8 декабря 1821 г.».

4) Такая-же отмѣтка: «возвращена 9 сентября 1824 г.».

6) Оглавленіе книгъ кто ихъ сложилъ. Рукопись конца XVII в., въ 4, подъ № 262.

Изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря :

1) Книга, содержащая разныя слова Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ отцевъ, въ томъ числѣ Кирилла, епископа Туровскаго, и Іоанна Екзарха Болгарскаго. Рукопись въ листъ, подъ № 9.

2) Рукопись въ листъ, подобная предшествующей, подъ № 17.

3) Книга Іоанна Дамаскина О осьми частяхъ слова и Невеса, переведенная Іовномъ Екзархомъ Болгарскимъ, подъ № 82, въ листъ.

Означенныя рукописи, числомъ восемь (исключая Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ), изъ коихъ двѣ писаны на пергаментѣ, а остальные шесть на бумагѣ, принялъ кандидатъ 12-го класса Константинъ Калайдовичъ 16 января 1819 года.

(Рукою Калайдовича).

№ 33.

Прошеніе Калайдовича.

Всепресвѣтлѣйшій и вседержавнѣйшій, великій государь и пр. (по титулу) просить кандидата Константинъ Федоровичъ Калайдовичъ; а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты :

I.

Обучась въ императорскомъ Московскомъ университетѣ на собственномъ своемъ иждивеніи разными языкамъ и наукамъ, получилъ я въ ономъ степени кандидата словесныхъ наукъ, и въ службѣ вашего императорскаго величества нигдѣ не состою, и желаніе имѣю, по склонности моей и занятіямъ въ отечественной исторіи и Древностяхъ оной, служить при Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Того ради и прошу, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и въ

оную Комиссію меня опредѣлить въ званіи конбрь-корректора. На степень кандидата представляю въ копіяхъ университетскій дипломъ и свидѣтельство.

Всемилюстивѣйшій Государь! Прошу ваше императорское величество о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Прошеніе сочинялъ и писалъ я-жъ, кандидатъ Константинъ Федоровъ сынъ Калайдовичъ. Апрѣля   дня, 1819 года.

(Рукою Калайдовича).

Соріа.

Quod felix faustumque esse jubeat supremum numen! Sub auspiciis Augustissimi ac Potentissimi magni Domini Alexandri Primi, omnium Russiarum Imperatoris et Autocratoris, et cetera et cetera, et cetera; veniam dante Ministro Publicae Institutionis, Alexio Cyrillide comite a Rasumowsky, cons. intimo actuali, cubiculario Imperatorio, Consilii Imperialis membro, et equite ordinis s. Alexandri Newensis, annuente Universitatis Mosquensis Curatore, Paulo Joannide a Golenistzew-Kutusow, cons. intimo, senatore, et equite ord. s. Annae pr. classis; Magnifico Univ. rectore Joanne Heym, consiliario status, Statisticae professore P. O. et ord. s. Annae sec. cl. equite, promotor legitime constitutus Frid. de Matthei, professor linguae latinae et graecae p. o. et ordinis literarum humaniorum Decanus, viro praenobilissimo atque doctissimo Constantino Kalaidowitsch, propter egregia literarum humaniorum specimina atque optimos profectus, die XXVII Maii anni MDCCCX insignes in artibus humanioribus honores et privilegia Candidati rite contulit, cujus rei testes sunt hae literae, sigillo Universitatis munitae.

Senatui Academico a Secretis:

Joannes Dwigubski

p. p. o.

№ 25

(L. S.)

Mosquae

Typis Universitatis, 1810.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Изъ Совѣта императорскаго Московскаго университета кандидату словесныхъ наукъ Константину Ѳедорову сыну Балайдовичу дано сіе свидѣтельство въ томъ, что онъ, по силѣ 10-го § высочайше дарованной императорскому Московскому университету утвердительной грамоты, состоитъ съ 1810 года мая 27 дня въ 12 классѣ государственныхъ чиновниковъ. Февраля 24 дня 1818 года. Ректоръ Иванъ Геймъ. Секретарь Совѣта проэссоръ и кавалеръ Двигубскій. Коллежскій секретарь Подхватовъ.

(М. П.). № 19.

№ 34.

Малиновскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Препровождая просительное къ вашему с—ву письмо отъ г. Балайдовича о принятіи его въ дѣйствительную службу Коммисіи, безъ причисленія къ Архиву, съ переименованіемъ изъ кандидатовъ въ соотвѣтственный сему ученому званію чинъ губернскаго секретаря и съ жалованьемъ, обязаннымъ себя считаю ходатайствовать за него, какъ за человѣка для изысканія и обработки отечественныхъ древностей весьма способнаго. Въ продолженіе трехлѣтняго печатанія грамотъ онъ ежедневно былъ на глазахъ у меня, и я въ предосужденіе ему ничего замѣтить не могъ.

По особенному вашему благорасположенію, не соизволите-ль, ваше с—во, и переводчику г. Строеву испросить въ воздаяніе за всѣ труды его отличіе ордена св. Анны 3-го класса.

О наградѣ другаго чиновника, при Коммисіи находящагося, протоколста Прилуцкаго, ваше с—во приказали мнѣ сами напомнить вамъ при отпечатаніи II части государств. грамотъ. Онъ и писецъ, и корректоръ, и казначей. Трудолюбіе его, на усердіи къ службѣ основанное, и вѣрность таковы, что въ Коммисіи онъ одинъ замѣняетъ многихъ, а потому весьма заслуживаетъ отличенъ быть такимъ же орденскимъ знакомъ.

Предавая сіе представленіе мое и самого себя и пр. . . . .
Москва, 17 апрѣля 1819.

(Отпускъ, рукою самого Строева).

№ 35.

Графъ Нессельродъ Малиновскому.

Его Императорское величество высочайше указать соизволилъ въ 13 день сего мѣсяца опредѣлить кандидата Моск. университета Калайдовича къ Комисіи печатанія государств. грамотъ и договоровъ въ должности контръ-корректора съ переименованіемъ изъ кандидатовъ въ соответствующій сему ученому званію чинъ губернскаго секретаря.

Во исполненіе сей высочайшей воли я прошу ваше пр—во объявить объ оной упомянутому Калайдовичу, привести его къ присягѣ и учинить слѣдующій за чинъ губ. секретаря вычетъ на основаніи законовъ.

Согласно съ представленіемъ вашимъ г. государств. канцлеру отъ 17 минувшаго апрѣля оный Калайдовичъ въ вѣдомствѣ государственной Комисіи иностранныхъ дѣлъ и при московскомъ ея Архивѣ числиться не будетъ. Имѣю честь съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

ГР. НЕССЕЛЬРОДЪ.

Мая, 20 дня 1819 года, № 2946.

(Оригиналъ).

(Это сообщеніе получено было 2 іюня, 5 іюня учинена была присяга, къ которой приводилъ «Предтеченскій что въ быломъ Ивановскомъ монастырѣ священникъ Иродіонъ Іоанновъ», при свидѣтелѣ Строевъ, согласно предложенію Малиновскаго. Самъ канцлеръ объ опредѣленіи Калайдовича зналъ раньше — Переписка Румянцева, № 125. Ср. любопытный запросъ канцлера Малиновскому — тамъ-же, № 126, а также взаимную обсылку канцлера и Нессельрода, тамъ-же, стр. 354—355).

№ 36.

Формулярный списокъ Калайдовича.

Московского Общества испытателей природы адъюнктъ-членъ, имѣющій военную медаль за 1812 годъ, отъ роду 27 лѣтъ. Изъ дворянъ, сынъ покойнаго надвори. совѣтника Федора Дмитріевича Калайдовича. Въ доказательство его дворянства представилъ копию съ грамоты, данной ему отъ московскаго губ. предводителя дворянства ¹⁾). Положивъ

¹⁾ Грамота помѣчена 28 сентября 1819 г., за подписью Моск. губ. предв. двор. Оболяникова и уѣздныхъ. (Дѣла Комисіи за 1820 г.).

первыя начала ученія въ Елецкомъ народномъ училищѣ и въ Кіевской академіи, въ гимназію импер. Московскаго университета вступилъ 9 сентября 1799 г. и въ оной на своемъ коштѣ обучаясь разнымъ языкамъ и наукамъ, при публичномъ экзаменѣ произведенъ студентомъ. По принятіи въ университетъ (2 іюля 1807 г.) слушалъ профессорскія лекціи: 1) греческаго, латинскаго и французскаго языковъ, 2) всеобщей и російской исторіи и хронологіи, 3) краснорѣчія и поэзіи, 4) статистики, 5) умозрительной философіи, 6) теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, 7) политической экономіи, 8) антропологіи, 9) натуральной исторіи и сельскаго домоводства, 10) технологіи, 11) геометріи, тригонометріи и алгебры.

Участвуя въ дѣлахъ Общества испытателей природы въ званіи члена, сопутствовалъ (1809 г.) директору онаго для минералогическаго, ботаническаго и зоологическаго наблюденій въ Московской губерніи. За отличное прилежаніе и успѣхи удостоенъ степени кандидата. Въ продолженіи 3 лѣтъ (1810--1812) обучалъ въ университетской академической гимназіи російской исторіи и географіи, по собственному желанію, безъ жалованья, и въ то же время училъ онымъ предметамъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Раздѣляя труды Общества исторіи и древностей російскихъ въ званіи дѣйствительнаго члена онаго, занимался (1811, 1812 г.) порученнымъ изданіемъ Русскихъ Достопамятностей, коихъ первая часть и отпечатана. Въ теченіи полутора года (1811, 1812) читалъ, по назначенію университетскаго Совѣта, лекціи російской исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ. Въ іюлѣ же мѣсяцѣ (1812), внимая воззванію монарха и отечества, оставивъ университетъ и съ временнымъ увольненіемъ отъ онаго, явился (27 іюля) къ службѣ въ Московскую Военную Силу, съ переименованіемъ изъ кандидатовъ въ подпоручики, въ 5 пѣшій козацій полкъ, по расквартированіи коего подъ Москвою того же года причисленъ къ нижегородскому пѣхотному, изъ коего переведенъ по прежнему въ ополченіе, въ 8 пѣшій козацій полкъ и съ онымъ, по роспускѣ ополченія, возвратился въ Москву (11 іюля 1813), гдѣ тогда же причисленъ къ прежней службѣ университета. По отставкѣ изъ Московской Военной Силы награжденъ за 1812 годъ серебряною на голубой лентѣ медалью, высочайшимъ благоволеніемъ и мундиромъ ополченія (декабрь 1814).

По приглашенію государственнаго канцлера участвовалъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1817—1819), съ званіемъ контръ-корректора въ из-

даніи II части государств. грамотъ. Въ 1818, апрѣля 8; по прошенію изъ университета уволенъ. . . . .

(Рукою самого Балайдовича, по обычной формѣ послужныхъ списковъ. Нами извлечены болѣе любопытныя свѣдѣнія. Отрывки—помѣщены раньше въ указанномъ трудѣ г. Безсонова, стр. 55).

№ 37.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во графъ Николай Петровичъ въ письмѣ своемъ отъ 16 текущаго мѣсяца изъ Гомеля, изволилъ возложить на меня порученіе одинъ экземпляръ Слова о полку Игоревѣ препроводить къ вашему пр—ву и просить васъ покорнѣйше о принятіи на себя труда доставить оный отъ имени графа Михаилу Трофимовичу г. Каченовскому, коего труды и заслуги отечественной исторіи и словесности графъ премного уважаетъ.

Исполняя снѣмъ волю его с—ва, пользуюсь вмѣстѣ пріятнѣйшимъ случаемъ донести вашему пр—ву, что списки съ грамотъ, которые его с—во поручилъ мнѣ отыскать и доставить въ Архивъ, найдены мною у Ивана Андреевича Вейдемейера ¹⁾. Разсмотрѣвъ и повѣривъ ихъ по реестру, всѣ-ли оныя на лицо находятся, не премину просить его пр—во Василия Алексѣевича ²⁾ о препровожденіи ихъ изъ Коллегіи обратно въ Архивъ.

С. Петербургъ, 30 іюня 1819 г.

(Ср. Переписка Румянцева, № 128, 129: въ последнемъ письмѣ, отъ 22 іюня, самъ канцлеръ проситъ Малиновскаго передать экземпляръ Слова, въ изданіи Пожарскаго, Каченовскому. Изданіе-же это сдѣлано было на счетъ Румянцева, о чемъ онъ самъ признается въ письмѣ отъ 8 мая 1819 г.: «я сему любопытному появленію не совсѣмъ чуждъ» (тамъ-же, № 123).

¹⁾ Правитель канцеляріи Совѣта его величества, до преобразованія его въ Государственный Сперанскимъ въ 1810 году, а съ того времени членъ его, позже, послѣ оставленія Румянцовымъ министерства, завѣдывавшій послѣднимъ—до Нессельрода.

²⁾ Т. е. . . . . ?

Предписаніе канцлера Комисіи.

Комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

ПРЕДПИСАНІЕ.

Высочайшимъ его императорскаго величества имяннымъ указомъ, даннымъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ мая въ 21 день сего года, опредѣленному въ Комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ контръ-корректору губернскому секретарю Константину Калайдовичу, предписываю производить жалованье съ вышеозначеннаго числа по 600 р. на годъ изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи всѣхъ вообще книгъ, иждивеніемъ моимъ печатаемыхъ и въ пользу сей Комисіи предоставленныхъ ¹⁾).

Графъ Николай Румянцовъ.

1819 сентября 12 дня.

(Оригиналъ. Вероятно, отвѣтъ на просьбу Калайдовича—Переписка Румянцева, № 127. Ср. № 135).

№ 39.

Архіепископъ Тверскій Филаретъ Малиновскому.

Превосходительный господинъ,

Милостивый государь!

Въ слѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 10 октября сего года за № 20 объ отпечатаніи второй части собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, далъ я надлежащее тверской семинаріи правленію предложеніе. Послѣну же въ собственной моей библіотекѣ и первой части сего собранія еще нѣтъ: то покорнѣйше прошу изодатайствовать мнѣ отъ Комисіи печатанія по одному экземпляру обѣихъ частей, для чего какъ цѣну сихъ книгъ

¹⁾ Какъ видно изъ донесенія Малиновскаго Румянцову отъ 31 декабря 1819 года, канцлеръ представилъ въ пользу Комисіи слѣд. свои изданія: Древнія російскія стихотворенія и Судебникъ.

70 р., такъ и въсовыя деньги 16 р. и увязку 1 р. 60 к. и полу-
процентныхъ 70 коп., а всего 88 р. 30 коп. при семъ препровождаю.

Съ глубочайшимъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю долгъ быть
вашего превосходительства
милостиваго государя
покорнѣйшій слуга и Богомолецъ
Филаретъ Архіепископъ Тверскій.

№ 226

ноября 26 дня
1819

№ 40.

Малиновскій Н. Ив. Евреинову.

По послѣднему отношенію моему къ вашему пр—ву 6 октября
истекшаго 1819 года оставлены были въ Комисіи печатанія государ-
ственныхъ грамотъ пять славянскихъ рукописей Синодальной библио-
теки подъ № 66, 227, 15, 192/н г и 193/н д, срокомъ на три мѣсяца.
Хотя означенный срокъ въ семь генварѣ мѣсяцѣ и окончился, но Ком-
исіи имѣеть еще въ оныхъ рукописяхъ надобность; почему покор-
нѣйше прошу ваше пр—во оставить ихъ еще на три мѣсяца и при-
казать отпустить къ тому двѣ греческихъ рукописи: Слова Іоанна Лѣт-
вичника и Петра Дамаскина подъ № 351 и 386, подъ росписку кол-
лежскаго протоколиста Іоасафа Горлицкаго. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

№ 1, генваря 12 дня 1820 г.

На просьбу Комисіи Синодальная Контора отвѣчала согласіемъ,
отъ 24 февраля.

Черезъ три мѣсяца таже просьба повторяется—продлить еще на
три мѣсяца, отъ 26 мая, а кромѣ того отпустить двѣ славянскія ру-
кописи и одну греческую, подъ №№ 82, 351 и 379, все на перга-
минѣ, «подъ названіемъ Іоанна Зонара толкованіе тропарей», подъ
росписку губ. секретаря Б. Калайдовича.

7 іюня 1820 г. Контора отвѣчала согласіемъ.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Изъ послѣдняго вашего письма съ удовольствіемъ удостовѣряюсь, что возвращенный мною къ вамъ манускриптъ родословія россійскихъ государей, принадлежащій государственному архиву, вами возвратно полученъ. Теперь препровождаю къ вашему превосходительству врученныя мнѣ списки съ грамотъ, заготовленныхъ для изданія третьяго тома; прикажите пожалуйста вновь кому нибудь сіи списки пересмотрѣть осторожно, въ нихъ вкралися ошибки, и я здѣсь умалчиваю о простыхъ опискахъ, каковы суть, повтореніе тѣхъ же словъ, замѣненіе въ торопости нѣкоторыхъ литеръ другими, буду теперь съ вами бесѣдовать объ ошибкахъ другаго рода, къ которымъ статья можетъ и самъ выведу заключеніи несовершенно основательными, что предаю на благосмотрѣніе ваше.

1) Въ грамотѣ 18, въ первой строкѣ сказано, что царь и великій князь Михайло Федоровичъ пожаловалъ царевича Арслана на Касимовъ въ цари, и въ грамотѣ точно видно, что ходилъ онъ благодарить царевича Федора Борисовича, изъ чего заключить должно, что пожаловалъ его царь Борисъ Федоровичъ, а не царь Михайло Федоровичъ, и слѣдов. въ III томѣ грамоту сію помѣстить не можно. Заключение мое и тѣмъ утверждается, что при концѣ того документа пишется, что государь и великій князь Борисъ Федоровичъ велѣлъ идти къ себѣ, также и въ обозначеніи года при оглавленіи стоялъ 1600 г., которой помянутъ и замѣненъ 1614.

2) Нумеры 22 и 23 мнѣ кажутся одинъ и тотъ же документъ, съ тою разницею, что нѣсколько страницъ во второмъ добавлены на-ходятся.

3) Въ грамотѣ 50 присяга дается царю Алексѣю Михайловичу въ 1645 г. и матери его, безъ упоминанія супруги, а въ 51 документѣ того же года присяга дается тому же царю безъ упоминанія матери, а съ упоминаніемъ не токмо супруги, но даже сына, нѣтъ ли въ обозначеніи одинакого года для сихъ двухъ документовъ ошибки?

4) Въ обозначеніи грамоты № 81 сказано, и вѣроятно правильнѣе, что она пожалована генералъ-поручику Томасу Деліелю, а въ самой грамотѣ тоже имя писано Томасъ Далалъ.

5) Въ грамотѣ № 82 стоитъ ближнему боярину и песнику Вологодскому, безъ сумнѣнія ошибкою вмѣсто и наиѣстнику Вологодскому.

Всѣ сія замѣчанія какъ не очень важныя могутъ вамъ причинить скуку: но да послужутъ онѣ передъ вами доказательствомъ того теплаго участія, которое я беру въ совершенствѣ изданія государственныхъ грамотъ и для того даже прошу васъ, милостивый государь мой, поручить кому-либо изъ подчиненныхъ вашихъ точно пересмотрѣть, не существуютъ ли уже напечатанными нѣкоторыя изъ сизъ грамотъ въ обѣихъ коллекціяхъ Древней Вивліофики, или въ журналѣ г. Туманскаго ¹⁾ и нѣмъ какомъ-либо періодическомъ сочиненіи; объ такихъ грамотахъ, коли сочтется нужнымъ повторить ихъ изданіе, то кажется причину тому заявить въ предисловіи.

Въ томъ же духѣ пристрастія къ III тому государственныхъ грамотъ препровождаю къ вамъ оригинальную грамоту царя Алексѣя Михайловича, пожалованную Щепоткину, которую я обязался съ крайнимъ объ ней береженіемъ возвратить. Прикажете пожалуйте съ нее снять два списка, одинъ ко мнѣ съ возвращеніемъ грамоты пришлите, а второй оставьте при Государственномъ Архивѣ, и ежели найдете, что сія грамота точно не издана, то кажется она бы заслуживала помѣщеною быть въ издаваемомъ III томѣ.

На сизъ днѣхъ писалъ я къ г. Балайдовичу, прося нѣкотораго поясненія о купленномъ мною здѣсь на пергаментѣ писанномъ Евангеліи и при немъ свитцахъ, поручая ему обратиться къ вашему пр—ву отъ меня съ тою же просьбою; прибавте пожалуйте сіе одолженіе къ столь многимъ мнѣ уже показаннымъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь мнѣю быть
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Графъ Николай Румянцовъ.

С. Петербургъ,
3 апрѣля 1820 г.

(Оригиналъ).

(Помѣтка рукою Малиновскаго: получено 15 апрѣля 1820 г. Упоминаніе объ этомъ письмѣ—Переписка Румянцева, № 161, стр. 154).

¹⁾ Туманскій, Феодоръ Осиповичъ, трудолюбивый собиратель матеріаловъ для исторіи Петра Великаго, писатель конца XVIII столѣтія. Съ 1792 по 1794 годъ издавалъ «Россійскій Магазинъ». Этотъ журналъ и мнѣсть въ виду канцлеръ.

А. И. Янишъ Малиновскому.

Въ августѣ 1820 была уже куплена бумага для III части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», и управляющій канцлера, А. И. Янишъ, препровождая Малиновскому 10 тысячъ рублей на уплату за бумагу, писалъ 5 августа ему:

. . . . Государственный канцлеръ получилъ во вторникъ почту довольно рано, пообедалъ въ 12-мъ и поѣхалъ въ 2 часа, а ночевалъ, вѣроятно, на второй станціи.

(Рѣчь идетъ о пути изъ Гомеля въ Петербургъ, куда канцлеръ прибылъ около половины августа. См. Переписку Румянцева, № 170).

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во государственный канцлеръ въ письмѣ своемъ изъ Гомеля отъ 12 числа минувшаго сентября поручилъ мнѣ взять въ его кабинетъ 2 экземпляра Льва Діакона на греческомъ и латинскомъ языкахъ и препроводить ихъ вашему пр—ву, одинъ для библіотеки Архива, а другой для собственной вашей, которые съ самою же почтою и имѣю честь препроводить къ вамъ.

Въ исходѣ Августа мѣсяца, по приказанію же его с—ва, препровождена мною въ Комиссію печатанія государственныхъ грамотъ 300 экземпляровъ книги, подъ названіемъ: Исслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи¹⁾. Книги сей напечатано иждивеніемъ его с—ва всего 600 экземпляровъ, изъ числа коихъ 35 экземпляровъ употребилъ графъ собственно для себя, а остальные затѣмъ 565 экземпляровъ изволилъ предоставить Комиссіи для распродажи при оной въ числѣ прочихъ изданныхъ его с—вомъ книгъ. Раздѣливъ, по волѣ же его с—ва, изданіе сіе на двѣ части, 300 экземпляровъ отправлено мною въ Комиссію, а 265 экземпляровъ отдано здѣсь на комиссію братьямъ Сленнымъ²⁾. Долгомъ поставляю донести при семъ вашему пр—ву, что за переплетъ всего 565 экземпляровъ, равно и за иллю-

¹⁾ Т. е. переводъ Д. Языкова изв. «Untersuchungen» Лерберга.

²⁾ Известная въ свое время книжная фирма въ Петербургѣ.

миновку или раскрашеніе находящейся при сей книгѣ 500 экземпляровъ карты (ибо 100 экземпляровъ карты раскрашено было на иждивеніи его с—ва) уплочено изъ суммы вырученной здѣсь комиссіонерами братьями Слениными.

За сими и пр.

30 сентября 1820,
С.-Петербургъ.

(Оригиналъ. Помѣтка рукою Малиновскаго: получено 8 сентября 1820. Вѣроятно, въ помѣтѣ письма ошибка: «сентября» вм. октября. Ибо и въ текстѣ ссылка на письмо канцлера отъ 12 сентября, когда канцлеръ опять былъ въ Гомелѣ).

№ 44.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во государственный канцлеръ въ письмѣ своемъ отъ 26 минувшаго октября изволилъ поручить мнѣ: изъ новоотпечатаннаго здѣсь изданія на русскомъ языкѣ Исторіи Льва Діакона, отчисли 50 экземпляровъ въ библіотеку его с—ва на разные раздачи, остальные затѣмъ 500 экземпляровъ пустить въ продажу здѣсь въ Петербургѣ и Москвѣ для умноженія выручаемаго отъ продажи книгъ капитала состоящей подъ управленіемъ вашего пр—ва Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Получивъ отъ г. Круга (подъ надзоромъ коего печаталась сія книга) означенные 500 экземпляровъ, половинное число изъ сего количества немедленно отдалъ въ продажу на комиссію здѣсь братьямъ Сленинымъ, а другую половину, т. е. 250, поручилъ мнѣ же, Сленинымъ, задѣлавъ бережно въ тюкъ, въ двухъ связкахъ препроводить въ Москву. Цѣну сей книги его с—во представилъ мнѣ опредѣлять съ совѣта вашего пр—ва или Ф. И. Круга. Посоветовавшись съ послѣднимъ, для скорѣйшаго пущенія оной въ продажу, мы опредѣлили по 5 рублей. Впрочемъ буде ваше пр—во найти изволите цѣну сію слишкомъ умѣренной; въ такомъ случаѣ можно будетъ и повысить оную.

Изъ числа 50 экземпляровъ, которые внесены въ библіотеку графскую, его с—во поручилъ мнѣ разослать по экземпляру къ разнымъ особамъ, въ томъ числѣ четыре экземпляра препроводить къ вашему пр—ву, изъ коихъ два экземпляра собственно для васъ, а по экземпляру для врученія отъ имени его с—ва г. Каченовскому и г. Балай-

довичу. Исполняя такое порученіе, я съ сею же почтою имѣю честь препроводить оныя четыре экземпляра къ вашему пр—ву. Между тѣмъ долгомъ своимъ поставлю довести до свѣдѣнія вашего, что книги сей печатано всего ползавода, т. е. 600 экземпляровъ, изъ коихъ 550, какъ выше показано, выдалъ мнѣ г. Кругъ, а въ остальныхъ затѣмъ 50 экземплярахъ, не давъ мнѣ отчета, вѣроятно, относился письменно къ графу о предоставленіи ему оныхъ.

Виѣняю себѣ также въ пріятѣйшую обязанность испросить воли вашего пр—ва: не прикажете-ли, по случаю истеченія сего года, сдѣлать расчетъ съ книгопродавцами, Слениными, сколько продано книгъ, принадлежащихъ Комисіи, и сколько остается на лицо; на сіе имѣю честь ожидать рѣшенія Вашего.

Затѣмъ и пр. . . . .

Ноября 19 дня
1820 года.
С. Петербургъ.

(Оригиналъ).

№ 45.

Наказъ Малиновскаго чиновникамъ Комисіи.

. . . . Немедленно приступить къ окончательному изготовленію для III части Собранія назначенныхъ матеріаловъ и отъ сего числа чрезъ двѣ недѣли непремѣнно начать печатаніе I отдѣла . . . . Исключить сокращенія, удержатъ слова и реченія неприкосновенными касательно старинной грамматической оныхъ переѣны . . . . Отпечатывать въ недѣлю никакъ не менѣе двухъ листовъ . . . .

1) На отвѣтственности Главнаго Смотрителя лежитъ повѣрнѣ и переправка вновь описей и совершенное во всемъ приготовленіе оригиналовъ къ печатанію, равно и составленіе по алфавиту росписей историческимъ и географическимъ наименованіямъ во всѣхъ трехъ частяхъ.

2) Помощники Главнаго Смотрителя обязаны заняться сверхъ чтенія корректуры . . . . изготовленіемъ актовъ для втораго и третьяго отдѣленій.

3) Главная обязанность контръ-корректора должна состоять въ

предварительной провѣркѣ списковъ съ оригиналами и исправки ихъ, въ чтеніи послѣднихъ корректуръ и вообще въ надзорѣ за исправностію и точностію изданія.

(Отъ 17 января 1821 года. Ср. Переписка Румянцева, № 184. Полностью напечатанъ этотъ напечатанъ тамъ-же, стр. 356—357. Мы его сохранили оригинальности ради).

№ 46.

В. И. Берхъ канцлеру.

Ваше сіятельство, милостивый государь!

При семъ честь имѣю препроводить къ вашему с—ву опись тѣмъ грамотамъ, о коихъ имѣлъ щастіе увѣдомлять ваше с—во въ послѣднемъ письмѣ моемъ, не взирая на то, что часть изъ нихъ уже напечатана; но остальные послужатъ богатымъ матеріаломъ для третьяго тома Собранія.

Съ чувствомъ etc. **Василій Берхъ.**

23 декабря 1820

Пермь

(Въ этой описи перечислены—72 грамоты (1505—1705). Въ концѣ описи идетъ указаніе отличій въ текстѣ грамотъ, напечатанныхъ во II томѣ Собранія, противу оригиналовъ, находящихся у него, Берха, и нѣкоторыя толкованія его. Коммисія отвѣчала на указаніе этихъ недостатковъ, что ею напечатано буквально такъ, какъ стоитъ въ ея архивскихъ спискахъ, а «затѣйливыя чтенія» Берха—кое-гдѣ простыми описки.—О В. И. Берхѣ, елота лейтенантъ, канцлеръ въ письмѣ Малиновскому отъ 17 ноября 1819 выражается: «одинъ изъ моихъ пріятелей, жительствующій въ Пермѣ»—Переписка Румянцева, № 144. О нашей описи, «прелюбпытномъ реестрѣ», тамъ-же № 183).

№ 47.

По поднесеніи государю императору 3 части Собранія, Румянцовъ былъ удостоенъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта:

«Графъ Николай Петровичъ! Получивъ 3 часть Государственныхъ грамотъ и договоровъ, я увидалъ съ особеннымъ удовольствіемъ новый опытъ неусыпнаго попеченія, прилагаемаго вами къ совершенію изданія

сей полезной книги. Успѣхъ въ дѣлѣ семъ я долженъ приписать ревностному содѣйствію вашему и отличному усердію, коимъ все продолженіе службы вашей и прежде ознаменовано было. Виѣняя себя въ пріятную обязанность возобновить вамъ искреннюю мою признательность, я поручаю вамъ объявить благоволеніе мое трудившимся при изданіи сей книги. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ Александръ.
Каменный Островъ, Августа 2 дня 1822.

(Копія).

№ 48.

4 августа статсъ-секретарь Нессельродъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, извѣщалъ Румянцева:

... государь императоръ въ уваженіе ходатайства вашего с—ва за губ. секретаря Калайдовича высочайше повелѣтъ соизволилъ опредѣлить его въ вѣдомство Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ причисленіемъ къ Московскому ея Архиву и при томъ всемплощивѣйше жалуетъ его кавалеромъ ордена св. Анны третьей степени...

(Эта награда—въслѣдствіе «предстательства» Мадяновскаго. Ср. Перески у Румянцева, № 245).

№ 49.

П. М. Строевъ канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Въ 1815 году удостоился я особенной чести, бывъ призванъ вашимъ с—вомъ къ занятію должности Главнаго Смотрителя въ Бюроисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Съ того времени я участвовалъ въ изданіи 2 и 3 частей оныхъ; описалъ, по велѣ вашему с—ва, болѣе тысячи рукописей, въ разныхъ монастыряхъ находящихся; издалъ Законы великаго князя Іоанна Васильевича; привелъ къ окончанію печатаніе Временника Свѣдѣнскаго и по временамъ удостоивался другихъ значительныхъ порученій.

Милостивые и одобрителные отзывы вашего с—ва, словесно и письменно мнѣ неоднократно изъявленные, и орденскій знакъ св. Анны, грудь мою украшающій, суть достаточныя свидѣтельства, что всѣ дѣланныя мнѣ порученія были исполняемы съ точностію, каковая только отъ силъ моихъ и способностей зависѣла.

Но, неумѣренная страсть къ занятіямъ ученымъ мало по малу растроила крѣпкое до того сложеніе моего тѣла. Отъ напряженнаго чтенія древнихъ рукописей зрѣніе мое начало притупляться примѣтно; всегдашнія трудныя упражненія причинили ослабленіе груди, а сидячая жизнь, при всей молодости лѣтъ моихъ, подвергла частымъ имородіальнымъ припадкамъ. Въ 1820 г. двухмѣсячное пребываніе въ Малороссіи, разсѣянность и движеніе подкрѣпило было значительно тѣлесныя мои силы; но послѣдовавшія затѣмъ непрерывныя занятія снова растроили мое здоровье. Не знаю, позволить ли позднее уже время нынѣшняго лѣта провести хотя недѣли двѣ или три внѣ столицы.

По сей причинѣ я нахожусь внѣ всякой возможности продолжать службу въ настоящемъ моемъ званіи и участвовать въ изданіи 4 части Собранія государственныхъ грамотъ: особенно же когда, по волѣ вашего с—ва, возложено на меня одного составленіе алфавитныхъ росписей, къ ней принадлежащихъ. Сочиняя подобныя росписи къ Временнику Софійскому, я почувствовалъ всю тяжесть сего дѣла и при всемъ усердіи къ скорѣйшему ихъ окончанію, употребилъ на то болѣе десяти мѣсяцевъ. На собственное благоразсужденіе ваше, сіятельный графъ! предоставляю, сколько потребно времени и какихъ трудовъ на подобное предпріятіе для четырехъ частей грамотъ, которыя числомъ печатныхъ листовъ въ шесть разъ превосходятъ Временникъ Софійскій! Растроенное здоровье мое не вынесетъ сего труда утомительнаго и, могу сказать, гибельнаго.

Находясь въ такихъ лѣтахъ, отъ удачнаго употребленія которыхъ зависить будущее благосостояніе жизни; при состояніи слишкомъ незначительномъ и съ здоровьемъ, растроеннымъ отъ неумѣреннаго трудолюбія, самая необходимость заставляетъ меня обратить надлежащее вниманіе на улучшеніе перваго и возможное сбереженіе послѣдняго.

Благоволите, сіятельный графъ! изъявить милостивое согласіе ваше на увольненіе меня отъ должности Главнаго Смотрителя, которую растроенное здоровье мое болѣе занимать мнѣ не позволяетъ. При всегдашнемъ отличномъ ко мнѣ расположеніи Алексѣя Федоровича, я нахожусь въ полной увѣренности, что его пр—во изволитъ мнѣ великодушно остаться при Архивѣ, безъ жадованья, на нѣкоторое время,

пока благопріятный случай не расположитъ будущимъ жребіемъ моей жизни и службы.

Да не подумаете, сіятельный графъ, чтобы симъ откровеннымъ представленіемъ невозможности дальнѣйшаго отправленія занимаемой мною должности я имѣлъ въ виду испрошеніе какой либо новой милости отъ вашего с—ва. Исполнять приказанія начальства и ничего не просить было всегдашнимъ правиломъ моей службы.

Съ февраля мѣсяца 1816 г. по настоящее время я получалъ казеннаго жалованья по 600 р. ежегодно. За разными особенными порученіями я имѣлъ щастіе получить въ разные времена до 3000 р.; всего около 7000 руб. Разложивъ сію сумму на семь лѣтъ службы моей въ Комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ выдеть не болѣе 1000 р. ежегодно. Простите великодушно, сіятельный графъ, если я симъ неумѣстнымъ расчетомъ осмѣлился обременять милостивое ваше вниманіе. Намѣреніе мое единственно состоитъ въ томъ, чтобы представить вашему с—ву всегдашнюю мою умѣренность и что не какіе либо виды награды или прибытка, но единая страсть къ отечественной исторіи и желаніе заслужить лестное для всякаго покровительства вашего с—ва быши главною побудительною причиною семилѣтней службы моей подъ высокимъ вашимъ начальствомъ. Могу ли не скорбѣть, оставляя любимѣйшія мои занятія!

Оставляя званіе Главнаго Смотрителя Комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ я лишуюсь щастія быть подчиненнымъ особѣ вашего с—ва; но могу ли исключить себя изъ числа Вами благодѣтельствуемыхъ? Да не прекратится чрезъ сіе, сіятельный графъ, милостивое и великодушное ваше мнѣ покровительство! Съ моей стороны, гдѣ-бъ я ни былъ, ревностнѣйшее исполненіе воли и приказаній вашего с—ва будетъ всегдашнею и священнѣйшею моею обязанностію.

Съ особеннымъ къ особѣ вашего с—ва и пр.

Павелъ Строевъ.

17 августа
1822.

(Оригиналъ. Оно напечатано въ известной книгѣ г. Барсукова «П. М. Строевъ», стр. 54—56. Что жаль было разставаться Малиновскому, это ясно. Но канцлеръ ни на минуту не сожалѣлъ, какъ видно изъ слѣд. № 50 лаконическаго письма).

№ 50.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Главный смотритель при Комиссiи печатанiя государственныхъ грамотъ титул. совѣтникъ Строевъ письменно просилъ меня, по причинѣ разстроеннаго здоровья, объ увольненiи отъ должности, имъ занимаемой. Не находя въ томъ съ моей стороны препятствiя, представляю Комиссiи уволить его на законномъ основанiи съ похвальнымъ о службѣ его при оной аттестатомъ, которому, какъ извѣстно вашему пр—ву, онъ точно право имѣеть.

Съ истиннымъ почтенiемъ etc.

23 августа
1823 г.

(Оригиналъ).

№ 51.

1 сентября 1822 былъ выданъ Строеву аттестатъ отъ Комиссiи печатанiя:

. . . . должность и поручаемыя отъ начальства дѣла исправлялъ онъ съ примѣрнымъ трудолюбиемъ, отличнымъ усердiемъ и знанiемъ, и велъ себя весьма похвально.

№ 52.

Малиновскiй канцлеру.

Сiятельный графъ

Милостивый государь!

По увольненiи г. Строева отъ дѣлъ Комиссiи печатанiя государственныхъ грамотъ и договоровъ угодно было вашему с—ву поручить

мнѣ, чтобъ я прискалъ на упалое мѣсто человѣка съ дарованіями и приличными для Коммисіи знаніями. Въ исполненіе воли вашей выбор мой палъ на профессора Духовной Академіи Василія Васильевича Херсонскаго. Принялъ отъ него просьбу на Высочайшее имя, послужной списокъ, аттестаты и вновь узаконенную подписку, представляю здѣсь на благоусмотрѣніе ваше.

Не могу умолчать при семъ и объ изъявленномъ мнѣ желаніи отъ г. Балайдовича быть переимѣненнымъ на ваканцію главнаго смотрителя, а званіе контръ-корректора предоставить г. Херсонскому съ обязанностию имѣть наблюденіе за корректурой, какъ и прежде. Просить о семъ побуждаетъ его одно желаніе пользоваться титуломъ главнаго смотрителя.

Представляю все сіе на благоусмотрѣніе вашего с—ва и испрашивая вашего рѣшенія, имѣю честь etc.

№ 68

12 октября 1822.

(Отпускъ. Представленіе любопытное: какъ глубоко понималъ душу Балайдовича его высочинный начальникъ! А разница была даже въ содержаніи: смотритель получалъ постоянное, а не случайное содержаніе . . . Ср. № 54).

№ 53.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Изъ письма, каковыми удостоить меня изволили отъ 12 текущаго мѣсяца, усмотрѣвъ, что вы желаете на ваканцію г. Строева принять въ Коммисію печатанія государственныхъ грамотъ В. В. Херсонскаго, который былъ профессоромъ Духовной Академіи, я не только даю на то свое согласіе, но даже прошу васъ сіе привести въ исполненіе, предсказывая себѣ, по удостовѣренію вашему, всякую пользу Коммисіи отъ сего чиновника.

Чтоже касается до изъявленнаго вашимъ пр—вомъ желанія г. Балайдовича поступить на ваканцію Главнаго Смотрителя, а г. Херсонскому быть въ званіи контръ-корректора, и ему г. Балайдовичу продолжать смотрѣть по прежнему за корректурой, сіе представляю совершенно волю вашей; кой часъ оно совмѣстно съ обыкновеннымъ по-

LXXXVII

рядкомъ службы. Нельзя не воздать г. Балайдовичу той справедливости, что труды его для Коммисіи полезны.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

Гомель

20 октября 1822.

(Оригиналъ. Ручю Малиновскаго: «получено 30 октября 1822». Отвѣтъ дипломатическій. Но и Малиновскій понялъ волю канцлера. Ср. слѣд. №. Ср. Переписку Румянцова, № 253).

№ 54.

Концептъ опредѣленія Коммисіи.

. . . . Въ сходственность изъясненнаго на то господиномъ канцлеромъ согласія, опредѣлить его Херсонскаго въ званіе контръ-корректора съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ изъ суммъ выручаемыхъ изъ продажи книгъ; а занимавшаго то мѣсто губ. секретаря Балайдовича, какъ опытнаго въ изданіи актовъ и заслуженнаго уже чиновника, перевести на ваканцію Главнаго Смотрителя, съ жалованьемъ штатнымъ, по 600 же р., назначивъ производство онаго обнимъ съ 20 числа Октября.

(Отпускъ).

№ 55.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому

что согласно волѣ канцлера книги отобраны у Слениныхъ и переданы на комисію Россійской Академіи комисіонеру Василію Правильщникову. Далѣе извѣщаетъ, что оправданіе его долгаго молчанія

. . . . болѣзнь моя, потомъ необыкновенныя занятія по службѣ, а равно и трудъ по исправленію японскаго словаря для его-же сѣятельства».

С.-Петербургъ,
30 октября 1822.

(Оригиналъ).

Доношеніе Калайдовича Малиновскому.

13 ноября Херсонскій представилъ «сумѣнія» относительно составленія указателя историческихъ и географическихъ именъ въ Собраніи¹⁾. Революція Малиновскаго: «разрѣшить прописанныя здѣсь сумѣнія представляю Главному Смотрителю». Вслѣдствіе этого 15 ноября Калайдовичъ доносилъ Малиновскому:

По волѣ вашего пр—ва я разсматривалъ представленныя вамъ г. кнотрь-корректоромъ Херсонскимъ нѣкоторыя затрудненія, встрѣтившіяся при составляемой имъ росписи историческихъ и географическихъ именамъ въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ разрѣшеніе сихъ затрудненій долгомъ поставляю предложить мое мнѣніе.

На 1-ое: Должно ли цифровать страницу при упоминаніи какаго либо достоинства или званія, когда извѣстно къ какому лицу оно относится? — Безъ сомнѣнія должно, ибо здѣсь въ имени достоинства обнаруживается самое лице.

На 2-ое: Названія монастырей и церквей слѣдуетъ ли помѣщать въ указателѣ? — Слѣдуетъ; но лучше въ особенной росписи, по примѣру находящемуся во Временникѣ. Объ иконахъ упоминать не должно.

На 3-іе: Когда извѣстны, къ какому лицу относятся означенныя достоинства или чины, то оныя должны ли имѣть мѣсто въ росписи? — Нѣтъ, ибо такое указаніе ни къ чему не послужитъ.

На 4-ое: Князья великіе и удѣльные, а также и духовныя особы, разнообразно въ грамотахъ подъ именами Іоанновъ и Ивановъ напечатанныя, какъ должны означаться? — Въ семъ случаѣ для единообразія приличнѣе послѣдовать церковному выговору, а всѣ прочія историческія лица помѣстить подъ гражданскимъ названіемъ.

На 5-ое: Не важныя историческія лица, имѣющія отношенія къ другимъ извѣстнымъ, должно-ли показывать въ росписи? — Должно означать всѣ вообще историческія лица, выставляя оныя въ томъ видѣ, въ какомъ находятся въ грамотахъ: Еска, Афоней, Юрьевъ и пр. Объясненіе сихъ именъ, если извѣстно, можно вмѣстить въ скобкахъ.

¹⁾ Этотъ указатель былъ заказанъ самимъ канцлеромъ. Еще 20 февр. 1817 онъ писалъ Малиновскому о прибавленіи къ реестру собств. именъ и именъ географическихъ, селъ, деревень и пр. (Шереписка Руманцова, № 75). Онъ-же былъ поводомъ къ оставленію Комисіи Строевымъ.

На 6-е: Имена слободокъ, селъ и деревень вносить ли въ Географическую роспись? — Безъ сомнѣннй.

На 7-ое, 8-ое и 9-ое: Какъ грамоты по составу своему совершенно разнятся отъ лѣтописей и показаніе дѣйствій какого нибудь лица будетъ невозможнымъ, то нужно ли въ семъ случаѣ послѣдовать росписи, въ извѣстному Временику приложенный? — Не излагая жизни лицъ можно только удовольствоваться при означеніи имени однимъ показаніемъ страницъ, на которыхъ оное упоминается.

Въ сему могу дополнить, что если гдѣ-либо въ описаніи грамотъ встрѣтятся историческія лица и географическія названія, въ самихъ бумагахъ не упоминаемыя, но извѣстныя Комисіи по другимъ актамъ, то оныя также слѣдуетъ внести въ роспись, оставляя однако историческія примѣчанія, присоединенныя къ нѣкоторымъ грамотамъ, помѣщеннымъ въ I части.

Впрочемъ порядокъ росписи самъ собою открыться можетъ при отдѣльной выпискѣ: 1) историческихъ лицъ, 2) географическихъ названій и 3) именъ монастырей и церквей; теперь же на нѣкоторыя случаи, которыя могутъ встрѣтиться въ послѣдствіи, думаю, нельзя положить правилъ.

Главный Смотритель Константинъ Балайдовичъ.

Резолюція Малиновскаго: «При составленіи Росписи историческимъ и географическимъ именамъ г. Херсонскому принять въ руководство значущія здѣсь поясненія, съ которыхъ и дать ему копию. 20 ноября 1822 года».

№ 57.

(Выписки изъ письма гр. Румянцова къ Малиновскому, отъ 12 янв. 1824):

Александръ Ивановичъ¹⁾ пишетъ ко мнѣ по нынѣшней почтѣ, что не встрѣчается никакого затрудненія вручить вашему пр—ву нужныя деньги на покупку бумаги, для изданія четвертаго тома государственныхъ грамотъ, слѣдовательно, совершенно отъ васъ зависитъ заказать теперь же сію бумагу. Я хвалю осторожность вашу, съ каковою хотите

---

¹⁾ Т. е. Яншиъ, управляющій канцлера.

поступить при покупке бумаги, т. е. умножить количество оной еще 25 стопами кѣлоной и такихъ же числомъ неклееной, чтобы не было въ ней недостатку.

Съ подлиннымъ вѣрно: коллежскій ассессоръ Колесовъ.

№ 58.

Канцлеръ Малиновскому.

Обычное извѣщеніе о полученіи прихода-расходныхъ книгъ за 1823 годъ:

. . . Я нашедъ ее въ достоюжной исправности свидѣтельствую вашему пр—ву благодарность, за попеченіе ваше о таковомъ порядочномъ теченіи дѣлъ сей Комисіи. При томъ же письмѣ вашего пр—ва я также съ признательностію получилъ разныя вѣдомости о разпредаши книгъ.

Гомель, 26 генваря 1824 г.

(Оригиналъ).

№ 59.

Малиновскій канцлеру.

«Утверждено государственнымъ канцлеромъ 5 іюля 1824.»

Такъ какъ четыре части государственныхъ грамотъ заключаютъ бумагамъ внутреннія, то для удостовѣренія читателей въ древности документовъ и для показанія образа письма въ разныхъ столѣтіяхъ нажоу должнымъ испрашивать соизволенія вашего с—ва: не благоудно ли будетъ приказать Комисіи, отобравъ важнѣйшія изъ грамотъ, идущихъ непрерывно чрезъ цѣлыя пять столѣтій, отдать для награвированія по нѣскольку строкъ съ каждою, расположа все сіе на пять таблицахъ: на I-й помѣстятся почерки трехъ единственныхъ въ нашемъ Архивѣ грамотъ XIII вѣка, на II, III, IV и V съемки письменъ взятые мзъ начала, средины и конца XIV, XV, XVI и XVII столѣтій.

Такимъ образомъ ваше с—во сверхъ незабвенной заслуги, принесенной отечественной дипломатикѣ, окажете другую—положивъ начала Словено-россійской Палеографіи.

(Отпускъ, рукою Калайдовича. На испрашиваемое гравированіе Рунцовъ ассигновалъ 2.207¹/₂ рублей. (Изъ Дѣлъ Комисіи).

№ 60.

Доношеніе Коммисіи канцлеру.

7 іюля 1824 Коммисіа испрашивала разрѣшеніа—

присоединять ли замѣченныя неисправности (въ I томѣ) въ поправкахъ при IV части, или вовсе умолчать объ оныхъ?

Канцлеръ указалъ присоединять.

(Отпускъ).

№ 61.

Канцлеръ Мясниновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Феодоровичъ!

Получивъ при письмѣ, каковымъ меня ваше пр—во удостоить изволили 4 мая, прошеніе на высочайшее имя, по которому домогается подъ предстательствомъ вашимъ, милостивый государь мой, уволенный императорской медико хирургической Академіи изъ Московскаго отдѣленія канцеляристъ Иванъ Ивановъ сынъ Остроумовъ поступить въ Коммисію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ на ту ваканцію, которую въ ней оставилъ по выходѣ своемъ г. Колосовъ, я съ большимъ удовольствіемъ сей вашъ выборъ утверждаю и на таковое помѣщеніе даю согласіе. Просьбу же г. Остроумова и приложенную къ оной копію съ аттестатомъ здѣсь къ вамъ возвращено.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Графъ Николай Руянцовъ.

Гомель
19 мая 1825 г.

(Оригиналъ).

№ 62.

Востоковъ Калайдовичу.

Милостивый государь Константинъ Феодоровичъ!

Препроложенныя Вами ко мнѣ, по опредѣленіи г. Управляющаго Коммисіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ книги для внесенія въ бібліотеку его с— ва господина канцлера, а именно: изданіе

Банде Мартина Галла и 22 Академическихъ упражненіи Варшавскаго университета, при письмѣ вашемъ отъ 1 сентября мною исправно получены, о чемъ увѣдомляю васъ, пользуюсь случаемъ къ засвидѣтельствуванію Вашъ совершеннаго почтенія и преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашъ

милостивый государь

покорный слуга

А. Востокъвъ.

С.-Петербургъ
10-го сентября 1825.

Р. С. Канцлеръ показывалъ мнѣ письмо ваше къ нему, въ коемъ извѣщаете его о сдѣланныхъ Вами во время послѣдней поѣздки Вашей находкахъ, какъ то: о Евангеліи XIII в., о Номоканонѣ 1309 г. и о другихъ рукописяхъ. Жаль, что первыя двѣ рукописи не продаются, а ихъ то и желательнѣе бы было имѣть, особливо Номоканонъ. Не списали ли Вы, по крайней мѣрѣ, для себя оглавленія статей, въ ономъ содержащихся, и не можете ли сказать, къ какому разряду коричныхъ принадлежить этотъ Номоканонъ, къ болгарскому или къ русскому?

(Оригиналъ).

№ 63.

Разныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Коммисіи.

Въ декабрѣ 1821 г. Прилуцкій извѣщалъ Малиновскаго, что 4-го декабря онъ принялъ изъ типографіи Селивановскаго «Памятники російской словесности XII в.»—на веленовой 27, на простой 568 экземпляровъ.

Въ 1821 году I части Собранія было продано только 18 экземпляровъ, а всего—по 1 января 1822 г.—388 экземпляровъ. Осталось еще 658 экземпляровъ.

Къ 1 января 1822 г. II части продано 367 экз., осталось на веленовой 405, на простой 428 экз.

» » » » » Древнихъ російскихъ Стихотвореній — 310 экз., осталось на вел. 37, на простой 253 экз.

» » » » » Судебника — 279 экз., осталось на простой 321 экз.

- Бъ 1 января 1822 г. Рустрингін — 178 экз.; осталось на просто 122 экз.
- » » » » Исторіи Лерберга — 17 экз.; осталось на простой 283 экз.
- » » » » Записки объ Азіи, Назарова (изд. Нестеровичъ, С.-Петербургъ въ 1821 году) — 4; осталось на простой 246 экз.
- » » » » Исторіи Льва Діакона — 41 экз.; осталось на простой 210 экз.
- » » » » Памятниковъ Россійской Словесности — 59 экз.; осталось на простой 536 экз.
- » » » » Опыта о посадникахъ Новгородскихъ—43 экз.; осталось на велевой 15, на простой 569 экз.

Главнымъ заборщикомъ новыхъ изданій былъ самъ канцлеръ, для раздачи. Каченовскому—всегда, по волѣ канцлера, отсылался одинъ экземпляръ изданій.

Въ Петербургѣ также немного было спроса на изданія. 26 января 1822 г. извѣщаетъ Нестеровичъ Малиновскаго: «какъ въ Коллегіи, такъ равно и въ лавкахъ Слениныхъ, продано въ теченіе минувшаго года столь малое количество, какого и ожидать было нельзя» (Дѣла 1822 г.).

Въ Августѣ 1822 г. Прилуцкій доносилъ Малиновскому, что 18 числа онъ принялъ изъ типографіи Селивановскаго III-ью часть Собранія: велевой 502 экземпляра, на простой бумагѣ 574 экземпляра.

По выходѣ въ свѣтъ III-ей части «Собранія» опять циркулярное предложеніе отъ Малиновскаго архіереямъ. — Кроме того онъ съ тѣмъ же обратился къ греко-унитскимъ духовнымъ властямъ: суфрагану Литовско-Виленской митрополіи Оршанскому епископу, Браславскому архимандриту Адриану Головнѣ, администратору Полоцкой епархіи, архимандриту Исая Шулякевичу, Луцкому енархіальному епископу Іакову Окелло-Мартусевичу, и суфрагану Брестской епархіи, Владимірскому епископу, Супрагскому архимандриту Леону Яворовскому.

Архіепископъ Дмитрій Бишиневскій выслалъ 75 р. на «Собраніе» и 6 руб. на «Льва Діакона», съ припиской: «есть ли что нибудь отъ пересылки останется изъ сихъ денегъ, то оныя не оставьте отдать немущимъ» (Бишиневъ, 6 декабря 1822).

3 мая 1823 г. Прилуцкій доносилъ Малиновскому, что изъ числа 300 напечатанныхъ экземпляровъ «Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи г. Балайдовича» принято имъ 120 экземпляровъ для продажи, а «остальные розданы безденежно».

Въ 1824 вышлѣ «Ексархъ» и «Бѣлорусскій Архивъ».

Перваго изданія канцлеръ потребовалъ для себя 48 экземпляровъ, «сочинителю» подарилъ 30 экземпляровъ, по 1 экз. назначилъ: Каченовскому, Ермолаеву, Востокову, Погодину и П. И. Кеппену.

Втораго изданія: для себя — 42 экз., отцу І. Григоровичу — 51 экз.; по 1 экз. тѣмъ же, но съ пропускомъ Погодина.

Изъ отношенія въ Правленіе Новоіерусалимскаго монастыря отъ 10 декабря 1825 г. видно, что уже 21 октября былъ отправленъ туда изъ Комисіи Изборникъ 1073 года.

---

2 декабря 1825 Прилуцкій доносилъ Комисіи, что имъ принято тогда изъ типографіи Селивановскаго на велейновой бумагѣ 48, на простой 537 экземпляровъ книги: «Кириллъ и Меодій, словенскіе первоучители». Всего же отпечатано было 600 экземпляровъ.

Въ концѣ 1825 въ наличности «Ексарха» было еще 360 экземпляровъ.

Эти «Матеріалы» извлечены изъ тѣхъ-же «Записокъ тетрадей», чѣмъ и «Приложеніе» I, соответствующимъ годовъ.

. Ш .

Н. И. ГРЕЧЪ П. И. КЕППЕНУ

О СВОИХЪ ГРАММАТИКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

1897.

О Грамматикахъ Н. И. Греча.

Получено отъ Н. И. Греча 31-го апрѣля 1827 года¹⁾.

Движимый усерднымъ желаніемъ споспѣшествовать, по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, возжелѣнному успѣху великаго дѣла преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній и средствъ, изъяснилъ я въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1826 года Г. Предсѣдателю Комитета составленія учебныхъ пособій, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику А. А. Перовскому готовность мою составить изъ имѣющихся у меня многихъ матеріаловъ два руководства къ Русской Грамматикѣ, одно для учащихся низшаго разряда, другое для высшихъ учащихся, напримѣръ вышнихъ Гимназій²⁾. Г. Предсѣдатель весьма благосклонно принялъ сіе предложеніе, довелъ объ ономъ до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, и внесъ представленный мною опытъ въ помянутый Комитетъ. Надлежало приступить къ разсмотрѣнію онаго; но здѣсь встрѣтилось первое препятствіе: Главный Комитетъ, по предложенію Г. Министра Просвѣщенія, нашелъ, что Комитетъ учебныхъ пособій не можетъ одинъ разсмотрѣть и одобрить такой важной книги, какова Грамматика, и прикомандировалъ къ оному Разсматривательный Комитетъ Императорской Россійской Академіи. Узнавъ о семъ отъ Г. Предсѣдателя, я объявилъ, что охотно подвергаю свои труды на разсмотрѣніе кому угодно, и просилъ о присоединеніи къ Разсматривательному Комитету еще одного члена Академіи, Надворнаго Совѣтника А. Х. Востокова, который, по моему мнѣнію, своими основательными и глубокими свѣдѣніями въ Славянскихъ языкахъ, могъ быть весьма полезенъ въ споспѣшествованіи успѣху общаго труда.

---

¹⁾ Рукою П. И. Кеппена и общее заглавіе рукописи, на оберткѣ, и отпечатка полученія. Прим. изд.

²⁾ См. приложение А.

Приготовленія къ сему дѣлались два мѣсяца слишкомъ. Наконецъ послѣдовало первое засѣданіе обихъ помянутыхъ Комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ г. Перовскаго, 11-го Января сего года. Въ ономъ присутствовали: Члены Комитета учебныхъ пособій: Г.г. Соколовъ, Толмачевъ, Стойковичъ, Грефе, Чижовъ; Члены Академіи: Барабановъ, Никольскій, Князь С. А. Шихматовъ, Востоковъ. Прочитавъ небольшое вступленіе, въ коемъ я изложилъ предначертанную мною методу и избранныя мною для достиженія предполагаемой цѣли средства, началъ я чтеніе Руководства для высшихъ училищъ. Оно было прерываемо почти на каждомъ словѣ насмѣшками и странными замѣчаніями Г.г. Соколова и Толмачева; одинъ утверждалъ, что у насъ нѣтъ Этимологіи; что буквы *sz* не превращаются въ *sz*, слѣдовательно, что надлежало бы говорить *искать*, *искаю*, а не *ищу*; что вообще измѣненіе согласныхъ буквъ (на коемъ устроена вся этимологія) есть вздоръ; другой твердилъ, что слово *море* происходитъ отъ слова *мокрыѣ*, что *село* происходитъ отъ *сѣдла*, и т. д. Съ величайшимъ трудомъ были прочитаны 43 параграфа большого, 19 малаго Руководства. За сими Г. Предсѣдатель предложилъ отдать рукопись на разсмотрѣніе Г.г. Членамъ порознь и, по согласію Комитета, вручилъ оную Г. Востокову. Я былъ сими окончаніемъ весьма доволенъ, ибо совершенно довѣряю благонамѣренности, правдушій, уму и познаніямъ сего почтеннаго Члена Академіи. Такъ кончилось сіе первое засѣданіе, и я тщетно ждалъ втораго.

По истеченіи четырехъ почти недѣль былъ я приглашенъ Г. Предсѣдателемъ, и получилъ отзывъ, что въ сіе время было нѣсколько засѣданій, на которыя не приглашали меня для того, чтобъ присутствіемъ моимъ не стѣснять членовъ въ ихъ сужденіяхъ, что Г. Востоковъ сдѣлалъ къ моимъ Руководствамъ многія, весьма важныя замѣчанія, кои совершенно опровергаются моя система, и на которыя я вѣроятно не соглашусь. Я отвѣчалъ, что охотно приму всякое справедливое замѣчаніе и онымъ воспользуюсь, свою справедливость, въ случаѣ неосновательности замѣчаній, постараюсь доказать, а гдѣ нѣтъ большой разницы, тамъ охотно пожертвую своимъ авторскимъ самолюбіемъ удовольствію Членовъ и успѣху общаго дѣла. На просьбу мою о сообщеніи мнѣ сихъ замѣчаній, Г. Предсѣдатель объявилъ, что оныя будутъ мнѣ объявлены по разсмотрѣніи *всей* Грамматикіи моеи. Я и на это согласился. На той же недѣлѣ увидѣлся я вновь съ Г. Предсѣдателемъ, и узналъ, что по множеству и важности представленныхъ на мои опыты замѣчаній, оныя сдѣлались болѣе трудомъ Комитета, нежели моимъ

собственными. Я изумился смѣлѣе отзывамъ и не зналъ, что отвѣчать; но потомъ, видя, что мой трудъ не удостоенъ одобренія, и не желая чтобъ плоды многолѣтнихъ моихъ занятій достались въ чужія руки, обратился къ Г. Предсѣдателю письменно (14 февраля) и просилъ о возвращеніи моихъ рукописей, кои, какъ онъ объявилъ мнѣ, не могутъ быть приняты Комитетомъ¹⁾. Не получая отвѣта, я повторилъ сію просьбу (21 февраля) и въ сей разъ изложилъ весь ходъ дѣла, просилъ позволенія, если Комитетъ не въ правѣ отдать мнѣ мою собственность, просить о томъ Г. Министра²⁾. Черезъ два дня (23 февраля) получилъ я мои рукописи при письмѣ Г. Предсѣдателя, служившемъ отвѣтомъ на первое письмо мое отъ 14 февраля³⁾.

Смѣлъ, казалось, дѣло кончилось. Между тѣмъ, желая воспользоваться замѣчаніями столь умнаго и ученаго человѣка, каковъ Г. Востоковъ, я обратился къ нему съ просьбой о сообщеніи мнѣ оныхъ, и онъ потрудился доставить мнѣ копію. Я распечаталъ пакетъ съ трепетомъ, думая, что прочту смертный приговоръ моимъ двадцати-двулѣтнимъ трудамъ; но каково было мое удивленіе, когда я усмотрѣлъ, что Г. Востоковъ не нашелъ ничего противнаго въ моей системѣ, что онъ сдѣлалъ на 70 параграфовъ только 22 замѣчанія, изъ коихъ одна часть относилась къ ошибкамъ писца, другая происходила отъ того, что онъ при бѣгломъ разсмотрѣніи не успѣлъ выкинуть въ ходъ моихъ мыслей, а я не имѣлъ возможности объяснить онаго; нѣкоторые его замѣчанія относились къ перемѣнѣ выраженій; иныя, сколько мнѣ кажется, были неосновательны, а три или четыре справедливы и важны: я принялъ бы оныя охотно и съ истинною благодарностью⁴⁾.

Такимъ образомъ, на основаніи легкихъ, впрочемъ благонамѣренныхъ, замѣчаній, отринуть трудъ, который могъ бы принести великую пользу! Говорю это теперь смѣло, ибо Члены Комитета, при всемъ стараніи и усердіи своемъ, не могли найти въ моихъ Руководствахъ никакихъ ошибокъ и недостатковъ, а справедливыя замѣчанія и существенныя поправки Г. Востокова, которыя принялъ бы я съ благодарностію, придадо бы моему труду вѣщную цѣну. Теперь бѣдные наши ученики и учителя должны будутъ, по прежнему, довольство-

¹⁾ См. приложение В.

²⁾ См. приложение С.

³⁾ См. приложение D.

⁴⁾ См. приложение E.

ваться недостаточными книгами Г. Г. Соколова и Толмачева, служившими донынѣ основаніемъ въ обученіи Русскому языку ко вреду нашей Слѣвности.

А. Письмо Греча къ Его Пр—ву А. А. Перовскому, писанное въ октябрь 1826 года.

М. Г. Алексѣй Алексѣевичъ!

Имѣя желаніе посланными трудами моими способствовать достиженію общепользующей цѣли, предположенной при учрежденіи Комитета для составленія учебныхъ пособій, принимаю смѣлость утрудить Ваше Превосходительство всепокорнѣйшею просьбою о представленіи Комитету сему прилагаемыхъ у сего трудовъ моихъ по части Русской Грамматикѣ.

Во-первыхъ, имѣю честь представить отпечатанные 13 листовъ полной Русской Грамматикѣ, составляемой мною въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: первая часть оной изготовлена будетъ къ новому году и тогда выйдетъ въ свѣтъ. Сіи листы могутъ показать Комитету правила, мнѣнія и опыты, коими я руководствуюсь въ грамматическихъ трудахъ своихъ. По мѣрѣ отпечатанія послѣдующихъ листовъ, не премину представитъ оныя Вашему Превосходительству.

Во-вторыхъ, рукописное извлеченіе изъ поминутой полной Грамматикѣ, заключающее въ себѣ введеніе, Этимологию общую, а изъ частной главу объ имени существительномъ. На сіе-то сочиненіе желаю я преимущественно обратитъ благосклонное вниманіе Комитета. Извлеченіе сіе есть опытъ учебной Русской Грамматикѣ для Гимназій и другихъ среднихъ училищъ. При составленіи онаго руководствовался я вообще слѣдующими главными правилами:

1. Составитъ краткое, но ясное и полное Руководство къ Русской Грамматикѣ, которое заключало-бы въ себѣ всѣ правила и послѣдствія всѣхъ изысканій, заключающихся въ Грамматикѣ полной, такъ, чтобъ сія послѣдняя служила толкованіемъ и поясненіемъ для учителя.

2. Наблюдать строжайшій порядокъ и надлежащую постепенность въ изложеніи правилъ; не упоминать ни о чемъ такомъ, что прежде не было опредѣлено и истолковано.

3. Излагать правила только нынѣшняго Русскаго языка, не уклоняясь къ Славянскому и не дѣлая сравненій съ другими языками:

первое предоставляется собственно Славянской Грамматикѣ, а по заключается въ упомянутомъ полномъ курсѣ.

4. Въ раздѣленіи и опредѣленіяхъ держаться Всеобщихъ Тѣтъ Сильвестра де Саси и Бернарди; относительно же соби Русскаго языка придерживаться правилъ Ломоносова и Словаря ской Академіи (заимствуя при томъ все хорошее и изъ другихъ матикъ), а въ практикѣ, особенно для составленія правилъ Сини и Орфографіи, слѣдовать примѣрамъ, даннымъ въ Исторіи Госуд, Россійскаго Карамзина, съ нѣкоторыми не важными отъ оныхъ неніями.

5. Держаться существующей у насъ Грамматической термин и вводитъ новыя выраженія только тамъ, гдѣ прежде не было ник

6. Прилагать все стараніе о собраніи и ясномъ изложеніи извѣстнымъ миѣ, по долговременной практикѣ, правилъ и замѣ облегчающихъ изученіе языка и употребленіе онаго, изустное и менное.

Вотъ главныя правила, служившія миѣ при составленіи сей Если Комитету угодно будетъ заняться разсмотрѣніемъ оной, то величайшею благодарностію приму всякое указаніе моихъ час ошибокъ и недостатковъ; въ разсужденіи же всей системы же. бы миѣ имѣть письменныя возраженія, для того, чтобъ отвѣча оныя такимъ же образомъ.

Когда Комитетъ по сему началу найдетъ трудъ мой небези нымъ, то я по письменному приглашенію Вашего Превосходител охотно приму на себя довершеніе онаго, для представленія на ок тельное сужденіе Комитета. Но какъ сія Грамматика составлена и начинающихъ, а для учениковъ Гимназическихъ, имѣющихъ уже торое о правилахъ языка понятіе, то я, если сего пожелаетъ Е тетъ, съ удовольствіемъ приму на себя составленіе и Начальныхъ вилъ оной для училищъ уѣздныхъ, такимъ образомъ, чтобъ сіи на ныя правила служили приготовленіемъ и вступленіемъ къ сей странной Грамматикѣ, и между тѣмъ сами составляли нѣчто пол цѣлое.

Въ случаѣ одобренія сихъ трудовъ и предположеній моихъ испрашиваю себѣ отъ Комитета никакихъ наградъ или денежной па а принявъ сверхъ того на себя и редакцію съ печатаніемъ сихъ совъ, прошу только о введеніи оныхъ въ училища, съ тѣмъ, ч я по требованію училищныхъ начальствъ доставлялъ онымъ потре число экземпляровъ за опредѣленную самую умѣренную плату. Въ 1

время принимаю я на себя переводъ и изданіе сихъ двухъ Бурсовъ на языкахъ Нѣмецкомъ, Польскомъ, Шведскомъ и Ново-Греческомъ, для введенія единственнаго способа преподаванія Русскаго языка во всѣхъ областяхъ Россійской имперіи.—При каждомъ новомъ изданіи принимаю на себя исправленіе замѣченныхъ въ прежнихъ ошибкахъ и дополнять недостатки, представляя о каждой существенной переизмѣнѣ Комитету учебныхъ пособій.

Въ ожиданіи благосклоннаго отвѣта Вашего Превосходительства на сіе усердное приношеніе общепользныхъ трудовъ моихъ, честь имѣю пребыть и пр.

В. Письмо Греча къ А. А. Перовскому, отъ 14 февраля 1827.

М. Г. Алексѣй Алексѣевичъ.

При свиданіи нашемъ въ прошедшую пятницу, вы изволили объявить мнѣ, что по числу сдѣланныхъ Членами Комитета учебныхъ пособій въ представленныхъ мною руководствахъ къ Русской Грамматикѣ поправокъ и переизмѣнъ, сіи Руководства сдѣлались ужь сочиненіемъ самихъ членовъ. Видя изъ сего, что трудъ мой былъ совершенно лишній, и не желая утруждать Комитета разсмотрѣніемъ сихъ ничтожныхъ опытовъ, всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство возвратитъ мнѣ рукописи оныхъ Руководствъ. Имѣю честь и пр.

С. Другое письмо, отъ 21 февраля.

М. Г. Алексѣй Алексѣевичъ!

Не удостоясь отвѣта на письмо, которыми я безпокоилъ Ваше Превосходительство отъ 14 сего мѣсяца, принимаю смѣлость повторить заключавшуюся въ ономъ всепокорнѣйшую просьбу мою о возвращеніи мнѣ рукописи двухъ Руководствъ къ Русской Грамматикѣ, представленныхъ мною въ Комитетъ составленія учебныхъ пособій. При семъ случаѣ неизлишнимъ считаю вкратцѣ изложить ходъ сего дѣла.

Въ концѣ октября прошлаго 1826 года утрудилъ я Ваше Превосходительство письмомъ, въ коемъ представилъ желаніе мое быть полезнымъ оному Комитету плодами многолѣтнихъ трудовъ моихъ по Русской Грамматикѣ.

Ваше Превосходительство изволило благосклонно принять мое предложеніе 11-го января сего года былъ я приглашенъ въ засѣданіе помянутаго Комитета, въ которомъ присутствовали и Члены Разсматривательнаго Комитета Императорской Россійской Академіи. Не имѣю надобности повторять подробностей сего засѣданія. Въ заключеніе онаго вы поручили одному члену взять мои рукописи на разсмотрѣніе. Съ того времени ждалъ я приглашенія на вторичное засѣданіе, но тщетно: я полагалъ, что Комитету, за другими дѣлами, нѣкогда заниматься Грамматикою; но каково было мое удивленіе, когда я въ февралѣ узналъ отъ Вашего Превосходительства, что въ Комитетѣ было уже нѣсколько засѣданій, на которыя меня не приглашали, что на мои Руководства сдѣлано множество замѣчаній, что оныя совершенно передѣланы, и такимъ образомъ сдѣлались болѣе сочиненіемъ Членовъ Комитета, нежели моимъ.

Не могу входить въ оправданіе и защиту моихъ трудовъ, ибо замѣчанія и поправки гг. Членовъ Комитета не были мнѣ сообщены, слѣдственно мнѣ вовсе неизвѣстны. Соглашаюсь даже, что опыты мои могутъ быть недостойны вниманія Комитета, который конечно имѣлъ достаточныя причины къ опроверженію оныхъ во всѣхъ пунктахъ. Прошу только о возвращеніи моихъ рукописей, какъ неотъемлемой моей собственности.

Комитетъ не можетъ уклониться отъ сего возвращенія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ употребилъ нѣсколько времени и много трудовъ на передѣлку моихъ Руководствъ. Не я тому причиною: если бы меня приглашали въ засѣданія, то сіе дѣло было бы рѣшено безъ дальнѣйшаго затрудненія въ самомъ началѣ. При томъ же я представилъ мои Руководства только на разсмотрѣніе Комитета, а отнюдь не на поправку.

Можетъ быть, что по правиламъ, коиими Комитетъ въ дѣлахъ своихъ руководствуется, оный не имѣетъ права возвращать поступившія на его разсмотрѣніе рукописи. Въ семъ случаѣ позвольте мнѣ обратиться съ просьбой къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Въ ожиданіи удостовѣренія меня благосклоннымъ отвѣтомъ, честь имѣю пребыть и пр.

D. Отвѣтъ Г. Перовскаго, отъ 23 февраля.

Милостивый государь мой, Николай Ивановичъ.

Согласно положенію Комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, состоявшемуся въ слѣдствіе письма вашего ко мнѣ отъ 14 сего Февраля

и утвержденному г. Предсѣдателемъ Комитета устройства учебныхъ заведеній, возвращаю при семъ доставленные вами мнѣ въ рукописи два Руководства ваши къ Россійской Грамматикѣ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ

вашимъ,
 милостивый государь мой,
 покорнѣйшимъ слугою
 Алексѣй Перовской.

№ 82
 22 февраля
 1827

Его Высокобл.
 Н. И. Гречу.

Р. S. При семъ и третія не переплетенная рукопись.

Е. Замѣчанія Г. Востокова съ отвѣтами Греча.

Замѣчанія Г. Востокова.

1. Къ § 2-му. Нужно ли въ Грамматикѣ изяснить значеніе словъ *говорить* и *писать*, которыя понятны всякому ребенку? Если нужно такоево истолкованіе, то не будетъ ли приличнѣе помѣстить оное въ видѣ приложенія къ 1-му § вѣдѣлая изъ онаго особаго §-а?

2. Къ § 3-му. *Этимологія общія* и *этимологія частная* кажутся мнѣ терминами не довольно опредѣленными, и при томъ такими, безъ коихъ весьма хорошо обойтись можно. Сіе доказалъ самъ сочинитель, не употребивъ ихъ въ Начальныхъ правилахъ Русской Грамматки. Почему бы и здѣсь не изложить § 3-й такимъ обра-

Возраженія Г. Греча.

1. Нужно. Всякое слово требуетъ опредѣленія. Къ тому же сей § 2 служитъ переходомъ отъ 1-го къ 3-му и составляетъ необходимую между оными связь: въ примѣчаніи сія связь потеряется.

2. Въ начальныхъ правилахъ нѣтъ сихъ словъ потому, что въ сихъ правилахъ нѣтъ общей этимологіи. Я согласенъ переименовать сіи названія, но мнѣ кажется, что предлагаемыя Г. Востоковымъ термины недостаточны, ибо во второй части заключается равномѣрно произведеніе словъ въ отношеніи къ раздѣленію оныхъ на части рѣчи.

зомъ: «Русская Грамматика раздѣляется на 5 слѣдующихъ частей:

1. О произведеніи словъ.
2. О частяхъ рѣчи.
3. О сочиненіи словъ.
4. О произвошеніи словъ.
5. О правописаніи.

3. Къ § 6-му. «Слова, то есть слышимые звуки» можно бы прибавить: «или звукосочетанія».

4. Къ § 29. Въ семь § сказано, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквы гласныя измѣняются по произволу употребленія, и въ примѣръ сему приводятся:

«а превращается въ о, преимущественно въ слогахъ *ла, ра: гладь, голодь, стражь, сторожь, равный, ровный*». Но здѣсь смѣшаны слова двухъ разныхъ нарѣчій, церковно-славянскаго и русскаго, о коихъ нельзя сказать, чтобы онѣ измѣнялись одно на другое, или по произволу были бы употребляемы одно вмѣсто другаго. Одно имѣетъ мѣсто въ важномъ слогѣ, другое въ простомъ и разговорномъ.

Такая же разность нарѣчій въ словахъ *единь, одинь, видиши, видишь, заутра, застра*.

Что касается до примѣровъ: *ростъ, расту, говорилъ, говори-валъ, лежатъ, ложа, сяду, сълъ, стужа, стынуть, духъ, дыханіе, палець, пальца, паекъ, пайка*, то и въ нихъ измѣненіе гласныхъ не есть произвольное, но зависить отъ

Если скажемъ: 1. Произведеніе словъ вообще, 2. Произведеніе словъ въ видѣ частей рѣчи; то выйдетъ прежнее, только длиннѣе.

3. Можно прибавить, можно и оставить.

4. Замѣчаніе справедливое и оно находится у меня въ полной Грамматикѣ. Здѣсь же я не смѣлъ говорить объ ономъ, ибо о различіи Славянскихъ діалектовъ не упоминается въ семь меньшемъ курсѣ. И *стражь* и *сторожь*, и *хладъ* и *холодъ* употребляются въ Русскомъ языкѣ. Еще менѣе можно говорить въ учебной книгѣ Грамматики о различіи слоговъ высокаго и низкаго.—Я назвалъ сію измѣняемость произвольною потому, что она не слѣдуетъ никакимъ *общимъ* правилами: въ *частной* же этимологій она подробно изложена въ надлежащихъ мѣстахъ.

известныхъ правилъ словоприводства, которыя надлежитъ искать, выходя въ строеніе языка.

5. Въ пунктѣ 5 показано измѣненіе о въ у примѣрами: супругъ, супясъ: но тутъ нѣтъ измѣненія; ибо су и со (или съ) два разные предлога, не происходящіе другъ отъ друга, хотя ихъ и смѣшиваютъ иногда неправильно. Они имѣютъ различное значеніе.

6. Въ § 30, пунктъ 4. «т превращается в въ ш, наприимѣръ: *обратитъ, обращаю*»; но здѣсь замѣтить должно, что сіе бываетъ только въ словахъ заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго.

7. Въ пунктѣ 6 сказано: «Кромѣ сего и пр. . . (о глаголахъ —сть). Если здѣсь есть превращеніе, то не въ ст, а въ с; ибо ть есть только окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, общее всѣмъ глаголамъ. Но можетъ быть здѣсь только выкидываются буквы б, д, н, т предъ окончаніемъ — сть, также какъ д, т выкидываются предъ лъ, напр. клалъ, плелъ, вмѣсто кладлъ, плеллъ.

8. Къ § 34. Въ прошломъ заведеніи предложено было назвать слоги съ удареніемъ *высокими*, а безъ ударенія низкими (вмѣсто прежняго несвойственнаго названія долгихъ и короткихъ). Но такъ какъ *слозомъ высокими* называется и Style Sublime, то чтобъ не выходило недоразумѣній отъ одинаковаго названія двухъ предметовъ

5. Я этого не зналъ. Мнѣ казалось, что предлогъ *су* есть испорченный, *со*; наприимѣръ у насъ говорятъ: *сумильніе, суетостатъ*, вмѣсто: сомнѣніе, сопостать (!).

6. Здѣсь повторяю сказанное въ отвѣтъ на 4-е замѣчаніе: я не смѣю говорить о церковно-славянскомъ языкѣ.

7. Дѣльно. Охотно соглашашься.

8. Это замѣчаніе относится не ко мнѣ: термины: *высокій* и *низкій* предложены были членами Комитета.

столь различныхъ, не лучше-ли назвать слогомъ *повышаемымъ* такой слогъ, на коемъ удареніе, и *понижаемымъ* слогъ безъ ударенія.

9. Къ § 46. вмѣсто: «качество или свойство» можно бы сказать *принадлежность*, а потомъ опредѣлить значеніе сего слова такимъ образомъ: принадлежность предмета есть: либо качество оваго, т. е. такое явленіе, которое *постоянно* соединено съ видомъ предмета, — либо дѣйствіе или состояніе, которое предмету *временно* принадлежитъ. Слова, означающія качество, называются собственно именами прилагательными; означающія же дѣйствіе или состояніе, называются причастіями.

Въ § 47 вмѣсто «качество» поставитъ *принадлежность*, а къ слову «*дѣйствіе*» прибавитъ или *состояніе*.

Въ § 48 вмѣсто «нарѣчіе дѣйствующее» лучше сказать: *нарѣчія дѣйствія или состоянія*.

10. § 55. а) и б). Не нужно кажется изъяснять, что значитъ одушевленные и неодушевленные. Достаточно привести примѣры: а) одушевленные, напр. человекъ, звѣрь, червь; б) неодушевленные, напр. вода, домъ.

11. § 59 во 2 пунктѣ сказано, что кончающіяся на *ь* суть рода

9. На сію переѣну согласиться. Если-бы я потрудились заглянуть объ именахъ прилагательныхъ увидѣли-бы, что у меня *принадлежность* именительныхъ, напримѣръ: *онъ ниня*, а качество выражено нами прилагательными иными. — *Нарѣчіе дѣй* есть описка; надлежало «нарѣчіе, коимъ выражено качество качества (!) дѣйствіе»

10. Миѣ кажется, что Впрочемъ, какъ угодно.

11. Это можно оставить ему, или переѣнить по 1

мужескаго, а въ слѣдующемъ 3-мъ пунктѣ говорится объ исключеніяхъ: «не всѣ имена кончащіяся на ъ суть мужескаго рода. Нѣкоторыя изъ нихъ напр. жизнь, соль, трость, суть рода женскаго». Но такъ какъ именъ женскаго рода съ окончаніемъ на ъ едва-ли не больше еще находится, чѣмъ мужескаго рода именъ, то и нѣтъ кажется причины вводить мужескаго рода имена въ правило, а женскаго рода въ исключеніи изъ правила. Удобнѣе бы было, неговоря вовсе во 2 пунктѣ объ окончаніяхъ на ъ, отнести оныя въ 3 пунктъ, который начать такимъ образомъ: «имена оканчивающіяся на ъ¹⁾ суть либо мужескаго рода либо женскаго.

Мужескаго рода такіе то
Женскаго -- такіе то».

12. Въ § 62 между именами, употребляемыми во множественномъ только числѣ, поставлено средняго рода *Кричане*. Это должно быть ошибка. *Кричане* мужескаго рода.

13. Впрочемъ нѣкоторыя изъ именъ, яко-бы во множественномъ только числѣ употребляемыхъ, имѣютъ и единственное число, хотя значеніе ихъ въ обоихъ числахъ неодинаково. Таковыя надобно выкинуть изъ росписа, оставивъ только тѣ имена, которыя вовсе не имѣютъ единственнаго числа.

¹⁾ Очевидно, ошибка: должно стоять ъ. Прим. изд.

Востокова безъ существенной разности. Относя имена, кончающіяся на ъ преимущественно къ роду мужескому, я руководствуюсь тѣмъ замѣчаніемъ, что сія буква въ усѣченныхъ прилагательныхъ означаетъ родъ мужескій: *силь, юстодець*.

12. Это ошибка.

13. На это нельзя согласиться. Напримѣръ, слово: *часы*, хотя и употребляется въ единственномъ числѣ, но непременно должно быть упомянуто въ семъ спискѣ. Нѣкоторыя имена даже переимѣняютъ родъ при семъ переходѣ, напримѣръ: *куръ, куры*.

14. *Цесты* (не описка-ли это вмѣсто *цаты*?)—подвѣски у образовъ.

15. Между названіями городовъ, рѣкъ и пр. съ окончаніемъ на *ь*, комъ сочинитель полагаетъ мужескаго рода, замѣтили уже одно рода женскаго: *Умань*. Можетъ быть и еще нѣсколько таковыхъ найдется, напр. *Корсунь*? *Лебедянь*? *Мядынь*? *Сквирь*? *Тмуторокань*? *Чердынь*? Мужескаго рода суть очевидно тѣ названія городовъ, комъ употреблены были въ старинной языкѣ какъ притяжательныя отъ именъ собственныхъ, подразумѣвая къ нимъ слово городъ напр. *Ярославль* (т. е. *Ярославовъ городъ*), *Василь* (т. е. *Василіевъ*), *Епифань* (*Епифаніевъ*), *Перемышль* (*Перемысловъ городъ*).

16. Въ § 64. Въ опредѣленіи падежей, которое найдено недовольно точнымъ, я предложилъ бы слѣдующія перемены:

1. Именительный падежь означаетъ предметъ, о комъ идетъ рѣчь.

3. Родительный, а) на вопросъ *чей?* *чего?* показываетъ предметъ, отъ коего происходитъ или коему принадлежитъ подлежащее. Напр. свѣтъ *солнца*, капля *воды*. б) на вопросъ *кого?* *чего?* предметъ, съ комъ сравнивается, или отъ коего отъемляется сказуемое напр. свѣтъ *ѣе солнца*. Лишать *чести*. Не дѣлать *зла*. Бѣжать *иньва*; или наконецъ,

14. Разумѣется *цаты*. Это описка.

15. Въ семъ случаѣ прошу представленія и указанія. Родъ сихъ именъ отнюдь не опредѣленъ. У насъ говорятъ: за *Тмутороканью*, а въ исторіи *Каразина* находимъ: за *Тмутороканемъ*.—Я не Академія и самовольно рѣшить не смѣю, а руководствуюсь примѣрами хорошихъ писателей и общими употребленіемъ: здѣсь то и другое меня оставляетъ безъ помощи.—Замѣчаніе о происхожденіи именъ *Василь*, *Епифань*, справедливо и достойно уваженія, но я и не говорилъ, чтобъ сіи имена не были мужескаго рода.

16. Ученіе о падежахъ заключается у меня въ синтаксисѣ, и тамъ основано на теоріи *Тирша* (см. его *Греческую Грамматику*). Здѣсь показаны только главнѣйшія отличительныя свойства падежей. Но я смѣю сказать, что если мои опредѣленія падежей найдены недовольно точными, то предлагаемыя еще менѣе могутъ назваться точными. Предметъ, о комъ идетъ рѣчь, означается не однимъ именительнымъ падежемъ, а всякимъ, по свойству предложія: нѣтъ *алъба*, отдай *брату*, читай *книгу*, пиши *перомъ*, не говори *о погодѣ*: здѣсь предметы, о комъ идетъ

предметъ, который достигается сказуемымъ : искать *богатства*, просить *помощи*.

4. Винительный,—предметъ, на который обращено дѣйствіе.

5. Дательный, цѣль, къ которой дѣйствіе направлено.

7. Предложный—мѣсто дѣйствія.

17. Вводимое Г. Гречемъ раздѣленіе именъ существительныхъ на первообразныя, производныя, второобразныя и сложныя, вмѣсто принятаго въ другихъ Грамматикахъ раздѣленія на первообразныя, производныя, простыя и сложныя, по мнѣнію Г.г. присутствующихъ въ Комитетѣ, признано излишнимъ. Цѣль сочинителя Грамматики при семъ новомъ раздѣленіи была конечно та, чтобъ ближе опредѣлить происхожденіе словъ, называемыхъ вообще производными. Онъ менѣе удался бы отъ общепринятаго порядка, ежели-бы говорилъ о производныхъ и второобразныхъ, какъ

рѣчь, поставлены въ разныхъ падежахъ, а не въ одномъ именительномъ. Въ опредѣленіяхъ родительнаго говорится о подлежащемъ и сказуемомъ, между тѣмъ, какъ сін слова еще не объяснены, да и рѣчи объ нихъ вовсе не было. Опредѣленіе винительнаго справедливо, но то же самое сказано и мною. Дательный падежь означаетъ не цѣль, не направленіе дѣйствія, а личный предметъ, коему въ пользу или во вредъ дѣйствіе происходитъ, напримѣръ: *онъ далъ мнѣ денегъ на забавы*. Здѣсь цѣль выражена не дательнымъ падежемъ, а винительнымъ съ предлогомъ *на*. Предложный означаетъ мѣсто дѣйствія, но не всегда, напримѣръ: какое мѣсто означается въ слѣдующемъ случаѣ: *сказка о лисицѣ*?

17. Вводимое мною раздѣленіе именъ не первообразныя, производныя и второобразныя, необходимо; но если угодно, то вмѣсто главныхъ дѣленій, я сдѣлаю изъ сихъ наименованій подраздѣленія.

о подраздѣленіяхъ только одного и того же разряда.

18. § 68. Въ пунктѣ 4-мъ сочинитель опредѣляетъ имя существительное сложное совокупленіемъ двухъ первообразныхъ существительныхъ, или двухъ главныхъ корней. Но приведенные имъ примѣры показываютъ, что сложное имя составляется и изъ производныхъ, ибо—*носецъ*,—*теоритель*,—*любѣ* по его же опредѣленію, суть производныя, такъ какъ *дѣлитель*, *имѣніе*.

19. Въ § 70-мъ говоритъ сочинитель о родовыхъ буквахъ, подразумѣвая буквы, показывающія родъ мужескій, женскій или средній. Для большей ясности надлежало бы присовокупить въ скобкахъ истолкованіе сего термина, въ первый разъ встрѣчающагося.

20. Нѣкоторые изъ показанныхъ въ семъ § окончаній принадлежатъ къ корню слова, а какъ (не къ?) отличительнымъ буквамъ или слогамъ, придающимъ какое либо значеніе слову. Таковы суть въ пунктѣ 1. берегъ (или брегъ), дорога (въ другихъ діалектахъ *дреля* (!), въ 6-мъ чадѣ¹⁾), въ 7-мъ *молотъ* (или *млатъ*) также *клевѣта*, *копотъ*, въ концѣ *т* принадлежатъ къ корню

¹⁾ Чадѣ по словенски чядо (произноси (!): *чедѣ*) отъ одного корня съ нѣмецкимъ Kind, Англ. Child.

18. Здѣсь опять описка. Вмѣсто: первообразныхъ, надлежало сказать: простыхъ.

10. Сіи родовыя буквы упомянуты и исчислены въ предъидущемъ § 69. Впрочемъ можно и повторить.

20. Замячанія на § 70 совершенно справедливы. Недостатки и сбивчивость сего параграфа произошли отъ того, что онъ взятъ безъ перемѣны изъ подробной Грамматикѣ, гдѣ составляетъ одно дополненіе къ общему обзорѣнію *всѣхъ* окончаній именъ существительныхъ. Г. Востокъ правъ, что должно оный передѣлать. Сіе уже исполнено мною въ часть времени. Что же касается до замячаній его о нѣкоторыхъ исключеніяхъ изъ производныхъ мною примѣровъ, то я никогда не думалъ въ точности и

глаголовъ; клеветать, коптить; въ 13-мъ помощи. *Мощь* измѣнено только изъ кореннаго слога *мош*.

Почти на каждое окончаніе можно приискать слова, не въ тѣхъ значеніяхъ, какія сему окончанію приписаны.

1. *юа* означаетъ и неодушевленный предметъ, напримѣръ: *дерюха, выюха*.

2. *акъ*, приписываемое предметамъ личнымъ, означаетъ иногда неодушевленные, напр. *пятакъ, четвертакъ, тесакъ*.

3. *уха*. Не всегда одушевленный предметъ женскаго пола: *желтуха, лопуха, синюха, пазуха*.

5. Окончаніе *оръ* слѣдуетъ выкинуть. Онаго нѣтъ въ Русскомъ языкѣ, да и примѣровъ на оное не приведено, иностранные же слова: *Директоры, кондиторы* и пр. сюда не принадлежатъ. На *арь* есть имена и неодушевленныхъ предметовъ, напр. *косирь* (большой ножъ).

6. *Говядо* не есть *малый* одушевленный предметъ. *Громада* не отвлеченное имя. Оно то же, что *куча*.

7. *Ушатъ* есть прилагательное ушѣченное (ушатый сосудъ); слѣдовательно въ ономъ *тъ* не означаетъ собственно вещества.

Ота, отъ, не всегда имена отвлеченныя: *сирота* предметъ личный. *Домоть, мякоть*, предметы, чувстванъ подлежащіе.

безъ исключеній опредѣлить характеръ всѣхъ окончаній, а хотѣлъ только представить главные черты. Точное опредѣленіе всѣхъ окончаній безъ исключенія превосходить и мои силы, и, можетъ быть, силы многихъ другихъ.

8. *ень* значитъ иногда и неодушевленный предметъ, напр. *бредень*, *сажень*, *стержень*, *перстень*, *кистень*, *збитень*, *студень*. *Ня*, *нья* не всегда личный предметъ женскаго пола. Примѣры сему: *пустыня*, *милостыня*, *деревня*, *ботвинья*, *спорынья*, *попынья*. — *Арня*, по словамъ автора, мѣсто, въ коемъ производится что-либо? — Слогъ *ар* принадлежащій къ существительному муж. рода (*поварь*, *слесарь*, *овчарь*) не идетъ здѣсь въ разсмотрѣніе. Только *ня* составляетъ отличительное окончаніе, коимъ означаетъ мѣсто, отведенное для какой нибудь работы: *поварня*, *слѣсарня*, *овчарня*, *конюшня*, *кожевня*, *солодовня*, *ледокачня*, *пашня*.

ина имѣетъ множество другихъ значеній, кромѣ показанныхъ сочинителемъ. Сіе окончаніе принадлежитъ и предметамъ личнымъ, напр. *старшина*, *женщина*; и отвлеченнымъ, напр. *длина*, *ширина*, *кончина*; и собирательнымъ, напр. *складчина*, *поземельщина*, *вершина*; и отдѣльнымъ составляющимъ часть или звѣно чего либо. Напр. *бальсина*, *жемчужина* и пр.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, *дубина* не есть увеличительное отъ *дуба*, а развѣ только часть, отрубокъ или сукъ отъ дуба. *Говядина*, *баранина* означаютъ, конечно, вещество, какъ и всѣ другія вещи, подлежащія чувствамъ; но въ тѣсномъ смыслѣ сими окончаніемъ

означается мясо животного, о коемъ идетъ рѣчь.

10. *ea, uo, evo*, по опредѣленію сочинителя, вещественный собирательный предметъ, произведенный руками человѣка. Но приведенные примѣры не подтверждаютъ этого. *Пиво* въ первоначальномъ значеніи то же что питье, напитокъ; слѣдовательно можетъ состоять и изъ воды, не руками человѣка произведенной. *Жниво* солома, то что остается послѣ сжатія хлѣба. *Стчио* есть орудіе, а не собирательный предметъ. *Топлево* (!) вещество, коимъ топятъ печи, можетъ состоять изъ хворосту и пр. произведеннаго не руками. Есть еще и другія имена на *evo* не подходящія подъ опредѣленіе сочинителя, напр *зарево*.

12. *горечь* не отглагольное имя, а отъ прилагательнаго *горькій*. Окончаніе на *очь* забыто сочинителемъ. Напр. *свпточь, мелочь*.

13. *шз, ищз*, «имена одушевленныхъ личныхъ предметовъ». Въ примѣръ приведено только *товарищз*. Но на *шз* есть имена и неодушевленныхъ предметовъ, напр. *посльдышз, мякишз, колышз*.

19. *истз* наименованіе человѣка, занимающагося какимъ либо искусствомъ или принадлежащаго къ какому нибудь званію, есть иностранные, съ латин. *ista*. Если оному дано здѣсь мѣсто, то надобно будетъ говорить и о другихъ иностранныхъ окончаніяхъ въ именахъ

чиновъ и званій, принятыхъ въ языкъ Русскій. Напр. *оръ, еръ, иръ, алъ* и пр. (ассесоръ, кавалеръ, касиръ, генералъ).

Весь этотъ § 70-й требуетъ передѣлки. Роспись окончаній въ ономъ не полна, распредѣленіе ихъ сбивчиво. Окончаніе разныхъ значеній перемѣшаны одни съ другими. Надобно бы отдѣлить въ особый разрядъ уменьшительныя и увеличительныя, прочія же окончанія распредѣлить по частямъ рѣчи, отъ коихъ какое существительное имя происходитъ. Тогда яснѣе можно бы было увидѣть причину, по какой слова принимаютъ то или другое окончаніе.

21. Показанныя въ исключеніяхъ именъ уменьшительныхъ *столычекъ, рукавочекъ* едва ли употребительны. Также и *пыльца, сольца, кожичка, рожичка*.

22. *Днище* не есть увеличительное отъ дна. Днищемъ называется собственно исподъ у судовъ водородныхъ.

21. По однимъ употребительны, по другимъ (пѣтъ?). Говорятъ: *рукавочекъ, кожичка*. Въ разсужденіи словъ *пыльца* и *сольца* Московскіе критики упрекали меня за пропускъ сихъ словъ. Кто правъ?

22. Справедливо: вмѣсто: *днище* можно поставить *зеркалице*, и дѣло кончено.

.IV.

ПИСЬМА

П. И. КЕППЕНА КЪ В. В. ГАНКЪ.

1823—1830.

Временный указатель писемъ.

- №
1. Кеппенъ Ганкѣ, $\frac{28 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ 1823 года.
  2. » » 17/29 октября 1823.
  3. » » 8/20 мая 1824.
  4. Секретарь Россійской Академіи, Петръ Соколовъ Ганкѣ, 10 мая 1824.
  5. Кеппенъ Ганкѣ, 12/24 января 1825.
  6. » » 6/18 апрѣля 1825.
  7. » » 5/17 августа 1825.
  8. » » 1/13 декабря 1825.
  9. » » 24 декабря 1825.
  10. » » 13/25 апрѣля 1826.
  11. » » 15/27 іюля 1826.
  12. » » 16/28 сентября 1826.
  13. » » 13/25 октября 1826.
  14. » » $\frac{25 \text{ октября}}{6 \text{ ноября}}$ 1826.
  15. » » 18/30 ноября 1826.
  16. » » 27 января 1827.
  17. » » 6/18 апрѣля 1827.
  18. » » 1/13 іюня 1827.
  19. » » 14/26 іюля 1828.
  20. » » 1/13 ноября 1829.
  21. » » 29 декабря 1829.
  22. » » 15 января 1830.
  23. » » $\frac{29 \text{ января}}{10 февраля}$ 1830.
-

Письма П. И. Коплена къ В. В. Ганкѣ.

№ 1.

Wien, ^{28 Aug.}_{9 Sept.} 1823.

Копленъ, препоручивъ Ганкѣ знакомаго путешественника, профессора Шнейдера, изъ Бреславля, продолжаетъ:

. . . Vom Herr von Primisser¹⁾, welcher Jhnen besonders viel Dank weiss, erfahre ich, dass man in Prag um Herrn Abbé Dobrowský bekümmert ist. Wir aber erwarten ihn hier in Wien, wohin er, wie er an H. Kapitar schrieb, zu fuss kommen wollte²⁾. . . . Möchte ihm doch nur auf seiner Wanderschaft nichts unangenehmes zugestossen seyn. Ich bitte Sie das beyfolgende Exemplar meiner Hekate³⁾ gefälligst anzunehmen. Dabei ist auch eine kurze Biographie des Profess. Linde⁴⁾. Etwas für's National Museum, wie auch für Herrn Palacký, ist unter Convert des Herrn Abbé Dobrowský abgegangen. Für Herrn Professor Jungmann lege ich hier einen Linde bey⁵⁾.

---

¹⁾ Примиссеръ — общій знакомый Коплена, Добровскаго и Копитара. Въ письмѣ отъ 20 августа 1823 г. Копитаръ извѣщаетъ Добровскаго, что онъ третьяго дня чрезъ Примиссера послалъ ему цѣлый ворохъ русскихъ книгъ (Письма Добровскаго, № 167).

²⁾ Письмо къ Копитару отъ 12 августа 1823 г. Добровскій начинаетъ: «Es wird doch sich fügen, dass ich nach Wien, da ich nicht fahren kann, zu Fusse komme» . . . (Письма Добровскаго, № 165).

³⁾ Т. е., «Die dreigestaltete Hekate und ihre Rolle in den Mysterien», оттискъ изъ «Archiv für Geschichte, Statistik» etc. бар. Гормайера, 1823 г.

⁴⁾ Т. е., «S. G. Linde, eine biographische Skizze», оттискъ изъ «Jahrbücher der Literatur», XXIII Th., 1823.

⁵⁾ Раньше Копленъ прислалъ для Юнгманна, но «на пѣзкѣ», экземпляръ Истории русской словесности Греча. Ср. письмо его къ Марку отъ 17 июля 1823 г.—«Časopis Musea», 1883, p. 51.

№ 2.

Вѣна, 17/29 Октября 1823 года.

Милостивый государь!

Письмо Ваше очень обрадовало меня. Я никакъ не могъ думать, чтобы Вы хотѣли переписываться со мной по русски. Теперь, повѣрьте, что не стану писать къ Вамъ на другомъ какомъ либо языкѣ, кромѣ отечественнаго. Боюсь только, что Вы съ трудомъ будете разбирать мою руку, ибо пишу слишкомъ худо.

Исторію Россійской Словесности ¹⁾ прошу приобщить къ прочимъ книгамъ Вашего Народнаго Музеума. Весьма радуюсь, что могу служить Вамъ этою бездѣлицею. Для г. Копытара я выписалъ изъ С. Петербурга другой экземпляръ. Посылаю при семъ переводъ сей же книги, которой я изъ Варшавы получилъ отъ г. Линде ²⁾, препровождающаго оный въ то Прагское Общество, котораго онъ членомъ ³⁾. Понимѣя и не имѣлъ еще случая препроводить онаго къ Вамъ. Если Вамъ угодно будетъ увѣдомить меня о полученіи сей книги, то прошу писать ко мнѣ въ Дрезденъ. Тамъ я думаю быть въ декабрѣ или въ январѣ мѣсяцѣ. Въ скоромъ времени я оставляю Вѣну и поѣду въ Мюнхенъ и Авгсбургъ, оттуда, можетъ быть, посѣщу Гейдельбергъ, а, можетъ быть, и прямо чрезъ Веймаръ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ возвращусь въ С. Петербургъ.

Позвольте мнѣ и въ послѣдствіи оставаться съ Вами въ перепискѣ, и повѣрьте, что каждое письмо Ваше доставлять мнѣ будетъ полное удовольствіе. Съ отличнымъ почтеніемъ и пр. . .

П. Кеппелъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе почтеннѣйшимъ гг. Добровскому, Юнгманну и Палацкому. Не будете ли Вы имѣть случая увѣдомить г. Линде о полученіи его книги? Вы бы меня сему очень должны.

¹⁾ Т. е., экземпляръ указ. выше книги Греча.

²⁾ Т. е., переводъ Исторіи Греча, изданный Линде въ 1823 г., съ дополненіями по Кеппену.

³⁾ Вѣроятно, въ «Чешское Общество наукъ».

№ 3.

Императорская Россійская Академія, препровождая у сего 2 экземпляра своего Россійскаго Словаря¹⁾, одинъ для Вашего Благородія, а другой для г. цензора Коцытара въ Вѣнѣ (который представитъ оной Императорской Придворной Библіотекѣ), проситъ о полученіи сихъ книгъ доставить увѣдомленіе.

Членъ и непремѣнный секретарь Академіи, д. ст. сов. и кавалеръ

Петръ Соколовъ.

С. Петербургъ ¹⁸²⁴
Маія 10 дня.

Г-ну профессору Ганкѣ въ Прагѣ.

№ 4.

Рукою Ганки: «копія письма Коппена изъ С. Петербурга».

Милостивый Государь!

На письмо, полученное отъ Васъ въ Дрезденѣ, я тогда не успѣлъ отвѣчать: за то теперь отвѣтствую *in folio*. А. С. Шишковъ благодаритъ за пожеланіе ему Несторова вѣка и посылаетъ къ Вамъ полной экземпляръ Академическаго Словаря. Думаю, что на Ваше же имя будетъ отправленъ и другой экземпляръ, назначенный для Импе-

¹⁾ Последній, шестой, томъ его вышелъ только въ 1822 году. Какъ цѣнна должна была быть эта академическая присылка для Ганки, видно изъ того, что чешскіе патріоты—«русоманы», какъ ихъ называли, не скупились деньгами, чтобы только получать Словарь. Еще 6 октября 1819 г. Юнгманнъ жалуется другу Марку (Антониу, замѣчательнѣйшему изъ учениковъ Добровскаго, недавно умершему): «изъ лейпцигскихъ книгъ намъ мало досталось... Мы дали на русскій академическій Словарь 8 талеровъ, а онъ обошелся въ 14; столько же и за Словарь Линде. Эти русскія книги обошлись намъ 28 талеровъ. Мы позаботимся о Карамзинѣ и о второмъ изданіи Словаря». («Сазорівъ Муса», 1882, р 460). Онъ важень былъ для чешскихъ друзей Россіи въ практическихъ интересахъ—для изученія нашего языка и выработки своего.

раторской Публичной Библіотеки въ Вѣнѣ. Пусть и Копытарь пора-
дуются! Деньги за пересылку прошу взыскать съ Вѣнцовъ.

Не будучи въ состояніи служить Вамъ чѣмъ нибудь лучшимъ,
прилагаю у сего экземпляръ моего списка Русскимъ памятникамъ¹⁾ и
прошу принять оной въ знакъ моей къ вамъ преданности.

Прошу меня увѣдомить, что это за богемская рукопись (хроника),
отысканная Пертцомъ въ Вольфенбительской библіотекѣ. Онъ говорилъ
мнѣ объ оной; но тогда я занятъ былъ другими предметами.

Александръ Семеновичъ Шишковъ въ скоромъ времени будетъ
писать къ Вамъ — теперь онъ очень занятъ, а посылка моя должна
быть отправлена сегодня. Спѣшу и потому прощаюсь съ Вами въ
надеждѣ, что вы скоро подарите меня письмецомъ, которымъ очень
порадуете имѣющаго честь быть и пр.

П. Бенипънъ.

С. Петербургъ, 8/20 мая 1824 г.

Пишите ко мнѣ безъ всякихъ титуловъ; меня зовутъ Петромъ
Ивановичемъ, а Васъ я прошу сказать мнѣ свое отечество, ибо знаю
только что имя Вячеславъ, а по бабушки какъ — не знаю. Русскій
адресъ мой: Его Высокоблагородію П. И. Кеппену въ С. Петербургъ
въ квартирѣ г. ст. сов. Н. М. Яновскаго.

П. С.²⁾ Словарь будетъ къ Вамъ посланъ чрезъ здѣшняго ком-
миссіонера Имп. Академіи Наукъ (Wielh. Mayer), который перешлетъ
оной въ Галле (Halle) на имя книгопродавца Чвечке.

№ 5.

S. Petersburg. 12/24 Jänner, 1825.

Hochzuverehrender Freund!

Nehmen Sie mit Nachsicht die beyliegende Blätter zur Hand und
bessern Sie, was Sie bessern können, auf dass wir doch gemeinschaftlich

---

¹⁾ Списокъ рус. памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи
художествъ и отечественной палеографіи, собр. и объясненнымъ П. Кеппе-
номъ. М. 1822. (Изданъ Казаидовичемъ).

²⁾ Post scriptum ?

einmal über unser Slawisches Alterthum ins Reine kommen. Leider, habe ich in den trefflichen Schrift unsers Meisters, des Herrn Dobrowský, die böhmischen Titel der alten Drucke vermisst. Könnte ich solche nicht noch durch Ihre Güte erhalten, um die bey der zweyten Ausgabe des Verzeichnisses zu benutzen? Auch liegt mir sehr an einen vollständigen Verzeichnisse der Grammatiken und Wörterbuche der Böhmischen Sprache¹⁾. Die polnische Partei hat Herr von Chlendowski in Warschau gütigst zu besorgen versprochen²⁾. Könnten Sie mir in Beziehung auf die böhmischen Schriften dieser Art nicht die beste Quelle nachweisen und auch wohl Nachträge liefern? Wie gut wäre es, wenn solche Arbeit einmal zu Stande gebracht wäre. Dem Exemplare für Herrn Abbé Dobrowský (dem ich mich bestens zu empfehlen bitte) füge ich auch noch welche für die Herrn Jungmann und Palazky hinzu. Grüßen Sie beyde herzlichst und entschuldigen Sie mich, dass ich ihnen nicht selbst schreibe. Würde nicht einer oder der andere Nachträge und Verbesserungen meiner Arbeit liefern?

Mit etc.

Diener und Freund K ö p p e n.

Sollten Sie mir ein corrigirtes Exemplar nicht senden können, so würde solches durch Herrn Hofrath v. Rodofnikin bey unserer Gesandtschaft in Wien geschickt (werden) können³⁾. Sagen Sie gefälligst Herrn von Dobrowský, dass ich aus seinem Cyrill und Method so eben einen russischen Auszug gemacht und in die Censur gegeben habe. Der Kanzler hat die ganze Schrift übersetzen lassen, und Wostokow sieht so eben die Uebersetzung durch⁴⁾.

---

1) Речь идетъ о статьѣ самого Кеппена — «Словенская литература: Списокъ (-Verzeichniss) первопечатнымъ Словенскимъ книгамъ», которо открываются «Библиографическіе Листы». Здѣсь—исповѣданіе вѣры издателя. За этой статьєю имѣла слѣдовать вторая: «Росписан существующимъ по нынѣ Грамматикамъ и Словарямъ разнымъ Словенскихъ нарѣчій». («Библи. Листы», № 1, стр. 2).

2) О присылкахъ Хлендовскаго (Chlendowski)—тамъ-же, стр. 8.

3) Родофиникинъ—извѣстный нашъ консулъ въ Сербіи при Кара-Георги, теперь въ Вѣнѣ.

4) Речь идетъ объ извѣстномъ переводѣ Погодина.

№ 6.

6/18 April 1825. Körper ersucht Herrn von Hanka die beyfollgende Sendung gütigst aufnehmen zu wollen.

№ 7.

С. Петербургъ, 5/17 августа 1825 г.

Письмо Ваше и первую часть Богемской Литературы я имѣлъ удовольствіе получить и приношу Вамъ, Милостивый Государь, мою отличную признательность. Благодарю Васъ въ особенности за отиѣтку тѣхъ номеровъ, которые находятся уже въ моемъ Спискѣ первопечатнымъ словенскимъ книгамъ. При второмъ изданіи сего Списка я воспользуюсь сочиненіемъ Г. Юнгманна, которое мною уже все просмотрѣно. Я приготовилъ объ ономъ извѣстіе для Библиографическихъ Листовъ¹⁾. Въ числѣ препровождаемыхъ при семъ № 18 — 21 есть одинъ (№ 18), въ коемъ я коснулся и новѣйшихъ произведеній чешской литературы. Если я въ чемъ либо ошибся, то прошу Васъ исправить мои погрѣшности, если можно еще до окончаніи сего года, ибо въ будущемъ едва ли буду продолжать изданіе Библиографическихъ Листовъ. Желалъ бы опять повояжировать. Не знаю еще, удастся ли мнѣ когда либо объѣхать Карпаты и побывать въ Бродцин, а признаюсь, что давно уже сего желаю.

По препорученію вашему я засвидѣтельствовалъ Ваше почтеніе Александру Семеновичу Шшккову, который Вамъ кланяется. Прошу Васъ поблагодарить за меня гг. Юнгманна и Палацкаго за воспоминаніе обо мнѣ.

20 экземпляровъ Библиографическихъ Листовъ я посылаю въ Лейпцигъ для продажи, на имя книгопродавца Фридриха Флейшера, предоставляя ему самому назначить цѣну сего изданія. Прошу засвидѣтельствовать мое отличное почтеніе нашему отцу Добровскому.

¹⁾ Т. е., «Historie literatury české», v Praze, 1825. Общанная рецензія этой книги помѣщена въ № 22 «Библиогр. Листовъ», стр. 311—316, съ цензурной отиѣткой отъ 8 августа.

Скажите ему, что я давно уже ожидаю отъ него извѣстiя, собственно-ручнаго, которымъ бы онъ меня чрезвычайно обрадовалъ.

Въ заключенiе позвольте еще поблагодарить Васъ за поправку разныхъ опечатокъ и пр. въ доставленной ко мнѣ книгѣ. Для меня это тѣмъ полезнѣе, что при новомъ изданiи Списка первопечатнымъ книгамъ я желаю внести въ оной подлинныя заглавiя книгъ.

Съ истиннымъ почтенiемъ и пр.

П. Бяццень.

Академикъ нашъ Грефе отправляется въ чужiе края; если бы ему случилось побывать въ Прагѣ, то сдѣлайте одолженiе — прiймите его благосклонно и окажите всевозможное пособiе.

Въ № 26 моихъ Листовъ я помѣщу хронологическое указанiе на чешскiя книги, изданныя до 1526 г. (ссылаюсь на Исторiю Г. Юнгманна). Не знаю однако, не случилось ли мнѣ иногда почестъ рукопись первопечатною книгою. Сдѣлайте одолженiе, свѣрьте, если успѣете, сiи указанiя, и буде есть ошибки, то исправте оныя. Не довести ли мнѣ списка чешскимъ книгамъ до онаго 1526 г.? Прилагаю сiи указанiя. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ выписать для него два экземпляра Исторiи чешской литературы; когда оная допечатается, то покорнѣйше прошу доставить сiи экземпляры въ Вѣну къ г-ну Копытару, который сохранитъ ихъ у себя до времени. — Nehmen sie mir diess Geschmiere nicht übel!

№ 8.

S. Petersburg, 1/13 December am Jahre 1825.

Dass ich Ihre Jungmann'sche Geschichte fleissig studirt habe, werde Jhnen № 22 und 26 meiner Blätter beweisen. Dank Jhnen für diese gefällige Mittheilung. Herrn Professor Jungmann bitte ich zu sagen, dass ich ihm über Danzig und Leipzig, durch den Buchhändler Fr. Fleischer, ein vollständiges Exemplar (№ 1—25) meiner bisher erschienenen Blätter geschickt habe.

Jhnen sende ich jetzt № 22—23 zu. Dabei folgt auch das Facsimile der Königinhofer Handschrift. Würden Sie wohl die Gefälligkeit

haben solches collationiren zu wollen und mir die Correctur davon (roth) zu zuschicken. Um das Porto zu ersparen, bitte ich Sie mir das Stückchen, welches diese Facsimile enthält, abzuschneiden und mir so zurückzuschicken.

Wird denn Papá Dobrowský mir nie und nimmer schreiben? Fragen Sie ihn gefälligst, ob er ergrimmt sey über mich, und warum denn? Doch glaube ich hiezu keine Veranlassung gegeben zu haben. Leben Sie wohl und schreiben Sie bald Ihrem

Freunde und Diener Körpern.

№ 9.

Кеппенъ, свидѣтельствую свое отличное почтеніе господину Ганкѣ, покорнѣйше просить принять при семъ препровождаемые номера Библиографическихъ Листовъ, какъ для себя собственно, такъ и для Г.г. Юнгманна и Палацаго. С. Петербургъ, 24 декабря 1825 г.

№ 10.

Милостивый Государь!

Вы изволили доставить ко мнѣ окончаніе превосходной исторіи Чешской Словесности, за которую приношу Вамъ усерднѣйшую благодарность. Снимками съ древнихъ рукописей Вы¹⁾ меня чрезвычайно обрадовали. Но, къ сожалѣнію, Вы не отмѣтили на оныхъ, съ какихъ рукописей они сняты. Снимокъ, писанный крупными буквами, есть Судъ Любуши, мѣлчайшимъ же Брагедворская Рукопись; третій снимокъ съ рукописи почти скорописной заимствованъ, думаю, изъ исторіи Александра (orig. in bibliotheca Rudnicensi); такъ-ли? И что это за библіотека?

Бъ сему присовокупили Вы снимокъ рукописи (orig. in Museo Bohemico), Кар. IX: «Kdiz diewky ot ottzow etc.» — что это такое? Укажите только на № въ книгѣ г. Юнгманна, если онъ говорить о

---

¹⁾ Въ копіи стоятъ «мы».

сей рукописи¹⁾. Г. Добровскій пишетъ ко'мнѣ: «Die älteste Handschrift oder besser zwey Blätter von der ältesten Handschrift liegen in böhm. Museum»²⁾—это та рукопись, о которой онъ говоритъ? — Наконецъ доставлены ко мнѣ снимки съ печатей, откуда сіи заимствованы? Прошу Васъ меня о семъ увѣдомить подробно.

Ради Бога, не приписывайте намъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Самые извѣстные для Васъ предметы, безъ объясненій, для насъ могутъ оставаться загадками. Если время вамъ дозволить, то покорнѣйше прошу отвѣчать мнѣ на сіи вопросы въ непродолжительномъ времени и по почтѣ.

Г. Добровскій увѣдомилъ меня, что Вы согласны сообщить мнѣ подробнѣйшія извѣстія о первопечатныхъ богемскихъ книгахъ³⁾. Я Вамъ за это чрезвычайно былъ бы обязанъ и желалъ-бы имѣть переводы нѣкоторыхъ заглавій, кои для меня не совсѣмъ понятны. Впрочемъ дѣло сіе еще не къ спѣху.

Съ чувствомъ и пр.

И. Бяшпенъ.

С. Петербургъ, 13/25 апрѣля 1826 г.

Прилагаю при семъ № 38—40 моихъ Листовъ и письма къ Г-мъ Добровскому и Юнгманну.

¹⁾ Поставившій въ недоумѣніе старочешскій снимокъ было facsimile такъ называемой Далимеловой Хроники, девятая глава которой и начинается стихами:

«Když dievku ot otců sě brachu
a na Děvin sě vzebrachu. . . ».

²⁾ Въ письмѣ отъ 1/13 декабря 1825 г. къ Ганкѣ (см. № 8) Кеппенъ сѣдуетъ, что Добровскій не пишетъ къ нему. Ганка это письмо, вѣроятно, прочелъ старикъ, и 14 января (н. стilia) 1826 г. Добровскій уже пишетъ Кеппену. Оно начинается довольно рѣзкимъ выговоромъ: «м е н я о ч е н ь у д и в л я е т ь, что Вы пишете, что отъ меня не имѣете никакихъ писемъ. Вѣдь на каждое Ваше письмо я не могъ же отвѣчать!» (Письма Добровскаго, стр. 675). Ясно, что это письмо—отвѣтъ на сѣтованіе Кеппена, а получено оно было въ Петербургѣ 6 февраля. — Приводимыя Кеппеномъ строки изъ письма Добровскаго естественно всего ожидать найти въ письмѣ старика отъ 14 января 1826 г. . . Но ихъ тамъ нѣтъ. Слѣдовательно, или письмо, напечатанное ак. Ягичемъ, не полно, или не всѣ еще письма Добровскаго къ Кеппену извѣстны, или не всѣ сохранились.

³⁾ И это указаніе также изъ неизвѣстнаго письма Добровскаго къ Кеппену. Вѣроятно, изъ того-же письма, откуда приведены и нѣмецкія строки выше.

Пятую часть Сопикова я доставляю къ Вамъ чрезъ книгопродавца. Первая же часть особо не продается, и должно бы взять всѣ 4 части вмѣстѣ, стоящія 30 рублей.

Отдѣльно при этомъ письмѣ Хронологическій списокъ первопечатнымъ богемскимъ книгамъ. NВ. № относится къ I части Истории Чешской Литературы Г-на Юнгманна. Числа, показанныя въ скобкахъ, относятся къ №, показаннымъ въ Библиографическихъ листахъ.

(Этотъ «Списокъ» довольно обширный, и продолженіе его писано рукою самого Гаяки).

№ 11.

S. Petersburg, 15/27 Juli, 1825.

Hier, mein sehr hochgeschätzter Freund, erhalten Sie den 5. Band der Sopikov' schen Bibliographie. Auch lege ich wiederum zwey Bogen meiner Blätter bey. Den letzten Bogen, enthaltend den Schluss des 2. Registers und die Druckfehler, sollen Sie nächstens nachgeschickt bekommen.

Leben Sie wohl! Empfehlen Sie mich freundschaftlichst den Herrn von Jungmann und Palacki und sagen Sie mir doch, was sie im literarischen Fache treiben?¹⁾

№ 12.

Euer Wohlgeboren freundschaftliche, mir besonders in bibliographischer Hinsicht sehr werthe Zeilen (den deutsch geschriebenen Brief) habe ich erhalten und danke vielmal dafür. Nächstens hoffe ich Ihnen durch Couriergelegenheit zu schreiben. Nun aber mir noch die Bitte um gütige Aufnahme der befolgenden Literärnotizen.

K.

S. Petersburg, 16/28 Sept. 1826.

---

¹⁾ Письмо съ траурной лентою по случаю смерти императора Александра. Оно почему-то неправильно помѣщено Гаякою, вообще тщательнаго собиравшаго и сортировавшаго письма своего перваго русскаго друга, впереди письма отъ 1/13 дек. 1825 г. (№ 8). Мы отнесли его на его мѣсто.

S. Petersburg, 13/25 October 1826.

Sehr hochgeschätzter, gütiger Freund!

Ihr letztes, gütiges deutsches Schreiben erhielt ich am 15. Sept. und bringe Ihnen dafür meinen herzlichsten Dank. Die Facsimile (Jungmanns Gesch. d. B. Lit. II. 2, 4, 17, gleich dem Serbischen aus der Rudn. Biblioth.) erhielt ich; eben so die Beylagen zu Ihrem Briefe, welche aus gedruckten Werken entlehnt wurden. Noch gehen mir aber leider diejenige Facsimile ab, welche Sie zugleich mit den Exemplaren der Jungm. Gesch. d. Böhm. Lit. für den Kanzler und den Minister der Aufklärung sendeten. Wie? — unter welcher Adresse wurde diese Sendung expedirt? Liegt solche etwa jetzt noch in Wien? (Es waren darin, wie Sie mir gütigst anzeigen, folgende Stücke enthalten: Jungm. II, 3, 12, 13 und III, 84). Haben Sie die Gewogenheit diese Frage nicht unbeantwortet zu lassen, denn gerade jetzt muss mir besonders daran liegen, da ich noch nicht weiss, ob ich in Petersburg bleibe, oder eine Bestimmung in Süden des Reichs bekomme, den Wissenschaften zum Theil entsagend. Gänzlich scheiden von alten Freunden, ist ja ein Ding der Unmöglichkeit!

Mit dem heutigen Courier schreibe ich auch an Herrn von Kopitar, mich nach Ihrer Sendung erkundigend. Die letzten Bogen meiner Bibl. Blätter sollen durch einen anderen Courier expedirt werden; schon liegt alles für Sie und unsern gemeinschaftlichen Vorsteher — Papa Dobrowský, — in Bereitschaft. Diese Sendung erhalten Sie jetzt über Halle. Sagen Sie mir doch, wie hoch sich von Ihrer Seite die Auslagen für diesen Brief belaufen, damit ich weiss, ob ich auch künftig im Nothfalle, diese nämliche Gelegenheit benutzen darf. — Ihre gütigen Mittheilungen in Betreff neuer böhmischer Werke, habe ich nach Moskau expedirt, wo solche im Telegraphen abgedruckt werden sollen¹⁾.

Herzliche Grüsse an die Herrn Dobrowský, Jungmann und Palacký von Ihrem treuergebenen

Freund und Diener Köppen.

¹⁾ Действительно, въ «Московскомъ Телеграфѣ», Н. Полеваго 1826, ч. X, любезно напечатана была статья Ганца, съ препроводительнымъ письмомъ Кёппена (стр. 315—316). Ср. выше у насъ.

Ручкою Ганки: «Отвѣтъ 20 декабря».

С. Петербургъ $\frac{25 \text{ октября}}{6 \text{ ноября}}$ 1826.

Вчера я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше отъ 19 октября, содержащее дополненія къ прежнимъ извѣстіямъ о первопечатныхъ богемскихъ книгахъ.

На дняхъ получены здѣсь для меня моремъ три пакета, въ числѣ коихъ долженъ находиться и тотъ, который Вы изволили ко мнѣ отправить. Еще пакеты сіи ко мнѣ не доставлены, но Г-нъ Греге сказывалъ мнѣ, что тѣ послышки, которыя получены виѣстѣ съ его книгами, содержатъ Юнгманнову Исторію Богемской литературы¹⁾. Благодарю покорнѣйше за сей драгоценный подарокъ. Сегодня я уже представилъ Ал. Сем. Шишкова о полученіи сихъ книгъ. При представленіи ему сочиненія Г-на Юнгманна, попрошу, чтобы автору посланъ былъ экземпляръ Академическаго Словаря. Надъ какимъ Словаремъ трудится Г-нъ Юнгманнъ? — прошу Васъ о семъ мнѣ при случаѣ увѣдомить.

Знаете-ли, что А. С. Шишковъ на прошедшей недѣлѣ женился? Сдѣлайте милость, сообщите мнѣ при первой оказіи вторую книжку Starobylá Skládanie²⁾. Мнѣ книжка сія понадобится при изданіи мною земныхъ словенскихъ памятниковъ.

Прилагаю при семъ окончаніе моихъ Библиографическихъ Листовъ. Если г. Добровскій не получилъ еще сего окончанія изъ Вѣны, то сдѣлайте одолженіе, передайте ему оное. Скажите ему, прошу Васъ, что здѣсь въ Петербургѣ я не отыскалъ Библии 1739 года, изъ коей онъ требовалъ выписки³⁾. Какъ скоро удастся отыскать сіе изданіе, то я не премину удовлетворить его желаніе. Опять прошу Васъ увѣдомить

¹⁾ Вѣроятно, Греге посѣтилъ Прагу лѣтомъ 1826 года.

²⁾ Извѣстный Сборникъ произведеній старой чешской литературы, издаваемый Ганкою съ 1817 года.

³⁾ Въ письмѣ къ Копчеву отъ 6 дек. 1824 г. Добровскій, выражая сожалѣніе, что онъ поспунилъ въ свое время купить Библию изданія 1739 г. въ Москвѣ на рынкѣ, проситъ своего корреспондента помочь ему — сообщить нѣсколько стиховъ (Письма Добровскаго, стр. 674).

меня о томъ, что́ стоить пересылка сего письма. За издержки Ваши въ семь случаевъ дозвольте мнѣ прислужиться Вамъ какою либо русскою книгою.

Почтеніе мое прошу засвидѣтельствовать Г.г. Юнгманну и Палацкому.

Съ чувствомъ и пр.

БЕПНЕНЪ.

(Письмо въ малую 16 долю листа, для удешевленія почтовой пересылки).

№ 15.

Sehr hochgeschätzter Freund!

Rechnend auf die Fortsetzung Ihrer gütigen Mittheilungen habe ich gern einigen Moskauischen Literatoren, an deren Spitze sich Pogodin (der Ihnen bekannte Uebersetzer des Dobr. Schrift) gestellt hat, zugesagt, ihnen für ein neues Journal — Московскій Вѣстникъ — Slavica zu liefern. So lange ich daran Theil nehme, bitte ich Sie mir alle Nachrichten gefälligst per Porco, — Bücher und grössere Sendungen aber wie früher über Wien (oder zu Schiffe) zuzusenden. Gern will ich dagegen mit Russischen Sachen dienen. Je öfter, je ausführlicher Sie schreiben, um so mehr werde ich Ihnen Dank wissen für alle Mittheilungen und Belehrungen. (Auch Wostokow verspricht den Moskauern hierüber etwas zu liefern).

Es ist möglich, dass ich in Angelegenheiten des Ministeriums des Innern, nach Taurien ziehe und mich dort (etwa in Sympheropol, oder unmittelbar am Strande) niederlasse um von da an die Reisen zur Persischen Gränze und zur Polnischen, auch ins innere bis nach Charkow hinauf zumachen. Dort würde ich dann mehr Zeit haben meine Slawische Correspondenz zu kultiviren und könnte mehr, vielleicht, und besseres liefern. Alles, was ich an Sie zu expediren hätte, müsste über Triest an Sie gelangen.

Nun aber habe ich noch einen mir sehr wichtig scheinenden Gegenstand mit Ihnen zu verhandeln. Diess betrifft die Ausbreitung des Slawischen Studiums in Russland. Es wäre sehr erwünscht, dass von nun an (die neue Organisation des Schulwesens, welche so eben im Werke ist, könnte dazu beytragen) bey den Universitäten Professoren für die Geschichte der gesammten Slawischen Literatur angestellt

würden. Sagen Sie mir, was Sie hievon denken, — wen Sie wohl als Mitarbeiter in diesem Falle nennen möchten, und—ob Sie nicht selbst geneigt wären sich nach Russland zu versetzen, und unter welchen Bedingungen?

Wer Russischer Professor wird, wird eo ipso auch Hofrath. So wenigstens war diess bis jetzt der Fall. Er und seine Kinder gehörten (sobald sie Russischen Unterthanen wurden) dem Russischen Adel an. Die Gehälte der Professoren werde künftig hin, wahrscheinlich, 4 bis 5 Tausend Rubel (also wohl sagen 2000 Gulden Conv. Münze) ausmachen. Petersburg, Moskau, Charkow und Kasan sind die Universitäten, für welchen Slawische Professoren zu wünschen wären.

Vorläufig habe ich mit dem Minister in dieser Beziehung schon gesprochen und er erlaubte mir Ihre Meinung einzuholen. Nur bitte ich um schleunige Antwort, da ich selbst nicht weiss—ob und wie lange ich noch in Petersburg bleibe.

Was halten Sie von Herrn von Schaffarjk und meinen Sie wohl, dass er nach Russland ziehen würde? Wünschenswerth wäre es, dass wir Männer von beyden Hauptzweigen des Slawischen Stammes herbekämen. —Schade, dass Hr. Palacki bis her noch wenig geschrieben hat und glauben Sie wohl, dass er bey seiner poetischen Seite die dürre Literatur nicht zu leicht nehmen würde? Sein Eifer scheint übrigens für ihn zu bürgen. Aber hat er denn auch wohl die Literatur des östlichen Sprachzweiges berücksichtigt?

Die Vorträge könnten fürs erste in Lateinischer (auch wohl in Deutscher) Sprache statt finden, bis die neuen Professoren sich das Russische ganz angeeignet haben würden.—Hätten wir wenigstens einen gelehrten Böhmen oder einen Slowaken hier, so könnte der verglichene Dalimil hier gedruckt werden, wie es der Minister wünscht¹⁾. Nächstens wird er Ihnen selbst über diesen Gegenstand, gleich wie auch über die Lubenskischen Arbeiten schreiben, die er hieher wünscht. Setzen

---

¹⁾ Т. е. Шишковъ. Въ это время Ганка занимался известною чешскою летописью Далимила, полную патриотическихъ обвиненій противъ иновемщины, ямцевъ. Эту патриотическою стороною своею чешскій анонимный стихотворецъ и могъ особенно интересовать Шишкова, до того, что онъ пожелалъ видѣть изданіе его въ Петербургѣ.—Книга—всегда близкій другъ славнаго втораго нашего старца . . . .

Sie doch Lubenski's Bedingungen auf und theilen Sie mir so
Wie weit sind die Dobrowskischen Arbeiten — rücksichtlich
sehen—vorgeführt?—Seine Mährische Legende hoffe ich anzubald
bald mir die Zeit diess gestattet.

Theilen Sie mir doch etwas bestimmteres mit über das
nische Wörterbuch. Noch sind mir die Elemente desselben
kannt.

Die mir gütigst zugeschickten Facsimile habe ich nun
erhalten bis auf eines (Alexander Rkp. in fol. Jungm. II, 12,
Könnte ich dieses nicht noch nachgeschickt

Das Facsimile aus der Libuscha werde ich geben; je
mir ein Urtheil darüber anmachen zu dürfen. Es darf also
Keinen ärgeru¹). Leben Sie wohl etc. . . .

Köppen.

St. Petersburg
den 18/30 November
1826.

(Помѣта рукою Ганни: «Отвѣтъ 4 янв. 1827»).

№ 16.

Среднеѣзовымъ письмомъ руки Ганни: «O(dvĕt?) přišel dn
Отвѣтъ 18 марта 1827».

Милостивый государь!

(Прошу увѣдомить меня, какъ звали Вашего родн
отчества по сіе время не знаю).

¹) О лужицанинѣ Лубенскомъ см. выше, въ текстѣ, глава

²) Очевидно дѣйствіе совѣта Добровскаго въ письмѣ отъ
1826 г.: «будьте же, поосторожнѣе относительно извѣстныхъ, сл
войливыхъ, корреспондентовъ. Либушинъ Судъ, говорите вы, з
таютъ подлиннымъ. Желалъ-бы я, чтобы эти знатоки были названы
(Письма Добровскаго, стр. 675). Добровскій имѣлъ въ виду сло
въ № 18 «Библиогр. Листовъ» (цена. помѣта 10 июня 1825): «Не
наю на мнѣніе г. Добровскаго, понимъ еще совершенно не опр
любители древней Богемской Литературы, и самыя знатоки
перестаютъ вѣрить, что Судъ Либуши есть по истинѣ древнее
реніе» (стр. 253).

Условія Ваши я представилъ Его Высочайшему Председателю г-ну Министру. Кажется, что дѣло сладится и что мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть Васъ въ С. Петербургѣ. Предварительно могу сказать Вамъ, что какъ А. С. Шишковъ, такъ и Михайло Михайловичъ Сперанскій, находятъ условія Ваши умѣренными. Теперь рѣчь идетъ о томъ только—учреждать ли словенскіе каѳедры или нѣтъ. Надѣюсь, что дѣло рѣшится въ пользу словенскаго, а слѣдовательно и отечественнаго языка.

За дополненія къ Списку первопечатныхъ книгъ я Вамъ очень обязанъ, равно какъ и за разными литературными новостями, изъ которыхъ нѣкоторыя уже напечатаны въ Московскомъ Вѣстникѣ. Оттиски сихъ извѣстій будутъ къ Вамъ доставляемы, по мѣрѣ полученія ихъ. Теперь посылаю листокъ изъ № 1 сего Вѣстника.

Въ скоромъ времени надѣюсь опять писать къ Вамъ. Нынѣ болѣзнь понуждаетъ меня сократить число строкъ моихъ.

Вашъ Кв. п. в. в.

С. Петербургъ, 27 января 1827 г.

Богемскія снимки гравированы и скоро доставляю къ Вамъ корректурные листы.

№ 17.

Милостивый государь,

Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше, съ приложенными при ономъ снимками, я имѣлъ удовольствіе получить. А. С. Шишковъ поручилъ мнѣ благодарить Васъ за обѣщанную Вами рукопись Вашего Далимила. Весьма хорошо то, что Вы съ оной оставляете у себя копію. Академія наша нынѣ (и давно уже) бездѣйствуетъ. Да и не будетъ добра, доколѣ она не будетъ имѣть порядочнаго секретаря. Соколовъ, принявшій на себя много разныхъ обязанностей, для полученія большихъ доходовъ, ни въ чемъ не успѣваетъ. Министръ обремененъ многими другими занятіями—а Академія—молчитъ. Прилагаю при семъ двѣ статьи для Общества Чешскаго Народнаго Музея¹⁾. Къ Вамъ и къ Г. Добровскому въ свое время

---

¹⁾ Вероятно, какіе либо оттиски, напр., изъ «Московского Вѣстника», ибо въ Прагѣ Кешпешъ ничего не печаталъ, какъ видно изъ тщательно составленнаго списка его трудовъ, при описаніи его юбилея.

доставлю полные экземпляры 3-ей книги моихъ Матеріаловъ¹⁾. Допечатать оныя, тотчасъ (въ первыхъ числахъ маія) переселись въ Таврію (въ Симеорополь), гдѣ отнынѣ буду имѣть главную свою квартиру, обязывая всю Южную Россію отъ Персидской границы до предѣловъ Царства Польскаго и Турціи Европейской.

О Словенской каедрѣ все еще ничего не рѣшено; коль скоро что либо послѣдуетъ, не премину Вамъ тотчасъ о томъ увѣдомить. Я съ моей стороны не перестаю хлопотать о семъ предметѣ.

Прошу засвидѣтельствовать почтеніе гг. Добровскому, Юнгманну, Палацкому и Челаковскому отъ и пр. . . .

Кеппенъ.

С. Петербургъ, 6/18 апрѣля 1827 г.

(Рукою Ганки: «Получено 3 юнія 1827»).

Назначенные для меня книги прошу по прежнему пересылать на мое имя въ Петербургъ, съ курьеромъ. Если же ихъ много, то чрезъ Триестъ въ Одессу, на имя брата моего, Барла Ивановича Кеппена, который за провозъ оныхъ внесетъ и слѣдующія деньги²⁾.

№ 18.

Sehr hochgeschätzter Freund!

In Beziehung auf Ihre, oder vielmehr auf unsre gemeinschaftliche Angelegenheit, betreffend die Slawischen Professuren, ist noch immer nichts entschieden. Nun da ich Petersburg verlasse, wird wohl mein Freund Götzе, den Sie durch seine deutsche Uebersetzungen Russischer und Serbischer Volkslieder wohl aus dem Morgenblatte kennen werden, die ferneren Unterhandlungen mit Ihnen fortsetzen³⁾. An den gemach-

¹⁾ Въ 1827 г. Кеппенъ выпустилъ «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», № III. Здѣсь его замѣчательная статья о литовскомъ народѣ и языкѣ, переведенная тогда же на языки нѣмецкій и польскій.

²⁾ Года два назадъ умеръ въ Одессѣ, въ глубокой старости, послѣдній Кеппенъ, Александръ Ивановичъ, полковникъ, землевладелецъ Херсонской губерніи, какъ всѣ братья, образованный, симпатичный. Но, въ сожалѣнію, мало имъ могли слышать отъ него о его заслуженномъ братѣ.

³⁾ Götzе, Peter Otto, дерптскій юристъ, въ 1828 г. издавъ въ Лейпцигѣ: 1) «Stimmen des Russischen Volks» и 2) «Wils. Serbische Volkslieder und Heldenmärchen», въ 2 частяхъ. — «Morgenblatt» — газета.

ten Bedingungen ist überhaupt nichts auszusetzen; es liegt nur an der Errichtung der Professuren. Wie früh oder wie spät diess zu Stande kommt, lässt sich noch gar nicht vorhersehen. Vielleicht, geschieht diess sehr bald, vielleicht, nimmer. Ich meinerseits habe dafür gewirkt was ich nur wirken konnte.

Vom 1 Hefte meiner Slawischen Denkmäler bitte ich Sie den Anfang (nämlich Vorrede und Beilage) freundlich entgegenzunehmen. Ebenso empfehle ich Ihrer gütigen Nachsicht das 3. Heft meiner Materialien, von welchen auch Exemplare für die Herrn von Jungmann und Palacki, gleich wie auch für das Königl.-Böhmische National-Museum folgen. Alles durch Fr. Fleischers Buchhandlung in Leipzig, zugleich mit 1 Exemplare des Akademischen Wörterbuches für H. Prof. Jungmann, den ich bitte den Empfang dieses Werkes dem Minister gefälligst anzeigen zu wollen.

K ö p p e n.

S. Petersburg, den 1/13 Juni 1827.

(Помѣтка рукою Гавки: «Одр. (т. е. odpověd') 10.22 list.», т. е. listopada).

№ 19.

Одесса, 14/26 июля 1828.

Милостивый государь,

Вячеславъ Вячеславовичъ!

Дражайшія для меня письма Ваши отъ 6 апр. и 10.22 list. я имѣлъ удовольствіе получить въ Симферополь, въ концѣ минувшаго года. Не вините меня за долговременное молчаніе. Виновать, самъ это чувствую, но, право, оправдываться на сей разъ не смѣю и — не умѣю. Благодарю усерднѣйше за всѣ доставленныя ко мнѣ книги и разныя литературныя извѣстія. Объ учрежденіи Словенской касседы я все еще хлопочу и не за-долго предъ сими о сѣмъ же предметѣ писалъ къ новому министру нар. просвѣщенія, его свѣтлости, кн. Барлу Андреевичу Ливену. Не знаю, что послѣдуетъ. Жаль, очень жаль, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла.

Если будете писать ко мнѣ, то, если можно, отсылайте письма чрезъ Вѣнскую миссію на имя г. Аделунга въ С. Петербургъ, который перешлетъ оныя ко мнѣ въ Симферополь... Мое почтеніе Гг. Юнгманну и Палацкому, равно какъ и господину Челаковскому.

Милостивый государь,

Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше отъ 20 апрѣля нов. ст. 1828 г. я имѣлъ удовольствіе получить 1 окт. сего 1829 г., на пути изъ Астрахани и Пензы въ С. Петербургъ. Нашелъ я опосе въ Тулѣ при письмѣ ко мнѣ преосвящен. Евгенія изъ Кіева.

3 часть моихъ Матеріаловъ и Словарь Академическій для г. Юнгманна погибли въ морѣ²⁾. Первую изъ сихъ книгъ самъ къ Вамъ доставлю. О Словарѣ же я докладывалъ А. С. Шишкову, который обѣщаль отпустить для г. Юнгманна еще одинъ экземпляръ Академическаго Словаря.

Смѣю надѣяться, что Евангеліе Остромирово будетъ со временемъ издано и, можетъ быть, Вами, ибо еще не теряю надежды видѣть Васъ въ С. Петербургѣ. При случаѣ прошу Васъ увѣдомить меня, не переѣхали ли Вы, или г. Челаковский мнѣнія своего касательно переселенія въ Россію. За доставленный мнѣ снимокъ (чешской Александрейды) и за переводъ литовскихъ пѣсенъ приношу я, какъ Вамъ, такъ и г-ну Челаковскому, мою искреннюю признательность³⁾. А. Хр. Востоковъ посылаетъ при семъ мнѣ самымъ сдѣланныя для Васъ выписки изъ Остромирова Евангелія.

Еще благодарю я усерднѣйше и за *Monatsschrift der Geschichte des Vaterländischen Museum*⁴⁾, равно какъ и за свѣдѣнія о древнемъ чешскомъ Евангеліи отъ Іоанна⁵⁾.

¹⁾ Предшествующее этому съ ганковскою огиѣткою: № 29, нѣмецкое письмо Кеплева изъ Симеорополя, отъ 23 января 1829 г., не представляетъ особаго интереса, и мы его опускаемъ.

²⁾ Т. е. Балтійскомъ. Изъ Петербурга влады шли на Любекъ моремъ.

³⁾ Кепленъ разумѣетъ изданную Челаковскимъ книгу: «Litewské národní písně. Z původního jazyka, dle sebraní Dr. L. J. Rhesy přeložil—». W Praze 1827, 133 стр. Очевидно, экземпляръ своего новаго труда Челаковский прислалъ Кеплену.

⁴⁾ Нѣмецкій органъ Чешскаго Музея, издававшійся Палацкимъ, къ соблазну истинныхъ патриотовъ, какъ Юнгманнъ, Марекъ, но черезъ годъ уже прекратившій свою жизнь, за недостаткомъ подписчиковъ. Объ отношеніи къ нему патриотовъ см. V. Zelený, «Život J. Jungmanna», 265 и слѣд., особенно, современную переписку дѣятелей того времени въ журналахъ.

⁵⁾ Изъ открытій Ганки, уже новой серіи. Не хитрая фабрикація, въ родѣ большинства чешскихъ глоссъ «Mater Verborum».

Сидшу. Простите и отвѣтствуйте, прошу васъ, чрезъ г. Ад-
лунга (Александра Федоровича), который въ Вѣнѣ состоитъ въ ка-
чествѣ секретаря Россійскаго Посольства.

БЕНЦЕНЪ.

С. Петербургъ, 1/14 ноября 1829. Въ домъ Яковлева, близь Семенов-
скаго моста.

(Рукою Ганки: «Получено 29 марта 1830»).

№ 21').

Unter der Hand.

Sehr werthgeschätzter Freund!

Ihre Sendungen habe ich mit Dank richtig erhalten. In aller Eile muss ich Ihnen doch sagen, dass unser Wunsch, Sie in Russland zu sehen, in Erfüllung zu gehen scheint! Seit ich wieder in Petersburg bin, ist nicht ohne Erfolg daran gearbeitet worden. Die Russische Akademie hat 30 bis 40 Tausend Rubel zur Anschaffung einer Slawischen Bibliothek bestimmt und jährlich 2 bis 3000 zur Completirung derselben. Zu Bibliothekaren sind gewählt: Herr von Hanka (mit 4000 Rub. Gehalt), Herr von Čelakowský (mit 3000 R.), Herr von Schafarjck (mit 4000 R.) — alle unter denselben Bedingungen, wie ausländische Professoren nach Russland berufen werden, mit Reisegeld, Kronsdienst etc. Herr von Čelakowský ist den extraordinären Professoren gleichgestellt worden. Ich habe darüber müssen eine besondere Note²⁾ einreichen, obschon ich nicht Mitglied der Russischen Akademie bin. Die Vorstellung über diesen Gegenstand ist schon von der Akademie ans Ministerium gelangt, und bedarf jetzt nur noch die Bestätigung des Monarchen. Obschon ich keineswegs an dieser Bestätigung zweifle, so könnte sich die Sache doch noch verzögen. Warten Sie also mit Geduld, bis ich oder sonst jemand officiell an Sie schreibt. Eine Ihre Haupt-

---

¹⁾ Въ оригинальномъ Собраніи № 32.

²⁾ Эту Записку Бенцена Шипшовъ въ засѣданіи Россійской Академіи 23 ноября 1830 г. внесъ въ видѣ своего предложенія. Она у ака. Сухомлинова: «Исторія Росс. Академіи», вып. VII, 229—232.

beschäftigungen soll die Zusammenstellung aller Slawischen Dialecten zu einem Wörterbuche seyn, in der Art wie das Lindsche, denke ich.

Grüssen Sie Herrn Čelakowský von mir etc. . .

K ö p p e n.

In Eile durch einen abgehenden Courier. S. Petersburg 29 Dec a. St. 1829.

Ich gedenke wenigstens noch 8 — 12 Wochen lang in Petersburg zu bleiben. . . Die Russische Akademie schickt Herrn Wenelin auf Reisen. Er geht in die Moldau, Walachey, die Bulgarey und Rumelien, auch nach Athos, wozu 6000 Rub.¹⁾.

№ 22.

S. Petersburg, 15 Jänner alt. St., 1830.

Vor einigen Tagen geruhete unser Kaiser den Plan der Russischen Akademie wegen Errichtung einer Slawischen Bibliothek zu bestätigen und genehmigte zugleich die Wahl der 3 Bibliothekare. Nun soll nächstens ein officieles Schreiben an Sie erfolgen. Heute sprach ich vor-

---

¹⁾ 30 апреля 1830 г. Венелинъ въ письмѣ Погодина приписываетъ Шевыреву въ Римъ: «Послѣ завтра ѣду и я въ страну классическую — классическую для Руси, Литвы — въ Болгарію. . . ѣду на счетъ Россійской Академіи. («Русскій Архивъ», 1882 г., № 3, 145). Въ сообщеніи Кеппена любопытно, что первая русская командировка въ славянскія земли (Кухарскій ѣздилъ на пять лѣтъ отъ Варшавскаго университета), командировка Венелина, брата изъ Австріи, пригравъаго прежде всего въ Кишиневѣ ректоромъ семинаріи, архим. Иринеємъ Нестеровичемъ, захватывала и Аеоискую Гору. Этотъ знаменитый пунктъ могъ быть указанъ самимъ Кеппеномъ. Правда, Аеонъ, какъ и весь Балканскій полуостровъ, отсутствуютъ въ «Запискѣ» Кеппена о путешествіи по славянскимъ землямъ: но о важности путешествія на Аеонъ, для успѣховъ славяновѣдѣнія, многократно указывалъ Добровскій, и, не смотря на свою дряхлость, въ 1823 г. и самъ желалъ было сдѣлать этотъ путь, «хотя, пишетъ онъ тогда изъ Феслю, я знаю, что рускіе все лучшее уже оттуда унесли». (Письма Добровскаго, стр. 631). Откуда это? Замѣчательно, что Святой Горѣ посвященъ цѣлый советъ въ Колларовой «Дщери Славы» именно, какъ «неисчерпанной сокровищницѣ славянскихъ рукописей»:

«Tam kde chová poklad nepřebnaný
Slavskýchъ rukopisů knihovna». . . (с. 295).

läufig schon mehrere Mitglieder der Akademie wegen des Reisegeldes, — welches doch noch nicht entschieden ist. Ihre Anstellung, gleich wie auch die Auszahlung der Gehalte soll vom Tage ihrer Ankunft in Petersburg datiren. Ich habe schriftlich den Wunsch geäußert, dass Herr von Čelakowský bey seiner Herreise das Rusnjakenland bereise und sich dort im N. Östl. Ungarn und S. Östl. Galizien gleich wie auch in Lemberg, Krakau und Warschau eine Zeitlang aufhalte und dass sein Gehalt und seine Anstellung von dem Tage seiner Abreise von Prag datirt. Nun bitte ich Sie uns aber auch baldigst zu sagen, ob Herr von Čelakowský diese Reise auch zu machen geneigt wäre. So viel ich weiss, ist er unverheirathet und könnte also leichter als Sie oder Herr von Schaffarjk die Reise ins Rusnjakenland machen. . . .

K ö p p e n.

(Рукою Ганна: «Odpow. 1 března 1830»).

№ 23.

S. Petersburg, ^{29 Jänner} 1830.
_{10 Febr.}

Endlich, mein sehr hochgeschätzter Freund, kann ich Ihnen den förmlichen Ruf der Kais. Russischen Akademie zustellen und bitte nun uns bald mit einer erfreulichen Antwort zu beschenken. Mich besonders interessirt eine baldige Antwort von Ihnen, denn in Zeit von 2 bis 3 Monaten schon hoffe ich Petersburg abermals zu verlassen, und würde doch gern noch vor meiner Abreise Ihre Angelegenheit beendet sehen. Schreiben sie mir offen und seyn Sie überzeugt, dass ich gern alle Ihre gerechten Anforderungen zur Kenntniss Seiner Durchlaucht des Minis-

Путешествіе позже Григоровича оправдало убѣжденіе Добровскаго объ архивскомъ значеніи Аѳона: добыча для науки была велика. И теперь отыскиваются временемъ на Аѳонѣ замѣчательныя славянскія рукописи, случайна, послѣ смерти какого-нибудь старика-келліота. Нынѣшняя бібліотека Пантелеймонова монастыря уже владѣеть нѣсколькими любопытными рукописями, приобретенными такимъ путемъ. Эвергін о. Матвѣя, занимающагося рукописными приобретениями, какъ и опытность о. Іосифа, бібліотекаря въ Андреевскомъ Скитѣ (раньше извѣстнаго ризничаго Синодальной Библіотеки въ Москвѣ), не сомнѣваемся, принесутъ новыя добрыя плоды для славянской археологіи.

ters bringen werde. Dieser (Fürst Lieven) nimmt selbst den lebhaftesten Antheil an der Sache und wird Sie gewiss mit vieler Güte hier aufnehmen. Sagen Sie diess, ich bitte Sie, auch Herrn Čelakovski, ihn zugleich davon unterrichtend, dass auch der Rang eines Collegien-Assessors (=Majors der 8^{en} Classe)...

... Ihnen muss ich noch sagen, dass man nun wieder mit der Idee umgeht in Petersburg an der Universität einen Lehrstuhle für Slavische Philologie zu stiften, wozu denn einer von Ihnen, meine Herren, sich vorbereiten müsste. Diese Professur könnte füglich mit der Stelle eines Bibliothekars der Russischen Akademie vereinigt werden und dürfte wenigstens zur Verdopplung des Gehalts Anlass geben.— Auch an anderen Universitäten im Reiche werden vielleicht Professuren dieser Art errichtet werden und ich bitte Sie auf einige Männer für dieses Fach bedacht zu seyn, damit man einst, Ihren Rath befolgend, welche berufen könnte.

An den befolgenden Bedingungen wird nichts zu ändern möglich seyn. Nur würde ich rathen, wenn Sie solche eingehen, die Akademie zu ersuchen, dass dieselbe, wo möglich, für die zollfreye Passage ihrer Bücher und übrigen Effecten ins Russische Gebiet Sorge. Sollten die 100 Dukaten Reisegeld nicht hinreichen, so würde die Akademie sich vielleicht geneigt finden nach Ihrer Ankunft in S. Petersburg etwas zuzulegen. Doch diess müssten Sie dann selbst mit dem Herrn Präsidenten abmachen; könnten aber, wenn Sie wollen, vorläufig auch in dieser Beziehung Ihre Hoffnung aussprechen.

Sollten Sie Gelegenheit haben solche Manuscripte aufzutreiben, deren Acquisition der Akademie von wesentlichen Nutzen seyn könnte, zum Beyspiel, noch ungedruckte Wörterbücher und des gleichen, so behalten Sie dieselben im Augenmerk, denn wahrscheinlich erhalten Sie den Auftrag welche anzuschaffen.

An der Gränze rathe ich sich von Herrn Consul (Stojatski in Brody, meinen guten Bekannten) oder sonst von einer russischen Gränzbehörde, ein Zeugniß ausstellen zu lassen über den Tag ihrer Ankunft ins Russische Gebiet, denn ich wünschte wohl, dass Ihr Dienst, das heisst, Ihre Dienstzeit vom Tage Ihrer Ankunft in S. Petersburg gerechnet werde. Sie könnten selbst, sich auf mein officieles Schreiben stützend, in Ihrer Antwort Herrn von Schischkow im voraus berichten, dass Sie sich einen Schein dieses Art werden ausstellen lassen in Brody, oder Radziwiłow, oder sonst bey Ankunft in Russland.

Von Dobrowski's Briefen an mich werde ich suchen Ihnen Abschriften für's National-Museum¹⁾ zukommen zu lassen... Strojew ist soeben in Petersburg. Sjögren, welcher das Tehudenland bereisete, ist nun Adjunct bey der Akademie der Wissenschaften....

Ich bitte Sie mich den Herrn von Jungmann, Čelakowský und Palacký bestens zu empfehlen. Heute noch fordere ich auch Herrn von Schaffarjk auf nach Petersburg kommen...

Nun glaube ich alles gesagt zu haben, was ich Ihnen mitzutheilen hatte. Der Himmel segne Ihren Entschluss; ich aber kann nur Glück wünschen und bitten nach, wie vorher, Freund zu seyn. . . .

Köppen.

Слѣдующее письмо въ Собраніи писемъ Кеппена къ Ганкѣ, уже отъ 4 января 1836 г., съ извѣщеніемъ объ избраніи, по его, Кеппена, предложенію, Ганки въ члены корреспонденты Академіи. Всѣхъ же писемъ послѣдующаго времени—всего восемь, то русскихъ, то нѣмецкихъ, и случайнаго характера. И гдѣта, в перемѣна научныхъ занятій Кеппена, ослабили переписку съ «безцвѣтнѣйшимъ» другомъ. Последнее письмо въ Собраніи—отъ 10/22 октября 1853 года изъ С. Петербурга, о полученіи письма чрезъ И. И. Срезневскаго.

Настоящія письма Кеппена къ Ганкѣ извлечены нами изъ оставшихся бумагъ Ганки, что въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ въ Прагѣ.

---

¹⁾ Т. е. для Чешскаго Музея. Но сдѣланы ли были копіи всѣхъ писемъ Добровскаго?

УКАЗАТЕЛЬ

Л И Ч Н Ы Х Ъ   И М Е Н Ъ

- Августинъ**, архіеп. и. 262.
Агацель (Agacel), Мих., хорут. пис., 400.
Аделунгъ, А. Ѳ., 190, 191, 203, 326, 339 СХХХVIII, СXL.
Александра Павловна, вел. княгиня, жена палатина, 392.
Александръ I, имп., 199, 208, 215, 219, 220, 229, 319, 388, 390, 393, 394, 397, 421, 442, LXIX, СХХХ.
Алдеръ 215.
Амвросій, митр., 240.
Амвросій (Зертышъ-Каменскій), архіеп. и., 225.
Анастасевичъ, В. Гр., 198, 201, 208, 259, 274, 275, 288, 300, 302—306, 310, 311, 313, 318, 322, 323, 332, 359, 372, 464, LXV, LXVI.
Антонія, монашескій другъ Челаковскаго, 446, 455, 461.
Антонъ (Anton), сербо-луж. писатель, 216.
Аполлосъ, архим. 277.
Апвандни, Ф. М., дати. лексикографъ, 177, 180.
Арачьевъ, А. А., гр., 186, 188, 189, 219, 220, 221, 402, 419.
Арвдтъ, прус. эмигрантъ, 219.
Балугинъ, П. В., през. Ак., 173.
Балугинскій (Балудянскій), прое., 389, 421.
Бандке, С., пол. энтологъ, 194, 203, 307, 365, ХСII.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., 224—227, 230—250, 252, 253, 255, 256, 272, 308, 321, 370, 371, 384, 388, VIII, IX, XI, XVI, XX, XXVIII, XXVIII, XXXIX, XL, IXL, LIV.
Бардовскій 188, 189.
Барсовъ, Е. В., 208.
Барсуковъ, Н. И., 267, 333, LXXXIV.
Безсоновъ, П., прое., 256, 261, 276, 276, 278, 280, 282, 283, 286, 287, 290, 294, 295—297, 339, 340, IXL, LIX, LXVIII.
Бекетовъ, П. П., пр-де. Моск. вст. Общ., 268—270, 275, 311.
Бенкендорфъ, К. П., гр., 449.
Бенковскій, Феликсъ 306.
Берединовъ, ак., 333.
Березинъ 325, 327, 359, 360.
Верхъ, В. Н., 213, 398, LIX, LXXXI.
Верында (Шамва) 200.
Влудовъ, Д. Н., гр., 226, 442.
Вобровскій, кан., виа. прое., 307, 333, 419, 432, 442.
Вогацкій 280.
Вогдановичъ, Ип., 168, 170, 172.
Вогдановичъ, Мод., историкъ, 209, 218—221, 390, 393, 408.
Водянскій, О. М. 201, 262, 317, 372, 482.
Волтинъ, Ив. Ник., акад., 163, 167, 170—172, 306.
Большаковъ 226.
Вородинъ 321.
Ворнъ, Игн. 350.

- Брандъ (Brandl), В. 180.
 Бродзинскій (Brodziński), Казиміръ, прое., 438.
 Броневскій 388.
 Броссъ, де—318.
 Бухе (Buhle), I. O. прое., 211.
 Булгаринъ O., 210, 218, 283, 361, 449.
 Бунина, Ан., 217.
 Бутковъ 416.
 Бутырекій 318.
 Бычковъ, Аѳ. O., акад. 310.
 Бѣлосельскій, кн. 388.
Васильчиковъ, А. А., 421, 442.
 Вейдемейеръ, И. А., LXXIII.
 Веневитиновъ, Д. Вл., 414—416.
 Венелинъ, Юрій, 293, 372, 423, CXXI.
 Вернье (Vernier), бар. 472.
 Веселовскій, Н. И., 479.
 Вестманъ, И. К., 244, 256, XX.
 Вигель, Ф. Ф., 198, 224, 226, 241, 243, 250, 319, 323, XX, XXVIII.
 Винарицкій, К. (Vinařický), чеш. пис., 472.
 Владиміръ (о.), синодальный ризничій, 264.
 Водникъ (Vodnik), В., хорут. поэтъ, 388, 400.
 Воейковъ, А., 413.
 Воиновъ 199.
 Волконская, Зин., кн. 385, 415.
 Воронцовъ Р., гр., 217, XXVIII.
 Востокъ, А. X., 184, 189, 194, 227, 228, 256, 287, 288, 291—293, 295—297, 299, 311, 313, 314—357, 360, 361, 363, 364, 366, 369—375, 383, 387, 412, 415, 424, 451, 457, 458, 465, 468, XCIV, XCVII—XCIX, CVIII, CXI, CXXV, CXXXIII, CXXXIX.
 Всеволожскій, Н. С., 234, 238, VII, XIII, XXX, XXXIX.
 Вяземскій, П. А., кн. 307, 414, 415.
Гавличекъ-Боровскій, К., 481.
 Гавриловъ, М. Г., прое., 211, 410.
 Гавриилъ (Банулескулъ), ексархъ Молдавіи, XXVIII.
 Гавриилъ, митроп. петерб., акад., 161, 163, 170.
 Газе, париж. издатель, 271, 382.
 Ганжа, В. В., 195, 210, 305, 362, 365, 366, 368, 373, 377, 380, 382, 387, 395, 399, 401—406, 413, 415, 423—439, 442, 444, 445, 447, 452, 453—472, 474, 475, 480—482, CXXI—CXXIII, CXXVI, CXXVIII, CXXIX, CXXXI, CXXXII, CXXXIV, CXL, CXLIV.
 Гаттереръ 180, 203, 311.
 Геймъ, И., прое. LXIX, LXX.
 Геннаді, Гр., LIX.
 Гѣце, П. (Götze, Peter Otto) 415, CXXXVII.
 Гиздичъ, Н. И. 318, 321.
 Голенищевъ-Кутузовъ, П. И., моск. почетитель, 211, 240, 321, XLI, LXIX.
 Голембѣвскій, Лукашъ, 307.
 Голицынъ, А. Н., министръ нар. пр., кн., 248, 291, 350, 407, 421, 422.
 Головацкій, Я. O., 422.
 Головкинъ, гр., вѣн. посолъ, 439.
 Головин, Адрианъ, ун. архим., XCIII.
 Гончаровъ, И. А., 202, 210.
 Горлицкій, Іоасафъ, LXXV.
 Гормейеръ (Hornmaier) 240, CXXI.
 Грановскій, Т. Н., 479.
 Грамматинъ, Н. O., 198, 428.
 Гречъ, Максимъ, 350.
 Грѣфе (Graefe), акад., 352, 374, XCVIII, C., CXXXVII, CXXXII.
 Гречъ, Н. И., 218, 308, 319, 319, 350—356, 419, CXXI, CXXII.
 Грибовъдовъ, А. С., 386, 416, 417.
 Григорьевъ, В. В., 318, 405, 479.
 Григоровичъ, В. И., 394, CXLII.
 Григоровичъ, I., прот., 227, 285, 357, 369, 370, XCIV.
 Гриммъ, Я., 365.
 Гуляиновъ, И. Ал., ориент., 448.
 Гумбольдтъ, Вильг. 181, 185, 378.
Даль, Вл., 464.
 Даниловичъ, Игн., вил. прое. 307.
 Дамаскинъ, еп., акад., 171, 172.
 Дашкова, Е. Д. кн., презид. Рос. Ак. 163, 165, 173.
 Двигубскій, И. А. прое., 198, 200, LXIX, LXX.

Державинъ, Г. Р. 350.
Джонсонъ 190.
Димбичъ, гр. 397.
Димитрій, архієп. кишин., ХОШ.
Димитрій, свят. Ростовскій, 172.
Дієвъ, свящ. костр., 300.
Дмитрієвъ, И. И. 174, 197, 218.
Добровскій, Іосефъ. 176—186, 192—196,
 203—207, 223 224, 229, 287, 289, 290,
 292, 293, 296, 300, 304, 305, 307, 309,
 310, 311, 321, 324—330, 333—316,
 319, 350, 355, 360—366, 374—382, 386
 —391, 395, 399—405, 411, 417, 418,
 414—430, 434, 436, 437, 438, 442, 457,
 СХХІ—СХХХІІ, СХХХV, СХХХVІІ,
 СХLІ, СХLІІ, СХLІV.
Дубровляъ, Н. И., 186, 188, 189, 220,
 397, 449.
Дюмонъ (du-Mont) 226, 230—233, 235,
 237, 241, 252, IX; XI, LII.
Евгеній (Волховитиновъ), еп.—матр.,
 164, 173, 189, 190, 201, 208, 227, 240,
 259, 266—278, 282, 287—289, 298—
 319, 321—323, 326, 331, 332, 336, 337,
 340, 356—359, 362, 363, 366, 369,
 371, 374, 377, 392, 383, 391, 395, 403,
 411, 430, 452, 464, ХХХІІ.
Екатериъ II, имп., 162, 169, 173, 174,
 191, 230, 377, 388, 411, 420.
Елизеъ Ед. (Jelŕnek. Edv.) 469, 478.
Елисавета, имп. 420.
Ермолаевъ, А. И., 227, 249, 311, 315,
 316, 318—324, 370, ХСІV.
Ермоловъ, А. П., 219.
Ерзуковскій, В. А., 314, 470.
Залъскій (Zaleski, Bogd.) 413.
Захаровъ, И. С., акад. 174, 175.
Зеленый (Zelený V.), 467, 475, 476, 481,
 СХХХІХ.
Зой, Зосима, гр. дворянинъ 243.
Ивановскій Іос., петерб. пров., 300,
 323, 386.
Инокентій (Ворисовъ), архієп., 371.
Иринеи (Гавриилъ Нестеровичъ) архим.
 поже архієп. иркут., 366, СХLІ.
Іосефъ (о.) библиотекарь Св. Андр.
 скита на Асоиъ, СХLІІ.

Исайсаровъ, П. С., 199, 214, 215, 388.
Калайдовичъ, К. Ѳ. 203, 226—228, 243,
 251, 255, 256, 258—299, 300, 302, 305,
 310—312, 315, 323, 326, 330—332, 338
 —343, 347, 357, 358, 361, 370, 371,
 386, 392, 402, 412, IXL, LIІІ, LXІІІ,
 LXIV, LXVI—LXIX, LXXI—LXXV,
 LXXVII, LXXXII, LXXXVI,
 LXXXVII, ХСІV.
Калайдовичъ, Ѳ. Д. LXХІ.
Кантемиръ, Ант., ип., ХХІІІ.
Камаритъ (Kamarut), Іосефъ, 379, 419,
 423, 436, 437, 439, 440, 445, 446,
 454 456. 459, 471, 472.
Каменевъ, солиной комиссаръ, 157.
Карабазовъ 352, ХCVІІІ.
Караджичъ, Вукъ Стее. (Караџић), 178,
 205, 207, 212, 252, 289, 304, 365, 376,
 380, 391—395, 406, 407, 411, 473,
Карамзинъ, Н. М., 174—176, 197, 210, 214,
 218, 253, 267, 269, 276, 285—288, 290,
 291, 294, 219, 306, 308, 317, 326, 328,
 350, 398, 448, 464, LIV, CI, СХХІІІ.
Каченовскій, М. Тр., 190, 199, 200—210,
 212—214, 222, 226, 227, 229, 236, 243,
 252, 256, 257, 272, 282, 285, 290, 301,
 307, 318, 315, 338, 371—374, 310,
 320, LXXІІІ, LXXIX, ХСІІІ, ХСІV.
Келлеръ, акад., 362.
Кеппенъ, А. И. СХХХVІІ.
Кеппенъ, Е. И. СХХХVІІ.
Кеппенъ (Koerpen), П. И., 163, 227,
 256, 286, 287, 290 295, 297, 314, 317,
 318, 322, 325—330, 333—340, 348,
 353, 355, 357—373, 376, 377, 381,
 382, 393, 395, 396, 398, 405—409,
 411—413, 415, 423—440, 444—467,
 481, 483, СХХІ, СХХІІ, СХХІV,
 СХХV, СХХІХ, СХХХІ, СХХХІІ,
 СХХХV, СХХХVІІ, СХХХІХ, СХL,
 СХLІ, СХLІV.
Кирико ХХVІІ, ХVІІІ.
Кирияковъ, М. М., 471.
Кириевскій, И. В., 414, 416.
Кириевскій, П. В., 414, 416.
Киселевъ, изд. Зап. Шишкова, 224.
Китовичъ, К. LXV.

- Блингеръ 240.
 Клоцъ, гр. 337.
 Блужаревъ, моск. п. дир., 253, 254, LIX.
 Ковалевскій, Е. П., 250.
 Ковачковскій XXVШ.
 Козловъ, И., 315.
 Ководавлевъ, О. П., акад, министръ,
 162, 420.
 Колларъ (Kollár), Янъ, 365, 392, 395,
 399, 401, 401, 417, 423, 437, 451,
 461, 476—477, CXL1.
 Колосовъ LXII, XCI.
 Копитаръ-Копытаръ (Kopitar), Бартол.,
 177, 178, 180, 181, 182, 185, 195, 196,
 229, 289, 293, 300, 325—327, 328, 329,
 334, 336, 337, 339, 340, 319, 356, 360,
 361, 363, 364, 365, 369, 373—382,
 387—394, 399—401, 404, 406, 407,
 409, 418, 424, 425, 433, 434, 444,
 468, 469, CXXI—CXXIV, CXXVII,
 Корень, М., гр., 470.
 Кочубей, гр. 495.
 Кошелевъ, А. И., 414
 Кругъ, Ф. И., ак., 252, 269, 290, 293,
 296, 325, 346, 352, LI, LXXIX.
 Крузенштернъ, адм., 240, 443.
 Крыловъ, И. А., 318.
 Кузнецовъ, еабр., 234, VШ, XIX,
 XXIV.
 Кукольникъ, прое., 389, 421.
 Кумердей, хорут. пис., 388.
 Бухарскій, А., варш. прое., 312, 419,
 420, CXL1.
 Кюхельбекеръ, В., 416, 417.
 Лавровскій, П. А., 481.
 Лазаревъ, X. I, 409.
 Ламбергъ, гр., 351, 443.
 Лебедевъ, Ам., прое., 201.
 Левада, Ив. 303.
 Legis-Glückselik, К., 463.
 Лейбницъ 165.
 Лелевель, Иоаннъ, 194, 210, 317, 319.
 Лепехинъ, акад., 166, 168—170, 172, 411
 Лербергъ, акад., LXXVIII, XCIII.
 Либану, Ив., 234, 249, 250, 256, XI,
 XV, XVI, XXVI, XXXIX, XL.
 Ливень, Е. А. кн., мнн. нар, пр., 351,
 408, 421, 413, 445, 446, 448, 450,
 458, 462, 463, CXLIII.
 Линда (Linda), Йосефъ, 438.
 Линде (Linde), Богум., 182, 192, 191,
 302, 309, 324, 365, 381, 397, 403,
 405, 453, 457, CXXI—CXXIII.
 Лобаржевская (позже Шиншкова), 409,
 429, 449.
 Лобойко, И. Н., прое., 290, 306, 316,
 338, 467.
 Лодий, прое., 369, 421.
 Лонгиновъ 217.
 Ломоносовъ, М. В., 163, 317, 349, 412,
 CI.
 Лубенскій 432, CXXXV.
 Магарашевичъ (Магарашевъ), 418.
 Магницкій, Леонтій, 211, 248.
 Магницкій, М. Л., 186, 189, 220, 229,
 285, 318, 333, 408, 421, 448, 449.
 Максимовичъ, М. А., 317.
 Малиновскій, А. Ф., 199, 208, 213, 220
 —229, 241—285, 295, 296, 298, 321—
 323, 339, 343, 344, 370, 371, 392, 395,
 403, XL, LXVI, LXXVII, LXXVIII,
 LXXIX, LXXXI, LXXXII, LXXXIV,
 LXXXVII, XCII—XCIV.
 Малиновскій, Ф. А., прот., L, LXXIV.
 Мальбрюнъ (Malthe Brunn) 282, 302,
 303.
 Малый (Malý Jakub) 210.
 Марекъ, Авт., 362, 379, 380, 387, 399,
 401, 427, 435, 436, 439, 440, 461,
 470, 476, 477, 479, CXXI, CXXIII,
 CXXXIX.
 Матвѣй (о.), библиотекарь св. Пасте-
 лейи. м. на Авонъ, CXLII.
 Маттеи, Фрид., 295, 310, LXIX.
 Мацѣевскій, В., 194, 478.
 Мераляковъ, А. Ф., 211, 212, 214.
 Меттернихъ, кн., 390.
 Милетичъ, Л., 394.
 Миллеръ, Ф. Я., историографъ, 221, 225,
 226, 230—233, 235, 237, 238, 240,
 241, 247, LI.
 Михайловичъ (Mihailović), Антошъ, 376,
 434, 435.

Ишцевичъ, Ад. 413, 415, 449.
 Моргенштернъ 313.
 Мордвиновъ, Н. С., адм., 174.
 Мронговиусъ 365, 391.
 Мурзавичъ, Н. Н., 198, 199, 202, 211, 369, 471.
 Мусиъ-Пушкинъ, А. И. гр. 168, 201, 256.
 Мушицкий, архим. серб., 378.
 Назаровъ ХСIII.
 Нартовъ, А. А., презид. Р. Ак., 174, 176.
 Незабитовскій 367.
 Нейлисовъ, А. 352.
 Ненадовичъ, М., прота, 385
 Нестеровичъ, Ив., 245, 250, 253, XXIV, XXV, L, ХСIII.
 Нестеровичъ, Пав., 234, 238, 257, 259, XI, XIV, XXIV, LXVI.
 Нессельродъ, гр., 218, 219, 226, LXVI
 Невдлы (Négedly Jan), пров., 461.
 Николай, имп. 351, 362, 406, 407, 421, 443.
 Никольскій, акад. 352, ХСVIII.
 Новиковъ, Н. И., 162, 174, 198, 199, LVII.
 Новицкий, Ор., 371.
 Новосильцовъ, Н. Н., 215, 368—390, 421, 449.
 Одоевскій, Ал. И., кн., 417.
 Одоевскій, В. О., кн., 416.
 Одынецъ, Эд., 413.
 Озерцовскій, акад., 465.
 Овделло-Мартусевичъ, Таковъ, ун. сп., ХСIII.
 Оленинъ, А. Н., 186, 227, 240, 252, 266, 272, 318—321, 323, LI.
 Орлай 421.
 Осиповъ, граверъ, 234, VIII, ХХVI.
 Остерманъ, И., гр., 231, 390.
 Остроумовъ, И. И. ХСI.
 Отто, Н., 212.
 Палацкий (Palacký), Ф., 395, 399, 424—428, 430, 432, 434—438, 461, 466, 470, 477, 479, 480, СХХII, СХХVI, СХХХ, СХХХIII, СХХIV, СХХХVII—СХХХIX.
 Палласъ, акад. 165, 191.
 Панинъ Н., гр., 231.

Парротъ, акад., 442, 443, 445.
 Пекарскій, П., ак. 231.
 Пенинскій, И., 347.
 Перовскій, А. А., гр., 351 — 354, ХСVII, ХСVIII, С, СII, СIII,
 Пертцъ СХХIV.
 Петръ I, имп., 163, 165, 237, 392, 418, XIV, XXI.
 Пино LIV.
 Пиотровъ, И., ген.-май., 188, 397.
 Планъ (Plank), 439, 473.
 Платонъ, мигр. м., 377.
 Плетневъ, П. А., ак. 221, 222.
 Погодинъ, М. П., 207, 298, 326, 339 — 348, 356, 368, 372, 380, 395, 396, 414—416, 419, 431, 479, ХСIV, СХХV, СХLI.
 Пожарскій 195, 198.
 Повдвевъ, О. А., 211.
 Полевои, Н. А., 223, 291, 307, 375, 412—415, СХХХI.
 Полуленскій 202.
 Поповъ, акад. 174, 175.
 Поповъ, А., 262.
 Поповъ, Нилъ, 199, 200.
 Потемкинъ, Гр. А., кн., 392, 446.
 Потоцкий, Осипъ, гр. 302.
 Правильщиковъ, В., LXXXVII.
 Предтеченскій, И. И., свящ., LXXI.
 Прейсъ, П. 391.
 Пржедавскій, О. 449.
 Прилуцкий, Дм. 234, 249, 259, XV, XXIV, LXX, ХСII, ХСIII, ХСIV.
 Примиссеръ (Primisser) 377, СХХI.
 Пуркинъ (Purkině) 401, 436, 469, 480.
 Пухмейеръ (Puchmÿr), Авт. Яр., 355, 399.
 Пушкинъ, А. С., 168, 186, 210, 221, 397, 412, 415, 417, 483, ХХVIII.
 Рабумовскій, А. К., мин. нар. пр., гр. 210, 240, 321, LXIX.
 Раичъ, архим., 361.
 Раковецкій (Rakowski), Игнатій, 194, 306, 390, 403.
 Расточинъ, Ф. Ф. гр., 255.
 Ратшинъ 272, 275, 278.
 Родофиникинъ СХХV.

Ругицъ 367.
 Руничъ, пров., 229, XXVII, XXVIII.
 Румовскій, Ст. Як., акад., 168—170, 172, 411.
 Румянцовъ, Н. П. графъ, канцлеръ, въ текстѣ почти на каждой страницѣ; XXXVIII, LXII, LXV, LXVIII, LXXIV, XC, CXXVII.
 Румянцовъ, С. П., гр., 254, 362. LIX.
 Рыбай (Ryбай), А., 386.
 Рыглевъ, К. Ф., 307.
 Самборскій, І., прот., 392.
 Свобода (Svoboda), В., 438.
 Сегоднявецъ, Петръ, 420.
 Селивановскій XCII, XCIV.
 Селивестръ, еписк., 277.
 Севковскій, О. И., 449.
 Сербиневичъ, К. С., 193, 215.
 Сестренивичъ-Вогушъ, 413.
 Сиверсъ, Е., гр., 351.
 Сивидицъ, И. 397.
 Скотняковъ, гравюръ, XXV, XXVI, LXI.
 Сленны, братья LXXVIII—LXXIX.
 Сломшевъ. Ант. 400.
 Снегиревъ, И. А. 180.
 Снегиревъ. И. М., 231, 300, 310, 323, 372, 386, 446, 464.
 Смотридицъ, М. 349, 350.
 Соколовъ, П. И. секрет. Рос. Ак., 352—354, 473, 474, XCVIII, C, CXXXVI.
 Сперанскій, М. М., гр., 174, 216—219, 351, 389, 398, 405, 408—410, 421, 441—443, 445, 462, 470—475, 479, CXXVI.
 Срезневскій, П. И., 222, 229, 299, 313, 342, 482, CXLIV.
 Стадионъ, Ф., гр. 223, 224.
 Станевичъ (Staniewicz), Симеонъ, 367.
 Старчевскій, А., 231.
 Стасовъ, В. В., 222.
 Стойковичъ Ав., пров. 352, 421, XCVIII.
 Стратимировичъ, Стев., митр. серб., 215.
 Строгановъ, гр., 351, 352, 442, 443, 445.
 Строевъ, П. М. 198, 214, 226, 227, 257—259, 263, 265, 267—274, 277—280, 282, 287, 311, 332, 333, 392, LXI—LXIII, LXVII, LXXI, LXXXV, CXLIV.

Стоятскій (Stojatski) CXLIII.
 Стурза, А. Ск., 229.
 Суворовъ, А. В., гр., 400.
 Суrowецкій (Surowecki), И., 194.
 Сухомлиновъ, М. И., акад., 161, 195, 229, 285, 330, 392, 394, 421, 436, 457, 458, 462, 463, 465, 466, 474, CXL.
 Схида, Ав., 295.
 Татищевъ, В. Н., истор., LI.
 Токелий, Савва, серб. меценатъ, 365.
 Терланчъ, Григ., пров., 421.
 Тимковскій, Р. Ф., пров., 199, 300, 214, 257, 301, 321.
 Титовъ, А. А., 300, 317.
 Тихонравовъ, Н. С., пров., 261, 294, 299, IXL.
 Толмачевъ, акад., 352—354, XCVIII, C.
 Толстой, Ф., гр., 287, 332.
 Тредьяковскій, В. К., 302, 303.
 Туманскій, Ф. О., LXXVII.
 Тургеневъ, А. И., 198, 199, 214—216, 226.
 " Н. И., 214, 216, 226.
 Уваровъ, С. С. (позже графъ), мн. нар пров., 197, 318, 381, 443, 484.
 Урсанъ-Нъидевичъ, Ю. 307.
 Весель, CXLII.
 Фесслеръ, 421.
 Флейшеръ (Fleischer Fr.), CXXVI, CXXVII.
 Флоровъ, А., ак., XXVI.
 Фонъ-Вазинъ, Д. И., 425.
 Франкъ (Frank), пров., 442.
 Фроловъ, 319.
 Фьостовъ, сард. гр., акад., 173, 189, 195, 301, 309.
 Херсонскій, В. В., 260, LXXII, LXXXVIII, LXXXIX.
 Хлендовскій (Chłędowski), 426, CXXV.
 Ходаковскій, Зор. Д., 308, 394.
 Хомяковъ, А. Ст., 414, 415.
 Швечке, CXXIV.
 Чеботаревъ, К. А., пров., 171, 199, 201, 214, 227, 228.
 Челаковскій (Čelakovský), Ладиславъ, 187, 210, 379, 380, 399, 401, 419, 420, 423, 427, 435—441, 444—447, 452—459, 461, 463—467, 471—475,

- 480—482, СХХХVII, СХХХIX, СXL—СXLIV.
- Черепановъ, Н. Е. прое., 258, LXI.
- Чиковъ, прое., 352, ХCVIII.
- Чичаговъ, адмир., 393.
- Ш**ауениъ 380.
- Шафарижъ (Schaffarjk), Пав. loc., 194, 276, 293, 306, 309, 317, 361, 365, 378, 395, 399, 418, 425, 432, 434, 436, 440, 452, 453, 454, 456, 463, 465, 466, 468, 469, 471, 473—478, 480, 481, 483, СХХХIV, СXL, СXLII, СXLIV.
- Шафарижъ, Войтъхъ, прое., 479.
- Шевыревъ, С. П., прое., 207, 345, 346, 380, 414, 415, 419, СXLI.
- Шегрегъ (Sjögren), 367, СXLIV.
- Шимановская 415.
- Ширинскій-Шихматовъ, С. А., кн., 351, 352, ХCVIII.
- Шимшовъ, А. С., 173—179, 181, 183—196, 200, 202, 206, 207, 213, 216, 217, 219, 224, 227, 228, 287, 288, 291, 300—305, 318, 320, 324, 329, 330, 334, 338, 341, 318—355, 362, 371, 372, 374, 384, 389—398, 401—411, 416, 418, 420—428, 430, 433, 434, 435, 438, 440—450, 452, 456—459, 462—468, 471, 473, 474, 481, 483, 484, СХХIII, СХХIV, СХХVI, СХХХII, СХХХIV, СХХХVI, СХХХVIII, СХХХIX, СXL, СXLIII.
- Шлегель 190.
- Шленеръ, X. A., прое., 199, 203, 215, 244, 300, LIII, LIV, LXI.
- Шнейдеръ СХХI.
- Шмидтъ, Е., 352.
- Шмидъ 408, 411.
- Шмурло, Е., 309.
- Штейнъ, прус. мнн., 177, 219—221.
- Штепанекъ 479.
- Штербертъ, гр. 437, 446.
- Шторхъ, 351, 352, 443, 445.
- Штригтеръ 199.
- Шульгинъ, антикв., 251.
- Шулякевичъ, Исая, ун. архим., ХСIII.
- Щ**ербатово, М. М., кн., 171, 172, 180, 199, 266, 321.
- Щученко 226.
- Ю**нгманнъ (Jungmann), Антоъ, 195.
 » Ioc., 194, 195, 362, 379, 380, 387, 388, 395, 399, 403, 404, 424—432, 435—440, 445, 452, 459, 461, 471, 476—481, СХХI—СХХХIII, СХХХVII—СХХХIX, СXLIV.
- Я**воровскій, Леонъ, ун. архим., ХСIII.
- Ягичъ, И. В., ак., 179, 330.
- Языковъ, Д., акад., LXXVIII.
- Янишъ, А. И., LXXVIII, LXXXIX.
- Янковичъ еопъ-Миріево, 165, 169, 420.
- Яновскій, Н. М., СХХIV.

О П Е Ч А Т К И :

СТР.	СТРОКА	ИМ.	ЧИТ.
214	2 сл.	№ 40	№ 37.
220	8 "	дочери	сестры
256	2 "	(прибавить)	Ср. «Дѣтопися» пров. Тихо- правова, III, II, 97—103.
420	6 "	Мирковичъ	Янковичъ
XXVIII	5 "	Бунескулъ	Банулескулъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	I—II.
Глава I. Этимологическая эпоха.	161—196
1. Основаніе Россійской Академіи. Ея задачи. Проза жизни. Скорый упадокъ Академіи. Этимологическое теченіе.	
2. (Стр. 164). Словарныя работы Академіи. Приказъ Франціи и работъ императрицы. Исторія «Сравнительнаго Словаря языковъ всего міра», обѣихъ изданій, Мнѣніе академиковъ о Словарѣ и рѣшеніе этимологическаго Академическаго Словаря. Некоторые моменты изъ исторіи этимологическихъ толкованій Академіи. Слово воскресеніе и бурныя засѣданія. Словесники и несловесники (Румовскій, Дележинъ, еп. Дамаскинъ). Мнѣніе несловесниковъ о методологическомъ значеніи славянскихъ языковъ. Аг. Волгивъ и генеологія русскаго языка, языковъ европейскихъ, по его теоріи «ладу». Чеботаревъ въ Москвѣ.	
3. (Стр. 172). Объявленіе въ Академіи Шишкова и отверженіе этимологическаго направленія, при общей слабости академич. работъ. Литературное прошлое Шишкова. Его самолюбивая и страстная натура. Иллюстрація характера: атака на Каравзина, столкновеніе съ духовными членами Академіи, встрѣча и бесѣда съ аббатомъ Добровскимъ въ Прагѣ, въ 1813 г. Оба старца другъ о другѣ.	
4. (Стр. 179). Научныя воззрѣнія Добровскаго. Этимологія въ рукахъ Добровскаго. Его историко-грамматическія воззрѣнія. Детальное этнографическое изученіе Славянства. Два порядка. Реальные интересы славяновѣдѣнія.	
5. (Стр. 183). Наука Шишкова. Теорія происхожденія языка нашей церкви: отношенія къ нему русскаго, славянскихъ нарѣчій и языковъ всего міра. Практическія слѣдствія.	
6. (Стр. 186). Этимологія Шишкова и ея приемы. Каченовскій и Шишковъ. Россійская Академія—одна этимоло-	

логия. Разочарованія преосв. Евгения. Санскритъ и Шишковъ. Возрождающійся Сравнит. Словарь импер. Екатерины. Новый проектъ этимологическаго общеславянскаго словаря и обращеніе къ Линде, Добровскому. Отношеніе къ проекту Добровскаго, съ одной стороны, нарастающихъ славяновъ въ Варшавѣ и Прагѣ, съ другой. Умиленіе Шишкова отъ «богемцевъ». Всеобщее надѣленіе этимологіей Россійской Академіи. Заключеніе.

Глава II. Кружокъ канцлера Румянцева . . . . . 197—375

1. Москва и первые опыты русскаго славяновѣдѣнія. Проф. Чеботаревъ и Историческое Общество. Возрожденіе Общества въ 1811 г. Направленіе трудовъ Тимковскаго, Малиновскаго, Каченовскаго.

2. (Стр. 200). Каченовскій, профессоръ и славянскій публицистъ. «Вѣстникъ Европы» и его славянскіе интересы въ вопросахъ по литературѣ, этнографіи, олологіи. Славянскія заслуги Каченовскаго. Общій подъемъ интересовъ къ Славянству у насъ: мечтанія декабристовъ, сношенія ихъ съ «патриотами» въ Прагѣ. — Каченовскій и первая «кафедра Славянской Словесности», въ Москва, 1811 г. Ея привѣтливый приемъ и несчастная судьба: невольный славистъ Гавриловъ. — Каченовскій и областное изученіе русскаго языка: этнографическія работы смотрителей уѣздныхъ училищъ. Общее заключеніе — наука Московскаго университета. Ея студенты: Тургеневъ и Кайсаровъ, ученые путешественники по славянскимъ землямъ.

3. (Стр. 216). Государственная служба и политическія убѣжденія канцлера гр. Румянцева. Ненависть къ нему современниковъ. 1812 г. и обвиненіе въ измѣнѣ. Причина ненависти. Личная оборона императора Александра I. Почетный выходъ въ отставку.

4. (Стр. 220). Служба канцлера наукъ. Центръ интересовъ — отечествовъдѣніе. Памятники заботъ канцлера о наукѣ: Музей и Кружокъ въ историческомъ гизадѣ русской науки—Москва.

5. (Стр. 223). Первое обращеніе къ наукѣ—къ Добровскому, въ 1791 г. Вліяніе французской ученой литературы—мысль о русскомъ Дюмонѣ. Докладъ 1811 объ изданіи «Собранія государственныхъ грамотъ». Участіе Бантыша-Каменскаго. Члены формирующагося около «Собранія» Кружка: московскаго и петербургскаго составовъ. Совершенныя и намѣченныя изданія Кружка. Заслуги канцлера и его Кружка—«Румянцовская эпоха». Общее заключеніе.

6. (Стр. 230). «Собраніе» — эмбрионъ Кружка: краткая детальная исторія вопроса объ изданіи грамотъ. Указы 1779 и 1783 г. исторіографу Миллеру въ Москву, въ Архивъ, объ изданіи «трактатовъ». Смерть Миллера. Подготови-

тельниці архивскія работы Бантыша-Каменскаго. Доклад канцлера отъ 25 февр. 1811 г. «Коммиссія печатанія первый составъ ея. Составленіе I тома «Собранія». Печатаніе. Слѣхъ. 1812 годъ. Возобновленіе печатанія. Редаціонныя соображенія о составѣ II тома Бантыша-Каменскаго и канцлера. Июль 1813 г. — въ свѣтъ I томъ. С юдная радость стариковъ. Вопросъ о приложеніи палеографическихъ снимковъ. Лебединое слово Бантыша-Каменскаго — Записка о продажѣ I тома. Разсмысли первыя экземпляровъ канцлеромъ.

7. (Стр. 241). Малиновскій—замѣститель Бантыша-Каменскаго. Вопросъ о продажѣ-выручкѣ. Слабый спросъ Обращеніе въ епархію. Подготовительныя работы к этому и неудовлетвореніе канцлера I-мъ: пропуски. «полненіе» въ I т. и его редація. Палеографическія записки. Накопленіе пополнительныхъ матеріаловъ и медленность работъ по изданію. 1817 годъ и печатаніе II тома. Измѣненіе системы изданія—одна грамота. Новыя условия работъ Коммиссіи: недоступная Синодальная библиотека; осложненіе работъ. Необходимость освѣженія членскаго состава Коммиссіи новыми силами. Освѣженіе требуютъ и личныя новыя научныя смислати канцлера и его епіскапскія задачи. Интересъ канцлера къ исторіи, сямъ и къ народной литературѣ. Первая попытка — привлечь К. Калайдовича. Изъ литературнаго процесса его: раннее знакомство съ Синодальной библиотекой, открытіе рукописей Екзарха и др. Владимирскій скандалъ и монастырь. Мѣсто главнаго смотрителя: Калитинскій, Тимковскій; кандидатъ Малиновскаго, П. Строевъ въ, замѣщаетъ. Возвращеніе въ міръ Калайдовича. 1817 годъ: «Собраніе» и Кирша Даниловъ. Мѣсто ученаго и ректора: сюда Калайдовичъ. Освѣженіе состава Коммиссіи и общій переворотъ: образованіе ученаго Кружка; задача Коммиссіи на второе мѣсто, на первомъ мѣстѣ — новыя научныя интересы, инициатива князя—Румянцову.

8. (Стр. 260). Калайдовичъ и наданіе «Др. росск. рукописей». Калайдовичъ знакомитъ канцлера съ собою впамяти Синод. библиотеки. «Небеса». Рѣшеніе издавать рукописи. «4 слова на арианы». Первые занятія Калайдовича надъ обширными рукописями, «Шестодневомъ». Дѣятельность въ 1817 г. Строева и Калайдовича въ главномъ монастыри Москов. епархіи. Новый Иерусалимъ и открытіе Святославова «Изборника» 1073 г. Донесенія Малиновскаго Калайдовича. Меньшія открытія въ другихъ монастыряхъ обоняхъ. Радость канцлера и наданіе «Изборника». Сообщеніе преемств. Евгению съ палеографическими чертами канцлера. Отвѣтъ пр. Евгению. Неудовольженіе канцлера

Калайдовича за разглашеніе тайны открытій—предъ Историч. Обществомъ. Счеты Строева. Вышательство въ открытія председателя Истор. Общества, Бекетова. Тяжелое состояніе духа оскорбленнаго старша. Мъры его противъ разглашенія въ будущемъ.

9. (Стр. 270). Утилизациа жатвы 1817 г. Раздвоеніе интересовъ у канцлера. Жажда быстрого изданія открытыхъ памятниковъ, и палеографически. Переписка съ пр. Евгениемъ о палеографіи.

10. (Стр. 274). Настоянія Калайдовича дать первенство—инорусскимъ памятникамъ, вопреки канцлеру. Редаціонныя «Замѣчанія» объ изданіи «Ексарха». Выработаны планъ — издать отрывки, цензуры ради. Январе 1819 г. и первыя работы по изданію «Ексарха». Трудное положеніе Калайдовича: холодность къ нему Малиновскаго. Подмога канцлера. Перерывъ въ работахъ—работы надъ изданіемъ Кирилла Туровскаго. «Довершеніе» «Ексарха». Параллельныя работы Строева и заботы канцлера объ изданіи «Изборника» 1073 г. Новый перерывъ: экскурсія канцлера съ Калайдовичемъ въ московскіе монастыри лѣтомъ 1822 г. Сообщенія Калайдовича съ пути. Возвращеніе канцлера въ Гомель и первые печатные листы «Ексарха». Униженіе старша. Слѣженіе за ходомъ печатанія. Новые побочныя труды Калайдовича и болѣзнь. Выходъ «Ексарха».

11. (Стр. 286). Встрѣча «Ексарха» канцлеромъ и приѣмъ на сторонѣ. Пр. Евгений. Судъ его о прежнихъ изданіяхъ Калайдовича и молчаніе на «Ексарха». Судъ Добровскаго — обвиненіе въ легковѣріи. Радость Кошчара. «Замѣчанія» Добровскаго у автора. «Легкія замѣчанія» Круга, Лобойки, общія Карамзина. Критика Каченовскаго на «небывалаго» «Ексарха» (повтореніе Добровскаго). Симпатическій приѣмъ у Полеваго. Авторъ и Шишковъ. Оцѣнка Востокова. «Ексархъ» — «безцѣнный вкладъ» въ науку.

12. (Стр. 293). Последніе годы канцлера. Новыя работы: Востокову—Изборникъ 1073 г., Калайдовичу — описаніе синодальныхъ рукописей. Формальное условіе. Предупрежденія со стороны. Первые шаги Калайдовича. Болѣзнь Калайдовича и смерть канцлера. Калайдовичъ въ Архива: его жалкая служба въ еврейскомъ подворьѣ и смерть.

13. (Стр. 299). Преосв. Евгений. Его характеръ и характеръ его работъ. Раннее знакомство съ Остромиромъ и знаніе языка Церкви. Постоянное ученіе. Врагъ забавной этимологіи и гипотезъ (недовѣріе къ санскриту, чешскимъ открытіямъ Гавки). Другъ положительнаго

званія: исторіи, литературы. Восторгъ отъ историч. трудовъ польскихъ славястовъ и критика работъ нашихъ. Евгений и историко-литературные вопросы. Отношеніе къ «Опыту» Греча. Евгений—предтеча историковъ литературы. Евгений и палеографія. Методологическія указанія въ разновременной перепискѣ. Открываетъ канцлеру Востокова, какъ палеографа.

14. (Стр. 317). Члены Кружка петербургскаго состава. Духоворная атмосфера этимология. Частные дома—пріютъ науки. Оленинъ. Участіе его въ изданіи Евгениемъ грамоты Мстислава. Ермолаевъ. Глубокой знатокъ вѣтшей палеографіи. Путешествіе 1810 г. Планъ палеографическаго изданія русскихъ лѣтописей. Судъ Востокова. Ранняя смерть и современники объ Ермолаевѣ.

15. (Стр. 324). Востокъ — нашъ Гримиъ. Долгая молчаливая школа. «Разсужденіе». Подавляющее впечатленіе на современниковъ. Копитаръ не съ разу понимаетъ (рецензія «Институцій» Добровскаго), и съ разу Добровскій. Свѣтлыя заботы Добровскаго спасти свое имя противъ Востокова. Востокъ въ Россійской Академіи и діалогъ Шишкова и Востокова. Онъ въ Кружкѣ Румянцова: взаимное глубокое уваженіе. Онъ на службѣ у канцлера: описаніе его рукописей и изданіе «Изборника» 1073 г. Добровскій и Востокъ. Высшій ученый триумфъ Востокова — изданіе Фрейзингенскихъ отрывковъ и несостоявшійся турниръ между нимъ и Копитаромъ. Востокъ учителемъ Копитара. Смерть Румянцова и дурныя послѣдствія отъ того въ жизни Востокова. Торжествъ въ заказанныхъ и свободныхъ работахъ и вѣльшивое положеніе.

16. (Стр. 338). Два эпизода. Исторія появленія русскаго перевода «Институцій» Добровскаго. Рано вопросъ объ этомъ. Калайдовичъ и Погодинъ. Канцлеръ противъ московскаго перевода, пр. Евгений за. Востокъ о буквальной о переводѣ: въ письмахъ къ канцлеру и Калайдовичу. Погодинъ—неудачный переводчикъ «Кирилла и Мефодія» и вынужденное участіе Востокова. Погодинъ — переводчикъ «Институцій» «однимъ духомъ» и опять вынужденное участіе Востокова. Восторгъ Погодина и сожалѣніе Востокова. Результатъ подвига Погодина.

17. (Стр. 348). Второй эпизодъ — исторія появленія школьной руссой грамматики Востокова—труда названнаго. «Грамматика» Россійской Академіи 1819 г. и критика ея Греча. Негодованіе Академіи и забавная отметка Гречу. Провота Греча. «Главный Комитетъ устройства учебныхъ заведеній» 1826 г., его задачи. Особый Комитетъ Перовскаго для составленія учебниковъ. Сюда Гречъ

съ своими «плодами многолѣтнихъ трудовъ». Приглашеніе по просьбѣ Греча въ Комитетъ Востокова. Непримиримый пріемъ ихъ отъ большинства членовъ Комитета. Разсмотрѣніе—на Востокова. Судъ Востокова, самоубійца Греча. Составленіе «классической» грамматики Востоковымъ отъ Комитета. Судъ самого Востокова объ этихъ «главныхъ порученіяхъ».

18. (Стр. 357). К е п е н ь. Знакомство съ пр. Евгениемъ. Посредникъ между Евгениемъ и Востоковымъ. Предпримчивость—ученое путешествіе въ зап.-славянскія земли. Знакомство съ Копитаромъ. Въ Трансильваніи, гдѣ открываетъ «русскихъ», въ Новомъ Садѣ (знакомство съ Шварикомъ), въ Прагѣ (знакомство съ Добровскимъ, Ганкою), въ Мюнхенѣ (перепись Фрейзингенскихъ отрывковъ). Возвратъ до срока въ Петербургъ. Служба у Шишкова. Ученныя предпріятія: русская палеографія для канцлера, мысль объ изданіи Фрейзингенскихъ отрывковъ. «Собраніе новыхъ словъ, памятниковъ». «Библиографическіе Листы». Славянскія задачи журнала, сотрудничаніи, выполнение задачъ (главныя статьи). Невольное прекращеніе журнала (митрополитій судъ). Переизва службъ, Крымъ, забвеніе интересовъ молодости. О. Іоаннъ Григоровичъ. Его роль — изученіе церковныхъ источниковъ. Случайныя палеографическія работы—ученикъ Востокова.

19. (Стр. 370). Члены Кружка по смерти канцлера: равнесенный Кружокъ. Результаты для славянской науки отъ дѣятельности Кружка: открытіе памятниковъ; первыя опыты по исторіи литературы; пріемы историческаго изученія языка; образцы изданій; нѣкоторое усиленіе знакомства съ славянскимъ міромъ. Одинъ недочетъ — ограниченность этнографическаго и историко-теоретическаго знанія въ области Славяновѣдѣнія. Превосходное положеніе западныхъ славистовъ, но въ извѣстныхъ частяхъ. Трудность положенія, трудность пріобрѣтенія знанія—общая доля и здѣсь и тамъ, дань эпохъ.

Глава III. *Націоналізація жизни* . . . . . 376—396

1. Невольная націоналізація. Переѣздъ за границу — грандіозное событіе. Доброскій въ Москвѣ, Копитаръ въ Парижѣ — дѣло случая. Трудность сдѣлания за ходомъ литературы, за наукой, въ предѣлахъ своего «прихода». Микроскопическія книги русскія въ Прагѣ и ихъ цѣна. Юнгманнъ, полковой русскій священникъ и азбука. Пам для выписки русскихъ книгъ. Русская книга — сорвище. Невозможность почтовой услуги для книгъ. Трудность простыхъ письменныхъ сношеній съ Россіей. Отказія, курьоръ. Выписка книгъ изъ Австріи по сѣнамъ

одного Румянцова. Отсылка—«божьими путемъ». Эпизодъ изъ служебной практики Румянцова—отсылка цери. книгъ въ Сербію. Россія—Америка для славянъ Юга. Проектъ кн. З. Волконской—издательская «Патріотическая Беседа». Слѣдствія невольной націонализаціи; примѣръ—«Институціи» Добровскаго.

Ж. (Стр. 387). Наши попытки помочь себѣ въ «непріятной дѣйствительности». Приглашеніе хорутанда Кумердея при имп. Екаторинѣ II. Славянское путешествіе Тургенева, Кайсарова (1805 г.). Новосельцовъ въ Вѣнѣ (1811 г.) Ищетьъ славянскихъ сотрудниковъ, князь. Шишковъ въ Прагѣ—въ «богемскихъ» книгахъ (1813 г.). Усиленіе запроса на «славянизмъ» подъ влияніемъ польской науки 10-хъ, 20 хъ годовъ. Проектъ канцлера о специальныхъ миссіяхъ въ славянскія земли. Знакомство съ Вукомъ Караджичемъ въ Петербургѣ (1819 г.) и снаряженіе его Румянцовымъ «обѣхать всѣ области славянскаго поколѣнія». Неудача Вуковой миссіи. Ходаковский. Сношенія президента Шишкова съ Австріей о книгахъ чрезъ Вука въ Вѣнѣ. Частная миссія Кепшена (1822 г.) и снаряженіе канцлеромъ въ славянскія земли Погодина (1825 г.). Неудача. Рѣшительный шагъ—славянская каеэдра во всѣхъ университетахъ Имперіи.

Глава IV. Привлекіе славянъ . . . . . 397—484

1. Прага и Петербургъ—изъ 1/2, 20-хъ годовъ. Ученый и политическій кружокъ Добровскаго. Его идеалы—культъ Россіи. Энергическій, практический Ганка и значеніе его открытій старинны. Краледворскія рукописи въ Россіи. Пріемъ ея у Шишкова въ связи съ славянскимъ Уставомъ Росс. Академіи 1818 г. Пробирается къ Шишкову и Любушинъ Судъ. Установленіе близко-семейныхъ отношеній у Шишкова съ Ганкою, Юнгманномъ. Проектъ Ганки славянизации Росс. Академіи — «О національномъ членѣ». Недоумѣніе президента.

Ж. (Стр. 406). Шишковъ — министръ. Задача его — привести «духъ времени» къ скромному потушенію. Средства—націонализація школы. «Временный Комитетъ» и осенью 1826 г. проектъ славянской университетской каеэдры — «Исторіи славянскихъ литературъ». Виновникъ проекта. Вопросъ о славянской каеэдрѣ: каеэдра Каченовскаго; заботы правительства о преодолѣваніи частей Славяновѣдѣнія. Общественная мысль и проектъ Шишкова. Кепшенъ и «Библиогр. Листы». Н. Полевой и «Московский Телеграфъ». Формирующійся кружокъ славяноисловъ и «Московский Вѣстникъ» Погодина. Грибодовъ, Бюхельбергъ, кн. А. Одоевскій (декабрь) и славянскія темы. Обратное теченіе: славянскіе патріоты

(Магарашевичъ) и русскія темы. Польская славянская кафедрa въ университетахъ: Виленскомъ (кан. Бобровскій) и Варшавскомъ (пр. Кухарскій). Заслуга Шишкова. Вопросъ о призваніи недостающихъ силъ. Примѣръ Петра Великаго и его преемниковъ. Вызовъ карпато-русскихъ ученыхъ при имп. Александрѣ, въ 1804 и 1820 годахъ. Дѣло призыва вѣряется Шишковымъ Кеппену. Соображенія этого шага.

3. (Стр. 423). Установленіе дружбы Кеппена и Ганки въ 1823 г. Переписка Кеппена съ Ганкой за границей и изъ Петербурга. Кеппенъ сближаетъ своихъ пражскихъ друзей съ министромъ Шишковымъ. Переписка обоихъ друзей въ 1825 и 1826 г. Кеппенъ и Палацій, Добровскій. Кеппенъ рѣшаетъ оставить Петербургъ, ожидаемая ликвидация славянскихъ интересовъ и — переведеніе пражскихъ друзей въ Россію. Заслуги Кеппена въ укладкѣ взаимности между нами и зап. славянами. Славянскій караванъ на Сѣверъ.

4. (Стр. 431). Письмо Кеппена къ Ганкѣ 18 ноября 1826 г. — о славянской кафедрѣ Шишкова, только что женившагося. Анализъ содержанія письма. Намѣченные первые кандидаты призыва: Ганка, Шварцъ и Палацій. Участіе Шишкова въ этомъ. Тожественное обращеніе Кеппена къ Копитару о кандидатахъ отъ второй «главной вѣтви слав. племени». Отношеніе Копитара — насмѣшка. Содержаніе отвѣта Ганки: Челаковскій подставляется на Палаціева мѣсто. Характеристика милостиваго эстетика — Палаціева. Характеристика друга славянской епикологии, нищаго поэта Челаковского. Челаковскій отвѣчаетъ выѣзду съ Ганкой Шишкову на письмо Кеппена. Радость Челаковского въ письмахъ къ своимъ друзьямъ: Планку, Камариту. Общій восторгъ «русомановъ»: Юнгманна, Марка. Второе письмо Кеппена о призывѣ: странность его содержанія — вопросъ о славянской кафедрѣ нѣсколько уже колеблется. Гдѣ возможная причина колебанія? Проектъ акад. Паррота о корпусѣ профессоровъ изъ туземцевъ тогда же и отношеніе къ нему министра, Сперанскаго и гр. Строганова. Большинство членовъ «Комитета устройства учебныхъ заведеній», вѣроятно, противъ призванія славянъ. Дальнѣйшая переписка Кеппена и Ганки: шансы славянской кафедрѣ болѣе и болѣе слабѣютъ. Ослабленіе самой переписки. Долгая и твердая вѣра въ «кафедру» въ Прагѣ: Челаковскій въ письмахъ къ Камариту въ 1827 и 1828 годахъ. 1829 годъ, почти разочарованіе. Вѣроятное безвѣріе одного Ганки. Нависшимъ, напраснымъ утѣшеніемъ Кеппена. Паденіе проекта о славянской кафедрѣ выѣзду съ паденіемъ Шиш-

нова. Женитьба Шишкова на Дюбаржевской и польскія отношенія въ домѣ русскаго министра.

Б. (Стр. 449). Положеніе Шишкова послѣ неудачи. Уставъ Росс. Академіи 1818 г. и учрежденіе «Славенской Библіотеки». Задача Библіотеки по мыслямъ Шишкова. Она—десять лѣтъ мертвою буквою. Конецъ 1829 г. и про нее вспоминаетъ Шишковъ. Опять дѣло ввѣряется Кеппену. Письмо послѣдняго къ Ганки отъ 1 ноября 1829 г. Анализъ содержанія письма отъ 29 дек. 1829 г. Различное впечатлѣніе въ Прагѣ отъ вторичнаго приглашенія. Неохота Челаковскаго и надежда на медлительность дѣла. Разочарованіе въ послѣднемъ: 7 янв. 1830 высочайшее утвержденіе «Славенской Библіотеки» и всѣхъ трехъ библіотекарей: Ганки, Шааррика и Челаковскаго. Частное извѣстительное письмо Кеппена съ предложеніемъ Челаковскому отъ Академіи объѣхать область русскихъ Карпатъ. Удовольствіе Шишкова: надежды на славянскія работы. Формальное приглашеніе явиться на службу въ Россію отъ Академіи — чрезъ Кеппена. Отвѣтъ Ганки и Челаковскаго. Рововыя надежды послѣдняго. Отеческія заботы Кеппена о путешествіи новыхъ академикомъ. Паладій о вызванныхъ; себя готовитъ на Ганки мѣсто. Воскресеніе въ министерствѣ проекта о славянской наездѣ, по частямъ. Благодарныя отвѣты библіотекарей. Радость Кеппена, Шишкова. Слухи о Библіотекѣ въ Москвѣ, удовольствіе. Неожиданный результатъ.

В. (Стр. 465). Колебаніе Ганки и просьба о командировкѣ. Просьба Шааррика о простой отсрочкѣ, подъ вліяніемъ семейныхъ условій. Соблазнительная комбинація вторая, тогда же, у Шааррика. Запросъ его къ Пурининѣ. Дѣйствіе двойнаго колебанія въ Петербургѣ и колебаніе у Шишкова. Перерѣшеніе въ Академіи, подъ вліяніемъ вліяніемъ Сперанскаго — вопросъ отложенъ. Письмо Шишкова Шааррику отъ 1 дек. 1830 г. въ этомъ смыслѣ. Спокойствіе Шааррика и мучительное состояніе Челаковскаго предъ неизвѣстностью. Частные переговоры Сперанскаго съ Ганкой и Челаковскимъ въ Прагѣ, въ августѣ 1832 г. Условленный новый планъ: «библіотекари» работаютъ для Росс. Академіи въ Прагѣ, за вознагражденіе. Этотъ планъ—изобрѣтеніе Ганки. Радость отъ него Челаковскаго. Шааррикъ долго еще рассчитываетъ на Петербургъ и извѣщеніе Соколова. Отказъ Шааррика отъ Академіи 1 окт. 1832 г. и суетный восторгъ его при слухѣ о переговорахъ Сперанскаго.—Финалъ призванія. Отчаянное положеніе Шааррика въ Новомъ Садѣ: друзья собираютъ фондъ и въ маѣ 1833 Шааррикъ въ Прагѣ. Шааррикъ въ послѣдній разъ изъ Новаго Сада Мадѣвскому. Некрасная

жизнь Шаевина въ Прагѣ. Конецъ. Не лучше судьба и Челаковского. Одинъ Ганна—баловень судьбы.

7. (Стр. 481). Неудача обоихъ славянскихъ проектовъ Шишкова. Соображеніе послѣдствій ея. Потеря Шаевника—двойное горе. Заключительное слово о заслугахъ Шишкова. Шишковъ въ «Дщери Славы» со своимъ славянскимъ агентомъ, Кеппеномъ, и канцлеромъ. Осуществленіе обоихъ славянскихъ проектовъ Шишкова, чрезъ немногo лѣтъ, гр. Уваровымъ.

Приложенія . . . . . I—CXLIY

I. Переписка юсуд. канцлера гр. Н. П. Румянцева съ управляющимъ Моск. юсуд. Колл. иностр. дѣлъ Архивомъ, Н. Н. Баттышевъ-Каменискимъ, оба изданія «Собранія юсуд. гр. и договоровъ» 1811—1814 годы . . . . . III—XLI (Указатель къ ней—стр. V—VI).

II. Матеріалы для исторіи Румянцеваго Кружка (письма канцлера къ А. Ѳ. Малиновскому, бумаги «Коммисіи печатанія» и пр.) 1814—1825 . . . . . XLIII—XCIV (Перечень Матеріаловъ—стр. XLV—XLVII).

III. Н. И. Гречъ П. И. Кеппену о своемъ драматическомъ языкѣ 1827 . . . . . XCV—CXV

IV. Письма П. И. Кеппена къ В. В. Ганкѣ 1823—1830 . . . . . CXVII—CXLIY (Временный указатель писемъ—стр. CXLIX).

Указатель личнымъ именамъ . . . . . CXLY—CLII

А мы, среди ксенов и проклятій,
Все тотъ-же пылъ несли къ труднѣмъ.....

И. Аксаковъ.

По порученію Совѣта Университета, въ 30-му августа 1886 года была написана нами актовая рѣчь: «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія». Но, съ измѣненіемъ дня годовичнаго университетскаго собранія, она была произнесена 1-го мая 1887 года.

Приготовляя эту рѣчь къ печати, мы нашли удобнымъ нѣсколько расширить ея рамки и пополнить, особенно, собранными матеріалами въ Главномъ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, лѣтомъ 1887 года. Плодомъ этой работы и является настоящій опытъ по исторіи отечественнаго Славяновѣдѣнія.

Авторъ, при всемъ желаніи достигъ наилучшихъ результатовъ въ поставленной имъ себѣ задачѣ: уяснить исторію возникновенія славянскихъ студій въ Россіи, обрисовать главныхъ и вторыхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, съ ихъ славянскими стремленіями, заботами и работами, вполне сознаетъ недостатки своего труда: его бѣлыя страницы, неровность, мѣстами отрывочность изложенія и пр. Но онъ позволяетъ себѣ надѣяться, что трудъ его, и въ этомъ своемъ видѣ, не будетъ бесполезенъ, возбуждая опять и опять наше благоговѣйное вни-

маніе къ дѣтелямъ стараго времени, достойнымъ самаго теплаго чувства отъ своихъ потомковъ, что попытка его: представить незабвенные годы изъ исторіи русской научной мысли первой четверти текущаго столѣтія — эпохи канцлера Румянцова — въ одной связной картинѣ, отыметъ въ открытіи славянской университетской каяедры 1835 года характеръ случайности, эпизодичности, прибавить къ исторіи Екаторининской Академіи и біографіи благороднаго Шипкова одинъ, другой фактъ.

Въ заключеніе, авторъ вмѣняетъ въ пріятный для себя долгъ принести признательность своему Университету за напечатаніе книги, Главному-же Московскому Архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, въ лицѣ д. т. с. барона А. Ѳ. Бюллера и его сотрудниковъ: В. А. Ульяницкаго и М. П. Пудило, за любезное предоставленіе документовъ и помощь.

Въ «Приложеніяхъ» I, № 1, дано точное fac-simile почерка гр. Румянцова.

Авторъ

23 января 1888 г.
Одесса

Цѣна тома 2 р. 50 к. (томы 1,27,38,42,43,44,45--
32,35—4 р., 29,33,34—4½ р., 30—3½ р.)

**Складъ изданія въ университетѣ. Выписка чрезъ всѣ
газеты Одессы.**

„Записки Императорскаго Новороссійскаго У
выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 2 до 3 то
отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ,
тежами, альбомами.

Редакціи періодическихъ изданій, которыя
вступитъ съ редакціей «Записокъ» въ обмѣнъ сво
благоволятъ обращать свои заявленія въ Правленіе
россійскаго Университета.

Редакторъ: орд. проф. А. Кс

Цѣна XLVI т. 3 руб.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW.

STATE STUDY
CHARGE

маніе къ
теплаго
представ
ной мы
канцлер
метъ в
1835 г
вить
благор
Е
себя д
за на
мини
А. Е
и М
тов
по

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STATE STUDY
CHARGE

